

СОЦИАЛИЗМ

ИСТОРИЯ БЛАГИХ НАМЕРЕНИЙ

АЛЕКСАНДР СТАНКЕВИЧЮС

Александр Монович Станкевичюс

Социализм. История благих намерений

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67618850

Социализм. История благих намерений / Александр Станкевичюс:

Реноме; Санкт-Петербург; 2022

ISBN 978-5-00125-563-5

Аннотация

Книга известного культуролога и публициста Александра Станкевичюса является весьма любопытным исследованием природы социалистических идей, их генезиса от протосоциалистических воззрений Античности до современных движений ЛГБТ и BLM.

При этом значительное место в повествовании уделено теории и практике социализма в России. Подобное комплексное исследование социалистического феномена является уникальным для русскоязычной литературы околополитической тематики. Особый интерес вызывает то, что автор достаточно критично относится к предмету своего изучения, а сама работа представляет собой старающийся оставаться максимально объективным взгляд на социализм «справа». Данный труд будет интересен всем интересующимся актуальной политической

теорией, историей политических учений и социализмом как явлением.

Содержание

Предисловие	9
Часть 1	18
Основные идеи социалистического учения	27
Рай на Земле	27
Данности не существует. Борьба с природой	29
Частная собственность – источник несправедливости	35
Традиционный брак – основа неравенства и эксплуатации	38
Религия как оправдание неравенства и эксплуатации	43
Отрицательное отношение к разделению труда	46
Рационализация экономики	52
Революция	54
Добровольная община и масштабный эксперимент	56
Социализм от древности до XIX века	58
Древний протосоциализм	58
Были ли первые христиане социалистами?	72
Еретический коммунизм Средних веков	87
Томас Мюнцер и его протосоциализм	93

Моравские анабаптисты и Мюнстерская коммуна	97
Утопический социализм	105
Французские социалисты	157
XIX век	179
Часть 2	210
Русский социализм XIX – начала XX века	210
Как коммунисты пришли к власти в России	251
Владимир Ильич Ленин, архитектор новой социалистической государственности	272
Ложные декреты и постановления	295
Красный террор 1917–1923	322
Нэп и его провал	378
Научный коммунизм ведет наступление на отсталую деревню	397
Сталинская индустриализация: не догнать и не перегнать	441
Ленд-лиз и вклад Запада в победы на Восточном фронте	484
Борьба социалистов с христианской религией в России	499
Провал социалистической экономики СССР	532
Неравенство, эксплуатация и дискриминация в СССР	568
Реализация социалистической политики в СССР в области семьи	637

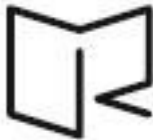
Социализм в СССР после Второй мировой войны – русификация и отказ от основ	661
Часть 3	676
Национал-социализм	688
Социализм и голод	746
Социализм и концлагерь	788
Социализм и казни	852
Социализм и война	894
Социализм и нищета	920
Социализм и роскошь	965
Социализм и терроризм	989
1968. новый социализм	1010
Кто поддерживает новый социализм	1043
Преодоление человека	1058
Заключение	1075
Список литературы	1082

Александр Станкевичюс Социализм. История благих намерений

ECONOMICS & HISTORY

В оформлении обложки использован рисунок «Освобождение рабочих» (Lucea Noua, 1895, № 11)

PENOME

Предисловие

Вы держите в руках книгу, ставшую плодом кропотливой работы, в ходе которой было прочитано немало научных исследований и документов, получены ценные советы и произошли вдохновляющие события. Эта книга посвящена социализму – его истории, деяниям тех, кто называл себя социалистом и проповедовал его, попыткам построить социалистическое общество.

Меня всегда интересовал феномен социализма. Я считаю, что социализм – это исторический феномен, выраженный в самых разных сферах человеческой деятельности, а не просто политическая идеология, которая появилась в какой-то момент, а затем стала популярной. Его надо изучать, с ним нужно работать, и его необходимо воспринимать всерьез. Социализму стоит посвятить отдельную научную дисциплину, но, пока этого не сделано, необходимо его деконструировать.

Деконструкция означает разрушение стереотипов и включение в новый, соответствующий требованиям современности контекст. О социализме многие думают как об идее, которая учит обобществлению средств производства и социальным гарантиям от государства через высокие налоги. Это большое заблуждение, ведь за этим стоит нечто большее, что служит идейной основой для подобных мер. Стереотипное

понимание социализма лишено глубины и навязано нам в том числе в целях сокрытия истинной его природы.

Социализм – феномен с очень богатой и древней историей. Как цельная, стройная, теоретическая система он возник из философско-политэкономических работ Фридриха Энгельса и Карла Маркса и быстро, словно вирус, стал распространяться среди европейских интеллектуалов, обещая своим адептам неизбежное крушение капитализма (точнее, той экономической системы, в которой жили и работали эти авторы) и рай на Земле – впрочем, не сразу, а спустя время, за которое должны произойти события, обусловленные закономерностями развития истории. Но сама история социализма гораздо богаче и насчитывает несколько тысяч лет. На протяжении всего своего развития социалистические установки обретали большую ясность, пройдя через сложные перипетии судьбы различных народных движений и сект Древности и Средневековья, утопических проектов интеллектуалов и политических обществ Нового времени. В конце концов, после мучительных трансформаций многочисленных социалистических кружков в серьезные политические движения, а затем и в партии, ради чего все и задумывалось, социализм обрел свою первую государственность в конце 1917 г. на огромной территории, некогда называвшейся Российской империей. Партия большевиков, как движущая сила социалистической революции, заменила российскую государственность партийной, а затем схожий сценарий повто-

рился во многих других странах.

Ошибочные представления о законах экономики и очевидное несоответствие образа жизни социалистических лидеров проповедуемым ими идеям (хотя бы в социальном отношении – это журналисты, писатели, авантюристы, мещане и т. д., а не пролетарии и даже не эксплуатируемые угнетаемые классы вообще) не помешали социализму завоевать умы целых поколений и через поддержку мощного пролетарского класса прийти к власти. Эти социалисты, к сожалению, многое сделали такого, что затормозило социально-культурное и институциональное развитие России.

Сегодня в мире насчитываются миллионы социалистов и миллионы людей всерьез воспринимают работы Маркса как труды, где с точки зрения классической политической экономии изложены истинные причины бедности и богатства в современном мире. Однако еще больше Маркс повлиял на социологию XX в., ставшую базой для феминизма, критической теории, теории пересечений и многих других интеллектуальных (а также политических) течений, занявших видное место в культуре современного мира. В той или иной степени все социалисты, независимо от их политической партии и степени «левизны/правизны», обязаны Марксу и ориентируются на его наследие.

Что побудило меня написать эту книгу, которая представляет собой разбор множества вопросов, связанных с социализмом, его историей?

Я искренне считаю социализм серьезной опасностью, с которой уже сталкивалась наша страна и которая никуда не исчезла после крушения СССР. Большевики буквально стерли с лица земли российскую государственность и идентичность, превратив страну в плацдарм для мировой революции, нанеся непоправимый урон культуре и институтам, демографии и психологии нашего общества. Однако по мере того, как социализм терял политическую власть, он все больше приобретал власть над умами. По заветам основателя итальянской компартии Антонио Грамши, социализм превращался все то время, пока большевики теряли политическую хватку, в культурного гегемона. Этот процесс не завершен, но и облегчать ему жизнь не стоит. Я считаю, что важно это **понять**. Благие намерения всегда имели колоссальный потенциал, но также всегда страдали отсутствием конкретики, если дело доходило до общественно значимых действий. Однако обоснование этих действий благими намерениями действует безотказно – миллионы людей готовы идти за все хорошее против всего плохого, особенно если это сопровождается умными словами и красивыми аудиовизуальными эффектами. Социализм – привлекательная идея, которая прекрасно адаптируется под изменения, чему доказательство успешная ревизия Маркса.

Кроме того, общественная дискуссия между, грубо говоря, «левыми» и «правыми» сегодня породила серьезные этические проблемы. Скажем, нельзя всякий раз аргументиро-

вать необходимость красного террора, защищать его, прикрываясь белым террором. Как будто, если бы белые убили сто миллионов большевиков, красный террор можно было бы оправдать. Как будто бы сегрегация в США как-то оправдывала советскую номенклатурную систему. Как будто бы рабовладение в прошлом означает, что можно громить улицы и убивать людей за цвет кожи. Социализм постоянно находит причины обелить себя, обвинить во всем некие внешние факторы, тогда как его собственные неудачи и агрессия на самом деле вызваны внутренними причинами.

Многое познается не столько в сравнении, сколько само по себе. Например, для нашей страны дать окончательную общественно-политическую оценку социалистическому прошлому чрезвычайно важно, и она обязана быть отрицательной – это морально правильно. Дискуссия сегодня превратилась не в поиск истины, а в соревнование, кто кого закидает обвинениями и контртезисами. Социалисты в ответ все время припоминают какие-то грехи капитализма чуть ли не с эпохи Ренессанса и собранные со всего мира по кусочкам, хотя для россиян важно понять, что произошло у них в стране в последние сто лет, а не что было где-нибудь в английских колониях в Бенгалии триста лет назад. В таком потоке информации теряется суть – в этом, собственно, и заключается метод – заглушить факты демагогией общего характера.

Более того, ни английские колонисты, якобы устроившие

голод в Бенгалии в XVIII в., ни американские расисты, ни белогвардейцы никогда нигде не заявляли, что они несут свободу от эксплуатации, вечный мир, экономическое процветание и т. д. Меня крайне раздражает лицемерность социализма, которой просто нет предела. Социалистическая парадигма совмещает в себе ужасающую нищету населения в пределах подконтрольной территории с критикой развитых стран как несправедливых систем, основанных на эксплуатации. Но в то же время мы видим почему-то роскошный образ жизни социалистических вождей и партийной номенклатуры. Ни одна идеология в истории не была настолько противоречива, даже если несла смерть и насилие.

Такие соображения и стали причиной появления этой книги на свет. Разумеется, я искренне желаю одуматься многим людям, которые называют себя социалистами в силу наивности, искренней веры в то, что социализм несет добро и справедливость. Надеюсь, книга поможет им принять правильное решение – ведь правильные решения действительно существуют, мораль объективна, она не подвержена релятивизму или ревизионизму. Надеюсь также, что моя работа поможет сторонникам экономической свободы, консервативных ценностей, патриотам России и всем тем, кто мечтает вернуть нашей стране здоровую идентичность.

Для выполнения своей задачи я не стал акцентировать внимание на «классическом» наборе из работ про социа-

лизм, вроде сталинских репрессий, хотя и они, безусловно, получают свое место в повествовании. Я обращаюсь к деконструкции социализма. Мы «разберем» и «соберем» его, узнаем, что представляет собой этот «зверь» и какие свои черты он пытается от нас «утаить».

Мы начнем с описания социализма как учения (или, как мне нравится даже больше, парадигмы), его проблематики и основных идей. Затем перейдем к истории самых древних социалистических идей и движений, чтобы в этой истории продемонстрировать зачатки того, что потом будет действительно основой для социализма как системы. Это важно, потому что нельзя рассматривать предмет изучения в отрыве от его истории, ибо мы не поймем тогда, как же он превратился в то, что мы видим сейчас (из чего он «собран»). Вторая и третья части моего исследования посвящены социализму в России и в остальных странах соответственно, однако я не буду подробно описывать всю историю СССР вплоть до его крушения в 1991 г. или любого другого социалистического режима, поскольку эта книга посвящена социализму как феномену и историю мы используем не для того, чтобы просто рассказать, что произошло, а для того, чтобы показать, что происходит, когда речь идет о социализме, воплощающемся в практике. Основной акцент в книге сделан на взаимосвязи социалистических идей с их действиями, «смычке» (как любили говорить большевики) типично социалистических архетипов с их практической деятельностью;

периодам роста, а не падения. Будет показано, что кровавый «социалистический XX век» – не результат предательства идей социализма, а, напротив, его закономерное развитие в условиях перехода от утопической, подпольной или общинной формы к национальной, государственной. В третьей части книги мы также разберем, как развивалась социалистическая теория на Западе и во что эволюционирует социализм в XXI столетии.

* * *

Этой книги не появилось бы без благородного понимающего терпения моей жены Ренаты и сына Марка. Ведь пока писалась книга, я не был рядом с ними и не уделял им должного внимания. Так что я остаюсь у них в долгу и обязан вернуть очень много себя. Они мои соавторы в буквальном смысле слова.

Хочу поблагодарить своих товарищей и единомышленников из «конфы», которые помогали советом, переводили непонятные мне моменты в цитатах из английских источников, а также наводили меня на новые идеи: Евгения Алакаева, Филиппа Шальнова, Владимира Бабушкина, Евгения Смирнова. Они точно сделали эту книгу лучше.

Выражаю особую благодарность за серьезную финансовую поддержку в издании книги: Валерию Семилетову, Дмитрию Шканову, Роману Долгополому, Илье Миронову,

Павлу Величковскому, Павлу Кабанчуку, Тимуру Юлдашеву, Леониду Шутову, Вагану Степаняну, Григорию Калмыкову, Егору Егорченко, Александру Попову, Егору Спасову, Виталию Лебедеву, Кириллу Мизитову, Вячеславу Шевченко, Владимиру Вокунадису, Роману Калину, Александру Тену, Артему Нариманову и зрителю с ником Pavel S. Также выражаю благодарность Данилю Минибаеву, Ростиславу Гушину и многим другим зрителям и читателям, которые поддерживали издание книги финансово, что значительно облегчило ее выход, в том числе позволило ей выйти пораньше.

Также хочу поблагодарить замечательное Санкт-Петербургское издательство «Реноме». Я далеко не всегда выражаю свои мысли безупречно, но профессионализм коллектива «Реноме» уже в четвертый раз становится гарантией качественного издания моих работ.

Александр Станкевичюс
Санкт-Петербург, 2021 г.

Часть 1

История социалистических идей до XX века

Социализм представляет собой совокупность политико-экономических и этических учений, ставящих своей целью осуществление кардинальных социально-экономических перемен, которые позволят обществу функционировать на основе абстрактного идеала равенства, братства и социальной справедливости. Для осуществления этой великой цели требуется уничтожить или ограничить все те институты и механизмы социально-экономических отношений, которые порождают, по мнению социалистов, неравенство, иерархию, социальную несправедливость, угнетение человека человеком, – прежде всего религию, частную собственность, разделение труда, наемный труд и традиционный брак. Способы осуществления этой цели разнятся: от революции и установления диктатуры партии до последовательного и постепенного завоевания науки, образования, искусства, средств массовой информации и т. д.; от социальной инженерии и культурной гегемонии до беспощадной классовой борьбы. При этом коллективная собственность и рациональное коллективное ее использование всегда рассматриваются как более совершенный способ существования в усло-

виях ограниченных ресурсов, чем частная собственность и децентрализованное производство и распределение благ.

Многие ошибочно полагают, что социализм – это идеология Робин Гуда, которая призывает заботиться о бедных, делить все несправедливо нажитое имущество богачей и т. п. Это романтизированное представление, мало относящееся к реальности, во всяком случае в том, что касается «научного социализма», появившегося в XIX столетии, а не протокоммунистических сект и левых идей прошлых веков. Так, «научный социализм» не считал разрушение старинного ремесленного производства и крестьянского хозяйства капиталом, который заменил их фабриками с широким использованием наемного труда, – это объективное зло, которое надо обратить вспять. Напротив, он руководствуется здесь совершенно отстраненным от моральных соображений принципом историзма – для «научного социализма» это неизбежный исторический переход от одних производственных отношений к другим, более прогрессивным. Социалистическая критика капиталистической фабрики лишь в том, кто ею владеет, и те же большевики не собирались уничтожить фабрику и «возвращать» рабочим собственные средства производства, а крестьянам – землю. Фабрики должны были быть экспропрированы в «общественное» пользование, при этом сама суть фабричного массового производства сохранилась бы. Крестьянам следовало отказаться от мелких частных хозяйств в пользу коллективного ведения хозяйства, гораздо

более крупного по размеру. Пролетариат – т. е. рабочие фабрик, которых благодаря развитию капитализма становилось все больше, – в «научном социализме» потому считался передовым классом, который должен вести за собой крестьянство, что в силу многолетнего опыта слаженной, тесной, коллективной работы на самых современных заводах и более развитого самосознания себя как угнетенного класса, рабочие уже имеют достаточное представление о классовой организации. Ведь рабочий – это человек, порвавший с прошлым (деревней) и не имеющий ничего, кроме своей работы (своих «оков»). То есть капитализм, каким бы ужасным на страницах «Капитала» Маркса он ни был, служил силой, долженствующей привести людей к коммунизму. Иными словами, если бы капитализма не было, то его следовало бы выдумать, дабы прийти к самой высшей стадии развития социально-экономических отношений. Капитализм порождает передовой класс, благодаря которому в мире воцарится бесклассовое общество – коммунизм. Как писали Николай Бухарин и Евгений Преображенский в своей «Азбуке коммунизма», *«капитализм, как мы видели, роет сам себе могилу потому, что он порождает своих собственных могильщиков-пролетариев, и чем больше он развивается, тем большее количество своих смертельных врагов он плодит и объединяет против себя. Но он не только выращивает своих врагов. Он prepares и почву для новой организации общественного производства, для нового товарищеского, комму-*

нистического хозяйства» [43, с. 49].

После социальной революции и получения политической власти социалистами предполагалось в дальнейшем использование всех прогрессивных технологических наработок капитализма для обеспечения рабочих всеми необходимыми средствами потребления при отсутствии собственности на средства производства. Но рабочий оставался бы рабочим, он не превращался бы обратно в свободного ремесленника или фермера. Управление всем производством и распределением вместо отдельного владельца-капиталиста передавалось бы новым органам власти, построенным по социалистическим принципам и не имевшим права собственности на фабрику (государство, которым управлял бы класс пролетариев, представлялось как временное решение, впоследствии обязанное отмереть). Экономический эффект масштаба от фабрик, общественные столовые в них, обеспечение рабочих при фабриках жильем, медициной, школами и т. д., которые прежде организовывались капиталистами, полностью сохранялись и даже преумножались в социалистическом обществе. Социалистическая экономика постепенно вытесняла бы частное хозяйство из всех оставшихся сфер, подавляя его как своим превосходством в лучшей организации, так и репрессивно-административными мерами. Вот как это представлял себе главный по партийному статусу теоретик экономики раннего СССР Николай Бухарин:

«Нам известно, что в капиталистическом обществе, где

господствует рынок, где разного рода частные предприятия борются друг с другом на этом рынке, конкурируют друг с другом, крупное производство в конце концов вытесняет мелкое, средний капитал отступает перед более крупным капиталом, и, в конце концов, место массы конкурирующих друг с другом предпринимателей, фабрикантов, купцов, банкиров занимают группы крупнейших королей промышленности и банков, которые сосредоточивают в своих руках всю промышленность и торговлю. Развитие рыночной борьбы приводит к тому, что число конкурентов все уменьшается и производство сосредоточивается в руках крупных капиталистических организаций. Нечто по виду похожее будет происходить и у нас и происходит уже и теперь, с той только существеннейшей разницей, что у нас на месте крупнейших королей промышленности и банкиров стоит рабочий класс и трудящееся крестьянство. В самом деле, у нас существуют различные хозяйственные формы, разного рода хозяйственные "предприятия"; у нас есть государственные предприятия, у нас есть кооперативные предприятия, у нас существуют, наконец, частнокапиталистические предприятия и т. д. Наиболее крупное производство находится в руках пролетарского государства. В руках частнокапиталистического хозяйства находятся гораздо менее крупные предприятия в области торговли, в первую очередь розничная торговля, тогда как оптовая торговля (торговля крупная) находится в руках государства; в промышлен-

ности крупное производство точно также находится в руках государства, а на долю частных предприятий придутся лишь предприятия большей частью среднего и мелкого типа. Между этими различными формами предприятий идет хозяйственная борьба, борьба, в которой последнее слово принадлежит покупателю. Покупатель же покупает там, где товар лучше и дешевле. При правильной постановке дела – а такой правильной постановки дела мы все больше и больше добиваемся и все больше и больше достигаем – все преимущества будут на стороне крупного государственного производства, и оно будет забивать в конкурентной борьбе своего частного соперника. Мелкое крестьянское хозяйство, страдая от своей “мелкости”, как мы видели выше, будет восполнять этот недостаток своей кооперативной организацией, поддерживаемой пролетарской государственной властью, и будет поэтому точно также отвоевывать для себя преимущества всякого крупного объединения, используя эти преимущества и выгоды, получаемые от кооперации, в своей борьбе против частного хозяйства кулака. Через борьбу на рынке, через рыночные отношения, через конкуренцию государственные предприятия и кооперация будут вытеснять своего конкурента, т. е. частный капитал. В конце концов развитие рыночных отношений уничтожит само себя, потому что, поскольку на почве этих рыночных отношений с их куплей-продажей, деньгами, кредитом, биржей и т. д. и т. п. государственная промышлен-

ность и кооперация подомнут под себя все остальные хозяйственные формы и постепенно вытеснят через рынок их до конца, постольку и сам рынок рано или поздно отомрет, ибо все заменится государственно-кооперативным распределением производимых продуктов» [42, с. 60–61]. Нетрудно заметить, что описанная Бухариным схема очень похожа на ту, что ранее использовали капиталисты на страницах «Капитала» Маркса, в борьбе с ремесленниками и свободными крестьянами – вытеснение мелких конкурентов за счет масштаба и эффективности. Вот почему большевики вполне восхищались американской и немецкой промышленностью, где капиталистическое производство, и в особенности его масштабы, достигли наибольшего развития.

В сборнике К. Каутского, Э. Бернштейна, К. Гуго и П. Лафарга «История социализма» много внимания уделено практикам протосоциалистических общин и теориям утопистов, где производство и быт были централизованно организованы и обобществлены, прямо как на фабрике. Авторы книги, социалисты по убеждениям, лично знакомые с Марксом, с большой симпатией относятся к левым утопическим идеям (Дж. Уинстенли, Т. Мора, Дж. Гаррингтона, П. К. Плокбоя, Дж. Беллера) и опыту средневековых протосоциалистических общин (бегарды, лолларды, мюнстерская коммуна, табориты и т. д.). Социализм с теплотой относится к устроению общества по принципу одной большой рационально функционирующей фабрики, хотя именно ранним т. н. «капита-

листам» промышленной эры принадлежит первенство практиков такого общества в локальном масштабе. В конечном счете здесь ничего удивительного нет, ведь социализм невозможно реализовать децентрализованным «естественным путем», т. е. свободной волей множества людей, у которых есть разные экономические цели и этические взгляды. Социалистическому проекту необходима сильная централизация и полный контроль над экономикой, чтобы привести свои кардинальные социально-экономические перемены в жизнь.

Это стало причиной распространенного заблуждения о том, что любое государственное вмешательство в экономику – это социализм. Например, в книге Хесуса Уэрты де Сото «Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция» утверждается, что социализмом можно назвать *«любую систему институциональной агрессии (вмешательства) против свободы человеческой деятельности или предпринимательства»* [331, с. 29]. Я не могу согласиться с данным утверждением, поскольку тогда мы получаем невероятную путаницу. Не всякое вмешательство государства в экономику имеет под собой социалистические основания, как и не всякий сторонник государственного вмешательства является социалистом, даже если это происходит системно, скажем, во время длительных войн и эпидемий. Исходя из определения де Сото, максимум, на что можно пойти, это признать существование «государственного социализма» – внутренней политики, призванной решить со-

циально-экономические проблемы общества, в том числе за счет самой богатой его части, но лишенной идейной основы социалистического учения. Социализм представляет собой отнюдь не только экономический государственный «дирижизм» и исторически даже мог его не включать вовсе. Важно понимать, что социализм динамичен и находится в постоянном историческом движении, имея в качестве «двигателей» определенные основополагающие установки. Для социализма регулирование экономики не конечная цель, а средство для достижения определенного состояния общества. Регулирование снижает экономическую значимость частной собственности, а значит, помогает ослабить эту фундаментальную причину несправедливости (о чем мы далее поговорим).

Прежде чем перейти к истории «благих намерений», разберем основные идеи, характерные для социалистического учения, т. е. эти самые намерения.

Основные идеи социалистического учения

Любое учение представляет собой парадигму, состоящую из определенных концепций, шаблонов, постулатов и т. д. Но что входит в парадигму социализма? На этот вопрос сегодня не каждый сможет ответить, так как без исторической ретроспекции можно выдать лишь желаемое за действительное или некий «мем», имеющий лишь отдаленное отношение к предмету. Далее я предлагаю следующие составляющие социалистической парадигмы, которые мне удалось обнаружить (что будет показано в книге) на протяжении всей истории социалистического учения у тех или иных авторов, коих мы более-менее консенсусно считаем представителями социализма.

Рай на Земле

«Никакими книжками и никакой проповедью нельзя просветить пролетариат, если его не просветит его собственная борьба против темных сил капитализма. Единство этой действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на Земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе», – писал Ленин в статье «Социализм и религия» [188, с. 51]. Как и социали-

сты прошлых эпох, Ленин верил в возможность создания на Земле и при земной жизни таких условий, которые вполне могут быть описаны словом «рай». Это неотъемлемая черта «коллективного бессознательного» людей с левыми убеждениями, являющаяся полной противоположностью пессимистической веры в «золотой век», также уходящей корнями в глубину веков. Если пессимисты обращены к прошлому как к источнику прекрасного, то социалисты более оптимистичны – для них всё лучшее находится не в прошлом и не в настоящем, а в будущем. Социализм в некотором роде следует архетипу Вавилонской башни, которую люди решили построить до самого неба в момент наивысшего своего материального расцвета (но все оканчивается крахом). Некоторые полагали, что социализм в своем оптимизме копирует христианство с его верой в Новое Небо и Новую Землю, однако это некорректное сравнение, так как в христианстве существует и «золотой век» (мир до грехопадения) и надежда на Царство Небесное, но не Земное. При этом идея рая на Земле для христианства представляется принципиально невозможной, для социализма же это единственное место, где рай возможен. Но как достичь его? Преодолев всё, что мешает его достижению. А это – долгий путь, длиной в историю, в ходе которой люди ведут свою борьбу с природой и побеждают ее.

Данности не существует. Борьба с природой

Социализм исходит из того, что человечество можно кардинально улучшить – отсюда его презрение к биологическим детерминантам и религии либо же искаженное восприятие детерминант генетики и догматов религии, ибо последние оперируют с такой вещью, как «данность». Данность – это то, что есть независимо от нашей воли, ее нельзя отменить декретом, пропагандой, технологическим улучшением и т. д. Такие взгляды можно назвать прогрессизмом, но не в смысле объективно возможных улучшений нашего быта или реформ политического и социально-экономического устройства, а в смысле радикального переделывания общества и человека под «прогресс» в рамках вполне конкретного учения.

Как писал неомарксистский философ Герберт Маркузе в своей книге «Одномерный человек»: *«История есть отрицание Природы. То, что является только природным, преодолевается и восстанавливается силой Разума. Метафизическое представление о том, что Природа в ходе истории приближается к себе самой, указывает на неосвоенные пределы Разума»*¹ [211, с. 310]. И он же: *«...как процесс диалектический, исторический процесс включает в себя созна-*

---

¹ Здесь и далее в приводимых в книге цитатах выделения полужирным сделаны мной. – А. С.

ние: распознавание и овладение возможностями освобождения. Следовательно, он включает в себя свободу. В той степени, в какой сознание определяется потребностями и интересами существующего общества, оно “несвободно”; но в той степени, в какой существующее общество иррационально, сознание становится свободным для более высокой исторической рациональности только в борьбе против существующего общества. В этой борьбе – разумное основание истины и свободы негативного мышления. Таким образом, согласно Марксу, пролетариат является освободительной исторической силой только как революционная сила; решительное отрицание капитализма происходит в том случае и тогда, если и когда пролетариат приходит к осознанию себя наряду с условиями и процессами, формирующими его общество. Это осознание – одновременно и предпосылка, а элемент отрицающей практики. Вот почему это “если” существенно для исторического прогресса – как элемент свободы (и вероятности успеха), открывающей возможности победы над необходимостью данных фактов. Без этого история вновь возвращается во тьму непокоренной природы» [211, с. 292–293].

Для социализма «естественное», природное, «данное» не имеет положительного смысла. Человек живет в постоянной борьбе с враждебным окружением. Для этого он создает орудия труда, оружие, развивает технологии, упрощающие ему жизнь. Этому процессу не видно конца, во всяком случае

до тех пор, пока технологический уровень не позволит совершить качественный скачок вперед. Тело человека, со всеми его недостатками, также является природным, но не данностью, с которой человек обязан смириться. Если технологии позволят, то можно обойти и это ограничение. Технологии, кажется, с определенного момента всегда опережают социальные институты, которые закрепляют положение дел, возникшее до того, как технологии стали такими развитыми, и не позволяют совершить рывок. Поэтому рано или поздно происходит социальная революция, рано или поздно нужно покончить со старыми отношениями и построить новые, актуальные по отношению к текущему уровню технологического развития.

Эти процессы описаны в терминах, получивших широкую известность: базис и надстройка. Карл Маркс в работе «К критике политической экономии» пишет, что *«в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социаль-*

ный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства – от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше,

чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» [203, с. 1083].

Видный русский марксист Георгий Плеханов говорил, что Маркс решил ту задачу, что не удалось решить немецким идеалистам, – выяснить движущие причины исторического развития. Эта причина – воздействие человека на внешнюю природу в целях собственного выживания. *«Великая научная заслуга Маркса заключается в том, – пишет Плеханов, – что он подошел к вопросу с диаметрально противоположной стороны, что он на самую природу человека взглянул как на вечно изменяющийся результат исторического движения, причина которого лежит вне человека. Чтобы существовать, человек должен поддерживать свой организм, заимствуя необходимые для него вещества из окружающей его внешней природы. Это заимствование предполагает известное действие человека на эту внешнюю природу. Но, “действуя на внешнюю природу, человек изменяет свою собственную природу”. В этих немногих словах содержится сущность всей исторической теории Маркса...» [265, с. VI].* Как происходит это изменение? Как, выражаясь словами Энгельса, происходит «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»? Плеханов отвечает: *«...когда созданные капиталистической эпохой могу-*

чие средства производства перейдут в общественную собственность и когда производство будет организовано соответственно общественным потребностям, тогда люди станут, наконец, господами своих общественных отношений, а тем самым сделаются господами природы и самих себя. Только тогда она начнут сознательно делать свою историю; только тогда приводимые ими в действие общественные причины будут вызывать все в большей мере желательные для них действия» [265, с. 66].

Социализм призывает человечество стать господином и внешней природы, и самого себя. В новейшее время этот призыв приведет к самым неожиданным выводам, о чем мы поговорим в последней части книги.

Сама идея «надстройки», хотя отчасти и оправдана с исторической точки зрения, но буквально обесценивает не только традиции, которые действительно могут изменяться и могут быть вредны, но и основополагающие институты цивилизации. Таким образом можно прийти к выводу, что вообще не существует никаких «вечных ценностей», естественных прав, неотъемлемых и освященных временем обычаев, хороших традиций и практик, нет данности, которой мы обязаны придерживаться. Все это является лишь надстройкой над базисом, обусловленной этим самым базисом, и якобы вредно для дальнейшего прогресса. Для большинства людей технологический прогресс, несомненно, рассматривается как благо, однако не все готовы использовать могучие средства про-

изводства для отказа от всего, что делает нас нами, что формирует нашу идентичность. Прогресс ради прогресса убедителен не для всех. Скажем, мы привыкли воспринимать брак как союз мужчины и женщины, но в социализме это всего лишь часть надстройки, которая рано или поздно будет отменена. Также и религия, которая существует тысячи лет и служит основой для культуры любого народа, в социализме может иметь сначала прогрессивный характер, но затем превратиться в фактор торможения прогресса, закрепления устаревших отношений. Институт государства в целом тоже должен отмереть за ненужностью. Так – в теории – могло бы произойти при коммунизме, если бы он состоялся.

Частная собственность – источник несправедливости

Социализм не терпит частной собственности. Само собой, она представляет для социалиста не *«природное право человека... священное и неприкосновенное»* [167], как сказано в знаменитой антисоциалистической энциклике папы римского Льва XIII, а результат исторического развития, в ходе которого *«частная собственность могла сохраняться только благодаря нарушениям права собственности»* [408, с. 150]. В «Манифесте Коммунистической партии» 1848 г. читаем: *«Все отношения собственности были подвержены постоянной исторической смене, постоянным истори-*

ческим изменениям. Например, французская революция отменила феодальную собственность, заменив ее собственностью буржуазной. Отличительной чертой коммунизма является не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности. Но современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение такого производства и присвоения продуктов, которое держится на классовых антагонизмах, на эксплуатации одних другими. В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности» [205]. Когда говорится не об «отмене собственности вообще», не стоит тешить себя иллюзиями, что какая-то собственность все же останется. Речь идет о социалистической собственности, т. е. обобществленной, а по факту – отмене той собственности, которую мы привыкли понимать как таковую. Если для большинства людей идея о праве на собственность интуитивно понятна и эта идея укоренена по меньшей мере в европейской цивилизации, начиная со времен Римской империи, то для социализма сам институт частной собственности предстает как надстройка над базисом.

Однако здесь следует сделать важное уточнение. Во-первых, причина, по которой социализм так ненавидит собственность, заключается в том, что он видит в ней источник эксплуатации, неравенства, несправедливости, нищеты большинства при роскошном образе жизни меньшинства.

Как выразился солдат-коммунист из книги А. Брауна «Взлет и падение коммунизма», «любой частник подобен раковой клетке – он стремится поразить весь политический организм» [36, с. 10]. Действительно, еще Маркс писал, что капитал безудержно стремится к порождению самого себя, к самовозрастанию. А частная собственность на средства производства, на все, что позволяет создавать капитал (по сути, все то, что накапливается сверх основных потребностей) – основа капиталистических отношений. Однако – и это уже во-вторых – так было не всегда. Многие социалистические движения прошлого, т. е. те движения, что пытались осуществить социалистические идеи до появления в XIX в. «научного социализма», допускали частную собственность на средства производства при обобществлении средств потребления. Как объяснял это Карл Каутский, иначе и быть не могло в тех конкретных экономических условиях, т. е. в эпоху античности и феодализма. Напротив, современный «научный социализм» допускает личные предметы потребления при обязательном обобществлении средств производства. Пожалуй, неким промежуточным звеном в развитии этой мысли была «Утопия» Томаса Мора, который уже давал описание обобществленного производства. Заметным отличием между протосоциалистическими идеями и «научным социализмом» можно назвать также отношение к потреблению. Для первого потребление основывалось на принципах умеренности, а иногда и аскетизма, что сочеталось с лю-

бовью к труду. Для второго, напротив, характерны ожидания увеличения потребления после наступления коммунизма как конечной стадии развития общества, изобилие материальных благ, сочетающееся все более сокращающейся необходимостью заниматься физическим трудом. Позднее, во второй половине XX в., на Западе в левой среде снова стало модно критиковать потребление, угрожающее природе и обществу.

Традиционный брак – основа неравенства и эксплуатации

Еще одним источником эксплуатации во все времена для социализма является моногамный традиционный брак. Уже протосоциалистические идеи, начиная с Платона, пытаются разрушить этот «ужасный» источник угнетения путем обобществления жен и общественного воспитания детей, отрыва их от биологических родителей и разрыва уз экономической зависимости между членами семьи (прежде всего, жены от мужа и детей от отца). В этом отношении социалистические идеи мало изменялись на протяжении веков в своем неугомонном стремлении уничтожить институт моногамного брака, ведь именно последний в своем «эгоизме» порождает частную собственность и укрепляет ее как институт.

И протосоциалистические, и социалистические авторы рассматривали моногамный и нерасторжимый брак как

нечто несовместимое с искренней любовью и настоящими чувствами. Об этом много написано у Ф. Энгельса в его «Происхождении семьи, частной собственности и государства», своего рода «сумме» социалистического опыта познания семьи и брака. В частности, он пишет: *«Но при этом от моногамии безусловно отпадут те характерные черты, которые ей навязаны ее возникновением из отношений собственности, а именно, во-первых, господство мужчины и, во-вторых, нерасторжимость брака. Господство мужчины в браке есть простое следствие его экономического господства и само собой исчезает вместе с последним. Нерасторжимость брака – это отчасти следствие экономических условий, при которых возникла моногамия, отчасти традиция того времени, когда связь этих экономических условий с моногамией еще не понималась правильно и утрированно трактовалась религией. Эта нерасторжимость брака уже в настоящее время нарушается в тысячах случаев. Если нравственным является только брак, основанный на любви, то он и остается таковым только пока любовь продолжает существовать. Но длительность чувства индивидуальной половой любви весьма различна у разных индивидов, в особенности у мужчин, и раз оно совершенно иссякло или вытеснено новой страстной любовью, то развод становится благодеянием как для обеих сторон, так и для общества. Надо только избавить людей от необходимости брести через ненужную грязь бракоразводного процесса»* [408,

Можно еще сказать, что социалисты выступали против браков по расчету, действительно весьма распространенных в прежние времена, особенно среди буржуазии и аристократии. В их представлении подобный брак был сродни проституции. Однако такие специфические отношения, отнюдь не являющиеся необходимой чертой моногамного брака, распространяются на него как имманентные ему. «Манифест Коммунистической партии» повторяет многовековые «догматы» социализма касательно брака: *«Или вы упрекаете нас в том, что мы хотим прекратить эксплуатацию детей их родителями? Мы сознаемся в этом преступлении... Коммунисты не выдумывают влияния общества на воспитание; они лишь изменяют характер воспитания, вырывают его из-под влияния господствующего класса... Коммунистам можно было бы сделать упрек разве лишь в том, будто они хотят ввести вместо лицемерно-прикрытой общности жен официальную, открытую. Но ведь само собой разумеется, что с уничтожением нынешних производственных отношений исчезнет и вытекающая из них общность жен, т. е. официальная и неофициальная проституция»* [205].

Маркс писал о семье (его цитирует Энгельс в своей работе «Происхождение семьи...»): *«Современная семья содержит в зародыше не только рабство (servitus), но и крепостничество, так как она с самого начала связана с земледельческими повинностями. Она содержит в миниатюре все те*

противоречия, которые позднее широко развиваются в обществе и в его государстве» [408, с. 76]. Об этом же высказывался видный немецкий социалист Август Бебель в работе «Женщина и социализм»: «Женский пол в своей массе страдает в двойном отношении: во-первых, он страдает вследствие социальной и общественной зависимости от мужчин – эта зависимость может быть ослаблена, но не устранена формальным уравнением женщины перед законами и в правах, – он страдает и от экономической зависимости, в которой находятся женщины вообще и пролетарские женщины в особенности, наравне с пролетариями-мужчинами. Из этого вытекает, что все женщины, без различия их социального положения, как пол, находящийся вследствие нашего культурного развития в подчинении у мужчин, заинтересованы в том, чтобы это состояние, поскольку это возможно, уничтожить путем изменения законов и перестройки существующего государственного и общественного порядка. Но огромное большинство женщин живейшим образом заинтересовано также и в том, чтобы существующий государственный и общественный строй был коренным образом преобразован, чтобы было устранено как рабство наемного труда, от которого больше всего страдает женский пролетариат, так и половое рабство, неразрывно связанное с нашими имущественными и производственными отношениями» [22, с. 43].

Ленин прекрасно понимал, как уничтожить традицион-

ную семью путем отрыва женщины от домашнего очага и эксплуатации ее на общественном производстве во благо государства: *«Женщина продолжает оставаться домашней рабыней, несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, оупляет, принижает мелкое домашнее хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервливаюющею, оупляющею, забивающею. Настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, массовая перестройка его в крупное социалистическое хозяйство. Второй и главный шаг – отмена частной собственности на землю, фабрики, заводы. Этим и только этим открывается дорога для полного и действительного освобождения женщины, освобождения ее от “домашнего рабства” путем перехода от мелкого одиночного домашнего хозяйства к крупному обобществленному»* [168].

Таким образом Ленин считал, что работа женщины на крупном общественном хозяйстве есть освобождение женщины. Верно здесь то, что занятая на «ничейном» предприятии (в колхозе, на государственном заводе или стройке), трудящаяся исключительно ради общественного интереса женщина будет просто лишена личного времени, возможности строить личные отношения с тем мужчиной, к которому у

нее есть чувственная привязанность и желание дарить плоды своего времени и труда только ему и потомству, полученному от него.

Но Ленин называл этот процесс освобождением, хотя в действительности данный процесс есть не что иное, как обобществление женщин и использование их рабочей силы в общегосударственных целях.

Религия как оправдание неравенства и эксплуатации

Враждебные взаимоотношения социализма и религии обусловлены тем, что религия представляется социалистам источником неравенства и эксплуатации, так же как традиционная семья и частная собственность. Религия оправдывает существующее положение вещей, оправдывает неравенство, держит угнетаемые классы в узде, не давая им осознать свое тяжелое положение. Карл Маркс в газете *Rheinischer Beobachter* писал: *«Социальные принципы христианства оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество и умеют также, в случае нужды, защищать, хотя и с жалкими ужимками, угнетение пролетариата. Социальные принципы христианства проповедают необходимость существования классов – господствующего и угнетенного, и для последнего у них находится лишь благочестивое пожелание, дабы первый ему*

благодетельствовал. Социальные принципы христианства переносят на небо обещанную консисторским советником компенсацию за все испытанные мерзости, оправдывая тем самым дальнейшее существование этих мерзостей на земле. Социальные принципы христианства объявляют все гнусности, чинимые угнетателями по отношению к угнетенным, либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое господь в своей бесконечной мудрости ниспосылает людям во искупление их грехов. Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, смирение, покорность, словом – все качества черни, но для пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались как с чернью, для пролетариата смелость, сознание собственного достоинства, чувство гордости и независимости – важнее хлеба. На социальных принципах христианства лежит печать проньриливости и ханжества, пролетариат же – революционер» [207, с. 204–205].

Почти то же самое мнение мы находим в работах Владимира Ленина: «Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п. Того, кто всю жизнь

работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия – род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь» [173, с. 142–143].

На самом деле, воинственное, негативное отношение к религии у социалистов появилось отнюдь не с Маркса, а систематический террор против института религии и ее представителей, который различные протосоциалистические и коммунистические движения устраивали на протяжении истории, не является изобретением большевиков. Еще в XVI в. протокоммунисты, возбужденные Реформацией, призывали убивать священников – и как можно больше. Арчи Браун в своем «Взлете и падении коммунизма» пишет, что «в начале XVI в. революционные писатели и проповедники в Германии отличались наибольшей суровостью кар, призываемых на головы противников придуманного ими эгалитарного общественного порядка. Один из таких проповедников, подлинное имя которого неизвестно (историки обычно называют его «верхнерейнским революционером»), утверждал, что путь к тысячелетнему царствованию Христа пролегает через рез-

ню и террор. Он предсказывал, что по 2300 священников будут убивать ежедневно в кровавой бане, которая продолжится четыре с половиной года. Но в своем революционном пыле он не переходил определенные границы, не призывая, например, к расправе над императором. Вместе с тем он выступал как сторонник отмены частной собственности и писал по этому поводу следующее: «Сколько вреда протекает из своекорыстия!.. Поэтому необходимо, чтобы все богатства стали одним общим богатством, и тогда можно будет обойтись одним пастухом на все стадо» [36, с. 23]. Или как выразился французский социалист XVII столетия Жан Мелье: «Я желал бы, чтобы все великие и благородные мира сего были повешены на поповских кишках или задушены ими» [136, с. 767].

Отрицательное отношение к разделению труда

Критика разделения труда не всегда предстает нам очевидной в сочинениях социалистов, и ей уделяется куда меньше внимания у критиков социализма, тем не менее эта идея очень важна. Маркс в первом томе «Капитала», в главе XIII «Машины и крупная промышленность», писал, что «разделение труда делает эту рабочую силу односторонней, превращая ее в совершенно частичное искусство управлять отдельным частичным орудием», и далее: «...характер само-

стоятельности и отчужденности, который капиталистический способ производства вообще придает условиям труда и продукту труда по отношению к рабочему, с появлением машин развивается в полную противоположность между рабочими, с одной стороны, условиями труда и продуктами труда – с другой», – заключая в целом, что «средство труда убивает рабочего», «при автоматической системе талант рабочего все более вытесняется» [204]. Таким образом, разделение труда, т. е. участие рабочего на предприятии не в полном цикле производства одного блага, а лишь в небольшой его части (что усугубляется с развитием машинного производства), превращает этого рабочего в исполнителя примитивного движения, отчуждает его от продукта его труда и профессионального рода деятельности, убивает его талант, нивелирует его.

Более подробно отрицательное отношение к разделению труда выражено у Маркса и Энгельса в работе «Немецкая идеология»: «...вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом; притом этот общий интерес существует не только в представлении как “всеобщее”, но прежде всего он существует в действительности в качестве взаимной зависимости индивидов, между которыми разделен труд. И наконец, разделение труда дает нам также и первый пример того, что пока люди находятся в стихий-

но сложившемся обществе, пока, следовательно, существует разрыв между частным и общим интересом, пока, следовательно, разделение деятельности совершается не добровольно, а стихийно, – собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней. Дело в том, что, как только появляется разделение труда, каждый приобретает свой определенный, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти: он – охотник, рыбак или пастух, или же критический критик и должен оставаться таковым, если не хочет лишиться средств к жизни, – тогда как в коммунистическом обществе, где никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра – другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике, – как моей душе угодно, – не делая меня, в силу этого, охотником, рыбаком, пастухом или критиком. Это закрепление социальной деятельности, это консолидирование нашего собственного продукта в какую-то вещественную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под вашего контроля, идущую вразрез с нашими ожиданиями и сводящую на нет наши расчеты, является одним из

главных моментов в предшествующем историческом развитии» [208, с. 31–32].

Мы видим, что капиталистическое разделение труда противопоставляется свободному выбору деятельности при социализме. Разделение труда рассматривается как убивающая все человеческое и индивидуальное в рабочем. Но самое большое преступление разделения труда состоит в том, что оно в рамках процесса борьбы с природой как бы устанавливает над человеком господство оной, а не наоборот. У более современного автора, ревизиониста Маркса Георга Лукача мы видим развитие этой идеи следующим образом: «...абстрактный, одинаковый, сравнимый труд, измеряемый с все большей точностью общественно необходимым рабочим временем, труд в рамках капиталистического разделения труда возникает одновременно как продукт и как предпосылка капиталистического производства только в процессе его развития, то есть только в ходе этого развития становится общественной категорией, которая решающим образом влияет на форму предметности как объектов, так и субъектов возникающего этим путем общества, на его отношение к природе, возможные в нем отношения между людьми. Но если проследить тот путь, которым идет развитие трудового процесса от ремесла через кооперацию, мануфактуру к машинной индустрии, то становятся очевидными постоянно усугубляющаяся рационализация, все большее исключение качественных, челове-

ческо-индивидуальных свойств рабочего. С одной стороны, это происходит вследствие того, что трудовой процесс во все большей мере разлагается на абстрактно рациональные частичные операции, а в результате разрывается связь рабочего с продуктом как единым целым, и его труд сводится к механически повторяющейся специальной функции. С другой – вследствие того, что из-за такой рационализации общественно необходимое рабочее время, основа рациональной калькуляции, сперва выступает в качестве эмпирически взятого среднего рабочего времени, а затем, под воздействием все большей механизации и рационализации трудового процесса, – в качестве объективно рассчитываемой трудовой нагрузки, противостоящей рабочему в своей готовой и законченной объективности. Вместе с современным, “психологическим” расчленением трудового процесса (система Тейлора) эта рациональная механизация проникает даже в “душу” рабочего: сами его психологические свойства отделяются от его цельной личности, объективируются по отношению к нему, чтобы их можно было ввести в рациональные специальные системы и подвергнуть калькуляции» [194, с. 183–184].

Не будем здесь вдаваться в рассуждения, насколько это неверное представление, главное пока отметить, что для социализма подобное отношение к разделению труда характерно. Даже у утопистов, хотя они жили до широкого распространения машинного производства, интуитивная тяга к

максимально возможной универсальности каждого человека, как спасения от объективизирующего влияния разделения труда, присутствует в их утопических проектах (мы это еще увидим далее). У Николая Бухарина в утопическом сочинении «Азбука коммунизма», написанного в 1919 г., данная «склонность» вполне сохранена: *«Ничего подобного нет в коммунистическом обществе. Тут люди все получают разностороннее образование и будут знакомы с разными производствами: сегодня я управляю, подсчитывая, сколько нужно произвести на следующий месяц валяных сапог или французских булок; завтра я работаю на мыловаренном заводе, через неделю, может быть, – на общественных парниках, а еще через три дня – на электрической станции. Это будет возможно, когда все члены общества будут получать надлежащее образование»* [43, с. 54].

Сложно себе представить, каким образом социалисты собирались достигнуть такого уровня когнитивного развития человека, чтобы он смог за свою жизнь освоить такое множество профессий в условиях все более усложняющегося в технологическом смысле производства и роста количества информации как таковой.

Из столь фундаментального неприятия разделения труда происходит и неприятие наемного труда как особенной формы современного рабства. Широкое использование наемного труда для создания товаров считается неотъемлемым признаком капиталистических социально-экономиче-

ских отношений. При этом чем дальше по мере развития капитализма – тем больше людей превращается в «наемных рабов». Капиталист, как писал Маркс, нанимая рабочего, оплачивает только его рабочее время, но не рабочую силу. Поскольку рабочая сила создает новую стоимость, которая якобы никак рабочему не оплачивается, социализм предполагает, что в этом заключается суть эксплуатации, т. е. присвоения прибавочной стоимости капиталистом. В этом же суть наемного труда.

Хотя социализм не предполагает возврата к докапиталистическому способу производства, где лидировали крестьяне и ремесленники со своими средствами производства. Социализм предполагает коллективное овладение рабочими средствами производства, удаление из социально-экономических отношений капиталиста-работодателя и тем самым ликвидацию наемного труда как явления. Но здесь мы вновь возвращаемся к вышеозначенной дилемме: как добиться такого уровня когнитивного развития, чтобы человек мог одновременно и управлять, и подчиняться, с одинаковым успехом овладев всеми машинами, знаниями по их эксплуатации, а также другими ремеслами, которые существуют вне стен предприятия.

Рационализация экономики

Социалисты во все эпохи провозглашали примерно одну

и ту же мысль: что обобществление и коллективная, рационализированная экономическая деятельность лучше, чем то, что есть сейчас. Только в XIX столетии они смогли передать эту склонность языком научных терминов. Капиталистическое производство в их глазах представляло собой хозяйственную анархию, где все действует стихийно, иррационально. В вечной конкуренции между собой производители наводняют рынок своими товарами, чтобы не разориться и не потерять долю на рынке. В результате такого хаотичного «спама» ресурсы расходуются впустую и наступают кризисы перепроизводства. Напротив, социалистическое хозяйство – это рационализация производства, централизованное ею управление. Поскольку в социалистическом обществе уже не осталось бы частных собственников средств производства, управление всем производством передавалось бы государству, руководствующемуся планом. С точки зрения социалистов это являлось не увеличением полномочий государственного института, а, напротив, ограничением его функции единственно до обеспечения материальных потребностей граждан, которые в социалистическом обществе уже не будут нуждаться в труде ради выживания. Такое государство должно направлять экономику в «нужном» направлении, обеспечивать координацию рабочей силы, не позволяет ресурсам растрачиваться впустую на капиталистические сбережения или роскошь. Оно уже не защищает собственность эксплуататоров, потому что нет ни соб-

ственности, ни эксплуататоров. В идеале оно не выполняет и полицейских функций, потому что в прекрасном будущем все будут всем довольны, а антагонистические начала классового общества и собственности – причины преступлений – станут историей. Можно сказать, что централизованный аппарат для распределения материальных благ, неизбежный в условиях обобществленного присвоения продуктов индивидуального труда, вообще не является институтом государства. В любом случае в условиях якобы безгосударственного социалистического общества именно экономика остается централизованно управляемой определенным органом, имеющим власть это делать, в том числе направлять трудовые ресурсы, т. е. граждан, туда, куда этот орган решит, а значит, такой орган обладает властью над временем человека и может распоряжаться хотя бы его частью.

Революция

Формально, в социалистических движениях подход к переходу от капиталистических отношений к социалистическим через революцию или эволюцию был различным. Так, марксисты-ленинцы представляли собой более радикальную силу, предлагающую революционный путь и диктатуру пролетариата, дабы «экспроприировать экспроприаторов», чем их соратники по партии РСДРП меньшевики или эсеры. Однако были социалисты менее радикальные, которые адапти-

ровались к условиям парламентской демократии и предлагали эволюционный, а не революционный, путь – такие как Эдуард Бернштейн, создатель современной социал-демократии, а также – позднее – российские меньшевики. Строить социалистическое общество предполагалось постепенно, путем принятия необходимых фискальных и трудовых законов (легальная частичная экспроприация собственности в руки государства через налогообложение, национализация с компенсацией, трудовой кодекс), секуляризации общества (т. е. уничтожение такой основы для эксплуатации, как Церковь; лишение ее социальной функции путем вытеснения из сферы образования; национализация храмов и т. д.), развития государственного социального обеспечения (которое должно уничтожить экономическую зависимость членов моногамной семьи друг от друга) и т. д. Однако социал-демократия такого типа была скорее отходом от социализма. Социализм, как я полагаю, всегда революционен и не может иначе. Это явственно видно по его целям – покончить с несправедливостью и неравенством, победить природу, достигнуть полного контроля над экономикой и покончить со старыми институтами. Даже если это не делается буквально через революцию в духе 1917 г., само по себе стремление такого рода всегда революционно и представляет собой вызов внешнему миру.

Добровольная община и масштабный эксперимент

Последний важный момент – масштаб социалистической практики и участие в ней на добровольных или мобилизационных началах. Как практическая реализация идеи, социализм почти все время своего существования пребывал на уровне отдельной общины с добровольным членством в ней и, как правило, свободным выходом из нее. Собственно, этим протосоциалисты, как правило, и довольствовались. Только в XX в. коммунизм смог перейти на национальный уровень и впервые – в России, вооруженный не протосоциалистическими и утопическими идеями прошлого, а т. н. «научным коммунизмом», вобравшим в себя опыт и идеи прошлых веков, но представляющим собой целую теорию развития социально-экономических отношений. Здесь он уже перестает быть добровольным. Социалистические идеалы реализуются путем непрекращающегося террора над всеми, кто не желает участвовать в эксперименте построения социалистического, принципиально нового, общества. Так происходило практически везде, где последователям социализма удавалось захватить власть (крайне редко социалисты приходили к власти демократическим путем, как, например, в Чехословакии в 1946 г., когда они набрали большинство голосов; но и там они уже через два года совершили переворот).

Почему так происходит? Ответ очень прост: иначе столь радикальные идеи просто невозможно реализовать.

* * *

Суммируя все вышесказанное, мы можем сказать, что социализм, в сущности, стремится к тому, чтобы избавить человечество от всех ограничивающих его «я» факторов, дабы он смог раскрыть себя в соответствии со своей волей. Факторы складываются в определенных обстоятельствах и определенными обстоятельствами, вращающимися вокруг извечного столкновения человека с природой в борьбе за само существование, которые и нужно устранить, чтобы разорвать «порочный круг» ограничения. На протяжении большей части истории социалисты указывали прежде всего на социально-экономические факторы, апофеозом чего стало учение Маркса или «научный социализм». Однако, как мы увидим в последней части книги, это вовсе не обязательные и единственные факторы, которые могут интересовать представителей социализма, и им вполне удалось теоретически переместить акцент от социально-экономических до биологических и культурных факторов. Сие, к слову, совершенно неудивительно, так как, когда смещение акцента произошло, человечество в целом решило вопрос базового выживания, победив внешнюю природу. Последний рубеж – это природа внутренняя, но всему свое время.

Социализм от древности до XIX века

Древний протосоциализм

Мы не можем утверждать, что люди древности осознанно исповедовали социалистические учения, однако вполне можно говорить о существовании протосоциалистических идей и практик в Древней Греции и Персии. В Греции это социально-экономический строй дорийцев, Ямбул с его «островом солнца», гелиополиты и Платон; в Персии – маздакийцы.

Касательно дорийцев позволю здесь процитировать отрывок из собственной работы «Тора и другие: сравнительный анализ древних законов». Там я писал, что *«мы не ошибемся в оценке, если скажем, что дорийский Крит, как и дорийская Спарта, был одним из самых ранних образцов социалистических государств. Говорить о частной собственности в этих древних государствах не очень корректно, так как де-факто все имущество, включая землю, принадлежало обществу. Члены общества лишь временно владели имуществом. И пусть нас не введет в заблуждение решение вопросов наследования и раздела имущества в случае развода в гортинском законодательстве – характер наследования и раздела доказывает наш основной тезис. Так, в законах четко про-*

писано, кому должно принадлежать имущество в различных ситуациях вроде развода или смерти – как мы помним, упоминаются ближайшие родственники, т. е. члены рода, филы. В нормальных условиях собственник мог бы и сам решить, кому достанется его имущество после его смерти, – но такой возможности у дорийцев не существовало. Очень важно было сохранить все материальное добро в рамках общины, не допустить перехода земли, дома и прочего имущества в руки апетайра, в собственность другого города и фила. Все эти блага буквально закреплялись за конкретными семьями и, по идее, должны были оставаться у них всегда. Это логично для культуры, которая стремилась сохранить социальное и имущественное равенство между членами общины. Именно поэтому законодатель предписал, чтобы юноши собирались в так называемые “отряды”, а взрослые – на общие трапезы (андрии), для того чтобы более бедные, питавшиеся за общественный счет, могли иметь равную долю с богатыми. Логично это и потому, что дорийцы были поголовными воинами, а воинам не пристало заниматься поисками пропитания, им нужно поддерживать воинский дух. К тому же неравенство между воинами ослабит отряд, вызовет зависть и интриги между боевыми товарищами. Поэтому работать должны были только покоренные, у воинов же есть выделенное общиной имущество, с которого они получают доход. Этим обусловлен весь строй дорийских полисов. И только в таком контексте мы можем

говорить о частной собственности у дорийцев» [348, с. 64].

В той или иной степени сказанное верно для любого греческого полиса, но у дорийцев порядки были куда строже, чем, например, у афинян. Общим местом было интуитивное презрение к торговле, от которого греки избавлялись по мере развития своих обществ и колонизации Средиземного моря. Иосиф Кулишер в «Очерке экономической истории Древней Греции» в качестве примера приводит цитату из Геродота, где он рассказывает о совете Креза Киру даровать лидийцам прощение и во избежание дальнейших бунтов с их стороны говорит: *«...отправь туда посла и запрети им носить оружие, прикажи надеть хитоны под верхнее платье и подвязывать высокие башмаки, вели им также обучать детей своих игре на кифаре и на арфе и торговле, и ты, царь, скоро увидишь их жёнами, а не мужчинами, и большие не нужно будет опасаться, что они восстанут против тебя»*. Как отмечает Кулишер, торговля у греков *«свойственна людям слабым, превращает их в жёны; сильный человек добывает нужное ему силой, а не хитростью и обманом, – ибо последние качества считались характерными для торговца»* [160, с. 167].

Ямбул жил примерно в III в. до Р. Х., но биографических сведений о нем не сохранилось. К этому столетию греческая цивилизация уже не считала торговлю презренным занятием, так как она приносила полисам значительное богатство, куда надежнее, чем постоянное рискованное занятие пират-

ством. Всё, что мы знаем о Ямбуле, содержится в сочинениях историка Диодора Сицилийского, который рассказывает об «острове солнца», ссылаясь на Ямбула. Сам рассказ станет впоследствии своеобразной моделью для утопистов Средневековья и Нового времени, поэтому стоит рассмотреть его подробнее – многое, что впоследствии будет попадаться нам на страницах сочинений утопистов и социалистов Нового времени, уже содержится у этого древнегреческого автора.

Диодор рассказывает, что Ямбул с товарищем, оба торговцы, путешествуя по морям, каким-то образом попадают в плен к разбойникам, которые определили их в пастухи. Затем путники попадают в плен к эфиопам, имевшим обычай каждые двадцать поколений, по воле оракула, снаряжать судно с двумя гребцами и отправлять их на таинственный юг, на котором найдут остров со счастливыми людьми, где и проведут свою жизнь. Пережив всяческие опасности, Ямбул с безымянным товарищем все-таки достигают острова, где их встречают местные жители. Далее я привожу наиболее важные для нашей темы выдержки с описанием порядков на острове, взятые из сочинения Диодора:

«Жители этого острова значительно отличаются как особенностями тел, так и поведением от людей нашей части обитаемого мира. Ибо все они почти одинаковы по форме своего тела, высотой выше четырех локтей, и кости их имеют способность сгибаться в определенной степени, а затем выпрямляться снова, как жилы. Они также сильны

телом, еще больше, чем мы, ибо, когда они держат что-то в руке, никто не сможет это отобрать. У них не существует волос нигде, кроме как на голове, бровях, веках и на подбородке, а другие части тела настолько гладки, что лишь внизу тело покрыто небольшим пушком. Они красивы внешне и части их тел пропорциональны. Их ушные отверстия больше наших, и там имеются своеобразные наросты, являющиеся своего рода клапанами для их закрытия... И самое замечательное из всего этого то, что одновременно они могут разговаривать с двумя лицами, которые общаются с ними, отвечать на вопросы и рассуждать, потому что одной половиной языка они могут беседовать с одним человеком, а другой – со вторым. Климат у них очень мягкий, потому что, говорят, они живут на экваторе и не страдают ни от жары, ни от холода. Кроме того, плоды на острове созревают в течение всего года. Здесь день всегда равен ночи, а в полдень никакой предмет не отбрасывает тень, потому что солнце находится в зените. Они живут совместно в группах, которые основаны на родственных связях, не более четырех сотен, и проводят свое время в лугах, где находят все необходимое для поддержания жизни, ибо благодаря плодородию почвы и мягкому климату продукты питания произрастают в большом количестве, чем достаточно для удовлетворения их потребностей... Есть также много источников, некоторые из них горячие, которые используются для ванн и снятия усталости, другие холодные, приятные для питья,

являются уникальными для поддержания здоровья. Кроме того, жители уделяют внимание различным отраслям знаний, особенно астрологии... Люди живут очень долго и достигают, как правило, ста пятидесятилетнего возраста и не испытывают главным образом никаких болезней. Любой из них, кто стал калекой или страдает от какого-либо физического недуга, обязан, в соответствии с неумолимым законом, покончить с собой. И есть также закон среди них, который обязывает жить только в течение оговоренного количества лет и что по завершении этого периода они должны покончить с собой по собственному желанию, но странным образом, так как там растет своеобразное растение и всякий раз, когда человек ложится под него, то незаметно засыпает и умирает. Они не вступают в брак, как нам говорят, но имеют общих детей и содержат всех родившихся детей так, как если бы они принадлежали всем, с равной любовью. Итак как дети у груди кормилицы часто меняются, то даже матери могут не знать свое потомство. Следовательно, так как нет никакой ревности между ними, они никогда не испытывают гражданские беспорядки и они никогда не прекращают стремиться к достижению наивысшей гармонии. Каждое племя островитян разводит определенные виды очень больших птиц, которые используются для обнаружения природного расположения своих детей. Для этой цели они саждают детей на спины этих птиц, которые сразу уносят их в воздух, и тех из них, которые

способны выдержать полет по воздуху, оставляют, но тех, кто испытывает тошноту и страх, они сбрасывают, потому что они лишены добрых качеств души и вряд ли будут жить много лет. Есть семь таких островов, все одинакового размера и разделены равными интервалами, и все они подчиняются тем же моральным принципам и тем же законам. Хотя все жители в избытке пользуются всем, что растет само по себе на этих островах, они не пользуются этим изобилием без ограничений, относясь ко всему с большой бережливостью. Практикуют простоту и принимают в пищу только то, что достаточно для удовлетворения их потребностей... Питание жителей подчиняется определенным правилам, так как не все они принимают пищу в одно время и не едят одно и то же. В определенные дни они должны питаться рыбой, в другое время птицей, иногда мясом наземных животных, а иногда и оливками, и самыми простыми гарнирами. Они также чередуются профессиями, некоторые из них занимаются промыслом, другие хозяйством, третьи занимаются другими полезными делами, и так все они, за исключением стариков, выполняют работы в группе, в определенном цикле» [89].

Итак, на что здесь стоит обратить внимание? Во-первых, у жителей острова явно нет проблем с ресурсами – они как будто бы в таком избытке, что для их получения нет необходимости работать на выживание. Чем не коммунизм, в котором технологии будут настолько хороши, что дадут все бла-

га в избытке? Единственное отличие – у Ямбула избыток достигнут не технологиями, а благодаря особенному климату. Во-вторых, у островитян нет института брака, а дети обобществлены. Брак же назван причиной гражданских беспорядков и ревности. В-третьих, жители не знают разделения труда. Занятия чередуются, а жители прекрасно подкованы во всех родах деятельности.

С утопией Ямбула может быть связана деятельность пергамского царя Аристоники (Эвмена Третьего), в 130-е гг. до Р. Х. организовавшего восстание против римского господства, в котором значительную роль сыграли рабы и бедняки, привлеченные призывом Аристоники. Движение получило название «гелиополиты», т. е. «жители солнечного города», и есть версия, которая была особенно популярна среди социалистов XIX–XX вв., что Эвмен под влиянием идей Ямбула собирался совершить настоящую социальную революцию, основав новое государство Гелиополис. Правой рукой революционера был Гай Блоссий, римский философ-стоик из окружения демократического социального реформатора Тиберия Гракха. «Гелиополитам» действительно удалось нанести римлянам несколько поражений и захватить ряд городов, однако в конечном счете они не смогли выстоять перед военной машиной Рима, в результате чего Пергам потерял свою самостоятельность, став частью римской провинции Азия.

Древнегреческий философ Платон отчасти справедливо

считается идейным предком социалистических идей и утопий. Карл Каутский даже считал его «Политейю» *«первой дошедшей до нас философской, систематической защитой коммунизма»* [136, с. 13]. Это, конечно, преувеличение, но тем не менее Платон действительно выразил в своей философии о лучшем устройстве государства что-то такое, что можно классифицировать как протосоциализм. Однако эта протосоциалистическая философия была очень своеобразной. Так, Платон предлагал отменить частную собственность только для «господствующего класса» – стражей, но не для крестьян и ремесленников. Отсутствие собственнического чувства рассматривалось как основа для единства. Обобществленный быт у Платона рассматривается как более совершенное существование человека по сравнению с физически трудящимися людьми, владеющими собственностью. При этом стражи в то же время содержались бы за счет ремесленников и крестьян, т. е. никак не участвовали бы в производстве – именно такое неучастие позволило бы господам жить без необходимости в труде ради выживания, упражняться в воинском искусстве и заниматься философией.

Этот класс господ, именуемый стражами государства, должен был проживать в общем жилище (общедоступном для всех стражей); вкушать пищу совместно; воспитывать детей совместно и обобществить жен, т. е. отказаться от традиционной семьи и семейных уз. При этом дети не должны были знать своих родителей – и наоборот. Однако половые от-

ношения не отдавались на волю страсти и случая, а должны были тщательно регулироваться государством. Для воспитания детей полагалось иметь специальные учреждения. Каутский называл все это «половым коммунизмом». Кроме того, Платон, как и современные социалисты, полагал за лучшее абсолютное равенство мужчин и женщин, вплоть до участия последних в военных кампаниях и одинакового воспитания.

Интересно решена проблема равенства среди господ. Благодаря тому, что стражам не нужно было работать, ибо за них это делали крестьяне и ремесленники, достигалось определенное равенство между стражами, ведь они получали одинаковые стартовые возможности, у них не было семьи, и они располагали одинаковым количеством времени для упражнений. Все это напоминает аргументацию современных социалистов в пользу безусловного базового дохода, который якобы позволит человеку не зависеть от обеспечения своих базовых потребностей, создать всем равные возможности на старте и реализовать себя в искусстве, науке и т. д. Определенно, между Платоном, которого условно можно назвать протосоциалистом, и социалистами последующих веков есть некая связующая нить. Конечно, не все социалисты были согласны с таким отношением к платоновскому государству. Так, Николай Бухарин писал, что социализм Платона *«заключается в том, что организация рабовладельцев “товарищески” и “сообща” эксплуатирует массу бесправных рабов. Среди рабовладельцев – полное равенство и все общее.*

У рабов – нет ничего: они превращены в скот. Понятно, что здесь социализмом и не пахнет» [43, с. 62]. С другой стороны, протосоциализм Платона важен для понимания того, что идея обобществленного быта, где нет собственности, нет надобности в физическом труде, где все равны между собой, появилась по меньшей мере в классической Античности, а не в христианскую эру.

Еще одно протосоциалистическое учение, возникшее на исходе поздней Античности, возникло в V–VI вв. в Персии. Его основателем выступил зороастрийский жрец Маздак, поэтому синкретическое религиозное учение, а затем и целое социальное движение, стали называть маздакизмом. Жрец учил, что богатые и бедные равны между собой и все должно быть общим: собственность, жены, дети. Об этом повествуется в иранском эпосе «Шахнаме» [380]:

*Простому люду говорил Маздак:
«Мы все равны – богатый и бедняк.
Излишество и роскошь изгоните,
Богач, бедняк – единой ткани нити.
Да будет справедливым этот свет,
Наложим на богатство мы запрет.
Да будет уравнен с богатым нищий, —
Получит он жену, добро, жилище.
Святую веру в помощь я возьму,
Свет, вознесенный мной, развеет тьму.
А кто моей не загорится верой,*

Того Господь накажет полной мерой».

Маздаку удалось войти в доверие к сасанидскому шахиншаху Каваду I, получив должности советника и казнохраниителя царя. Он воспользовался этим, чтобы укрепить влияние своих сторонников, что стало настоящей катастрофой для всей страны, так как маздакий-цы начали на деле реализовывать слова своего учителя, обобществляя имущество, преследуя богатых и уничтожая институт брака, – это была настоящая социальная революция. Как говорит «Шахнаме»:

*Велел он: «Пусть жрецов Маздак возглавит».
Не знала рать: «Кто ж ныне царством правит?»
Стекались нищие к Маздаку в дом,
Кто пищу добывал своим трудом.
Повсюду ширилось его ученье,
С ним не дерзал никто вступить в сражение.
Богатый роздал все, что он сберег,
И нищим подавать уже не мог!*

Исламский историк Ат-Табари в «Истории пророков и царей» писал, что Маздак вовсе не был родоначальником «еретического учения», но был последователем некоего Зарадушта, сына Хурракана. «Когда власть Хосроя упрочилась, он искоренил еретическое вероучение, основанное в рамках учения магов лицемерным человеком из Фаса, по имени Зарадушт, сын Хурракана. Люди <в большом числе> примкну-

ли к этой его ереси, и он благодаря этому стал очень могущественным. К числу тех, кто призывал простой народ к этой ереси, принадлежал человек родом из Мадарийи, по имени Маздак, сын Бамдада. Он наказывал людям, поощрял и побуждал их на равных правах пользоваться имуществом и женами; он говорил, что это является таким благочестием, которое угодно Аллаху, за которое Аллах награждает лучшей наградой, и что если бы это, к чему он призывает и побуждает, даже не предписывалось вероучением, то все же во благодетельствовании другим – благородство, и взаимной поддержкой снискивается благоволение Аллаха. Этой проповедью он восстановил простой народ против знати; смешались всякого рода низменные люди с благородными, и легко стало любителям чужой собственности насильно присваивать себе таковую, беззаконникам – совершать беззакония, прелюбодеям – утолять свою страсть и овладевать женощинами благородного происхождения, о которых они ранее не помышляли, и одолело людей такое бедствие, подобного которому они еще не видели никогда... Последователи Маздака утверждают, что они отбирают у богатых в пользу бедных и возвращают немущим то, что отбирают у имущих, ибо если у кого-нибудь есть избыток денег, жен и прочего имущества, то из этого не следует, что ему принадлежит преимущественное право на все это. Простой народ использовал этот удобный случай, примкнул к Маздаку и его сторонникам и сплотился вокруг них. Людям

пришлось много претерпеть от маздакитов, положение которых настолько упрочилось, что они могли врываться в дом человека и отбирать у него жилище, жен и достояние, тогда как он не имел возможности сопротивляться им. Они побудили Кобада одобрить эти их действия, угрожая в противном случае низложить его. Недолго продолжалось такое положение вещей, а уже не знал человек своего ребенка, и ребенок не знал своего отца, и не оставалось у человека ничего, чем бы он мог разжиться» [17].

После нескольких лет такого своеобразного древнеиранского социализма страна, если верить хронистам, оказалась на грани катастрофы. Знать, недовольная подобным положением дел, объединила свои силы, чтобы отстранить Кавада, покровителя маздакийцев, от власти. Однако уже через несколько лет, в 499 г., шахиншах вернул себе трон, но поддержку Маздак потерял окончательно. Маздакийцев стали постепенно подавлять, но движение было столь сильным, а его деструктивное влияние на социально-экономические отношения столь долговременным, что лишь в 528 г. Хосрой, сын Кавада (упомянутый в начале цитаты из Ат-Табари), казнил Маздака и наиболее радикальных его приверженцев и инициировал процесс возвращения собственности, отнятой маздакийцами у законных владельцев. Также Хосрой распорядился взыскать с фанатиков компенсации за ущерб имуществу и изнасилование женщин, разобраться с принадлежностью детей отцам и их наследством и позаботился о

знатных детях, потерявших своего кормильца во время террора маздакийцев, взяв их себе на службу. Это была одна из первых политически успешных, но социально-экономически печальных попыток построить «рай на Земле».

Были ли первые христиане социалистами?

Многие социалисты, в том числе Каутский, находят в древнехристианских общинах отголоски своих идей. Однако тот же Каутский скоро подмечает, что это «коммунизм средств потребления» и никогда – производства. В действительности ни раннее, ни позднее христианство вообще не может быть обнаружено как социалистический опыт. Христиане не стремились к обобществлению собственности, вопрос с ней решался в добровольном порядке, обычно как дар общине на ее нужды как общины. В самом по себе владении чем-либо не усматривалось зла или источника зла. Богатство как дополнительная трудность для вхождения в Царство Божие – это притча, а не призыв к социальному действию. В конце концов, большинство людей являлись простыми собственниками как средств производства, так и средств потребления, но богатыми не были. Такими было и большинство ранних христиан, хотя довольно скоро они нашли симпатии и среди римской аристократии.

Первые христиане собирались друг у друга в домах. Если

это был зажиточный христианин, то его дом более чем подходил для братских встреч – но никто не стремился этот дом обобществить. Христиане занимались обычной гражданской деятельностью, как и все, даже на порядок лучше – целенаправленно стремясь обозначить себя как образцовых граждан Империи, не заслуживающих гонений и недоверия властей и общества. Что более важно, в христианстве совершенно отсутствует идея социального равенства как некой цели. Напротив, христиане сохраняли свое социальное положение и даже не стремились отменить рабство – все это происходило в добровольном порядке, из христианской любви братьев и сестер друг к другу, а не ради равенства. Только лишь перед Богом и во Христе признавалось равенство всех людей как существ одной природы, пользующихся одинаковой любовью Творца.

Книги Библии для христиан всегда являлись авторитетным источником по многим вопросам, с которыми человеку приходится сталкиваться на протяжении своей жизни. Поэтому то, что там написано, вполне может отражать христианскую точку зрения с самого начала существования христианских общин. О равенстве и частной собственности там написано вполне достаточно. В Священном Писании есть замечательная притча в Евангелии от Матфея, глава 20:6-15, где рассказывается о работодателе и работниках в винограднике: *«Наконец, выйдя около одиннадцатого часа, он нашел других, стоящих праздно, и говорит им: что вы стоите*

здесь целый день праздно? Они говорят ему: никто нас не нанял. Он говорит им: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, получите. Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника управителю своему: позови работников и отдай им плату, начав с последних до первых. И пришедшие около одиннадцатого часа получили по динарию. Пришедшие же первыми думали, что они получают большие, но получили и они по динарию; и, получив, стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнивал их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал одному из них: друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? возьми свое и поиди; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе; разве я не властен в своем делать, что хочу? или глаз твой завистлив оттого, что я добр?» Как мы видим из этой притчи, у работодателя есть право назначать плату работникам согласно договору с ними, а не в соответствии с представлениями о «справедливости» у работников. Добровольный договор – основа взаимоотношений между сторонами. Христианская Церковь поведению хозяина виноградника не осуждала – благо он, вообще-то, был образом самого Бога в притче.

Рассмотрим другой эпизод. Евангелие от Луки, глава 18: «...некий богатый человек спросил Иисуса: “Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?”, – на что Господь ответил: “Знаешь заповеди: не прелюбодей-

ствуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, почитай отца твоего и мать твою». Человек в ответ сказал, что с юности соблюдает эти заповеди. Далее мы читаем: *«Услышав это, Иисус сказал ему: еще одного недостает тебе: все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною. Он же, услышав сие, опечалился, потому что был очень богат. Иисус, видя, что он опечалился, сказал: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие. Слышавшие сие сказали: кто же может спастись? Но Он сказал: невозможное человекам возможно Богу»*. Здесь следует обратить внимание на то, что вопрос спасения богатых, которым сложно войти в Царство Небесное, может решить только Бог – это возможно только с Его помощью. Нет и намека на некий социальный строй, который мог бы разрешить противоречие между привязанностью к богатству и спасением человека. Обычно социалисты используют этот отрывок в свою пользу. Но в нем видно, что Христос вовсе не обрекает богатых на смерть, напротив, и они спасутся через силу Бога. Человеку же разрешить эти вопросы не под силу.

Далее. В заповедях Божьих мы видим, что из десяти заповедей три посвящены вопросу неприкосновенности собственности: не кради (седьмая), не желай жены ближнего твоего (девятая), не желай имущества ближнего твоего (де-

сятая). Обратите внимание, что грехом является даже само желание чужого имущества, намерение его присвоить. Стоит ли говорить, что социализм с его перераспределением здесь совсем не к месту?

Есть в Писании и о природном неравенстве. В Евангелии от Матфея, глава 25:14–30, читаем: *«Ибо Он поступит как человек, который, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое: и одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрел другие два; получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего. По долгом времени, приходит господин рабов тех и требует у них отчета. И, подойдя, получивший пять талантов принес другие пять талантов и говорит: господин! пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел также и получивший два таланта и сказал: господин! два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел и получивший один талант и сказал: господин! я знал*

тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое. Господин же его сказал ему в ответ: лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью; итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у не имеющего отнимется и то, что имеет; а негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов». Ни о каком стартовом равенстве здесь не может быть и речи. Бог каждому дает таланты, которые человек может развивать в себе, но никогда эти таланты не «равны» между собой.

Ничего социалистического нет и в христианском отношении к браку. Напротив, только он и являлся единственным, законным, богоугодным способом преодолеть искушения плоти и избежать греха прелюбодеяния (Первое послание к Коринфянам, 7:2, 7:5, 7:8–9). Отношения между мужем и женой уподобляются отношениям Христа и Церкви (Послание к Ефесянам, глава 5). При этом власть над телами друг друга принадлежит обоим супругам в равной степени (Первое послание к Коринфянам, 7:4) – крайне противоположная социалистической точка зрения, согласно которой люди могут сходиться и расходиться, когда им будет угодно, в зависимости от изменчивых чувств. Безбрачие, как пишет

Павел, желательно, но не обязательно и зависит от дара, которым Бог наделил каждого индивидуально, т. е. не все христиане обязаны были уклоняться от брака, но безбрачие считалось более высоким, с духовной точки зрения, призванием. Существенным для христианства в целом и для ранних христиан в частности отличием от социалистического понимания брака является тот факт, что брак в христианстве регулируется вечным законом Бога и обязательствами мужа и жены, а не переменчивыми чувствами и желаниями. Последнему в таком браке уделяется место, но второстепенное, не ключевое.

Конечно, Каутский и другие социалисты могли бы увидеть протосоциализм у ранних христианских общин, но лишь по невнимательности. Несведущему человеку было бы легко спутать ранние общины последователей Христа с гностическими сектами, которые использовали отдельные христианские элементы для своего синкретического учения. Гностики презирали материальное начало, отвергая наличие оно у Христа, считая, что Он лишь казался человеком, но таким не являлся. Строгий дуализм, противопоставление духовного материальному позволяли отдельным гностикам доходить до того, что даже прелюбодеяние не являлось грехом, если не вредило вечной душе, а дела плоти мало беспокоили их. Отсюда было недалеко до идей обобществления жен. Кроме того, гностики были достаточно закрытой от внешнего мира общиной, в отличие от миссионерствующих христи-

ан, что роднит их с социалистами Средневековья, к которым мы перейдем далее.

Некоторые видят своеобразную практику социализма в христианских монастырях. *И действительно, монахи жили в условиях общего имущества и средств производства – значит они были коммунистами? Разумеется, нет. Монахи не собирались строить новое общество, где нет иерархии и собственности, предпочитая ограничиваться своим добровольным выбором в пользу того или иного устава и прекрасно понимая, что их выбор – это следствие призвания свыше. Монастыри не собирались распространять и навязывать принципы своего устава среди крестьянства или в городах; более того, они скорее были сторонниками сложившейся иерархии в обществе. Их вполне устраивала концепция Адальберона Ланского о троичном устройстве социума – знаменитые «тот, кто воюет; тот, кто молится; тот, кто трудится». Монастырь – учреждение консервативное, где очень хорошо накапливаются богатства и развиваются промыслы за счет труда самих монахов, их бережливости и прекрасной организации. Ирония еще и в том, что монахи сами были поборниками, а местами даже теоретиками, идеи частной собственности.*

Доминиканский монах и учитель Церкви Альберт Великий в XIII столетии опровергал идеи Платона об общности имущества. Схоласт считал, что обобществление собственности разрушает государство и отнимает счастье у гражд-

дан. Раздельное владение Альберт называет более соответствующим человеческой природе, поскольку каждый человек о своем заботится лучше, чем о чужом или общем. Богослов подмечает, что частное владение поощряет добродетели: щедрость, помощь друзьям, странникам и беднякам и т. д., при этом владелец получает высшее удовольствие от такой благотворительности. В условиях обобществления имущества люди лишены такой возможности. Что интересно, Альберт Великий в критике Платона (выражавшего свои левые идеи устами Сократа) предвосхищает аргументацию противников социализма новейшего времени – он ссылается на отсутствие проверки социалистического строя опытным путем: *«Сообщение Сократа, что все должно быть общим, экспериментально не подтверждено, полезно это или нет»* [351, с. 129].

Ученик Альберта Великого, доминиканский монах и учитель Церкви Фома Аквинат продолжил разрабатывать вопрос о собственности. Фома разделил право пользования (usus), владения (possesio) и господства (dominium). В условиях общности может быть реализовано только usus, в то время как possesio и dominium требует заботу и попечение каждого человека о собственном достоянии. В «Сумме теологии» мы читаем: *«...в отношении внешних вещей человек обладает двумя правами. Во-первых, он имеет право приобретать их и распределять, и в этом отношении человеку законно обладать собственностью. Кроме того, это необ-*

ходимо для человеческой жизни, и на то есть три причины. Первая – та, что любой человек прилагает большие усилий для приобретения своего, чем того, что общо многим или всем, и потому в том, что касается общества, человек предпочитает уклоняться от работы и оставлять ее другим, как это <нередко> бывает там, где <слишком> много слуг. Вторая – та, что человеческие дела вершатся более упорядоченно, когда каждый человек отвечает за какую-то конкретную вещь, в то время как в том случае, когда каждый заботится обо всем сразу, дела приходят в упадок. Третья – та, что в наиболее мирном состоянии люди пребывают тогда, когда каждый довольствуется тем, что имеет. Действительно, как правило, ссоры наиболее часто возникают там, где вещи не разделены между их обладателями. Второе право, которым обладает человек в отношении внешних вещей, это <право> пользоваться ими. Но в этом случае человек должен обладать внешними вещами так, как если бы они были собственностью не <только> его, но и всех, то есть так, чтобы в случае необходимости он был готов дать их другим. Поэтому апостол говорит: “Богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они... были щедры, общительны” и т. д.» [382].

Кроме того, в этом же разделе Фома отвечает на отсылки к авторитету Василия Великого, цитирует святого Августина и Амвросия. Комментируя слова Василия Великого: «...богачи, полагающие свою собственностью ухваченные ими об-

щественные блага, подобны тем, кто, загодя придя в театр, не дает заходить другим, желая самолично пользоваться тем, что предназначено для всеобщего использования», Фома Аквинат отвечает: «...если бы человек загодя шел в театр для того, чтобы проложить путь другим, то он бы действовал в рамках закона, незаконность же его действий заключается в том, что он, поступая так, препятствует заходить другим. И точно так же богач действовал бы вполне законно, если бы он, опередив других при взятии чего-либо из того, что вначале было общественной собственностью, при этом не препятствовал бы и им брать свою долю, но он грешит, если препятствует всем без разбора пользоваться нею. В связи с этим Василий говорит: “Для чего вы богаты, а другой – беден, как не для того, чтобы вам заслужить награду за доброе пользование, а ему – за смирение?”» [382]. Некоторые социалисты полагают, что Василий говорит здесь о частной собственности вообще, однако речь тут идет только об *usus*. Так же в комментарии Фомы к цитате Амвросия: «Когда Амвросий говорит: “Никому не дозволено объявлять своим то, что является общим”, он имеет в виду собственность с точки зрения пользования <нею>, по каковой причине <далее> он прибавляет: “Тот же, кто тратит ее сверх меры, является расхитителем”» [382].

Цитата Августина дается в таком контексте: «...сказанное Августином, что “<так называемые> «апостольствующие» с чрезвычайной самонадеянностью усвоили себе это имя по-

тому, что не допускают в свои общины людей женатых или обладающих какой-нибудь собственностью, хотя таковыми же являются монахи и клирики, коих в католической церкви немало". Причина же того, что эти люди стали еретиками, была та, что, отъединившись от Церкви, они думали, что те, которые наслаждаются пользованием вышеупомянутыми вещами, которых сами они лишены, не имеют надежды на спасение. Следовательно, ошибочно утверждать, что человек не вправе обладать собственностью» [382].

Упомянув об Амвросии (я полагаю, что речь в «Сумме теологии» идет об Амвросии Медиоланском), следует упомянуть его цитату, которую приводит Фома: «Завладение имуществом обеспеченного есть не меньшее преступление, чем когда обеспеченный отказывается в просьбе нуждающегося» [382]. Иными словами, воровство у богатого ничем не отличается от поведения богатого, который отказывается помогать бедным.

Т. Д. Стецюра в книге «Хозяйственная этика Фомы Аквинского» пишет, что «в ходе одного из диспутов, проводившихся в Парижском университете между 1269 и 1272 гг., схоласт пришел к следующему заключению: неумеренная любовь к деньгам и к обладанию вещами не является смертным грехом в том случае, если человек не превращает стяжательство в главную цель своей жизни, не покушается на чужое имущество, творит дела милосердия, а самое глав-

ное – “не отступает от Христа”» [351, с. 140].

Таким образом, христианская религия в равной степени не одобряет ни обобществления, ни злоупотребления богатством. Богатство нравственно допустимо тогда, когда богатый использует его на общее благо – в частности, помогает бедным, разделяя свое богатство с нуждающимися. Но это должно происходить добровольно, в противном случае насильственное принуждение имущих к разделу имущества равносильно воровству и даже грабежу. В рамках понятия *usus* и злоупотребления *possesio* можно привести в пример источник воды, которым нельзя владеть, не давая пользоваться им другим людям, поскольку вода принадлежит всем, сотворена Богом и не является результатом труда владельца. Владелец может извлекать некоторую прибыль от своего владения источником воды, скажем, для поддержания хорошего состояния оно и в качестве вознаграждения за такое полезное управление им. Но он не может запрещать пользоваться этим источником. Социалисты превратно понимают такой подход, полагая, что подобное правило распространяется на все типы *possesio*, независимо от того, как возникло право собственности, каким образом владелец вступил в эти права. А ведь вступить в права собственности можно по-разному: через труд, через дар и наследование, через покупку, через закон и даже через обычай.

Несовместимость социализма с христианством – исторический факт. Это касается любого периода христианской

истории, и ранние христиане ничем в своем отношении к собственности, равенству, социальной революции, институту брака и т. д. фундаментально не отличаются от всех последующих поколений христиан, которые развили и раскрыли все то, что в императивном виде содержалось в первых текстах христианства. Так, противопоставление христианской и социалистической позиций раскрыто в папской энциклике Льва XIII *Rerum Novarum*, изданной в 1891 г. и положившей начало социальному учению Церкви: *«Чтобы преодолеть это зло, социалисты, рассчитывая на зависть бедных к богатым, предлагают уничтожить частную собственность и требуют, чтобы личное имущество стало общим и находилось в ведении государства или местных властей. Им кажется, что, передав собственность от частных лиц обществу, они исправят нынешние беды, ибо каждый гражданин будет иметь долю во всем, что ему может понадобиться. Однако предложения эти настолько непригодны, что, если выполнить их, рабочие пострадали бы первыми. К тому же они несправедливы – ведь, следуя им, пришлось бы ограбить законных владельцев, впустить государство туда, где ему не место, и совершенно расстроить общественную жизнь. Никак нельзя отрицать, что, когда человек работает за деньги, он стремится к тому, чтобы приобрести собственность и ею владеть. Если кто-то отдает другому силы и умение, он хочет за это получить то, что нужно ему для жизни, и явно предполагает при-*

обрести законное право не только на вознаграждение, но и на то, чтобы вознаграждением этим распорядиться. Еще важнее, однако, что подобные средства не согласуются с требованиями справедливости. Каждый человек имеет от природы право владеть собственностью, она ему принадлежит. Этим, среди прочего, и отличаются люди от животных. Животное не может управлять собой, им управляют два главных инстинкта, из-за них чувства его настороже, оно пользуется своей силой и совершает те или иные поступки, не имея возможности выбора. Инстинкты эти – самосохранение и сохранение вида. Оба они достигают цели при помощи средств, которыми располагает животное; оно не может выйти за пределы окружающего, ибо им движут лишь ощущения и то, что оно воспримет чувствами... Многие впадают в великое заблуждение, полагая, что один класс общества естественно враждебен другому; что сама природа велела богатым и бедным постоянно воевать друг с другом. Взгляд этот неразумен и ложен, истина прямо противоположна ему. Как симметрия человеческого тела обусловлена расположением его частей, так и в государстве, по самой природе, классы эти должны жить в полном согласии, приспособляясь друг к другу и поддерживая равновесие целого. Каждый нуждается в другом; капитал не может обойтись без труда, труд – без капитала. Взаимное согласие рождает лад и порядок, непрерывная же борьба разрешается смутой и одичанием» [167]. Эта энцикли-

ка издана в конце XIX столетия, но опирается на давнюю традицию Церкви рассматривать частную собственность как неотъемлемое право человека, как необходимость, без которой невозможно мирное сосуществование людей и классов.

Христианство не придумывало социализм, а ранние христианские общины его не практиковали. Выше мы видели, что протосоциалистические проекты существовали задолго до христианства в Греции (Ямбул, гелиополиты, Платон) и, позднее, даже переведены из теории в практику в Иране. Учение Маздака хоть и моложе христианства, однако основано не на христианских идеях, а на искажении зороастрийских священных текстов. Разумеется, это не значит, что зороастризм нес в себе социалистическое начало. Поразительная схожесть протосоциалистических идей, появившихся независимо друг от друга и в разное время в Греции и Персии, говорит скорее в пользу того, что социализм исходит из неких внутренних качеств, свойственных каждому человеку. Однако этот интересный вопрос уже несколько выходит за рамки нашей работы, поэтому перейдем к следующему этапу в истории благих намерений.

Еретический коммунизм Средних веков

Начиная с французских вальденсов и итальянских патаренов (XI–XIII вв.), по европейскому континенту стали распространяться протокоммунистические секты, имевшие

многие характерные для социализма признаки. Карл Каутский именовал их «еретическими коммунистами», поскольку эти секты совмещали свои социальные проекты с христианской ересью.

Особенностью еретиков-коммунистов (протосоциалистов) являлось стремление к аскезе. В ней они противопоставляли себя и официальной религии, особенно папе римскому и его епископам – и вообще всем имущим. Здесь возможно влияние христианского аскетизма, популярного в ту эпоху, поскольку аскеза сама по себе не то чтобы столь характерна для социалистического учения. Однако у «еретических коммунистов» имелись черты, которые стали общим местом для социалистов следующих поколений. Во-первых, это интернационализм (чего не было у Платона, ибо его утопия «националистическая», т. е. предназначена для ограниченного использования среди представителей одного народа). Во-вторых – революционность (особенно у таборитов и сторонников Томаса Мюнцера, – впрочем, революционерами были и маздакийцы). В-третьих, они отрицали частную собственность, считая ее источником зла. Все эти черты подмечаются Каутским как родственные с «современными пролетарско-коммунистическими движениями» [136, с. 137].

Вальденсы и патарены, кроме того, что занимались нападениями на священников и «обобществлением» их имущества, придерживались идеи отказа от частной собственности, нигде не работали, были крайне антиклерикальны и негатив-

но относились к браку. Хотя последнее сочеталось с тем, что мужчины их проповедовали совместно с «сестрами», были равны и спали на одной постели [136, с. 148]. Патарены были настроены революционно и под предводительством своего вождя Дольчино, в числе не менее пяти тысяч человек, совершали нападения на дворян и церковников. Им удалось удерживать небольшую территорию в регионе Пьемонта, где они терроризировали монастыри, усадьбы и мелкие города. Иногда патаренов записывают в катары и, в частности, их считают «жертвами» Крестовых походов.

Другое дело – бегарды, возникшие в Нидерландах примерно в тот же период. Изначально это были добровольные общины ткачей, ведущих совместное производство в условиях оригинальной трудовой дисциплины и расходующих прибыль на помощь беднякам. Они не были революционерами, не были враждебны Церкви (напротив, скорее даже получали похвалу от нее) и не стремились практиковать обобществление жен и детей. Бывало, что дома бегардов впоследствии превращались в обычные мужские монастыри. Однако члены таких общин в дальнейшем хорошо рассеялись по многим регионам Европы, что привело к появлению таких течений бегардов, которые уже не отличались вышеперечисленными качествами. Эти течения не желали мирного существования в имеющихся социально-экономических отношениях и проповедовали идеалы хилиазма и социальной справедливости, причем их организация отличалась от ориги-

нальных бегардов тем, что походила на тайные общества с разветвленной сетью агентов, а не открытое добровольное сообщество. Каутский пишет, что на таких бегардов сильно повлияло учение протокоммуниста Амальриха Венского и его секты амальрикан, которая призывала к обобществлению имущества и жен, равенству, анархизму и, что интересно, придерживалась пантеизма [136, с. 166–167].

В Англии бегардов называли лоллардами. Идеи были те же, и, в частности, их выражал в своих проповедях «сумасшедший священник из Кента» [136, с. 181] Джон Болл, бывший одним из множества таких активистов, имя которого дошло до нас. Он призывал к обобществлению имущества, ликвидации дворян и крепостных (т. е. классов), социальному равенству. Возможно, что лолларды сыграли не последнюю роль в крестьянском восстании 1381 г. Нельзя сказать, что требования крестьян в таких восстаниях, вроде отмены привилегий дворянства на пользование природными ресурсами, были коммунистическими – скорее разумными и прагматичными. Крестьянам зачастую удавалось договориться с дворянством, получив частичное выполнение своих условий, но это не относилось к идейным активистам, которые хотели пойти дальше простых потребностей крестьян в отмене некоторых повинностей или некоторого признания их прав. Поэтому некорректно считать любые крестьянские восстания, где принимали участие протосоциалистические активисты, коммунистическими по характеру в прин-

ципе. После того как крестьянам удавалось выторговать себе уступки, они быстро покидали таких революционеров, как Дольчино или лолларды. Вероятно, большевики, которые после 1917 г. еще долго боролись с крестьянством, помнили об этих исторических уроках.

Интереснее и успешнее всех в средневековых протосоциалистических движениях были т. н. табориты, вышедшие из чешского гуситского движения, названные так по имени их главного центра – поселения на горе Табор. Как ни странно, в Таборе проживало много ткачей, что заставляет нас вспомнить о тайных движениях бегардов, упомянутых выше.

Учение таборитов действительно можно назвать протосоциалистическим. Они учили, что *«на земле не должно быть ни королей, ни властелинов, ни подданных; налоги и подати должны быть уничтожены; никто не может принудить к чему-либо другого, ибо все должны быть братьями и сестрами. Подобно тому как на горе Таборе нет ничего твоего или моего, но все общее, так и для всех людей все должно быть общим, и никто не может иметь собственности; кто же ее имеет, тот творит смертный грех»* [136, с. 207]. То есть мы видим, что табориты учили социальному равенству и обобществлению собственности. Последнее они считали источником несправедливости. В отличие от древних христиан, которым они пытались подражать, табориты делали отказ от имущества обязанностью всех людей, а не добровольным актом воли человека, который следует своему при-

званию. Кроме того, табориты были убежденными и воинствующими антиклерикалами, требуя физического уничтожения храмов.

В среде таборитов были, как и положено каждому подобному движению, умеренные и радикальные течения. Каутский называет последних «строгими коммунистами-таборитами» [136, с. 208]. Их строгость заключалась в желании идти по пути обобществления дальше, чем общие средства потребления, и начать полноценно практиковать обобществление жен, детей и средств производства. Кроме того, они отвергали безбрачие священства, практикуемое нелюбимой ими Католической церковью, и ненавидели монашество. Это коммунистическое устремление привело к появлению отдельной секты адамитов, ходивших нагими и совокупляющихся между собой, как приводит Каутский слова Энея Сильвия, так: *«...но когда один из них бывал охвачен возжеланием к женщине, то он брал ее за руку и, приведя к главе, говорил: “Дух мой воспылал любовью к ней”. А тот ему отвечал: “Идите, плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю”»*. В итоге адамиты были уничтожены и сожжены на кострах «умеренными» таборитами под руководством Яна Жижки. Поражение адамитов Каутский описывает как *«прекращение попыток ввести строгий коммунизм»* [136, с. 210].

Томас Мюнцер и его протосоциализм

В XVI столетии самые яркие эпизоды в истории социализма наблюдались в Германии. Это неудивительно, ведь именно тогда и именно в Германии произошло событие, навсегда изменившее облик Европы, – Реформация. Некоторых радикальных последователей этого движения многое роднит с протосоциалистами прошлого – стремление к имитации раннехристианской жизни как некоего идеала в совокупности с антиклерикализмом и секуляризацией монастырей. Однако не все деятели реформационных перемен вошли в «пантеон» социализма. Лютер и Кальвин не вошли в него, а вот Томаса Мюнцера Каутский называет *«центром всего германского коммунистического движения»* с 1521 по 1525 г. [136, с. 252].

Мюнцер родился в немецком городе Штольберге, стал священником и проповедовал в некоей церкви Святой Екатерины, которая, как указывает Каутский, была *«сборным пунктом общества сукноткацких подмастерьев»* [136, с. 255]. Этот «священник», уже во время своей активной проповеднической деятельности практиковал ярый антиклерикализм и ненависть к официальной Церкви; в своем стремлении к равенству, которое он горячо проповедовал, Мюнцер считал необходимым физически уничтожать храмы, как через несколько сотен лет будут делать большевики и иже с ни-

ми. По всей видимости, тесно общаясь с ткачами, особенно с неким Николаем Шторхом, Томас соприкоснулся с «еретическим коммунизмом» бегардов. Именно Мюнцер, как пишет Каутский, первым ввел богослужение на немецком языке и демократизировал тексты Священного Писания (т. е. раньше, чем это сделал Лютер). Однако ошибочно полагать, будто сей протокоммунист был христианином, а его левые идеи вышли из христианской религии. Напротив, они вышли из противодействия христианству так же, как выходят все левые идеи вообще. Читаем у Каутского: «...*существенные признаки Мюнцеровой философии: его мистицизм, презрение к Писанию, поскольку оно не опирается на голос внутреннего откровения, которое достигается лишь путем аскетизма, путем страдания, его презрение к ученым, наконец его пантеизм и религиозная терпимость... язычники и турки, по его словам, были не хуже христиан*» [136, с. 259]. Аналогичное равнодушие к собственно христианской идее спасения только через Христа были у таборитов и прочих «еретических коммунистов», точно так же мыслят социалисты и сегодня в рамках мультикультурализма.

В ненависти Мюнцера к правящим классам отчетливо просматривается все то, что станет реальностью социалистической практики в XX столетии. Он писал, что «*теперь отлично видно, как угри и змеи совокупаются между собою на одной куче. Попы и все злое духовенство, это змеи... а светские властители и правители – это угри... Ах, госпо-*

да, как хорошо Господь Бог разобьет старые горшки железной палкой» [136, с. 263]. Разумеется, под железной палкой Мюнцер имел в виду себя. Призывал он и к организованному террору против «безбожников», но под последними имел в виду вовсе не атеистов, а конкретные социальные классы. Томас выражал коммунистические идеи религиозными понятиями, которые могли бы быть поняты в его время, но в сущности говорил то же самое, что Ленин: «...да, бесчисленному множеству людей это кажется невероятным мечтанием; они не в состоянии представить себе, что было подготовлено и выполнено такое дело, благодаря которому безбожники будут лишены права судить, и право это получают униженные и простые люди» [136, с. 265]. Ну чем не борьба против угнетения?

Для Лютера и немецких князей, прежде всего самих же протестантов, Мюнцер был настоящей проблемой, так как постоянно передвигался с места на место и агитировал к восстанию, используя, вероятно, ту самую тайную сеть бегардов, которая давно функционировала в стране. В частности, он смог организовать мансфельдских рудокопов, а организованный им в городах Альптэте, Зангерсгаузене, Цвикау и других городах тайный союз ставил своей целью следующее: «...одним из основных принципов общества, осуществить который оно стремилось, – *omnia sunt communia* (все общее), и каждому все должно даваться по мере его потребности. Если бы какой-либо князь, граф или господин не захотел по-

ступать так, когда этого потребуют, то его решено было обезглавить или повесить» [136, с. 271].

Агитаторский талант Мюнцера воплощался на практике в переворотах и восстаниях. Так, произошел переворот против городского совета Мюльгаузена, и ненадолго (1524–1525 гг.) в городе воцарились «еретические коммунисты» под предводительством Генриха Пфейфера. В Нюрнберге Мюнцер издает сочинение, в котором пишет о жителях города: *«...им нравится хорошая жизнь, пот ремесленников сладок, но сладость эта может сделаться горькой, как желчь. Тут не помогут никакие размышления, никакие увертки, истина должна открыться; им не поможет, что они цитируют стихи из Евангелия; люди голодны, они хотят есть»* [136, с. 276]. В 1525 г. восстания проходили во многих регионах, как пишет сам Мюнцер в одном из своих писем: *«На Святой неделе разрушено четыре монастырские церкви на Фульде.*

Крестьяне Клетгау, Гегау и Шварцвальда восстали в числе 30 тыс., и рать их прибывает с каждым днем... Итак, за дело, за дело! Пора, злодеи струсили, как псы. Возбуждайте ваших братьев к согласию и уговаривайте их снаряжаться» [136, с. 284–285]. Лютер, со своей стороны, отреагировал на эти восстания очень характерно в одном из своих писем: *«Крестьяне же глупы. Они не слушаются слова и безумствуют, поэтому они должны познакомиться с virga, т. е. с ружьями, и это будет по отношению к ним справед-*

ливо... *О Господи, если в крестьянах явился такой дух, то давно пора задушить их, как бешеных собак»* [136, с. 289].

Центром восстания сделался город Франкенгаузен, где собрались главные силы восставших и куда Мюнцер, понимая значение этого города, направил все силы, которые были в его распоряжении, хотя многие отреагировали пассивно и в распоряжении «еретических коммунистов» в решающем сражении с князьями оказалось всего 8 тыс. человек и некоторое количество пушек. К концу мая 1525 г. с восстанием было покончено, Пфайфера и Мюнцера казнили. Восстания в других регионах Германии также подавили – одно за другим. Причиной неудавшейся революции было то, что большинству крестьян и ремесленников не было дела до построения нового великого будущего Мюнцера. Марксисты назвали бы это отсутствием классового самосознания, а следовательно – единства. Тем не менее Каутский повторяет, что *«Мюнцер был и остался доньне самым блестящим воплощением революционного еретического коммунизма»* [136, с. 296].

Моравские анабаптисты и Мюнстерская коммуна

В одно время с мюнцеровскими «еретическими коммунистами» было популярно в Швейцарии движение анабаптистов (призывающих к повторному крещению в сознатель-

ном возрасте), которые, подобно таборитам, разделялись на «умеренных» и «строгих коммунистов». Нас интересуют последние, так как именно у них находим характерные для социализма черты: общность имущества, отношение к частной собственности как источнику греха (такая формулировка – всего лишь религиозное обозначение слов «несправедливость» или «неравенство», так как для «еретических коммунистов» такой грех находился в рамках существовавших социально-экономических отношений, против которых они выступали, а не в контексте спасения вечной души), общность жен. Также им было присуще своеобразное отношение к Богу, граничащее с атеизмом. Так, радикальный анабаптист Людвиг Гецер отрицал божественность Христа.

Однако радикальный левый анабаптизм был подавлен в Швейцарии, и активисты этого движения бежали в Германию. Мы не будем перечислять многочисленных более-менее известных приверженцев этого движения, уделив некоторое внимание наиболее интересному из них – книготорговцу Гансу Гуту. Он был достаточно радикален, чтобы мечтать о вторжении турок и их победе над христианами как условии для наступления тысячелетнего царства Христа, и даже назначил дату на 1528 г. (разумеется, хилиазм Гута не имел ничего общего с хилиазмом верующих ранних христиан, поскольку акцент у него ставился на установлении земного царства, где будет царить социальная справедливость). Как и большевики в XX столетии, Гут желал отечеству по-

ражения.

В Моравии в XVI в. расцвели баптистские протосоциалистические общины, числом свыше 70. В каждой такой общине проживало от 400 до 2000 членов. *«У них была только одна общая кухня, одна пекарня, одна пивоварня, одна школа, одна комната для родильниц, одна комната, где матери жили вместе с грудными детьми, и т. д. В таком хозяйстве был один глава и распорядитель, который весь хлеб и вино, шерсть, скот и все необходимое покупал на деньги, получаемые от всех ремесел и от всех занятий, затем по мере надобности разделял всем в доме...»* [136, с. 342]. Эти общины были добровольными и не революционными, не практиковали общность жен, но в то же время воспитание детей у них было обобществлено и после двух лет дети отнимались от матери и отдавались в общественную школу. Кроме того, как видно из описания, эти общины имели централизованное управление экономикой и перераспределение благ. Однако, учитывая добровольный характер общины и существование в условиях рыночного обмена, эти общины показывали неплохую продуктивность своего хозяйства. Едва ли их можно считать предтечами социалистов Нового и новейшего времени, поскольку эти верующие люди жили мирно и не собирались изменять мир, не сжигали храмы и не грабили богатых. Они не были революционерами и, наверное, поэтому продержались около ста лет, т. е. довольно долго для общины, практикующей локальный добровольный «социализм» и уж тем

более долго в сравнении с коммунистическими государствами. Каутский верно задается вопросом: продержались бы такие общины дольше, если бы их силой не вынудили прекратить существование в XVII столетии? *«Не особенно вероятно, чтобы баптистам удалось надолго удержатъ неприкосновенным свой коммунизм среди капиталистического общества, с которым они, благодаря производству товаров и наемному труду, стояли в тесной экономической связи и которому тогда еще принадлежало будущее»* [136, с. 351]. К сожалению, Каутский не понимал, что успех таких общин в том и заключался, что ограничивался добровольным объединением людей, производящих и обменивающихся в условиях рынка, а не всеобщего централизованного плана. Учитывая, что память об этих баптистских общинах исчезла даже в самой Моравии, едва ли можно считать их истинными идейными предшественниками социалистов, однако опыт их в рамках нашего повествования весьма интересен.

Мюнстерская коммуна – вот кого можно назвать настоящими предшественниками социалистов. Фактически начиная зарождаться еще в 1520-е гг. в ходе противостояния между аристократией и духовенством с ремесленниками, коммуна появилась в 1533 г. после успеха протестантского восстания под руководством Бернгарда Книппердорлинга. Этот господин был богатым сукноторговцем, что не помешало ему возглавить «низы» в борьбе с католической аристократией, духовенством и рыцарством. Город Мюнстер

стал центром протестантско-коммунистического восстания для всего региона, а мельхиориты, последователи Мельхиора Гофмана, распространяли идею, что *«Господь отказался от Страсбурга за его неверие и избрал на его место Мюнстер, который и будет новым Иерусалимом»*. Все время существования коммуны (14 месяцев) ею управляли два «вождя» – Ян Матис и Ян ван Лейден.

Мюнстерская коммуна играет важную роль в истории социализма. Каутский пишет, что *«в Мюнстере коммунизм выступает как самостоятельный господствующий революционный фактор, и притом первый раз в истории»* [136, с. 372]. Мюнстер даже стал, в определенной степени, прообразом будущих социалистических режимов – отрезанный от внешнего мира и окруженный врагами, пытающийся строить социализм в отдельно взятом городе. И, как режимы XX в., победители переворота 1532–1533 гг. начали с террора против несогласных.

Каутский объясняет террор в Мюнстере его осажденным положением (что правда) и эпохой, которая являлась «быть может, самой кровавой» [136, с. 376]. Однако, как и апологеты красного террора, что в России, что в других странах, забывает о том простом факте, что коммуна была навязана одной группой людей другой группе людей силой, когда были захвачены институты власти города. Во-первых, лидеры коммуны первым делом предписали всем жителям принять новое баптистское крещение либо покинуть город. Во-

вторых, не обходилось без казней, совершенных за дезертирство, соглашение с врагом (т. е. осаждающим город епископом), нарушение спокойствия населения (так у Каутского, но он не объясняет, в чем оно выражалось). Казнили отрубанием головы и расстрелом. Причем казнями непосредственно занимались руководители восстания – Ян ван Лейден и Книппердолинг.

Что интересно, при всем декларируемом анабаптистами презрении к роскоши, сам Ян ван Лейден со своими сподвижниками ходил в дорогих одеждах, конфискованных у богатых слоев города, и пользовался всем доступным золотом и серебром, которое удалось «национализировать» у горожан. Об этом свидетельствуют два не самых объективных автора – Гресбек и Керсенбронк, но Каутский, который их цитирует, вовсе не отрицает этого, он пытается оправдать такое поведение! Вот что пишет Керсенбронк: *«Они присвоили себе золото и серебро, принадлежало ли оно городу или горожанам – безразлично; а также взяли для себя из церкви священные пурпурные, шитые шелками украшения и принадлежности, употребляемые при богослужении; кроме того, они и все остальное, принадлежавшее городу и гражданам, присвоили себе и даже лишили жизни тех, которые сопротивлялись и не хотели больше выносить беспорядков, а после они по собственному усмотрению украшали всем этим себя, несмотря на то что приобретено оно было тяжелым трудом других»* [136, с. 382].

Пожалуй, пора перейти к главному – практике социализма в мюн-стерской коммуне. Разумеется, на словах существовала общность собственности. Причем баптисты Мюнстера рассылали приглашения единомышленникам, в котором писали, что их бедняки одеты теперь в самые богатые одежды и всем обеспечены. Если это и было, то как следствие экспроприации собственности одних горожан и ее перераспределения между другими. Как ни странно, право наследования сохранялось, но исключительно через старейшин города и лично Книппердолинга, т. е. они определяли «настоящих наследников» имущества. По всей видимости, у мюн-стерской коммуны было то, что впоследствии социалисты назовут личной собственностью. Было запрещено частное владение деньгами, денежное обращение было заменено бартером. По домам жителей ходили специально уполномоченные «диаконы», которые делали учет провизии, после чего распоряжаться ею для личных нужд запрещалось. Впрочем, подобная мера действительно, как пишет Каутский, может быть объяснена осадным положением города.

Отдельно стоит упомянуть ситуацию с браками в Мюнстере. Коммуна практиковала многоженство, причем законодательно оформленное. Строгие в том, что касается блуда вне брака, анабаптисты не имели ничего против многоженства в городе, который населяло на тот момент около 2000 лиц мужского пола и более 8000 женского. На пятый месяц осады старейшины общины приняли новое брачное право, ко-

торое предписывало всем оставшимся без мужчин женщинам перейти в хозяйства, где был глава-мужчина, в качестве «подруг жены». В сочинении Б. Ротмана, еще одного видного деятеля мюнстерской коммуны, написано: *«Если мужчина благословлен Богом больше чем для одной жены и ради Божьего повеления не должен злоупотреблять этим благословлением, то ему предоставляется, и даже необходимо, соединиться браком с несколькими женами; ибо иметь отношения внебрачные с женщиной есть блуд и прелюбодеяние»* [136, с. 396]. Каутский пишет, что это не является обобщением жен, однако, учитывая, что, согласно брачному праву мюнстерской коммуны, женщина была обязана (затем эту обязанность превратили в право) найти себе покровителя-мужчину, то логично, что, если мужчина умирал, женщине приходилось снова искать себе сожителя – и так, теоретически, много раз. Для Каутского такие порядки видятся «целесообразными», однако я не припомню, чтобы люди применяли эти правила всегда, когда их город осаждают неприятели, а мужская популяция уменьшается. Мне кажется, что подобное отношение к браку как к чему-то практическому, а не сакральному, вообще характерно для социалистической мысли.

Мюнстерская коммуна пала в конце мая 1535 г. На ней история «еретического коммунизма» заканчивается, и далее начинается новый этап в истории социализма. Можно теперь избавиться его от приставки «прото» и назвать эпохой утопи-

ческого социализма, когда вместо воинственных или трудолюбивых практиков появляются интеллектуальные теоретики, рисующие в духе Ямбула в своих текстах картины обществ, избавленных от эксплуатации и классового неравенства, а что более важно – пытающихся подогнать под описание этих обществ некое научное, рациональное основание, ибо общества эти рационально организованы и централизованы.

Утопический социализм

Утопизм не просто часть истории социализма – он непосредственный предшественник «научного социализма» XIX в. Безусловно, эпоха, в которую жили первые утописты, о которых мы поговорим далее, накладывала свой отпечаток на стиль их изложения.

Например, присутствие религиозных образов и терминов у Кампанеллы и Уинстенли – но это не должно вводить в заблуждение, поскольку такой язык был понятен читателям той эпохи. Кроме Мора, бывшего верующим католиком, и пантеиста-еретика Кампанеллы, остальные утописты были материалистами (как Уинстенли и другие, о которых речь пойдет далее). Другой пример – это представление о производстве. Утописты жили в эпоху доминирования ремесленного производства и зарождения мануфактуры. В XVI–XVII вв. еще не было крупных фабрик с применением боль-

шого количества наемного труда и машин. Но это не мешало утопистам рисовать картины рационально организованного производства и потребления, пусть и основанного на труде ремесленников. Некоторые утопические социалисты уже стремятся разрушить разделение труда, которое в социалистической парадигме, как мы помним, служит причиной отчуждения человека от продуктов его труда, примитивизации его работы и сведения ее к чисто механической функции. На страницах утопий мы видим отсутствие специализации и постоянную смену занятий.

В утопизме как этапе социалистической мысли появляется ряд важных черт, которые отличают его от протосоциализма анабаптистов, бегардов и таборитов:

1. Утопии дехристианизированы. В них нет даже еретического христианства, и в отличие от протосоциалистов, изъяснявшихся религиозной терминологией своего времени и вдохновлявшихся Ветхим Заветом и хилиазмом, утопии рисуют общество совсем иного склада, с другой религиозной системой (и религия в них не играет особой роли), порой враждебной христианству (как символу всего европейского, а значит – угнетающего).

2. Их описание дано рациональным языком, а социально-экономические отношения подчинены строгому распорядку дня для каждого члена общества и регламентации всех сфер их жизни.

3. В утопиях много внимания уделено производству, а

средства производства обобществлены – все это на централизованных и рациональных началах. То есть уже не средства потребления, как у многих «еретических коммунистов», при сохранении частных средств производства и рынка, а то, что составит основу для рационального плана «научного социализма» в будущем. Под этой основой следует понимать и централизованное распределение благ между жителями утопии, которые не будут нуждаться в деньгах; фактически даже обмен потеряет свое значение.

4. Некоторые утопические общества расположены за пределами европейского мира, социально-экономические отношения которого представляются порочными и отсталыми в сравнении с утопиями.

«Утопия» Томаса Мора

Когда мы говорим про утопии, то первым делом вспоминаем Томаса Мора и его сочинение «Утопия». Немудрено, ведь он был в этом жанре первым после давно забытого Ямбула, а потому и название его сочинения стало названием для всего жанра. Работа потомственного английского юриста появилась на свет в 1516 г., после чего выдержала множество изданий и приобрела большую популярность. Полностью ее название звучит как «Золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии». Книга написана в форме диалога, точно так же как у Плато-

на. В разные времена подобный формат позволял автору излагать и издавать свои мысли без опасности для себя со стороны возможного преследования за взгляды, при этом формально выступая от лица, оспаривающего смелые идеи. Диалог ведется между самим Мором и путешественником Рафаэлем Гитлодеем, побывавшим на чудесном острове Утопия.

Гитлодей выступает как социалист. Так, уже в начале беседы он говорит Мору: *«...если сказать тебе по правде мое мнение, так, по-моему, где только есть частная собственность, где все меряют на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел; иначе придется считать правильным то, что все лучшее достается самым дурным, или удачным то, что все разделено очень немногим, да и те получают отнюдь не достаточно, остальные же решительно бедствуют... единственный путь к благополучию общества заключается в объявлении имущественного равенства, а вряд ли это когда-либо можно выполнить там, где у каждого есть своя собственность... Поэтому я твердо убежден в том, что распределение средств равномерным и справедливым способом и благополучие в ходе людских дел возможны только с совершенным уничтожением частной собственности; но если она останется, тону наибольшей и наилучшей части человечества навсегда останется горькое и неизбежное бремя скорбей»* [225].

Как мы видим, Гитлодей устанавливает незыблемый и об-

щий для социалистов всех времен закон: частная собственность есть источник несправедливости и страданий. Мор-собеседник «держится противоположного мнения», после чего Гитлодей предлагает ему послушать, как же живут на острове Утопия и как людям удалось достигнуть там справедливого общества. Чтобы не утомлять читателя пространными цитатами, я извлекаю самое основное, что характеризует социалистический порядок Утопии и что важно в рамках изложения истории социалистического учения [225]:

«На острове пятьдесят четыре города, все обширные и великолепные; язык, нравы, учреждения и законы у них совершенно одинаковые. Расположение их всех также одинаково; одинакова повсюду и внешность, насколько это допускает местность... Поля распределены между городами так удачно, что каждый в отдельности не имеет ни с какой стороны менее двадцати миль земли, а с одной стороны даже и значительно больше, именно с той, где города дальше всего разъединены друг с другом... В деревне на всех полях имеются удобно расположенные дома, снабженные земледельческими орудиями. В домах этих живут граждане, переселяющиеся туда по очереди. Ни одна деревенская семья не имеет в своем составе менее сорока человек – мужчин и женщин, кроме двух приписных рабов. Во главе всех стоят отец и мать семейства, люди уважаемые и пожилые, а во главе каждого тридцати семейств – один филарх. Из каждого семейства двадцать человек ежегодно переселяются

обратно в город; это те, что пробыли в деревне два года. Их место занимают столько же новых из города, чтобы их обучали пробывшие в деревне год и потому более опытные в сельском хозяйстве; эти приезжие на следующий год должны учить других, чтобы в снабжении хлебом не произошло какой-либо заминки, если все одинаково будут новичками и несведущими в земледелии... Все, что им нужно и чего нет в деревне, все подобные предметы они просят у города и получают от тамошних властей очень легко, без какого-либо обмена. В город они сходятся каждый месяц на праздник. Когда настанет день уборки урожая, то филархи земледельцев сообщают городским властям, какое количество граждан надо им прислать; так как эта толпа работников является вовремя к самому сроку, то они почти в один ясный день справляются со всей уборкой».

«Что же касается одежды, то, за исключением того, что внешность ее различается у лиц того или другого пола, равно как у одиноких и состоящих в супружестве, покрой ее остается одинаковым, неизменным и постоянным на все время, будучи вполне пристойным для взора, удобным для телодвижений и приспособленным к холоду и жару».

«Главное и почти исключительное занятие сифогрантов состоит в заботе и наблюдении, чтобы никто не сидел празднично, а чтобы каждый усердно занимался своим ремеслом, но не с раннего утра и до поздней ночи и не утомлялся подобно скоту. Такой тяжелый труд превосходит даже

долю рабов, но подобную жизнь и ведут рабочие почти повсюду, кроме утопийцев. А они делят день на двадцать четыре равных часа, причисляя сюда и ночь, и отводят для работы только шесть: три до полудня, после чего идут обедать; затем, отдохнув после обеда в течение двух послеполуденных часов, они опять продолжают работу в течение трех часов и заканчивают ее ужином. Так как они считают первый час начиная с полудня, то около восьми идут спать; сон требует восемь часов. Все время, остающееся между часами работы, сна и принятия пищи, предоставляется личному усмотрению каждого, но не для того, чтобы злоупотреблять им в излишествах или лени, а чтобы на свободе от своего ремесла, по лучшему уразумению, удачно применить эти часы на какое-либо другое занятие. Эти промежутки большинство уделяет наукам».

«Именно, там в целом городе с прилегающим к нему округом из всех мужчин и женщин, годных для работы по своему возрасту и силам, освобождение от нее дается едва пятистам лицам. В числе их сифо-гранты, которые хотя имеют по закону право не работать, однако не избавляют себя от труда, желая своим примером побудить остальных охотнее браться за труд. Той же льготой наслаждаются те, кому народ под влиянием рекомендации духовенства и по тайному голосованию сифогрантов дарует навсегда это освобождение для основательного прохождение наук. Если кто из этих лиц обманет возложенную на него надежду, то

его удаляют обратно к ремесленникам. И наоборот, нередко бывает, что какой-нибудь рабочий так усердно занимается науками в упомянутые выше свободные часы и отличается таким большим прилежанием, что освобождается от своего ремесла и продвигается в разряд ученых».

«Очень часто также, когда не встречается надобности ни в какой подобной работе, государство объявляет меньшее количество рабочих часов. Власти отнюдь не хотят принуждать граждан к излишним трудам. Учреждение этой повинности имеет прежде всего только ту цель, чтобы обеспечить, насколько это возможно с точки зрения общественных нужд, всем гражданам наибольшее количество времени после телесного рабства для духовной свободы и образования. В этом, по их мнению, заключается счастье жизни».

«Выведа деньги из употребления, они совершенно уничтожили всякую алчность к ним, а какая масса тягостей пропала при этом! Какой посев преступлений вырван с корнем! Кто не знает, что с исчезновением денег совершенно отмирают все те преступления, которые подвергаются ежедневной каре, но не обузданию, а именно: обманы, кражи, грабежи, ссоры, восстания, споры, мятежи, убийства, предательства, отравления; вдобавок вместе с деньгами моментально погибнут страх, тревога, заботы, труды, бессонница. Даже сама бедность, которая, по-видимому, одна только нуждается в деньгах, немедленно исчезла бы с совер-

шенным уничтожением денег».

«Неизбежным следствием таких порядков у этого народа является изобилие во всем, а так как оно равномерно простирается на всех, то в итоге никто не может быть нуждающимся или нищим. Как только в амауротском сенате, который, как я сказал, ежегодно составляется из трех лиц от каждого города, станет известным, где и каких продуктов особенно много и, наоборот, что и где уродилось особенно скудно, то недостаток в одном месте немедленно восполняют обилием в другом. И утопийцы устраивают это бесплатно, не получая, в свою очередь, ничего от тех, кому дарят. Но то, что они дают из своих достатков какому-либо городу, не требуя от него ничего обратно, они получают в случае нужды от другого города без всякого вознаграждения. Таким образом, весь остров составляет как бы одно семейство».

«Религии утопийцев отличаются своим разнообразием не только на территории всего острова, но и в каждом городе. Одни почитают как бога Солнце, другие – Луну, третьи – одну из планет. Некоторые преклоняются не только как перед богом, но и как перед величайшим богом, перед каким-либо человеком, который некогда отличился своею доблестью или славой. Но гораздо большая, и притом наиболее благоразумная, часть не признает ничего подобного, а верит в некое единое божество, неведомое, вечное, неизмеримое, необъяснимое, превышающее понимание человеческого разума, рас-

пространенное во всем этом мире не свою громадою, а силою: его называют они отцом. Ему одному они приписывают начала, возрастания, продвижения, изменения и концы всех вещей; ему же одному, и никому другому, они воздают и божеские почести».

Как мы видим, общество, описанное в Утопии, представляет собой предельно рационализированный социум, где производство и потребление централизовано, нет денег, общественные пространства устроены по единому плану вплоть до соблюдения одинаковых размеров городов и расстояний между ними. Централизованная экономика не совместима со свободным передвижением рабочей силы, поэтому в Утопии перемещение между городом и селом строго регламентируется. Социальное равенство (за исключением наличия рабов, но это все-таки ранний рациональный социализм) абсолютно – вплоть до одинаковой одежды. Действует всеобщая трудовая повинность и регулирование необходимых для производства рабочих часов. Регламентировано и вне рабочее время. При этом есть своя номенклатура – сифогранты и деятели науки. Пожалуй, единственным исключением, где Мор, как католик, не мог пойти на компромисс, было отношение к браку – он у утопийцев моногамный, развод почти невозможен, измена карается законом. Тем не менее, описывая религию «Утопии», Мор не выдаст в себе католика. Ситуация в его вымышленном мире куда ближе к светскому государству, где религия низведена до

уровня личного дела каждого и не играет существенной роли в принятии важных политико-социально-экономических решений.

Я согласен с Каутским, который называл «Утопию» Мора первым сочинением, где была изложена идея организации производства *«в рамках большого национального государства»* [136, с. 434]. И еще точнее: *«“Утопией” Мора начинается современный социализм»* [136, с. 438]. Действительно, утопический социализм является уже не дедушкой, а отцом «научного социализма». В нем общество существует в соответствии с некой рациональной моделью организации производства и потребления, общественных пространств, классов и т. д. Однако все это может оказаться очень любопытным и смешным историческим казусом. Одна внимательная читательница, прочитав ранний мой текст об утопическом социализме Томаса Мора в его публичном, статейном, варианте, прислала мне следующий интересный комментарий (пунктуация сохранена): *«По поводу Томаса Мора, мне кажется, что его труд “Утопия” является сатирой на социализм, а не описанием идеального общества. У меня тут есть том, на английском с его мыслями и трудами, и одна из его глав называется “Почему миру нужны богатые люди?” – в которой Томас Мор приводит цитаты из Писания и другие мысли, объясняя, почему неравенство между богатыми и бедными более справедливо, чем “равенство” и отсутствие частной собственности. Что же касается*

“Утопии”, то он специально выбрал это слово для названия острова, так как оно в переводе с греческого означает “не-место” (“нигде”) или место, которого нет. Общество, описанное в Утопии – это общество, которое не может существовать, оно невозможно, это “не-место”. У Мора было очень тонкое чувство юмора. Одним из индикаторов этого юмора является то, что главный город острова – Амаурот, что означает “туманный или призрачный”, главная река – Анидр, что по-гречески означает “безводный”, и человек, который рассказывает историю утопии, Рафаил Гитлодей – его фамилия переводится как “разносчик чепухи”. Г. К. Честертон, говорил о том, что Томас Мор – великий юморист: “пожалуй, его самая большая шутка из всех – книга под названием «Утопия». Утописты девятнадцатого века подражали книге, не видя шутку”. И разве сама история не показывает его правоту? – социализм несовместим с реальностью». Таким образом, вполне возможно, что вся дальнейшая история социализма – это история развития непонятой шутки.

“Civitas Solis” Томмазо Кампанеллы

Другой великий утопист XVI столетия был итальянцем. Томмазо Кампанелла, родившийся в 1568 г. в провинции Реджио, назвал свой утопический мир «Государство солнца», или «Город солнца», в подражание «Острову Солнца»

Ямбула. Как христианин, он был не очень хорош. Обучение в доминиканском монастыре не спасло его от популярного в то время мракобесия – астрологии, магии, алхимии и каббалы. Представления Кампанеллы о Боге – пантеистические. Бог у него присутствует во всех вещах, все предметы и существа способны к чувствованию. Земля у него – как и у Джордано Бруно – живая. При этом человек на Земле подобен червя, ковыряющемуся в теле, – иными словами, Томмазо отходит от христианского представления об отношениях человечества и творения, где последнее подчинено первому. Вселенную, само Бытие Кампанелла считает бесконечно рождающимися и умирающими, т. е. история у него циклична, – это совершенно противоположное христианскому представлению о сущем.

«Город солнца» Кампанеллы увидел свет в 1620 г. *«Утопия Кампанеллы – одна из самых полных, смелых и красивых утопий, какие когда-либо были написаны»*, – писал Поль Лафарг [136, с. 461]. Как и города «Утопии», «Город солнца» находится на острове, правда делит соседство не с дружественными единоплеменниками-солярийцами, а с враждующими королевствами. Это накладывает свой отпечаток на общественное устройство утопии, делая его куда более воинственным, чем у утопийцев Мора. Предлагаю кратко пройтись по основным чертам «Города солнца», вполне типичных для чаяний социалистического общества, как вымышленного, так и реального:

«...мужчины и женщины у них носят почти одинаковую одежду, приспособленную к военному делу, только плащ у женщин ниже колен, а у мужчин доходит только до колен. И все они обучаются всяким наукам совместно» [132, с. 151].

«Впоследствии все получают должности в области тех наук или ремесел, где они преуспели больше всего, – каждый по указанию своего вождя или руководителя. Они отправляются на поля и на пастбища наблюдать и учиться земледелию и скотоводству; и того почитают за достойнейшего, кто изучил больше искусств и ремесел и кто умеет применять их с большим знанием дела» [132, с. 152].

«Дома, спальни, кровати и все прочее необходимое у них общее. Но через каждые шесть месяцев начальники назначают, кому в каком круге спать и кому в первой спальне, кому во второй: каждая из них обозначается буквами на прилолке. Занятия отвлеченными науками и ремеслами являются у них общими как для мужчин, так и для женщин...» [132, с. 154].

«Ни одна женщина не может вступать в сношение с мужчиной до девятнадцатилетнего возраста; а мужчины не назначаются к производству потомства раньше двадцати одного года или даже позже, если они имеют слабое телосложение... Пожилые начальники и начальницы заботятся об удовлетворении половых потребностей более похотливых и легко возбуждающихся, узнавая об этом или

по тайным их просьбам, или наблюдая их во время занятий в палестре. Однако же разрешение исходит от главного начальника деторождения – опытного врача, подчиненного правителю Любви... Когда же все, и мужчины и женщины, на занятиях в палестре, по обычаю древних спартанцев, обнажаются, то начальники определяют, кто способен и кто вял к совокуплению и какие мужчины и женщины по строению своего тела более подходят друг другу; а затем, и лишь после тщательного омовения, они допускаются к половым сношениям каждую третью ночь. Женщины статные и красивые соединяются только со статными и крепкими мужами; полные же – с худыми, а худые – с полными, дабы они хорошо и с пользой уравнивали друг друга» [132, с. 157].

«Ежели какая-нибудь женщина не понесет от одного мужчины, ее сочетают с другим; если же и тут она окажется неплодной, то переходит в общее пользование, но уже не пользуется почетом, как матрона, ни в Совете по деторождению, ни в храме, ни за столом. Это делается с той целью, чтобы ни одна не предотвращала сама беременности ради сладострастия» [132, с. 158].

«На деторождение они смотрят как на религиозное дело, направленное ко благу государства, а не отдельных лиц, при котором необходимо подчиняться властям. И то, что мы считаем для человека естественным иметь собственную жену, дом и детей, дабы знать и воспитывать свое

потомство, это они отвергают, говоря, что деторождение служит для сохранения рода, как говорит святой Фома, а не отдельной личности. Итак, производство потомства имеет в виду интересы государства, а интересы частных лиц – лишь постольку, поскольку они являются частями государства; и так как частные лица по большей части и дурно производят потомство, и дурно его воспитывают, на гибель государства, то священная обязанность наблюдения за этим, как за первой основой государственного благосостояния, вверяется заботам должностных лиц, и ручаться за надежность этого может только община, а не частные лица. Поэтому производители и производительницы подбираются наилучшие по своим природным качествам, согласно правилам философии» [132, с. 160].

«...у Соляриев жены общи и в деле услужения, и в отношении ложа, однако же не всегда и не как у животных, покрывающих первую попавшуюся самку, а лишь ради производства потомства в должном порядке, как я уже говорил» [132, с. 162].

«Но в Городе Солнца, где обязанности, художества, труды и работы распределяются между всеми, каждому приходится работать не больше четырех часов в день; остальное время проводится в приятных занятиях науками, беседами, чтении, рассказах, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей, и все это делается радостно» [132, с. 162].

«Они утверждают, что крайняя нищета делает людей негодьями, хитрыми, лукавыми, ворами, коварными, отверженными, лжецами, лжесвидетелями и т. д., а богатство – надменными, гордыми, невеждами, изменниками, рассуждающими о том, чего они не знают, обманщиками, хвастунами, черствыми, обидчиками и т. д. Тогда как община делает всех одновременно и богатыми, и вместе с тем бедными: богатыми – потому что у них есть все, бедными – потому что у них нет никакой собственности; и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им» [132, с. 162].

«Торговля у них не в ходу, хотя они и знают цену денег и чеканят монету для своих послов и разведчиков. Из разных стран являются к ним в город купцы для закупки излишнего для города имущества, но Солярии отказываются продавать его за деньги, а берут в обмен, по соответственной оценке, недостающие им товары, которые часто приобретают и за деньги» [132, с. 169].

Итак, солярийцы «построили» вполне развитое социалистическое общество. В нем общность имущества соединена с общностью жен, а производство и потребление тщательно регламентированы и регулируются специально назначаемыми управленцами. Царит полное равенство – вплоть до одежды, как и у Мора. Торговля и деньги не играют в экономике никакой роли – разве что для сношений с иностранцами. Уменьшение рабочего времени позволило освободить человека от труда ради занятия науками и искусством, что

сделало людей универсальными работниками, поэтому разделения труда нет. Впрочем, есть и новшество – это своего рода генетическая инженерия, подбор половых партнеров ради сохранения наиболее предпочтительных качеств у будущего потомства. Однако это еще один пример развития социалистической мысли, которая подчинялась и подчиняется стремлению к рационализации всех сторон жизни общества. Более же всего мне хочется подметить, что в «Городе солнца» традиционная моногамная семья и частная собственность рассматриваются как источник несправедливости и взаимосвязаны между собой – в чем солидарны, пожалуй, почти все социалисты: *«...они утверждают, что собственность образуется у нас и поддерживается тем, что мы имеем каждый свое отдельное жилище и собственных жен, и детей. Отсюда возникает себялюбие, ибо ведь, чтобы добиться для своего сына богатства и почетного положения и оставить его наследником крупного состояния, каждый из нас или начинает грабить государство, ежели он ничего не боится, будучи богат и знатен, или же становится скрягою, предателем и лицемером, когда недостат ему могущества, состояния и знатности. Но когда мы отрешимся от себялюбия, у нас остается только любовь к общине»* [132, с. 149–150]. Отсюда и обобществление жен, общественное воспитание детей – практика, призванная исправить пороки, порождаемые семьей как источником изначального неравенства между людьми. Кроме того, уничто-

жение моногамной семьи означало и означает ликвидацию экономической зависимости между ее членами. В итоге люди становятся зависимы только от государства, что мы и видим на примере «Города солнца».

Утописты-социалисты протестантской Англии и Нидерландов

Перенесемся из Италии снова в Англию, на этот раз в XVII в. Это было время, когда страну охватил многолетний политический кризис, начавшийся с конфликта короля с парламентом, а затем продолжившийся установлением на короткий срок абсолютизма. В 1642 г. Англию охватила гражданская война между роялистами («кавалерами») и сторонниками парламента («круглоголовыми»), закончившаяся победой парламента и диктатурой Кромвеля. Этот период именуют Английской буржуазной революцией. Одним из наиболее радикальных революционных движений были т. н. «диггеры», или «истинные левеллеры», чьи идеи мы рассмотрим далее.

Начнем с таких авторов, как Р. Овертон и В. Бальвин. Первый работал типографом и известен изданным в 1643 г. сочинением, где убеждал читателя, что у человека нет души и *«человек смертный во всех отношениях»* и *«все, что создано, – материально, ибо все, что не материально – ничто»*. Бальвин, атеист и товарищ Овертона, как писал Эду-

ард Бершнтейн, считал, что *«на земле не будет благоденствия, пока все блага мира не будут общими»*, и *«небольшая толпа неутомимых и бесстрашных людей могла бы перевернуть весь мир, если бы они разумно взялись за дело и не боялись рисковать жизнью»* [136, с. 550–551].

«Истинные левеллеры» были мощным, значимым для английской истории XVII столетия, социальным движением. Основой их идей была приверженность к общности пользования землей и, откровенно говоря, это неудивительно, поскольку в Англии после многих лет политики огораживания тысячи людей остались без средств к существованию, а в сельской местности скиталось множество бедняков (достаточно для того, чтобы государство и местные власти начали организацию помощи для них, в противном случае они бы умирали от голода). Несмотря на отказ от вооруженного сопротивления, левеллеры считали, что землевладельцы (фрихольдеры), когда настанет время, откажутся от своих прав на землю, сделав их общими, после чего наступит Царство Божие на земле (здесь мы опять сталкиваемся с тем, как социалисты прошлого описывали будущий рай на Земле, используя религиозные образы, которые этого совершенно не подразумевали). Лидерами «истинных левеллеров» были Вильям Эверард и Джерард Уинстенли (утопию которого мы еще рассмотрим далее). Движение не было по-христиански религиозным, что видно уже по их манифесту 1649 г., где они изъясняются скорее как деисты, чем как христиане:

«Вначале великий творец разум создал землю как общее достояние людей; лишь благодаря насилию на земле появилось рабство и угнетение. Это насилие явилось в лице Адама, отца первородного греха» [136, с. 559]. Постулировался совместный труд и обобществление средств потребления: «Трудитесь совместно, ешьте совместно свой хлеб...» [136, с. 560]. Таким образом, настаивая на общности земли и на совместном труде и потреблении, «истинные левеллеры» настаивали на обобществлении и средств потребления, и средств производства.

* * *

Джерард Уинстенли, один из вождей «истинных левеллеров», является автором сочинения 1651 г., которое Э. Бернштейн характеризует как *«самое замечательное а самое интересное для истории социализма. В нем нет мистицизма, нет никаких иносказаний; ясными, точными словами автор излагает целую систему социалистического общественно-го строя» [136, с. 562]. Его название: «Законы свободы, изложенные в виде программы, или Восстановление истинной системы правления».* То, что сочинение предлагает и постулирует, действительно, самый настоящий памятник для истории социалистической идей.

В будущем обществе должна быть уничтожена торговля, купля и продажа. Возникновение торговли – это грехопаде-

ние человечества. Купля и продажа – «это закон завоевателя, а не справедливый естественный закон. Может ли быть справедливым или добропорядочным то, что называется мошенничеством? Когда человечество начало покупать и продавать, оно утратило свою невинность, ибо тогда же люди начали угнетать друг друга и путем обмана лишать один другого естественных прав» [136, с. 566]. Разумеется, отменяются и деньги – золото и серебро можно использовать только для изготовления утвари. Единственная возможность использовать деньги допускалась при торговле с другими странами.

Богатство для Уинстенли невозможно без эксплуатации: «Никто не может быть богатым иначе как благодаря собственному труду или труду других людей, помогающих ему. Если бы ближние не помогали человеку, он не был бы в состоянии получать ежегодно сотни и тысячи фунтов стерлингов дохода... достигнутые блага принадлежат настолько же его соседям, насколько ему, ибо они являются плодом трудов других настолько же, насколько и плодами его труда. Но все богачи живут в довольстве, питаются и одеваются не собственным трудом, а благодаря труду других. Богачи получают все, что они имеют, из рук рабочих. Когда они дарят что-нибудь, они дарят продукт труда других, а не своего собственного труда» [136, с. 567].

Уинстенли за обобществление средств производства, но против обобществления средств потребления, как и совре-

менные социалисты: «...вся земля и все запасы принадлежат сообща всем семьям... дом, жена, дети, вся утварь, украшающая дом, все, что человек берет из запасов для удовлетворения потребностей своей семьи, составляет собственность этой семьи». Интересно представление Уинстенли об «истинной свободе»: «...истинная республиканская свобода заключается в свободном пользовании землей... царит там, где человек получает пищу и все, что нужно для его содержания. Человеку легче не иметь тела, чем не иметь пищи для поддержания последнего. Поэтому отнятие земли у одного брата в пользу другого ведет к угнетению и рабству». Эта мысль отдаленно напоминает идею отчуждения человека от самого себя в результате нужды работать ради выживания и идею о фундаментальном пороке собственности, которая является источником всяких преступлений. «Я говорю здесь об угнетателях и угнетаемых, о внутреннем рабстве я не говорю. Хотя я уверен, что при тщательном исследовании оказалось бы, что внутреннее рабство – жадность, гордость, лицемерие, зависть, заботы, страх, отчаяние и безумие – вызывается внешним рабством, является последствием того, что один класс людей угнетает другие классы» [136, с. 568].

Духовенство у Уинстенли – защитники частной собственности, разносчики «опиума для народа»: «...священники убедили народ предоставить Вильгельму Завоевателю право собственности на землю и власть над нею». Священники

называются Джерардом не иначе как «слугами несправедливости». Они *«постоянно ведут борьбу с простым народом и примиряются с ним лишь тогда, когда им настолько удастся затемнить его рассудок, что он верит всякому учению и ни о чем не размышляет, повинувшись их изречению "учение веры не должно испытывать разумом"»* [136, с. 568].

Производство в обществе будущего, по Уинстенли, основано на труде мелких ремесленников и общественных мастерских. В то же время все произведенные блага доставляются членами общества в специальные общественные магазины, где каждый берет все, что ему нужно и для потребления, и для производства. Магазины подразделяются на два типа: для сырья и для готовых товаров. Оборот благ никем не подсчитывается, но существуют специальные надсмотрщики, которые следят за тем, чтобы ремесленники работали столько, сколько следует. Если ремесленник работает меньше положенного, то налагаются санкции. Таким образом, производство хоть и нельзя назвать рационально организованным так, как в Утопии, тем не менее имеет определенные признаки такой организации. Проект утопии Уинстенли также подразумевал всеобщее обучение детей, их совместное воспитание в общественных школах, и всеобщую трудовую повинность до сорока лет. После сорока лет человек может выбирать себе занятие по собственному желанию, в том числе стать надсмотрщиком. После достижения шестидесяти лет мужчины следят за исполнением законов. Все новости

о мире и общине проходят через центр. Специальные должности почтмейстеров предназначены для сбора всех сведений и сообщений, которые отсылаются в столицу. Там вся информация проходит систематизацию и публикуется в виде книг. Затем эти книги рассылаются по общинам, где их читают на собраниях в дни отдыха [136, с. 571].

Уинстенли, судя по всему, был материалистом и даже атеистом (хотя и использовал в своем словаре вполне религиозные термины, но иначе и невозможно было в его время). Так, о теологии он писал, что это *«не что иное, как обман. Ибо в то время, как люди смотрят на небо, мечтая о блаженстве или опасаясь ада, ожидающих их после смерти, у них отнимаются глаза для того, чтобы они не могли видеть своих прирожденных прав и задачи, ожидающей их во время их земной жизни. Это учение – отвратительная фантазия, подобная туче без дождя»* [136, с. 571]. В другом своем сочинении «Рай святых, или Учение отца является единственным удовлетворением души» Уинстенли отрицает существование сатаны.

Общество, которое хотел построить Уинстенли, по всей видимости было бы очень репрессивным для достижения своих целей. Так, высшее наказание полагалось бы тем, кто участвует в купле или продаже благ – такой человек получает 12 месяцев лишения свободы. Казалось бы, не слишком много, но вот за продажу земли или ее плодов предназначалась смертная казнь! Даже назвать землю «своей» наказыва-

ется в утопии Уинстенли 12 месяцами тюрьмы и клеймом на лбу. Полностью запрещается наемный труд: *«никто не имеет права продавать свой труд или покупать чужой»*, а за нарушение – 12 месяцев тюрьмы [136, с. 573].

Таков примерный список идей Уинстенли. Как можно увидеть, они уже совершенно социалистические, и Джерард, если бы он родился в XIX или XX в., наверняка оказался бы в рядах какой-нибудь социалистической партии. Примечательно, что Уинстенли, как и Фридрих Энгельс, был английским промышленником. Правда, задуматься о будущем идеальном обществе его заставило государство – высокие налоги в эпоху английской революции попросту разорили нашего утописта.

* * *

Питер Корнелиус Плокбой – нидерландский автор вышедшего в 1659 г. утопического сочинения, которое является еще одной «переходной ступенью» к «научному социализму». Сочинение называется ни много ни мало «Предложение способа сделать бедняков этой и других наций счастливыми путем объединения известного числа подходящих и удобных для этого людей в общее хозяйство или в маленькую республику, в которой каждый мог бы сохранить свою собственность и заниматься без всякого принуждения тем трудом, который ему по силам. Средство избавить эту и дру-

гие нации не только от ленивых, дурных и испорченных людей, но также и от таких лиц, которые искали и нашли способы жить на счет труда других. С приложением приглашения вступить в это общество или маленькую республику». В этой работе мы во всей красе узрим рациональный подход социального инженера с социалистическими убеждениями и предубеждениями. Несмотря на утопичность, данный проект реально пытались воплотить в жизнь. На его осуществление были собраны деньги (100 стерлингов с каждого участника), так что направлен он был не в далекое будущее, а в скорое настоящее. Это полноценное и подробное описание рациональной организации производства, но не в рамках национального государства, а в рамках общины (или «маленькой республики»).

Начинает Питер Корнелиус типичной социалистической тирадой: *«Видя большое неравенство и беспорядки среди людей в мире, когда не только порочные правители или руководители, жадные купцы и торговцы, ленивые, праздные и нерадивые вероучители и другие довели всех до рабства и угнетения, – но также большое количество простых ремесленников или рабочих, – стремящихся уменьшить, избежать или сбросить тяжкий гнет, – наполняют все дела ложью и обманом к угнетению честных и добрых людей, совесть которых не может выносить этого, поэтому я (вместе с другими, рожденными для общего блага) задумал попытаться объединить четыре сословия людей, из которых*

состоит мир, в одну семью или самоуправляющуюся общину, то есть крестьян, ремесленников, моряков и магистров искусств и наук, с целью избежать светского и духовного ига фараонов, столь долго господствовавшего над телами и душами, и снова восстановить (как в прежние времена) справедливость, любовь и братское общение, которые редко могут быть найдены ныне» [20, с. 305].

Рассмотрим же изложение основ общества, которое Э. Бернштейн называет «коммунистическим хозяйственным товариществом с ограниченной частной собственностью». Последняя действительно сохраняется за членом общины в виде того, что он принес с собой при вступлении в нее, и закрепляется за собственником без права получения с собственности доходов. Имеет место даже наследование и возвращение принесенной в самом начале собственности при добровольном выходе из общины.

Община должна была состоять из большого дома на 30 семейств, построенного в Лондоне, где располагались бы лавки и склады, и еще большего по размерам дома в сельской местности – как центр производства и место жительства членов общины. При этом надо было расположить его у реки и обязательно снабдить пристанью, а кроме того, сделать возможным его отделение от окружающей местности подъемным мостом. Внутри огромного сельского дома, явно напоминающего крепость, располагались бы различные помещения, как общие, так и отдельные; спальни, приемные, поме-

щения для хранения одежды, детская комната, кухня, столовая, помещения для хранения пищи и напитков, госпиталь и комнаты врачей, библиотека и т. д.

Для всех членов общины устанавливалась трудовая повинность, ограниченная шестью часами. Отрабатывать эти шесть часов можно было в течение дня, как угодно, разбивая их так, как удобно рабочему. При этом для наемных рабочих, которых могла нанимать община, рабочий день составлял добрые 12 часов. Все члены общины, судя по всему, должны были периодически менять свою деятельность, какое-то время проводя то в городе, то в сельском доме. Это вполне логично для социалистической утопии, поскольку разделение труда уже им, задолго до Маркса, интуитивно виделось как зло, из-за которого невозможно достигнуть равенства. То есть, по идее, все члены общины должны были быть примерно одинаковы в своих навыках, и такая универсальность каждого члена гарантировала автаркию всей общины. Неудивительно поэтому, что дети, в том числе девочки, в «домашней» утопии Корнелиуса Плокбоя изучали сразу два-три ремесла. «Универсальность» каждого рабочего – своего рода противоядие против эксплуатации.

Совместное участие в хозяйствовании и производстве, по мнению Плокбоя, позволило бы здорово экономить на всем. Например, если сто семей живут вместе, то 25 женщин могут выполнять согласованно ту же работу, которую обыкновенно делают сто женщин. Вместо ста очагов понадобилось

бы четыре. Можно было бы экономить на покупках, покупая оптом сразу для всей общины [20, с. 311–312]. При этом утопист Корнелиус не предлагает замыкаться от внешнего мира, но в лучших традициях моравских общин, работать и на внешний рынок, в том числе изготовлением предметов роскоши. То есть его община отличается от «еретических коммунистов» Средневековья, она рациональна и напоминает хорошо организованную фабрику, а не замкнутое сообщество. Для утопистов такая концепция не является необычной. У Кампанеллы и Уинстенли внешние торговые связи тоже имели место при сохранении плановой экономики без денег внутри своих систем. Впоследствии в этом отношении мало что поменяется, когда социализм удастся реализовать на практике в рамках большого государства – СССР торговал с капиталистическим миром, в том числе закупал предметы роскоши для номенклатуры, но внутри своего строя более-менее сохранялось внешнее равенство между большинством людей, за исключением номенклатуры, и одинаковая убогость быта.

Подобные новшества обеспечили бы общине настоящее процветание и независимость:

– Община не будет запрашивать, но «в противоположность принятому обычаю будет продавать по самым дешевым ценам».

– Члены ее «будут пользоваться более дешевым жилищем и более дешевыми средствами к жизни».

– Община будет в состоянии изготовлять «лучшие продукты за ту же цену» [136, с. 655].

В качестве преимущества общины Плокбоя Бернштейн указывает, что молодым людям не нужно вступать в брак преждевременно, чтобы избавиться от рабской зависимости от своих родителей, ибо они могут выбирать себе спутников обдуманно и свободно, не обязательно среди членов общины. По всей видимости, община должна была разрушить «узы экономической зависимости» родителей и детей, о чем так мечтали социалисты многих поколений.

Как замечал Бернштейн, Питер Корнелиус Плокбой основывал план своей маленькой утопии на соображениях экономического преимущества организованного в крупных размерах производства, где город и деревня органически соединены. Это правда: *«В то время как скупщики обыкновенно угнетают своих рабочих тяжелым трудом за низкую заработную плату, у нас доход мастеров будет употребляться на пользу и для удовольствия рабочих. И в то время, как ремесленники обычно, преследуя свою частную пользу и выгоду, постоянно находятся между надеждой и страхом, в нашем обществе каждый спокойно занимается своим делом в положенное время, так как убытки не падают ни на кого в отдельности, и при продаже наших товаров, ибо мы не запросим лишнего; другие (которые не захотят потерять своих покупателей) будут вынуждены подражать нам, и это будет верный путь освободить мир от такой лживой*

практики, и мы, производя с наименьшими затратами, можем предоставлять наши товары за более выгодную цену, или лучшие товары за те же деньги, по которым они продаются купцами вне общества, посредством чего мы научим мир (поскольку они таким образом смогут мало получать) держаться в пределах разумного...» [20, с. 313]. Как тут не вспомнить и немножко не перефразировать слова Николая Бухарина, которые я цитировал в начале книги: «...между этими различными формами предприятий идет хозяйственная борьба, борьба, в которой последнее слово принадлежит покупателю. Покупатель же покупает там, где товар лучше и дешевле. При правильной постановке дела – а такой правильной постановки дела мы все больше и больше добиваемся и все больше и больше достигаем – все преимущества будут на стороне крупного <государственного/кооперативного> производства, и оно будет забивать в конкурентной борьбе своего частного соперника». В XX столетии подобные соображения, в своем теоретически законченном виде, будут иметь место во внутренней политике всех социалистических государств, подчиняющих производство и оптовую торговлю государственному плану и проводящих коллективизацию (т. е. превращение раздельных крестьянских хозяйств в крупные колхозы и совхозы).

Английский квакер-социалист Джон Беллере, родившийся в 1654 г., написал сочинение, определенно содержащее сходие с Плокбоем идеи организации промышленного колледжа (колонии) на рациональных и социалистических началах. Изданное в 1695 г., оно называлось «Проект учреждения рабочего колледжа всех полезных ремесел и сельского хозяйства». Здесь нам важно отметить, какими для социалистического учения типичными чертами обладали идеи Беллера.

Прежде всего, это идея о том, что *«богатые совершенно не в состоянии жить иначе как за счет труда других»* [136, с. 663]. Подобное мнение о богатых для Беллера настолько очевидно, что даже комфортабельная жизнь в колонии есть *«уплата долга богачей рабочему, а не акт благотворительности»*, поскольку предполагалось, что колледж будет прибыльным предприятием, деньги на которое дадут те самые богачи.

Население колледжа было расписано заранее. Это 44 ремесленника, 82 женщины для выполнения домашней работы, 24 полевых рабочих; всего 150 человек. Беллере даже рассчитал среднюю годовую производительность членов колледжа (в фунтах стерлингов) и порядок выплат за аренду, топливо, материалы и т. д. Экономия на масштабе – как и у

Плокбоя, сюда же добавляем универсальность рабочих, которые могут трудиться по мере надобности как на полях, так и в ремесле. Женщины и дети также участвуют в труде. Приоритет за производством для собственного потребления, все остальное можно пустить на продажу. Денежные вознаграждения не допускаются, только оплата натурой. Жилые помещения четко разграничены между женатыми, холостыми, старыми и больными, как и мастерские. Предполагалось, что все в таком колледже будут заботиться друг о друге, не надо будет беспокоиться об обучении детей, обеспечении старости и неурожае.

Хотя проекты Плокбоя и Беллеса нельзя назвать такими же «национальными» утопиями, как «Утопия» Томаса Мора или «Город солнца» Кампанеллы, но, по сути, они очень похожи. Идея, заложенная во всех этих сочинениях, заключается в том, что организация людей в рационально организованные общины или общества, где будет соблюдаться принцип равенства, отсутствовать разделение труда, будет общественное образование детей, не будет денег внутри самих этих систем и т. д., – лучше и справедливее, чем общество настоящее. Более того – оно станет продуктивнее, экономически эффективнее. Это отличает утопический социализм от протосоциалистов – он уже интересуется повышением экономической эффективности за счет обобществления, в то время как протосоциалистов это, во всяком случае явно, не интересовало. Кстати говоря, в 1696 г. Белле-

ре выпустил второе издание своего проекта, которое было посвящено парламенту. В нем он явно пошел дальше, намекая на осуществление своих идей в общенациональном масштабе. Беллере пишет: «...я думаю, что праздные в настоящее время руки нации в состоянии изготовить множество пищевых продуктов и мануфактурных товаров, которые бы дали Англии такое же богатство, какое дают Испании рудники, если бы эти предметы потребления были посланы за границу, конечно, в том случае, если бы это сочли более соответствующим интересам нации, вместо того чтобы дать возможность при помощи этих продуктов прокормиться большему количеству людей на родине, что я считаю более целесообразным способом для повышения ценности земли в Англии...» [136, с. 671]. Впоследствии труды Беллера попадутся на глаза другому английскому социалисту-промышленнику и экспериментатору в деле строительства утопической общины Роберту Оуэну, а затем и к самому Карлу Марксу.

Неутомимое воображение Джона Беллера по части правильной организации общества не ограничивалось рабочими колледжами. В работе «Сочинение об усовершенствовании медицины» он предлагает национализировать общественную гигиену, создать централизованную систему здравоохранения на государственном финансировании, присвоив свои проекты описанием устройства больниц.

Интересны для нашего исследования еще два персонажа

родом из Туманного Альбиона. Оба современники Бальвина, Овертона и «истинных левеллеров». Первый – Индепендент (одно из течений пуританизма) и врач П. Чемберлен. В 1649 г. он издал сочинение, которое можно отнести к одним из ранних образцов т. н. «государственного социализма», или социализма в масштабе национального государства. В нем он предлагает национализацию церковных, казенных и всех не имеющих собственников земель с последующей передачей бедным. Разумеется, речь не шла о передаче земли в собственность – за счет этой земли следовало организовать национальные имения, предназначенные для содержания бедных и контролируемые чиновниками.

Другой английский «государственный социалист» того времени, Самуил Гартлиб, написал в 1641 г. «околоутопию» под названием «Описание знаменитого царства Макарии, имеющего отличное правительство, где все жители благоденствуют...», в котором предлагал назначить государство главным наблюдателем и контролером в экономике посредством пяти специализированных департаментов: земледелия, рыболовства, торговли и промышленности, морской торговли и колоний. При этом право собственности в этом проекте не неотъемлемо и может быть передано в общественное владение. Разумеется, «Макария» тоже может быть отнесена к жанру социалистических утопий.

Французские утописты-социалисты

Однако оставим Англию. Во Франции тоже были свои утопические социалисты, писавшие т. н. утопические романы. Что характерно для них – это использование выдуманных туземных народов, которые во всем лучше европейцев благодаря своим социалистическим порядкам. Путешественники из Европы терпят крушение у их берегов или просто посещают дальние страны, знакомятся с этими прекрасными народами, удивляются их образу жизни и приходят к выводу, что он очень хорош.

* * *

В 1675 г. в Англии вышла книга под названием «История севарамбов». Ее автор, французский адвокат, протестант, а впоследствии деист, Дени Верас рассказывает следующую историю. Корабль нидерландских путешественников садится на мель на неведомом острове, где экипаж встречает дружелюбный народ, именующий себя споруями, жителями страны Спорумб. Страна эта подчинена более богатой державе Севарамб, со столицей в городе Севаринд, населенной севарамбами. Описание этих (и не только) городов нас здесь не интересует, скажу лишь мельком, что Ве-

рас представлял их в своем воображении как почти идеальные места для жизни, с внушительными строениями и красивыми улицами, а людей – очень богатыми. Улицы их городов усыпаны цветами, а религией служит культ бога-солнца и родины-кормилицы. Нас интересует описание социально-экономических порядков утопии Вераса, а точнее – конкретных, социалистических порядков. А они действительно замечательны – французский мечтатель воплотил на страницах своего произведения такую тоталитарную левую диктатуру, которой позавидовали бы диктаторы XX в.

Правила, по которым функционировало общество севарамбов, были частично установлены верховным правителем Севариасом (персом, некогда попавшим на континент севарамбов, объявившим себя посланцем бога-солнца и победившим врагов-струкарамбов, за что был объявлен туземцами вождем), частично заимствованы из уже имевшихся туземных обычаев. Вся власть и собственность принадлежит вице-королям, каким был и Севариас, а городами управляют губернаторы. Их власть почти безгранична: *«...действительно, нет монарха с более неограниченной властью, чем губернаторы всех городов этой страны, где все общественное достояние и общественные интересы вверены им и где их приказания точно исполняются, если они соответствуют установленным законам»* [132, с. 378].

В обществе севарамбов ни у кого нет богатства, кроме государства. Разумеется, подобное положение дел объ-

ясняется вполне социалистическим понимаем собственности как источника несправедливости и прочих зол: «*Богатство и обладание собственностью вызывают большие контрасты в обществе, и от них ведут начало алчность, зависть, вымогательство и множество других болезней. Поэтому он отменил право собственности, лишил его частных лиц и пожелал, чтобы все земли и народные богатства принадлежали исключительно государству, которое может ими неограниченно распоряжаться, так чтобы его подданные могли получить лишь то, что им будет предоставлено должностными лицами. Таким образом, он совершенно изгнал страсть к наживе, оброки, налоги, голод и бедность, порождающие столько бедствий в различных государствах мира*» [132, с. 422]. Севарамбам неведома «особая жадность», «так как у них богато только государство, не держат в тайне такого рода вещи» [132, с. 392].

Социум севарамбов строго регламентирован: «...чтобы устранить все ненормальности, порождаемые неравенством происхождения, Севариас не пожелал иного деления среди своего народа, кроме как на должностных и на частных лиц, и среди этих последних лишь различие в возрасте могло составить разницу в положении» [132, с. 422].

Также регламентировалось все свободное и рабочее время жителей страны: «Для этой цели он разделил день на три равные части: первую часть он предназначил для труда, вторую для развлечений и третью для отдыха. Он пожелал,

чтобы все люди, достигшие определенного возраста, которых болезни, старость и другие несчастья не освобождают от выполнения требований законов, работали по восемь часов в день и остальное время употребляли на дозволенные и пристойные развлечения или на сон и отдых» [132, с. 423].

Как и у Томаса Мора, для усиленно занимающегося науками севарамбы могли делать исключения в обязательной восьмичасовой трудовой повинности. Такое исключение было сделано для героев книги, путешественников из Европы, которые решили остаться жить в стране севарамбов: *«Чтобы у нас было больше времени для ученья, он приказал, чтобы мы работали всего шесть часов в день в течение первых лет нашего пребывания, хотя коренные жители страны должны были ежедневно посвящать труду восемь часов. Кроме всего этого, он сообщил, что в году было много праздников, во время которых устраивались для народа зрелища и развлечения, и, таким образом, не казался докучливым труд, перемешанный с приятным времяпрепровождением и играми, дававшими отдых и уму, и телу» [132, с. 387].*

Присутствует здесь, как и положено социалистической утопии, обобществление детей, отчуждение детей от родителей. Это делается ради поддержания равенства, ведь как мы помним, моногамную семью социалисты всех поколений рассматривали как источник несправедливости: *«Особенное внимание обращать на воспитание детей, которые должны быть усыновлены государством, как только они достигнут*

семилетнего возраста, чтобы с самых ранних лет они приучались к соблюдению законов и к повиновению должностным лицам, являющимся действительными отцами родины. Поэтому он (Севариас) учредил общественные школы, чтобы воспитывать их всех вместе и под руководством лиц избранных и умелых, не побуждаемых ни любовью, ни ненавистью, чтобы проводить равное воспитание всех детей при помощи наставлений, наказаний и примеров, приучая их ненавидеть порок и любить добродетель; а чтобы родители не могли мешать наставникам исполнять свои обязанности, он пожелал, чтобы родители, проявив первые родительские заботы и свою первую нежность к драгоценным плодам своей любви, отказались от своей родительской власти и передали ее государству и его должностным лицам, являющимся политическими отцами родины. Согласно этому распоряжению, по достижении детьми семилетнего возраста, отцы и матери четыре раза в год в определенные дни обязаны их отводить в храм Солнца, где, сняв с них белые одежды, которые они носили со дня рождения, вымыв их, обрив им головы и натерев маслом, облачают их в желтые одежды и посвящают божеству. Отец и мать целиком лишаются данной природой власти над детьми, сохраняя лишь их любовь и уважение, и с этого момента дети становятся детьми государства. Их тотчас же направляют в общественные школы, где в течение четырех лет их учат повиновению законам, обучают читать и писать, а также

танцевать и обращаться с оружием. После четырехлетнего пребывания в этих школах, когда дети физически окрепли, их посылают в деревню, где в течение трех месяцев их учат обрабатывать землю, заставляя работать по четыре часа в день, а четыре часа они продолжают упражняться в тех предметах, которым их уже обучали в школах. Разница между воспитанием девочек и мальчиков очень невелика, но воспитываются они отдельно: осмазии бывают для одного и для другого пола, и обычно в деревне они отстоят далеко одна от другой» [132, с. 444–445].

Обратите внимание, что уже с детства в социалистическом обществе севарамбов культивируется универсализация рабочей силы. Как мы уже знаем, для социализма в целом характерно интуитивное неприятие разделения труда как причины отчуждения рабочего от его труда. Жители утопии Вераса обучают детей и сельскому хозяйству, и городским знаниям, нет различий между полами и т. д. То есть они культивируют универсальную рабочую единицу, способную заниматься любой работой, если это необходимо рационально и централизованно организованной плановой экономике.

Что касается обобществления жен, то, судя по всему, его в утопии Вераса нет. Взамен есть многоженство, которое было разрешено только определенным должностям (вот вам и общество равных, где кто-то все равно равнее). У Севариа-са было «от десяти или двенадцати жен, которых он имел в течение своей жизни, родилось много детей, потомство

которых сильно увеличилось и пользуется большим уважением среди севарамбов. Они даже пользуются некоторыми преимуществами, не предоставляемыми другим подданным, главной из которых является возможность поступить на государственную службу на три года раньше, чем юношам из других семей» [132, с. 426]. О привилегии иметь больше одной жены упоминается в другом месте: «...но бывает и совершенно противоположная предусмотрительность: из боязни, как бы достойный уважения человек, достигнув положения, не воспользовался в то же время соответствующей его чину привилегией иметь при желании более одной жены, они предпочитают выходить замуж за человека, ничем не выдающегося, чем полюбить такого, который, возвысившись, пожелал бы разделить свое сердце, которым они хотели бы обладать безраздельно» [132, с. 446].

Централизованно организованная экономика функционирует вполне типично для утопии. Это старые добрые склады, на которых складывается весь произведенный продукт с последующим перераспределением между районами, городами и т. д.: «...мы уже говорили, что одним из основных законов государства является отсутствие у подданных собственности на имущество и предоставление полного распоряжения им монарху. Это было заведено со времен Севариаса, а чтобы кормить людей и дать им возможность жить в довольстве, были устроены общественные склады всех полезных и необходимых для жизни предметов, а также

предметов, служащих для удовольствий. Из этих складов, в зависимости от испытываемых потребностей, предметы распределяются по всем осмазиям. Каждая осмазия имеет свой особый склад, время от времени пополняемый из общих складов для того, чтобы была возможность дать каждому то, что ему необходимо как для его существования, так и для того искусства или ремесла, которым он занимается. В деревенских осмазиях главным образом занимаются земледелием, и народ питается плодами урожаяев. Каждая деревенская осмазия берет столько пшеницы, вина, растительного масла и других плодов, сколько ей необходимо, чтобы продолжать обработку земли и прокормить всех ее обитателей. Излишки отправляются в общественные склады. То же проделывается и в отношении скота в тех местах, где его разводят в большом количестве» [132, с. 441].

Утопия Вераса представляет собой собрание самых типичных социалистических идей. Как пишет сам Верас, «среди же севарамбов нет бедняков, нет людей, лишенных необходимых и полезных для жизни вещей, каждый имеет свою долю участия в удовольствиях и общественных развлечениях, и для того, чтобы пользоваться всем этим, ему не нужно убивать свое тело и душу тяжелым и непосильным трудом. Работа, ограниченная восемью часами в день, дает все эти преимущества ему, его семье и всем его детям, даже если бы у него была их тысяча» [132, с. 442]. Все это стандартные мечтания социалистов, но они не были бы полны-

ми, если бы мы не отметили последнюю деталь, «вишенку на торте» этой утопии, а именно ее антихристианский характер. Советский историк В. П. Волгин писал: *«Изображение религиозной жизни севарамбов служит у Вераса еще одной цели – весьма завуалированной критике религиозной жизни христианских стран. Он очень осторожен. Утверждая, что религия севарамбов “наиболее соответствует человеческому разуму”, он сейчас же оговаривается, что она тем не менее не самая истинная, ибо ей следует предпочесть “небесный свет Евангелия”. Но без этого “божественного откровения” мнения севарамбов о божестве пришлось бы признать правильными. В стране севарамбов есть небольшая группа христиан. Они пробовали вести пропаганду. Но их число не возрастает. Интересно, как излагает Верас причины этой неудачи. “Севарамбы, – говорит он, – слишком полагаются на человеческий разум”. Они считают странными святыне таинства нашей религии и смеются над всем, что превосходит их “затемненное понимание”. Они издеваются над чудесами, объясняют все явления естественными причинами, убеждены в том, что все в природе происходит в установленном порядке, согласно естественным законам. В конце концов, христианские священники пришли в отчаяние, решив, что только большое чудо, “смирив разум” этих неверных, могло бы привести к их обращению. Очевидно, Верас рассчитывал, что найдутся читатели, которые поймут преимущества рационалистической логики севарамбов над*

христианскими доводами, опирающимися против разума на откровение. Ав то же время, с точки зрения цензуры, его изложение было как будто вполне христиански-благонамеренным» [59].

* * *

«История севарамбов» стала очень популярной в Западной Европе и была настолько правдоподобно написана, что некоторые не сразу поняли, что в книге рассказана выдумка. И этому есть вполне рациональное объяснение. Дело в том, что в XVII–XVIII вв. получила известность книга испанского историка Гарсилао де ла Вега о государстве инков. Поскольку в империи инков действительно было некое подобие протосоциализма с отсутствием частной собственности и на это обстоятельство наложились романтические преувеличения европейцев, никогда не бывавших в Перу, некоторые интеллектуалы всерьез поверили в возможность построения такого общества и почему-то решили, что оно будет лучше, чем то, в котором они жили. Другие интеллектуалы, вроде Монтескье и Вольтера, заинтересовались религиозной политикой «страны севарамбов». В Германии труд Вераса положительно оценили Лейбниц и Кант.

Неудивительно, что подражателей Вераса нашлось достаточно. Похожие утопии были написаны и другими французскими социалистами-утопистами. Они столь похожи, что

нет смысла останавливаться на каждой из них подробно, поэтому ограничимся лишь кратким перечислением. Это «Республика философов, или История ажаойев» Фонтенеля 1768 г., где путешественники из Европы описывают страну Ажао. В ней живут ажаойи. У них все общее, вся земля принадлежит государству, есть централизованное распределение продуктов труда, всеобщая трудовая повинность. Есть многоженство, ограниченное двумя женами. Обобществление детей также присутствует – они воспитываются в государственных школах. В качестве религии – поклонение природе при отрицании бессмертия души, богов, Бога и т. д.

Далее, «Южное открытие, сделанное летающим человеком, или Французский Дедал: чрезвычайно философическая повесть» книгопечатника Никола Ретифа де ла Бретонна. Всё примерно то же самое: путешественники из Европы с помощью летательного аппарата открывают неведомый континент Мегапатагонию, жители которого живут в коммунистическом обществе. Нет никакой частной собственности, есть всеобщая трудовая повинность. Жены обобществлены, причем брак заключается только на один год. После беременности брак расторгается, а после окончания периода кормления ребенка грудью он передается на попечение государства. Никакой религии у мегапатагонцев нет, в качестве объекта нерелигиозного почитания – Солнце, небо и земля. При этом целью данного общества объявляется *«все, что закономерно доставляет удовольствия, не слишком расслабляя и пре-*

сущая органы», а какая-либо объективная мораль отрицается: «...вопросы морали не предоставлены прихоти частных лиц. Благодаря нашему равенству и нашей общности ходячая мораль единообразна и публична» [403, с. 148].

Коммунизм как утопия в трудах Николая Бухарина

Это может показаться странным, но историю утопического социализма я хочу завершить не чем иным, как утопией коммуниста Николая Бухарина. Это текст из «Азбуки коммунизма», который предназначался как своего рода краткое изложение марксизма и основных программных пунктов большевиков в период Гражданской войны, но он мало чем отличается от фантазий утопистов предшествующих эпох. Я счел важным процитировать его именно в этом разделе, чтобы показать вам, читатель, насколько тесно связаны между собой социалистические утопии Нового времени и мало отличающийся от них, в корне, «научный социализм». Эти идеи генетически однородны. Все, что писал Николай Бухарин в 1919 г., в основном один в один совпадает с идеями его предшественников-утопистов.

– Обобществление средств производства (но не потребления): *«В основе коммунистического общества должна лежать общественная собственность на средства производства и обращения. Это значит, что машины, аппараты,*

паровозы, пароходы, фабричные здания, склады, элеваторы, рудники, телеграф и телефон, земля и рабочий скот – все это находится в распоряжении общества. Не отдельный капиталист, не союз отдельных богатых лиц владеет этими средствами, а все общество целиком. Что значит, все общество целиком? Это значит, что даже не один класс является владельцем, а все люди, которые составляют общество. При таком условии общество превращается в громадную трудовую товарищескую артель. Само собою разумеется, что такая громадная организация предполагает общий план производства. Без общего плана и общего руководства, без точного учета и подсчета никакой организации нет. В коммунистическом строе такой план есть» [43, с. 52–53].

– Никакого разделения труда, универсализация каждой рабочей единицы: «При коммунизме, например, не будет постоянных управляющих заводами или лиц, всю свою жизнь занимающихся одним и тем же трудом. Ведь теперь так: если человек – сапожник, то он всю жизнь тачает сапоги и, кроме колодки, ничего не видит; если он – пирожник, он всю жизнь печет пироги; если человек – директор фабрики, он все время управляет и приказывает; если он простой рабочий, он всю жизнь исполняет чужие приказания и повинуется. Ничего подобного нет в коммунистическом обществе. Тут люди все получают разностороннее образование и будут знакомы с разными производствами: сегодня я управляю, под-

считывая, сколько нужно произвести на следующий месяц валяных сапог или французских булок; завтра я работаю на мыловаренном заводе, через неделю, может быть, – на общественных парниках, а еще через три дня – на электрической станции. Это будет возможно, когда все члены общества будут получать надлежащее образование» [43, с. 54].

– Каку Мора, Вераса и др., для изучения наук некоторые освобождаются от стандартной трудовой повинности: «С развитием техники рабочий день должен сократиться еще менее 8 часов, и таким образом для специального образования будет достаточно времени у каждого члена коммунистического общества. В некоторых случаях для особенно даровитых людей возможно и исключение в виде временного освобождения от труда на несколько лет для образования и научных исследований или сокращение рабочего дня в сравнении с общеустановленным, если все это будет признано общественно необходимым» [43, с. 196].

– Уже знакомые нам общественные склады: «...здесь нет товаров, а есть только продукты. Эти произведенные продукты не обмениваются друг на друга; их не покупают и не продают. Они просто поступают на общественные склады, а потом их берут те, кому они нужны. Стало быть, и денег здесь не нужно будет» [43, с. 54].

– Обобществление детей и негативное восприятие семейных ценностей: «Ребенок поэтому принадлежит тому обществу, в котором и благодаря которому он родился, а не

только лишь “обществу” своих родителей. Обществу же и принадлежит первейшее и основное право воспитания детей. И с этой точки зрения претензия родителей путем домашнего воспитания запечатлеть в психологии своих детей свою ограниченность необходимо не только отклонять, но и высмеивать самым беспощадным образом. Общество может доверить воспитание детей родителям, но может и не доверить, и чем дальше, тем меньше ему будет оснований доверять воспитание детей родителям, потому что способности к воспитанию детей все же встречаются реже, чем способности к деторождению. Из сотни матерей, быть может, одна-две способны быть воспитательницами. Будущее принадлежит общественному воспитанию. Общественное воспитание дает социалистическому обществу возможность воспитать будущее поколение так, как будет нужно и с наименьшей тратой сил и средств... Сотни тысяч, миллионы матерей при осуществлении общественного воспитания будут освобождены для производства и для их собственного культурного развития. Они будут освобождены от притупляющего ум домашнего хозяйства и бесконечного количества мелочных работ, связанных с воспитанием детей на дому» [43, с. 191].

– Отдельно отметим коммунистическое государство, поскольку многие коммунисты постоянно говорят, что они против государства, а не за увеличение его полномочий. В действительности отмирание государства – дело далекого

утопического будущего, а до него государство сохраняется в руках пролетариата: *«В коммунистическом обществе не будет классов. Но если в нем не будет классов, то это значит, что в нем не будет также никакого государства. Мы ведь уже говорили раньше, что государство есть классовая организация господства; государство всегда направлено одним классом против другого: если государство буржуазное, то оно направлено против пролетариата; если это государство пролетарское, тогда оно направлено против буржуазии. В коммунистическом же строе нет ни помещиков, ни капиталистов, ни наемных рабочих – в нем есть только простые люди – товарищи. Классов нет, классовой борьбы тоже нет, классовые организации не существуют. Не существует, следовательно, и государства: оно не нужно здесь, так как нет классовой борьбы, некого держать в узде и некому это делать... Поэтому пройдет смена двух-трех поколений, выросших при совсем новых условиях, пока исчезнет необходимость в законах и наказаниях, в подавлении рабочим государством всяких остатков капиталистической старины. Но если для этого нужно рабочее государство, то в развитом строе, когда остатки капитализма отомрут, отомрет и государственная власть пролетариата»* [43, с. 56–57].

Формально история утопического социализма завершилась в конце XVIII столетия, потому что тогда социализм как учение перешел на качественно новую ступень. Но как мы

видим, в сущности, большие надежды на радикальные общественные перемены в духе утопий не исчезли и в XX в. Можно даже сказать, что основная разница между утопиями и «научным социализмом» заключается в том, что последний окончательно переместил утопию с неведомых островов и миров в реальный европейский мир со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Французские социалисты

Французские социалисты, которые не относятся к утопистам, но непосредственные предшественники «научного социализма», представляют собой важный этап в истории учения. Обильно вобравшие в себя этатизм и дух эпохи просвещения, эти авторы стали «мостиком» между социалистическими идеями до XVIII столетия и социалистическими идеями XIX в. Как писал Фридрих Энгельс, *«современный социализм по своему содержанию является прежде всего результатом наблюдения, с одной стороны, господствующих в современном обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, наемными рабочими и буржуа, а с другой – царящей в производстве анархии. Но по своей теоретической форме он выступает сначала только как дальнейшее и как бы более последовательное развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века»* [407, с. 29]. Эти принципы были получены совре-

менными социалистами через деятелей, которых мы кратко рассмотрим далее.

Однако прежде, чем мы перейдем к ним, я просто обязан познакомить вас с французским социалистом, который предшествовал «просветителям», но был с их помощью выведен «в свет» и вобрал в себя все типичные социалистические предрассудки в наиболее вульгарной, грубой форме. Речь идет о Жане Мелье, жившем в 1664–1729 гг., чья работа под названием «Завещание» была хорошо известна Вольтеру и другим деятелям эпохи французского просвещения.

Идеи Мелье сводятся к следующему: религия, брак и частная собственность – зло. При этом сам Мелье был католическим священником, но это не мешало ему быть им днем, а ночью предаваться атеизму и социализму при написании своих текстов.

Против собственности Мелье высказывался так: *«Другое злоупотребление, принятое и узаконенное почти во всем мире, заключается в том, что люди присваивают себе в частную собственность блага и богатства земли, тогда как все должны были бы владеть ими сообща на одинаковом положении и пользоваться ими точно также на одинаковом положении и сообща»* [217].

О религии, которую он искренне ненавидел, несмотря на свой сан, Жан говорил следующее: *«Итак знайте, друзья мои, что всякий культ и поклонение богам есть заблуждение, злоупотребление, иллюзия, обман и шарлатанство,*

что все законы и декреты, издаваемые именем и властью бога и богов, лишь измышление человека, точно так же как все великолепные празднества и жертвоприношения и прочие действия религиозного и культового характера, совершаемые в честь богов. Все это выдуманно, как я уже говорил, хитрыми и тонкими политиками, потом было использовано и умножено лжепророками, обманщиками и шарлатанами, затем слепо принималось на веру невеждами и наконец было поддержано и закреплено законами государей и сильных мира сего, которые воспользовались этими выдумками для того, чтобы с их помощью легче держать в узде народ и творить свою волю, ибо в сущности все эти выдумки не что иное, как узда для коров, как говорил сьер де-Монтэнь, они служат лишь для обуздания умов невежд и простофилей. На мудрых не наденешь эту узду, они не поддаются этому, только невежды и простофили могут верить этим рассказням и позволить водить себя таким образом за нос. Когда я говорю здесь вообще о вздорности и ложности религий мира, я имею в виду не только языческие и чуждые религии, которые и вы сами тоже уже считаете ложными, — я имею в равной мере в виду также вашу христианскую религию, которую вы называете католической, апостольской и римской; в самом деле, она не менее пуста и ложна, чем всякая другая религия и, пожалуй, среди последних нет религии, столь смехотворной и нелепой в своих основных положениях и главных пунктах, как эта, нет столь противной

самой природе и здравому смыслу» [217].

Нерасторжимость брака Мелье называл «пятым злоупотреблением», обосновывая такое положение дел следующими соображениями: несчастные пары, плохое воспитание детей и, внимание, смерть родителей и последующее за этим сиротство. Выход из положения, как и следовало ожидать, социалист Мелье видел в обобществлении жен и детей: *«Равным образом, если бы люди, и в частности наши христопоклонники, не сделали брак нерасторжимым; если бы, напротив, всегда предоставляли одинаковую свободу мужчинам и женщинам беспрепятственно сходитьсь, следуя своему влечению, равно как свободу расходиться и расставаться друг с другом, когда им станет в тягость совместная жизнь или когда новое влечение побудит их к заключению другого союза, тогда без сомнения не было бы столько неудачных браков, столько случаев несчастной семейной жизни, как это наблюдается теперь; не было бы столько раздоров и несогласий, как наблюдается теперь между мужьями и женами... Все дети были бы одинаково хорошо воспитаны, одинаково хорошо питались бы и были бы снабжены всем необходимым, потому что все они воспитывались бы, содержались бы сообща, на общественный счет» [217].*

Но если Мелье был колоритным, но не особо значимым социалистом и упомянул я его в повествовании для подтверждения общей канвы, то французский «просветитель» Жан-Жак Руссо, который социалистом в буквальном смысле сло-

ва вообще не был, оказал определенное влияние на социалистическую мысль, обязанную ему даже некоторыми фигурами речи. Так, в «Юлии, или Новой Элоизе» Руссо впервые появляется знаменитая формула про религию и опиум. В одном из писем этого эпистолярного романа говорится, что набожность – это *«опиум для души: в малых дозах бодрит, оживляет и поддерживает, в слишком сильных дозах усыпляет или же приводит в исступление, а то и убивает»* [302].

Руссо считал частную собственность источником антагонизмов в обществе, а потому лучшим было бы общество, состоящее из равных между собой по имущественному положению людей. Собственность он уверенно связывает с пороками человека, нищетой и неравенством. В «Рассуждении о происхождении и основании неравенства между людьми» он пишет: *«Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: “Это мое!” – и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: “Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли – для всех, а сама она – ничья!” Ненасытное честолюбие, страсть к увеличению относительных размеров своего состояния, не так в силу действительной потребности, как для того, чтобы*

поставить себя выше других, внушает всем людям низкую склонность взаимно вредить друг другу, тайную зависть, тем более опасную, что, желая вернее нанести удар, она часто рядится в личину благожелательности, – словом, состязание и соперничество, с одной стороны, противоположность интересов – с другой, и повсюду – скрытое желание выгадать за счет других. Все эти бедствия – первое действие собственности и неотделимая свита нарождающегося неравенства. Таково было или должно было быть происхождение общества и законов, которые наложили новые пути на слабого и придали новые силы богатому, безвозвратно уничтожили естественную свободу, навсегда установили закон собственности и неравенства, превратили ловкую узурпацию в незыблемое право и ради выгоды нескольких честолюбцев обрекли с тех пор весь человеческий род на труд, рабство и нищету» [301].

Фридрих Энгельс в своем «Анти-Дюринге» высоко оценивает подход Руссо к описанию исторического развития. Противопоставляя идеи Руссо, философа прошлого, философии современного ему социал-демократа Евгения Дюринга, критике которого и посвящен «Анти-Дюринг», Энгельс называет учение Руссо демонстративно диалектическим. Начиная с самого начала, с естественного и дикого состояния, когда люди еще не умели говорить, все были равны. Но с возникновением языка это естественное состояние искажается. Сама способность людей к самосовершен-

ствованию, отличающая их от животных, неизбежно ввела в мир людей неравенство. По мнению Энгельса, Руссо видит в возникновении неравенства прогресс, который в то же время имел антагонистический, регрессивный характер. Развитие технологий, таких как обработка металлов и земледелие, привели к преобразованию первобытных лесов в возделанную землю, а с ней пришла собственность, которую, как мы видели, Руссо считал причиной труда, рабства и нищеты. Цивилизация «погубила человеческий род». Учреждения, которые люди создают для решения возникающих проблем, в итоге сами становятся проблемой, теряют свое первоначальное значение, приобретая прямо противоположное ему. В пример приводится власть государя, которого народы ставят для охраны своей свободы, но чья власть постепенно ее уничтожает, доводя неравенство до крайней степени. И в этом заключается диалектическая противоположность истории у Руссо: в своей несвободе перед деспотом люди становятся равны между собой. *«Здесь – предельная степень неравенства, та конечная точка, которая замыкает круг а соприкасается с начальной точкой, из которой мы исходили: здесь все частные люди становятся равными именно потому, что они представляют собой ничто, и подданные не имеют уже никакого другого закона, кроме воли господина».* Затем деспот, опирающийся на насилие, свергается путем насилия, и старое неравенство превращается в новое равенство, основанное на общественном договоре. Прежние

угнетатели подвергаются угнетению, состоялось «отрицание отрицания». «Таким образом, уже у Руссо имеется не только рассуждение, как две капли воды схожее с рассуждением Маркса в “Капитале”, но мы видим у Руссо и в подробностях целый ряд тех же самых диалектических оборотов, которыми пользуется Маркс: процессы, антагонистические по своей природе, содержащие в себе противоречие; превращение определенной крайности в свою противоположность и, наконец, как ядро всего – отрицание отрицания. Если, следовательно, Руссо в 1754 г. и не мог еще говорить на “гегелевском жаргоне”, то, во всяком случае, он уже за 16 лет до рождения Гегеля был глубоко заражен чумой гегельянства, диалектикой противоречия, учением о логосе, теологией и т. д.» [407, с. 206–209].

* * *

В эпоху Английской буржуазной революции, как мы видели, расцвела теоретическая деятельность утопических социалистов, создававших свои оригинальные проекты по улучшению общества. Французский социализм второй половины XVIII – начала XIX в. также находился под сильным влиянием т. н. Великой французской революции 1789 г. и был не менее деятельным и активным в реальной политике, чем в теории. Социалист Жан Жорес в своей работе «Социалистическая история Французской революции» писал, что «ком-

мунизм хотел выйти из романтической и платонической фазы, чтобы стать реальностью и участвовать в ее битвах. Социалистическая мысль, таившаяся во многих умах, пробуждается с развитием Революции; и те, кто желает нового распределения богатств, новой формы собственности, пытаются приспособить революционную теорию к своим идеям» [110, с. 86]. Это наиболее верная характеристика того этапа в истории социализма, который приходится на Францию – революция вызвала к жизни целую плеяду новых сочинений и активистов левого движения, хотя сама революция и не была социалистической, она даже изначально не имела антимонархического настроения, ибо предполагала переход к конституционной монархии. Но, как и в революциях следующего столетия, которые пройдут в германоязычном мире и в Италии, социалисты в этот период громко заявят о себе как о политической силе.

К таким активистам относился Франсуа Буассель, живший в 1728–1807 гг., якобинец, участник революции 1789 г., восстания 10 августа 1792 г., восстания 31 мая 1793 г. и многих других политических событий тех лет. В 1789 г. он выпустил работу под названием «Катехизис человеческого рода». Ее содержание в полной мере можно передать цитатами из вышеупомянутой работы Жана Жореса, где разбору «катехизиса» посвящена отдельная глава. Буасселем, *«путем вопросов и ответов доказывається всем братьям и сестрам по якобинству, что бог, собственность и брак – три бича, ко-*

которые все добрые граждане должны стремиться уничтожить, чтобы быть действительно свободными и счастливыми» [110, с. 108]. Право собственности ответственно за «грабеж и хитрость». Брак – за «владычество мужчины над женщиной, взаимный обман мужчины и женщины». Наследование собственности и богатства, которое происходит от института брака, воспроизводит неравенство, «увековечивает узурпацию». Разрешить это многовековое проклятье рода человеческого Буассель мог только через социализм, т. е. отмену собственности, религии и брака. Франсуа хотелось стереть с лица земли даже само отцовство и материнство, которые станут «лишь правом руководить всеми детьми и воспитывать их ради их счастья, так же как детство станет лишь правом любить и уважать всех отцов и всех матерей и дорожить ими... О, мой отец! О, моя мать! О, мой брат! О, моя сестра! О, мой сын! О, моя дочь! О, мои друзья! Эти слова будут выражать все степени родства» [110, с. 118]. Иными словами, «обобществим матерей и отцов»! Ну а что религия? Она закрепляет и оправдывает все злое, что есть в мире, ставя «воображаемые небесные силы на службу земным силам, которые послужили для них образцом» [110, с. 109]. Религия заставляет людей воевать друг с другом, держит всех в страхе перед «богом преисподней», да еще и «устанавливает праздники», что совсем уж недопустимо. Что еще хуже, религия «похитила» нравственные идеи у «совести рода человеческого», злоупотребив ими в своих

целях. Буассель в своем вердикте беспощаден – нет ни одного смягчающего обстоятельства, чтобы оправдать религию, которая сама оправдывает деление общества на угнетенных и угнетателей [110, с. 112].

В целом основные идеи Буасселя не несут ничего принципиально нового, кроме формы их подачи – он пытается передать социалистические мысли в виде ответов на вопросы, в виде катехизиса – так в Католической церкви называется изложение основ веры. Буассель тем самым излагает «основы веры» социализма для широких масс. И он рассчитывал на то, что сможет своей работой заинтересовать эти массы. *«Это сочинение было сдано в печать за два месяца до чудесного и навсегда памятного дня взятия Бастилии. Небесные силы, вы, которые только что навсегда освободили французский народ от самого постыдного рабства и от адских преследований со стороны извергов человечества, тиранов, завершите свое дело; да не будет триумф в борьбе за свободу отделен от триумфа истинного просвещения, без которого человек сможет воспользоваться им лишь на свою беду!»* – передает его слова Жан Жорес [110, с. 85].

С другой стороны, у Буасселя мы находим важное обстоятельство, которое будет в дальнейшем разрабатываться социалистической теорией. В отличие от Руссо, Буассель оптимистично смотрит на дальнейшее развитие человечества. Несмотря на пороки естественной природы человека, Франсуа верил в возможность преодолеть их с помощью разума, –

осознав природу «во всей ее протяженности», можно было бы возвыситься над ней и построить с помощью науки и разума лучший мир, где будет царить счастье и справедливость.

Этот «прогрессизм» мы еще встретим, и не раз, в описании социализма новейшего времени.

Граф Бабёф (годы жизни – 1760–1797) был современником Буасселя и известен тем, что стал основоположником движения под названием «бабувизм», наиболее знаменитым и верным последователем которого был Филиппо Буонаротти (годы жизни – 1761–1837). Суть движения заключалась в установлении пролетарской диктатуры после революции, т. е. о необходимости сохранения на некоторое время института государства, управляемого пролетариями. При этом революция должна была совершиться под руководством дисциплинированной тайной организации заговорщиков. Общество в глазах бабувистов было разделено на два вечно противоборствующих лагеря: эгоистов и собственников против народа, патриотов и сторонников всеобщего равенства. Русский историк Владимир Святловский так характеризовал этих деятелей: *«Буонаротти также резко делит все общество на два лагеря: в одном, большем, “эгоисты”, “собственники”, приверженцы “неравенства”, а в другом, меньшем, – все истинные “патриоты, друзья народа”, “друзья равенства”. Термина “коммунисты”, – что объяснило бы истинный смысл и сущность воззрений и его, и его друга Бабёфа, – у него еще нет... И Бабёф, и Буонаротти – принци-*

циальные, решительные и последовательные коммунисты, но не коммунисты утопические, мечтательные, кабинетные, как многие социалистические прожектеры XVIII или XIX столетий, а коммунисты дела, действия, фактически осуществления своих замыслов, словом, коммунисты-революционеры. Активность Бабёфа, Буонарроти и всех их единомышленников – “равных” или бабувистов – вполне революционна. Вот черта, резко и определенно отличающая и Бабёфа, и бабувистов от всей группы социалистически мыслящих в ту эпоху» [313]. Тем не менее теорией Бабёф не брезговал. В 1785 г. он разработал проект организации «коллективных ферм» (колферма?), которыми можно было заменить крупное частное землевладение. В 1789 г. он даже написал целый труд об аграрных преобразованиях под названием «Постоянный кадастр». За счет издания и продажи этой книги Гракх рассчитывал поправить свое тяжелое финансовое положение, но что-то пошло не так, и книгу практически никто не купил. Это не остановило его от попыток продолжать распространять свою программу по национализации крупного землевладения и бесплатной раздаче земли беднякам. Впрочем, в 1797 г. Бабёфа казнят на гильотине за организацию заговора против республики.

Буассель и Бабёф – это прежде всего практики, хоть и оставившие после себя теоретическое наследие. Другие видные французские деятели социализма, те самые прожектеры, интересны нам как теоретики. Например, Сен-Симон

и Сент-Аман Базар оставили после себя вполне любопытные идеи, некоторые из которых непосредственно перешли в марксизм, а Пьер-Жозеф Прудон был знаком с Марксом лично. У нас нет морального права обойти их стороной в своем повествовании.

Первый из них – Клод Анри Сен-Симон (годы жизни – 1760–1825), основал целое учение о преобразовании старого социума в справедливое и рационально организованное общество, устроенное как одна большая фабрика. Рассматривая социально-экономическое развитие как закономерное и предшествуя Марксу в разделении человеческой истории на последовательные стадии, а именно примитивно-первобытную, политеистическо-рабовладельческую, христианско-феодальную, и светско-промышленную, Сен-Симон разработал план преобразования общества в научно-социалистическое, управляемое классом промышленников в интересах пролетариата. При этом под «рабочими» вообще он понимал не только пролетариев, но и купцов, фабрикантов, банкиров и всех тех, кто не живет «праздно» на ренту. В своем сциентизме Сен-Симон, вслед за французским просвещением и идеалами французской революции следовал преклонению перед разумом, как единственным источником порядка и справедливости, который можно противопоставить всякой спонтанной, свободной деятельности людей. Экономист Фридрих фон Хайек в своей книге «Дорога к рабству» называет Сен-Симона ни много ни мало *«предтечей нынешних*

адептов планирования», который «предсказывал, что с теми, кто не будет повиноваться указаниям предусмотренных его теорией плановых советов, станут обходиться “как со скотом”» [383, с. 65]. Фридрих Энгельс в «Анти-Дюринге» высоко оценивает вклад Сен-Симона в социализм. Он пишет, что «у Сен-Симона мы встречаем гениальную широту взгляда, вследствие чего его воззрения содержат в зародыше почти все не строго экономические мысли позднейших социалистов» [407, с. 381]. В другом месте он называет Сен-Симона «всеобъемлющим умом своего времени». Сен-Симон, по мнению Энгельса, уже в 1802 г. понял классовую сущность французской революции, в 1816 г. предсказал поглощение политики экономикой, «совершенно ясно» высказал мысль, что политика должна превратиться в распоряжение вещами и руководство производством. Опираясь на упоминания

Сен-Симона в работах Маркса и Энгельса, даже посвященные ему разделы (в «Немецкой идеологии»), можно понять, что эти два отца «научного социализма» были прекрасно знакомы с сочинениями Клода Анри, а значит, смею предполагать, идейно от него многое переняли (не важно, насколько сознательно).

Сент-Аман Базар (годы жизни – 1791–1832), участник Наполеоновских войн и заговора французских карбонариев, был фанатичным учеником Сен-Симона, чьи сочинения буквально вернули его к жизни после разочарования в поли-

тике (и провала заговора). Базар продолжил развивать учение Сен-Симона в рамках сен-симонистского общества, написал «Изложение учения Сен-Симона», главный труд своей короткой жизни. Здесь я хочу выделить некоторые моменты, не сильно вдаваясь в идеи Базара. Это те моменты, которые позволяют нам увидеть идейную преемственность между французскими социалистами эпохи Французской революции и Наполеоновских войн с «научным социализмом» Маркса и Энгельса.

Базар развивал идею т. н. ассоциаций, т. е. объединения людей по тем или иным признакам, и антагонизма, который неизбежно возникает между людьми на протяжении веков. Антагонизм основан на угнетении человека человеком, что выражается в классовом или кастовом разделении, а ассоциация, соответственно, ведет к освобождению от этого состояния. Здесь он подходит к теории классовой борьбы, которую выдвинет Маркс, однако еще в неразработанном виде *«эта напряженная всеохватывающая борьба соответственно между семьями, городами, странами, вероисповеданиями никогда не утихала»*. Борьба *«имеет разное значение для участвующих в ней сторон: для раба и плебея она прогрессивна, ибо их целью является освобождение труда; для патриция и хозяина она заключает в себе тенденцию к застою или регрессу, так как цель господ – сохранить результаты завоевания, продлить царство насилия»* [161]. Тем не менее борьбе этой рано или поздно придет конец, так

как грядущую эпоху Базар называет «окончательным состоянием», которое избавит людей от прежних распрей и болезненных перемен, и прогресс, таким образом, будет осуществлять свое постоянное и равномерное развитие всегда. Сент-Аман считал, что антагонизм имеет тенденцию к убыванию, в то время как ассоциация – к возрастанию, потому что именно она является целью развития человечества. Важно при этом отличать то, что ставит людей вне ассоциации (грубо говоря, пережитки антагонистического прошлого) от того, что к ней приближает (будущее).

Теория постепенного исторического развития человечества к обществу, где уже не будет борьбы и классов, напоминает нам о коммунизме, где тоже исчезнут классы, а вслед за ними и многовековое их противостояние: *«Вместе с поступательным развитием человечества круг ассоциации беспрерывно расширяется... внутренний принцип порядка, гармонии и единства пускает в ней все более глубокие корни... элементы борьбы слабеют по мере того, как несколько ассоциаций соединяются в одну»* [161]. Причину борьбы между людьми Базар видит в наемном труде: *«Господство физической силы и эксплуатация человека человеком – причина и следствие состояния антагонизма»*. Эксплуатация человека человеком, *«существовавшая изначально в форме рабства, ныне проявляется в отношениях между собственниками и трудящимися, между хозяевами и наемными рабочими»*. Рабочий класс для Базара, как позже для Маркса, –

класс прогрессивный, устремленный в будущее, где не будет антагонизма: «Класс, ныне работающий в сфере материального производства, класс, являющийся восприимчивым рабов и крепостных путем учреждения коммун, приобретая политическую правоспособность, делает решительный шаг вперед» [161].

Положение наемного рабочего Базар описывает почти так же, как позже, через несколько десятилетий, его обрисует в «Капитале» Маркс: «...отношение хозяина к наемному рабочему есть последняя метаморфоза рабства. Если эксплуатация человека человеком не носит больше того грубого характера, какой она носила в древности, если она проявляется только в смягченных формах, то она не перестает оттого существовать в действительности. Рабочий не составляет прямой собственности своего хозяина, какой был раб; его положение определяется временным обоюдным соглашением, но разве это соглашение действительно свободный акт со стороны рабочего? Нет, ибо рабочий, вынужденный кормиться сегодня тем, что заработал вчера, должен под страхом голодной смерти соглашаться на любую сделку» [161].

Базар, вслед за своим учителем Сен-Симоном, видел в рациональном централизованном управлении экономикой будущее, способствующее установлению ассоциации людей на земле. Он считал, что осталось сделать последнее изменение, установить такой порядок, «при котором государство, а не

семья будет наследовать накопленные богатства, поскольку они образуют то, что экономисты называют фондами производства». В таком государстве «каждый должен будет занимать место сообразно своим способностям и вознаграждаться соответственно своим делам» (знаменитый социалистический принцип «каждому по способностям, каждому по его труду»). Однако, в отличие от многих социалистов после него, Базар видит путь к будущему не через революцию, а через эволюцию: «...доктрина Сен-Симона не ставит своей задачей сохранить существующие порядки или только поверхностно их изменить; ее цель – глубоко, радикально изменить чувства, идеи, интересы. Однако она пришла не для того, чтобы низвергнуть... она появилась, чтобы предсказать и осуществить преобразование, эволюцию; она несет миру новое воспитание, окончательное возрождение» [161].

* * *

Социалист-анархист Пьер-Жозеф Прудон (годы жизни – 1809–1865) был некоторое время кумиром Маркса, считавшего его «самым смелым теоретиком французского социализма». Прудон – автор книги под названием «Что такое собственность», где он заявляет, что собственность – это кража и не имеет под собой никаких оснований, т. е. не может проистекать из труда, землевладения или закона. Так

же он характеризует наемный труд и пользование средствами производства: «Работник, изготовляющий или починяющий орудия земледельца, получает за это плату один раз: либо в момент сдачи работы, либо в определенные сроки. Раз эта плата выдана рабочему, то орудия, доставленные им, уже не принадлежат ему более. Никогда он не требует двойной платы за одно и то же орудие, за одну и ту же починку; если он ежегодно получает известную долю продуктов фермера, то это происходит потому, что ежегодно же он что-нибудь делает для него. Собственник, наоборот, ничего не уступает из своего орудия. Он вечно заставляет платить себе за него и вечно сохраняет его за собою... Одним словом, всякая наемная плата, взимаемая под видом возмещения проторей и убытков с процентами, но на самом деле представляющая собою плату за наем, есть акт собственности, кража». Или вот такой пассаж: «...собственность есть право пользоваться и распоряжаться по своему усмотрению имуществом другого, плодами труда и прилежания другого» [281, с. 119–120].

В той же работе он пишет про христианскую церковь, что «христианская истина не пережила даже времен апостольских; Евангелие, комментированное и символизированное греками и римлянами, изукрашенное языческими мифами, сделалось в буквальном смысле символом раздора, и вплоть до наших дней царство непогрешимой церкви представляло собой не что иное, как бесконечное затемнение. Говорят, что

врата адавы будут господствовать не всегда, что Слово Божие вернется и что тогда люди узнают справедливость и истину. Но тогда и греческая и римская церкви исчезнут, подобно тому как при свете науки исчезают призраки суеверия» [281, с. 26].

В другой своей работе, под названием «Философия нищеты» (на которую Маркс напишет ставший знаменитым ответ – «Нищету философии»), Прудон писал, что «история – это “работа по выравниванию”, проходящая через четыре века: век языка, психический век, революционный век, “когда род людской вышскивает теорию своих нравственных и экономических законов и пытается осуществить ее в политике и религии”, и, наконец, социальный век, когда экономический принцип опирается “на два главных предшествующих принципа религии и управления”. Он различает “собственность” и “обладание” и советует: для того, чтобы оградить личную свободу от общественного принуждения, “уничтожьте собственность, сохранив обладание, и этим одним-единственным изменением в принципе вы полностью измените законы, управление, экономику, общественные учреждения”» [18, с. 112].

С Марксом Прудон сильно разошелся во взглядах на путь достижения социалистических преобразований. Прудон не хотел «Варфоломеевской ночи» для рабочих, а Маркс грезил о завоевании государственной власти, которая станет инструментом для социально-экономических преобразований.

Прудон, будучи анархистом, скептически относился к возможности использования государства для реформ, но в то же время верил в возможность их постепенного внедрения в обществе, даже через буржуазный парламентаризм. В 1847 г. Маркс говорил о Прудоне как о том, кто *«хочет парить над буржуа и пролетариями, как муж науки, но оказывается лишь мелким буржуа, постоянно колеблющимся между капиталом и трудом, между политической экономией и коммунизмом»* [18, с. 113].

* * *

Интересно, что социалисты Сен-Симон, Базар, Прудон и Маркс мыслили в одном ключе – что история движется в определенном направлении, которое в конце концов должно привести к торжеству равенства и социальной справедливости. Вера в возможность изменения самой природы человека отражалась и во взгляде на историю. Это довольно значимая деталь в нашем исследовании. Историзм социалистов, до Маркса по большому счету интуитивный, а после него превратившийся в стройную «научную» систему, подразумевал, что собственность, как и многие другие институты цивилизации, есть лишь явление, характерное для определенных исторических периодов. Это значило, что ее роль рано или поздно будет утрачена, что она не имеет ничего общего с неизменными основами основ общества, как это

представляли себе буржуазные философы. Следовательно, и несправедливость, связанная с «устаревшими» институтами собственности, брака, религии и т. д., может быть исправлена в новом историческом периоде – и скорее революционно, чем эволюционно. Эти размышления подводят нас вплотную к периоду **«научного социализма»**.

XIX век

В XIX в. социализм окончательно вышел из пеленок утопических идей. Для кого-то он стал наукой об обществе, для других – единственной справедливой альтернативой существующим порядкам, для всех – серьезной политической силой. Что же изменилось?

Прежде всего, социализм принял первые серьезные попытки политически реализоваться в государственных масштабах (бабувисты и якобинцы в эпоху Французской революции, левые республиканцы в революции 1848 г., Парижская коммуна 1871 г. – и все это во Франции; участие левых сил в националистической революции в Германии и Австрии в 1848–1849 гг., в том числе самого Фридриха Энгельса; участие социалистов в итальянском Рисорджименто и т. д.). Во всех этих случаях социалисты, конечно, выступали не самостоятельно, а как часть более широкого националистического движения, охватившего Европу в XIX столетии. В этом движении в целом доминировали силы, которые марксист-

ской историографией принято обозначать как буржуазные, однако нельзя не замечать того факта, что социалисты оказали серьезное влияние на политический ландшафт той эпохи. В эпоху становления национальных государств социализм был неотъемлемой частью общедемократического протеста. Так, одним из горячих сторонников объединения Германии под властью Пруссии был социалист Фердинанд Лассаль, он же стал отцом-основателем немецкого рабочего движения. С ним, как и с Марксом, был знаком Бисмарк. В конце концов, тогда стало возможным говорить о национальном рабочем классе, о пролетариате, которому можно было противопоставить не абстрактного угнетателя, а конкретную, отечественную буржуазию.

В XIX столетии, когда технологии, естественные и гуманитарные науки развивались очень быстрыми темпами, социализм остро чувствовал происходившие с конца XVIII в. перемены, приспособлявая новый опыт и знания под свои идеи. Томас Бетелл в книге «Собственность и процветание» сделал интересное наблюдение: *«Во время Французской революции или незадолго до нее возникло нечто новое. Ностальгию по прошлому начало вытеснять то, что можно было бы назвать мечтой о “будущем совершенном”. Все так же признавалось несовершенство человеческой природы, но теперь его считали лишь временным явлением. Возникла надежда, что в будущем человек станет более совершенным. В этом и заключалась суть идеи прогресса – абсолютно но-*

вой и очень опасной идеи. Именно в то время у ряда мыслителей возникли серьезные сомнения в отношении собственности. В опубликованных тогда текстах начинают попадаться такие выражения, как “существующий институт” или “нынешняя система” собственности. Поскольку появилась возможность изобрести что-то получше, существующая система сразу показалась ущербной. А значит, ее нужно изменить – возможно, даже полностью уничтожить. Другие же верили, что изменения волей или неволей уже начались. И разумеется, они начались» [29, с. 28]. И хотя Беттелл упустил из виду, что сомнения в частной собственности начались гораздо раньше, остальное подмечено удачно.

В историографии, особенно немецкой, развивались принципы историзма, согласно которым развитие человечества происходит в соответствии с неизбежными закономерностями, объективным законом истории. При этом история разделялась на четко определенные, закономерно и неизбежно следующие друг за другом этапы, с которыми мы уже познакомились ранее у Сен-Симона и Прудона. Все более популярным становился материализм, по которому бытие определяет сознание. Акцент интеллектуалов сместился с человека и человеческих взаимоотношений на общество в целом и окружающие человека материальные условия. Так рождалась марксистская историография, в которой все события в рамках принципа историзма объяснялись борьбой противоборствующих между собой классов. Когда в 1859 г. Дар-

вин выпустил в свет «Происхождение видов», Маркс с радостью обнаружил, насколько похож жестокий конкурентный мир дикой природы на капитализм, который он постепенно начал систематически раскрывать в своих рукописях. Энгельс, описывая в начале 1880-х гг. предсказания Сен-Симона о превращении политики в управление производством, мог бы гордиться предшественником, так как эта метаморфоза пусть и медленно, но верно происходила на его глазах. Действительно, к концу века едва ли можно было говорить о политике, не подразумевая экономику. Так в то время соединялись политика, экономика, биология и социология; и этот синтез, фоном которому служили невероятные перемены в материальном быту и укрепление веры в возможность изменить человеческую природу, способствовал распространению социалистических идей. В политическом и публицистическом творчестве социалистов эти тенденции накладывались на все то наследие, что создали утопические социалисты в предшествующие века.

Нужен был человек, который этот синтез завершит, и им стал уроженец Трира, выходец из семьи потомственных раввинов, Карл Маркс (годы жизни – 1818–1883). Поэтому для того, чтобы понять, что представлял собой теоретически «научный социализм», достаточно рассмотрения основных идей, которые были изложены Марксом и Энгельсом в нескольких ключевых работах, самой завершенной и зрелой из которых стал «Капитал». Однако прежде, чем появился

первый том «Капитала», в 1848 г. был опубликован «Манифест Коммунистической партии». За основу были взяты двенадцать пунктов, написанных Энгельсом в 1847 г., – Маркс сократил их до десяти и подробно расписал каждый, убрав все лишнее – все делалось в спешке, за неделю, поскольку «Союзу коммунистов», объединению социалистов со всей Европы, срочно требовался основополагающий политический документ, ибо в Европе уже начиналась революция 1848 г. В «Манифесте» мы встречаем все то, что обозначили в самом начале главы как основные идеи социалистического учения, они же основные его мишени. Посмотрим подробнее, как они там представлены.

О частной собственности «Манифест» сообщает, что *«... коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»*. Коротко и ясно, эта идея будет еще несколько раз повторяться в тексте. О разделении труда сообщается: *«...вследствие возрастающего применения машин и разделения труда труд пролетариев утратил всякий самостоятельный характер, а вместе с тем и всякую привлекательность для рабочего. Рабочий становится простым придатком машины, от него требуются только самые простые, самые однообразные, легче всего усваиваемые приемы»*. Наемный труд описывается следующим образом: *«Основным условием существования и господства класса буржуазии является накопление богатства в руках частных лиц, образование и увеличение капи-*

тала. Условием существования капитала является наемный труд. Наемный труд держится исключительно на конкуренции рабочих между собой... Но разве наемный труд, труд пролетария, создает ему собственность? никоим образом. Он создает капитал, т. е. собственность, эксплуатирующую наемный труд, собственность, которая может увеличиваться лишь при условии, что она порождает новый наемный труд, чтобы снова его эксплуатировать» [205].

К религии и семье отношение «Манифеста», можно сказать, по «социалистическому канону», и его нет смысла повторять здесь, благо мы уже цитировали эти отрывки в начале книги. Довольно подробно, по пунктам, описан процесс централизации управления экономикой в руках государства. Что бы сегодня ни говорили отдельные представители левых течений о своем антиэтатизме, но из песни слов не выкинешь: «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил... в наиболее передовых странах могут быть почти повсеместно применены следующие меры: 1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов. 2. Высокий прогрессивный налог. 3. Отмена права наследования. 4. Конфискация имущества всех эмигран-

тов и мятежников. 5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией. 6. Централизация всего транспорта в руках государства. 7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану. 8. Одинаковая обязательность труда для всех, учрежденные промышленные армии, в особенности для земледелия. 9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней. 10. Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.» [205].

Отдельно хотелось бы обратить внимание на характеристику в «Манифесте», данную им утопическим социалистическим идеям прошлого. Это важно для нашего повествования с той точки зрения, что на всем протяжении его я настаиваю, что социалистическая идея очень хорошо прослеживается в своих общих чертах в течение многих столетий; что она имеет хорошо фиксируемую преемственность, а не является порождением XIX в. Маркс в «Манифесте» говорит, что «в этих социалистических и коммунистических сочинениях содержатся также и критические элементы. Эти сочинения нападают на все основы существующего общества. Поэтому они дали в высшей степени ценный мате-

риал для просвещения рабочих. Их положительные выводы насчет будущего общества, например уничтожение противоположности между городом и деревней, уничтожение семьи, частной наживы, наемного труда, провозглашение общественной гармонии, превращение государства в простое управление производством, – все эти положения выражают лишь необходимость устранения классовой противоположности, которая только что начинала развиваться и была известна им лишь в ее первичной бесформенной неопределенности. Поэтому и положения эти имеют еще совершенно утопический характер» [205].

Однако кардинальным поворотом в истории социалистического учения стал не «Манифест Коммунистической партии», а другие сочинения Маркса, несравнимо более фундаментальные, чем все, что было написано социалистами до него и, пожалуй, после него. Вы наверняка догадались, что речь идет о книгах «К критике политической экономии» (1859 г.) и «Капитал», первый том которого вышел в 1867 г. и включал в себя ранние положения из «К критике...». В этих работах Маркс с претензией на научность дал подробное описание социально-экономических отношений своего времени – капитализма. Маркс подвел под многовековые попытки социалистов построить рай на Земле целую законченную парадигму, состоящую из ряда ключевых концепций, без которых невозможно себе представить современный социализм во всех его проявлениях.

Прежде чем мы перейдем к этим концепциям, замечу (хотя это и так должно быть более-менее понятно), что многие идеи Маркса сами по себе не были придуманы им на ровном месте, но были им развиты и переосмыслены. Скажем, нет ничего оригинального в идее обогащения богатых за чужой счет, об этом постоянно твердили левые всех прошлых поколений. Маркс также опирался на богатое наследие крупнейших политэкономов английского либерализма: Адама Смита и Давида Рикардо. Теории, которые Маркс развил в «Капитале», основывались на трудовой теории стоимости, подробно описанной Смитом в XVIII столетии. Что-то он творчески развил из наследия французских социалистов, которых мы разбирали ранее. «Дух», пропитывающий диалектические противоречия на страницах «Капитала», – это «дух» Гегеля.

Важно не то, насколько оригинальна идея. Важно то, как Маркс изложил и обосновал ее в виде системы. «Капитал» стал «священным писанием» социалистов на все последующие годы, потому что явился квинтэссенцией социалистической мысли, наиболее развернутым ее выражением.

Далее я изложу основную концепцию Маркса, представленную им в «К критике...» и «Капитале»:

I. Классовая борьба и классовый антагонизм, которые проходят красной линией через все общественно-экономические формации, выделяемые Марксом, кроме первобытно-общинного строя и коммунизма.

Маркс был, пожалуй, первым, кто начал «постижение» развития человечества исключительно через его борьбу с природой за выживание и материальные условия, которые оно производит. Маркс выделил следующие общественно-экономические формации: первобытно-общинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм, социализм и, наконец, коммунизм. Каждая следующая прогрессивнее предыдущей, т. е. капитализм лучше феодализма, но хуже социализма. Каждой формации свойственны свои **базис и надстройка**. Категория базиса обозначает материальные производственные отношения между людьми, т. е. особенности производства и потребления благ. Надстройка – все, что образуется в результате таких отношений, т. е. государство, право, религия, мораль, культура и т. д. Анализируя переход от одной формации к другой (переход, совершаемый через классовую борьбу благодаря антагонизму классов), Маркс абсолютно не придавал значения действиям отдельных индивидов, полностью возлагая ответственность на объективный ход истории. Он сам говорит об этом в предисловии к «Капиталу», что *«я смотрю на развитые экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс; поэтому с моей точки зрения, меньше, чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно»* [204, с. 66]. В предисловии к «К критике политической

экономии» Маркс выступает по отношению ко всему человечеству с безжалостным вердиктом: *«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил»* [203, с. 1083]. Этот детерминизм еще не раз послужит коммунистам способом оправдать свои действия объективным ходом истории.

Классовая борьба сопровождала человечество на протяжении всей его истории, поскольку, согласно Марксу, всегда были эксплуататоры и эксплуатируемые. Например, описывая роли кредитора и должника, Маркс писал, что *«в античном мире классовая борьба протекает преимущественно в форме борьбы между должником и кредитором и в Риме кончается гибелью должника-плебея, который замещается рабом. В Средние века та же борьба оканчивается гибелью должника-феодала, который утрачивает свою политическую власть вместе с утратой ее экономического базиса. Однако денежная форма – а ведь отношение должника к кредитору обладает формой денежного отношения – здесь лишь отражает в себе антагонизм глубже лежащих экономических условий жизни»* [204, с. 184].

Когда производительные силы *«на известной ступени своего развития»* опережали развитие общественных (производственных) отношений, наступало время социальных

перемен, ибо «материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [203, с. 1083].

Например, капиталистический способ производства с его крупными фабриками, машинами и многочисленным пролетариатом рано или поздно приводит к обострению антагонизма между пролетариями и капиталистами в силу того, что первые уже более не нуждаются в последних, последние же обеспечили достаточно условий для перехода к социализму, где класс капиталистов упраздняется, становится ненужным для прогресса. Общественные отношения вчерашнего дня вступают в противоречие с материально-техническими условиями дня завтрашнего. Таким образом, Маркс признает и за капитализмом, и за капиталистами определенную положительную роль на пути к прогрессу, но в определенный момент они, с их культурой и социально-политическими институтами, должны сойти со сцены истории. Можно перефразировать это словами Маркса таким образом: процесс производства господствует над людьми, но для движения вперед нужно обратное отношение, где люди господствуют над процессами производства.

II. В описании капитализма, последней, по мнению Маркса, антагонистической формации, постоянно фигурирует термин **«прибавочная стоимость»**. Он имеет в парадигме «Капитала» ключевое значение – это то, что капиталист присваивает в результате эксплуатации наемного труда рабочего, то, что ему удастся получить для себя за счет разницы между созданной в процессе труда новой стоимостью и стоимостью рабочей силы, использованной для создания этой новой стоимости.

Маркс подробно описал, как происходит этот процесс, хоть с экономической точки зрения это описание оказалось несостоятельным, так как последующее развитие экономической науки в рамках неоклассической экономической теории и маржинализма рассматривало и объясняло поведение экономических агентов без устаревших политэкономических конструкций. Но все же, в отличие от своих предшественников, Маркс не просто заявил, что угнетатель угнетает угнетенного, – он объяснил, как это происходит.

У Маркса капиталист, он же работодатель, нанимает рабочего, оплачивая ему затраченное на работе время. Однако в качестве товара, который капиталист получает взамен, фигурирует не время, а рабочая сила, которая способна производить новую, прибавочную, стоимость. Эту новую стоимость, товар, имеющий потребительскую ценность, капиталист затем продает на рынке, выручая за него намного больше того, что он затратил на рабочего, поскольку рабочая си-

ла обладает способностью производить больше, чем было на нее затрачено. Затраты на рабочего определяются рабочим временем, необходимым для производства базовых средств поддержания рабочей силы человека: еды, сна, одежды и т. д. Так вкратце происходит присвоение прибавочной стоимости.

Маркс следующим образом описывает процесс продажи рабочим времени и пользование его рабочей силой: «...рабочая сила может появиться на рынке в качестве товара лишь тогда и лишь постольку, когда и поскольку она выносятся на рынок или продается ее собственным владельцем, т. е. тем самым лицом, рабочей силой которого она является. Чтобы ее владелец мог продавать ее как товар, он должен иметь возможность распоряжаться ею, следовательно, должен быть свободным собственником своей способности к труду, своей личности. Он и владелец денег встречаются на рынке и вступают между собой в отношения как равноправные товаровладельцы, различающиеся лишь тем, что один – покупатель, а другой – продавец, следовательно, оба – юридически равные лица. Для сохранения этого отношения требуется, чтобы собственник рабочей силы продавал ее постоянно лишь на определенное время, потому что, если бы он продал ее целиком раз и навсегда, то он продал бы вместе с тем самого себя, превратился бы из свободного человека в раба, из товаровладельца в товар. Как личность, он постоянно должен сохранять отношение к своей рабо-

чей силе как к своей собственности, а потому как к своему собственному товару, а это возможно лишь постольку, поскольку он всегда предоставляет покупателю пользоваться своей рабочей силой или потреблять ее лишь временно, лишь на определенный срок, следовательно, поскольку он, отчуждая рабочую силу, не отказывается от права собственности на нее... Стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно, и воспроизводства этого специфического предмета торговли... Для поддержания своей жизни живой индивидуум нуждается в известной сумме жизненных средств. Таким образом, рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, сводится к рабочему времени, необходимому для производства этих жизненных средств, или стоимость рабочей силы есть стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания жизни ее владельца» [204, с. 211, 214].

Исходя из таких отношений, выводились следующие положения: пролетарий всегда будет испытывать нужду, и эта нужда – то, что движет капитализмом. Увеличение численности пролетариев, наличие постоянной безработицы у одной части рабочих, что используется для давления на них со стороны капитала, относительное и абсолютное обнищание рабочего класса – все это мыслилось Марксом как неизбежное следствие таких отношений, где существует присвоение прибавочной стоимости, т. е. капиталистических отно-

шений.

III. Капиталистические отношения описаны Марксом очень подробно, хотя и не могут претендовать на научную объективность. Надо понимать, что Маркс большую часть жизни провел в Англии и то, что мы видим на страницах его работ, – это слепок, даже некая карикатура на те общественно-экономические отношения, которые существовали в Англии середины XIX в. Он застал капитализм в весьма сыром, зачаточном виде, и это всегда нужно иметь в виду, когда читаешь исторические главы «Капитала», вроде «Машины и крупная промышленность». В таких главах Маркс обильно цитирует сведения фабричных инспекторов, приводит слова современников и т. д., что само по себе ценно для историка, но не отражает объективных законов экономики.

Тем не менее капиталистические отношения никто до Маркса не мог разобрать столь подробно. Маркс наделил капитализм несколькими характерными чертами, которые должны были его же и погубить. Таким образом, в глазах современников идеи Маркса получили предсказательную силу.

Марксизм сводит суть капитализма к самовоспроизводству капитала, его бесконечному накоплению². Капитал дол-

---

² «Развитие капиталистического производства делает постоянное возрастание вложенного в промышленное предприятие капитала необходимостью, а конкуренция навязывает каждому индивидуальному капиталисту имманентные законы капиталистического способа производства как внешние принудительные законы. Она заставляет его постоянно расширять свой капитал для того, чтобы его сохранить, а расширять свой капитал он может лишь посредством прогрес-

жен приносить капитал, или деньги должны приносить деньги. У капитализма нет никакой другой цели, кроме как самосохранение и умножение себя самого, и в этом отношении он полностью подчиняет себе волю и разум капиталиста. Отсюда выводятся фундаментальные противоречия капитализма, которые можно свести к двум основным: анархия производства и рост пролетариата, который сам же и покончит с капитализмом (иными словами, капиталистическая система растит своих убийц). Анархия производства заключается в том, что капиталисты в погоне за прибылью яростно конкурируют между собой, поэтому стараются производить как можно больше своих товаров, чтобы заполнить ими рынок и выбить из него конкурента. В результате такой анархии возникает перепроизводство, огромные объемы ресурсов капитализм расходует впустую, масса товаров не находит покупателя, так как экономика перенасыщена ими. Разумеется, с экономической точки зрения это не так, и об этом мы еще поговорим в следующих частях книги. Что касается второго основного противоречия, то оно сводится к утверждению о классовом строении капитализма в виде на-

---

сирующего накопления. Поэтому, поскольку вся деятельность капиталиста есть лишь функция капитала, одаренного в его лице волей и сознанием, постольку его собственное личное потребление представляется ему грабительским посягательством на накопление его капитала; так в итальянской бухгалтерии личные расходы записываются на стороне дебета капиталиста по отношению к его капиталу. Накопление есть завоевание мира общественного богатства. Вместе с расширением массы эксплуатируемого человеческого материала оно расширяет область прямого и косвенного господства капиталиста» [204, с. 590].

личия четко выраженного класса эксплуататоров (капиталистов, буржуев) и эксплуатируемых (пролетариата). При этом само развитие капитализма, расширение производства, открытие новых фабрик требует увеличения числа пролетариев даже сверх необходимого на данный момент количества рабочих рук³. Труд на фабриках способствует, в свою очередь, все большей сплоченности трудящихся на этих самых фабриках, получению ими опыта кооперации и организации. Рано или поздно сплочение пролетариата должно развить в них классовое сознание, и тогда они просто сбросят иго капиталиста и возьмут производство в свои руки, подчинят его себе.

Маркс считал, что закономерности развития капиталистических отношений неизбежно ведут к монополизации производства, его централизации, аккумулярованию производственной мощи в руках узкого круга лиц. Количество конкурентов на рынке будет уменьшаться, их станут поглощать более крупные и сильные капиталисты, сосредотачивая промышленность и вступая между собой в картельные соглашения ради преодоления анархии производства, тем самым

---

³ «...капиталистическое накопление постоянно производит, и притом пропорционально своей энергии и своим размерам, относительно избыточное, т. е. избыточное по сравнению со средней потребностью капитала в возрастании, а потому излишнее или добавочное рабочее население... Но если избыточное рабочее население есть необходимый продукт накопления или развития богатства на капиталистической основе, то это перенаселение, в свою очередь, становится рычагом капиталистического накопления и даже условием существования капиталистического способа производства» [204, с. 624–625].

еще более увеличивая степень такого сосредоточения, пока рано или поздно все производство не примет вид государственно-монополистического капитализма. Однако для марксизма монополизация не является злом, которое коммунисты хотели бы исправить, вернув все во времена ремесленников и крестьян. Напротив, капиталистические монополии представляют собой подготовку к социализму, поскольку социалисты всегда мечтали о централизованном управлении экономикой – здесь им остается только национализировать уже готовые монополии, уже готовые объединения крупных предприятий. В конце концов, по мнению Маркса, для средств труда, которые порождаются частнокапиталистической экономикой, возможно только коллективное использование, а сами капиталисты уже в рамках капиталистической формации постепенно теряют свое право собственности, уже экспроприируются путем централизации капиталов. *«Один капиталист побивает многих капиталистов»*⁴.

---

⁴ «Частная собственность, добытая трудом собственника... вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы. Когда этот процесс превращения достаточно разложил старое общество вглубь и вширь, когда работники уже превращены в пролетариев, а условия их труда – в капитал, когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые и, следовательно, общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. Теперь экспроприации подлежит уже не работник, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов са-

Таким образом, капитализм для своего времени, по отношению к феодализму есть прогрессивная формация, предшествующая социализму и коммунизму. Капиталистическая тенденция к монополизации и централизации готовит дорогу к централизованному управлению экономикой, буквально создавая для социализма уже работающий аппарат. Что интересно, устранение конкурентов и укрупнение за их счет рассматривается Марксом как экспроприация частной собственности. **То есть частная собственность в капитализме не является незыблемой, а политика экспроприации вполне может быть составной частью капи-**

мого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно растущих размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономия всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного общественного труда, втягивание всех народов в сеть мирового рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизуют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» [204, с. 739–740].

талистических отношений. Суммируя все это, мы можем сказать, что социализм не так уж сильно отличался от капитализма, поскольку его задачей было не прекращение капиталистического процесса, а его завершение и доведение до логического конца – сведение всей экономики, всего производства под управление государства (или диктатуры пролетариата). Немного позднее, уже после смерти Маркса, Фридрих Энгельс разовьет эту концепцию, наблюдая за поведением трестов и картелей [143]. Он писал, что *«на известной ступени развития становится недостаточной и эта форма; все крупные производители одной и той же отрасли промышленности данной страны объединяются в один “трест”, в союз, с целью регулирования производства... в трестах свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплановое производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества. Правда, сначала только на пользу и к выгоде капиталистов... Так или иначе, с трестами или без трестов, в конце концов государство как официальный представитель капиталистического общества вынуждено взять на себя руководство производством. Если кризисы выявили неспособность буржуазии к дальнейшему управлению современными производительными силами, то переход крупных производственных предприятий и средств сообщения в руки акционерных обществ, трестов и в государственную собственность дока-*

зывает ненужность буржуазии для этой цели. Все общественные функции капиталиста выполняются теперь наемными служащими. Для капиталиста не осталось другой общественной деятельности, кроме загребания доходов, стрижки купонов и игры на бирже, где различные капиталисты отнимают друг у друга капиталы. Если раньше капиталистический способ производства вытеснял рабочих, то теперь он вытесняет и капиталистов – правда, пока еще не в промышленную резервную армию, а только в разряд излишнего населения. Но ни переход в руки акционерных обществ и трестов, ни превращение в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил. Относительно акционерных обществ и трестов это совершенно очевидно. А современное государство опять-таки есть лишь организация, которую создает себе буржуазное общество для охраны общих внешних условий капиталистического способа производства от посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов. Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист» [407, с. 408–410].

Так что социалистам, совершившим революцию, остается экспроприировать не столько частную собственность капиталистов, сколько само государство-капиталиста, вобравшего в себя уже все необходимое управление экономикой. А

далее все объяснил сам Владимир Ильич Ленин: «...социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией» [177, с. 192].

* * *

Резюмируя вклад Маркса в социалистическое учение, важно подчеркнуть следующее. Десятки социалистов-теоретиков и практиков до Маркса высказывали, в сущности, те же самые идеи, которые мы находим в сочинениях трирского политэконома. Однако эти идеи никогда не были собраны воедино так, чтобы под них был подложен мощный фундамент теории от а до я. Маркс не просто объяснил происхождение неравенства, крупного капитала и т. д., он развил идею, что этот процесс есть объективный закон истории, который неизбежно ведет к социализму. Поскольку каждая формация заканчивала свое существование через социальную революцию, социалисты, насытившиеся Марксовым учением, получали уверенность в том, что они своей революционной деятельностью вершат неизбежное, а значит, победа в любом случае будет за ними. Такой уверенности прежде у них никогда не было.

Сам Маркс когда-то оценивал свой теоретический вклад намного скромнее, чем его ученики. В письме Вейдемейеру

от 5 марта 1852 г. (т. е. до издания «Капитала», но уже с известностью и определенными теоретическими наработками) он признается: *«Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты – экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»* [210, с. 424, 427].

Последний, третий пункт – и есть коммунизм, т. е. бесклассовое общество. Пролетарская диктатура, где власть принадлежит одному классу – пролетариату, – приведет к диалектическому отрицанию самой себя, т. е. к упразднению «последнего» класса и его диктатуры при сохранении всех ее достижений. Наступит то, о чем так упоенно писали утописты: будет полное материальное благополучие, не будет обмена и денег, разница между умственным и физическим трудом исчезнет вместе с разделением труда и т. д. Таким образом, мощный «научный» анализ социально-экономической истории, проделанный Карлом Марксом, все равно заканчи-

вається на старій добрій утопічеській мечте.

Несмотря на то что Маркс верил в отмирание государства (по крайней мере государства, каким его понимает большинство людей), это противоречило и его идее о централизованном управлении экономикой, и диктатуре пролетариата. Другой социалист, анархистского толка, удивительно точно предсказал все то, что произойдет в будущем в СССР, где появится та самая диктатура пролетариата. Видный русский анархист Михаил Бакунин (годы жизни – 1814–1876) в книге «Государство и анархия» писал: *«Спрашивается, если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, останется еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству. Напр., хотя бы крестьянская чернь, как известно, не пользующаяся благорасположением марксистов и которая, находясь на низшей степени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом; или, если взглянуть с национальной точки зрения на этот вопрос, то, положим, для немцев славяне по той же причине станут к победоносному немецкому пролетариату в такое же рабское подчинение, в каком последний находится по отношению к своей буржуазии... Они утверждают, что только диктатура, конечно, их, может создать народную волю, мы отвечаем, что никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя, и что она способна породить и воспитать в народе, сносящем*

ее, только рабство; свобода может быть создана только свободой, т. е. всенародным бунтом и вольною организацией рабочих масс снизу вверх» [19]. Великолепное чутье! Михаил Александрович словно предсказал форсированную индустриализацию в городе за счет беспощадной эксплуатации деревни, антикулацких кампаний и террора, о чем мы еще поговорим в дальнейшем. Впрочем, он же признавал, что не знает «равных <Марксу> по учености и глубине. Именно Маркс написал продуманный, глубокий и прекрасный устав, придав выражение инстинктивным, единодушным стремлениям пролетариата почти всех стран Европы, именно ему принадлежат идея и предложение об учреждении Интернационала» [18, с. 310].

* * *

Серьезный вклад в развитие идей «научного социализма» и в его политическую практику принадлежит выходцам из Германии. С чем это было связано – сказать однозначно трудно, ведь надежды увидеть социализм в масштабах национального государства социалисты первой половины XIX в. возлагали прежде всего на Францию, уже прошедшую через «стихийный социализм» времен Французской революции. Август Бебель, Фердинанд Лассаль, Фридрих Энгельс, Карл Маркс, Вильгельм Либкнехт и многие другие – дети немецкого протестантского мира (хотя Маркс и Энгельс жили и

писали свои ключевые труды в Англии). Немецкие беженцы, преследуемые в Пруссии за социалистические убеждения, в том числе Маркс, приняли самое активное участие в создании первых интернациональных рабочих движений: «Союз справедливых» в 1840 г. в Лондоне, «Коммунистический корреспондентский комитет» в Брюсселе в 1846 г. Историк Жан Аттали так описывает нам его состав: *«Публика подобралась самая разношерстная: немецкий портной Вильгельм Вейтлинг; кёльнский еврей-буржуа Моисей Гесс; прусский офицер-артиллерист в отставке Герман Криге; русский писатель Павел Анненков; прусский аристократ, брат Женни, Эдгар фон Вестфален. Таково было первое ядро будущего Коммунистического интернационала. К ним примкнул немецкий журналист из Нью-Йорка Карл Грюн»* [18, с. 110–111]. СДПГ – немецкая рабочая партия Вильгельма Либкнехта, стала первой социалистической партией, вошедшей в европейский парламент в 1878 г. За всеми этими движениями дальше могла идти только практика в национальном масштабе, и наиболее благоприятные условия для нее созревали не в развитой капиталистической Англии, и уж тем более не в США, а в Пруссии, где Бисмарк уже практиковал «государственный социализм». Однако Бисмарк лишь «играл» с социализмом, чтобы опередить самих социалистов, угрожавших политическому режиму. Он не собирался кардинально менять социально-экономические отношения и уж тем более не интересовался научным социализмом

Маркса. Практиковать научный социализм в национальном масштабе предстояло выходцам из страны, о которой меньше всего можно было бы подумать, что там произойдет революция и возникнет пролетарское государство. Пионерами в этом отношении стали русские социалисты. Это удивительно, учитывая, что долгое время левые течения в России были представлены «народниками», анархистами, движениями весьма враждебными как духу «научного социализма», так и коммунизму Маркса. Тем не менее именно русский язык стал первым, на который был переведен «Капитал». И в 1872 г. главный труд Маркса был без всяких сложностей разрешен к продаже в России, в то время как остальные европейские государства усилили нажим на социалистов. Книга Маркса была признана слишком научной и сложной для понимания широкими массами – поэтому цензура не сильно беспокоилась распространении «Капитала» на русской земле⁵.

---

⁵ «Первый перевод “Капитала” появился именно на русском языке, в апреле 1872 года; он был сделан ускоренными темпами двумя эмигрантами из России в Лондоне – Лопатиным и Даниельсоном (которого Маркс особенно уважал, хотя тот поначалу был народником). Книга, напечатанная тиражом в три тысячи экземпляров, была разрешена в России: царский цензор Скуратов, давший “добро”, писал: “Хотя политические убеждения автора являются исключительно социалистическими и вся книга носит явную социалистическую природу, ее замысел, конечно, не делает ее общедоступной; к тому же стиль ее строго математический и научный; поэтому комитет объявляет сию книгу свободной от судебного преследования”. Мало кто прочтет ее в России, а еще меньше поймет, – добавил цензор. 28 мая 1872 года Маркс, еще плохо читавший по-русски, поздравил Даниельсона: “Перевод выполнен мастерской рукой”. В первый же месяц было

Интересно, что в Западной Европе марксизм был подвергнут пересмотру еще в конце XIX в., причем пересмотрен в «умеренную» сторону. В 1896–1898 гг. Эдуард Бернштейн, влиятельный член немецкой социал-демократической партии, опубликовал в журнале “Die Neue Zeit” несколько статей под названием «Проблемы социализма», а в 1899 г. составил целую книгу с развитием своей концепции. Эта работа стала очень популярной, всего за два года ее перевели на все основные европейские языки. В этой работе Бернштейн доказывал, что взгляды Маркса и Энгельса постепенно эволюционировали от революционного радикализма в сторону реформизма, вплоть до объявления теории революции не соответствующей современным реалиям. Свои идеи Бернштейн позиционировал как дальнейшее развитие гуманистических и демократических традиций, имеющих в марксизме. Бернштейн выдвинул лозунг: *«Движение – все, конечная цель – ничто»*. Диалектику с ее противоречиями Эдуард Бернштейн объявляет «предательской ловушкой», призывает вернуться к Канту и заменить историческую необходимость и объективную закономерность категориями справедливости, добра и свободы [7, с. 27].

В то время как левая мысль западноевропейских стран все более склонялась к эволюционному пути в духе социал-демократии Эдуарда Бернштейна и Карла Каутского, в

продано 900 экземпляров – цифра значительная, хотя и не говорящая о массовом успехе» [18, с. 312].

России над развитием марксистского учения активно работали такие социалисты, как Георгий Плеханов (учитель Ленина), Николай Бухарин, Лев Троцкий и, конечно же, Владимир Ленин. Они развили марксистское учение об анархической природе капиталистического товарного производства, которое может быть преодолено только рационализацией этой «хозяйственной анархии» при коммунизме. Была переосмыслена роль насилия и принуждения в т. н. переходный период от капитализма к коммунизму, процесс «перевоспитания» не пролетариев; развито представление о классах, особенно о крестьянах; выделены отдельные подклассы среди крестьянства, что было актуально для России с ее многочисленным крестьянским населением. Лев Троцкий разработал и популяризовал концепцию «перманентной революции», т. е. непрерывную революцию, охватывающую одну страну за другой. Были разработаны теории первоначально социалистического накопления, государственно-монополистического капитализма, империализма, «военного коммунизма» и многое другое, чего, возможно, не могло появиться в условиях развитых капиталистических стран Западной Европы.

Русские социалисты выбрали для себя путь революции и шли этим путем несколько десятилетий, опираясь на мощную партийную дисциплину и разветвленную систему ячеек по всей Европе, пока в октябре 1917 г. партия большевиков не совершила переворот, а в январе 1918 г. окончательно не

установила однопартийную диктатуру. Однако это тема уже следующей части книги.

СОЦИАЛИЗМ

Часть 2

Социализм в России

Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика.

В. И. Ленин.

«О национальной гордости великороссе»

Русский социализм XIX – начала XX века

В консервативной русскоязычной среде популярно мнение, что социализм для России был чуждым явлением, которое пришло к нам с Запада. Отчасти это правда, в том смысле, что в наиболее своей развитой форме на определенном этапе социализм проник в Россию из Западной Европы, однако это всего-навсего один из этапов его истории и в последующем именно в России социалистическое учение по-

лучило наибольшее теоретическое и практическое развитие. Кроме того, нельзя сказать, что у русских не было своих, отечественных, социалистов и идейных течений в русле социализма. В России даже было собственное просвещение, как у англичан, французов и американцев, а ведь именно просвещение Энгельс считал одним из этапов становления современного социализма.

Русское просвещение – это «Ученая дружина», состоящая из таких политических деятелей и философов, как Феофан Прокопович, Василий Татищев и Антиох Кантемир. Все трое были яркими поборниками Петровских реформ, его интеллектуальной поддержкой и моральными апологетами. Последнее было весьма кстати, поскольку затеянные Петром преобразования в России были слишком радикальными и вызывающими недовольство населения и части элит. Петр I был первым по-настоящему самодержавным правителем России, совершенно не считавшимся с культурой, традициями и институтами, насчитывавшими минимум семь столетий истории (обилие регламентаций экономической жизни и даже быта, начиная от размеров кусков тканей и заканчивая запретом есть чеснок и капусту, носить бороды и традиционные костюмы). Однако затеянная им «вестернизация» якобы отсталой страны, идеологический примат государства над частными и общественными интересами, индустриализация и прочие реформы, которые в советской историографии считаются «прогрессивными», вызвали сочувствие у

социалистических мыслителей последующих эпох. Следовательно, идеологи реформ Петра, хотя и не были социалистами (как и французские просветители), но могут быть упомянуты здесь как важный этап в истории развития социалистических идей в России.

Прежде всего, «Ученая дружина» отстаивала идеи просвещенного абсолютизма, в котором государство выступало источником преобразований в среде, не желающей эти преобразования воспринимать. Прокопович, будучи епископом и архитектором отмены патриаршества и перехода к Синоду, был горячим сторонником примата светской власти над духовной (т. е. не взаимоограничивающего равенства этих властей, а всевластия одной из них). В отношении всех деятелей этого «кружка» уже у современников было небеспочвенное подозрение их в атеизме (что близко к французским, но не английским, просветителям). Впрочем, у Татищева и Кантемира антиклерикализм был совершенно открытым. Татищев обвинял церковников в торможении научного прогресса, жадности, нетерпимости к инакомыслию. Кантемир считал монахов «гнусным чином» и высмеивал Церковь в своих сатирах. Доставалось от Антиоха и дворянству, которое тот громил беспощадно как *«хулителей науки и просвещения, мотов и щеголей, чревоугодников и подхалимов, круглых невежд и жестоких паразитов, наказывающих своих слуг по любому поводу “до крови”, взяточников – судей и приказных, бессовестно грабящих “голых” и “убогих”»* [104]. Какие-либо

сословные привилегии Кантемир отрицал целиком и полностью. И Татищев, и Кантемир полагали привилегии уделом достойных: *«Меж таким вольным человеком и холопом природа никакой разницы не поставила в составе тела: та же кровь, те же кости, та же плоть. Потому, ежели кто от холопа, от черни отличиться желает, должен отличаться добрыми делами, добрыми нравами. Одно имя дворянское не может прикрыть наши пороки»* [133].

Интересная для нас оценка деятельности русских просветителей XVIII в. дана в советском журнале «Вопросы истории» № 3 от марта 1963 г. Петром Епифановым. Она представляет собой оценку убежденного социалиста, но при этом социалиста постсталинского «русифицированного» СССР (о русификации Советского Союза и кризисе социалистических идей в нем мы еще поговорим в конце второй части): *«Выдающиеся русские ученые и писатели этой эпохи (XVIII в. – А. С.) были горячими поборниками передовых идей и великими тружениками. Оставленное ими обширное научное и литературное наследство ярко характеризует их идейную борьбу с силами реакции. Если абстрагироваться от первых шагов светской литературы, от первых проблесков антиклерикальной, “еретической” мысли предшествующих столетий, то XVIII век предстанет перед нами как эпоха зарождения гуманно-просветительских, материалистических и революционно-освободительных идей в России»* [104]. Обратите внимание на слова «идейная борьба с сила-

ми реакции». Не стоит умалять значение такого подхода, он однозначно говорит нам о восприятии советских социалистов реформ Петра как прогрессивных, противников его реформ – реакционерами, а идейных сторонников – предтечами последующих материалистов и революционеров. Для закрепления этой мысли приведу еще одну выдержку из Большой советской энциклопедии, в свою очередь цитирующей Владимира Ленина (цитата дана из его статьи «О левом ребячестве и мелкобуржуазности»): *«При всей противоречивости своей натуры Петр I вошел в историю России как прогрессивный государственный и военный деятель, который “ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства”».*

От русского просвещения к «зрелым» русским социалистам нас ведут такие писатели, как Александр Радищев и Виссарион Белинский, а с середины XIX в. – представители «революционной демократии»: Герцен, Добролюбов и Чернышевский.

Александр Николаевич Радищев в истории русского социализма стоит особо, хотя едва ли может быть назван убежденным социалистом при объективной оценке его творчества и взглядов (например, Радищев не был противником частной собственности, считая наличие ее у крестьянства стимулом для эффективного хозяйства). Его характеризует неприятие самодержавия, более того – даже просвещенного

абсолютизма, а крепостное право становится ключевой темой в весьма революционном произведении «Путешествие из Петербурга в Москву», за которое он был сослан в сибирскую ссылку. В главах от «Подберезья» до начала «Городни» *«писатель вскрывает иллюзорность взглядов тех, кто видел способы коренного преобразования действительности в частных улучшениях, мерах, реформах, показывает бесперспективность стихийных крестьянских бунтов (“Зайцово”) и восстаний типа Пугачевского (“Хотиллов”). В конечном счете Радищев подводит читателя к выводу, что единственное средство изменения действительности – коренная ломка политических и социальных отношений, разрушение самодержавно-крепостнического строя путем народной революции. Кульминацией этого цикла является глава “Тверь”, а внутри ее – ода “Вольность”, в которой Радищев детально обосновал право народа на революционное насилие, доказал неизбежность революционного пути в историческом процессе. Народная революция, естественный итог самой “тяжести порабощения”, по Радищеву, – это сознательная ломка всей системы самодержавия и крепостничества, движение, направляемое революционной теорией. Революция явится первым шагом на пути превращения России в республику, где власть будет принадлежать народу, земля – крестьянам, где будет существовать полное равенство. Концепция Радищева была утопической, но она отражала чаяния крепостного крестьянства, крестьянскую “идею равен-*

ства”, которую В. И. Ленин назвал самой революционной идеей “в борьбе с старым порядком абсолютизма вообще – и с старым крепостническим, крупнопоместным землевладением в особенности” [285, с. 16]. Смелость высказанных писателем идей в «Путешествии из Петербурга Москву», за которую он пострадал в эпоху авторитарной Екатерины Великой, сделала Радищева в глазах русских социалистов «первым русским революционером» (Ленин), «пророком и предтечей революции» (Луначарский) и «нашим святым, нашим пророком, нашим первым сеятелем, первым бойцом» (Герцен). Однако едва ли такая патетика была оправданна, так как Радищев если в чем и был первым, так это в совершенно верном прогнозе касательно последствий запоздалого решения вопроса с крепостным правом и землей – он призывал решить его чем скорее, тем лучше.

Виссарион Белинский, как и Александр Радищев, не был социалистом. Но его критическое отношение к крупному капиталу и «торгашам» (и положительное – к среднему классу), его рассмотрение технического прогресса как условие для прогресса социального, его материализм были питательными для следующих поколений мыслителей, которые уже открыто перешли к социалистическим идеям. Был в Белинском и определенный дух, который жаждал бесконечного прогресса, основанного на достижениях разума, отказе от старых форм бытия. Его взгляд на историю был вполне диалектическим, близким к научным социалистам. Возьмем в

пример следующий пространный отрывок из рецензии на учебник Смарагдова: «Древний мир окончил свое существование... казалось, настал конец миру, светильник просвещения угас навсегда, и варварство должно было поглотить человечество. Но на рубеже двух миров... не переставал раздаваться всемогущий глагол жизни: да будет! И бысть!.. и Новая вера укрепилась и распространилась по лицу лучшей части земли, политический беспорядок переродился в монархическое единство, муниципальная система городов, основанная римлянами в Испании, Галлии, Британии и Германии, удержалась и развилась; римское право сменило варварские законоположения, и, наконец, для Европы воскресли и мудрость, и искусство, и гуманные формы гражданской жизни древней Эллады! Ничто из прожитого человечеством не пропало втуне, но все сохранилось, чтоб ожить в новых, более сложных и полных формах, чтоб войти, подобно питательным сокам, в новое общественное тело... И даже теперь, в наш век, холодный и расчетливый, положительный и мануфактурный... развитие человечества остановилось? Да, если хотите, оно остановилось, но для того только, чтоб собраться с силами, запастись материальными средствами, которые столь же необходимы для него, как и духовные! И эти паровые машины, эти железные дороги, электрические телеграфы – все это что же такое, если не победа духа над грубою матернею, если не предвестник близкого освобождения человека от материальных работ, унижаю-

щих души и сокрушающих волю, от рабства нужды и вещественности!» Далее Белинский наделяет все человечество волей к прогрессу, даже несмотря на все пороки, встречающиеся среди людей и замену великих людей маленькими. Он смотрит на будущее оптимистично, и связано это с материально-техническим прогрессом и стремлением к лучшему: *«Но в эпоху всеобщего разложения элементов, которые до-толе составляли жизнь обществ, в эпоху отрицания старых начал, на которые опиралась эта жизнь, в эпоху всеобщей тоски по обновлению и всеобщего стремления к новому идеалу можно предчувствовать и даже предвидеть основание будущей эпохи, ибо самое отрицание указывает на требование, и разрушение старого всегда совершается чрез появление новых идей. Если до сих пор человечество достигло многого, это значит, что оно еще большего должно достигнуть в скорейшее время. Оно уже начало понимать, что оно – человечество: скоро захочет оно в самом деле сделаться человечеством...»* [24].

Такие рассуждения совершенно согласны поздним социалистам. Ведь для них и капитализм был прогрессом в сравнении с феодализмом, он созидает те материально-технические основы, что позволят перейти в новую формацию, более совершенную, где человек «будет освобожден». Мы видим, что Белинский прогресс технологий рассматривал как освобождение от труда, который унизителен, – коммунисты тоже считали, что благодаря механизации производства по-

требность в физической работе будет снижаться вплоть до полной ее отмены, превращения труда из необходимости в прихоть. Но, иронично критикуя новые реалии, Белинский оставляет место похвале: *«Не спешите обвинять наш век — ему и так больно достаётся со всех сторон, и его только бранят, а никто не похвалит... А между тем, право, его есть за что и похвалить. Правда, он вовсе не рыцарь, не думает нисколько ни о добродетели, ни о морали, ни о чести и весь погружен в приобретение, или, как у нас ловко выражаются, в “благоприобретение”; правда, он торгош, алтынник, спекулянт, разживившийся всеми неправдами, откупщик; но он очень умен и, что мне больше всего нравится в нем, очень верен самому себе, логически последователен... Он, видите ли, лучше своих предшественников смекнул, на чем стоит и чем держится общество, и ухватился за принцип собственности, впился в него и душою и телом и развивает его до последних следствий, каковы бы они ни были... Воля ваша, а тут нельзя не видеть своего рода героизма и логической последовательности... И как ловко взялся он за это: из старой морали и из всего, чем думало держаться прежнее общество, он удержал только то, что пригодно ему как полицейская мера, облегчающая средства к “благоприобретению” и обеспечивающая спокойное обладание его сочными плодами... Чудный век! нельзя довольно нахвалиться им! Его открытие важнее открытия Америки и изобретения пороха и книгопечатания, потому что откры-*

тая им великая тайна – теперь уже не тайна не для одних капиталистов, антрепренеров и подрядчиков, словом, “приобретателей”, живущих чужими трудами, – нои для тех, которые для них трудятся...» [25].

В письме Боткину от 2–6 декабря 1847 г. он развивает эту тему еще больше: *«Я понимаю, что буржуази – явление не случайное, а вызванное историею, что она явилась не вчера, словно гриб выросла, и что, наконец, она имела свое великое прошедшее, свою блестящую историю, оказала человечеству величайшие услуги». И далее он противопоставляет крупный капитал среднему классу: «...не на буржуази вообще, а на больших капиталистов надо нападать, как на чуму и холеру современной Франции. Она в их руках, а этому-то бы и не следовало быть. Средний класс всегда является великим в борьбе, в преследовании и достижении своих целей. Тут он и великодушен и хитер, и герой и эгоист, ибо действуют, жертвуют и гибнут из него избранные, а плодами подвига или победы пользуются все... Горе государству, которое в руках капиталистов... Я не принадлежу к числу тех людей, которые утверждают за аксиому, что буржуази – зло, что ее надо уничтожить, что только без нее все пойдет хорошо. Я с этим соглашусь только тогда, когда на опыте увижу государство, благоденствующее без среднего класса, а как пока я видел только, что государства без среднего класса осуждены на вечное ничтожество... Пока буржуази есть и пока она сильна, – я знаю, что она должна*

быть и не может не быть. Я знаю, что промышленность – источник великих зол, но знаю, что она же – источник и великих благ для общества. Собственно, она только последнее зло в владычестве капитала, в его тирании над трудом. Я согласен, что даже и отверженная порода капиталистов должна иметь свою долю влияния на общественные дела; но горе государству, когда она одна стоит во главе его!» [23].

Радищев и Белинский были такими же косвенными предшественниками русских социалистов, как и любые европейские «буржуазные» мыслители XVIII столетия – социалистов французских и немецких. Не будучи сами социалистами, они выдвигали такие идеи и боролись за такие преобразования, которые в любом случае были необходимы (с точки зрения научного социализма) для построения социализма. В последующем в спорах о необходимости «буржуазного» этапа перед социалистической революцией и даже о возможности эволюционной работы социалистов в условиях буржуазного парламентаризма будет сломано немало копий. Но даже большевики, как наиболее радикальные представители социалистического движения, так или иначе оставили место буржуазным революциям и буржуазным мыслителям в своей истории как явлениям «прогрессивным» на определенном этапе разворачивающейся истории. Именно поэтому нельзя рассказать о русском социализме, не упомянув Радищева и Белинского. Пусть те и не были противниками частной собственности, семьи и религии, однако направляли свое перо

против «самодержавия», крепостного права, крупного капитала. Точно так же было отдано «должное» русским революционерам-декабристам, устроившим восстание в декабре 1825 г., – советской историографией они оценивались как дворянские революционеры, восставшие против самодержавия и крепостного права, но в силу своей «классовой ограниченности» не смогишие отказаться от помещичьего землевладения и монархии (предполагался переход к конституционной монархии и федеративному устройству). В Большой советской энциклопедии им дана следующая положительная оценка: *«Восстание декабристов занимает важное место в истории революционного движения России. Это было первое открытое выступление с оружием в руках в целях свержения самодержавия и ликвидации крепостного права. В. И. Ленин начинает с декабристов периодизацию русского революционного движения. Значение движения декабристов было понято уже их современниками: “Не пропадет ваш скорбный труд”, – писал А. С. Пушкин в своем послании в Сибирь к декабристам. Уроки восстания декабристов усваивались их преемниками по революционной борьбе: Герценом, Огаревым, последующими поколениями русских революционеров, которые вдохновлялись подвигом декабристов. Профили пяти казненных декабристов на обложке “Полярной звезды” Герцена были символом борьбы против царизма. Декабристы были страстными просветителями. Они боролись за передовые идеи в педагогике, постоянно пропагандируя идею о*

том, что просвещение должно стать достоянием народа». К сожалению, из-за того, что в СССР Радищев, Белинский и декабристы воспринимались в целом положительно (это отразилось в том числе в топонимике), некоторые современные российские консерваторы совершенно несправедливо относят этих русских деятелей к социалистам.

Непосредственными предшественниками «научных социалистов» (или, по словам Ленина, социал-демократов) были революционные демократы: Александр Герцен, Николай Чернышевский, Николай Добролюбов, Дмитрий Писарев, Николай Огарев и др. Пик их литературной деятельности приходится на конец 1850-х – 1860-е гг. Этим публицистов объединяли социалистические идеи и, соответственно, мечты о построении нового справедливого общества, причем выраженные не в формате сухих экономических и политических исследований, а включенные в тексты романов, литературной критики и мемуаров (например, «Что делать?» Чернышевского, «Когда же придет настоящий день» Добролюбова, «Былое и думы» Герцена и т. д.). Однако были моменты, в которых у революционных демократов не нашлось бы точек соприкосновения с «научными социалистами» следующих поколений – положительное отношение к русской крестьянской общине, надежда на нее как на основу для решения существующих проблем в царской России и построения нового общества. Как писал Герцен, *«мы русским социализмом называем тот социализм, который идет от зем-*

ли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владенья и общинного управления, – и идет вместе с работ – ничьей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука» [221].

Идеи Чернышевского и Герцена стали теоретической базой для общественно-политического движения «Земля и воля», основанного в 1860 г. и распущенного в 1864 г. под давлением государственных репрессий (арест ключевых фигур), либеральных реформ Александра II и неоправдавшихся надежд на крестьянское восстание. Тем не менее «Земля и воля» стала началом движения «народничества» – либерально-социалистического течения в кругу интеллигенции, искавшей опору для перемен в обращении к народу и его традициям общинной жизни – прежде всего к крестьянству. Советская историография рассматривала народников как второй этап в развитии русского революционного движения, следующий после декабристов (революционно настроенных дворян) и предшествующий пролетарскому движению. Однако в действительности народников можно рассматривать как вполне самостоятельное, самобытное русское революционное течение, гораздо менее социалистически настроенное, чем «научные социалисты», политически воплотившееся в партию социалистов-революционеров и доминирующее некоторое непродолжительное время в эпоху револю-

ций 1917 г.; более того – составлявшего серьезную конкуренцию большевикам (вынужденным даже заимствовать популярны идеи эсеров – например, «Декрет о земле»).

Небезынтересно будет рассмотреть, как выражались социалистические взгляды у некоторых вышеназванных публицистов по интересующим нас темам.

* * *

В самом известном произведении Чернышевского, романе «Что делать?» устами главных героев выражается мировоззрение их создателя. Так, в главе 2, XXII, герой Александр Кирсанов говорит своему другу Дмитрию Лопухову такие слова: *«Будет время, когда все потребности природы каждого человека будут удовлетворяться вполне, это мы с тобою знаем; но мы оба одинаково твердо знаем, что это время еще не пришло... Золотой век – он будет, Дмитрий, это мы знаем, но он еще впереди. Железный проходит, почти прошел, но золотой еще не настал»* [400, с. 182]. Чернышевский, разумеется, верил в социальный прогресс и в прогресс самой природы человека, как и многие молодые революционные демократы его времени, увлекавшиеся социализмом. Но, в отличие от классической либеральной веры в перемены за счет реформ, социалисты считали прогресс возможным только через радикальный слом старого порядка. И дело здесь не столько в революции против существу-

ющего политического режима, установлении власти парламента и принятии конституции – в этом могло быть единение как «левых», так и «правых», – но в пересмотре самих основ существующего **социального** «режима». Именно поэтому Чернышевский, скажем, занимал радикальную позицию по «женскому вопросу», которая едва ли была близка классическому либералу. В главе 4, VII, мы читаем, как восхищается главная героиня, Вера Павловна, новой поэмой, «которая еще не скоро будет напечатана». Совершенно второстепенный эпизод в поэме, который она зачитывает Кирсанову, больше всего привлекает Веру. В ходе этого у пары возникает целый феминистический манифест. Если взять отдельные отрывки их пространного диалога, то получится такой текст: *«Мы с тобою часто говорили, что организация женщины едва ли не выше, чем мужчины, что поэтому женщина едва ли не оттеснит мужчину на второй план в умственной жизни, когда пройдет господство грубого насилия, мы оба с тобою выводили эту вероятность из наблюдения над жизнью; в жизни больше встречается женщин, чем мужчин, умных от природы; так нам обоим кажется. Ты подтверждал это разными подробностями из анатомии, физиологии... Женщина играла до сих пор такую ничтожную роль в умственной жизни потому, что господство насилия отнимало у ней и средства к развитию, и мотивы стремиться к развитию. Это объяснение достаточное. Женщина слишком часто мучится тем, что мужчина выносит*

легко. Еще не занимались хорошенько разбором причин, по которым, при данном нашем историческом положении, мы видим такие явления, противоречащие тому, чего следует ожидать от самого устройства организма. Но одна из этих причин очевидна, она проходит через все исторические явления и через все стороны нашего нынешнего быта. Это – сила предубеждения, дурная привычка, фальшивое ожидание, фальшивая боязнь. Если человек думает “не могу”, – то и действительно не может. Женщинам натолковано: “вы слабы”, – вот они и чувствуют себя слабыми, и действительно оказываются слабы» [400, с. 252–254]. Удивительно, как близок был Чернышевский к современному феминистскому взгляду на традиционную роль и природу женщины как социального конструкта!

Социалистические (или прогрессистские) взгляды главных героев «Что делать?» подчеркиваются и в других эпизодах, хотя не каждый читатель сможет их заметить. В комнате Лопухова висел портрет английского социалиста-утописта Роберта Оуэна. Вера Павловна заметила его, назвав портрет одним из немногочисленных роскошных предметов в помещении: «Нет, вот и еще роскошь: фотография этого старика; какое благородное лицо у старика, какая смесь незлобия и пронциательности в его глазах, во всем выражении лица! Сколько хлопот было Дмитрию достать эту фотографию. Ведь портретов Оуэна нет нигде, ни у кого. Писал три письма, двое из бравших письма не отыскали ста-

рика, третий нашел, и сколько мучил его, пока удалась действительно превосходная фотография, и как Дмитрий был счастлив, когда получил ее, и письмо от “святого старика”, как он зовет его, письмо, в котором Оуэн хвалит меня, со слов его» [400, с. 175]. В начале XIX в. «святой старик» Оуэн прославился введенными на собственной фабрике улучшениями для рабочих: строгие санитарные правила, магазины для рабочих с товарами по себестоимости, учет поведения сотрудников для дальнейшего продвижения по службе, ограничение употребления алкоголя, детские сады для детей своих работников и систему общего образования. Во время кризиса 1806 г. Оуэн выплачивал зарплату своим рабочим, несмотря на то что ему пришлось закрыть свою фабрику. В 1820-е гг. Оуэн попробует себя в строительстве социалистической колонии в Америке, но его предприятие, на которое он потратит большую часть своих средств, закончится полным крахом.

Напоследок отметим, что критическое отношение к традиционным ролям мужчины и женщины, выраженное в радикальных тонах сквозь призму «женского вопроса», встречается и в других произведениях Николая Чернышевского. В качестве примера приведем еще одно место, на этот раз из «Заметок о женщинах Д. Мацкевича. Киев 1853»: *«Девуца с самого начала знает, что ей предназначено будет не добывать средства для жизни живописью, а угодждать мужу и ухаживать за детьми. Что не цель жизни человека, в*

том, конечно, он мало сделает успехов, будет ли этот человек мужчиной или женщиной. Девушку учат только для того, чтобы жених не забракосватал ее, как дурно воспитанную, или обратил на нее внимание за то, что она грациозно танцует или играет на фортепьяно французскую кадрили. Дальше посредством уменья играть на фортепьяно, требуемого общественными приличиями, от девушки ничего не желают воспитатели и не требует надобность. Девушка выходит замуж восемнадцати или девятнадцати лет, еще ребенком по летам, еще более ребенком потому, что не знает людей, еще более, быть может, потому, что ее не приучали мыслить, как приучают мальчика; удивительно ли, что до двадцати лет, когда и мужчины не бывают еще ни Шекспирами, ни Бетховенами, женщина не успевает написать ни замечательной драмы, ни симфоний? Вышедши замуж, она делается домохозяйкой... удивительно ли, что мало бывает славных женщин?» [401, с. 282].

* * *

Квинтэссенцией социалистического опыта Александра Герцена являются его письма Бакунину, озаглавленные как «К старому товарищу». Здесь, уже старый материалист-диалектик с богатым революционным прошлым, Герцен оставляет свое «теоретическое завещание» новым поколениям социалистов, критикуя радикализм Бакунина так, как позднее

большевики будут критически относиться к тактике индивидуального террора эсеров. Немедленному бунту и упразднению государства Герцен противопоставляет работу над народным сознанием, пропаганду и укрепление организации, занимая умеренную, научную точку зрения. Тщетность и губительность радикальных методов борьбы, искусственно ускоряющих неизбежный ход истории, оставляя за собой ущерб всему тому из старого мира, что «достойно спасения», Герцен подчеркивает в письмах неоднократно. Он пишет, что *«процессы общественного роста, их отклонения и уклонения, их последние результаты до того переплелись, до того неразрывчато взошли в глубочайшую глубь народного сознания, что приступ к ним вовсе не легок, что с ними надобно очень считаться – и одним реестром отрицаемого, отданного, как в “приказе по социальной армии”, ничего, кроме путаницы, не сделаешь. Против ложных догматов, против верований, как бы они ни были безумны, одним отрицаньем, как бы оно ни было умно, бороться нельзя. Сказать “не верь!” так же авторитетно и, в сущности, нелепо, как сказать “верь!”*. Старый порядок вещей крепче признанием его, чем материальной силой, его поддерживающей. Это всего яснее там, где у него нет ни карательной, ни принудительной силы, где он твердо покоится на невольной совести, на неразвитости ума и на незрелости новых воззрений, как в Швейцарии и Англии. Народное сознание так, как оно выработалось, представляет естественное, само

собой сложившееся, безответственное, сырое произведение разных усилий, попыток, событий, удач и неудач человеческого сожития, разных инстинктов и столкновений – его надобно принимать за естественный факт и бороться с ним, как мы боремся со всем бессознательным, – изучая его, овладевая им и направляя его же средства сообразно нашей цели. Собственность, семья, церковь, государство были огромными воспитательными нормами человеческого освобождения и развития – мы выходим из них по миновании надобности... все формы исторические – volens-nolens – ведут от одного освобождения к другому. Гегель в самом рабстве находил (и очень верно) шаг к свободе; то же – явным образом – должно сказать о государстве, – и оно, как рабство, идет к самоуничтожению – и его нельзя сбросить с себя, как грязное рубище, до известного возраста» [75].

Переход к социализму Герцен видит неизбежным. Критикуя социалистов прошлого, слишком агрессивно налегающих на обладателей капитала, Александр Иванович предлагает рациональный подход, основанный на математических расчетах экономической науки, словно бы они и доказывают неизбежность социализма: «*Не то надобно доказать собственникам и капиталистам, что их обладание грешно, безнравственно, незаконно – понятия, взятые из совсем иного мирозерцания, чем наше, – а то, что нелепость его пришла к сознанию неимущих, в силу чего оно становится невозможным. Им надобно показать, что борьба против неот-*

вратимого – бессмысленное истощение сил и что чем она упорнее и длиннее, тем к большим потерям и гибелям она приведет. Твердыню собственности и капитала надобно потрясти расчетом, двойной бухгалтерией, ясным балансом дебета и кредита. Самый отчаянный скряга не предпочтет утонуть со всем товаром, если может спасти часть его и самого себя, бросая другую за борт. Для этого необходимо только, чтоб опасность была так же очевидна для него, как возможность спасения» [75]. Таким вот образом Герцен предложил бы собственникам «по-хорошему» перестать сопротивляться объективному ходу истории. Александр Иванович верил в преимущества социализма, полагая их делом доказанным.

* * *

Интересна судьба Николая Огарева, который попытался создать коммунистическое хозяйство в рамках отдельного предприятия (коммуны). В то время среди революционных демократов была популярна фигура Роберта Оуэна⁶, и Огарев, по всей видимости, был вдохновлен примером этого английского утописта. Николай Платонович освободил более полутора тысяч крестьян Верхнего Белоомута задолго до реформы 1861 г., взяв с них выкуп в 130 руб. за переданную

---

⁶ См. работу «Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ» Н. Добролюбова.

им землю. Также он построил несколько фабрик в Симбирской губернии в формате «народного» предприятия с рабочими, наделенными землей. В соответствии с образовательным планом, изложенным Огаревым в работе «Народная политехническая школа», предполагалось избавить подопечных крестьян от религиозных и рабских заблуждений, от фатализма и «предрассудков в земледелии», начиная от трехполья и заканчивая стройкой жилищ, способствующих «грязности и болезням».

План был составлен весьма основательно. В разделе «А. Образ жизни учеников» читаем: *«Ученики не будут принуждаемы исполнять какие бы то ни было обычаи, от которых пахнет обрядом и формализмом; ложь и обман будут преследоваться учителем следующим способом: показывая, что ложь из боязни напрасна, потому что отношения ученика и учителя отнюдь не будут основаны на страхе, а на уважении и соревновании. Обязанность учителя всегда выказывать, во-первых, бесполезность и ненужность обмана и потом его подлость. Это единственный путь приучить к честности; постная пища уничтожается. Кушанья должны быть разнообразны: кроме мяса, приготовляемы из всяких овощей, легко добываемых мужиком. Развитие вкуса должно уничтожить лень. Уже Фурье заметил, что хороший обед – главная цель индустрии; матери, отцы и родственники могут навещать учеников, но ученики домой не отпускаются; время труда, завтрака, обеда и сна определе-*

но. Труд разнообразен. Урок и телесная работа сменяются 2 раза в день» [252, с. 10–11]. В разделе «Е. Распределение труда» дан распорядок дня по часам: «Встают в 4 часа. От 5 до 8,5 класс. От 8,5 до 9 завтрак. От 9 до часу мастерская или огород. В час обед, до 3 отдых. От 3 до 6 класс. От 6 до 8 мастерская (при свечах) или огород. В 8 ужин, потом сон. Выходит: час на чистку комнат и себя, 6,5 часа класса, 6 часов телесной работы, 4 часа на еду и отдых и 8 часов сна; данные все говорят в пользу моего плана. Наука выведет из незнания. Предубеждения не будут иметь нищи, а напротив того, наука нечувствительно перебросит из них совсем в другую сферу. Воспитаем мы людей практических, к делу прилагаемых, здоровых умом и телом; добросовестных, потому что им не будет ни примера, ни поощрения к обману; мужественных духом, потому что их отучат от испуга и приучат к чувству самостоятельности; трудолюбивых – это уже обязанность учителя и моя пристрастия к труду. Они выйдут свободными людьми, хотя и обязуются остаться четыре года в нашем крае, чтобы успеть иметь влияние и обучать других. Во всяком случае, мы образуем человек 10 отличных мужиков-пропагандистов, и воскресными классами мы обучим большое количество детей грамоте. Чего же более? А между тем приготовится к печати курс популярной энциклопедии» [252, с. 14].

Сложно не заметить в планах Огарева поразительное сходство с аналогичными проектами западноевропейских

утопистов, вроде Питера Плокбоя, Джона Беллерса и Роберта Оуэна. Общая у него канва и с социализмом в целом: рациональное производство без разделения труда (крестьяне обучаются самым разным ремеслам и земледелию), жесткая регламентация рабочего и свободного времени, обобществление воспитания детей, борьба с «предрассудками». Однако Огареву не было суждено добиться своей цели, его эксперимент полностью провалился, а сам автор потерял на этом много денег. Свое разочарование крестьянином, не поддающимся такой социальной инженерии, не оценившим благие намерения просвещенного экспериментатора, Огарев выразил в поэме «Господин» и «Деревня».

* * *

По мере приближения к последней четверти XIX столетия и по мере осознания провала реформ Александра Пв деле полного освобождения крестьян (крестьяне получили свободу, но оставались «временнообязанными», им приходилось платить «выкупные платежи», размер которых уменьшили в 1881 и 1905 гг., но отменили только в январе 1907 г.) нарастал радикализм, градус которого, казалось бы, снизился на непродолжительное время в 1860-е гг. в связи с надеждами на реформы. Кажется, одной из «первых ласточек», наряду с «ишутинцами» и неудачным покушением Дмитрия Каракозова на императора Александра II, оказалась экстре-

мистская организация Сергея Нечаева «Общество народной расправы». Предполагалось, что ее члены перейдут от слов к радикальным действиям. Свои социалистические убеждения Нечаев, познакомившийся в Швейцарии с Огаревым и Бакуниным и получивший от первого деньги «на революцию», выразил в т. н. «Катехизисе революционера». Если суммировать все написанное в этом отвратительном тексте из 26 параграфов, то выйдет следующее: *«Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией. Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира.*

Он для него – враг беспощадный, а если он продолжает жить в нем, то для того только, чтоб его вернее разрушить. Цель же одна – наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганого строя. Революционер вступает в государственный, сословный и так называемый образованный мир и живет в нем только с целью его полнейшего, скорейшего разрушения. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире. Если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру, в котором – все и все

должны быть ему равно ненавистны. У товарищества ведь нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, то есть чернорабочего люда. Но, убежденные в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всесокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию и разобщению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию» [233]. К счастью, на творить много бед «нечаевцы» не успели – после убийства студента Ивана Иванова, их организация попала под суд и была разгромлена.

В 1876 г. возрождается народническая организация «Земля и воля», но уже как полноценная централизованная организация социалистов, а не мелкий кружок интеллектуалов, со своей программой политической борьбы, заменявшей теоретическое бунтарство на терроризм. В программе 1878 г. конечной целью объявлялись анархия и коллективизм (удивительное сочетание), а «реально осуществимыми целями» была передача земли в руки сельских общин (соответственно – изъятие ее у собственников), полная свобода вероисповедания, введение общинного самоуправления, содействие разделу Российской империи в соответствии «местным желаниям». Методом достижения этих целей объявлялся насильственный переворот как единственный способ не допустить развития капитализма в России и рас-

пространения «язв буржуазной цивилизации», угрожающего разрушением общины. Одной из задач объявлялось физическое устранение («систематическое истребление») *«наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства и вообще людей, которыми держится тот или другой ненавистный нам порядок»* [279]. Однако долго «Земля и воля» не просуществовала, успев поучаствовать только в организации ряда стачек, демонстраций и студенческих волнений. Уже в 1879 г. наметилось разделение членов движения на сторонников продолжения линии «хождения в народ» и сторонников радикальных действий (террора). В ходе нескольких съездов не удалось достигнуть единогласия, и «Земля и воля» распалась на умеренный «Черный передел» (куда входили Георгий Плеханов, Павел Аксельрод, видный деятель социал-демократии начала XX в., и Вера Засулич, вошедшая в 1900 г. в редакцию ленинской газеты «Искра») и радикальную «Народную волю» (Андрей Желябов, Софья Перовская, Степан Халтурин и др.). «Народная воля» к 1881 г. смогла стать весьма внушительной организацией, насчитывающей несколько сотен членов, включая офицеров. Народовольцы главной своей целью поставили убийство императора. После нескольких неудачных терактов (подрыв царского поезда, взрыв в Зимнем дворце, подрыв Каменного моста) народовольцам все-таки удалось достигнуть цели – 1 марта 1881 г. бомбой, брошенной Игнатием Гриневицким, Александр II был убит. Власть после такого поворота событий не

стала терять времени даром и полностью разгромила «Народную волю» к 1883 г. В долгосрочной перспективе наиболее деструктивным следствием действий террористов стал отказ государства от направленной либерализации в политике и экономике, выразившийся в т. н. «контрреформах» Александра III. Последнего в 1887 г. безуспешно попытались убить активисты организации «Террористическая фракция партии “Народная воля”», куда входил брат Владимира Ленина Александр Ульянов (за участие в теракте он был казнен).

«Черный передел» просуществовал совсем недолго, однако именно его выходцы создали в 1883 г. первую русскую марксистскую (т. е. основанную на «научном социализме») организацию под названием «Освобождение труда». Эта группа левых интеллектуалов ставила перед собой целью распространение идей марксизма и использование его социально-экономического и политического методов для анализа положения России; критику народничества и подготовку условий для появления полноценной социал-демократической партии. Цели свои они выполнили, надо сказать, замечательно. Уже в 1882 г. Плеханов перевел на русский язык «Манифест коммунистической партии», а затем были переведены и изданы на подпольной типографии «Наемный труд и капитал», «Развитие научного социализма», «Речь о свободе торговли», «Нищета философии», «Ф. Энгельс о России» и другие произведения Маркса и Энгельса. Сам Эн-

гельс отдал должное усердию группы, как он писал в своем письме к Вере Засулич: «...Я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России» [206, с. 309].

Для удара по народникам Плеханов написал такие работы, как «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия». Им же в 1885 г. была написана первая программа русской социал-демократии. Именно через Плеханова из народничества в «научный социализм» перешел Ленин. Молодой двадцатипятилетний социалист впервые познакомился со своим учителем, Георгием Плехановым, в 1895 г. в Швейцарии, после чего основал в Петербурге организацию «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» – ее довольно быстро разгромили власти, а Ленин получил свой первый тюремный срок и вторую ссылку.

В целом надо сказать, что активное знакомство русского социалистического движения с идеями Маркса и Энгельса в период 1880-1890-х гг. представляется довольно мучительным в том плане, что у прогрессистски настроенной интеллигенции появляется привлекательная альтернатива старым

народническим идеям – «научно обоснованный» социализм Маркса. В ходе этого процесса происходит последовательное размежевание социалистов, появляется задел для различий у будущих социалистических партий. Прежде возлагавшие надежду на крестьянство многие левые интеллигенты обратились к другому «угнетенному» классу, все более увеличивающемуся численно пролетариату – в условиях бурного экономического роста численность рабочих в России росла очень быстро. Левая интеллигенция видела себя, как о том совершенно открыто говорится в брошюре «Социализм и политическая борьба», написанной группой «Освобождение труда», «руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении» [264].

Однако тут стоит указать на одну интересную деталь. В своем письме Вере Засулич Карл Маркс дал определенные теоретические основания для существования русского «крестьянского» социализма. В 1881 г. он пишет ей следующее: *«Исследуя происхождение капиталистического производства, я говорю: “Итак, в основе капиталистической системы лежит коренное отделение производителя от орудий производства... основа же всего этого развития – экспроприация земледельцев. Пока она завершилась в полной мере лишь в Англии... Но все другие страны Западной Европы совершают тот же путь”. Таким образом, “историческая неизбежность” этого пути умышленно ограничена странами Западной Европы. Основания такого ограничения*

указаны в следующем месте гл. XXXII: “Частная собственность, опирающаяся на личный труд... вытесняется частной капиталистической собственностью, опирающейся на эксплуатацию чужого труда, на систему заработной платы”. Итак, на этом пути, свойственном Западу, дело идет о превращении одного вида частной собственности в другой вид частной собственности. У русских крестьян, наоборот, дело шло бы о превращении их общинной собственности в частную собственность. Поэтому исследование, произведенное в “Капитале”, не дает доводов ни за, ни против жизни деревенской общины; но выполненное мною специальное изучение этого вопроса, для которого я брал материалы из первоисточников, привело меня к убеждению, что эта община является точкой опоры социального возрождения в России; но для того, чтобы она могла играть эту роль, нужно было бы сперва устранить пагубные влияния, давящие ее со всех сторон, и затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития» [63].

Узнали ли об этом ответе Маркса широкие левые массы или нет, но «русский социализм» (революционное народничество), видевший своей опорой крестьянство, продолжал свое существование все последующие десятилетия, прежде всего в партии социалистов-революционеров. Более того, по мнению критики Владимира Ленина со стороны бывших соратников по партии, его учение было синтезом искаженного марксизма и революционного народничества (в частно-

сти, анархического учения Михаила Бакунина). Бакунин выступал против «диктатуры пролетариата», а главной движущей силой революции считал наиболее бедные слои рабочих и крестьян, которых призывал участвовать в восстаниях и бунтах до тех пор, пока не будет достигнута цель социальной революции. Павел Аксельрод писал, что *«большевизм есть не что иное, как осуществление в действительности – в грандиозном масштабе в варварски-насильственных формах – заветов Бакунина и Нечаева, этих духовных предков большевизма»* [7, с. 85]. В работе «Кто изменил социализму» Аксельрод вопрошает: *«...разве нельзя отличить в этом захвате власти большевиками воскрешенных идей русского бланкизма, которые преобладали среди русских революционеров после краха партии “Народная воля”?»* [7, с. 485]. В другом месте той же работы читаем: *«смелый захват власти большевиками и их “коммунистическая советская республика” есть на самом деле ничто иное, как попытка дать практическое приложение стремлениям и мечтам тех русских революционеров до социал-демократического периода, программу и тактику которых так резко критиковали последователи научного социализма, русские социал-демократы, среди которых был также и Ленин»* [7, с. 474].

Читатель может здесь спросить: а что могло быть не так с большевистским переворотом, что его критиковал социалист Аксельрод (и другие – например, Мартов, Потресов)? Дело в том, что русские социалисты не могли разработать об-

щую стратегию относительно прихода к власти. Одни считали, что такой приход может быть только через насильственную социалистическую революцию в ближайшие годы (а в годы Первой мировой войны считали, что империалистическая война должна перейти в гражданскую), а другие полагали, что социал-демократия в России может работать в условиях буржуазного парламентаризма и добиваться своих целей эволюционным путем (на Циммервальдской конференции многие из этого крыла призывали к заключению безусловного мира между воюющими странами). Уже после октябрьского переворота некоторые «умеренные» социалисты (меньшевики, образовавшиеся в результате раскола РСДРП в 1903 г.) считали, что большевики уничтожают завоевания Февральской революции и устанавливают новую деспотию вместо демократии для большинства населения (рабочих и крестьян). При этом и те и другие социалисты опирались на марксистскую формационную теорию, в ходе которой общество проходит социальную революцию в конце каждой формации в тот момент, когда противоречия в старой формации накопились в достаточной степени, а производительные силы достигли определенного уровня развития. Поэтому вставал вопрос: готова ли Россия к революции, достаточно ли развит в ней капитализм, чтобы перейти к социализму. Ленин и большевики в определенный момент сочли, что достаточно, а остальное можно будет доработать с помощью «диктатуры пролетариата» (в будущем следствием это-

го стали насильственные индустриализация и коллективизация при Сталине). Для тех социалистов, кто не видел в России предпосылок к скорому переходу к социализму, предпочтительнее было опираться на опыт и поддержку западной социал-демократии и постепенный рост рабочего класса, которого было явно недостаточно для перехода к полноценной рабочей демократии, – а значит, альтернативой могла быть только диктатура меньшинства, что было для этих социалистов недопустимо. Учитывая стомиллионное крестьянское население России, Ленин действительно вынужден был обратить внимание на крестьянские массы – и поначалу на самые бедные (в эпоху «военного коммунизма» они стали опорой для кратковременных и неудачных коммунистических преобразований на селе в 1918–1920 гг.). Однако заигрывание с этой массой было недолгим и вскоре большевики перешли к откровенной деспотии (как мы увидим далее), т. е. к той самой диктатуре меньшинства.

Осуждали «умеренные» социал-демократы и т. н. «бланкизм» в движении большевиков – течение, названное по имени французского социалиста-утописта Луи Огюста Бланки и подразумевавшее примат революции над реальной практикой социализма, уничтожение буржуазного строя внезапным вооруженным выступлением и установлением диктатуры узкой группы революционеров. В 1870-е гг. крупным русским «бланкистом» был народник Петр Ткачев и, хотя Ленин вспоминает его в работе «Что делать?», едва ли

меньшевики правы в том, что большевики были идейными «бланкистами». Скорее, они, оставаясь «научными социалистами» с примесью русского социализма, воспользовались возможностью взять власть, когда это было наиболее реально сделать.

Помимо размежевания по вопросу, кого же вести левой интеллигенции на освободительную борьбу: крестьянство или пролетариат, – возникали различные течения внутри самого движения марксистов, сделавшего ставку на рабочий класс. Они не были доминирующими в роковые для России годы, но тем не менее их нельзя не упомянуть. К концу XIX – началу XX в. русские марксисты были не чужды ревизии марксистского учения, казавшегося им уже не соответствующим нынешним реалиям. В этом они были не одиноки. Как я уже упоминал в первой части, в 1896–1898 гг. в официальном органе немецкой СДПГ “Die Neue Zeit” вышла серия статей Эдуарда Бернштейна под единым заголовком «Проблемы социализма». В них он подверг критическому пересмотру экономическое и философское учение Маркса, отвергнув идею «диктатуры пролетариата», социальной революции и ожидание скорого краха капитализма. Напротив, Бернштейн пришел к выводу, что социализм победит эволюционным путем, последовательно завоевывая парламент и проводя социалистические реформы. Свои идеи он изложил в книге «Условия возможности социализма и задачи социал-демократии», изданной в 1899 г. Собственно, именно

«бернштейнианство» стало идейной основой европейских социал-демократических партий и, в сущности, остается ею до сих пор. В России первыми ревизионистами стали Петр Струве (возможно, даже раньше Бернштейна указавший на необходимость пересмотра марксизма) и Михаил Туган-Барановский. Все они были в свое время даже влиятельнее Ленина и оставили свой след в русской политической и экономической мысли. Интересно, что Струве и Туган-Барановский чем дальше, тем больше разочаровывались в марксизме, пока вовсе не перестали быть его приверженцами. К ревизионизму примыкали также Сергей Прокопович и его жена Екатерина Кускова, отстаивавшие в начале XX столетия идеи «экономизма». Согласно «экономизму», какая-либо радикальная политическая борьба рабочих бессмысленна, поскольку экономическое развитие общества признавалось объективным фактором, который неизбежно приведет общество к социализму. Как писал «экономист» П. Нежданов, *«не люди делают свою историю, а развитие экономики определяет их историю, вот как скорее следует формулировать учение Маркса и Энгельса»* [214].

Так или иначе, почти все заметные социалистические деятели (не народнического направления) начинали свой путь из одной и той же партии – провозглашенной в 1898 г. РСДРП. Манифест для нее написал Петр Струве. В 1900 г. родилась знаменитая газета «Искра», в редакцию которой первоначально входили Владимир Ленин и его учитель Ге-

оргий Плеханов, а также будущие критики (и даже непримиримые враги) большевизма Юлий Мартов, Павел Аксельрод, Александр Потресов и Вера Засулич. В последующем партия стала источником новых течений, которые рождались из внутренних разногласий. Ленин вышел из «Искры» в 1903 г.; тогда же, на II съезде, в результате «раскола» появились меньшевики (сторонники Юлия Мартова) и большевики (сторонники Владимира Ленина). В 1907 г., под сильным впечатлением от неудавшейся революции 1905 г., появились т. н. «ликвидаторы» – сторонники исключительно легальных форм политической борьбы за социализм и ликвидацию нелегального крыла партии (Потресов, Аксельрод, Гарви и др.). В пикку им выступили «отзовисты» – они, напротив, предлагали вести борьбу исключительно на основе нелегальной борьбы (А. А. Богданов, будущий нарком просвещения Анатолий Луначарский и др.). Однако Ленин настоял на сохранении и легальных, и нелегальных органов партии, причем последним он придавал руководящую роль. К тому моменту Ленин уже стал более чем реальной силой в разросшейся на общеевропейский уровень партийной структуре, хотя меньшевики и большевики все еще были членами одной партии. Однако в 1912 г. это положение было уже очень шатким. Большевики созвали Пражскую конференцию, на которой было всего два делегата от меньшевиков. В противовес ленинцам часть меньшевиков созвала свою конференцию в Вене (важную роль в ней играл Лев Троцкий). «Ленинская»

конференция исключила из партии «ликвидаторов».

Начало Первой мировой войны разделило социал-демократов уже по новому вопросу и снова четко по линии большевиков-меньшевиков. Плеханов и Потресов выступили с патриотических позиций, считая, что Россия должна обороняться от Германии и победить («оборонцы»). Другие меньшевики, такие как Павел Аксельрод, призывали к скорому заключению мира между воюющими державами без аннексий и контрибуций («интернационалисты»), при этом отмечалась, как принципиально важная координация социалистических партий не только в воюющих странах, но и в странах, придерживающихся нейтралитета. *И* только ленинская фракция лелеяла надежды на то, что эта война, как начало краха капитализма, позволит перейти от войны «империалистической» к войне гражданской. Эти противоречия особенно обнажились на Циммервальдской конференции 1915 г., где Ленин сформировал «Циммервальдскую левую», призывавшую к разрыву со II Интернационалом. Именно на ее основе потом, в 1919 г., появится Коминтерн (III Интернационал).

В феврале 1917 г., когда произошла революция, меньшевики поддержали ее и даже вошли во Временное правительство, став одной из правящих партий, с августа – как РСДРП (объединенная). В исполнительном комитете Петросовета и в Советах меньшевики делили власть и влияние с эсерами, в то время как большевики после июльского восстания в Пет-

рограде на какое-то время были почти полностью разгромлены. Ленин был вынужден бежать в Разлив, другие активисты арестованы, штаб и редакция закрыты, а боевики разоружены. Однако двусмысленная позиция Петросовета, меньшевиков и эсеров и нерешительность Временного правительства позволили большевикам не только выжить, но и успешно совершить переворот в октябре, используя июльскую схему захвата ключевых пунктов города, после чего их влияние в советах и численность боевиков из матросов и солдат только росла. Меньшевики переворот встретили враждебно, а эсеры раскололись на правых (не принявших переворот) и левых (поддержавших большевиков). В последующие месяцы разделение между социалистами продолжало усиливаться, но большевики владели инициативой и могли действовать грубой силой. В 1918 г. РСДРП(б) переименовалась в РКП(б), социал-демократы стали коммунистами и установили свою монополию на власть, попутно начав жестокую борьбу с меньшевиками и эсерами. Как им удалось взять власть с такими исходными данными – поговорим в следующей главе.

Как коммунисты пришли к власти в России

Коммунизм в России однозначно можно назвать самым длительным политическим и социально-экономическим экспериментом в истории – он длился с 1917 по 1991 г. Это почти 74 года. Никогда прежде у социалистов не было такой возможности столь долго удерживать власть над столь огромной (мягко сказано) территорией с почти неограниченными ресурсами. Наконец-то построение коммунизма в национальном масштабе, а не в рамках отдельной общины, стало возможно. Наконец-то окружающие враждебные силы были не столь могущественны и не имели подавляющего превосходства, поскольку у коммунистов были и ресурсы, и армия. Мечты утопических социалистов, казалось, могли бы осуществиться, а «научный социализм» получал полноценную площадку для экспериментов.

Правда, эксперимент получился совсем не научный. Наука опирается на строгие методы и наблюдения, на повторяемый и контролируемый эксперимент, на работу множества ученых и исследовательских центров. Попытка радикально преобразовать общество в России, напротив, базировалась на относительно свежем и радикальном учении, изложенном в работах Маркса и Энгельса, поэтому уже в силу такого скромного «наследия» была ограничена рамками заблуж-

дений и догадок этих людей, которые профессиональными учеными, будем честны, не являлись. Это был эксперимент, организованный идейными авантюристами и неспециалистами, где величины, которые предполагалось достигнуть, задавались волюнтаристски, где правильность или ошибочность мер проверялась на живых людях и поломанных судьбах. Можно сказать, что «научный социализм» взялись строить полные профаны, которым надо отдать должное только за упорство и смелость.

Большевики, занимавшие важнейшие посты в новом социалистическом обществе, зачастую даже не имели никакого образования. Например, народный комиссар труда 1920-х гг. Василий Шмидт окончил всего четыре класса городского училища и по профессии был слесарем и маляром. А ведь наркомат труда занимался такими важнейшими вопросами, как заработная плата, безработица, социальное страхование и т. д. Нарком земледелия Яков Яковлев (Эпштейн) окончил только реальное училище, именно при нем произошел голод 1932–1933 гг. У наркома по военно-морским делам, наркома обороны и председателя президиума ВС СССР Климента Ворошилова за плечами была лишь земская школа. «Всесоюзный староста» Михаил Калинин учился только в земском училище. И т. д., примеры можно приводить и приводить. Руководители министерств не имели специализации по тем задачам, которые их министерства должны были решать. В то же время наступление большевиков против интеллиген-

ции и ученых, считавшихся враждебными их режиму, велось с самого начала – только знаменитыми «Философскими парходами» в 1922 г. из России были высланы по меньшей мере 30 агрономов и экономистов, 45 врачей, 41 профессор и педагог, 12 инженеров, 16 юристов и др. – всего 225 человек, на тот момент представлявших цвет русской науки, литературы и искусства [28]. Таким образом, новая социалистическая власть представляла собой если не сборище бездарностей, то собрание талантливых разбойников, боевиков и демагогов. Образованные люди, вроде наркома просвещения Луначарского, были среди них явно в меньшинстве.

В силу длительного пребывания социалистов у власти над Россией и окружающими ее странами, именно у нас пагубное влияние социализма сказалось сильнее всего – на экономике, общественной жизни и культуре. Едва ли поддается точной оценке сумма потерянного культурного актива в виде исторических городских центров, отдельных зданий (вроде Сухаревой башни), или целых районов и исторических захоронений (вроде самого крупного Выборгского Римско-Католического кладбища в России, уничтоженного в 1939 г.). Точно так же нельзя точно оценить (но и переоценить тоже) потери в людях, убитых и умерших в ходе красного террора, сталинских репрессий, голода 1922, 1933 и 1946 гг. Экономический ущерб России от коллективизации, в результате которой было уничтожено крестьянство, обращенное в колхозников (сельских пролетариев); индустриализации, из-за

которой в стране возник переко́с в сторону тяжелой (военной) промышленности в ущерб всем традиционным отраслям легкой промышленности и производства потребительских товаров; дальнейшего подсаживая экономики на сырьевую иглу, начатое при Хрущеве и продолженное при Брежневем, – все это до сих пор отдается нам эхом, все это мы ощущаем на себе и в 2021 г.

Возможно, вас мучает вопрос: как большевики вообще смогли взять власть в России? Кто-то решит, что они обладали особыми политическими талантами или имели очень высокую поддержку среди населения. Всё несколько иначе. Большевики действовали как авантюристы и не ожидали, что власть попадет им в руки так скоро. После Февральской революции у власти находилось очень слабое нерешительное правительство, а переворот в октябре 1917 г. проводился не против консолидированной власти царя, который к тому времени уже был свергнут, а посреди хаоса и неразберихи, неопределенности на фронте, усталости от войны, потери контроля на местах, многовластия. Что еще более примечательно – это то, как переворот подготавливался. Лев Троцкий в работе «История русской революции» свидетельствует, что идея свержения Временного правительства принадлежала Ленину, который приехал в Россию только в апреле. Тогда же он выдвинул свои знаменитые «апрельские тезисы», в которых призвал как можно скорее продолжить революцию, перейти от буржуазной революции Февраля к со-

циалистической революции. Далее он призвал не поддерживать Временное правительство, перейти от парламентской республики к Советам рабочих, батрацких и крестьянских депутатов, национализировать землю и банки, все производство и распределение продуктов. До самого октября (ноября по новому стилю) единогласия в стане большевиков касательно переворота не было. Решался вопрос: как выступать – от имени только партии или Советов? Не были уверены и в том, где начать выступление – в Петрограде или Москве. Еще 27 сентября Ленин пишет Ивану Смилге: *«Что мы делаем? Только резолюции принимаем? Теряем время, назначаем “сроки” (20 октября – съезд советов, не смешно ли так откладывать? Не смешно ли полагаться на это?). Систематической работы большевики не ведут, чтобы подготовить свои военные силы для свержения Керенского... Надо агитировать среди партии за серьезное отношение к вооруженному восстанию...»* [364, с. 342].

Как писал Троцкий, *«через день после своего письма Смилге Ленин пишет уже цитированный выше документ “Кризис назрел”, заканчивая его чем-то вроде объявления войны ЦК. “Надо... признать правду, что у нас в ЦК и в верхах партии есть течение или мнение за ожидание съезда Советов против немедленного взятия власти, против немедленного восстания”. Это течение надо побороть во что бы то ни стало. “Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд”. Упускать время в ожидании съезда Советов есть*

“полный идиотизм или полная измена”. До съезда, назначенного на 20-е, остается свыше двадцати дней: “Недели и даже дни решают теперь всё”. Оттягивать развязку – значит трусливо отречься от восстания, ибо во время съезда захват власти станет невозможен: “...соберут казаков ко дню глупеньким образом «назначенного» восстания”» [364, с. 343]. Тем не менее, несмотря на неуверенность среди большевиков, их противники во Временном правительстве были еще менее сообразительны. В ночь с 24 по 25 октября большевики практически без сопротивления захватили все ключевые точки столицы, включая ставку правительства в Зимнем дворце. Но даже после этого они по-прежнему не были уверены в том, что все сделали правильно. Тот же Троцкий вспоминал: «...когда я доложил о совершившейся ночью смене власти, воцарилось на несколько секунд напряженное молчание. Потом пришли аплодисменты, но не бурные, а раздумчивые. Зал переживал и выжидал» [365, с. 202].

Однако переворот в октябре, с гордостью названный революцией, еще не был окончательным установлением единовластия коммунистов, а советская власть в лице Совета народных комиссаров официально считалась временной, как это и было зафиксировано в Декрете от 26 октября, установившем *«образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, Временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Со-*

ветом Народных Комиссаров⁷» [86]. Впереди были выборы во Всероссийское учредительное собрание, где большевикам предстояло конкурировать с другими социалистическими партиями за голоса избирателей, особенно с социал-революционерами (эсерами). Большевики заняли только второе место на выборах, прошедших в ноябре 1917 г., получив менее 25 % из 36,2 млн голосов (*табл. 1*) [169, с. 221].

---

⁷ История появления Совета Народных Комиссаров заслуживает отдельного упоминания, так как прекрасно иллюстрирует авантюристический характер большевистского движения. Троцкий в своей автобиографии приводит такое воспоминание: «Власть завоевана, по крайней мере в Петрограде. Ленин еще не успел переменить свой воротник. На уставшем лице бодрствуют ленинские глаза. Он смотрит на меня дружелюбно, мягко, с угловатой застенчивостью, выражая внутреннюю близость. “Знаете, – говорит он нерешительно, – сразу после преследований и подполья к власти... – он ищет выражения, – *es schwindelt*”, – переходит он неожиданно на немецкий язык и показывает рукой вокруг головы. Мы смотрим друг на друга и чуть смеемся. Все это длится не больше минуты-двух. Затем – простой переход к очередным делам. Надо формировать правительство. Нас несколько членов Центрального Комитета. Летучее заседание в углу комнаты. – Как назвать? – рассуждает вслух Ленин. – Только не министрами: гнусное, истрепанное название. – Можно бы комиссарами, – предлагаю я, – но только теперь слишком много комиссаров. Может быть, верховные комиссары?.. Нет, “верховные” звучит плохо. Нельзя ли “народные”? – Народные комиссары? Что ж, это, пожалуй, подойдет, – соглашается Ленин. – А правительство в целом? – Совет, конечно, совет... Совет народных комиссаров, а? – Совет народных комиссаров? – подхватывает Ленин, – это превосходно: ужасно пахнет революцией!.. Ленин мало склонен был заниматься эстетикой революции или смаковать ее “романтику”. Но тем глубже он чувствовал революцию в целом, тем безошибочнее определял, чем она “пахнет”. – А что, – спросил меня совершенно неожиданно Владимир Ильич в те же первые дни, – если нас с вами белогвардейцы убьют, смогут Свердлов с Бухариным справиться? – Авось не убьют, – ответил я, смеясь. – А черт их знает, – сказал Ленин и сам рассмеялся» [365, с. 208].

Таблица 1

Партия	Число полученных голосов	В %
Социалисты-революционеры	20,9 млн	57,6 %
Меньшевики, народные социалисты, «Единство», кооператоры, украинские социал-демократы, украинские, финские и немецкие социалисты	1,7 млн	4,7 %
Большевики	9,02 млн	24,8 %
Кадеты и другие правые	4,62 млн	12,7 %
Всего	36,262 млн	100 %

Не смирившись с таким положением дел и понимая, что могут потерять имеющуюся власть в Совнаркоме, 5–6 января 1918 г., опираясь на вооруженных солдат и матросов, большевики разогнали многотысячные митинги в поддержку Учредительного собрания, что закончилось гибелью нескольких десятков человек, а затем сорвали заседание и распустили его. Фактически большевики просто отказались признавать свое поражение на выборах и воспользовались тем, что лидировавшие в нем эсеры были сторонниками продолжения войны с Германией, что не нравилось многим солдатам и матросам. После разгона собрания коммунисты запретили народные выступления в его поддержку, начались аресты видных его деятелей. Всероссийское учредительное собрание было официально упразднено, а временный статус

Совнаркома отменен. Вот и вся «революция» и «поддержка народа». Обеспечив себе поддержку среди солдат и матросов в столице (во многом не без деморализующей агитации на фронте и в самом Петрограде), большевики смогли закрепиться в ключевом городе страны.

Здесь нужно обозначить причины, которые, по моему мнению, стали залогом успеха большевиков. Они следующие:

1. Высокий уровень организации и финансирования, причем последнее исходило от «капиталистических» кругов. Как писал большевик Леонид Красин о революционных 1900-х гг.: *«В те времена, при минимальном дифференцировании классов и при всеобщей ненависти к царизму, удавалось собирать деньги на социал-демократические цели даже в кругах сторонников “Освобождения” Струве, считалось признаком хорошего тона в более или менее радикальных или либеральных кругах давать деньги на революционные партии, и в числе лиц, довольно исправно выплачивающих ежемесячные сборы от 5 до 25 рублей, бывали не только крупные адвокаты, инженеры, врачи, но и директора банков и чиновники государственных учреждений. С течением времени удалось привлечь к делу финансовой поддержки партии некоторых меценатов из слоев и сфер, казалось бы совершенно не сочувствовавших рабочему движению»* [154, с. 142].

Здесь все достаточно логично. У социал-демократов (от-

куда вышли большевики) была очень хорошо развитая сеть по всей Европе. Они легко могли в нужный момент уехать из России и жить в Швейцарии, Франции, Швеции или Англии годами – едва ли издание газет могло покрывать все эти расходы. Деньги на многочисленные агитационные и боевые ячейки в России тоже нужны были немалые. Здесь и покупка оружия, и печать листовок, и подкуп чиновников, и покупка информации, а особенно расходы на конспирацию (квартиры, поддельные паспорта, транспорт).

То, что большевики получали деньги от «буржуев», не представляет даже особого секрета. Социалисты этого не скрывали. Троцкий в своей работе о Сталине писал: *«Большую роль в кровавых схватках боевиков с полицией играл вопрос о деньгах, нерве всякой войны, в том числе и гражданской. До конституционного манифеста 1905 г. революционное движение финансировалось главным образом либеральной буржуазией и радикальной интеллигенцией. Это относится также и к большевикам, на которых либеральная оппозиция глядела тогда лишь как на более смелых революционных демократов»* [368].

На масштабы капиталистической поддержки большевиков «намекал» и заместитель ответственного редактора органа ВСНХ Николай Вольский (Валентинов): *«...большевики оказались великими мастерами извлекать, с помощью сочувствующих им литераторов, артистов, инженеров, адвокатов – деньги из буржуазных карманов во всех городах*

Российской империи. Большим ходяком по этой части был член большевистского Центрального Комитета инженер Л. Б. Красин, и еще более замечательным ловцом купеческих и банковских бабочек, летевших на большевистский огонь, был М. Горький, умевший вытягивать деньги и на “Новую Жизнь”, и на вооружение, и на всякие другие предприятия. Если бы какой-нибудь историк, хотя теперь это вряд ли возможно (время стерло людей и следы), захотел бы заняться исследованием, сколько на святой Руси было купеческих и банковских “Маякиных” и “Гордеевых”, внесших деньги в большевистские кассы, и какова в итоге общая сумма их субсидий, получился бы документ большого социального интереса. Он был бы особенно интересен со стороны психологической и идейной: какого характера мотивы толкали на поддержку революции – в виде большевизма – этих будущих “смертников”, дотла уничтоженных большевистской революцией?» [45].

Собственно, и упомянутый в цитате выше писатель Максим Горький тоже не оставил нас без ценного свидетельства. И он сам, и через него к большевикам попало много денег на нужды революции. В письме от 30 июня 1918 г. сотрудникам газет «Правда», «Северная коммуна» и другим Горький откровенничает: «К сведению вашему, я скажу, что за время с 901-го по 917-й год через мои руки прошли сотни тысяч рублей на дело российской социал-демократической партии, из них мой личный заработок исчисляется десятками тысяч,

а все остальное черпалось из карманов “буржуазии”. “Искра” издавалась на деньги Саввы Морозова, который, конечно, не в долг давал, а – жертвовал. Я мог бы назвать добрый десяток почтенных людей – “буржуев”, – которые материально помогали росту с.-д. партии. Это прекрасно знает В. И. Ленин и другие старые работники партии» [80, с. 198].

Но больше всего, пожалуй, меня поразило описание историком Александром Островским целой схемы спонсорства левых боевиков нефтяными промышленниками. Это была не просто плата за крышевание, но целая организованная преступная империя, где капитал и социалисты сплелись настолько, что уже невозможно понять, где кончается капиталист и начинается революционер. Как свидетельствовал социал-демократ А. Рохлин, «из колоссального количества конфликтов, разрешенных Союзом нефтепромышленных рабочих (1907–1908 гг.), подавляющее большинство принималось нефтепромышленными фирмами почти безоговорочно; безоговорочно эти фирмы вносили в кассу союза штрафы за те или иные проступки. Представители крупнейших фирм не раз и не два вносили деньги на те или иные нужды партийной организации (наша большевистская организация, нечего греха таить, не брезговала и этим источником дохода, хотя – это надо отметить – тут не было ничего похожего на те даяния, которыми пользовались шендриковцы; указжу хотя бы на 10-тысячный куш, полученный ими от нефтепромышленников при заключении де-

кабрьского (1904 г.) договора, т. е. при обстоятельствах, которые придавали получке характер подкупа. Те же крупнейшие фирмы не раз и не два искали у нас защиты (помню случай обращения Манчо к Биби-Эйбатскому райкому уже в самое тяжелое время, кажется в 1911 г., от приставаний и налетов разного рода “эксов”)» [256]. Большевик Иван Вацек, кассир Бакинского комитета РСДРП, подтверждает регулярное получение денег от капиталистов в те времена: «Брали мы с управляющих, заместителей и заведующих, вообще с либеральной публики». По свидетельству революционера и тестя Сталина Сергея Аллилуева денежная помощь (меньшевикам) приходила «из несгораемых стальных касс королей нефти: Гукасова, Манташева, Зубалова, Кокорева, Ротшильда, Нобеля и многих других миллионеров, бросавших им крохи из своих сверхприбылей». Тут следует заметить, что именно на предприятиях Эммануила Нобеля 23 февраля 1917 г. начались массовые выступления рабочих, что привело к Февральской революции, и некоторыми историками сей факт трактуется как косвенное свидетельство причастности бизнесмена к революционному движению (что, скорее всего, притянута за уши).

Упомянутые в тексте «экссы» – это в прямом смысле бандинские налеты на предприятия и частных лиц с целью изъятия у них крупных сумм денег на «революционные нужды». Впервые масштабную акцию «экспроприации» провели левые эсеры еще в 1906 г. при нападении на частный мос-

ковский банк «Купеческого общества взаимного кредита». Им удалось ограбить банк на 875 тыс. руб. Не все социал-демократы одобряли подобное, особенно меньшевики, однако Ленин не видел в этом ничего предосудительного, для него «эксы» были законным актом революции. Так что в последующие годы грабежи стали регулярными. Эти налеты давали определенные дивиденды, но они едва ли шли в какое-то сравнение с доходами от добровольных пожертвований крупного капитала. Проблема с «эксами» заключалась в том, что эти деньги нужно было разменять. Если банкноты были в «пятисотках», то это значило, что номера этих купюр уже были засвечены как «экспроприированные». То, что разменять не удавалось, приходилось в буквальном смысле слова уничтожать.

Так или иначе, денег у большевиков уже к началу 1910-х гг. было настолько много, что, по воспоминаниям Красина, можно было покупать не жалкие револьверы, а настоящие пушки. Да только доставить и спрятать их было никак. И эти деньги социалисты получили прежде всего от капиталистов как вполне добровольные взносы. С последним особенно повезло большевикам после смерти их горячего сторонника, молодого мебельного магната Николая Шмита (племянника другого мецената социализма – Саввы Морозова, который и познакомил юного капиталиста с миром социальной революции). Через Шмита и его сестер большевики получили в свою кассу по меньшей мере 720 тыс. франков. Емельян

Ярославский называл сумму в 756 тыс. франков [45].

Можно только гадать, почему же взаимоотношения капиталистов и социалистов оказались столь необычным образом тесно связаны. Но этому нужно найти объяснение. В начале XX в. социалисты представляли собой мощные международные организации, имевшие реальную ударную силу на улицах промышленных городов, агитаторов при заводах, мимикрирующих под простых рабочих; отчаянных террористов и хорошо вооруженных боевиков. Иными словами, социалисты еще до революции 1917 г. были реальной политической силой, а также, по всей видимости, могли предлагать свои услуги капиталистам в деле защиты их от других боевиков либо же для организации или предотвращения стачек (и то и другое, в зависимости от случая, было промышленникам выгодно). Социалистические агитаторы имели колоссальное влияние на пролетариев, так что вполне могли «поработать» с их настроениями за определенную плату или же просто шантажировали предпринимателей. В краткосрочной перспективе это хоть и противоречило делу революции, но зато в долгосрочной перспективе пополняло «общак» партии. Шмит и Морозов в этом отношении были скорее исключением в том, что касается мотивов, но если мы говорим о настоящих промышленниках, то те прекрасно понимали, чем могут быть полезны социалисты и чем они опасны. То, что в последующем большевики национализировали крупный капитал, в данном случае не принципиаль-

но. Большинство крупных капиталистов успели эмигрировать из России, другие (как Алексей Путилов) считали, что крах Империи не за горами.

2. Вторая причина: коммунисты смогли удержать за собой Петроград, ключевой промышленный центр России и ее столицу. В целом именно среди промышленно развитых регионов, в крупных городах большевики получили наибольшую поддержку среди населения, что обеспечило их промышленным потенциалом для ведения гражданской войны. Кроме того, высока была поддержка коммунистов на Северном и Западном фронте – их обещание прекратить войну соблазняло солдат и офицеров. Если мы посмотрим на *табл. 2*, где показано распределение голосов в Учредительное собрание по областям и фронтам, то убедимся в этом. Большевиками была одержана хоть и неуверенная, но победа в северных, западных и центральных регионах России, т. е. там, где располагались ее крупнейшие города и промышленные центры. Хотя и в них им приходилось делить влияние с «эсерами». А вот в аграрных регионах, Украине и Сибири красные потерпели сокрушительное поражение, т. е. среди крестьян они были совсем непопулярны.

Далее рассмотрим число голосов среди солдат и матросов по фронтам и флотам (*табл. 3*). Большевикам симпатизировал северный и западный фронты. Чем дальше от двух столиц, тем хуже для них обстояло дело. И хотя «эсеры» в общей массе получили большинство голосов, но они не удержали

жали позиции в ключевых промышленных областях и фронтах.

Таблица 2

Голоса на выборы в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. по областям, армии и флоту, в тыс. [169, с. 222]

Области	За русских эсеров (не считая национальных)	В % (в скобках обозначены голоса с учетом украинских и мусульманских эсеров)	За большевиков	В %	За кадетов	В %	Всего
Северная	1140	38	1177,2	40	393	13	2975,1
Центрально-Промышленная	1987,9	38	2305,6	44	550,2	10	5242,5
Поволжско-Черноземная	4733,9	70	1115,6	16	267	4	6764,3
Западная	1242,1	43	1282,2	44	48,1	2	2961
Восточно-Уральская	1547,7	43 (62)	443,9	12	181,3	5	3583,5
Сибирская	2094,8	75	273,9	10	87,5	3	2786,7
Украина	1878,1	25 (77)	754	10	277,5	4	7581,3
Армия и флот	1885,1	43	1671,3	38	51,9	1	4363,6

Таблица 3

Число голосов на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. на фронтах и флотах, в тыс. [169, с. 228]

Части армии и флота	За эсеров	За большевиков	За кадетов	За национальные и другие группы	Всего
Северный фронт	240	480	?	60	780
Западный	180,6	653,4	16,7	125,2	976
Юго-Западный	402,9	300,1	13,7	290,6	1007,4
Румынский	679,4	167	21,4	260,7	1128,6
Кавказский	360	60	?	–	420
Балтийский флот	–	120 (приблизительно)	–	–	120
Черноморский флот	22,2	10,8	–	19,5	52,5
Итого	1885,1	1671,3 + 120 (1791,3)	51,8 + ?	756	4364,5 + + 120 + ?

Таким образом, поддержка крупных промышленных центров оказала очень серьезную роль в удержании власти большевиками на фоне поражения в Учредительное собрание. Чтобы понимать ее величину, приведем следующие цифры: всего голосов в Петрограде и Москве подано 1 млн 765 тыс. Из них за большевиков – 837 тыс., за кадетов 515 тыс., за эсеров всего 218 тыс. [169, с. 224]. То есть в столицах большевики конкурировали уже не с эсерами, а с кадетами. Эсеры были в целом крестьянской партией, т. е. партией большинства. Большевики только среди пролетариев, солдат и матросов некоторых фронтов и флотов имели перевес в популярности, что никак не дает оснований считать коммунистов голосом большинства. Итак, вторая причина успеха

большевиков – победа в индустриальной России.

3. Третьей, не менее важной, причиной были т. н. отряды-завесы. После подписания Брестского мира и роспуска Российской императорской армии большевики организовали воинские формирования на западных границах страны, чтобы обозначить ими границы перед окружавшими страну немецкими войсками и обезопасить от очень вероятного наступления Германии. «Завесы» полностью подчинялись большевикам, управление ими велось централизованно. Уже в конце марта 1918 г. эти формирования начали превращать в полноценные дивизии, а одновременно с ними большевики начали организацию военно-окружной системы под их прикрытием и с помощью военных руководителей «завес». Обладание историко-географическим центром (центральные регионы, западные границы), размещение и свободное формирование на его участках новых воинских формирований, как следствие – удобное расположение и возможность быстро переориентировать вооруженные силы с внешнего фронта на внутренние, обеспечили большевикам важное тактическое преимущество над разрозненными противниками на Украине, юге и востоке России. Вооруженные формирования коммунистов обладали мобильностью, которой не хватало их врагам. Как пишет историк Валерий Каминский, *«свободное управление войсковыми частями, развернутыми при участках Завесы или в “провинциальных” военных округах, позволило большевикам не только формиро-*

вать боевые дивизии РККА на основе прежних отрядов Завесы, но и объединять для таких формирований штабы целого ряда прежних частей Завесы. Главное преимущество центрального расположения “Совдеши” выразилось в том, что большевики могли свободно манипулировать теми дивизиями, которые формировались на территории Завесы, или в системе военных округов. Только между 25 июля и 18 августа 1918 г. на Востфронт в основном из частей Завесы было переброшено более чем 30,000 человек. В то же время, когда угроза на Востфронте временно ослабевала, как это было, например, в начале и до весны 1919 г. (разгром Кому-ча⁸ и стабилизация фронта после взятия “белыми” Перми 25 декабря 1918 г.), или спала совсем в конце лета того же года, когда с Колчаком было уже фактически “покончено” (Челябинская операция, 17 июля – 4 августа 1919 г.), на Южфронт с Восточного перебрасывался целый ряд боевых дивизий...» [131].

4. Четвертая причина победы большевиков заключалась в отсутствии единства у их противников. Прежде всего, это белые генералы и поляки, которые окружали коммунистов со всех сторон, но не смогли провести скоординированное

---

⁸ Комуч – Комитет членов Учредительного собрания, правительство эсеров, действовавшее в Поволжье в 1918 г. с июня по октябрь и состоявшее из членов разогнанного большевиками Учредительного собрания. Претендовал на всероссийскую власть, но после первоначальных успехов не смог в дальнейшем наладить взаимодействие с другими антибольшевистскими силами, заручиться долгосрочной поддержкой населения и сложил свои полномочия.

наступление, чтобы большевики не успевали воспользоваться своим преимуществом в мобильности. Иначе красным пришлось бы воевать на несколько фронтов сразу. Так, орловско-курское контрнаступление РККА, в ходе которого ВСЮР было нанесено тяжелое поражение, стало возможным благодаря сепаратному перемирию с Польшей. Временное затишье на одном фронте позволило сосредоточить ударный кулак на другом, получив трехкратное преимущество перед белогвардейцами. Не удалось скоординировать действия и оказать поддержку крупным крестьянским восстаниям, вроде Тамбовского (Антоновского). Другой пример – противоречия, вызванные среди белогвардейского руководства «Московской директивой» генерала Деникина, с которой не согласились генералы Врангель и Сидорин. Таким образом, не столько военный талант большевиков, сколько недостаточное осознание опасности красных со стороны их противников, рассчитывавших решить свои локальные проблемы здесь и сейчас, оказало первым очень большую услугу в ходе войны за власть над Россией.

Владимир Ильич Ленин, архитектор новой социалистической государственности

Владимиру Ленину по праву принадлежит титул вождя мировой революции и вождя мирового пролетариата. *«Теперь уже весь мир знает, что товарищ Ленин – величайший вождь масс, гениальный тактик и революционный стратег»* [41, с. 177]. Для истории России этот странный, но харизматичный и волевой человек стал своего рода культовой фигурой. До сих пор его тело лежит в мавзолее на главной площади страны, и общественная дискуссия на тему его захоронения никак не может сдвинуться с мертвой точки, а политической воли на это как не было, так и нет. Ленин стал культовой фигурой еще при жизни, его мнение по отношению к тем или иным членам партии определяло контуры для дальнейшей внутрипартийной борьбы за власть между потенциальными преемниками. Его смерть овеяна тайной, и до сих пор нет уверенности, что Ленину не «помогли» умереть, а его последнее посещение кабинета в Кремле, где он искал какие-то важные документы, но не нашел их, подробно описано современником, знавшим Ильича, Николаем Вольским в работе «НЭП и кризис партии после смерти Ленина».

Однако нет уже государства, которое основал Ленин. Нет

уже партии, которой он руководил, для которой был путеводной звездой. Тем не менее остался пиетет по отношению к его телу и памятникам, коих по всей России, главной жертве его идей, тысячи. В сущности, Ленин уничтожил российскую государственность и на ее руинах построил новую, социалистическую государственность, по заветам Маркса, Энгельса и даже по заветам социалистов-утопистов далекого прошлого. Но в современной России Ленин считается великим отечественным деятелем, что дает повод задуматься, существует ли сегодня историческая Россия, а не осколок от бывшей советской державы.

Было бы уместно немного рассказать о взаимоотношениях Владимира Ильича Ленина – вождя мирового пролетариата, – с Россией. Его позиция по отношению к России очень важна, так как покажет нам на таком важном примере суть взаимоотношений социализма с классическими национальными государствами вообще. Как мы знаем, социализм в принципе смотрит на государственность и на институт государства совершенно иначе, чем многие другие политические идеологии. При социалистическом строе государство – это не только воля господствующего класса, но и институт централизованного производства и перераспределения благ, т. е. функция государства прежде всего функция экономическая. К такому государству, или «псевдогосударству», ведет классовая борьба и социалистическая революция, вызываемая к жизни достижением капиталистической формации

максимального напряжения диалектических противоречий. Классическое буржуазное национальное государство должно стать прошлым, а на замену ему придет новое социалистическое отечество под властью диктатуры пролетариата (партии). Фактически социалистическая государственность – это партийная «государственность» или партократия, где одна партия узурпирует власть над государственными структурами, заменяя их своими. Даже партийная символика становится государственной. Именно в таком контексте следует воспринимать весь советский опыт ведения плановой экономики и применения беспощадного террора к классовым врагам, именно в таком контексте следует воспринимать и взгляды самого Ленина. В том числе взгляды на патриотизм и историческую Россию – что мы и рассмотрим в этой главе.

В конце 2013 г. на Украине начался «ленинопад» – процесс демонтажа сохранившихся памятников Владимиру Ленину (к концу 2017 г. процесс завершился) по всей стране. Россия использовала этот эпизод декоммунизации Украины в качестве доказательства русофобии в этой стране, а первые русские митинги на востоке Украины собирались вокруг памятников Ленину. Вождь пролетариата тем самым рассматривался как символ русских и русского языка. Повторюсь: в самой России памятники Ленину находятся в целостности и сохранности, его именем названы тысячи улиц; тело политика лежит в мавзолее на главной площади страны. Но насколько справедливо такое отношение к Ленину как к русскому

символу и русскому правителю с точки зрения убеждений и самосознания самого Ильича? Герой ли он русской, а не социалистической, истории?

Владимир Ленин, как идейный коммунист, как большевик, страстно желал мировой революции, когда угнетенный класс пролетариев, ведя за собой (руководя им) крестьянство, свергнет эксплуататоров (капиталистов, буржуев, «хозяичиков»). Ленин категорически отрицал многопартийную демократию (хотя в стратегических целях его партия принимала участие в выборах) – построение нового общества, по его мнению, было возможно лишь в условиях диктатуры пролетариата и устранения эксплуататорских классов не только от власти, но и от собственности. Когда Ильич приехал в Россию в 1917 г. после долгого в ней отсутствия (почти 17 лет⁹), он принес с собой не освобождение от войны и тирании, а свою мечту – ввергнуть мир в пучину гражданской войны и мировой революции. То, что большевики победили именно в России, хоть и противоречило догматам марксизма, но не противоречило взглядам Ленина, который считал Россию вполне готовой к социалистической революции. Ле-

---

⁹ Сколько лет Ленин прожил не в России? Из 54 лет жизни около 17 лет взрослой жизни Ленин прожил за рубежом. Май 1895 г. он провел в Швейцарии. С 29 июля 1900 г. по ноябрь 1905 г. – в Швейцарии (Женева), Германии, Англии. С весны 1906 г. по декабрь 1907 г. – в Финляндии и Швеции. С января 1908 г. по окончание 1908 г. жил в Женеве. С конца 1908 г. по июнь 1912 г. наслаждался жизнью в Париже. С конца 1912 г. по август 1914 г. оказался в Австро-Венгрии, с сентября того же года по апрель 1917 г. снова жил в Швейцарии. Затем в августе-октябре 1917 г. – в Финляндии.

нин желал России поражения в мировой войне, и гражданская война была его ближайшей целью. Это он говорил вполне определенно в апреле 1918 г.: *«Во-первых, нельзя победить и искоренить капитализма без беспощадного подавления сопротивления эксплуататоров, которые сразу не могут быть лишены их богатства, их преимуществ организованности и знания, а следовательно, в течение довольно долгого периода неизбежно будут пытаться свергнуть ненавистную власть бедноты. Во-вторых, всякая великая революция, а социалистическая в особенности, даже если бы не было войны внешней, немыслима без войны внутренней, т. е. гражданской войны, означающей еще большую разруху, чем война внешняя, – означающей тысячи и миллионы случаев колебания и переметов с одной стороны на другую, – означающей состояние величайшей неопределенности, неуравновешенности, хаоса. И, разумеется, все элементы разложения старого общества, неизбежно весьма многочисленные, связанные преимущественно с мелкой буржуазией (ибо ее всякая война и всякий кризис разоряет и губит прежде всего), не могут не “показать себя” при таком глубоком перевороте. А “показать себя” элементы разложения не могут иначе, как увеличением преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода. Чтобы сладить с этим, нужно время и нужна железная рука»* [170].

Как мы видим, Владимир Ильич прекрасно осознавал, к каким последствиям ведет революция в его понимании – ха-

осу, разрухе. Часто мои левые оппоненты возражали мне, что большевикам пришлось восстанавливать страну после разрухи мировой и гражданской войн, из-за чего было потеряно целое десятилетие и пришлось проводить запоздалую индустриализацию мертвой хваткой над гражданскими и экономическими свободами. Но ведь их вождь именно этого и желал – он желал породить в России ту самую разруху, которая привела к утере большого количества времени. Под «эксплуататорами» Ильич имел в виду не какие-то внешние враждебные силы, а наших же соотечественников, которым не повезло принадлежать к «эксплуататорскому» классу. Это были не только помещики, чье землевладение к тому времени давно уже уступало крестьянскому; но и интеллигенция, офицерство, зажиточные и средние крестьяне, городская буржуазия – цвет нации.

Иными словами, Ленин сознательно разрушал Россию. А ради чего? По всей видимости? ради этого: *«Мы оборонцы после 25-го октября 1917 года, мы завоевали право на то, чтобы защищать отечество. Мы защищаем не тайные договоры, мы их расторгли, мы обнаружили их пред всем миром, мы защищаем отечество от империалистов. Мы защищаем, мы победим. Мы защищаем не великодержавность: от России ничего не осталось, кроме Великороссии, – не национальные интересы, мы утверждаем, что интересы социализма, интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства. Мы оборонцы*

социалистического отечества» [179, с. 341–342].

О каком отечестве здесь говорит Ленин? О социалистическом отечестве. Это социалистическое, но не русское, отечество, как могло бы быть у социалистов-революционеров. Это именно интернациональное отечество, без определенных границ, расширяющееся во все стороны по мере распространения революции. Очевидно, что интересы революции и социализма, интересы идеологические у Ленина стоят несравнимо выше интересов страны, государства, граждан. Собственно, и граждан для Ленина не существует – он видит лишь борьбу классов в международном масштабе и ради победы в этой борьбе готов идти на какие угодно жертвы и временные уступки. Россия для Ленина была лишь плацдармом для этой космической масштабной борьбы – тем более будучи богатой ресурсами и населением, – это очень лакомый кусок для человека с такими амбициями. Что касается патриотов, то для Ленина подобные люди были врагами, «социал-шовинистами», «мещанскими националистами». Защита отечества для Ильича не имела никакого значения, если это не социалистическое отечество. А социалистическое отечество – не национальное, оно прежде всего интернациональное, не имеющее постоянных границ. В своих критических обзорах Каутского Ленин эту идею излагает достаточно подробно: *«Меньшевики хотели всеобщего мира. Они хотели, чтобы все воюющие приняли лозунг: без аннексий и контрибуций. До тех пор, пока это не достигнуто, русская армия*

должна была, по этому взгляду, стоять в боевой готовности. Большевики же требовали немедленного мира во что бы то ни стало, они готовы были, в случае необходимости, заключить сепаратный мир, они старались силой вынудить его, усиливая и без того уже большую дезорганизацию армии» (Каутский). Большевики должны были, по мнению Каутского, не брать власти и довольствоваться учредилкой» [180, с. 292]. Здесь Ленин не отрицает слов Каутского. Но для него такая стратегия была верной, в отличие от Каутского. Далее в тексте Ильич обвиняет меньшевиков в том, что их интернационализм состоит в требованиях от империалистического буржуазного правительства реформ, при этом продолжая его поддержку до тех пор, пока все воюющие стороны не примут лозунг «без аннексий и контрибуций». То, что меньшевистские социалисты выступали с патриотических позиций, в «защиту отечества», было в глазах Ленина крупным недостатком, а не достоинством. В данном случае речь шла о Временном правительстве, в составе которого были и меньшевики. Разумеется, большевики не могли ждать, пока Россия закончит войну с Германией победой, поскольку тогда они не смогли бы взять власть в условиях выгодного для них военного хаоса.

Для Ленина непораженчество есть фактически социал-шовинизм: «Теоретически, это – полное неумение отделиться от социал-шовинистов и полная путаница в вопросе о защите отечества. Политически, это – подмена интере-

национализма мелочным национализмом и переход на сторону реформизма, отречение от революции. Признание “защиты отечества” есть оправдание, с точки зрения пролетариата, данной войны, признание ее законности. А так как война остается империалистской (и при монархии и при республике) – независимо от того, где стоят неприятельские войска в данный момент, в моей или чужой стране, – то признание защиты отечества есть на деле поддержка империалистской, грабительской буржуазии, полная измена социализму. В России и при Керенском, в буржуазно-демократической республике, война продолжала оставаться империалистской, ибо ее вела буржуазия, как господствующий класс (а война есть “продолжение политики”); и особенно наглядным выражением империалистского характера войны были тайные договоры о дележе мира и грабеже чужих стран, заключенные бывшим царем с капиталистами Англии и Франции. Большевиков хвалит Каутский за то, что они настаивали на сохранении боевой готовности армии. Большевиков он порицает за то, что они усиливали и без того уже большую “дезорганизацию армии”. Это значит хвалить реформизм и подчинение империалистской буржуазии, порицать революцию, отрекаться от нее» [180, с. 292–294]. Иными словами, реформизм как способ сохранения национального единства в условиях разнообразия политических сил Лениным осуждается. Большая часть политических сил на тот момент, даже левых, не желала заканчи-

вать войну таким позорным образом, да и не верила в возможность этого. Для Ленина же, чуждого патриотизма и национальной солидарности, задача стояла противоположная – скорейшим образом развалить Россию и заменить ее новой, социалистической, государственностью, пусть для этого и придется пойти на унизительные и невыгодные соглашения с врагами. Для него саботаж собственного отечества во время тяжелейшей войны есть революционная доблесть, необходимость, индикатор социалистической искренности. *«Без “дезорганизации” армии ни одна великая революция не обходилась и обойтись не может. Ибо армия есть самый закостенелый инструмент поддержки старого строя, наиболее отвердевший оплот буржуазной дисциплины, поддержки господства капитала, сохранения и воспитания рабской покорности и подчинения ему трудящихся»* [180, с. 295]. Но какого строя? Эти строки взяты из книги Ленина «Пролетарская диктатура и ренегат Каутский». Она была опубликована в конце 1918 г., а события, которые затронуты в цитатах, происходили в 1917 – начале 1918 г. Какой же строй был в короткий промежуток между февралем 1917 г. и январем 1918 г., когда большевики узурпировали власть? Царь к тому времени уже был свергнут, основные политические силы были левыми. Да, они были «эволюционистами», готовыми строить социализм в рамках буржуазной многопартийной демократии – но стоит ли говорить, что речь не идет о «феодальной» царской империи, как некоторые могли бы

подумать?

Далее Ильич отмечает: «Рядом с армией контрреволюция никогда не терпела, не могла терпеть вооруженных рабочих. Во Франции – писал Энгельс – после каждой революции рабочие бывали вооружены; “поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих”. Вооруженные рабочие были зачатком новой армии, организационной ячейкой нового общественного строя. Раздавить эту ячейку, не дать ей вырасти – было первой заповедью буржуазии. Первой заповедью всякой победоносной революции – Маркс и Энгельс многократно подчеркивали это – было: разбить старую армию, распушить ее, заменить ее новой.

Новый общественный класс, поднимаясь к господству, не мог никогда и не может теперь достигнуть этого господства и укрепить его иначе, как совершенно разложив старую армию (“дезорганизация”, – вопяют по этому поводу реакционные или просто трусливые мещане); иначе, как пройдя через труднейший, мучительнейший период без всякой армии (через этот мучительный период прошла и великая французская революция); иначе, как постепенно вырабатывая, в тяжелой гражданской войне вырабатывая новую армию, новую дисциплину, новую военную организацию нового класса. Историк Каутский прежде понимал это. Ренегат Каутский забыл это» [180, с. 295]. Тем не менее Совнарком РСФСР в 1918 г. издал декабрьский декрет «О сдаче

оружия», который обязывал «все население и все учреждения гражданского ведомства сдать находящиеся у них все исправные и неисправные винтовки, пулеметы и револьверы всех систем, патроны к ним и шашки всякого образца. Означенное постановление относится и ко всем организациям, в распоряжении коих состоит указанное оружие и которые не являются штатными войсковыми частями, сформированными на основании штатов, утвержденных Народным Комиссариатом по Военным Делах или Революционным Военным Советом Республики» [324]. Таким образом, ленинские громкие слова про «рядом с армией контрреволюция никогда не терпела, не могла терпеть вооруженных рабочих» полностью были относимы и к нему самому. Ленин, как мне кажется, показал себя здесь удивительным лицемером.

Возвращаемся к критике Каутского: «Каутскианцы в Германии, лонгетисты во Франции, Турати и КО в Италии рассуждают так: социализм предполагает равенство и свободу наций, их самоопределение; поэтому, когда на нашу страну нападают или когда неприятельские войска вторгнулись в нашу землю, социалисты вправе и обязаны защищать родину. Но это рассуждение есть, теоретически, либо сплошная издевка над социализмом, либо мошенническая увертка, а практически-политически это рассуждение совпадает с рассуждением совсем темного мужичка, который не умеет даже и подумать о социальном, классовом характере войны и о задачах революционной партии во время реакционной

войны. Если немец при Вильгельме или француз при Клемансо говорят: я в праве и обязан, как социалист, защищать родину, если неприятель вторгся в мою страну, то это рассуждение не социалиста, не интернационалиста, не революционного пролетария, а мещанина-националиста. Ибо в этом рассуждении исчезает классовая революционная борьба рабочего против капитала, исчезает оценка всей войны в целом, с точки зрения мировой буржуазии и мирового пролетариата, т. е. исчезает интернационализм, остается убогий, заскоружный национализм» [180, с. 296, 297].

Какой кошмар – не все, называющие себя социалистами, были сторонниками разрушения собственного государства и страны! Но они мыслили в таких масштабах, которые в голове Ленина не укладывались. И это важно понять. Он мыслил в масштабах мировой революции, а не одной страны. Революция в России в данный момент – это лишь этап, часть общемирового революционного пожара. Разумеется, привычный тогдашнему и современному русскому патриотизм, когда он поддерживает отечество в войне, не желает ему разрушения и развала, ибо реформы – это не разрушение, это улучшение существующего, – был чужд большевикам. Тут все ясно, как говорится, одной фразой: *«Социалист, революционный пролетарий, интернационалист рассуждает иначе: характер войны (реакционная она или революционная) зависит не от того, кто напал и в чьей стране стоит “враг”, а от того, какой класс ведет войну, какая политика продол-*

жается данной войной... Не с точки зрения “своей” страны я должен рассуждать (ибо это рассуждение убогого тупицы, националистского мещанина, не понимающего, что он игрушка в руках империалистской буржуазии), а с точки зрения моего участия в подготовке, в пропаганде, в приближении мировой пролетарской революции» [180, с. 298].

И наконец, далее: «Тактика большевиков была правильной, была единственно интернационалистской тактикой, ибо она базировалась не на трусливой боязни мировой революции, не на мещанском “неверии” в нее, не на узконационалистическом желании отстоять “свое” отечество (отечество своей буржуазии), а на все остальное “наплевать”, – она была основана на правильном (до войны, до ренегатства социал-шовинистов и социал-нацифистов общепризнанном) учете европейской революционной ситуации. Эта тактика была единственно интернационалистской, ибо проводила максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах» [180, с. 303]. Обращает на себя внимание взятое в кавычки слово «свое» отечество. Однако Ленин здесь был вполне последователен. Едва взяв власть в России, большевики стали активно поддерживать социалистические революции повсюду, куда могли дотянуться. Венгерская и Баварская советские республики, чье недолгое существование в первой половине 1919 г. не помешало им заручиться моральной поддержкой Ленина; гражданская война в Финляндии между крас-

ными и белыми в 1918 г.; поход Красной армии на Польшу в 1919–1921 гг.; монгольская революция 1921 г. – все это было частью интернационалистической революции, «духовным» центром которой являлась партия большевиков. Не стоит удивляться, что большевики сначала легко соглашались на независимость отколовшихся от Российской империи стран – они намеревались в скором времени туда вернуться штыками вперед, ибо повсюду рассчитывали на революцию и объединение всех пролетарских государств. Но это было не объединение прежних российских земель, как некоторые сегодня пытаются представить, а воплощение в жизнь мечты о мировой революции. Ибо объединение не остановилось бы на прежних границах Российской империи.

Итак, у нас есть более чем красноречивые высказывания Ильича. По идее, такие высказывания должны были бы давно смутить наше нынешнее российское руководство, де-факто объявившее патриотизм государственной идеологией в стране. Владимир Путин должен был бы давно запретить сочинения Ленина и даже сам коммунизм. Вы видите, что эти сочинения прямо призывают к противоположным установкам: к разложению армии, к поражению в войне ради интернационализма и социализма. Коммунисты сегодня хоть и нарядились в одежды патриотов, но, видимо, не читали своего классика. Но ладно коммунисты – горько, когда обычные патриоты всерьез считают Ленина символом России, хотя на деле Ленин и армию готов был дезорганизовать, и сепарат-

ный мир подписать, и гражданскую войну начать. Возникает вопрос: почему же нынешнее государство позволяет памятникам Ленина и улицам, названным его именем, оставаться на карте страны?

Как бы назвал Ленин те чувства, что испытывают современные патриоты к России? Он бы сказал, что это *«колебания мелкобуржуазного населения там, где меньше всего влияние пролетариата, обнаружилось в этих районах с особенной яркостью. Сначала – за большевиков, когда они дали землю и демобилизованные солдаты принесли весть о мире. Потом – против большевиков, когда они в интересах интернационального развития революции и сохранения ее очага в России пошли на Брестский мир, “оскорбив” самые глубокие мелкобуржуазные чувства – патриотические»* [183, с. 16–17]. Чувства национальных патриотов – мелкобуржуазные, по мнению Ленина. Но он был прав в том, что социализм несовместим с патриотизмом. Непоследователен не Ленин, а те, кто, называя себя социалистами, принимают вид патриотов. Это, грубо говоря, «плохие социалисты», ибо социализм подразумевает революционность и коренную перемену общества.

Эволюционный путь к социализму – самообман, ибо нельзя совершить что-то радикально новое, ломающее все старое, через эволюцию, которая всегда является продуктом постепенного усовершенствования со значительным сохранением элементов «старого».

Есть некая ирония в том, что движение русского сопротивления в защиту русского языка на Украине началось вокруг памятников Ленину, человеку, которому не были важны государственные границы, идейному интернационалисту. *«Мы все время знали и не забудем, что наше дело есть международное дело, и пока во всех государствах, – и в том числе в самых богатых и цивилизованных, – не совершится переворота, до тех пор наша победа есть только половина победы или, может быть, меньше»* [184, с. 3]. Владимир Ленин был совершенно свободен от патриотических чувств к России, как и в целом многие другие большевики. Вопрос о границах государства у него второстепенный не потому, что он готов раздать все земли врагам, – вовсе нет. Для подлинного большевика нет границ, поскольку он нацелен на мировую революцию и объединение всего мира под знаменами социализма. Не зря на гербе Советского Союза изображен весь земной шар с наложенным на него серпом и молотом. Какие-то культурные, национальные особенности и ценности для социализма не имеют подлинной значимости, хотя могут использоваться для достижения промежуточных политических задач. Ленин заявлял об этом совершенно искренне и открыто в «Критических заметках по национальному вопросу» 1913 г.: *«Лозунг национальной культуры есть буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный) обман. Наш лозунг есть интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения... Может вели-*

корусский марксист принять лозунг национальной, великорусской, культуры? Нет. Такого человека надо поместить среди националистов, а не марксистов. Наше дело – бороться с господствующей, черносотенной и буржуазной национальной культурой великороссов, развивая исключительно в интернациональном духе и в теснейшем союзе с рабочими иных стран те зачатки, которые имеются и в нашей истории демократического и рабочего движения» [174, с. 120, 122].

Что еще нужно, чтобы понять, что дело социалистов-большевиков состояло не в том, чтобы обезопасить Россию от войны и сделать ее население процветающим, а чтобы получить плацдарм для дальнейшей революции? Их мечта – мечта космическая, а какая-то там Россия лишь оказала им услугу своими богатствами, своим многочисленным населением, дабы на штыках нести свободу, равенство и братство соседям. Одурманить, озадачить, ввести в заблуждение, обещать все, что потребуется, дабы добиться цели и идти дальше, на пути к реализации главной мечты – социализма во всем мире. Может показаться, что эта оценка эмоциональна, но нет, я ведь не зря привожу здесь такое обилие цитат и вот далее читаем еще:

«Резюмирую:

- 1) Мы все единодушно во всей Европе скажем, что мы применяем новую тактику, и таким путем мы завоеваем массы.*
- 2) Координация наступления в важнейших странах: Гер-*

мании, Чехословакии, Италии. Здесь необходима подготовка, постоянное взаимодействие. Европа беременна революцией, но составить заранее календарь революции невозможно. Мы в России выдержим не только пять лет, но и больше. Единственно правильной стратегией является та, которую мы приняли. Я уверен, что мы завоюем для революции позиции, которым Антанта ничего не сможет противопоставить, и это будет началом победы в мировом масштабе» [186, с. 60].

Россия – это плацдарм для наступления.

* * *

С позицией Владимира Ленина всё более-менее понятно. Но, может быть, другие лидеры социализма в России были иного мнения, имели благожелательное отношение собственно к России и ее национальному большинству, ставили ее интересы выше интернационал-социалистических интересов? К сожалению, нет. Для этого мы можем опереться на позицию Иосифа Сталина и Николая Бухарина – в сущности, наиболее влиятельных людей в партии после Ленина.

Выступая на XII съезде, Иосиф Виссарионович говорил, что наследство досоциалистического прошлого состоит «в пережитках великодержавного шовинизма, являющегося отражением бывшего привилегированного положения великоруссов (т. е. русских. – А. С.). Эти пережитки живут еще в

головах наших советских работников, центральных и местных, они гнездятся в наших государственных учреждениях, в центральных и местных, они получают подкрепление в виде “новых” сменовеховских великорусско-шовинистских веяний, всё более усиливающихся в связи с нэпом. Практически они выражаются в кичливо-пренебрежительном и бездушно-бюрократическом отношении русских советских чиновников к нуждам и потребностям национальных республик. Многонациональное Советское государство может стать действительно прочным, а сотрудничество народов в нем – действительно братским лишь в том случае, если эти пережитки будут вытравлены в практике наших государственных учреждений решительно и бесповоротно. Поэтому решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первой очередной задачей нашей партии» [342].

Характерной является вот эта цитата из того же выступления: «Поскольку Союз Республик является новой формой сожителства народов, новой формой их сотрудничества в едином союзном государстве, в рамках которого должны быть изжиты обрисованные выше пережитки в процессе совместной работы народов, – высшие органы Союза должны быть построены таким образом, чтобы они полностью отражали не только общие нужды и потребности всех национальностей Союза, но и специальные нужды и потребности отдельных национальностей» [342]. То есть Сталин прямо говорит, что прежней, национальной России больше

не существует. То, что строится ими сейчас, – это не Россия, а новая государственность, новая форма сожительства народов. Это – социалистическая государственность, о которой так долго мечтали социалисты прежних поколений. Это было показательно и в отношении новой, красной и интернациональной, армии. Большевики ликвидировали русскую императорскую армию несколькими декретами, сначала отменой всяких чинов и званий, офицерства в декабре 1917 г., затем декретом от 15 января 1918 г. о создании новой, Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). В этих принципиально новых вооруженных силах следовало, по словам Сталина, усиливать *«воспитательную работу... в духе насаждения идей братства и солидарности народов Союза... предпринимать практические мероприятия по организации национальных войсковых частей, с соблюдением всех мер, необходимых для обеспечения полной обороноспособности республик»* [344].

Все выше процитированное, конечно, не означает, что большевики специально вели исключительно антирусскую политику или планировали уничтожить русских как народ. Такой идеи они не имели. Суть в том, **как** большевики, будучи социалистами, одними из самых ярких и успешных в истории, относились к классической национальной государственности и патриотизму, к России как к России, а не как к интернациональному советскому государству. Русские были одним из множества народов СССР и с русским «шови-

низм» надо было бороться, поскольку это мешало реализации социалистической идеи «братства народов». С национальным шовинизмом «на местах» тоже следовало вести «решительную борьбу». Но, как говорил Бухарин, *«надо считаться с общим положением страны, надо считаться с положением наших отдельных республик, надо прежде всего великорусский шовинизм держать за ухо»* [42, с. 190]. В другом месте он выражается еще более отчетливо: *«В особенности мы должны отметить рост проявлений великодержавного, великорусского шовинизма, который находит свое отражение и в среде учащейся молодежи, а через нее просачивается даже и в комсомол. Встречаются такие прослойки и такие “идейные” течения, которые нашу национальную политику – один из основных устоев рабочей диктатуры в нашей стране, одно из самых ярких проявлений нашего интернационализма – подводят под рубрику дробления “великой России”. Попадают такие милостивые государи, которые утверждают, что наша национальная политика, поскольку, скажем, идет речь относительно распространения украинского языка на Украине, тюркского языка в Азербайджане и т. д., означает “принижение культурного уровня и мирового значения русской культуры”. Старая великодержавная спесь, третирование всякой другой нации как нации второго порядка как “инородцев” – эта надутая, чванливая идеология российского помещика и либерального барина, прикрывавшего крестом святой Софии – премудрости*

божией – низменные возжелания своего кошелка, начинает вновь пошевеливаться вместе с ростом кулачка, обозленно-го нашим наступлением частного торговца и “идейного” героя шахтинской марки, который тем больше хрипит о “России” и тем больше бьет себя в патриотическую “русскую” грудь, чем мерзопакостнее продается иностранному капиталу. Конечно, в железных объятиях пролетарской диктатуры невозможно открыто выкинуть трехцветный флаг и запеть истошным голосом: “Разумейте, языцы, и покоряйтесь: яко с нами бог”. Поэтому эта идеология ползет на карачках и проявляет себя в укороченных формах» [42, с. 303–304].

Таким образом, социализм большевиков в принципе не мог сочетаться с классическим национальным патриотизмом, ни в России, ни где-либо в другой стране. Проблема в том, что именно в России этого еще не поняли и пытаются сочетать несочетаемое. Проблема в том, что социализм де-факто уничтожил российскую государственность в 1918 г. Европейской России суждено было раствориться в океане международного интернационального пролетарского государства.

Ложные декреты и постановления

Еще не добившись всей полноты власти, т. е. после Октябрьского переворота 1917 г., но до январского переворота 1918 г. (когда было разогнано Всероссийское Учредительное собрание), большевики начали активно принимать декреты и постановления, одни из которых были призваны укрепить их политическое положение, а другие относились к программе строительства социализма. Отличительной особенностью этих декретов была их недолговечность. Хотя подавались они на широкой популистской платформе (отчасти заимствованной у эсеров), никто из большевиков всерьез отдавать землю крестьянам и право на самоопределение народам не собирался. Было в раннем большевистском законотворчестве и достаточно волюнтаризма. В данной главе мы по порядку рассмотрим все ключевые декреты и постановления, принятые социалистами после 25 октября 1917 г.

Прежде всего, это **декрет о мире от 26 октября 1917 г.** По сути, это ни к чему не обязывающий документ, который лишь призывал воюющие страны заключить мир на условиях «без аннексий и контрибуций». Никакого реального мира, даже на три месяца перемирия, как предлагалось в декрете, не наступило ни с Германией, ни внутри страны. Власть большевиков не признали многие области, города и армии России. В Москве прошли кровопролитные бои за город,

длившаяся целую неделю. Таким вот образом гражданская война, которую так жаждал Ленин, продлится до 1923 г. Позорный Брестский мир 3 марта 1918 г. вывел Россию из числа победителей, могущих претендовать на контрибуции от Германии, зато большевики «подарили» Германии 93 тонны российского золота в качестве компенсации за эпизодические нарушения Брестского мира. С точки зрения намерений, изложенных в декрете, он остался абсолютно бесполезен и, по сути, был обманом населения, прежде всего солдат, уставших от войны. Война, вместо того чтобы окончиться в 1918 г. победой Антанты, включавшей Россию, продлилась до 1923 г. и унесла жизни от 8 до 12 млн человек в результате боев, эпидемий, террора, антисанитарии, голода, холода и т. д.

Другой декрет – о земле, принятый в тот же день. Первым делом он отменял «помещичью собственность на землю» и провозглашал ее переход в распоряжение волостных комитетов и советов [356]. Право собственности на землю в любой ее форме отменялось, земля передавалась народу (общинам); право пользования ею передавалось любому желающему на ней трудиться; наемный труд запрещался. При этом земля рядовых крестьян и казаков не подлежала конфискации. Землепользование должно было стать уравнительным, в зависимости от трудовой и потребительской нормы и местных условий. Пока человек хотел и мог работать на земле, у него было право ею пользоваться – фактически

здесь это ограниченное право собственности, потому что выбывающие члены общины, возвращая землю обратно в общий фонд, могли передать ее своим родственникам, имевшим преимущественное право пользования ею. По всей видимости, этот декрет не был чисто большевистским, его основа была создана эсерами, потому что в нем нет и намек на коллективизацию и укрупнение хозяйств в коммунистическом духе. Крестьянская община и крестьянские наказания служили руководством к действию, как об этом сообщает пункт 4 декрета. Что интересно, декрет имел временную силу: *«Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием, должен повсюду служить следующий крестьянский наказ... Вопрос о земле, во всем его объеме, может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием»* [356]. Окончательное решение оставалось, таким образом, за Учредительным собранием, которое большевики разгонят в январе 1918 г.

Впрочем, большевики в любом случае не собирались выполнять условия декрета о земле, ибо он фактически сохранял частное крестьянское землевладение. Они мыслили как утописты прошлого: централизованное производство; коллективное, а не индивидуальное, хозяйствование. Ленин признавался в 1918 г.: *«Дележка хороша была только для начала. Она должна была показать, что земля отходит от помещиков, что она переходит к крестьянам. Но это-*

го недостаточно. Выход только в общественной обработке земли. Этого сознания у вас не было, но жизнь сама приводит вас к этому убеждению. Коммуны, артельная обработка, товарищества крестьян – вот где спасение от невыгод мелкого хозяйства, вот в чем средство поднятия и улучшения хозяйства, экономии сил и борьбы с кулачеством, тунеядством и эксплуатацией» [180, с. 179–180].

И июня 1918 г. большевики как раз примут новый декрет, который положит начало комитетам бедноты, где «деревенское хозяйство, деревенская беднота, сплачиваясь со своими вождями, с городскими рабочими, дает только теперь окончательный и прочный фундамент для действительного социалистического строительства. Только теперь социалистическое строительство начнется в деревнях» [180, с. 144].

Впрочем, уже 23 ноября 1918 г. комитеты бедноты, эти основы социализма на деревне, будут упразднены. В 1920 г. Ленин скажет: «Вопрос о колхозах не стоит как очередной. Я знаю, что колхозы еще настолько не налажены, в таком плачевном состоянии, что они оправдывают название богаделен... Но задача, поставленная настоящим законопроектом, – иная. Состояние совхозов сейчас в громадном большинстве случаев ниже среднего. Надо опираться на единоличного крестьянина, он таков и в ближайшее время иным не будет, и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится» [184, с. 180–181]. Разворот на 180

градусов! И далеко не последний. В 1921 г., уже на X съезде, Ленин всячески отмежевывал себя от прошлых экспериментов в деревне длинными тирадами: *«Если кто-либо из коммунистов мечтал, что в три года можно переделать экономическую базу, экономические корни мелкого земледелия, то он, конечно, был фантазер. И – нечего греха таить – таких фантазеров в нашей среде было немало. И ничего тут нет особенно худого. Откуда же было в такой стране начать социалистическую революцию без фантазеров? Практика, разумеется, показала, какую огромнейшую роль могут играть всевозможного рода опыты и начинания в области коллективного ведения земледельческого хозяйства. Но практика показала, что эти опыты, как таковые, сыграли и отрицательную роль, когда люди, полные самых добрых намерений и желаний, шли в деревню устраивать коммуны, коллективы, не умея хозяйничать, потому что коллективного опыта у них не было. Опыт этих коллективных хозяйств только показывает пример, как не надо хозяйничать: окрестные крестьяне смеются или злобствуют»* [185, с. 60]. Таким образом, большевики занимались чистым волюнтаризмом и экспериментаторством. Фактически нарушив условия декрета о земле 26 октября 1917 г. декретами 1918 г., они, столкнувшись с недовольством крестьян и тяжелым продовольственным кризисом, снова пошли на попятную в начале 1920-х гг. Забегая вперед, скажу, что они вернутся к коллективизации в 1928 г., так и не исполнив мечту

крестьян о собственном хозяйстве.

* * *

Еще один декрет от 26 октября мы уже обсуждали ранее – это декрет **об образовании Рабочего и Крестьянского правительства**. Согласно ему *«Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановляет: образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, Временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров»* [86]. Постановление 27 октября **«о выборах в Учредительное собрание»** определяло порядок выборов в Учредительное собрание: *«Именем Правительства Республики избранный Всероссийским съездом рабочих и солдатских депутатов с участием крестьянских депутатов Совет Народных Комиссаров постановляет: 1) Выборы в Учредительное собрание должны быть произведены в назначенный срок, 12 ноября. 2) Все избирательные комиссии, учреждения местного самоуправления, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и солдатские организации на фронте должны напрячь все усилия для обеспечения свободного и правильного производства выборов в Учредительное собрание в назначенный срок»* [277]. Совет народных комиссаров изначально был временным органом власти, который должен был обеспечить выборы в Учреди-

тельное собрание, оно бы и определило дальнейшую судьбу страны, став многопартийным парламентом. Чем все закончилось, вам, дорогой читатель, уже известно. Большевики разогнали Учредительное собрание, в котором не смогли занять большинства мест. По совершенно надуманным причинам декрет от 6 января 1918 г. распустил Учредительное собрание. Формулировка просто замечательная: *«Народ не мог тогда, голосуя за кандидатов партии эсеров, делать выбора между правыми эсерами, сторонниками буржуазии, и левыми, сторонниками социализма. Таким образом, это Учредительное собрание, которое должно было явиться венцом буржуазно-парламентарной республики, не могло не встать поперек пути Октябрьской революции и Советской власти»* [390]. А Постановление Третьего Всероссийского съезда Советов об основных положениях конституции РСФСР от 15 января того же года провозгласило, что *«высшим органом власти в пределах федерации является Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, созываемый не реже, чем через три месяца»* [2]. Таким образом, большевики в одностороннем порядке нарушили декреты 1917 г., под которыми сами же ставили свои подписи.

* * *

28 октября 1917 г. большевики приняли **декрет об отме-**

не смертной казни. Сегодня апологеты социализма всячески хватаются за этот декрет, чтобы доказать мирные намерения большевиков, их желание покончить с насилием в российском обществе. В действительности речь шла всего лишь о «восстановленной Керенским смертной казни на фронте». *«На фронте восстанавливается полная свобода агитации. Все солдаты и офицеры-революционеры, находящиеся под арестом по так называемым “политическим преступлениям”, освобождаются немедленно»* [1]. Почему «восстановленной»? Потому что до большевиков смертную казнь отменило Временное правительство, сразу после Февральской революции. Полная отмена продержалась недолго, поскольку Александр Керенский восстановил ее на фронте за разбой, военные преступления, измену, нападение на командира, сдачу в плен без боя и убийство. Вот что, в свою очередь, отменили своим декретом большевики, поскольку они были заинтересованы в развале фронта, падении дисциплины в армии. Декрет продержался всего лишь до 21 февраля 1918 г., когда был принят новый декрет под пафосным названием «Социалистическое отечество в опасности». В нем находим следующий пункт: *«5) Рабочие и крестьяне Петрограда, Киева, всех городов, местечек, сел и деревень по линии нового фронта должны мобилизовать батальоны для рытья окопов под руководством военных специалистов. 6) В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под*

надзором красногвардейцев; сопротивляющихся – расстреливать» [325]. В Постановлении V Всероссийского съезда Советов об организации Красной армии от 10 июля 1918 г. читаем: «Военный специалист, который попытается свой ответственный пост вероломно использовать для контрреволюционного заговора или предательства в пользу иностранных империалистов, должен караться смертью» [3]. Наконец, в постановлении «О Красном терроре» от 5 сентября 1918 г. читаем: «...необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам» [330].

Можно было бы подумать, что такие решения большевиков были вызваны необходимостью – опасность со стороны «контрреволюции» диктовала свои условия. В действительности данная версия очень наивна. Во-первых, большевики в октябре 1917 г. находились в куда более уязвимом положении, ведь они еще даже не получили монополии на власть. Во-вторых, у нас есть свидетельства, красноречиво демонстрирующие позицию лидера большевиков Владимира Ленина в отношении смертной казни.

В работе «Как буржуазия использует ренегатов» Ленин писал: *«Во-первых, это прямая ложь, что большевики были противниками смертной казни для эпохи революции. На II съезде нашей партии, в 1903 году, когда возник большевизм,*

составлялась программа партии, и в протоколах съезда значится, что мысль вставить в программу отмену смертной казни вызвала только насмешливые возгласы: “и для Николая II?”. Даже меньшевики в 1903 году не посмели поставить на голоса предложения об отмене смертной казни для царя. А в 1917 году, во время керенщины, я писал в “Правде”, что ни одно революционное правительство без смертной казни не обойдется и что весь вопрос только в том, против какого класса направляется данным правительством оружие смертной казни. Каутский до такой степени разучился мыслить революционно, до такой степени погряз в обывательском оппортунизме, что он и представить себе не может, как могла революционная пролетарская партия задолго до своей победы открыто признавать необходимость смертной казни для контрреволюционеров! “Честный” Каутский, будучи честным человеком и честным оппортунистом, не стесняясь, пишет поэтому ложь про своих противников» [182, с. 183].

То, что Ленин никогда не был противником смертной казни и не представлял себе, чтобы при его власти она будет отменена для всех, свидетельствует и его ближайший соратник по революционной борьбе Лев Давидович Троцкий в своей работе «О Ленине»: «По инициативе товарища Каменева был отменен введенный Керенским закон о смертной казни для солдат. Я сейчас не могу твердо припомнить, в какое учреждение Каменев внес это предложение, вероятнее все-

го, в Военно-революционный комитет, и, по-видимому, уже утром 25 октября. Помню, что это было в моем присутствии и что я не возражал. Ленина при этом еще не было. Дело происходило, очевидно, до его прибытия в Смольный. Когда он узнал об этом первом законодательном акте, возмущению его не было конца.

– Вздор, – повторял он. – Как же можно совершить революцию без расстрелов? Неужели же вы думаете справиться со всеми врагами, обезоружив себя? Какие еще есть меры репрессии? Тюремное заключение? Кто ему придает значение во время гражданской войны, когда каждая сторона надеется победить? Каменев пробовал доказывать, что дело идет лишь об отмене смертной казни, предназначавшейся Керенским специально для дезертиров-солдат. Но Ленин был непримирим. Для него было ясно, что за этим декретом скрывается непродуманное отношение к тем невероятным трудностям, которым мы идем навстречу.

– Ошибка, – повторял он, – недопустимая слабость, пацифистская иллюзия и пр. Он предлагал сейчас же отменить этот декрет.

Ему возражали, указывая на то, что это произведет крайне неблагоприятное впечатление. Кто-то сказал: лучше просто прибегнуть к расстрелу, когда станет ясным, что другого выхода нет. В конце концов на этом остановились» [364, с. 212–213]. Таким образом, практика расстрелов была незаметно внедрена сначала в трудовые батальоны, за-

тем в армии и, наконец, повсеместно по всей стране в целях борьбы с контрреволюцией. Но пропагандистский эффект от «отмены» смертной казни остался, оказывая влияние даже на современную публику.

* * *

14 ноября 1917 г. большевики подписали «положение о рабочем контроле», которое, по замыслу, должно было начать демократизацию производства, чтобы рабочие смогли сами осуществлять управление предприятием. Документ гласил, что *«в интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных, производительных товариществах и пр. предприятиях, имеющих наемных рабочих или же дающих работу на дом, вводится рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия. Рабочий контроль осуществляют все рабочие данного предприятия через свои выборные учреждения, как то: заводские, фабричные комитеты, советы старост и т. п., причем в состав этих учреждений входят представители от служащих и от технического персонала»* [276]. Владельцы предприятий теперь обязаны были предоставлять всю документацию органам рабочего контроля и принимать все решения,

им принятые. В случае неповиновения им грозил суд, а фактически любое разногласие владельцев с рабочим контролем использовалось для обоснования национализации в связи с «отказом подчиняться рабочему контролю». Это положение примечательно тем, что позднее Ленин очень раскается за свою наивную веру в возможность управления производством рабочими.

В 1919 г. в программе партии Ленин еще писал: *«Организационный аппарат обобществленной промышленности должен опираться в первую голову на профессиональные союзы. Они должны... превращаться в крупные производственные объединения, охватывающие большинство, а постепенно и всех поголовно трудящихся данной отрасли производства. Будучи уже, согласно законам Советской республики и установившейся практике, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью, профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым... Профессиональные союзы должны в самых широких размерах вовлекать массы трудящихся в непосредственную работу по ведению хозяйства»* [181, с. 435]. Но в речи на II Всероссийском съезде горнорабочих Ленин говорит совершенно другое: *«Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки, что у нас миллионы рабочих профессионально организованы»*

ных переживают то, что мы говорили, что профессиональные союзы есть школа коммунизма и управления. Когда они пробудут в школе эти годы, они научатся, но это идет медленно. Мы даже неграмотность не ликвидировали. Мы знаем, как рабочие, связанные с крестьянами, поддаются на непролетарские лозунги. Кто управлял из рабочих? Несколько тысяч на всю Россию, и только. Если мы скажем, что не партия проводит кандидатуры и управляет, а профессиональные союзы сами, то это будет звучать очень демократично, на этом, может быть, можно поймать голоса, но не долго. Это губит диктатуру пролетариата» [184, с. 253].

В январе 1922 г. Ленин окончательно отрекается от слов из программы 1919 г.: «...успех в свою очередь требует безусловно, в современной российской обстановке, сосредоточения всей полноты власти в руках заводоуправлений. Эти управления, составленные по общему правилу на началах единоличия, должны самостоятельно ведать и установлением размеров зарплаты и распределением дензнаков, пайков, прозодежды и всяческого иного снабжения, при максимальной свободе маневрирования, при строжайшей проверке фактических успехов в повышении производства и безубыточности, прибыльности его, при серьезнейшем отборе наиболее выдающихся и умелых администраторов и т. д. Всякое непосредственное вмешательство профсоюзов в управление предприятиями, при этих условиях, должно быть признано безусловно вредным и недопустимым» [186, с. 345–

Стоит ли пытаться оправдать столь очевидные перемены во взглядах Ленина на рабочее управление и роль профсоюзов, а вслед за этим и в политике большевиков? Я думаю, что это пустая трата времени. Ленин действительно верил, что рабочие смогут справиться с задачами производственного управления, верил в то, что через профсоюзы вовлечение широких масс трудящихся сделает экономику эффективнее, а также поможет нанести удар по отчуждающему разделению труда. Это была наивная вера, уходящая в глубину утопического прошлого социализма. Но в 1922 г. страна после гражданской войны лежала в руинах, и ее надо было восстанавливать. Эта необходимость поставила большевиков перед суровой реальностью, которая заставила их даже смягчить отношение к беспартийным и даже инопартийным специалистам – в годы новой экономической политики их стали активно привлекать на управленческие должности. Про рабочую демократию благополучно забыли. С другой стороны, социалисты до встречи с реальным производством, которое они плохо понимали, будучи выходцами преимущественно из среды интеллектуалов, едва ли смогли бы осознать, что далеко не все рабочие заинтересованы в управлении заводом, на котором они работают. Многим достаточно получать зарплату и не влезать в сложные для них управленческие хитросплетения. Но и не все, кто желал бы туда влезть, делал бы все на пользу эффективности производства, а не на пользу себе и

своему желанию получать больше, а работать меньше. Увы, эта наивность и отстраненность от реальности еще много раз будет препятствием на пути повышения экономических показателей в советском государстве.

* * *

14 декабря 1917 г. был принят декрет о национализации банков. Он закреплял за государством монополию в предоставлении банковских услуг, все частные банки с их активами и пассивами передавались под управление Государственного банка.

В работе «Удержат ли большевики власть» конца 1917 г. Ленин пишет: *«Крупные банки есть тот “государственный аппарат”, который нам нужен для осуществления социализма и который мы берем готовым у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь отсечь то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделать его еще крупнее, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственный банк, с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике – это уже девять десятых социалистического аппарата. Это – общегосударственное счетоводство, общегосударственный учет производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде скелета социалистического общества»* [177, с. 307].

Единый Государственный банк, куда вошли все национализированные частные банки и ставший Народным банком РСФСР, просуществовал всего два года. В январе 1920 г. он был упразднен, а вместо него с 1921 г. учреждаются Госбанк, промышленный банк, кооперативные банки, коммерческий банк, «Электрокредит», кредитные и сельскохозяйственные товарищества, мелкие паевые банки, центральный коммунальный банк и т. д. Таким образом, всего два полных года смогли проработать 9/10 социалистического аппарата. Попытка ввести сверхцентрализацию «нахрапом» оказалась совершенно провальной и была основана на ложных предпосылках, что централизация и рационализация управления абсолютно точно принесут положительный результат.

* * *

Один из наиболее двучлиных декретов в первые годы социалистического строительства в России был декрет «о свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января 1918 г. Дело в том, что формально он провозглашал, что Церковь отделяется от государства, но в пределах этого государства запрещается издавать местные законы, которые нарушали бы право на свободу совести или устанавливали какие-либо привилегии на основании вероисповедания. Каждому гражданину гарантировалось право как исповедовать, так и не исповедовать религию, и все праволишения на

основании вероисповедания отменяются. В то же время декрет содержал такой момент: *«...все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответствующих религиозных обществ»* [323]. Крупнейшими религиозными организациями в России были христианские. Из них наиболее крупной – Российская православная церковь. Большая часть активной религиозной жизни членов Церкви проходила в зданиях церквей, где верующие участвовали в христианских таинствах, требующих для своего осуществления предметы для богослужения. Но, согласно декрету, вроде как отделявшему Церковь от государства и запрещающему издавать стеснявшие свободу совести постановления, верующие ставились в зависимость от местной и центральной государственной власти, которая могла стеснять христиан как угодно, лишая их зданий церквей и конфисковывая богослужебные предметы.

О каком-либо реальном отделении Церкви от государства и тем более отсутствии стеснения со стороны последнего здесь речи быть не могло. Уже в начале 1922 г. по всей стране, под предлогом помощи голодающим в Поволжье, началась кампания по изъятию церковных ценностей, инициированная постановлением «О ликвидации церковного имуще-

ства» и постановлением «Об изъятии церковных ценностей для реализации на помощь голодающим». Изымались предметы богослужения, без которых нормальное функционирование храма невозможно. Несмотря на сопротивление верующих, которые вполне в своем возмущении могли сослаться на декрет о свободе совести, большевиков ничего не остановило. Они могли применить в том числе пулеметы для подавления сопротивления, как это произошло в городе Шуя.

Наиболее явно систематический антирелигиозный характер социализм в России (а мы помним, что борьба с религией – один из столпов социализма) принял при Сталине. В одном из множества документов, координирующих борьбу с христианством в России, в протоколе «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 24 января 1929 г., можно прочитать, как коммунисты собирались обеспечивать «свободу совести» в своем государстве: *«Главлиту, оказывая поддержку издательской работе ЦССБ и местных “Союзов безбожников”, решительно бороться в то же время с тенденцией религиозных издательств, как к массовому распространению, так и к выходу в своей пропаганде за пределы строго религиозных вопросов. Точно также бороться против издания мистических произведений... Обратить внимание Госиздатов на недопустимость издания мистических произведений и переиздания художественных произведений с ярко выраженными религиозными и мистическими тенденциями. В отношении классиков – не допускать к изданию таких*

произведений, как массовой литературы... Обратить особое внимание на перевод и издание антирелигиозной художественной литературы для детей и юношества... Комитету по делам печати включить в план первоочередного снабжения бумагой издательство "Союза безбожников" и прекратить снабжение бумагой религиозных издательств и организаций» [268]. Иными словами, все эти рассуждения о свободе совести в декрете 1918 г. были не более чем уловкой, обманом многочисленного верующего населения. Социалисты, если рассматривать данный декрет в контексте их последующей политики, не собирались выполнять условия декрета, изложенные в первых трех его пунктах.

Отдельного рассмотрения заслуживает проект большевиков по национализации. Этот проект включал в себя абсолютно все, что представляло собой хоть какую-то хозяйственную ценность.

Национализация проводилась в несколько этапов. Первыми пали банки – согласно декрету от 14 декабря 1917 г. Но настоящий шквал декретов, национализующих все и вся, прошел после разгона Учредительного собрания, когда большевики узурпировали власть. 23 января были национализированы акционерные капиталы бывших частных банков и торговый флот. 23 марта установлен госконтроль над всеми видами страхования; 22 апреля была национализирована внешняя торговля; 2 мая – сахарная промышленность; 20 июня – нефтяная промышленность; 28 июня – па-

ровые мельницы, частные железные дороги, водоснабжение, газовые заводы, трамваи, конно-железные дороги, канализация; горная, металлургическая, металлообрабатывающая, текстильная, электротехническая, лесопильная, деревообделочная, табачная, резиновая, стекольная, керамическая, кожаная, цементная промышленность.

В ноябре 1918 г. национализировалась торговля. Так, в Постановлении ВСНХ и Народного комиссариата продовольствия «О государственной монополии на торговлю некоторыми продуктами и предметами» читаем: *«Согласно пункту 9 декрета об организации снабжения от 21 ноября 1918 г. объявляется торговая монополия государства на нижеследующие продукты и предметы: калоши, подошвенные и резиновые пластины, изделия фабрик желтых табаков, махорочных и сигарных и гильзовых; сахарин; изделия крахмалопаточных заводов; изделия кондитерских фабрик; чай, кофе, какао и фабричные их суррогаты; соль, спички; изделия ткацких фабрик; швейные нитки; обувь фабричного производства; керосин; смазочные масла нефтяного происхождения; фабричного производства гвозди, подковы и подковные шипы; всякого рода железо; свечи фабричного производства; сельскохозяйственные орудия и машины; мыло фабричного производства; изделия сахарных и сахаро-рафинадных заводов; писчая, почтовая, оберточная и папиросная бумага; охотничий порох и всякие привозимые из-за границы для личного потребления населения продукты»* [66].

В упомянутом декрете «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства» написано: «...в целях замены частно-торгового аппарата и для планомерного снабжения населения всеми продуктами из Советских и Кооперативных Распределительных пунктов на Народный Комиссариат Продовольствия (Компрод) возлагается заготовка всех продуктов, служащих для личного потребления и домашнего хозяйства. Для снабжения и правильного распределения продуктов используется и организуется сеть государственных и кооперативных оптовых складов и розничных Советских и Кооперативных лавок. Оптовые склады и розничные лавки Кооперативов остаются в их управлении, но под контролем Народного Комиссариата Продовольствия. Реквизиция и конфискация оптовых торговых складов и национализация соответственных торговых фирм могут осуществляться только Народным Комиссариатом Продовольствия или уполномоченными им на то органами. Реквизиция и конфискация и муниципализация розничных лавок и фирм осуществляются только местными органами Народного Комиссариата Продовольствия с утверждения Исполнительного Комитета. Все продукты для личного потребления и домашнего хозяйства, взятые на учет или реквизированные какими бы то ни было учреждениями, кроме Высшего Совета Народного Хозяйства и его органов, немедленно сдаются на учет и в распоряжение Народного Комиссариата продо-

вольствия» [328]. Только вдумайтесь: национализации подвергались даже розничные лавки, т. е. обычные, совершенно не использующие наемную рабочую силу мелкие торговые точки. Все эти деяния очень напоминают нам события в Мюнстерской коммуне XVI в., а также идеи многих социалистических утопий прошлого с их сбором всех благ в одном месте с последующей раздачей по потребностям. Всё шло именно в таком направлении, ничуть не отличаясь от утопизма, кроме масштабов. В программе 1919 г., принятой VIII съездом говорилось отчетливо, что *«в области распределения задача Советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов. Целью является организация всего населения в единую сеть потребительных коммун, способных с наибольшей быстротой, планомерностью, экономией, с наименьшей затратой труда распределять все необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат»* [181, с. 99].

В июле 1918 г. Ленин уверенно констатирует: *«Мы берем на учет, национализируем решительно все»* [179, с. 509]. Однако в действительности такая политика привела к катастрофе. К 1921 г. выплавка чугуна падает до мизерных 4 % от уровня 1913 г. Закрывается свыше 700 предприятий. Трудовая дисциплина падает до 30–40 % от довоенной, а производительность труда – до 10–15 %. Доля брака достигает

фантастических 95 %. Промышленное производство в целом к 1920 г. упало до 14 % от уровня 1913 г. [303, с. 26, 30, 117, 345]. Объяснить это только Гражданской войной невозможно – промышленно развитые территории России, которые большевики уверенно удерживали, почти не были затронуты военными действиями. Собственно, как и эхом Первой мировой, ибо немецкие и австрийские войска никогда не занимали ключевые промышленные центры России.

Последствия Ленин прекрасно осознавал. В 1921 г. он писал: *«...тогда, в марте илье апреле 1918 г., говоря о наших задачах, мы уже противопоставляли методам постепенного перехода такие приемы действия, как способ борьбы, преимущественно направленный на экспроприацию экспроприаторов, на то, что характеризовало собою главным образом первые месяцы революции, т. е. конец 1917 и начало 1918 года. И тогда уже приходилось говорить, что наша работа в области организации учета и контроля сильно отстала от работы и деятельности по части экспроприации экспроприаторов. Это значило, что мы наэкспроприировали много больше, чем сумели учесть, контролировать, управлять и т. д... в марте и апреле 1918 г. стал такой вопрос, как вознаграждение специалистов по ставкам, соответствующим не социалистическим, а буржуазным отношениям, т. е. ставкам, не стоящим в соотношении к трудности или к особо тяжелым условиям труда, а стоящим в соотношении к буржуазным привычкам и к усло-*

виям буржуазного общества. Подобного рода исключитель-
но высокое, по-буржуазному высокое, вознаграждение спе-
циалистов не входило первоначально в план Советской вла-
сти и не соответствовало даже целому ряду декретов кон-
ца 1917 года. Но в начале 1918 г. были прямые указания на-
шей партии на то, что в этом отношении мы должны сде-
лать шаг назад и признать известный “компромисс”» [186,
с. 198–199]. В том же 1921 г. Ленин сокрушается: «...мы в
этом отношении очень много погрели, идя слишком дале-
ко: мы слишком далеко зашли по пути национализации тор-
говли и промышленности, по пути закрытия местного обо-
рота. Было ли это ошибкой? Несомненно. В этом отноше-
нии нами было сделано много просто ошибочного, и было бы
величайшим преступлением здесь не видеть и не понимать
того, что мы меры не соблюдали, не знали, как ее соблюсти»
[185, с. 63].

Декреты о национализации были направлены на строи-
тельство социализма – здесь и сейчас, а вовсе не для преодо-
ления типичных для любого военного времени затруднений.
У нас есть показания на этот счет главного свидетеля тех
событий, опять же – Владимира Ильича Ленина. В 1921 г.
он говорит, что «наша предыдущая экономическая полити-
ка, если нельзя сказать: рассчитывала (мы в той обстанов-
ке вообще рассчитывала мало), то до известной степени
предполагала, – можно сказать, безрасчетно предполага-

ла, – что произойдет непосредственный переход старой русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических началах» [186, с. 156]. На VII Московской губпартконференции он же говорил, что «то, что было раньше, надо решительно, точно и ясно признать ошибкой, чтобы не получить помехи в развитии новой стратегии и тактики... Я думаю, что этот пример годится для пояснения того, в каком положении оказалась наша революция при решении своих социалистических задач в области хозяйственного строительства. Два периода в этом отношении выделяются совершенно явственно. С одной стороны, период приблизительно с начала 1918 г. до весны 1921 г. и с другой – тот период, в котором мы находимся с весны 1921 года. Если вы припомните те заявления, официальные и неофициальные, которые делала наша партия с конца 1917 г. и до начала 1918 г., то увидите, что у нас было и тогда представление о том, что развитие революции, развитие борьбы может пойти как путем сравнительно кратким, так и очень долгим и тяжелым. Но при оценке возможного развития мы исходили большей частью, я даже не припомню исключений, из предположений, не всегда, может быть, открыто выраженных, но всегда молчаливо подразумеваемых, – из предположений о непосредственном переходе к социалистическому строительству» [186, с. 197].

Однако сокрушения Ильича и последующее принятие нэпа на X съезде РКП(б) не смогли компенсировать совер-

шенные социалистами «ошибки» пострадавшим от волны социалистического безумия людям. За этот ранний период «строительства социализма», с конца 1917 по 1923 г., многие люди лишились не только своих лавок, сбережений, квартир и акций, но и самой жизни¹⁰.

---

¹⁰ Интересное описание последствий национализации и последующего возврата к частной торговле дает Н. И. Бухарин: «У нас антисемитизм имеет под собой определенную базу. Главная основа здесь, как то нетрудно понять, заключается в следующих моментах. Во время “военного коммунизма” мы русскую среднюю и мелкую буржуазию, наряду с крупной, обчистили. Российский интеллигент, который одно время фордыбачил, саботажничал и т. п., был тоже выбит с позиций. Затем была допущена свободная торговля. Еврейская мелкая и средняя буржуазия заняла позиции мелкой и средней российской буржуазии, вышибленной из седла в период военного коммунизма. Если были маленькие лавчонки, на которых было написано “Иванов”, то потом появились в большей пропорции лавчонки, на которых написано “Розенблюм»» [42, с. 191].

Красный террор 1917–1923

Как же можно совершить революцию без расстрелов? – вопрошал Ленин. Действительно, ту революцию, которую совершали социалисты, совершить без насилия и террора было невозможно, поскольку революция эта совершалась лишь относительно небольшой частью населения, управляемой относительно малочисленной, пассионарной, сплоченной организацией, опирающейся на довольно трудную для понимания идеологию, малознакомую большинству населения. Тем более было понятно, что после свержения Временного правительства в октябре 1917 г., а затем и насильственного роспуска Учредительного собрания в январе 1918 г., в стране найдутся десятки миллионов людей, не согласных с таким положением дел. Поэтому большевики, выходцы из Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), несут всю ответственность за развязывание гражданской войны в России, унесшей жизни до 10 млн человек. И они с этим были вполне согласны и даже горды сим фактом. Ленин еще в годы гражданской войны говорил, что *«на все упреки и обвинения нас в терроре, диктатуре, гражданской войне, хотя мы далеко еще не дошли до настоящего террора, потому что мы сильнее их, – у нас есть Советы, нам достаточно будет национализации банков и конфискации имущества, чтобы привести их к повиновению, – на*

все обвинения в гражданской войне мы говорим: да, мы открыто провозгласили то, чего ни одно правительство провозгласить не могло. Первое правительство в мире, которое может о гражданской войне говорить открыто, – есть правительство рабочих, крестьянских и солдатских масс. Да, мы начали и ведем войну против эксплуататоров. Чем прямее мы это скажем, тем скорее эта война кончится, тем скорее все трудящиеся и эксплуатируемые массы нас поймут, поймут, что Советская власть совершает настоящее, кровное дело всех трудящихся» [178, с. 268]. Позже И. Сталин в «Кратком курсе истории ВКП(б)» 1938 г. напишет, как «большевистская партия оказалась единственной пролетарской партией, которая осталась верной делу социализма и интернационализма и организовала гражданскую войну против своего империалистического правительства. Все остальные партии II Интернационала, будучи связаны с буржуазией через свои руководящие верхушки, оказались в плену у империализма, перебежали на сторону империалистов» [341, с. 173].

На фоне Гражданской войны, длившейся почти шесть лет, социалисты развернули полномасштабный красный террор. Формально начало ему положило постановление Совнаркома от 5 сентября 1918 г., которое гласило: «Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение

тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры» [330]. Однако де-факто террор начался как минимум еще 5 января 1918 г., когда по митингам в поддержку Учредительного собрания раздались выстрелы со стороны вооруженных сторонников большевиков.

Террор длился около шести лет, однако про него вспоминают куда реже, чем про сталинский Большой террор 1937–1938 гг. И совершенно зря, ведь если сталинский террор хотя бы отчасти был направлен на большевистскую номенклатуру, затронув многих чекистов, то красный террор проводился против самых обычных людей из самых разных социальных слоев. В то же время красный террор имел отчетливые черты стратоцида – т. е. уничтожения людей по признаку их социальной принадлежности. Это были прежде всего т. н. «буржуи» (или буржуазия), к которым могли относить как офицеров и дворян, так и священников, горожан, белогвардейцев, членов любых политических партий. Как опре-

деялитель создатель ВЧК Феликс Дзержинский, основные признаки террора – это *«устрашение, аресты и уничтожение врагов революции по принципу их классовой принадлежности или роли их в прошлые дореволюционные периоды»* [88]. Характерно также воззвание видного деятеля ВЧК Мартына Лациса: *«Мы уже не боремся против отдельных личностей, мы уничтожаем буржуазию как класс. Это должны учесть все сотрудники Чрезвычайных комиссий и все Советские работники, из которых многие взяли на себя роль плакальчиков и ходатаев. Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом. Первым делом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия.*

Вот эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл и суть Красного террора. Прифронтовая полоса еще кишит белогвардейщиной. Здесь еще место красному террору. Да здравствует Красный террор» [102]. С другой стороны, не обходил красный террор стороной и крестьян – не обязательно зажиточных, а вообще всех, кто посмел восстать против большевиков. Более того, крестьянство в принципе не считалось благонадежным классом, ибо поддержало эсеров, а не большевиков.

Террор 1917–1923 гг. унес жизнью ничуть не меньше, чем Большой террор. Оценки жертв различны – в силу того, что террор в первые годы своего существования характе-

ризовался стихийностью, убийства не всегда документировались. Можно предполагать, что в результате красного террора, включавшего в себя как деятельность ВЧК, так и насилие большевистских командиров на подконтрольной территории, погибло до 2 млн человек. Я лично не сомневаюсь, что такая цифра вполне реалистична, однако допускаю, что она может отличаться и в меньшую сторону на несколько сотен тысяч. Продолжительность временного отрезка в шесть лет, в течение которого шла борьба за абсолютную власть, достаточна для того, чтобы успеть уничтожить миллионы «классовых врагов». Тем более что в годы красного террора никто не церемонился с судебными процедурами и людей расстреливали без лишних проволочек. Как говорил Дзержинский, на весь процесс уходили сутки. Или вот, например, в ходе подавления Тамбовского восстания ВЦИК предписывал *«граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте без суда»* [70]. То есть внесудебные расстрелы были очень широко распространены. А это значит, что ориентироваться только на официальные документы большевиков было бы опрометчиво. Осознать масштаб репрессий тех лет можно только на примере конкретных эпизодов, коих было великое множество, и к концу данной главы, уже познакомившись с некоторыми эпизодами, мы еще раз вернемся к вопросу чисел.

Задача, которая стоит перед нами, заключается не в детальном подсчете жертв, а прежде всего в том, чтобы на при-

мере красного террора еще глубже раскрыть природу социализма, в которой политическое насилие является необходимой и неизбежной частью его реализации, его неотъемлемой чертой.

В нашем распоряжении для этой цели есть замечательный источник – шесть номеров еженедельника ВЧК, вышедшего с 22 сентября по 27 октября 1918 г. Казалось бы, совсем немного, однако в нем мы найдем целый кладезь информации, проливающей свет на природу социалистического красного террора, благо там есть как высокопарная идеологическая часть, так и скрупулезные отчеты о расстрелянных и взятых в заложники людях.

В самом первом номере, в начале выпуска, мы находим наполненный эмоциями и верой в социалистическое будущее текст. *«И в буре, и пламени мировых событий, в сознании трудящихся масс крепко внедрился новый социалистический лозунг: единение между всеми трудящимися во имя пролетарской революции, во имя переустройства всего мира, раскрепощения от всякой эксплуатации, всякого угнетения. Вот величайшая сила революции... и мы верим, что эта энергия так или иначе собирается и воплотится в одну мощную железную организацию. За это говорит то обстоятельство, что трудящиеся массы ныне с величайшим мужеством, перенося все выпавшие на их долю лишения, не поддаются ни на какие провокации наемных предателей и в молчаливо-скорбном спокойствии накапливают свой пла-*

менный гнев величайшей грозы, которая неминуемо разразится над головами эксплуататоров и угнетателей всего мира. Это – гроза – историческая стихия, но она во что бы то ни стало должна быть превращена в стройное организационное целое, в величайшее движение, объединенное классовым сознанием и классовой дисциплиной... отбросим все те длинные, бесплодные и праздные речи о красном терроре, необходимость которого давно смутно чувствуется, угадывается рабочей массой. Пора, пока не поздно, не на словах, а на деле провести самый беспощадный, стройно организованный массовый террор. Принеся смерть тысячами праздных белоручек, непримиримых врагов социалистической России, мы спасем миллионы трудящихся, мы спасем социалистическую революцию... Мы подняли меч и не опустим его до тех пор, пока “над нами солнце станет сиять огнем своих лучей”. Мы завоюем солнце всему многомиллионному трудовому народу. И пусть гремят пушки, пусть несут смерть, смывают с лица земли всю ту черную саранчу, которая закрывает источник жизни и счастья, светлое солнце будущего – социализма! Дрожайте, палачи рабоче-крестьянской Руси! Не дрогнет рука. Ждите. За вами очередь!» [96].

На что здесь я хотел бы обратить внимание. Текст – типичный представитель социалистического воззвания к массам. Почти то же самое легко представить в выступлениях Томаса Мюнцера, деятелей Мюнстерской коммуны или даже Жана Мелье. Предельная степень агрессии и ненависти,

направленная на абстрактного («буржуазия», «эксплуататоры», «наемники-предатели»), но в то же время конкретного (все не рабочие и не крестьяне) врага. Абсолютная уверенность в собственной правоте, потому что она подкреплена объективным ходом истории. Раскрепощение от «всякого угнетения» – здесь ведь понимается не столько угнетение капиталом труда, сколько именно всякое, с социалистической точки зрения, угнетение – церковь, семья, частная собственность и т. д. Террор необходим (необходимость в нем давно чувствуется, осталось лишь начать). В сущности, это и есть настоящий социализм, избавленный от лицемерия социал-демократов и попыток усидеть на двух стульях каких-нибудь левых «консервативных революционеров». Каждое утверждение здесь имеет многосотлетнюю историю, которую мы даже ранее смогли немного проследить.

Далее, чуть ниже в первом выпуске, в разделе под названием «Красный террор» авторства некоего Граскина, читаем: *«В “Известиях” появилась статья видного советского работника, в которой он указывает, что индивидуальный террор не достигает цели; нужно уничтожить буржуазию как класс, говорит он, лишив ее экономически тех богатств, которыми она еще обладает и до сего времени. Против такого положения никто спорить не будет и здесь дело совершенно не в том. Ведь каждому должно быть ясно, что уничтожение буржуазии как класса, это – работа не мгновенная, не желания, не порыва, которую можно проделать не*

в неделю, не в месяц и даже не в год, а что это работа колоссального, планомерного и методического процесса по переустройству всего экономически-правового государства в целом... Убийство товарища Урицкого, покушение на товарища Ленина, заговор правых эсеров с союзниками есть наглядный показатель того, что упомянутые выше группы лиц, составляющие олигархию своего класса, бьют прямо в цель, пытаясь расстроить, а в конечном счете и завладеть аппаратом государственной власти. Против этих лиц и даже групп безусловно должен быть направлен беспощадный красный террор, как временная исключительная мера; но только террор не на словах, как это было раньше, а на деле, ибо совершенно очевидно, что закоренелые идеологи враждебного пролетариату класса и их приспешники, как люди, не желающие добровольно подчиняться и примириться с своей приближающейся нормальной смертью, эти люди должны быть уничтожены силой пролетарского оружия и было бы наивно думать, что это произойдет иначе» [96]. К великому сожалению, абстрактной буржуазии не было предъявлено никакого конкретного обвинения, от которого они могли бы защитить себя доказательствами своей непричастности к преступлению. Всем скопом люди, не признавшие большевистский переворот (т. е. контрреволюционеры), а среди них были и другие социалисты, и крестьяне, и офицеры и т. д., были признаны теми, кого следовало беспощадно уничтожать. Никакой презумпции невинов-

ности. Потому что в социализме для «буржуев» ее просто не существует. Люди были обречены заранее, просто потому что родились не в той семье, не были рабочими. Вот одна из причин, которая позволяет говорить нам о стратоциде, устроенном большевиками по отношению не к тысячам, как они утверждали сначала, а к миллионам. Да, пусть мера эта была временной и исключительной – ведь после того, как часть «буржуазии» будет уничтожена физически, а другая часть полностью лишена гражданских и экономических прав, всего имущества и положения, она уже не будет представлять опасности для «трудового народа» (право говорить за который присвоили себе большевики, т. е. наиболее радикальные социалисты). Через двести лет исполнилась мечта Жана Мелье: *«Я желал бы, чтобы все великие и благородные мира сего были повешены на поповских кишках или задушены ими»*.

В первом номере еженедельника можно найти руководство для организованного (т. е. не стихийного, «на местах») красного террора. В постановлении от 5 сентября, под которым стоит имя секретаря Совета Л. Фотиевой, мы узнаем об организации концентрационных лагерей для изоляции «классовых врагов» и необходимости расстрела всех лиц, «прикосновенных к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам» [96]. Попробуем примерно определить, сколько же «классовых врагов» находилось на территории России. Если брать широко, всю социальную структуру, то

ситуация удручающая. К 1920 г. в России проживало примерно 130 млн человек, из них около 100 млн крестьян. Шейла Фицпатрик в работе «Сталинские крестьяне» пишет, что «в статистических справочниках 20-х гг. крестьяне никогда не обозначаются просто – “крестьяне”, но классифицируются как “бедняки”, “середняки” и “кулаки”. Было выведено следующее процентное соотношение этих групп по стране в конце гражданской войны: 35–40 % бедняков и батраков, 55–60 % середняков и 3 % кулаков» [381, с. 41]. Если это более-менее так, то одних только кулаков было под 3 млн, а середняков – т. е. потенциально опасных «хозяйчиков» с мелкобуржуазными замашками – под 55–60 млн. Еще 110 тыс. человек относились к духовенству Российской православной церкви [162]. По данным переписи 1897 г., на территории Европейской России проживало 240 тыс. купцов, 10 млн мещан, более 300 тыс. потомственных и лично почетных граждан, 1,37 млн дворян [298]. Разумеется, ко времени начала Гражданской войны и красного террора эти группы стали еще многочисленнее. Непосредственно в самих белогвардейских формированиях состояло более 1 млн человек, а у них были сторонники среди гражданских, семьи, друзья. К этому добавляем участников многочисленных крестьянских восстаний, а также вообще всех крестьян, которые своим поведением и достатком рисковали попасть в число «классовых врагов». Таким образом, даже без скрупулезных подсчетов ясно, что в стране, подконтрольной большевикам,

проживали десятки миллионов людей, в той или иной степени подпадающих под определение «классового врага». Разумеется, тогда, в годы красного террора, большевики не стали, да и не могли, репрессировать столько классовых противников – это будет сделано позже, уже при Сталине. Тем более после гражданской войны начались относительно спокойные годы новой экономической политики и восстановление экономики, для которой приходилось привлекать специалистов из буржуазии. Но мы, во всяком случае, можем себе представить, насколько масштабным мероприятием должен был быть красный террор, перед которым стояла задача расстреливать всех причастных к белогвардейским организациям и изолировать в концлагерях «классовых врагов».

Конечно, по записям в еженедельниках мы не можем составить точную статистику жертв террора за первые его месяцы. Можно только представить, каким он был.

Снова заглядываем в первый номер Еженедельника ЧК: *«Вчера, 31 августа, по получении известий об убийстве товарища Урицкого и ранении товарища Ленина комиссия решила ответить на эту буржуазную провокацию террором и расстрелом 41 чел. из лагеря буржуазии и повальными обысками и арестами буржуев»* [96]. Это в Нижнем Новгороде, всего за один день.

Далее находим объявление для жителей города Торжка со списком заложников. Список такой: *«Грабинский Констан-*

тин Васильевич – директор завода “Козьминых”. Головнин Василий Петрович – директор завода Головнина. Раевский Сергей Петрович – священник церкви Вознесения. Горбылев Иван Иванович – купец. Архимандрит Симон – настоятель мужского монастыря. Головнин Александр Иванович – владелец кожевенного завода. Повоселов Василий Ефремович – заводчик-инженер. Ганский Бруно Адольфович – офицер, правый эсер. Петров Семен Филиппович – офицер, правый эсер. Цвелев Михаил Степанович – инженер, купец. Щукин Иван Петрович – отставной артиллерист, капитан, правый. Паничкин Сергей Иванович – бывший охранник дворцовой полиции. Мельников Ефрем Александрович – маклер, правый. Анитов Николай Дмитриевич – правый соц. – револ. Ананьин Андрей Трофимович – правый, соц. – револ. Лецов Михаил Степанович – правый соц. – револ. Поляков Николай Иванович – купец, черносотенник. Грабицкий Николай Васильевич – купец, спекулянт. Гормонов Илья Александрович – правый эсер. Прохоров Яков Егорович – купец» [96]. Все эти люди подлежали расстрелу «при малейшем контрреволюционном выступлении, направленном против Советов, при всяком покушении на вождей рабочего класса». За убитого Урицкого и покушение на Ленина большевики были готовы расстреливать русских промышленников, купцов, офицеров и священников. Никакой персональной вины за Урицкого и Ленина у этих заложников, скорее всего позже расстрелянных, разумеется, не было. Едва ли торжокские куп-

цы имели отношение к событиям в Петрограде и к Леониду Каннегисеру, убийце Моисея Урицкого. Но дело было не в этом. Мы видим здесь представителей определенного социального происхождения, «классово вражеских», поэтому они были обречены в любом случае.

В следующем номере, от 29 сентября, читаем: *«Чтобы белые вместе с социал-предателями правыми эсерами и меньшевиками знали, что подстрекательство и провоцирование неосознательных крестьянских масс на ненужные жертвы и ненужную кровь прежде всего отзовется на них самих, чрезвычайные комиссии уже заблаговременно забирают заложников из представителей буржуазии, правых партий и бывшего офицерства. Как на достойный пример можно указать на Пермскую областную Чрезвычайную комиссию, которая с этой целью арестовала 78 заложников и список таковых опубликовала в местной печати»* [97].

Там же приводится подробный список совершенных расправ над «контрреволюционерами», с указанием места, даты и числа убитых. Так, мы узнаем, что в Новоржеве, городишке с населением в 4000 человек, чекисты, в ответ на покушение на Ленина, расстреляли 8 «видных контрреволюционеров» и взяли в заложники местных богачей, которые с этого момента под охраной работали на общественных работах [97]. За 21 сентября 1918 г. Архангельская губчека отчиталась о расстреле 9 «шпионов и предателей». В Кимрах 6 сентября расстреляно 12 человек, из них только один, некто Щерба-

ков, изнасиловал девицу, и некто Мехов – вор, все остальные – враги советской власти. Вологодская губчека отчиталась о 12 расстрелянных, из них один врач, почти все – белогвардейцы. Орловская ЧК – еще 20 человек из «явных белогвардейцев». За 15 сентября Арзамасская ЧК расстреляла 6 человек, в Поречье – еще 6 человек, в Чирикове – еще троих; по Велижской ЧК – еще 5 расстрелянных. Таких отчетов, часто поименных, много и приводить их все здесь нет возможности. И разумеется, еженедельники публиковали далеко не все списки арестованных, оштрафованных и расстрелянных [98].

В четвертом номере рассказывается про красный террор в Богородске. Четыре жителя села Хотейчи расстреляны за сопротивление обыскам и изъятию оружия чекистами, при котором погибло три красноармейца. Еще 454 тыс. руб. контрибуции взыскано с жителей села. Довольно забавно, ведь контрибуция накладывается государством-победителем на проигравшую сторону. Далее, *«за избивание военного комиссара в Шаховской волости расстреляны: Михаил Горохов, Гавриил Павлович Петрушин-Цыганов и Андрей Егоров; тридцать человек осуждены на один месяц на принудительные работы, сбегавший Никита Попков объявлен вне закона и приговорен к расстрелу. На имущее население постановлено наложить штраф; размер штрафа выяснить на месте... За угрозы по адресу должностных лиц, за хра-*

нение огнестрельного оружия и за беспорядочную ничем не вызванную стрельбу расстреляны: Виктор Пойменов, торговец города Богородска и служащий Курского вокзала Казарин. За антисоветскую агитацию в селе Заречье расстреляны фабриканты Тимофей Барашков и Иван Звездов». Далее, в том же номере: «В Курмышском уезде расстреляно 40 человек. В самой Казани Трибуналом пока расстреляно всего 7–8 человек. Объясняется это тем, что вся буржуазия, отчасти даже мелкая, почти все попы и монахи разбежались. Половина квартир в городе покинуты». Это за несколько дней сентября в нескольких городах [99].

В пятом номере от 20 октября цифры уже внушительнее. В разделе «Красный террор» писали: «...согласно Губернскому Съезду, фракцией Большевиков и Пошехонской Уездной Чрезвычайной комиссией постановлено подвергнуть расстрелу следующих лиц: Николая Шалаева, Василия Шалаева, Зинаиду Шалаеву, Веру Шалаеву, Константина Шалаева, обвиненных в контрреволюционной деятельности; Дмитрия Донского (монархист, бывший воинский начальник), за контрреволюционную деятельность против Советской власти; Николая Семенова, Александра Семенова, за агитацию против Советской власти; Николая Воронцова, Кисляткину, Кисляткина, за агитацию против Советской власти; Сергея Аверина, за злоупотребление по службе; Константина Рогова, торговец, агитировал в своей лавке против Советской власти; Карелию Маргошинову Белову, Ма-

рию Маргошинову, за агитацию против Советской власти; Ивана Метелкина, как явного

контрреволюционера, много раз замеченного в агитации против Советов; Владимира Волкова, Сергея Волкова, Веру Волкову, Любовь Волкову, за агитацию против Советов; Николая Мальцева, тайно саботировал и агитировал против Советов; Алексея Таева, правый социал-рев., бывший офицер агитировал против Советской власти; Невского, монархист, за контрреволюционную деятельность; Ивана Свешников, как явного контрреволюционера; Ивана Гусева, за агитацию против Советской власти; Грудусову, Василия Тимохова и Григорьева, как явных контрреволюционеров, за агитацию против Советов; Бориса Черносвитова, за участие в восстании против Советской Власти; Рожкова, за тайную агитацию против Советов. По постановлению Пензенской Чрезвычайной комиссии, расстреляны: Мусин-Пушкин, граф, Грачев, Машков, Кудрявцев, Веймарк, Кандармский, Н. Ломов, Пономарев, как явные контрреволюционеры». Обратите внимание – среди этих 38 человек нет ни одного убийцы, насильника, вора. Расстреливали целыми семьями (как Волковых). Списки далее продолжают, но я ограничусь еще вот этими отчетами: «по постановлению Балаклавской Уездной Чрезвычайной комиссии расстреляно 8 белогвардейцев»; «по постановлению Петроградской Чрезвычайной комиссии расстреляно 500 человек заложников» [100]. Пятьсот заложников! Ниже в номере следует раздел,

озаглавленный как «Протокол заседания Западно-Областной Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности 17 сент. 1918 года», из которого узнаем о расстреле еще 27 человек.

Наконец, последний, шестой выпуск от 27 октября 1918 г. Из доклада товарища Бокия (в 1937 г. расстрелянного за контрреволюционную деятельность) мы узнаем, что за время красного террора (т. е. с 5 сентября по конец октября) в Петрограде расстреляно 800 человек. В докладе товарища Мороза (также расстрелянного в 1937 г. за контрреволюционную деятельность) по Москве находим количество заведенных за «контрреволюцию» дел – 2559. И следующее предложение, после этой цифры: *«...с тяжелым сердцем комиссия должна была осуществить возложенную на нее идею массового террора»*. По всей видимости, примерно такое число людей и было расстреляно в Москве за пару месяцев красного террора. Далее уже чуть ли не будничные отчеты. Смоленской областной Чрезвычайной комиссией приговорены к расстрелу *«39 видных помещиков Западной области, арестованных по делу контрреволюционного общества “Защиты Временного правительства”, в том числе Епископ Макарий, видный деятель монархистов. Карташев, секретарь Консistorии, видный деятель монархистов»*; *«Вся обстановка начавшейся борьбы не на живот, а на смерть побуждает отказаться от сантиментальничания и твердой рукой провести диктатуру пролетариата. В силу этого Ни-*

жегородской Губернской Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией расстрелян 41 человек из вражеского лагеря» (далее список имен капиталистов, чиновников, попов и офицеров); далее по Нижегородской ЧК отчет о расстреле 8 белогвардейцев; по Всероссийской ЧК еще 90 человек расстреляно «как явные контрреволюционеры»; «по распоряжению Павлово-Посадской Чрезвычайной Комиссии расстреляно шесть человек слуг самодержавия». Далее список лиц из семи человек, расстрелянных за август месяц (т. е. до официального объявления красного террора) по некоторым уездам России. Далее еще 32 человека по некоторым уездам, но уже за сентябрь плюс более сотни взятых в заложники людей. Ярославской губернской Чрезвычайной комиссией расстреляны за участие в белогвардейском мятеже еще 38 человек (и даны имена) [101].

Иными словами, речь идет о ежедневных расстрелах десятков людей в самых разных регионах и городах России. В большинстве случаев эти люди относились к наиболее обеспеченным слоям населения. Но был ли красный террор безопасен для всех остальных и был ли он ответом на нападения противников большевиков на их лидеров? Как мы видим, авторы еженедельника пытались уверить своих читателей, что они обороняются, а не нападают. Но у нас нет оснований считать, что красный террор действительно был обороной и не произошел бы в случае смирения всех «классовых врагов» перед новой властью. У нас есть очень интерес-

ное и, к сожалению, не самое в наше время известное свидетельство от лидера меньшевиков Юлия Мартова, которое доказывает наше предположение. Оно довольно пространное, но стоит того, чтобы привести его полностью:

«...большевистская партия в России сделала всесторонний террор основой всей системы революционного правительства. III Интернационал молча обходит вопрос о целесообразности и допустимости такой системы. Все социальные партии должны взять на себя ответственность за то или иное решение этого вопроса. О том, что такое террор в России и как он возник, дает совершенное представление вчерашняя встреча гражданина Зиновьева, который, впрочем, именно в вопросе о терроре показал, что он не более как “доведенный до ярости мелкий буржуа”. Дело идет не о том, явились ли репрессии со стороны советского правительства ответом на контрреволюционные действия его врагов. Дело идет о том, допустимо ли для социалистической партии применять террор, т. е. политику устрашения враждебных классов и партий огульным убийством виновных и невиновных. В ответ на убийство Урицкого и покушение на Ленина, два акта, организованных единичными лицами, может быть при содействии нескольких человек, в Петербурге управляемом Зиновьевым расстреляно 800 лиц, гораздо ранее арестованных. Большинство офицеров, ничего общего не имевших с этим покушением и арестованных не за контрреволюционные действия, а в качестве подлежа-

щих изоляции враждебных революции сил. Список расстрелянных был помещен в “Известиях” того времени и Зиновьев не может отрицать факт. Среди расстрелянных случайно оказался член нашей партии, молодой рабочий металлист Краковский. Не может Зиновьев отрицать и того, что подобные гекатомбы по предложению центрального правительства (циркуляр комиссара внутренних дел Петровского) были произведены во всех городах России. Здесь я должен исправить маленькую – скажем – неточность Зиновьева. В оправдание массового террора он сказал, что покушение на Ленина было организовано Центральным Комитетом партии социалистов-революционеров, и что именно поэтому сотни членов этой партии были расстреляны. Это неправда. И когда Зиновьев доказывал это признанием Савинкова в “Матен”, что он организовал покушение Доры Каплан на Ленина, то забыл прибавить, что покушение совершилось в августе 1918 года, а за год до этого, еще при правительстве Керенского, партия социалистов-революционеров опубликовала об исключении Савинкова из ее рядов. Вы видите, товарищи, что, когда председатель III Интернационала ссылается на “факты”, то этот термин не следует понимать буквально... Огрубение, ожесточение, вызванные войной, виновны в русском терроре, говорит Зиновьев. Да, но когда Зиновьев, Троцкий и журналисты большевистской печати проповедует террор массам без разбора против всех противников большевизма вплоть до социали-

стов, вводящих мирную пропаганду, то эти вожди виновны в культивировании зверств и деморализации, посеянных войной. Один тот факт, что жены политических противников, хотя бы контрреволюционеров, или сыновья их берутся заложниками, и что много раз этих заложников расстреливали в отместку за поступки отцов и мужей, свидетельствует о том, до каких пределов доходит террор. Зиновьев решился здесь сказать, что после победы над Деникиным смертные казни в России прекратились. Он забыл, что лишь на короткое время и что вскоре же, вопреки торжественным обещаниям, она возобновилась и теперь снова применяется в ужасных размерах. Одни только военные суды за июль месяц расстреляла, согласно отчету, помещенному в "Известиях", 800 человек. Но система террора не исчерпывается убийствами. Массовые аресты. Запрещение всякой печати и всяких собраний. Заключение с принудительными работами без всякого суда. Повседневная кара за стачки или только коллективное требование рабочих. Запрещение рабочим выбирать в Советы представителей определенной партии. Взяли же они, когда им не удалось арестовать лидера социалистов-революционеров В. Чернова, в заложники его жену, кто лично многим видным большевикам известна как лицо, стоящее далеко от политики, арестовали ее, ее трех детей, из которых одна была девочка 11 лет. Неделю держали девочку в тюрьме и только по настоянию порядочных людей из большевиков освободили, жена же его —

больная женщина – сидит уже 6 месяцев в ужасных условиях, будучи виновной только в том, что она является женой страшного противника большевиков...» [7, с. 556–559].

Кстати, касательно численности жертв террора в Петрограде, о которых упоминает Мартов, следует сделать отдельное уточнение. Как пишет А. Рабинович в книге «Большевики у власти. Первый год Советской эпохи в Петрограде»: «... точное число жертв красного террора в Петроградском регионе узнать, по-видимому, никогда не удастся, потому что имеющиеся цифры не учитывают расправ, произведенных районными органами безопасности и самоорганизованными рабочими отрядами, в некоторой степени подконтрольными ПЧК. Деятельность одного из таких рабочих отрядов описал в своих неопубликованных мемуарах, написанных в конце 1920-х или в начале 1930-х гг., некий С. П. Петров. В 1918 г. большевик Петров работал на машиностроительном заводе “Новый Леснер”. Он вспоминал, что после убийства Володарского и Урицкого он и его товарищи опасались, что могут стать следующими жертвами бомбометателей-эсеров. “Мы выводили всех рабочих своего завода на антиэсеровские демонстрации... <Мы> объявили ответный террор и осуществили его... Мы тогда не стеснялись – злых врагов топили в барках на Лисьем Носу... В день операции... ребята собираются вечером, <a> я информирую их о том, что придется делать”» [284].

Если кому-то цифры, которые я приводил выше из еже-

недельника ЧК, кажутся скромными, то спешу заверить: мы только начали. Ежедневный «рутинный» террор областных ЧК, проводимый по всей России, действительно был «скромным», если рассматривать каждый его эпизод по отдельности (и это обманчивое впечатление). Но этим он и не ограничивается. Есть действительно очень масштабные акты красного террора, в ходе которых уничтожались тысячи и десятки тысяч людей.

Одним из самых известных таких актов насилия является красный террор в Крыму, состоящий из двух отдельных эпизодов. Первый проходил с декабря 1917 г. по апрель 1918 г. и отличался стихийностью, грабежами и погромами в ряде городов полуострова. Основной движущей силой террора были матросы-большевики и анархисты, к которым присоединились местные люмпены, а жертвами выступали, прежде всего, офицеры, а затем и все те, кого можно было назвать «буржум». ВЧК не несет ответственности за эти эпизоды, поэтому в ее официальной статистике и тем более в еженедельниках об этом ничего не говорится. В историографии за трагическими событиями крымской зимы 1917–1918 гг. закрепились названия «еремеевских» или «варфоломеевских» ночей, в них погибло в общей сложности до 8000 человек.

Читать описания ужасов, творившихся в те самые ночи, довольно тяжело, но все же нам следует их привести: *«Около двух часов ночи вооруженная толпа матросов вошла в город*

и начались массовые обыски, грабежи и убийства. По некоторым источникам в течение нескольких ночей было убито около 250 человек, хотя на самом деле эта цифра несколько преувеличена. Один из руководителей комиссии С. Г. Шмаков в ночь с 23 на 24 февраля аналогичную акцию провел в Симферополе, в результате которой было убито до 170 человек. Матрос Беляев так рассказывал о событиях этой трагической ночи: «Матросов было много, 3000 человек. Все они заняли улицы города, сам город был оцеплен так, чтобы никто не убежал. Я не знаю, как они, а я арестовывал и приводил в Совет, но Совет от арестованных отказывался, говорил, что это не нужно, т. Пожаров уговаривал, чтобы этого не было. Их увели обратно и привели человек 60 или 40, а может 50 в Морское собрание. Когда все люди были собраны в одной комнате, я посмотрел на них; там были и офицеры, и священник, а так, просто разные, кто попало. Там были старые совсем больные старики. Половина матросов требовала уничтожить их. Была избрана комиссия, куда попал и я. Я старался, чтобы люди шли через эту комнату. Людей было много, были и доктора, была уже полная зала. Было много людей. Матросы не знали ничего. Никто не знал ни арестованных, ни того, за что их арестовали. Большие стоять было негде. Пришла шайка матросов и требовала отдачи. Я уговаривал, что это офицеры на выборных началах, доктора и старики. Ничего не слушали. Согласились вывести из залы. А около 12 ночи звонит телефон

из городской больницы, меня спрашивают, что делать с 40 трупами, что возле больницы. И тогда я узнал, что всех поубивали. Я слышал, что в Стрелецкой бухте на пристани много убитых»» [155].

На следующий день, ранним утром, за Малаховым курганом обнаружили шестерых убитых мужчин с разбитыми до неузнаваемости лицами, сброшенных в овраг. Личность никого из них установить не удалось. Вдова капитана I ранга Анатолия Григорьевича Ризенкампа, рассказывала в своем ходатайстве о предоставлении ей пенсии, как убивали ее мужа: *«Ночью 22/9 февраля с. г. ко мне в квартиру явилось несколько вооруженных в форме матросов и приказали моему мужу Анатолию Григорьевичу Ризенкампу, вместе с моим зятем Григорием Афанасьевичем Марковым (мичман с Подводной бригады) и племянником Анатолием Александровичем Ризенкампом (армейский прапорщик) идти с ними в Совет Военных и Рабочих депутатов. На следующий день я узнала, что мой муж, зять и племянник в Совет не приводились, а были расстреляны у ворот Исторического бульвара, причем муж и зять были убиты насмерть, а племянник тяжело ранен и на его выздоровление надежд очень мало. После этой ужасной ночи я осталась вдовой с тремя детьми, из них две дочери еще в гимназии, а третья осталась вдовой, пробыв замужем за Георгием Ефимовичем Марковым только пять дней»» [155]. Раненый племянник в скором времени умер.*

В совсем небольшом крымском городке Евпатории в январе-марте 1918 г. социалисты действовали более организованно – от обстрелов города из корабельных орудий до высадки десанта красных матросов и красногвардейцев. Снова убивали офицеров, «буржуев», просто случайных людей. О числе жертв тех событий можно судить по надписи на памятном кресте, установленном при храме Святого Илии в Евпатории: *«Поставлен сей Честный Крест во имя Святые Троицы в память о 40 расстрелянных и 800 казненных большевиками на кораблях “Трувор” и “Румыния” в Евпатории в марте 1918 года и всех новомучеников во время лютых гонений за веру и Отчизну пострадавших. Благословением митрополита Симферопольского и Крымского Лазаря, усердием настоятеля храма протоиерея Георгия Куницына в ноябре 2009 г. Святые подвижники благочестия, молитве Бога о нас!»*

Стихийный красный террор прошелся в 1918 г. по Феодосии, Ялте, Симферополю, Севастополю. Повсюду убивали офицеров, а красногвардейцы и матросы могли фактически делать с несчастными жителями все, что угодно. Несмотря на то что в ряде крымских городов местные руководители-большевики сознательно не допустили беспредела, а следовательно, и террора, в целом матросы и солдаты левых взглядов (не только коммунисты, но и анархисты, левые эсеры) действовали скорее с позволения Совнаркома, чем вопреки его воле. Напомню, что 21 февраля 1918 г. был издан

декрет «Социалистическое отечество в опасности» – в связи с наступлением немецких войск (которое сами большевики и спровоцировали своей политикой полного разложения армии), где содержится, по сути, разрешение на самосуд без какого-либо четкого определения вины. В создаваемые трудовые батальоны должны были быть *«включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев; сопротивляющихся – расстреливать»*. Помимо них, быстрая казнь на месте преступления полагалась: *«неприятельским агентам, спекулянтам, громилам, хулиганам, контрреволюционным агитаторам, германским шпионам»*. Прекрасно видно, что красногвардейцы наделялись полномочиями решать, кто подлежит расстрелу, а кто – нет; кроме того, такое всевластие неизбежно порождало «злоупотребления». Под сопротивлением красноармеец мог, например, «увидеть» нежелание делиться с ним драгоценностями и деньгами у какого-нибудь случайного прохожего. Более того, если отдельным городам, находившимися под управлением большевиков, удалось не допустить бесчинств со стороны матросов и красноармейцев, то это можно было сделать и во всех остальных, где террор все-таки произошел. В конце концов, террору 1917–1918 гг. положил конец не Совнарком, а германские и украинские войска, вошедшие в Крым в апреле 1918 г.

Второй эпизод массового террора в Крыму пришелся на 1920–1921 гг., когда большевики снова завладели полуост-

ровом. В этот раз он оказался гораздо масштабнее, а проводили его достаточно организованно, под руководством ЧК. Число жертв красного террора в данном случае оценивается очень по-разному: минимальная цифра, которую можно встретить, составляет 12 000 человек, максимальная – 120000. Обе цифры, по всей видимости, не являются достоверными, и истину надо искать где-то посередине. В любом случае ясно, что террор был очень масштабным, поскольку рассказы о десятках тысяч жертв появились еще тогда, в 1920-е, т. е. события оставили в современниках очень глубокое впечатление. Об этом говорит то, что по данной теме было написано немало художественной литературы и воспоминаний, причем некоторые работы даже издавались в СССР какое-то время. Наиболее известны: «Линия убийцы» Сергея Сергеева-Ценского, «В тупике» Викентия Вересаева (роман высоко оценен даже Ф. Дзержинским), стихи Максимилиана Волошина, роман Ивана Шмелева «Солнце мертвых», роман Алисы Розенбаум (известной миру как Айн Рэнд) «Мы живые» и т. д.

Довольно важным источником здесь служит также докладная записка большевика Мирсаида Султан-Галиева, проработавшего в Крыму в 1921 г. полтора месяца по заданию из Москвы. Султан-Галиев в документе «О положении в Крыму» докладывал: *«Ненормальное состояние партийной организации в Крыму отразилось и на состоянии советской работы. Но в развитии советской работы, поми-*

мо этой причины, были еще другие специфические условия, которые породили ненормальность ее постановки. Первой и очень крупной ошибкой в этом отношении явилось слишком широкое применение в Крыму красного террора. По отзывам самих крымских работников, число расстрелянных врангелевских офицеров достигает во всем Крыму от 20 до 25 тысяч. Указывают, что в одном лишь Симферополе расстреляно до 12000. Народная молва превозносит эту цифру для всего Крыма до 70000. Действительно ли это так, проверить мне не удалось. Самое скверное, что было в этом терроре, так это то, что среди расстрелянных попадало очень много рабочих элементов и лиц, оставших от Врангеля с искренним и твердым решением честно служить Советской власти. Особенно большую неразборчивость в этом отношении проявили чрезвычайные органы на местах. Почти нет семейства, где бы кто-нибудь не пострадал от этих расстрелов: у того расстрелян отец, у этого брат, у третьего сын и т. д. Но что особенно обращает на себя <внимание> в этих расстрелах, так это то, что расстрелы проводились не в одиночку, а целыми партиями, по несколько десятков человек вместе. Расстреливаемых раздевали донага и выстраивали перед вооруженными отрядами» [353]. С другой стороны, стоит ли сомневаться, что только одних офицеров убили 25000, если Владимир Ленин совершенно однозначно высказывался, что «сейчас в Крыму 300000 буржуазии. Это – источник будущей спекуляции, шпионства,

всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим» [184, с. 74].

Но наша задача здесь не столько в подсчете жертв социализма в Крыму, сколько в демонстрации сущности предмета нашего интереса. В противном случае нам будут традиционно парировать тем, что дело просто вышло из-под контроля, и любая политическая сила в такой ситуации дала бы маху. Нет, не любая. Здесь было что-то большее, чем просто хаос войны. Здесь была идея. Понять это нам помогут исторические документы, запечатлевшие кадры истории. Возьмем для примера статью в газете «Красный Крым», которая оправдывала и пропагандировала красный террор. В одном из номеров за 5 декабря 1920 г. мы можем найти очень эмоциональный отрывок авторства Натана Марголина, восхваляющий террор и стратоцид. Он радостно пишет: *«Беспощадным мечом красного террора мы пройдемся по всему Крыму и очистим его от всех палачей, эксплуататоров и мучителей рабочего класса. Но мы будем умнее и не повторим ошибок прошлого! Мы были слишком великодушны после октябрьского переворота. Мы, наученные горьким опытом, сейчас не станем великодушничать. В освобожденном Крыму еще слишком много осталось белогвардейцев... Мы отнимем у них возможность мешать нам строить новую жизнь. Красный террор достигнет цели, потому что он направлен против класса, который обречен на смерть самой*

судьбой, он ускоряет его гибель, он приближает час его смерти! Мы переходим в наступление!» [363].

Вспомним теперь такие же эмоциональные слова Томаса Мюнцера, сказанные им в далеком XVI в.: «...теперь отлично видно, как угри и змеи совокупаются между собою на одной куче. Попы и все злое духовенство, это змеи... а светские властители и правители – это угри... “Ах, господа, как хорошо Господь Бог разобьет старые горшки железной палкой”, “Итак, за дело, за дело! Пора, злодеи трусили, как псы. Возбуждайте ваших братьев к согласию и уговаривайте их снаряжаться” и “да, бесчисленному множеству людей это кажется невероятным мечтанием; они не в состоянии представить себе, что было подготовлено и выполнено такое дело, благодаря которому безбожники будут лишены права судить, и право это получают униженные и простые люди”». Беспощадная уверенность в собственной правоте, дегуманизация людей по признаку их происхождения, никакой презумпции невиновности, ощущение наступления принципиально новой эпохи, путь которой следует как можно скорее подготовить, убрав все мешающие ей препятствия. Можно, конечно, возразить на мои соображения тем, что во все времена и эпохи люди во время войн устраивали массовые жестокости по отношению к побежденным. Но такое возражение не достигнет цели, поскольку одно дело – стихийное насилие, вскоре прекращающееся по мере снижения накала типичных для войны страстей, или же насилие хоть и совер-

шенное по приказу, но не оправданное идеей о светлом будущем. Другое дело – насилие систематическое, преднамеренное, заранее подготовляемое и совершаемое уже тогда, когда вся власть получена, угроза отведена, победа одержана. Убийства офицеров, «буржуев», попов, дворян, зажиточных крестьян – это неизбежное следствие тех идей, что пытались реализовать социалисты, получавшие политическую и военную власть. Это стратоцид, возведенный в закон.

Что к красному террору готовились заранее, получить доказательство нетрудно. В приказе от 17 ноября 1920 г. Крымского Революционного комитета № 4 было велено, что *«все офицеры, чиновники военного времени, солдаты, работники в учреждениях добрармии обязаны явиться для регистрации в 3-дневный срок. Неявившиеся будут рассматриваться как шпионы, подлежащие высшей мере наказания по всем строгостям законов военного времени»*. Все эти требования были не более чем западней. Естественно, те, кто являлся вот так, по требованию этого приказа, едва ли могли рассчитывать на «помилование». Противники социалистов в тот момент оказались в положении польских евреев времен оккупации Польши Германией – их тоже заставляли заявлять о себе, а что было потом – всем хорошо известно. Как писал Алексей Львович Литвин, крупный специалист по истории Гражданской войны, после этого приказа в пунктах регистрации выстроились многотысячные очереди. Так, в Севастополе получилась очередь из 3000 человек, в Ялте – из 7000, а по

всему Крыму – 25 000 за данный приказом срок в три дня. После чего начались облавы с проверкой документов, которые привели к задержанию в одном только Севастополе 6000 человек, из которых 2000 были расстреляны, 700 отпущены, а остальных отправили в концентрационный лагерь [190].

* * *

С событиями в Крыму вполне сопоставимы репрессии в отношении восставших крестьян и рабочих в различных губерниях России. Кто не знает, например, о Тамбовском восстании 1918–1922 гг., в котором на пике в 1921 г. принимало участие до 70000 человек со стороны восставших (не считая членов их семей, женщин, детей) – и оно было подавлено с чрезвычайной жестокостью. Крестьяне Тамбовской и Воронежской губерний выступили против большевистской политики продразверстки – изъятия у крестьян продовольствия в пользу городов, находящихся под контролем красных. Имели ли они на это моральное право? Безусловно, ведь это было их продовольствие, которое они могли оставить для своих жен, детей и близких, либо же продать. Большевики крестьяне не поддерживали, свои голоса им не отдавали, следовательно, имели право на восстание против фактически внешних агрессоров, нелегитимных узурпаторов. Тамбовским крестьянам удалось создать полноценную армию и органы власти, а политической целью объявлялся созыв

Учредительного собрания.

Коммунисты ответили на это восстание жестко и решительно. Приказ Полномочной комиссии ВЦИК № 171, подписанный командующим войсками Тухачевским и председателем комиссии Антоновым-Овсеенко гласил: *«Селениям, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссии или райполиткомиссии объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать»* [272].

В постановлении ВЦИК по Тамбовской губернии № 116, также подписанном Тухачевским и Антоновым-Овсеенко, в подробностях рассказывается порядок применения террора в отношении крестьян, и, признаться, читать эти вещи с осознанием того, что речь идет о гражданах одной страны, довольно тяжело. Итак, Тухачевский наставляет: *«Опыт первого боевого участка показывает большую пригодность*

для быстрого очищения от бандитизма известных районов по следующему способу чистки. Намечаются особенно бандитски настроенные волости и туда выезжают представители уездной политической комиссии, особого отделения, отделения военного трибунала и командования вместе с частями, предназначенными для проведения чистки. По прибытии на место волость оцепляется, берутся 60-100 наиболее видных лиц в качестве заложников и вводится осадное положение. Выезд и въезд в волость должны быть на время операции запрещены. После этого собирается полный волостной сход, на коем прочитываются приказы Полномочной Комиссии ВЦИК №№ 130 и 171 и написанный приговор для этой волости. Жителям дается 2 часа на выдачу бандитов и оружия, а также бандитских семей, и население ставится в известность, что в случае отказа дать упомянутые сведения заложники будут расстреляны через два часа. Если население бандитов и оружия не указало по истечении двухчасового срока, сход собирается вторично и взятые заложники на глазах у населения расстреливаются, после чего берутся новые заложники и собравшимся на сход вторично предлагается выдать бандитов и оружие. Желющие исполнить это становятся отдельно, разбиваются на сотни и каждая сотня пропускается для опроса через опросную комиссию (представителей Особого отдела и Военного трибунала). Каждый должен дать показания, не отговариваясь незнанием. В случае упорства проводят-

ся новые расстрелы и т. д. По разборке материала, добытого из опросов, создаются экспедиционные отряды с обязательным участием в них лиц, давших сведения, и других местных жителей и отправляются на ловлю бандитов. По окончании чистки осадное положение снимается, водворяется ревком и насаждаются милиция» [271]. Невероятная жестокость расстрелов людей на глазах у их родственников, по всей видимости, была эффективна. Как мне кажется, сама логика действий большевиков в отношении крестьян похожа на тактику оккупационной армии, для которой местное население не представляет никакой ценности. Более того, террор не заканчивался уничтожением в местности «бандитов». Всех оставшихся в живых крестьян обязывали обслуживать инфраструктуру под страхом новых расстрелов заложников, что отражено в приказе № 189 от 9 июля, предписывавшем расстреливать не менее пяти заложников за порчу мостов и обязывавшем местное население охранять и ремонтировать их.

При подавлении Тамбовского восстания большевики использовали химическое оружие и концлагеря. В приказе № 0116 от 12 июня 1921 г. читаем: *«Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбегавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей. Для немедленной очистки лесов приказываю: 1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитывать, чтобы*

облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая всё, что в нем пряталось. 2. Инспектору артиллерии немедленно подать наместу потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов» [371]. Однако эффективно использовать газовые снаряды большевики не могли в силу слабой организации и оснащения соответствующих подразделений, а также отсутствия опыта. Известны лишь несколько случаев их применения: в бою у деревни Смольная Вершина 13 июля 1921 г. (15 химснарядов), в бою у озера Ильмень 14 июля того же года (50 химснарядов) и при очистке Паревского леса 1-10 августа 1921 г. (59 химснарядов). Это совсем немного, учитывая общее количество выделенных Тамбовскому командованию боеприпасов: 2000 газобаллонов и химснарядов [32].

Зато концлагеря использовали вполне успешно. Насчет их применения документов нам оставлено достаточно. Например, из сведений о составе заключенных Кирсановского концентрационного полевого лагеря № 8 1-го боеучастка мы узнаем, что в нем содержалось на 21 июня 1921 г. 1013 человек. Из них 318 человек – это заложники из членов семей «бандитов» (т. е. повстанцев) [310]. Из доклада заведующего губернским управлением принудительных работ В. Г. Белугина от 22 июня 1921 г. известно, что всего было создано семь концлагерей вместимостью в 13500 человек, а на 20 июня в них содержалось 6000 человек и еще 3000 высланы в лагеря других губерний. При этом Белугин бьет тревогу в

связи с необходимостью размещения в лагерях детей: *«В лагерь поступает большое количество детей, начиная с самого раннего возраста, даже грудные. Содержание маленьких детей ставит в самое затруднительное положение администрацию лагерей, и по этому вопросу от вас необходимо получить разъяснение в самом срочном порядке. Прошу иметь в виду, что лагеря устроены по временному типу (палатки на голой земле), что может повлечь за собой массовые заболевания детей»* [26]. Так оно и вышло, о чем мы узнаем из «протокола заседания междуведомственной губернской комиссии по содержанию детей-заложников в концлагерях Тамбовской губернии» от 27 июня 1921 г.: *«Ввиду большого наплыва в концентрационно-полевые лагеря малолетних, начиная с грудных, детей, и неприспособленности этих лагерей к длительному содержанию детей, последствием чего явились заболевания желудочного и простудного характера, признать необходимым в самом срочном порядке принять... меры...»* [72]. Матерей с детьми стали освобождать из концлагерей, оставляя заложниками «на месте» [119]. Однако эти меры, принятые в отдельных лагерях в конце июня, все же не спасли ситуацию от катастрофы. В протоколе заседания Кирсановской уездной чрезвычайной комиссии по борьбе с холерой о положении детей в концлагере от 30 июля того же года читаем, что *«положение с детьми создается крайне катастрофическое, признать самой радикальной мерой удаление детей из уезда. На месте же принять неотлож-*

ные меры борьбы, увеличив санитарный надзор и медицинский персонал, а также открыть баню, дезинфекционную камеру» [118]. Даже с учетом этих мер на 1 августа детей до 5 лет во всех тамбовских концлагерях содержалось 1155 человек [309].

Большевики практиковали не только взятие членов семей восставших крестьян, но и уничтожение целых деревень. Например было уничтожено село Кареевка в 70 дворов: «...принимая это во внимание, “пятеркой” было решено уничтожить данное селение – 2-ю Кареевку (65–70 дворов), выселив поголовно все население и конфисковав их имущество, за исключением семей красноармейцев, которые были переселены в с. Курдюки и размещены в избах, изъятых у бандитских семей» [375].

Исходя из того, насколько быстро и жестко расправлялись с русским крестьянским сопротивлением большевики, можно сделать вывод, что террор коснулся нескольких десятков тысяч человек. Скажем, в «протоколе заседания полномочной комиссии ВЦИК о ходе проведения в жизнь приказа № 130» от 22 июня 1921 г. говорится об «изъятии» с 1 по 22 июня 11000 «бандитов» (повстанцев), из них 3000 выслано за пределы губернии [47]. В «Сводке Тамбовской уполиткомиссии цифровых показателей борьбы с повстанцами» на 1 августа говорится об «изъятии» 5953 «бандитов», 5666 дезертиров, семей бандитов 1064, в них совместно с одиночками 3000 человек [198]. Назвать точную цифру красного тер-

рора в Тамбовской и Воронежской губерниях на основании этих данных затруднительно, ведь подавление восстания заняло два года (1920–1922), и если в 1920 г. большевики терпели от крестьян поражение, то в первой половине 1921 г. взяли инициативу и к лету того же года разгромили основные силы повстанцев. Все, что происходило в дальнейшем, уместно называть «чисткой». Оставались отдельные разрозненные отряды партизан, которых искали по всей губернии вплоть до 1922 г. Сколько погибло в результате «чисток», сколько расстреляно заложников, сколько умерло в концлагерях, а сколько было помиловано – сказать невозможно. Приказы № 116, 130 и 171, по всей видимости, применялись настолько широко и жестоко, что их предлагалось и вовсе отменить, а Тухачевского и Антонова-Овсеенко – отозвать. К этому следует добавить разразившийся в результате репрессий, продразверсток и боевых действий голод. К декабрю 1921 г. отчеты большевиков называют по меньшей мере 640000 голодающих в губернии, из которых 74 % умирают от голода, особенно дети. На 100 случаев рождения было зафиксировано в среднем 216 смертей [192]. Учитывая все эти далеко не полные данные, можно сказать, что 50000 человек вполне могли быть подвергнуты красному террору и были убиты в боях с красноармейцами, защищая свои села и продовольствие, умерли в концлагере от болезней, были расстреляны как заложники. Это не считая тех, кто погиб от голода.

Другое восстание, не менее известное и весьма кровавое по своим относительным масштабам, произошло в начале марта 1921 г. в Кронштадте. В феврале того же года в Петрограде начались волнения среди рабочих, недовольных внутренней политикой большевиков, из-за чего Петроградский комитет партии ввел военное положение и начал аресты рабочих активистов. Узнав об этом, кронштадтский гарнизон, состоящий из красноармейцев и матросов, численностью в 17 900 человек, вынес резолюцию с поддержкой рабочих Петрограда и лозунгами «Вся власть Советам, а не партиям» и «Советы без коммунистов». Численность восставших оценивается по-разному, потому что среди них были не только военные, но и горожане Кронштадта, однако так или иначе 18000 активных участников восстания – это минимальная цифра. Для подавления восстания большевики сосредоточили 45000 солдат, 433 пулемета, 159 орудий и 3 бронепоезда. В результате кровавых боев с 8 по 18 марта, в ходе которых красноармейцы даже переходили на сторону восставших, город был взят.

Значительная часть восставших (8000) смогла отступить в Финляндию по льду Финского залива, 1000 убита в бою, 2000 ранено. Из оставшихся в живых участников восстания только по официально вынесенным приговорам было расстреляно 2100 человек, более 6400 человек получили тюремные сроки, неизвестное число было расстреляно во внесудебном порядке [34]. Таким образом, из тех восставших,

кто оказался во власти большевиков, около 25 % были казнены.

Что интересно, Владимир Ленин в оценке Кронштадтского восстания, в типичной для себя манере дал две совершенно противоположные версии. На X съезде он сказал, что *«эта мелкобуржуазная контрреволюция, несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые, потому что мы имеем дело со страной, где пролетариат составляет меньшинство, мы имеем дело со страной, в которой разорение обнаружилось на крестьянской собственности, а кроме того, мы имеем еще такую вещь, как демобилизация армии, давшая повстанческий элемент в невероятном количестве»* [185, с. 24]. В беседе с корреспондентом американской газеты The New York Herald, напротив, Ильич заявил, что *«восстание в Кронштадте действительно совершенно ничтожный инцидент, который составляет для Советской власти гораздо меньшую угрозу, чем ирландские войска для Британской империи»* [185, с. 129]. По всей видимости, мелкобуржуазность восставших, состоявших из обычных рабочих и матросов с социалистическими убеждениями, проявлялась в требовании свободной торговли, которую большевики полностью подавили в рамках политики «военного коммунизма». Любопытно сравнение восставших с ирландцами, которых Англия держала какое-то время чуть ли не за рабов.

Большевистские руководители вообще любили собствен-

ную жестокость объяснять контрреволюционными замыслами своих жертв. Это было их стандартным объяснением любого антибольшевистского восстания. Доходило даже до фальсификаций несуществующих «белогвардейских подпольных организаций», как в случае с Западно-Сибирским восстанием 1921–1922 гг. Советская историография годами объясняла это масштабное крестьянское восстание деятельностью корнета С. Г. Лобанова в Тюмени и С. Долганева в Тобольске. Но на рубеже 1980-1990-х гг., когда появилась возможность изучать архивы, *«в работах К. Я. Лагунова и А. А. Петрушина было впервые открыто заявлено, что дело о подпольной организации С. Г. Лобанова в Тюмени являлось не чем иным, как чекистской фальсификацией, осуществленной для того, чтобы перенести ответственность за возникновение широкомасштабного мятежа на контрреволюцию и тем самым хотя бы частично оправдаться перед центральными властями. В результате исследователями был поставлен под сомнение принципиальный вывод советской историографии – о наличии контрреволюционного подполья в качестве важнейшей причины Западно-Сибирского восстания»*. К тем же выводам пришел В. И. Шишкин, который *«проанализировал хранящиеся в управлении ФСБ по Тюменской области материалы архивно-следственного дела о тюменском “заговоре корнета Лобанова”*. На основании анализа имеющихся документов он пришел к выводу, что *“заговор корнета Лобанова” являлся откровенной провокаци-*

ей местных чекистов, преследовавшей цель объяснить крестьянское восстание в губернии происками контрреволюционного подполья» [405]. По делу Лобанова было арестовано 38 человек, 17 из которых были расстреляны.

В ходе подавления Западно-Сибирского (Ишимского) восстания, в котором участвовало более 100000 человек, выступавших против продразверстки и за советы без большевиков, коммунистами, как сообщает современник тех событий П. Турханский, расстреливался каждый пятый, включая женщин и детей [405]. Если это действительно так, то красный террор погубил в данном случае около 20000 человек – это не убитые в боях, а именно репрессированные. Причем восстание в Сибири было куда хуже организовано и в военном, и в идеологическом отношении, чем на Тамбовщине. Противником большевиков выступали разрозненные крестьянские движения, едва ли столь хорошо вооруженные, как тамбовские повстанцы Антонова. Но, как и там, коммунисты при подавлении Ишимского восстания задействовали весь свой арсенал, включавший артиллерийский обстрел деревень. Не замедлил появиться голод – деморализованное репрессиями, военными действиями и продналогом крестьянство, потерявшее множество своих кормильцев, не могло производить продовольствие так же, как прежде.

В марте 1919 г. в Астрахани прошли массовые забастовки рабочих против тяжелых условий труда, численностью до 10000 человек. Большевики в ответ на отказ вернуться

к работе ответили массовым террором против несогласных, о чем говорит сообщение К. Мехоношина, который руководил подавлением выступлений: *«10 марта сего 1919 года, в десять часов утра, рабочие заводов “Вулкан”, “Этна”, “Кавказ” и “Меркурий” по тревожному гудку прекратили работы и начали митингование. На требование представителей власти разойтись рабочие ответили отказом и продолжали митинговать. Тогда мы исполнили свой революционный долг и применили оружие»* [315]. Приказ Льва Троцкого был еще лаконичнее: *«расправиться беспощадно»*.

Точную цифру убитых коммунистами в тот месяц в Астрахани назвать сложно. Кого-то сбросили в воду с парохода «Гоголь», по свидетельству очевидцев – 180 человек (хотя я не уверен, что эта цифра вызывает доверие). Кто-то погиб при самом разгоне демонстрации, кто-то был убит уже в ходе акции «возмездия». Но утверждение некоторых, что было расстреляно менее 100 человек, а всех остальных просто отпустили, смехотворно. Хотя бы потому, что подавлением и расследованием забастовок занимался Георгий Атарбеков (Атарбекян), возглавивший астраханское ЧК, – человек крайне жестокий даже по чекистским меркам. Будучи зампредседателем Пятигорской ЧК в 1918 г., Атарбековым был организован расстрел свыше 1000 человек [74]. В Астрахани с его «помощью» рассталось с жизнью более 1500 человек, есть цифры в 4000, однако непонятно, не являются ли они совокупностью всех репрессированных Атарбековым на

апрель 1919 г. За свою жестокость его вызвали «на ковер» в Москву (в сентябре того же года), но благодаря заступничеству товарищей по партии Орджоникидзе, Сталина и Тер-Петросяна он был оправдан и впоследствии работал во главе особого отдела московского ВЧК. Позднее он руководил репрессиями против русских офицеров и солдат на Кубани, в Армении и Азербайджане, организовывал массовые расстрелы военнопленных в концлагере на острове Норген. Так что на руках Атарбекова кровь тысяч людей, а ведь он один из множества чекистов тех лет.

* * *

Историй, подобных приведенным выше, как более кровавых, чем упомянутые в еженедельниках ЧК, так и менее масштабных, чем в Крыму в 1918 г., было предостаточно в годы красного террора. Историк Сергей Волков, специализирующийся на теме Гражданской войны, хотя и не лишенный предвзятости, писал, что *«в Мариуполе после занятия его большевиками в марте 1919 г. найденные офицеры были изрублены на месте. В Екатеринославе до занятия белыми погибло более 5 тыс. чел., в Кременчуге – до 2500. В Харькове перед приходом белых ежедневно расстреливалось 40–50 ч, всего свыше 1000. Ряд сообщений об этих расстрелах появлялся в “Известиях Харьковского Совета”. В Чернигове перед занятием его белыми было расстреляно свыше 1500 ч,*

в Волчанске – 64. В Одессе за три месяца с апреля 1919 г. было расстреляно 2200 ч (по официальному подсчету денкинской комиссии – 1300 с 1.04 по 1.08), ежедневно публиковались списки 26, 16, 12 и т. д. расстрелянных, причем действительное число бывало обычно больше: когда писали о 18 – было до 50, при списке в 27 – до 70; летом каждую ночь расстреливали до 68 ч. Всего на Юге в это время число жертв определяется в 13–14 тысяч» [60]. Обратите внимание, что вышеприведенные цифры касаются довольно короткого временного отрезка – несколько месяцев 1919 г. и все эпизоды – на территории Украины. Допустим, они преувеличены вдвое – но и тогда вырисовывается существенная цифра в 7000 человек, убитых не в бою, а безоружных, пленных, беззащитных, без суда и следствия. Впрочем, как мы видели на примере Крыма, и 14000 – вполне реальная цифра.

В Киеве в феврале 1918 г. под руководством красного командира Михаила Муравьева было убито 3000 человек, из которых 1000 были офицерами. Перед самым штурмом города Муравьев, как об этом писал Антонов-Овсеенко, отдал приказ: «...войскам обеих армий приказываю беспощадно уничтожить в Киеве всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и врагов революции» [14, с. 154]. Овладев городом, он наложил на него огромную контрибуцию в 10 млн руб., о поддержании законности едва ли можно было говорить. Скорее всего, красный террор с подачи Муравьева был стихийным, как в Крыму; на людей, внешним ви-

дом выдававших свою «буржуазную» принадлежность, лишенных поддержки закона и государства, нападали красноармейцы. Больше всего досталось офицерству. Муравьев потом хвастался: *«...мы идем огнем и мечом устанавливать Советскую власть. Я занял город, бил по дворцам и церквям... бил, никому не давая пощады! 28 января Дума (Киева) просила перемирия. В ответ я приказал душиить их газами. Сотни генералов, а может и тысячи, были безжалостно убиты... Так мы мстили. Мы могли остановить гнев места, однако мы не делали этого, потому что наш лозунг – быть беспощадными!»* [304]. В Киеве он оставался недолго и продолжил дальнейшее наступление большевиков на территории Украины, так что мы не представляем даже, сколько еще этот «замечательный» военачальник отправил на тот свет «буржуев».

Заметим еще раз, что в данном эпизоде движущей силой красного террора была не ЧК, а стихия, созданная возбужденной, по-социалистически идеологизированной, массой, возглавляемой одним из многочисленных красных командиров-авантюристов. Сколько таких полевых командиров взяли под свое крыло большевики? Страшно представить, что даже чекистов поражали масштабы репрессий Муравьева (о чем говорил сам Дзержинский), но это и неудивительно, ведь, будучи авантюристами по природе, получившие власть почти случайно, большевики привлекли к себе

множество таких же по психологическому складу людей¹¹.

Вот сведения о красном терроре, проводимом в городе Екатеринодаре в марте-июне 1918 г. (кровавые подробности я вырезал): «...в г. Екатеринодар большевики вступили 1 марта 1918 года. В тот же день была арестована группа лиц мирного населения, преимущественно интеллигенции, и все задержанные в числе 83-х лиц были убиты, зарублены и расстреляны без всякого суда и следствия... 4-го того же марта, после ряда издевательств и троекратного ареста, был зарублен в Екатеринодаре, у гостиницы Губкина, полковник Орлов; равным образом уничтожена его семья, состоявшая из жены, двух дочерей и двух сыновей. Затем, 11 марта, в Екатеринодаре были зарублены на вокзале бывший товарищ министра земледелия Кубанского краевого правительства Юшко с сыном. У последнего установлено несколько рубленых и 10 штыковых ран. В марте же месяце большевиками убит в Екатеринодаре товарищ прокурора местного окружного суда Бабченко. В том же марте месяце, в ауле Абукай большевиками были зарублены и заколоты штыками пятеро лиц екатеринодарской интеллиген-

---

¹¹ Многие видные большевики до прихода к власти вели жизнь авантюристов; жизнь в эмиграции, подполье, грабежи банков, ссылки и т. д. не способствуют воспитанию в человеке постоянства, чувства ответственности. Возможно, что социализм, с его «ниспровержением» всех ключевых институтов, созидających цивилизации, в лице религии, семьи, государства и собственности, привлекал и привлекает именно авантюристские натуры.

ции из мирных жителей – Бурсак, Канатов и др. Полуживые они были сброшены в яму и засыпаны землей. Вместе с ними были убиты 240 черкесов. Под Вознесение Господне, 31 мая 1918 года, из Екатеринодарской областной тюрьмы были выведены и тут же расстреляны из пулеметов казаки станции Новотитаровской и др. лица, всего 76 человек. Часть трупов зарыта в яму, а непоместившиеся в яме сброшены в реку Кубань» [308]. То есть за март-май 1918 г. в городе с населением чуть более 100000 человек было убито по меньшей мере 416 жителей.

Посмотрим на работу красного террора в Прикамье (Пермь) в том же 1918 г. Там тоже отмечалась ничем не объяснимая, бессмысленная резня (иногда такую жестокость списывают на отдельных неадекватных личностей, вроде Муравьева, забывая, что такое творилось по всей контролируемой социалистами территории). Как пишет доцент кафедры отечественной истории новейшего времени Пермского государственного университета Л. А. Обухов, *«репрессии и расстрелы на местах приобрели настолько большой размах, что юридический отдел Пермского губернского Совета направил циркуляр всем Советам губернии. В циркуляре отмечалось: “За последнее время бывает много случаев расстрела частных граждан местными исполкомами Советов без достаточных оснований”. Юридический отдел разъяснял, в каких случаях возможно применение расстрела: “1) Расстреляны могут быть лица, совершающие вооруженный*

грабеж, разбой, если эти лица задержаны с поличным на месте преступления. 2) Лица, открыто, публично призывающие к свержению Советской власти с оружием в руках". В циркуляре подчеркивалось: "Непризнание Советской власти не есть уголовное преступление, караемое революционными законами". Но в то же время отмечалось, что если кто-то из критиков Советской власти "говорит явную ложь или же тенденциозно освещает факты с целью натравить часть населения на другую или же население на советские органы власти, то таковых необходимо предавать суду Революционного Трибунала". Не считаясь с циркуляром, Пермская окружная ЧК предупредила, что "все, кто будет вести агитацию против Советской власти и распространять ложные, нелепые слухи, будут преследоваться ЧК путем самых суровых мер и в случае поимки на месте преступления будут беспощадно расстреливаться". Если юридический отдел стремился подвести под расстрелы какую-то законодательную базу, хотя бы частично их ограничить и поставить под контроль, то "карающий меч" революции по-своему толковал принцип "революционной целесообразности» [250].

Первые эпизоды убийств в Перми и окрестностях начались еще в феврале, в Кунгуре – 6 февраля были убиты супруги Агеевы, тайно, тела утоплены в проруби. Мотив: «участие в заговоре против Советской власти». Затем, опять же в феврале, в Острожке и Дуброво были расстреляны 12 кре-

стьян. С марта по август того же года арестовывались сотни людей, сколько из них было убито – подсчитать не представляется возможным. 12 июня был убит князь Михаил Романов, затем через несколько дней епископ Андроник. В селе Тауш в том же году было расстреляно 75 крестьян, в августе 129 человек были расстреляны в Сепычевской волости и Оханском уезде. В сентябре в Усольском уезде расстреляно еще 10 человек. В октябре при отступлении Оханская ЧК расстреляла 8 человек. В декабре в результате подавления выступления рабочих Мотовилихинского завода были расстреляны еще десятки рабочих. И так продолжалось еще долгие годы, хотя после занятия Перми белогвардейцами и последующего восстановления власти большевиков репрессии стали проходить реже – людей просто стали свозить в концлагеря в Перми, Кунгуре, Оханске. Из приведенных в данном абзаце эпизодов уже выводится цифра в сотни людей – а это всего лишь 1918 г. в одном регионе, причем несколько примеров, далеко не всех.

* * *

Пожалуй, красный террор в России по своему размаху значительно опередил масштабы насилия во времена революционных потрясений во Франции в конце XVIII в. Едва ли это вызвано лишь появлением пулеметов и мощной артиллерии. Больше всего людей во время таких событий гибнет

от непредсказуемой стихии масс, голода и пули в затылок. Нужно нечто большее, что могло бы мобилизовать человеческую психику на масштабные акты насилия, чтобы граждане одного государства, бывшие соседи, знакомые, коллеги пропитались такой ненавистью друг к другу. Неубедительно звучит объяснение о «доведенном до ручки» народе – главными действующими лицами в осуществлении террора были солдаты, матросы и чекисты (многие – выходцы из интеллигенции), в сущности, за годы войны сильно деклассированные, потерявшие прежнюю связь со своим социальным слоем (чаще всего с крестьянством). Крестьяне и рабочие часто оказывались жертвами террора, но особенно не везло офицерству, священству, обеспеченным городским слоям. Повторю мысль, высказанную еще в начале этой главы: нужна была абсолютная уверенность в собственной правоте, которая придавалась теми положениями, что содержала в себе социалистическая революционная идеология большевиков, являющаяся в свою очередь наиболее яркой разновидностью «научного социализма». И конечно же, не стоит думать, что большинство участников террора были какими-то патологическими извергами – до войны они наверняка вели вполне обычную жизнь. Оправдывать террор в отношении сограждан им помогала вера в то, что они делают благое дело, что те, кого они убивают, являются врагами «добра».

Что касается суммарных цифр жертв красного террора, то здесь невозможно дать даже приблизительных чисел. Есть

некий предел, через который они не могли перешагнуть и мы обозначили его в начале главы, – это 2 млн человек при условии, что мы считаем здесь не только непосредственно убитых в ходе стихийного террора и работы ЧК, но и тех, кто был расстрелян как заложник по одному из военных приказов, погиб в ходе подавления антибольшевистских восстаний и т. д. Историк С. В. Волков писал, что *«в зарубежной печати получили широкое хождение такие, например, данные, характеризующие общие итоги террора: 28 епископов, 1219 священников, 6 тыс. профессоров и учителей, 9 тыс. врачей, 54 тыс. офицеров, 260 тыс. солдат, 70 тыс. полицейских, 12950 помещиков, 355250 интеллигентов, 193290 рабочих и 815 тыс. крестьян (т. е. всего около 1777 тыс. чел.)»* [60]. Интересно, что к такой же цифре пришла комиссия, организованная Деникиным. Разумеется, расследование непосредственного участника войны с большевиками не может быть объективным, тем не менее комиссия работала в годы красного террора и состояла, по сути, из очевидцев. На мой взгляд, минимальный предел не может быть меньше 200000 человек, если учитывать только убийства заложников и организованную деятельность ЧК. Если прибавить к этому многочисленные акты стихийного террора по всей России, то речь идет о куда больших числах. Но документированием во время стихийного насилия никто не занимался, и мы здесь можем лишь составить общую картину, полагаясь на воспоминания и свидетельства очевидцев и современни-

ков.

Не желая быть неправильно понятым, хочу добавить еще кое-что. Красный террор был беспощаден абсолютно ко всем слоям населения. Избежать его не мог никто. Даже красноармейцы могли быть расстреляны просто потому, что такие, как Атарбемян и Троцкий, практиковали в армии децимацию. В других случаях красноармейцы просто не хотели убивать восставших крестьян либо переходили на их сторону, и тогда их тоже могла ждать незавидная участь. В этом плане не стоит демонизировать абсолютно всех военнослужащих Красной армии и флота, поскольку основная масса преступлений совершалась либо стихийно, либо была организованной работой чекистов и отдельных командиров. Такие как Тухачевский, Дзержинский и Троцкий, несомненно, виновны в жестоких репрессиях в отношении горожан, крестьян и рабочих. Отсутствие четких критериев у красного террора, в свою очередь, вызывало дополнительный эффект страха, что было только на руку укреплявшим свою власть большевикам. Ведь в машину этого террора попадали все.

Нэп и его провал

Основные битвы гражданской войны в России завершились к концу 1921 г. Большевики смогли уничтожить белые армии на европейской территории бывшей Российской империи и подавить крупнейшие крестьянские восстания. Война с Польшей 1920 г. была проиграна. Три Балтийские страны, Финляндию и Польшу белым удалось отстоять от социалистов, но это были национальные силы, которые начинали строительство национальных государств, а не сторонники единой-неделимой России. Боевые действия продолжались только в Сибири и на Дальнем Востоке, где белые смогли на некоторое время взять власть над Приморьем. Летом 1922 г. они потеряли Якутск, а осенью, в результате Приморской операции, большевики овладели Владивостоком и Хабаровском. К началу 1923 г. белые удерживали лишь небольшой район в Якутии, включавший Охотск, Нелькан и село Аян. Летом того же года и этот очаг русского сопротивления был подавлен. Впрочем, данные операции 1922–1923 гг. не имели особого значения, исход был ясен, и перед большевиками уже в 1921 г. встала задача встретить реальность такой, какой она является на самом деле, а не в красивых лозунгах социалистов.

Реальность была жестока. Страна в начале 1920-х гг. лежала в руинах, даже несмотря на то, что в ее ключевых про-

мышленных регионах серьезных боевых действий не велось (ведь Петербург и Москва, Тула, Нижний Новгород, центральные районы России и т. д. достались большевикам сравнительно легко в первые же месяцы после Октябрьского переворота, а в некоторых центральных городах советы и до переворота были в руках большевиков). Провозглашаемая большевиками власть рабочих на производстве, национализация всей городской промышленности и торговли не дала положительных результатов – до 95 % продукции выпускалось с браком [303, с. 30]. 60 % паровозов в 1920 г. были в неисправном состоянии (до войны этот показатель не превышал 17 %) [303, с. 107]. Свыше 700 предприятий в результате национализации было закрыто [303, с. 114]. Промышленное производство в 1920 г. составляло всего 15 % от довоенного [303, с. 345], угля в 1921 г. – 27 % от довоенного, чугуна – 4 % (!) [303, с. 388, 390]. Посевные площади – всего 22 % [303, с. 354]. Заработная плата почти целиком приходилась на натуральные выплаты, так как национальная валюта обесценивалась гиперинфляцией. Инженеры и учителя прозябали в нищете, а квалифицированные рабочие получали всего на 2 % больше, чем неквалифицированные в начале 1921 г. [120, с. 61]. Производительность труда упала до 10–15 % от уровня 1913 г., трудовая дисциплина – до 30–40 % [303, с. 26]. Весь фонд заработной платы в 1921 г. не превышал 40 % довоенного значения [303, с. 28]. Советская Россия пребывала в международной изоляции по меньшей

мере до 1924 г., все 1920-е в России была страшная безработица – даже в 1925 г. безработных было более 12 млн человек [120, с. 178].

Итак, первое в мире социалистическое государство начало с того, что довело страну до экономической и гуманитарной катастрофы. Говорить о голоде 1921–1922 гг., унесшего жизни миллионов людей, в данной главе даже не имеет смысла. Ясно, что политика «военного коммунизма», на которую возлагались такие утопические надежды, была целиком и полностью провальной. Нужно было срочно что-то делать. Реальность на какое-то время заставила большевиков отказаться от скорого построения полноценного социализма, чем и была на время спасена, а затем и восстановлена экономика страны. Социализм вынужден был перейти к Новой экономической политике.

Вот как описывал ситуацию и причины перехода к нэпу Александр Иванович Рыков, председатель СНК СССР, – позволю себе здесь пространную выдержку из его выступления на V конгрессе Коминтерна 27 июня 1924 г.: *«Главнейший смысл нэпа. Т. Ленин на IV конгрессе излагал точку зрения партии на новую экономическую политику, на причины, которые побудили нас повернуть от эпохи “военного коммунизма” к новой экономической политике, и характеризовал ее принципиальное содержание. Я для ясности напомним основные положения, которые изложил т. Ленин. Он сказал: “В 1921 г., после того как мы проделали все важнейшие*

этапы гражданской войны, и проделали с успехом, мы натолкнулись на большой – я полагаю, на самый большой – внутренний политический кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих. Это было первый и, надеюсь, последний раз в истории Советской России, когда большие массы крестьянства, не сознательно, а интуитивно, по настроению были против нас. Чем было вызвано это своеобразное и для нас, разумеется, очень неприятное положение? Причина была та, что мы в своем экономическом наступлении слишком далеко продвинулись вперед, не обеспечив себе достаточной базы...” И далее: “Непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению превышает наши наличные силы, и что если мы окажемся не в состоянии произвести отступление и ограничиться более легкими задачами, то нам угрожает гибель...” Вот в каких выражениях т. Ленин излагал и объяснял новую экономическую политику IV конгрессу Коминтерна. Незадолго до этого мы пережили восстание в Кронштадте, которое по своей политической основе явилось результатом недовольства, накопившегося среди крестьян во время эпохи “военного коммунизма”. Новая экономическая политика главнейшее острие свое, по идее т. Ленина, направляла в сторону крестьянства. Ее основным содержанием являлось предоставление крестьянам права свободного распоряжения продуктами своего труда.

Можно считать, что к V конгрессу основные принципы новой экономической политики полностью проведены в жизнь. Несколько месяцев тому назад был издан закон о едином сельскохозяйственном налоге, который целиком базируется на денежном обращении; мы исключили из отношения государства к крестьянству последние крупинки натуральных отношений и полностью и целиком строим наше отношение к крестьянству на основах свободного товарооборота. Все податные отношения государства с крестьянами к настоящему году ограничиваются податными отношениями в денежной форме» [303, с. 343]. Таким образом, новая экономическая политика заключалась в сохранении и развитии частного крестьянского и кустарного хозяйства при огосударствлении промышленности в городе, или особые отношения города и деревни, где потребительские товары город обменивал на продовольствие, производимое деревней.

В годы нэпа, начавшиеся в марте 1921 г. X съездом РКП(б) и закончившиеся примерно к концу 1927 – началу 1928 г., когда наступала эра первой пятилетки, вся крупная промышленность, банковская система и оптовая торговля были национализированы. Частникам оставались только розничная торговля, мелкое и среднее производство, промысел и крестьянские хозяйства различного размера. Лишь 4 % промпроизводства приходилось на частные и концессионные хозяйства к 1926 г. [303, с. 351]. Особняком стояла кооперация крестьян, на которую возлагались большие на-

дежды (иногда ее ошибочно называют колхозами, но, в отличие от последних, такая кооперация была действительно добровольной). Именно на постепенное развитие кооперативного хозяйства уповали большевики, в частности Н. И. Бухарин, в расчете на то, что таким образом будет постепенно отмирать частная «мелкобуржуазная» деятельность – в ходе конкуренции между частниками и кооперациями, в которой социалистическое государство будет всячески помогать последнему. В эффективности кооперации даже не сомневались, поскольку социализм предполагает веру в то, что социалистические и кооперативные хозяйства априори эффективнее «буржуазных»/частных. Деятельность частников допускалась как временно полезная для советского строя – налоги с них шли якобы на укрепление социализма в стране, а розничная частная торговля помогала государственной промышленности развиваться. Последнее верно в силу того, что розничные торговцы продавали то, что закупали оптом у государства. Отношения частников с их наемными работниками тщательно регламентировались советским трудовым кодексом, включавшим в себя определенные социальные гарантии и 8-часовой рабочий день. Разумеется, не стоило и надеяться, что права частных хозяйств были хорошо защищены государством – во всех спорных случаях они оставались дискриминируемой стороной. Большевики всего лишь использовали крестьянство, кустарей и торговцев в целях укрепления своего положения, так как план строитель-

ства социализма с ходу оказался невыполнимым. При этом все годы нэпа дискуссии вокруг курса партии не умолкали, вплоть до обвинения сторонников нэпа в реставрации капитализма и работе на буржуазию.

Есть вероятность, что принятие нэпа было совершено благодаря большому авторитету Владимира Ленина. Абсолютное большинство большевиков были против нэпа, как возврата к капитализму, отката к нему, отказа от социализма. В этот короткий период были две основные фракции, сгруппировавшиеся вокруг своего отношения к нэпу. Первые – это сторонники форсированной индустриализации за счет деревни, полной ликвидации частников, масштабной коллективизации крестьянских хозяйств. К ним относились, например, Георгий Пятаков, Лев Троцкий, Евгений Преображенский, Валериан Куйбышев, а впоследствии и Иосиф Сталин, который с 1928 г. начнет реализацию именно такого подхода. Теоретическим основанием их доктрины служила теория первоначального социалистического накопления Е. Преображенского. Вторые – это сторонники нэпа «всерьез и надолго» (как говорил Ленин). К ним относились Николай Бухарин, Александр Рыков, Михаил Томский, Феликс Дзержинский, Михаил Владимиров и др. Суть их позиции сводилась к проведению такой политики, которая предполагала сочетание интересов общественного и частного к государственной крупной промышленности и оптовой торговле и частных крестьянских хозяйств, розницы, промысла, мелких и

средних предприятий. Бухарин внес в теорию нэпа, пожалуй, наибольший вклад, в том числе своей критикой Преображенского. Бухаринская концепция предполагала «эволюционный путь» развития социализма и конкуренцию кооперативов с мелкобуржуазным хозяйством, о чем уже сказано выше. Подразумевалось длительное сосуществование государства и рынка, в котором они бы конкурировали между собой и первое, пользуясь своими якобы преимуществами (а в действительности монополией на насилие и закон, а также регулирование частного сектора экономики), постепенно вытеснило бы второе более дешевыми и качественными товарами (что звучало утопично, учитывая, что качество и дешевизна товаров обеспечиваются благодаря рыночной конкуренции между агентами, не имеющими монополии на насилие и закон). Еще один ключевой момент – это отношения города и деревни. В отличие от фракции радикальных большевиков «умеренные» экспроприаторы считали, что эти отношения должны строиться на основе взаимной выгоды, обмена сельхозпродукцией на промышленную и наоборот, с постепенным накоплением сбережений у крестьянских масс, которые те откладывали бы в советские кредитные учреждения. Затем эти сбережения государство могло бы инвестировать в дальнейший рост промышленности. На этих же основаниях Бухарин выступал против форсированной индустриализации и коллективизации и за продолжение политики нэпа после 1927 г.

Как нетрудно понять, период нэпа ни в коей мере не был «капиталистическим» – если под капитализмом понимать свободный рынок, рыночное ценообразование, конкуренцию, репутацию производителей и т. д. Тем паче не было капитализма в СССР 1920-х, если понимать под ним наличие крупного капиталиста, буржуазии, анархии производства (якобы присущей капитализму как его противоречие) и т. д. Государство называлось «пролетарской диктатурой» – это означало, что т. н. «капиталисты» были полностью отделены от всех рычагов управления страной и экономикой. Пролетариат – т. е. фабричные и заводские рабочие, были де-факто привилегированным классом, единственным классом, допущенным к управлению страной. Крестьяне, даже бедняки, таковыми не являлись – они были ведомы «передовым пролетариатом», его авангардом (наиболее прогрессивной частью внутри самого пролетариата). Таким образом, советское государство не представляло интересы большинства населения даже формально, оно представляло интересы растущего пролетариата, который вступил в союз с частью крестьянства. Но это не равнозначный союз – предполагался постепенный переход крестьян в ряды пролетариата (особенно батраков, которые не были полноценными крестьянами, но были наемными рабочими непролетарского происхождения). По мере роста численности пролетариата росла и численность населения, интересы которого представляла (по крайней мере теоретически) советская власть.

Нэп определенно дал свои плоды. Уже к 1924 г. площадь посевных площадей составила 85–90 % от уровня 1913 г. К тому же году промышленное производство восстановилось до 45 % от довоенного уровня. Выработка нефти выросла до 65 %, угля – до 53 %, чугуна – до 16 %, мартена – до 30–33 %. Натуральные выплаты постепенно уходили в прошлое. Если в октябре-ноябре 1922 г. их доля составляла 50 %, то к осени 1923 г. – уже всего 9 % [120, с. 70]. Это стало возможным благодаря денежной реформе 1922–1924 гг., согласно которой обеспеченный червонец постепенно вытеснял совзнак. Была введена в обращение твердая валюта, приравненная к 10-рублевой золотой монете царской чеканки. К осени 1923 г. червонец занимал 74 % в денежной массе, к 1924 г. эмиссия совзнаков совершенно прекратилась. Реформой руководил бывший кадет и царский чиновник Николай Николаевич Кутлер. Николай Вольский, работник ВСНХ, так вспоминал о нем: *«...дирижировать установлением стабильной монеты был приглашен буржуа, бывший член конституционно-демократической партии Н. Н. Кутлер, и, следуя его советам, была по всем правилам “буржуазной” финансовой науки создана “крепкая” монета-червонец, покрытая на 25 % золотом и иностранной устойчивой валютой, а на остальные 75 % краткосрочными векселями, краткосрочными обязательствами и легко реализуемыми товарами»* [46, с. 47]. Прекратилась уравниловка по зарплатам: уже в 1922 г. квалифицированные работники ста-

ли получать в среднем на 250 % больше, чем неквалифицированные. К 1924 г. были снижены цены на промышленные товары, которые намеренно повысил в 1923 г. Георгий Пятаков, на тот момент зампреда ВСНХ, что вызвало кризис сбыта, или т. н. «ножницы цен», в результате которого деревня оказалась просто не в состоянии приобрести промышленную продукцию. Благодаря работе Дзержинского на посту председателя ВСНХ¹² «в течение 1924 г например, в хлопчатобумажной промышленности произведены четыре снижения оптовых цен, в общем, на 47 процентов; в грубошерстяной промышленности – три снижения на 34 процента; в тонкосуконной – три снижения на 56 процентов; камвольной – три снижения на 44 процента; в льняной промышленности – четыре снижения на 50 процентов» [46, с. 175]. В конце концов, примерно в 1928 г. уровень жизни рабочих уже немного превысил уровень 1913 г., а в деревне сформировался достаточно обеспеченный слой крестьянских хозяйств. Все это стало возможным благодаря отказу от политики «военного коммунизма», сохранению частного товарного производства и широкому привлечению беспартийных спецов, вроде Николая Кутлера.

Разумеется, 1920-е гг. не были временем, когда страна отдыхала от репрессий и социалистических экспериментов над обществом. Репрессии проводились, хотя и в меньшем мас-

---

¹² Из-за довольно либеральной экономической политики Дзержинского на посту ВСНХ его даже называли «правым коммунистом».

штабе, чем в эпоху Гражданской войны и в 1930-х гг. Сидели в тюрьмах представители Римско-католической церкви и многие православные священнослужители. С 1921 по 1928 г. было расстреляно более 21000 человек [224, с. 43]. Существовала и росла в численности каста «лишенцев» – «классово враждебных» выходцев из священства, офицерства, торговцев, крестьян, мещан и т. д. Им запрещалось голосовать и выставлять свои кандидатуры, получать высшее образование (а фактически – не далее начального), свидетельствовать на суде, проживать в крупнейших городах и т. д. Они платили более высокие налоги, а их сыновья не могли попасть в армию – только в «тыловое ополчение», где они использовались как рабочая сила на стройках. Численность «лишенцев» быстро росла: с 1,4 млн в 1925 г. до 3 млн 716 тыс. в 1928 г.¹³ [306]. Проводились социалистические преобразования в сфере брака. В 1920 г. впервые в мире были легализованы аборты. Большевики также предельно упростили процедуру разводов, в соответствии с которой было достаточно заявления от одного из супругов – прежде, в Российской империи, разводы хоть и практиковались, но редко, а сам процесс был весьма затруднительным. То есть здесь большевики действовали как последовательные социалисты.

В экономическом отношении большевики все это время не оставляли попыток развивать в деревне кооперативное

---

¹³ К 1934 г. доля «лишенцев» во взрослом населении всего СССР составляла 2,1 % в городе и 2,6 % в сельской местности.

хозяйство, противопоставляя его частному, о чем неоднократно писал Н. И. Бухарин. В частности, в брошюре «О продналоге» он говорил, что «*кооперация – это важнейшее звено государственного капитализма; кооперация – это такое звено, которое в первую очередь, помогает капиталистическим элементам, кулацким элементам деревни. Но мы это звено приписываем к системе нашего государственного капитализма, и таким образом мы будем в состоянии в блоке с этими капиталистическими элементами преодолеть распыленную мелкобуржуазную стихию, которая напирает на нас*» [42, с. XIV]. Эта логика вполне укладывалась в социалистическую парадигму, ведь немногочисленные крупные хозяйства в социализме всегда предпочтительнее множества средних и мелких. Городскую промышленность большевикам легко удалось национализировать, а вот справиться с сотней миллионов крестьян, столь долго мечтавших о собственной земле, было непросто. На базе нэповской крестьянской кооперации можно было бы идти дальше – к полной коллективизации сельского хозяйства. Но для этого требовалось добровольное участие в кооперации, наглядная демонстрация ее преимуществ и много терпения. Этого у большевиков как раз не хватало. В 1925 г. Бухарин сокрушался, что «*у нас есть нэп в городе, у нас есть нэп в отношениях между городом и деревней, но у нас нет нэпа в самой деревне и нас нет нэпа в области кустарной промышленности. Здесь еще в значительной мере процветает политика адми-*

нистративного нажима вместо хозяйственной борьбы. Настроение наших товарищей, работающих в деревне, воспитывавшихся на системе военного коммунизма, таково, что они самой лучшей хозяйственной политикой считают такую политику: лавочник появился – не выстраивай против него кооператив, не вытесняй в хозяйственной борьбе, а нажми на него, наложи печать на лавку и т. д.» [42, с. XIII]. Иными словами, нэповская задумка провалилась в том числе в силу социалистических предрассудков против крестьян, торговли и т. д.

Впоследствии была распропагандирована версия, что нэп завершился по объективным причинам – из-за обострения отношений с Великобританией, надвигающейся угрозы войны, даже ее неизбежности, и из-за провала хлебозаготовок 1927 г. То есть переход к форсированной индустриализации и коллективизации был вопросом жизни и смерти, объективной необходимостью. Это не более чем повторение официальной сталинской пропаганды, которой оправдывали начало этой самой форсированной индустриализации и наступления на деревню. Эта версия не подтверждается фактами.

Во-первых, если над СССР нависла угроза скорой войны в 1927–1928 гг., непонятно, почему не было проведено существенного увеличения численности Красной армии. В отчете Наркомвоенмора IV Всесоюзному съезду Советов 1927 г. Климент Ворошилов жалуется на недостаточную численность войск, нехватку вооружения и общие недостатки

в сравнении с армиями капиталистических государств. Ворошилов указывает численность армии в 562 000 человек [63]. Большая советская энциклопедия определяет численность во всех видах вооруженных сил РККА в 586000 человек на 1927 г. В 1930 г. совокупная численность сухопутных войск, ВВС, ВМФ и частей вне норм (железнодорожники, строители) составила всего 631 000 человек. На следующий год, в 1931 г., она почти не увеличилась и составляла 639000. То есть за четыре года никакого серьезного увеличения численности войск не произошло. Это совершенно несравнимо с фантастическими темпами мобилизации в конце 1930-х – начале 1940-х гг., т. е. когда в Европе действительно началась война. Одна только сентябрьская мобилизация 1939 г. затронула 2 млн 610 тыс. человек [218].

Во-вторых, нэп в какой-то степени был обречен уже в 1925 г., так как на XIV съезде уже обсуждались вопросы планового распределения благ между городом и деревней. Хотя Бухарин и говорил в 1927 г., что речь об отмене нэпа не идет даже на XV съезде, именно так все и вышло [42, с. 277]. То, что у нэпа была очень сильная оппозиция в лице самых убежденных социалистов, – это факт. Георгий Пятаков намеренно повысил цены на промтовары в 1923 г. с целью саботировать курс нэпа в соответствии со своими убеждениями сторонника форсированной индустриализации. А в 1928 г., как передавал Николай Вольский, Валериан Куйбышев говорил: *«Нам необходима настоящая индустриализа-*

ция, как того и хочет XV съезд партии, а не карикатура на нее с плюгавенькими темпами, выдуманная в 1926 г. (Выражение “плюгавенькие темпы” принадлежит Сталину.) Позорную ублюдочную пятилетку, появившуюся под вывеской ВСНХ, нужно скорее забыть. В ней нет даже тени революционного духа. В ней потухающая кривая с заложенным в нее контрреволюционным убеждением, что мы лопнем, наши силы иссякнут и при всем нашем желании все равно далеко уйти не можем» [46, с. 213]. «Нет и тени революционного духа» – это все, что нужно знать об отношении социалиста к экономическому вопросу. Последовательное наступление фракции противников нэпа тем более стало возможным, что нэп довольно скоро потерял двух своих самых мощных защитников: Ленина (в 1924 г.) и Дзержинского (в 1926 г.).

В-третьих, провал хлебозаготовок 1927 г. обозначил и ослабление позиций сторонников продолжения нэпа, и усиление позиций радикальных (а если конкретнее – то последовательных) социалистов с их курсом на форсированную индустриализацию и коллективизацию. Разумеется, недостаточные поставки хлеба в город были вызваны вовсе не злым умыслом «мелкобуржуазных элементов» в деревне, не кознями кулаков и капиталистов, а банальным нарушением экономических законов, которые совершило социалистическое руководство. Как ни странно, свидетельство этому мы находим в «Заметках экономиста» Николая Бухарина, который перечислил основные причины провала 1927 г. (хотя он не

забыл упомянуть среди них кулаков, но это скорее дань обстоятельствам, требовавшим не слишком переусердствовать в критике партии): «Хлебозаготовительный кризис явился выражением вовсе не изобилия хлеба при голоде на промтовары. Это “объяснение” не выдерживает никакой критики. Он подготовлялся в обстановке измельчания крестьянского хозяйства стабильностью или даже падением зернового хозяйства и проявился: 1) при выросшей диспропорции цен на зерно, с одной стороны, техкультур – с другой; 2) при росте добавочных доходов от неземледельческого труда; 3) при недостаточном повышении налоговых ставок на кулацкие хозяйства; 4) при недостаточном снабжении деревни промтоварами; 5) при возросшем хозяйственном влиянии кулачества в деревне. В своем существе кризис этот связан был с неправильной политикой цен, с огромным разрывом цен на зерно и на другие продукты сельского хозяйства. В результате этого происходило перераспределение производительных сил в сторону от зернового хозяйства, их (относительное) бегство из области зерновой продукции. Само собой разумеется, что этот процесс наиболее ярко проявлялся в производящих районах. Вопиющим примером (не типичным, однако, примером) неправильного маневрирования с ценами является Северный Кавказ. Здесь валовой сбор пшеницы с десятины был: в 1925/26 году – 69,9 пуда; в 1926/27 году – 37,9 пуда; в 1927/28 году – 29,8 пуда. При этом сбор в 69,9 пуда сопровождался со стороны заготовительных ор-

ганов ценой в 1 руб. 15 коп., а при сборе в 37,9 пуда – е1 руб. 02 коп. В результате, если вычестъ семена, крестьянин выручал с десятины: в 1925/26 году – 72 руб., в 1926/27 году – 32 руб., в 1927/28 году – 24 руб. Если даже допустить, что эти данные не вполне точны, все же они с достаточной ясностью характеризуют определенную тенденцию. Конечно, это – пример исключительный, по нему нельзя судить об общем положении вещей. Но он указывает на большие прорехи не только в области нашего общего планирования (просчет с зерном в масштабе СССР), но и в области нашего порайонного маневрирования» [42, с. 351–352].

Иными словами, к недостатку снабжения города хлебом привело не намеренное сокрытие крестьянами хлеба в закромах, а регулирование цен на хлеб со стороны государства в свою пользу, последовательно снижавшее выручку крестьян от производства и продажи пшеницы. Снижение выручки от пшеницы вынуждало крестьян искать альтернативные, более прибыльные источники заработка – например, выращивание технических культур или занятие промыслами. В самом деле, если судить по примеру Северного Кавказа, то всего за два года выручка с десятины упала в три раза. Проблему усугубляло ухудшение обеспечения деревни промышленными товарами. В условиях свободного рынка происходило бы совершенно обратное – при снижении поставок хлеба в город цена на него только выросла бы, что дало бы крестьянам позитивный сигнал заниматься выращиванием

пшеницы и ее продажей более интенсивно, что в свою очередь увеличило бы предложение и снизило бы цены на хлеб, достигнув определенного «равновесия». Даже в рамках нэпа проблема могла быть решена таким нехитрым способом, как повышение закупочных цен на зерно, что улучшило бы благосостояние сельского населения и повысило бы их спрос на промтовары из города, увеличило бы их покупательную способность и сбережения для дальнейших инвестиций в промышленность. Но, увы, такие зажиточные «мелкобуржуазные» крестьяне были слишком враждебны социалистическому строю, поэтому им предстояло пройти через очень суровые испытания.

Научный коммунизм ведет наступление на отсталую деревню

Социализм – последовательное прогрессистское учение, цель которого состоит в качественном, а не количественном, преобразовании мира. Происходящая из социализма коммунистическая идея призывает воспользоваться всеми плодами и достижениями капитализма (которые признаются), урбанизации и массового производства; выжать из них максимально возможное с целью построить то, о чем неуклюже писали утописты прошлого. Коммунизм – это в какой-то степени идея из мира города. Вспомним образы утопий – это городские общества, можно даже сказать, общества сплошной урбанизации, где село играет подчиненную роль. Так что неудивительно, если большевики, как последовательные «научные социалисты», собирались создать в СССР общество прежде всего высокоурбанизированное, общество со сверхразвитой промышленностью, где село было бы подчинено этим целям. Как выходцы из города, коммунисты презирали крестьянство, считая его препятствием на пути к прогрессу; отсталым консервативным классом, имеющим мелкобуржуазные замашки. То, что они пошли крестьянству на уступки в годы нэпа – довольно понятно. Иначе было нельзя. Однако требовалось в любом случае постепенно повышать долю сельского пролетариата в деревне, разви-

вая кооперативные хозяйства. В годы нэпа это подразумевалось достигнуть, как писал и говорил Бухарин, демонстрацией преимуществ кооператива над частными хозяйствами, конкуренцией этих форм ведения хозяйства и форм собственности и методом фискального давления на крестьян среднего и особенно крупного достатка.

Конъюнктурное и снисходительное отношение большевиков к крестьянам можно проследить по высказываниям Владимира Ленина. В 1905 г., когда по всей стране бушевали беспорядки, в работе «Пролетариат и крестьянство» он пишет, что социал-демократы (тогда большевики называли себя так) должны *«неуклонно стоять на своей классовой пролетарской точке зрения, организуя сельский пролетариат, подобно городскому и вместе с ним, в самостоятельную классовую партию, разъясняя ему враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазного крестьянства, призывая его к борьбе за социалистическую революцию, указывая ему, что избавление от гнета и нищеты лежит не в превращении нескольких слоев крестьянства в мелких буржуа, а в замене всего буржуазного строя социалистическим... Решение этой задачи может быть только одно: вместе с крестьянской буржуазией против всякого крепостничества и против крепостников-помещиков, вместе с городским пролетариатом против крестьянской и всякой другой буржуазии, такова "линия" сельского пролетария и его идеолога социал-демократа. Другими слова-*

ми: поддерживать и подталкивать крестьянство вплоть до всяких отнятий какой угодно “священной” барской “собственности”, поскольку это крестьянство выступает революционно-демократическим. Относиться недоверчиво к крестьянству, организовать отдельно от него, быть готовым к борьбе с ним, поскольку это крестьянство выступает реакционным или пролетарским. Еще иначе: содействие крестьянину, когда борьба его с помещиком приносит пользу развитию и укреплению демократии; нейтралитет по отношению к крестьянину, когда борьба его с помещиком является исключительно сведением безразличных для пролетариата и для демократии счетов между двумя фракциями землевладельческого класса» [172, с. 341]. Совершенно отчетливо видно в этих словах, что социализм «пролетарицентричен». Крестьянам можно помогать, когда это способствует достижению целей пролетариев. И желательнее всего – поддерживать наиболее бедные слои крестьянства. Именно их легче всего перевоспитать в сельский пролетариат, идеологом (своеобразным патроном) которого служит социал-демократ, руководящий из города. В последнем предложении вообще вся суть отношения Ленина и социалистов к крестьянам – это всего-навсего одна из двух фракций землевладельцев.

В «Государстве и революции», небольшой работе, написанной в 1917 г., Ленин продолжает эту мысль, называя крестьян мелкой буржуазией и снова повторяя, что организовать

необходимые перемены может только пролетарий, и только под чутким пролетарским руководством крестьянство может изменить свое положение: *«Из крестьянства, как и из других слоев мелкой буржуазии, лишь ничтожное меньшинство “поднимается вверх”, “выходит в люди” в буржуазном смысле, т. е. превращается либо в зажиточных людей, в буржуа, либо в обеспеченных и привилегированных чиновников. Громадное большинство крестьянства во всякой капиталистической стране, где только есть крестьянство (а таких капиталистических стран большинство), угнетено правительством и жаждет свержения его, жаждет “дешевого” правительства. Осуществить это может только пролетариат и, осуществляя это, он делает вместе с тем шаг к социалистическому переустройству государства»* [176, с. 44]. Отсюда становится понятно, что крестьянство – ненадежный «друг» советской власти. В 1918 г. в речи перед Московским советом рабочих Ленин скажет, что *«мы имеем одного чрезвычайно опасного тайного врага, который опаснее многих открытых контрреволюционеров; этот враг – смертельный враг социалистической революции и Советской власти... – враг, каким является стихия мелкого собственника. Нет сомнения, что мы подошли к преодолению наиболее трудных препятствий на пути развития социалистической революции. Перед нами в первую очередь предстоит задача – осуществление в полной мере диктатуры пролетариата во всех областях: в организации трудовой дисциплины, в производ-*

стве, в распределении продуктов производства. Враг, о котором я говорил, это стихия мелкого собственника, живущего одной мыслью: «урвал что можно, а там – хоть трава не расти», – этот враг сильнее всех Корниловых, Дутовых и Калединых, взятых вместе. Эти мелкие кулаки, мелкие хозяйчики, собственники, говорят: «нас все время угнетали, нас давили все время – ну, как же нам не воспользоваться ныне столь удобным моментом». Это явление является серьезным препятствием, без преодоления которого победить немисливо, ибо из каждого мелкого хозяйчика, из каждого алчного хапателя растет новый Корнилов» [179, с. 235].

Разумеется, речь здесь идет о крестьянах, которые смогли «урвать» земли в результате «черного передела». Эта речь – предвестник сталинской политики после нэпа. Инстинктивное, ничем не переубеждаемое недоверие к крестьянам – очень характерная черта у убежденных большевиков. Ленин не верил, что у крестьян не осталось хлеба, когда писал в 1919 г., что «все сознательные, разумные крестьяне, все, кроме мошенников и спекулянтов, согласятся, что надо отдать в ссуду рабочему государству все излишки хлеба полностью, ибо тогда государство восстановит промышленность и даст продукты промышленности крестьянам» [182, с. 154]. Довольно нелепо звучит фраза про «излишки хлеба» у людей, которые едва, согласно пропаганде социалистов, сводили концы с концами при царизме, а теперь загнаны в нищету Гражданской войной. И точно так же эти несущ-

ществующие излишки хлеба будут сниться большевикам в годы коллективизации, особенно в годы голода, о которых мы поговорим далее.

Наконец, в том же 1919 г., когда большевики очень нуждались в укреплении своих политических позиций, а ситуация с продовольствием и промышленностью становилась все хуже, Ленин заявил:

«И вот со средним крестьянином Советская власть твердо решила во что бы то ни стало установить отношения полного мира и согласия. Понятно, что средний крестьянин не может сразу стать на сторону социализма, потому что он твердо стоит на том, к чему привык, осторожно относится ко всяким новшествам, проверяет сначала делом, практикой то, к чему его зовут, не решается изменить свою жизнь, пока не убедится в том, что это изменение необходимо. Именно поэтому мы должны знать и помнить и проводить в жизнь, что рабочие-коммунисты, появляющиеся в деревне, обязаны искать товарищеских отношений со средним крестьянином, обязаны устанавливать товарищеское отношение с ним, обязаны помнить, что трудящийся, который не эксплуатирует чужого труда, есть товарищ рабочего и с ним можно и должно достигнуть добровольного, полного искренности, полного доверия союза. На всяческие меры, которые предлагает коммунистическая власть, надо смотреть таким образом, что они являются лишь советом, указанием среднему крестьянину, предложением ему

перейти к новому порядку» [181, с. 236].

Таким образом, социалисты решили установить союз с «мелкими хозяйчиками», хотя до окончания продразверстки, насильственного изъятия продовольствия у крестьян, оставалось еще два года. Опять же, заметить снисходительный тон просто невозможно. Социалистическая власть лишь «советует», «предлагает». Действительно, не считая годы Гражданской войны, когда насилие к крестьянам еще можно было обосновать военной необходимостью, в мирные годы нэпа проделывать подобное, особенно учитывая недавно подавленные крестьянские восстания, было бы неблагоразумно. В 1919 г. Ленин только прощупывал почву и занимался популизмом, а в 1921 г. ввел на замену продразверстке продналог – по сути, прогрессивный налог на произведенные крестьянами продукты. В 1923 г. продналог, в свою очередь, заменили сельскохозяйственным налогом, который изымался уже в денежной форме.

Вплоть до 1927 г. государство проводило хлебозаготовки в относительно рыночных условиях – существовали как плановые, так и внеплановые заготовки зерна, поступавшего на рынок; как частные и кооперативные, так и государственные заготовительные организации. Однако ситуация постепенно менялась в сторону ужесточения правил частной деятельности. К 1925 г. государство сократило количество заготовительных организаций и более обстоятельно занялось вопросом цен на хлеб. К 1925 г. частных заготовителей на рынке

было около 43 %, а к 1927 г. – уже менее 33 %. Через год государство и кооперации занимали более 84 % рынка хлебозаготовок. Сие неудивительно, учитывая то, как советскими властями усложнялась жизнь частникам – для нормальной хлебозаготовительной деятельности требовался доступ к финансированию (кредитам), инфраструктуре (например, к железным дорогам) и т. д. Все это, в совокупности с регулированием цен на зерно в пользу государства, постепенно сводилось на нет, результатом чего стал хлебозаготовительный кризис 1927 г., о котором я уже рассказывал в предыдущей главе. Бухарин подробно, хоть и не без своих предубеждений к крестьянам, описал причины кризиса. Однако у Сталина было другое мнение. В докладе перед партактивом ленинградской организации ВКП(б) от 13 июля 1928 г. он заявлял, что причиной недостатка товарного хлеба является мелкое крестьянское хозяйство:

«Объясняется это распыленностью нашего сельского хозяйства. Если до войны мы имели около 16 миллионов крестьянских хозяйств, то теперь мы имеем их не менее 24 миллионов, причем дальнейшее дробление крестьянских дворов и крестьянских земельных участков имеет тенденцию не прекращаться. А что такое мелкое крестьянское хозяйство? Это – наименее товарное, наименее рентабельное и наиболее натуральное, потребительское хозяйство, дающее каких-нибудь 12–15 процентов товарности. Между тем города и промышленность у нас растут вовсю, строитель-

ство развивается и спрос на товарный хлеб возрастает с невероятной быстротой. Вот где основа наших затруднений на хлебном фронте». Впрочем, ссылаясь на Ленина, который в статье «О продналоге» писал: «Если крестьянское хозяйство может развиваться дальше, необходимо прочно обеспечить и дальнейший переход, а дальнейший переход неминуемо состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое, мелкое, обособленное крестьянское хозяйство, постепенно объединяясь, организовало общественное, крупное земледельческое хозяйство. Так представляли себе все это социалисты всегда. Именно так смотрит и наша коммунистическая партия» [343]. В этом же докладе Сталин, как и Ленин десять лет до него, выражает свое инстинктивное недоверие к крестьянам (а также незнание экономических законов), указывая далее в причинах кризиса «неблагоприятное соотношение цен на хлеб в сравнении с ценами на другие продукты сельского хозяйства, что ослабляло стимул к реализации хлебных излишков и чего, однако, не могла изменить партия весной этого года, не нарушая интересов маломощных слоев деревни» [343]. Разумеется, это чушь. Никаких хлебных излишков не было, потому что не было смысла выращивать столько зерна по столь невыгодной цене, в то время как больше доходов крестьянин мог получить в производстве других продуктов сельского хозяйства. То есть проблема была в ценовой политике государства, а не в злонамеренном сокрытии зерна. Бухарин смог это по-

нять, но не Сталин. И не Бухарин победил во внутрипартийной борьбе, а Сталин. И доклад, который мы процитировали выше, был только прелюдией политики коллективизации и индустриализации. Вооружившись цитатой Ленина и дополнив ее концепцией Евгения Преображенского о «первоначальном социалистическом накоплении», о которой мы еще поговорим в следующей главе, Сталин и его сторонники начали проводить наступление на деревню.

О коллективизации написано много книг, и, казалось бы, что тут можно добавить нового. Но в нашем изложении истории социализма обойти ее стороной невозможно, не нанеся ущерба последовательности, поскольку следующие две главы посвящены индустриализации, а коллективизация с индустриализацией очень тесно взаимосвязаны. Укрупнение сельского хозяйства через экспроприацию частных хозяйств и насильственное объединение крестьян в колхозы с изъятием у них инвентаря, земли, лошадей и скота было настоящей трагедией. Хотя совместная обработка земли и использование общего инвентаря практиковались еще в годы нэпа (т. н. ТОЗ – товарищества по обработке земли), в годы «сплошной» коллективизации, т. е. в период с 1928 по 1937 г., советское государство перешло от косвенной поддержки добровольной коллективной деятельности к насаждению такого типа хозяйства силой, сопровождающейся ликвидацией землевладельцев и кустарей.

Советолог Шейла Фицпатрик в своей работе «Сталинские крестьяне» пишет, что «и в первые месяцы 1928 г., и в 1929 г. применялись “чрезвычайные меры” по проведению хлебозаготовок. Заготовительные отряды и местные власти закрывали рынки, ставили посты на дорогах, чтобы не дать крестьянам сбывать зерно частным перекупщикам, обыскивали амбары, арестовывали кулаков, мельников и других “укрывателей”, конфисковывали зерно, а также лошадей, молотилки и другое имущество. Невыполнение плана хлебозаготовок рассматривалось как политическое преступление. Государственные уполномоченные произносили перед крестьянами речи, угрожали им и доходили даже до рукоприкладства. Как и в 1918 г., бедняки вознаграждались за донесения о зажиточных односельчанах, прячущих зерно. Иногда крестьянское хозяйство экспроприировалось полностью. Писатель М. А. Шолохов рассказывал об одном казаке из его родных мест на Кубани, у которого в 1929 г. отобрали все имущество вплоть до одежды всей семьи и самовара за то, что он не смог уплатить изрядный дополнительный налог зерном и наличными, произвольно навязанный ему после того, как он уже уплатил обычный сельхозналог и сдал 155 пудов зерна в заготконтору. По словам Шолохова, ни этот казак, ни другие крестьяне даже не могли пожаловаться на несправедливое обложение, потому что районные власти запретили почтовому отделению принимать телеграммы с жалобами и отказывали в проездных документах тем, кто

собирался отвезти их в Москву лично. Отовсюду сыпались сообщения о том, что не только кулаки, но и середняки, и даже бедняки подвергаются аресту и конфискации имущества. Но эти отдельные репрессивные меры были лишь частью картины. В 1929 г. была введена контрактная система, обязывавшая все село (строго говоря, сельское общество или мир) сдавать определенное количество зерна государству. Если село не выполняло своих обязательств, его наказывали. Например, на Средней Волге в 1929 г. заготовительные отряды «блокировали» провинившиеся села, проводили повальные обыски и держали «укрывателей» по нескольку дней под арестом в неотопливаемом амбаре. Вокруг села устраивались демонстрации с черными флагами и лозунгами типа: «Смерть такому-то селу», «Бойкот селу», «Въезд и выезд запрещаются»» [381, с. 50–51].

В 1929 г. руководство страны в лице ее вождя Иосифа Сталина объявило этот процесс «великим переломом», борьбой с отсталым индивидуальным хозяйством и классовыми врагами в деревне: «Речь идет о коренном переломе в развитии нашего земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию, к совместной обработке земли, к машинно-тракторным станциям, к артелям, колхозам, опирающимся на новую технику, наконец, к гигантам-совхозам, вооруженным сотнями тракторов и комбайнов... Достижение партии состоит в том, что нам удалось организо-

вать этот коренной перелом в недрах самого крестьянства и повести за собой широкие массы бедноты и середняков, несмотря на невероятные трудности, несмотря на отчаянное противодействие всех и всяких темных сил, от кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов» [340].

По всей видимости, крестьяне не поняли, какая благодать свалилась на них от коммунистов. Исследователь советских репрессий и деятельности органов госбезопасности Олег Мозохин пишет, что только в 1929 г. органами ОГПУ было зарегистрировано 1300 массовых антисоветских выступлений. В следующем году было зафиксировано 13754 массовых выступления крестьян [224, с. 21]. Мозохин называет это не иначе как гражданской войной, и если это так, то советская власть ответила на несогласие с ее курсом не менее жестоко, чем в годы красного террора. Учитывая, что в общей сложности в восстаниях приняло участие более 3 млн человек, не стоит удивляться, какие масштабы приняли репрессии, выразившиеся прежде всего в выселении несогласных (которых называли «кулаками», но в действительности речь шла просто о противниках насильственной коллективизации, имевших все моральные основания считать ее недопустимой) на спецпоселения, разлучении с семьей и, в крайнем случае, расстреле. Последние применялись не редко – только в 1930 г. было расстреляно более 20000 человек – т. е. столько же, сколько за все годы нэпа. Но это капля в

море на фоне числа сосланных и умерших в ссылке «кулаков». Как пишут Роберт Дэвис и Стивен Уиткрофт в книге «Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933»: «В 1931 г. решения об арестах или ссылке кулаков принимались в обстановке полной секретности, и о них никогда не упоминали газеты. Зачастую ярлык “кулака” получал любой, кто возражал против условий колхозной жизни, даже если он не имел ни экономических признаков кулака, ни контрреволюционного прошлого» [374, с. 56]. «Многие крестьяне, очевидно, смотрели на раскулачивание как на часть общего наступления на село. “Арестами и высылкой кулаков коммунисты стараются запугать остальных, чтобы никто не мешал строить колхозы и чтобы все крестьяне шли в колхозы”. Часто можно было слышать мнение, что, как только разделаются с кулаками, наступит очередь середняков или всей крестьянской общины» [381, с. 72].

Только за 1930–1931 гг. в «антикулацкую» ссылку отправили более 1,8 млн человек [374, с. 61]. По данным В. Н. Земскова, с 1932 по 1940 г. в «кулацкую ссылку» прибыло еще 2 млн 176 тыс. человек, из которых 230000 родились в ссылке и 235000 были возвращены из бегов [115]. За вычетом возвращенных из бегов ссыльных, в «кулацкой ссылке» за эти десять лет оказалось 3 млн 741 тыс. человек. С 1930 по 1940 г. около 680 000 ссыльных умерло. Причем большая часть умерших приходится на первые два года «антикулацкой кампании» 1930–1931 гг. Если за 1932–1940 гг. умерло

в ссылке 389500, то на первые два года разница между отправленными в ссылку в 1930 г. и числящимися на спецпоселениях к 1932 г. составляет около 490000 человек. Разумеется, не все эти люди погибли. Многие бежали. Но едва ли многие из них были освобождены как «неправильно высланные», так как таких и за последующие восемь лет было ничтожно мало – всего 33000. Можно представить соотношение умерших, бежавших и освобожденных, скажем, на примере Нарымского округа, где смертность была наиболее высокой. 44 % там умерли, 36 % бежали и 20 % вернулись домой [374, с. 63]. Если допустить, что в других округах умерло под 40 %, то получим приблизительную цифру в -290000 человек. Это те, кто погиб в первые два года кампании, когда смертность была наиболее высокой из-за плохой организации спецпоселений.

Чем можно было объяснить такую невероятно высокую смертность? Несмотря на то, что спецпоселенцы получали зарплату (что само по себе неудивительно) и бывшие «кулаки» в период с 1932 по 1937 г. даже постепенно восстанавливались в правах, а их дети получали образование, смертность от болезней, холода и голода в спецпоселениях (или в трудпоселках) была очень высокой. Особенно косила она детей. На этот счет мы имеем достаточно советских документов, которые дадут нам ответ на данный вопрос.

В докладе Генриха Ягоды от 4 января 1932 г. мы читаем, как в спецпоселениях строятся больницы, школы, жи-

лье, ясли, бани; как проводится «воспитательная работа»; как ссыльные освобождены от налогов. Это все замечательно, но не представляет ничего особенного – среди ссыльных было очень много детей и женщин, примерно в одинаковых пропорциях с мужчинами (т. е. сотни тысяч). Ссыльные использовались как рабочая сила – спецпоселения не были «лагерями уничтожения». Им создавали социальную инфраструктуру для поддержания их жизнедеятельности, но это не отменяет тяжести их положения, в которое они не попали бы по собственной воле, сохранись их прежний уклад жизни, разрушенный социалистами. Кроме того, возвращаясь к вопросу о причинах высокой смертности, отметим, что в том же докладе сообщается о том, что поселенцев смерть косила беспощадно, вот несколько примеров оттуда [411].

По Уралу: *«Чрезвычайно высока смертность детей при высокой смертности взрослых. Смертность имеет тенденцию к росту»*. И далее приводятся цифры за сентябрь-октябрь, всего 2774 человека, из них почти все – дети.

По Западно-Сибирскому краю шокирующие цифры: *«В северных комендатурах с начала вселения умерло около 15000, из них около 80 % детей. В южных комендатурах также высокая смертность: в Анжерке из 12000 чел. умерло за последние 2 месяца 815 человек»*.

По Восточно-Сибирскому краю: *«В некоторых районах (например в Енисейске) большую смертность детей дала эпидемия кори (25–30 %). Имеются очаги сыпного и брюш-*

ного тифа в районах Енисейска, Черемхова, Тай<ш>ета, Сретенски, Ирбее и Букачаче».

По Дальневосточному краю: «Эпидемическое состояние в поселках тяжелое, ввиду крайней скученности и грязи в бараках. Сыпной и брюшной тиф имеет место на Оборе, в Бушуйке, Могоче. Умерло 1883 чел. по 1. XI».

По Казахстану: «В результате бытовой неблагоустроенности и недостаточности питания и топлива заболеваемость и смертность среди с/переселенцев очень высоки. Со времени вселения, т. е. за 5 месяцев умерло 11894 человек... Большое распространение имели тифозные заболевания (753 случая) и оспа в районе Караталстроя (61 случ<ай>). За два месяца умерло 5 % всего количества спецпереселенцев. Развернутая сеть медучреждений... является недостаточным».

По Нижегородскому краю: «Детская смертность доходит до 42 % от общей смертности».

По Средней Азии: «Из 182 смертных случаев – 118 приходится на детей».

По Украине: «Среди спецпереселенцев распространены глазные болезни, венерические; было несколько случаев брюшного тифа. Дизентерия вызывает большую детскую смертность».

Как мы видим, ситуация со смертностью в спецпоселениях была ужасающей, к приему сотен тысяч ссыльных ОГПУ было совершенно не готово, следствием этого стали мучи-

тельные смерти сотен тысяч крестьянских детей. Уиткрофт и Дэвис пишут: «Поспешная ссылка сотен тысяч людей, в том числе детей, в отдаленные районы СССР, практически лишенные какой-либо инфраструктуры, привела к ужасающим последствиям. В июне и июле отчеты, направляемые в центр, содержали многочисленные жалобы на плохие условия в поселениях. Самую серьезную проблему представляла нехватка продовольствия. Даже официально членам кулацких семей полагалось по 300 г муки и 30 г крупы в день – рацион голодающего. Но и официального пайка им часто не доставалось. В докладной, направленной Молотову 13 июля, говорится: "...смеет поступают сообщения (Урал, Казахстан), что для питания прибывающих спецпереселенцев фондов на местах не имеется". На Урале голод порой приводил к самоубийствам среди спецпереселенцев. Автор доклада из Восточной Сибири жалуется, что "подавляющее большинство" кулаков, высланных без семей, сбежали, так же как и женщины с детьми, чьи мужья были отправлены в другие районы СССР. Он пишет о "тяжелых бытовых и продовольственных условиях", обвиняя в них "хозорганизации, использующие спецпереселенцев". Эти условия вызвали рост эпидемических заболеваний и детской смертности, которые нигде не регистрируются. Бараки переполнены, грязны и кишат вшами. Доклады из Казахстана сообщали о многочисленных случаях брюшного и сыпного тифа. В процессе переселения многие дети потеряли родителей и оказа-

лись “беспризорными” (слово, вошедшее в широкое употребление после Гражданской войны); их направляли в детдома, если там находились свободные места. На Урале только 26 из 4511 детей школьного возраста посещали школу. Дальнейшие справки ОГПУ, подготовленные в сентябре 1931 г., рисуют такую же мрачную картину» [374, с. 56–57].

К огромному сожалению, эта мрачная картина была только прелюдией к закономерному результату, масштабы трагичности которого невозможно переоценить. Речь идет, конечно же, о голоде 1931–1933 гг. Точная цифра погибших от голода нам неизвестна, но разброс в любом случае ошеломляющий: от нижнего предела в 4,6 млн до 5,7 млн у Дэвиса и Уиткрофта [374, с. 421] и 7 млн в заявлении Государственной Думы РФ от 2 апреля 2008 г. [376].

Современные апологеты социализма пытаются снизить число жертв голода и снять ответственность с советского руководства, объясняя всё неурожаем в результате плохой погоды и даже поведением самих крестьян. Но объективное исследование вопроса позволяет с уверенностью сказать, что непогода не могла стать причиной голода такого масштаба. Продовольственный кризис в городах ощущался уже с 1928 г., когда было введено нормирование основных продуктов питания и более 30 млн человек получали продукты по карточкам. То есть беспорядок в системе обеспечения населения едой начался на несколько лет раньше голода. Дальнейшее развитие событий зависело от варианта решения про-

блемы, который выберет социалистический режим. Доведение миллионов людей до голодной смерти можно было избежать, если бы, по предложению более либеральных большевиков вроде Бухарина, сельское хозяйство продолжало работать по нэповскому механизму и государство хотя бы увеличило закупочные цены на зерно (что, собственно, и будет с запозданием сделано к 1935 г.). К сожалению, Сталин и его окружение пошли по наиболее бескомпромиссному, социалистическому, пути – созданию крупных хозяйств из множества крестьянских, с экспроприацией у крестьян земли, орудий труда и скота.

Голод начался в Казахстане. Уверенные в прогрессивности своих идей, ради которых возможны любые методы, большевики попытались провести кампанию по переводу традиционно кочевого казахского народа на оседлый образ жизни с последующим их вхождением в колхозы. Поскольку кочевники исторически жили за счет животноводства, отъем у них скота в пользу колхозов привел к катастрофе. К тому же темпы коллективизации в Казахстане были выше, чем в среднем по стране, в результате уже к середине 1932 г. доля колхозов достигла 72 %. Наиболее богатые байские хозяйства подвергались беспощадному «раскулачиванию» – это означает, что самые эффективные хозяйства уничтожались, а компенсации в виде более эффективных колхозов еще не было. Уход за лошадьми, коровами, овцами и т. д. в колхозах был несравнимо хуже, чем у кочевников, что отражалось на

весе животных и на соотношении веса туши к живому весу. Это, кстати, было верно для всех колхозов страны. Например, средний вес свиней, забиваемых для государственных заготовок, снизился со 111 кг в 1927 г. до 55 кг в 1932 г. [374, с. 335]. Ухудшение снабжения хлебом из хлебопроизводящих русских регионов (в силу ухудшения положения последних) привело к росту потребления скотоводами мяса, что еще более усугубило ситуацию с поголовьем скота. Все это сопровождалось бескомпромиссными требованиями центра выполнять планы по скотозаготовкам. Результатом стало сокращение поголовья коз и овец на 89 %, лошадей на 87 %, крупного рогатого скота на 77 %, верблюдов на 93 % [374, с. 329]. Голодные смерти начали фиксировать не позднее декабря 1931 г. С 1930 по 1933 г. численность сельского населения Казахстана сократилась с 5,87 млн до 2,49 млн человек [374, с. 415]. Не все это сокращение приходится на гибель людей от голода – многие кочевники нашли свое спасение в Китае. Сталин, как всегда, свалил всю вину на мифические «кулацкие элементы».

Масштабный голод начал охватывать остальные регионы СССР примерно с весны 1932 г. Украину – весной; несколькими месяцами позже – Северный Кавказ, Поволжье, Урал (в том числе Башкирию), Центрально-Черноземную область. На охваченных голодом территориях проживало по меньшей мере 70 млн человек.

Далее попробуем вкратце (насколько нам позволяет ос-

новное повествование) разобраться в основных причинах не только голода, но и его больших масштабов, в хлебопроизводящих регионах СССР:

1. Дестабилизация сельского хозяйства, вызванная агрессивной коллективизацией и экспроприацией, ударила по привычному распорядку посевных кампаний и уборке урожая, а также по мотивации крестьян.

Еще в 1927 г. начался кризис хлебозаготовок, вызванный регулированием цены на зерно не в пользу крестьян, а в пользу государства. Мы уже ранее видели, что на этот счет писал Николай Бухарин. Его проницательность подтверждается и современными советологами: *«Экономических стимулов сдавать хлеб государству у крестьян осталось даже меньше, чем во время предыдущих кампаний. И 1926/1927 г. крестьянин мог выручить на рынке за центнер ржи в среднем 7 руб. 53 коп., в то время как государство платило всего 4 руб. 31 коп. Этой разницы оказалось достаточно для того, чтобы крестьяне осенью 1927 г. отказывались сдавать хлеб. В 1931 г. ножницы между рыночной и государственной закупочной ценой намного увеличились. Рыночная цена возросла до 61 руб. 35 коп., а государственная составляла только 5 руб. 50 коп. Для пшеницы разница была еще больше»* [374, с. 107]. Ситуация с ценами усугублялась неопределенностью, порождаемой агрессивной коллективизацией, сопровождавшейся беспределом в отношении устоявшихся

порядков в сельской местности. Новая политика означала масштабное перераспределение участков земли между колхозами и единоличниками, а также сокращение обрабатываемой последними земли. *«Дестабилизация, вызванная первой волной коллективизации и раскулачивания в 1930 г., привела к тому, что конкретные решения относительно осенней посевной откладывались. Никто не знал, какие участки будут колхозными, а какие останутся единоличными»* [374, с. 65]. Межевание участков проводилось сквозь пальцы, колхозам отдавали лучшую землю, а единоличникам оставляли наименее плодородную, иногда и вовсе лишали их земли для того, чтобы заставить вступить в колхоз; колхозники же даже толком не знали, как работать в новых для них условиях. Из-за непредсказуемости вокруг принадлежности участков сельскохозяйственная работа стопорилась, саботировалась, затруднялась и т. д. Бывало и так, что пшеница оставалась гнить в поле просто потому, что еще вчера имелось понимание, кто ее хозяин, а завтра уже вырисовывались перспективы экспроприации всего хозяйства собственника. Кроме того, *«в результате нажима на подсобное хозяйство колхозника и на единоличника резко сократилось производство продукции животноводства: масла – на 43 %, молока – на 1/3, а яиц и шерсти – в 2,5 раза»* [290].

2. Расширение посевной площади без надлежащего технического обеспечения, а также внедрение специализации по сельхозкультурам нарушило традицион-

ный севооборот, что привело к истощению почв и падению урожайности.

Пятилетний план подразумевал высокие темпы роста «завоевания» новых территорий сельским хозяйством, поддерживаемый слишком оптимистичными расчетами по поставкам новой техники и выполнению отдаваемых руководством приказов. Удивительно, что люди, которые позиционировали себя прогрессивной силой, могущей с помощью передовой науки и техники завоевать новые горизонты, допустили вопиющие ошибки в таких вещах, которые старались соблюдать и знали крестьяне прошлого. Это касается правил севооборота. Суть его заключается в определенном чередовании сельскохозяйственных культур и паров, которое следует обязательно проводить для сохранения плодородности почвы и снижения количества сорных растений на ней. Но это чередование было нарушено. Уиткрофт и Дэвис на основании советских документов оставили нам массу свидетельств этого явления: *«Маркевич, поездив по украинским МТС¹⁴, отметил, что чересполосица исчезла, но границы бывших полос легко определить по типу сорняков. Что же касается севооборота, который предполагалось вводить параллельно с землеустройством, то его нигде не видно...»*; *«автор передовой статьи в мартовском номере партийного журнала, посвященной весенней посевной, сетовал, что работа*

---

¹⁴ МТС – машинно-тракторная станция, советское предприятие, предназначенное для обеспечения сельскохозяйственной техникой колхозов и совхозов.

по внедрению “правильного севооборота... первого и основного требования агротехники” развертывается очень медленно не только в колхозах, но и в совхозах и в очень многих случаях совсем забыта»; «на Северном Кавказе, говорили докладчики, в колхозах нет севооборота. Раньше, по крайней мере, была трехпольная система, а сейчас об этом можно только мечтать»; «автор передовицы в “Правде” возмущался полным игнорированием правил севооборота со стороны районных организаций, незнанием земель, их особенностей, нежеланием и неумением использовать многолетний опыт хлеборобов»; «надо прекратить погоню за числом гектаров... Уже начиная с весны 1932 года необходимо по всей линии совхозов и колхозов приступить к введению севооборота...»; «весной 1932 г. для введения севооборота почти ничего не предпринималось...»; «посевные площади почти всех культур в период с 1928 по 1932 г. расширились за счет пастбищных угодий и пара. Эта общая тенденция прекратилась только после урожая 1932 г., когда стали совершенно очевидны пагубные последствия нарушения и даже уничтожения севооборота»; «как и при возделывании зерновых, быстрое расширение посевных площадей и сложности землеустройства наделов единоличников нарушили севооборот» [374] и т. д. и т. п.

Наконец, говоря о неудачах совхозов на XVII съезде партии, Сталин признал, что «наши зерновые совхозы слишком громоздки, директора не справляются с громадными совхо-

зами, сами совхозы слишком специализированы, не имеют севооборота и парового клина» [345].

3. Слабое техническое оснащение тракторами при сокращении поголовья лошадей.

Очевидно, что для нормального ведения сельского хозяйства необходимо наличие силы, которая обеспечит транспортировку грузов и работу сельскохозяйственных орудий. Этой силой может служить либо лошадь, либо грузовые автомобили и тракторы. Соответственно, если у вас нет техники или ее недостаточно, то использование лошадей будет более чем актуально. Проблема заключалась в том, что поголовье лошадей в годы форсированной коллективизации неуклонно снижалось. Ранее мы говорили о том, что происходило в Казахстане. То же самое было в русских хлебопроизводящих регионах страны.

Численность рабочих лошадей в 1930 г. составляла 20,8 млн, в 1931 г. – 19,5 млн, в 1932 г. – уже 16,18 млн голов, а к весне 1933 г. – всего 14,21 млн [332]. Снижение очень значительное. В то же время *«с обобществленным скотом чаще всего плохо обращались. В колхозах за лошадьми, сведенными на общий двор, обычно присматривал временный конюх, мало заинтересованный в своей работе. В результате недостаточного ухода и питания распространялись массовые заболевания: стригуций лишай, чесотка, ящур, сеп.* Больные особи часто не изолировались от здоровых. Нередко на общем скотном дворе не было места для ло-

шадей, и они оставались в конюшнях у бывших хозяев» [374, с. 74]. То есть, помимо падения количества, ухудшалось и качество животных. Компенсация за счет тракторов и грузовиков была недостаточной. На начало 1930 г. в сельском хозяйстве насчитывалось свыше 66 тыс. тракторов, из которых большая часть была импортной. К 1931 г. их число увеличилось до 72 тыс., а к 1932 г. – до 125 тыс. В переводе на совокупную мощность рост был следующим: 926 тыс., 1 млн, 1,85 млн лошадиных сил соответственно [333]. Механическая тяговая сила, не считая грузовиков, занимала в совхозах и колхозах всего 7,7, 14,3 и 19,7 % соответственно. С учетом падежа лошадей это очень незначительное увеличение. Тем более надо учитывать, что лучшее техническое обеспечение было у совхозов, занимавших самую скромную долю в сельскохозяйственном секторе страны, в сравнении с колхозами и единоличниками. Техническое обеспечение колхозов с 1930 по 1931 г. даже упало с 20,1 % механической тяговой силы до 15,9 %. Хуже того, эти цифры не учитывают устаревания техники, поломок и времени, которое трактор находился не в поле за работой, а простаивал, ожидая ремонта. Проблема была достаточно серьезна, чтобы о ней упомянул Сталин на том же XVII съезде: «...наличие громадного парка тракторов и машин обязывает, казалось бы, земельные органы держать эти ценные машины в порядке, вовремя их ремонтировать, использовать их на работе более или менее сносно. Что делается ими в этой области? К сожалению,

очень мало. Хранение тракторов а машин неудовлетворительно. Ремонт также неудовлетворителен, ибо до сих пор еще не хотят понять, что основу ремонта составляет текущий и средний ремонт, а не капитальный. Что касается использования тракторов и машин, то неудовлетворительное состояние этого дела до того ясно и общеизвестно, что не нуждается в доказательствах» [345]. Уиткрофт и Дэвис писали, что «трактора нередко заканчивали работать на севе и вспашке всего за несколько дней до начала уборочной, и времени на их ремонт не оставалось. На Северном Кавказе, например, трактора были очень плохие и изношенные, и, когда началась уборка урожая, только 20–40 % из них оказались в порядке» [374, с. 141].

С грузовиками ситуация обстояла еще хуже. Техническая вооруженность МТС по грузовым автомобилям показывает 200 штук в 1930 г., 1 тыс. – в 1931 г., 6 тыс. – в 1932 г. и 13,5 тыс. – в 1933 г. По совхозам: 2,1 тыс., 3,7 тыс., 6,2 тыс. и 10,9 тыс. соответственно [333]. Это совершенно ничтожные цифры, которые хорошо показывают нам, что в годы голода сельское хозяйство СССР было совершенно технически обезоружено бездарными действиями социалистического руководства.

4. Репрессии, обобществление и экспроприация за очень короткое время уничтожили сотни тысяч наиболее эффективных крестьянских хозяйств и хозяйственников, вроде кулаков и единоличников, в резуль-

тате чего деревня осталась без опытных специалистов своего дела, а присылаемые на места «специалисты» были откровенно необразованными.

Сложно представить себе, как экономика может не заметить такого удара. Действительно, даже если учесть масштабы репрессий в отношении «кулаков», речь идет о нескольких миллионах человек, которых просто «вывели» из нормальной экономической деятельности, в которой они занимались производством продуктов питания. К тому же многие единоличники, не желая идти в колхозы, бросали хозяйство и уходили в город в надежде на лучшую жизнь, в то время как совхозы и колхозы даже физически, не говоря уже об их спорной эффективности, не успевали компенсировать выпадение эффективных хозяйств из сельскохозяйственного сектора. У нас есть данные за 1931 г., которые показывают, что единоличные хозяйства даже в условиях мощного давления на них со стороны государства давали больше урожая, чем совхозы и колхозы (*табл. 4*) [374, с. 92]. *И это неудивительно, ведь в колхозах царил бардак, это был очередной эксперимент, по меньшей мере слишком резкий, недобровольный и неподготовленный. Социалисты в Москве и на местах буквально исходили из догмы, что чем больше размер хозяйства – тем выше его эффективность. Погоня за эффектом от масштаба была безумием.*

Таблица 4

Тип хозяйства	% от общей посевной площади	% от общего объема урожая
Совхозы	7,7	6,8
Колхозы	58,4	55,2
Единоличники	33,9	38

5. Завышенный, нереалистичный план по хлебозаготовкам привел к давлению на колхозы и единоличников, из-за чего государство забирало буквально последнее, проявляя типичное для социалистов недоверие к крестьянам.

Неадекватная реакция властей на засуху, недоверие сообщениям о голоде, восприятие этих сообщений как попытки отмазаться от выполнения плана по хлебозаготовкам – все это заставляло местные власти продолжать врать, тем самым ухудшая информированность центра о реальных проблемах и замедляя принятие решений о помощи пострадавшим районам. Центр же и слушать ничего не хотел о провалах, требуя только успехов. Оценки урожая постоянно менялись – сначала очень оптимистичные, они становились все хуже по мере приближения к уборочной.

Например, по плану, утвержденному в конце 1930 г., урожаем зерновых на 1931 г. должен был составить 98,5 млн т. В январе цифру снизили до 97 млн т. План был совершенно фантастический, *«это значительно больше самого крупного дореволюционного урожая, на 13 % больше предполагаемого*

урожая 1930 г. и на пару миллионов тонн превосходит расчеты на 1931 г. в пятилетнем плане, принятом весной 1929 года» [374, с. 81]. В мае 1931 г. нескольких статистиков уволили из Госплана, обвинив во вредительстве, заключавшемся в том, что они выступали против новой системы подсчета зерновых и поддерживали «кулацкую» сеть добровольных корреспондентов. В начале лета оценка урожая была уменьшена до 85,2 млн т. В июле оценка снизилась до 79 млн т. Реальный же урожай в 1931 г. составил не более 70 млн т. Но «коммунисты были уверены: обобществленный сектор с его масштабным хозяйством и отсутствием эксплуатации настолько превосходит частный, что преодолет любые трудности и недостатки. Они ожидали, что шкала показателей урожайности будет отражать уровень прогрессивности формы хозяйствования: на вершине совхозы, за ними колхозы, обслуживаемые МТС, потом колхозы без МТС и в самом низу единоличники» [374, с. 91].

Подобный самообман больно бил по крестьянам. За невыполнение обязательств перед государством, которое завышало свои требования, колхозы заносились на «черную доску». Попасть туда означало для колхоза коллективный смертный приговор. У такого хозяйства изымали все товары из местных кооперативных магазинов и весь семенной фонд, распределяемый по окрестным колхозам, ему запрещалась торговля, опечатывались склады с зерном, которое было предназначено для потребления. *«Если после всего этого колхоз*

не исправлялся, его распускали и все его имущество (включая скот и инвентарь) конфисковывали. Применялось и еще более суровое наказание: высылка на север целых колхозов с Северного Кавказа» [381, с. 92]. Нетрудно догадаться, что подобные репрессии усугубляли голод. Но Сталин упорно обвинял во всем крестьян, в саботаже ими социалистического строительства. А украинский партруководитель Павел Постышев даже называл обязательные поставки зерна приучением крестьян к социализму и колхозам [381 с. 90].

Директива Политбюро ЦК КПУ «о вывозе семенных фондов для выполнения плана хлебозаготовок» от 29 декабря 1932 г. хорошо демонстрирует, насколько безразлично социалисты относились к тяжелому положению колхозников: «До сих пор еще районные работники не поняли, что первоочередность хлебозаготовок в колхозах, не выполняющих своих обязательств перед государством, означает, что все имеющееся наличное зерно в этих колхозах, в том числе и так называемые семенные фонды, должно быть в первую очередь сдано в план хлебозаготовок. Именно поэтому ЦК ВКП(б) отменил решение ЦК КП(б)У от 18 ноября о невывозе семенных фондов, как решение, ослабляющее наши позиции в борьбе за хлеб. ЦК КП(б)У предлагает в отношении колхозов, не выполнивших план хлебозаготовок, немедленно на протяжении 5–6 дней вывезти все наличные фонды, в том числе так называемые семенные, на выполнение плана хлебозаготовок. ЦК обязывает немедленно мобилизо-

вать для этого все перевозочные средства, живую тягловую силу, автотранспорт и трактора. В однодневный срок дать твердый ежедневный наряд на поставку необходимого количества лошадей, в том числе и единоличниками. Всякую задержку в вывозе этих фондов ЦК будет рассматривать как саботаж хлебозаготовок со стороны районного руководства и примет соответствующие меры» [270]. Любой здравомыслящий человек понимает, что это решение – просто преступно, так как, помимо изъятия всего наличного зерна в колхозах, коммунисты на время изымали для выполнения этой цели столь необходимые крестьянам тракторы, лошадей и грузовики!

6. Преступное замалчивание в СМИ и перед мировым сообществом. Можно было бы значительно сократить число жертв голода с помощью международной и региональной помощи.

В печати для внутреннего пользования все было просто замечательно. Пропаганда работала исправно. «Советские средства массовой информации не признавали факт голода в Советском Союзе, зато все газеты зимой и весной 1932–1933 гг. наперебой рассказывали своим читателям о страшном голоде и неурожаях во всем остальном мире. “Это не кризис, это катастрофа”, – трубил один заголовок. Речь шла о Польше, где крестьяне якобы вынуждены были просить милостыню, чтобы прокормиться. “Вымирающие деревни” – называлась другая статья – о Чехословакии. “Ка-

катастрофа сельского хозяйства... Голод несмотря на хороший урожай. Рост крестьянских волнений” – это о Китае. “Зарубежное крестьянство в тисках нищеты и разорения” – так была озаглавлена передовица, сообщавшая, что фермеры в Соединенных Штатах и Канаде находятся на грани банкротства, а в Польше, Словакии, Закарпатской Украине, Венгрии, Румынии, Югославии и Болгарии – катастрофический неурожай пшеницы» [381, с. 89]. Крестьяне этому всему, разумеется, не верили, но мало что могли сделать. Партийный актив низшего и среднего уровня тоже был ограничен в этом отношении, ибо «любые попытки привлечь к ней (ситуации в деревне. – А. С.) внимание общественности влекли за собой кару» [374, с. 168].

В отличие от голода 1921 г., когда Советское правительство обратилось к международной помощи, в 1931–1933 гг. руководство страны делало все возможное, чтобы его отрицать, хотя о голоде было прекрасно известно. Например, французская газета *Le petit parisien* в выпуске от 31 июля 1933 г. сообщала: «Вот уже несколько месяцев Россия дорого платит за свои успехи, амбиции пятилеток и своего руководства. Если с 1928 г. продовольственная недостаточность стала хронической, то к теперешней ситуации можно со всей прямотой применить слово “голод”. С конца 1932 г. производственная кривая снижалась на наших глазах, также понижался уровень жизни изможденных лишениями людей. Несмотря на прекрасные возможности Моск-

вы прятать правду или препятствовать ее распространению, нужда, которую испытывают русские, слишком очевидна, чтобы ее не замечать» [454].

Советские представители называли любую информацию о голоде в зарубежной печати «антисоветской агитацией» и «антисоветской клеветой». Сообщение ТАСС от 20 июля 1933 г. так и называется: «Антисоветская клевета австрийской газеты». В нем говорится следующее: *«Австрийский официоз “Рейхспост” помещает на видном месте статью под заголовком: “Массовая смерть шагает по России”. В статье, подписанной генеральным секретарем конгресса национальных меньшинств Эвальдом Амменде, говорится, что миллионы советских граждан на Волге, Украине и Северном Кавказе погибли от голода. Амменде предсказывает, что наивысшего своего напряжения эта катастрофа достигнет будущей зимой, и призывает организовать по образцу кампании Нансена в 1921 г. международную помощь “голодающим” под руководством обществ Красного Креста и под контролем советского правительства» [361].*

В письме временного поверенного в делах СССР во Франции М. И. Розенберга заместителю наркома иностранных дел СССР Н. Н. Крестинскому «о статьях французской прессы о голоде в СССР» от 9 августа 1933 г. читаем; *«...прилагаю перечень пакостных статей о “голоде”, появившихся за последнее время во французской печати. В значительной степени перепев корреспонденций Люсиани, которые... при-*

чинили немало вреда» [292].

В записке Л. М. Кагановичу от 9 октября 1933 г. «об усилении антисоветской агитации по поводу голода на Украине» нарком иностранных дел М. М. Литвинов сообщает: *«За последние месяцы ведется и все более усиливается за границей бешеная антисоветская агитация вокруг “украинского вопроса” и мнимого голода на Украине. Появляются многочисленные статьи, устраиваются митинги, рассылаются воззвания о помощи, собираются средства. Вопрос обсуждался официально на происходившем недавно в Берне Конгрессе национальных меньшинств, где была принята антисоветская резолюция. Вопрос был далее внесен в Лигу Наций, причем председатель Совета Мувинкель хотел было передать вопрос на официальное обсуждение Совета Лиги, но другие члены Совета и секретарь Лиги этому воспротивились, и на частном совещании решено было передать вопрос в Международный Красный Крест. Эта кампания организовано направляется бело-украинскими организациями, по-видимому, не без содействия германских кругов. Однако центр всей этой кампании находится в Польше, где кампания приняла особенно широкие размеры»* [191]. Примеров таких вот записок и сообщений множество. Любой ценой социалисты старались замолчать ужасающие масштабы голода – и это неудивительно. Обычное правительство, не занятое строительством рая на Земле, не имело бы никаких причин так

старательно замалчивать очевидное. Но большевики строили социализм, самый передовой в мировой истории строй. Массовый голод в относительно богатой европейской стране в XX столетии – это катастрофа. К тому времени основные европейские страны и США уже давно забыли о подобном. Казалось бы, социализм не мог так сплеховать, довести страну до такого состояния. Большевистская пропаганда могла говорить о голоде в царской России. Но чтобы голод был в прогрессивном Советском Союзе? Этот позор дискредитировал бы идеи социализма во всем мире, похоронив перспективы левого движения на успех в капиталистических странах.

7. Наконец, последняя причина массового голода, о которой мы поговорим здесь, – экспорт зерна во время этого самого голода.

Удивительно, но факт: испытывающая острую нехватку продовольствия страна вывозила его за рубеж. И даже обосновывала необходимость (конечно же) строительства социализма. Еще до начала голода, 5 сентября 1930 г., Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, в котором содержалось следующее предупреждение: *«...необходимо помнить, что своевременность выполнения установленного плана хлебозаготовок связана с осуществлением экспортного плана, имеющего исключительное значение для обеспечения развертываемого в стране промышленного строительства и прежде всего основных индустриальных гигантов (Магни-*

тострой, Челябинской и др.)» [269]. Стивен Уиткрофт показал, «что в 1950 году экспорт составлял 4,8 – почти 5 млн т, в 1931 г., который по урожаю был значительно хуже 1930 г. – 5,2 млн т, так как индустриализация требовала увеличения экспорта зерна на 5–8 млн т ежегодно. 1932 г. – 1,8 млн т, 1933 г. – около 1,7 млн т. В 1930 г. от экспорта зерна было получено 883 млн рублей, а от нефти и продуктов леса – 1430 млн руб. В 1932–1933 гг., когда голод в стране свирепствовал вовсю, хлебный экспорт составил суммарно 369 млн руб...» [290].

Конечно, в рядах большевиков были люди в здравом уме и с совестью, иначе Каганович в письме Сталину от 23 июня 1932 г. не написал бы следующие замечательные строки: «Внешторг включил в экспортно-импортный план III кв<ар>тала> вывоз 60 мил. Пуд<ов> зерновых и кроме этого завоз в порты сверх этого 50 м<лн>. Пуд<ов> для залога и продажи в октябре. Годовой план экспорта из урожая 32 г. он предлагает довести до 4 м<лн> тонн. Мы этот вопрос пока не решили. Конечно, вывозить обязательно необходимо немедленно и надо дать отпор настроениям, сложившимся на почве некоторых затруднений последних пару месяцев, что не надо-де вывозить, но вопрос сколько вывезти в III квартале, думаю, что цифру Внешторга немного сократить придется. Прошу Вас сообщить Ваше мнение» [129].

Таким образом, если суммировать все вышеназванные причины, можно сказать следующее: не столько сама по се-

бе коллективизация стала причиной голода, сколько ее форсированное, репрессивное, агрессивное проведение, сопровождавшееся уничтожением самых успешных крестьянских хозяйств и образа жизни миллионов крестьян и кочевых скотоводов. Насаждение определенной социалистической модели сопровождалось полнейшим безразличием к мнению людей, устоявшимся экономическим связям, традициям и социальным отношениям в деревне. Процесс этот начался в 1928 г., и тогда же начался продовольственный кризис. Однако кризис еще не обязательно превращается в голод, недоедание еще не становится голодной смертью. К этому привело социалистическое наступление на деревню, и процесс, который мог бы быть растянут на годы, был реализован за несколько лет. Ясно, что колхозы не были эффективными хозяйствами, что показал советский опыт как до, так и после смерти Сталина, когда они стали постепенно вытесняться совхозами, где вместо колхозников трудились наемные работники. Но если бы они появились постепенно, а не резко насаждались, засуха начала 1930-х гг. была бы встречена не деморализованной и дезориентированной деревней, а привыкшими к непогоде и знавшими как действовать в неурожайные годы единоличными крестьянскими хозяйствами, немногочисленными совхозами и добровольными колхозами. Вовремя бы начались посевные. Ничего не залеживалось бы и не гнило в поле. Соотношение «амбарного урожая» к «урожаю на корню», т. е. потери зерна на пути от

поля к амбару, частные землевладельцы и колхозники-добровольцы стремились бы минимизировать. Они бы оперативно отреагировали на возникшие затруднения в условиях рынка, а не централизованного плана, за счет большего количества информации на местах. Каждый регион действовал бы по-своему. Наименее пострадавшие регионы могли бы продавать зерно наиболее пострадавшим и не было бы смысла скрывать проблему.

Лев Троцкий в своей «Преданной революции» оставил нам интересное мнение о коллективизации, которое подтверждает наши рассуждения. Имеет смысл привести его целиком: *«В течение 1929 г. число коллективизированных хозяйств поднялось с 1,7 % до 3,9 %, в 1930 г. – до 23,6 %, в 1931 г. – уже до 52,7 %, в 1932 г. – до 61,5 %. Двадцать пять миллионов изолированных крестьянских эгоизмов, которые вчера еще являлись единственными двигателями сельского хозяйства, – слабосильными, как мужицкая кляча, но все же двигателями, – бюрократия попыталась одним взмахом заменить командой двухсот тысяч колхозных правлений, лишенных технических средств, агрономических знаний и опоры в самом крестьянстве. Разрушительные последствия авантюризма не замедлили последовать, и они растянулись на несколько лет. Валовой сбор зерновых культур, поднявшийся в 1930 году до 835 миллионов центнеров, упал в следующие два года ниже 700 миллионов. Разница сама по себе не выглядит катастрофической; но она*

означала убыль как раз того количества хлеба, какое необходимо было городам хотя бы до привычной голодной нормы. Еще хуже обстояло с техническими культурами. Накануне коллективизации производство сахара достигло почти 109 миллионов пудов, чтобы через два года, в разгар сплошной коллективизации, упасть из-за недостатка свеклы до 48 млн пудов, т. е. более, чем вдвое. Но наиболее опустошительный ураган пронесся над животным царством деревни. Число лошадей упало на 55 %: с 34,6 млн в 1929 г. до 15,6 миллиона в 1934 г.; поголовье рогатого скота – с 30,7 миллионов до 19,5 млн, т. е. на 40 %; число свиней на 55 %, овец – на 66 %. Гибель людей – от голода, холода, эпидемий, репрессий – к сожалению, не подсчитана с такой точностью, как гибель скота; но она тоже исчисляется миллионами. Вина за эти жертвы ложится не на коллективизацию, а на слепые, азартные и насильнические методы ее проведения. Бюрократия ничего не предвидела. Даже колхозный устав, пытавшийся связать личный интерес крестьянина с коллективным, был опубликован лишь после того, как злополучная деревня подверглась жестокому опустошению» [366].

И еще одно интересное наблюдение Троцкого, которое стоит принять во внимание: «Народный комиссар земледелия говорил в конце 1935 г.: “до последнего времени мы имели большое сопротивление со стороны кулацких элементов делу выполнения государственного плана хлебозаготовок”. Это значит, другими словами, что колхозники в большин-

стве своем считали “до последнего времени” (а сегодня?) сдачу зерна государству невыгодной для себя операцией и тяготели к частной торговле. В другом порядке о том же свидетельствуют драконовские законы для охраны колхозного достояния от расхищения со стороны самих колхозников. Крайне поучителен и тот факт, что имущество колхозов застраховано у государства на 20 миллиардов рублей, а частное имущество колхозников – на 21 миллиард. Если это соотношение не означает необходимо, что колхозники, отдельно взятые, богаче колхозов, то оно во всяком случае означает, что колхозники более заботливо страхуют свое личное имущество, чем общее» [367]. Удивительно, как верно подметил Троцкий, что о своей собственности люди будут заботиться больше, чем о ничейной, и как важен этот фактор человеческой природы в нашей экономической деятельности. Жаль, что сам Троцкий все-таки был сторонником форсированной коллективизации и противником нэпа. Его критика коллективизации была вызвана личным конфликтом со Сталиным, а не искренней обеспокоенностью состоянием страны.

Тем не менее глобальная задача коллективизации была решена. Крестьянство, столь опасное для социализма в силу своей мелкобуржуазной природы, было, в сущности, уничтожено. Если еще в 1918 г. в России насчитывалось свыше ста миллионов крестьян, многие из которых относились к середнякам и кулакам, то к концу правления Сталина от них

не осталось и следа. Уже в 1937 г. крестьяне-единоличники и сельские кустари составляли жалкие 5,9 % от всего населения, а к 1956 г. – 0,5 % (табл. 5). Заменявшие их колхозники и работники совхозов были сельскими пролетариями, оторванные от крестьянской социально-экономической основы (собственный скот, орудия труда, участок земли, церковный приход). В последующие годы, уже после смерти Сталина, колхозы продолжили укрупняться и окончательно потеряли всякое подобие с крестьянской общиной. Они управлялись уже не выборными (хотя бы формально) председателями из местных крестьян, а профессиональными управленцами, происходившими из региональных центров и удобными властям для контроля над огромными сельскохозяйственными предприятиями.

Таблица 5

Изменение социального состава населения СССР в результате проведения социалистической политики, в %

Год	Рабочие и служащие	Колхозники и кооперированные кустари	Крестьяне (единоличники и не-кооперированные кустари)	Городская и сельская буржуазия
1913	17%	–	66,7%	16,3%
1928	17,6%	2,9%	74,9%	4,6%
1937	36,2%	57,9%	5,9%	–
1939*	50,2%	47,2%	2,6%	–
1956	59,5%	40%	0,5%	–
1978	84,9%	15,1%	–	–

* Резкий рост рабочих и служащих с 1937 по 1939 г., по всей видимости, связан с репрессиями против демографов, чья перепись 1937 г. была признана «вредительской» [56].

Сталинская индустриализация: не догнать и не перегнать

Когда с нэпом было покончено, на замену ему пришла сталинская политика форсированной индустриализации и коллективизации крестьянских хозяйств. Во всяком случае, к такой периодизации мы привыкли. Это очень важная веха в изучении истории социализма, даже можно сказать, что в многовековой истории социализма это важнейшая эпоха. Ведь индустриализацию преподносили как триумф социализма, официально высокие темпы роста экономики – как преимущество плана над рынком. Более того, индустриализация рассматривается как подготовка к самой ужасной войне в истории человечества – войне с Третьим рейхом. А раз так, то успехи или неудачи мощных процессов, проходящих в СССР в конце 1920-1930-е гг., имеют метафизическое значение. Если успех был умеренным или если успеха не было вовсе, то ничего, кроме провалов, в истории социализма нет, а миллионы пострадавших от репрессий были напрасны и неоправданны. В наше время заявляют даже, что Сталин готовился к войне 20 лет, хотя, как он мог это делать с 1921 г., не совсем ясно.

Таким образом, легенда выглядит следующим образом: капиталистическая буржуазная Россия была очень отсталой аграрной страной, которая не вытянула бы в грядущей

и неизбежной Второй мировой войне. Благодаря политике большевиков и лично Сталина, путем невероятных усилий и ценой больших страданий, Стране Советов удалось подготовиться так, чтобы одержать победу над германским рваншистским милитаризмом, империализмом и нацизмом. Важно заметить, что в этой главе мы не оспариваем военный успех СССР в борьбе с Третьим рейхом. Моя позиция заключается в том, что этот успех не был обязан именно социализму и что Россия добилась бы его и в другой политической конфигурации.

Далее, в вопросе сталинской индустриализации как особой заслуги режима большевиков, нужно ориентироваться на следующие вещи. Первое: являлась ли сталинская индустриализация чем-то новым для России и была ли она проведена на пустом месте (т. е., как гласит известная поговорка, принял ли Сталин Россию «с сохой, а оставил с атомной бомбой»). Иными словами, была ли Российская империя отсталой настолько, что не имела никакого потенциала к реформам и индустриализации без большевиков, или же у нее ранее был опыт успешной индустриализации без организованного насилия и принуждения. Был ли в этом отношении бесперспективен курс нэпа? Второе: какой ценой Сталин провел индустриализацию, как упор на форсированное развитие тяжелой промышленности сказался на уровне жизни советских граждан? Третье: достигла ли сталинская индустриализация цели, т. е. подготовила ли страну к войне. Что-

бы проверить последнее, нужно проанализировать, насколько хорошо СССР был готов к войне с Германией технически и организационно и какую роль сыграли в этой подготовке именно «сталинские» заводы.

Однако прежде мы должны выяснить, каковы были теоретические, современные для тех лет, основы для сталинской форсированной индустриализации. Дело в том, что в 1920-е гг. в рядах большевиков существовало две основные концепции построения социализма в краткосрочной перспективе – новая экономическая политика, которую поддерживали Ленин, Бухарин, Рыков, Томский, Дзержинский и др., и концепция первоначального социалистического накопления, которую сформулировал Е. Преображенский и которую поддерживали сначала Троцкий, Пятаков и многие рядовые большевики, а затем реализовал Сталин. Вот определение этой концепции самим Преображенским: *«...первоначальным социалистическим накоплением мы называем накопление в руках государства материальных ресурсов, главным образом из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства. Это накопление в отсталой крестьянской стране должно играть колоссально важную роль, в огромной степени ускоряя наступление момента, когда начнется техническая и научная перестройка государственного хозяйства и когда это хозяйство получит, наконец, чисто экономическое преобладание над капитализмом. Правда, в этот период происходит и накопление на про-*

изводственной основе государственного хозяйства. Однако, во-первых, это накопление также носит характер предварительного накопления средств для подлинного социалистического хозяйства и этой цели подчинено. А во-вторых, накопление первым способом, т. е. за счет негосударственного круга, явно преобладает в этот период. Поэтому весь этот этап мы должны назвать периодом первоначального, или предварительного, социалистического накопления» [42, с. 140]. Как мы знаем, во время нэпа государственным «кругом» была промышленность в городе, тогда как «негосударственный круг» – это преимущественно частное сельское хозяйство. Именно последних, поднакопивших деньги и ресурсы граждан, следовало теперь ободрать до нитки, чтобы перенести ресурсы из деревни в город для ускоренной (именно ускоренной, а не вообще) индустриализации.

Теперь, уяснив идейные и теоретические истоки форсированной индустриализации, мы можем начать анализ проблемы по тому порядку, который определили через абзац выше. Итак, первое, что нас интересует здесь: была ли Россия до революции слаборазвитой аграрной страной, не знавшей еще индустриализации?

У нас есть достаточно данных, которые позволяют отрицательно ответить на этот вопрос. Признаком аграрной слаборазвитой страны является не столько низкие темпы индустриального развития, т. е. медленный переход от первичного сектора экономики ко вторичному, сколько отсутствие

тяжелой индустрии, военно-промышленного комплекса, современной научно-исследовательской базы и развитой инженерной школы. Ничего из этого нельзя применить к Российской империи начала XX в.

К 1913 г. на Россию приходилось более 5 % мировой промышленности [297]. Среднегодовые темпы увеличения ВВП после начала современного экономического роста в 1890–1913 гг. в России составили 3,72 %, в Японии за тот же период – 2,51 %, в Италии с 1870 по 1900 г. – всего 1,11 %, в Германии с 1820 по 1850 г. – 1,97 %, а во Франции за тот же период – 1,57 %. Пусть Россия вступила на путь современного экономического роста позже многих других стран, но и темпы были гораздо внушительнее (*табл. 6*) [223, с. 256].

Таблица 6

Среднегодовые темпы увеличения ВВП после начала современного экономического роста отдельных стран мира (%)

Страны	Годы	ВВП	ВВП на душу населения
Россия	1890–1913	3,72	2,09
Франция	1820–1850	1,57	1,06
Германия	1820–1850	1,97	0,95
Италия	1870–1900	1,11	0,53
Япония	1890–1913	2,51	1,38

Россия была единственной из великих держав, после

США, увеличившей свою долю в мировом промышленном производстве с 1881 по 1913 г. Великобритания, Германия и Франция, наоборот, снизили свою долю (*табл. 7*).

Таблица 7

Доля России, США, Германии, Великобритании и Франции в мировом промышленном производстве в 1881–1913 гг. (%) [223, с. 255]

Страны	1881–1885 гг.	1896–1900 гг.	1913 г.
Россия	3,4	5,0	5,3
США	28,6	30,1	35,8
Великобритания	26,6	19,5	14,0
Германия	13,9	16,6	15,7
Франция	8,6	7,1	6,4

В Россию инвестировались значительные средства, потому что страна в начале XX в. представляла собой бурно развивающуюся экономику с многочисленным населением. Для социалистов факт инвестиционного бума почему-то выступал поводом для обвинений Империи в отсталости или зависимости от иностранного капитала, что расходится с мировой экономической практикой вплоть до нашего времени – например, наибольшие инвестиции сегодня получает США, а инвестиции в Китай сделали его новой великой державой. Иностранные инвестиции, показанные в *табл. 8*, к 1915 г. составляли 2,2 млрд руб. При этом обратите внимание, что

с 1910 по 1915 г. инвестиции увеличились почти вдвое, в то время как доля иностранного капитала в акционерном российском капитале осталась той же – 38 %. Это значит, что укреплялся российский капитал и росли отечественные инвестиции, что видно по доле иностранного капитала в общей сумме новых инвестиций в промышленность – при абсолютном росте относительная доля его снизилась с 81 % в 1905 г. до 50 % в 1915 г. (упав до 37 % в 1910 г.).

Таблица 8

Иностранный капитал в промышленности и банках России в 1880–1915 гг. [223, с. 253]

Показатели	1880 г.	1890 г.	1895 г.	1900 г.	1905 г.	1910 г.	1915 г.
Общий объем иностранных инвестиций в экономику России, млн руб.	97,7	214,7	280,1	911,0	1037,4	1358,1	2205,9
Доля иностранного капитала во всем акционерном российском капитале, %	–	25	26	37	35	38	38
Показатели	1880–1889 гг.	1890–1892 гг.	1893–1899 гг.	1900–1902 гг.	1903–1905 гг.	1906–1908 гг.	1909–1913 гг.
Доля иностранного капитала в общей сумме новых инвестиций в промышленность, %	41	33	55	47	81	37	50

Несмотря на набранные за годы Первой мировой войны долги (собственно, кто их в истории не набирал во время войны?), Россия смогла бы выплатить их в течение опреде-

ленного времени, имея внушительный экспорт и растущий бюджет. Здесь мы даже не берем в расчет множество нюансов, таких как возможность списания части долга и получения контрибуции от побежденной Германии (как мы помним, большевики, наоборот, заплатили немцам), приток новых инвестиций. В конце концов, после Первой мировой войны в долгу перед США остались и Англия, и Франция, что не помешало им сохранить свою колониальную империю, восстановить и даже укрепить экономику. Интересно, что после Наполеоновских войн «по уши» в долгах была Великобритания, но это не помешало ей оставаться передовой державой весь XIX в.

Российская империя имела положительный торговый баланс и получала значительный доход от экспорта продуктов питания и сырья, с помощью чего могла закупать современную технику в Европе и США, сохраняя положительное торговое сальдо из года в год. Свод оборотов внешней торговли России за 1901–1913 гг. в рублях показывает рост экспорта фабрично-заводских изделий – с 39 млн до 84,9 млн рублей. За каждый год мы видим впечатляющий торговый профицит (*табл. 9*).

Таблица 9

Свод оборотов внешней торговли России за 1901–1913 гг.
(тыс. руб.) [296]

Годы	Вывоз					Ввоз					Баланс
	Жизненные запасы	Сырье и полуфабрикаты	Животные продукты	Фабрично-заводские изделия	Итого	Жизненные припасы	Сырье и полуфабрикаты	Животные продукты	Фабрично-заводские изделия	Итого	
1901	442413	259473	20567	39129	860332	118366	304547	4014	166495	593425	+266907
1902	539862	260892	21744	37824	1001179	120601	312622	5185	160741	599152	+402027
1903	613082	318946	20569	48582	1006384	129814	365395	5258	181203	681669	+324715
1904	635647	305781	16343	48612	1006383	131851	349825	4928	164798	651402	+354981
1905	712458	297335	16278	51254	1077325	130208	325586	3549	176044	635087	+442238
1906	630896	356255	28056	72480	1094887	192540	365005	5469	237677	800691	+294196
1907	584530	390365	23654	54462	1053011	201817	402905	5440	237203	847365	+205646
1908	543383	377746	24368	52753	998250	211357	434296	7759	259247	912659	+85591
1909	922678	423449	25972	55575	1472674	182871	442556	7971	272937	906336	+521338
1910	927517	436934	30120	54514	1449085	191462	554386	10791	327807	1084446	+364639
1911	1017550	482029	26390	65443	1591411	206909	553143	10997	390633	1161682	+429729
1912	821500	589000	31000	77300	1518800	209600	555500	12000	394610	171800	+347000
1913	839900	561000	34400	84900	1520100	237900	668000	17600	450510	374000	+146100

Далее, посмотрим на рост российской экономики по отдельным секторам (*табл. 10*). Тяжелая промышленность, флагман индустриализации, за 1885–1913 гг. показала прирост добавленной стоимости в 12,5 %.

Таблица 10

Рост российской экономики по секторам в 1885–1913 гг.
[9, с. 40]

Сектор экономики	Коэффициент роста производства	Прирост добавленной стоимости	Прирост добавленной стоимости в %
Сельское хозяйство	2,04	5250	44,9
Тяжелая промышленность	9,31	1457	12,5
Легкая промышленность	3,48	991	8,5
Ремесленное производство	2,80	746	6,4
Транспорт/коммуникации	5,88	947	8,3
Строительство	2,33	590	5,0
Торговля	1,89	771	6,6
Правительство	3,03	379	3,2
Жилищный сектор	1,92	357	3,0
Медицина	2,70	79	0,7
Бытовые услуги	1,28	58	0,5
Муниципальные услуги	1,67	47	0,4

Изменилась структура экономики за это же время (табл. 11) – тяжелая и легкая промышленность совокупно стала давать 15 % добавленной стоимости. Тяжелая промышленность выросла с 2 до 8 %, т. е. в четыре раза, – никакой другой сектор экономики не показал такого увеличения, что видно по коэффициенту роста производства (9,31). Сельское хозяйство к 1913 г. занимало только половину экономики, его постепенно вытеснял вторичный сектор.

Развитие промышленности меняло социальную структуру российского общества. Увеличивалась численность рабочих и фабрик. Численность рабочих всех фабрик в 1896 г. составляла 1,74 млн человек, а в 1916 г. только в военной

промышленности на 5200 предприятиях работало 1,94 млн человек [337]. Особенно внушительные результаты развития тяжелой промышленности показали 1908–1913 гг. [137, с. 151]. В скобках указаны показатели без учета казенных заводов, которые до этого года не учитывались (табл. 12).

Таблица 11

Структура российской экономики в 1885 и 1913 гг.

(добавленная стоимость выражена в ценах 1913 г.) [9, с.

39]

Сектор экономики	Добавленная стоимость 1885 г.		Добавленная стоимость 1913 г.	
	Значение	Процент	Значение	Процент
Сельское хозяйство	5044	58,7%	10 294	50,7%
Тяжелая промышленность	175	2,0%	1632	8,0%
Легкая промышленность	400	4,6%	1391	6,9%
Ремесленное производство	565	6,5%	1311	6,5%
Транспорт/коммуникации	199	2,3%	1173	5,8%
Строительство	445	5,1%	1035	5,1%
Торговля	869	10,1%	1640	8,1%
Правительство	186	2,2%	565	2,8%
Жилищный сектор	386	4,5%	743	3,7%
Медицина	47	0,5%	126	0,6%
Бытовые услуги	206	2,4%	264	1,3%
Муниципальные услуги	71	0,8%	118	0,6%
Национальный доход	8594		20 292	

Таблица 12

Год	Число рабочих	Валовая продукция	Ежегодный прирост, %		
			Число рабочих	Валовая продукция	Индекс физического объема
1908	839 661	1 186 555	1,5	6,2	-0,4
1909	840 603	1 275 779	0,1	7,5	7,8
1910	870 276	1 359 063	3,5	6,5	12,8
1911	964 987	1 494 997	10,9	10,0	9,9
1912	1 034 210	1 863 157	7,1	24,6	11,9
1913	1 240 562	2 237 095	19,5 (13)	20,1 (12,9)	12,5

Показательны данные по производству силового оборудования в Российской империи (*табл. 13*). За первые восемь лет XX столетия производство двигателей внутреннего сгорания увеличилось с 83,9 тыс. руб. до 4,24 млн руб., турбин – с 369 тыс. до 421 тыс. и т. д. Паровые котлы и машины ожидаемо снижали свои объемы производства, поскольку их вытесняли двигатели внутреннего сгорания.

Таблица 13

Оборудование	На территории бывшей империи		На территории СССР	
	1900 г.	1908 г.	1900 г.	1908 г.
Паровые котлы	13 362	7204,5	8999,7	3992,4
Паровые машины	3288,3	1156,7	1990,4	1087,3
Судовые машины	5655,8	4318,7	5548,2	4315,7
Локомобили	391,5	682,8	294,4	654,8
Двигатели внутреннего сгорания	83,9	4240,7	83,9	3712,5
Турбины и водяные двигатели	369,2	421,5	180,5	85,2
Насосы	1575,7	2051,6	1035,7	1615,2
Приводы и их части	4557,8	4197,0	3226,9	2400,0

Советский историк экономики Лев Кафенгауз в книге «Эволюция промышленного производства в России» отмечал, что *«наряду с сокращением выработки паровых машин и котлов быстро развивается новое производство нефтяных и газовых двигателей, выпуск которых в 1908 г. значительно превышает выпуск паровых машин и занимает уже одно из первых мест среди всего производства машин-двигателей. Далее, к числу отраслей, которые получили исключительно быстрое развитие в этот период, относится электротехническое производство. Производство электрических машин и приборов возросло по всей империи с 3068,8 тыс. руб. в 1900 г. до 8799,2 тыс. руб. в 1908 г. В связи с этим возросло производство кабелей и проводов и разных меднопрокатных изделий: так, обработка цветных*

металлов возросла по территории СССР с 29449 тыс. руб. в 1900 г. до 38354 тыс. руб. в 1908 г. и по территории отошедших губерний – с 3988 тыс. руб. до 6313 тыс. руб.» [137, с. 92–93].

В целом российская экономика с 1908 по 1913 г. «вновь характеризуется резким подъемом всего производства тяжелой промышленности: за весь период показатели этой группы отраслей возросли: на 39,2 % по числу рабочих, на 77,2 % по стоимости валовой продукции и на 65,0 % по физическому объему... Если мы весь исследуемый нами длительный период 1887–1913 гг. разделим на две части – до 1900 г. и после него, то окажется, что средний годовой прирост тяжелой промышленности за последний период 1900–1913 гг. выразится в сумме 3,1 % по числу рабочих, 5,8 % по ценности валовой продукции и 5,0 % по физическому объему, тогда как в предшествовавший период 1887–1900 гг. соответствующие средние годовые приросты выражались в цифрах 5,4 %, 11,1 % и 14,4 %. Несмотря на быстрый подъем тяжелой промышленности последнего предвоенного пятилетия общее развитие тяжелой промышленности после рокового кризиса 1900 г. шло более замедленным темпом, чем в предшествующий период 1887–1900 гг. В то же время необходимо указать, что состав изделий, выпускавшихся нашей тяжелой промышленностью после кризиса 1900 г., и особенно в период предвоенного подъема, значительно усложнился. В то время как в 90-х годах рост

тяжелой промышленности был основан на быстром росте сравнительно простых и грубых полуфабрикатов, как то: топливо, прокатный металл, строительные материалы, основные кислоты и щелочи, в течение предвоенного подъема относительно больше возросли производства более ценных и сложных полуфабрикатов и изделий, как то: сложные виды перегонки угля и нефти, цветные металлы, сложные виды металлообработки, тонкая химия и т. д. В отличие от подъема 90-х годов, на котором лежала печать железнодорожного строительства, предвоенный подъем оказался значительно более разносторонним, и при несколько пониженных количественных достижениях наши отрасли производства средств производства все же поднялись на более высокую качественную ступень» [137, с. 152–153]. Положение в производстве сельскохозяйственных машин Кафенгауз характеризует как «блестящее» [137, с. 93].

Итак, можно убедиться, что индустриализация в Российской империи проводилась, доля тяжелой промышленности, как и сложность ее продукции, росли. Перейдем теперь к вопросу вооруженности русской армии, ведь этот показатель для нас является не менее принципиальным. Здесь нам тоже придется прибегнуть к обильным статистическим данным. Хотя известно, что иностранные вооружения имели место в имперской армии, и мы закупали, скажем, авиационные двигатели и пулеметы, русская армия была способной воевать и наносить поражение войскам Тройственного союза, поль-

зуюсь в основном оружием собственного производства. В реалиях Первой мировой войны это была, прежде всего, винтовка и артиллерия. В *табл. 14* можно увидеть, каковы были объемы производства тех или иных видов вооружения за **период участия** стран в Первой мировой войне, и сравнить с выпуском у других держав [355, с. 201].

Таблица 14

Боевые средства	Германия	Австро-Венгрия	Франция	Велико-британия	Россия	Италия	США
Винтовки, тыс.	8547	3500	2500	3854	3300	2400	3500
Пулеметы, тыс.	280	40,5	312	239	28	101	75
Артиллерийские орудия, тыс.	64	15,9	23,2	26,4	11,7	6,5	4
Минометы, тыс.	12	–	3	2,5	См. ниже	–	0,6
Танки, тыс.	0,1	–	5,3	2,8	–	–	1
Самолеты, тыс.	47,3	5,4	52,1	47,8	3,5	12	13,8
Артиллерийские снаряды, млн	306	80	290	218	67	70	20
Патроны, млрд	8,2	4	6,3	8,6	13,5	3,6	3,5
Автомобили, тыс.	65	–	110	87	20	28	30

В *табл. 14* видно, что по винтовкам и орудиям Россия не отставала от многих воюющих сторон, а по патронам была лидером. Не хватало производства собственных пулеметов, но этот вопрос временно решался за счет импорта – с 1914 по 1917 г. было закуплено в США, Англии и Франции по-

чти 43 тыс. различных моделей [307]. Российские пулеметы производил один только Тульский завод, еще одно предприятие, где предполагалось наладить выпуск датских пулеметов Madsen, должно было расположиться на Ковровском пулеметном заводе, но из-за революции полноценное производство так и не было запущено.

Не учтено в *табл. 14* производство минометов и бомбометов. До начала Первой мировой войны они не производились, однако уже в 1915 г. Ставка обозначила потребность в минометах на следующий год в 4550 штук, до июля 1917 г. – еще 3550 штук, бомбометов, соответственно, 13,5 и 11,3 тыс. штук [355, с. 188]. К моменту выхода из войны у России на вооружении находилось уже 14 тыс. бомбометов и 4500 минометов как отечественного, так и иностранного производства. Российский миномет был представлен минометом Лихонина и минометом 58-мм обр. 1915 г. Всего было изготовлено на российских заводах 767 и 3420 таких орудий соответственно [124].

Однако простое сопоставление цифр было бы неправильным, ведь все эти российские орудия, самолеты и пулеметы были задействованы в войне с Германией и Австро-Венгрией на одном Восточном фронте, в то время как Германия и Австро-Венгрия воевали также на Западном и Итальянском фронтах. И 64 тыс. немецких орудий не противостояли одной России, они в основном находились на Западном фронте. Ни один немецкий танк не использовался против Рос-

сии. Следовательно, та же ситуация у нас с пулеметами, снарядами и т. д. Австро-Венгрия, в свою очередь, воевала и против России, и против Италии, и против Румынии. Поэтому надо сравнивать не абсолютные числа производства вооружения у противников России в Первой мировой войне, а численность выставленного на российско-германском фронте вооружения. Так станет ясно, была ли русская армия плохо обеспечена имперским военно-промышленным комплексом, или же возможности ВПК более-менее отвечали необходимости либо постепенно сокращали разрыв. В этом случае, опираясь на данные Е. З. Барсукова, выясняется следующее. К 28 декабря 1916 г. в русских войсках было 1,863 млн штыков против 1,169 млн у противника и 8342 русских орудия против 8225 орудий у противника. Россия уступала противнику в числе и мощности легких и тяжелых гаубиц, но превосходила его по легким, конным и горным орудиям. Недостаток тяжелой артиллерии был ощутимым слабым местом русской армии, но этот вопрос решался увеличением их производства, закупок и усовершенствования старых и крепостных орудий. В конце 1916 г. была создана ТАОН – тяжелая артиллерия особого назначения, в которую были включены самые мощные орудия страны. Численность тяжелых артиллерийских батарей увеличилась с 60 в начале войны до около 400 к сентябрю 1917 г., а орудий с 240 до 1430 единиц [21]. Одно из тяжелых русских орудий, производившееся в 1916–1917 гг., – 305-мм гаубица образца 1915 г., выпущен-

ная в количестве ~42 единиц, участвовало и во Второй мировой войне. Интересна судьба другого тяжелого орудия – 152-мм пушки образца 1910 г., первоначально разработанной во Франции фирмой «Шнейдер» по заказу России, но производящейся на Путиловском заводе в Петрограде. Десятки этих орудий достались большевикам, затем они были модернизированы в пушки образца 1930 и 1934 гг.

Разумеется, недостаток в вооружении Русской армии был проблемой, которая зачастую приводила наших солдат к поражениям, и умалять эту проблему здесь я не намерен. Но Российская империя пыталась перекрыть слабые места своей военной промышленности не столько закупками у союзников, сколько организацией необходимого производства и обеспечения на своих мощностях, поэтому мы не можем сказать, что российское военное руководство смотрело на проблемы армии сквозь пальцы, а промышленность не могла реализовать заказ главнокомандования. Как пример – миномет 58-мм образца 1915 г., который являлся усовершенствованным Лихониным французским минометом, заказанным у Франции в небольшом количестве, но выпущенный в объеме нескольких тысяч штук уже на российских предприятиях.

Есть возможность также обратиться к данным, приводимым генерал-лейтенантом Н. Н. Головиным, который более чем критичен к вопросу о состоянии российской армии в Первой мировой войне. На основании его данных я составил *табл. 15* [78, с. 247–292]. Разбирая вопрос обеспеченности

русской армии необходимым вооружением, в анализе снабжения винтовками он берет в расчет наличие к началу войны, производство, импорт и трофеи. Есть у него данные и по выпуску ружейных патронов и артиллерийских снарядов. Данные по выпуску винтовок у него немного отличаются в большую сторону от тех, что я представил в *табл. 14*, поэтому нужно иметь это в виду при рассмотрении *табл. 15*. Под «потребностью на начало 1917 г.» подразумевается достигнутый уровень от установленной Ставкой потребности в рассматриваемых видах вооружения в январе 1917 г. В ячейке «артиллерия» подсчитаны орудия всех типов, от легких полевых и минометов до тяжелых орудий, но не учтены зенитные орудия (*табл. 15*).

Таблица 15

Вооружение	Всего за 1914–1917 гг.	Потребность на начало 1917 г., в %	Доля импорта / доля трофеев, в %
Винтовки	11 365 000	65	21/6
Пулеметы	75 946	12	55,7/2,6
Ружейные патроны	9500 млн	105,5	26/4
Арт. снаряды	72 742 000	100	21/НД
Артиллерия	36 095	18,3	9,6/НД

В *табл. 15* видно, что собственное производство и импорт не справлялись с обеспечением армии – во многом в силу недооценки масштаба Первой мировой войны, которую ни одна из сторон не планировала вести четыре года. С другой

стороны, доля импорта вовсе не внушительна – не считая пулеметов, все остальное большей частью производили на отечественных мощностях. Недостаток в вооружении ощущала также Красная армия во Второй мировой войне, и покрывался он за счет поставок все тех же союзников – США и Англии, в чем мы далее убедимся. Для того чтобы оценить военно-промышленный комплекс страны, необходимо рассматривать данные в совокупности – от того, насколько успешно армия воевала (в Первой мировой войне Германии и Австро-Венгрии не удалось значительно продвинуться на территорию России), до способности реагировать на недостатки армии, создавать новые подразделения и оснащать их необходимым вооружением как за счет собственного производства, так и за счет импорта. В конце концов, красноречивую оценку имперской промышленности дали впоследствии сами большевики в лице заместителя председателя Госплана СССР Ивара Смильги, в докладе от 5 мая 1931 г. заявившего следующее: *«Как обстоит положение у нас в данное время? Мы получили в наследство от царской России, как я уже говорил, мощную военную промышленность. Это есть исторический факт, с которым надо считаться, факт, который налагает серьезную печать на нашу оборонную политику. Первая задача, которую нам приходится решать в отношении военной промышленности, которая в настоящее время еще занимает гигантский удельный вес в нашей оборонной программе, сводится к тому, чтобы привести эти*

предприятия в надлежащий порядок» [319].

Полагаю, что положение дел в экономике Российской империи, способности ее к индустриализации, ее готовности к серьезной войне более-менее прояснены. Россия не была аграрной страной, динамично развивалась, производила собственное вооружение, а ее зависимость от импортного оружия не была катастрофической. Теперь перейдем к следующему, второму вопросу этой главы. Какой ценой была проведена форсированная индустриализация? Отчасти мы уже рассмотрели это в главе, посвященной голоду 1931–1933 гг. Это самый трагичный, но все же не единственный показатель.

Нэповские годы показали, что можно вести перевооружение и индустриализацию без всякого насилия в отношении крестьян, без массовых арестов и ссылок. Помимо внутренних экономических мер, заключавшихся в сочетании государственной промышленности и оптовой торговли с частным сельским хозяйством, легкой промышленностью и розничной торговлей, позволивших восстановить уровень жизни 1913 г. к 1927–1928 гг., в 1920-е гг. предпринимались шаги по налаживанию экономического сотрудничества с западными странами. Еще в 1922 г. РСФСР заключил договор с Германией – т. н. Рапалльские соглашения, по которым стороны отказывались от взаимных имущественных претензий, устанавливали торговое и военно-техническое сотрудничество. Советская сторона получала доступ к немецким

технологиям, а немцы могли обойти ограничения Версальского мира, тренируя своих летчиков, танкистов и специалистов по химическому оружию на территории Советского Союза. В 1924 г. большевики основали Амторг – акционерное общество в Нью-Йорке, занимавшееся содействием торговле между США и СССР в условиях отсутствия дипломатического признания, привлечением американских инженеров на работу в Союзе и шпионажем. В том же году Франция и Великобритания признали новый режим в Москве.

Не стоял на месте вопрос оснащения армии современным оружием. В 1926 г. была принята трехлетняя программа, предусматривающая разработку и производство собственного танка. Танк был разработан в 1927 г., получил название Т-18 и еще до официального начала Первой пятилетки был выпущен в нескольких сотнях единиц (всего до 1931 г. было выпущено ~ 1000 таких танков). В 1924 г. было выпущено 33 самолета «Поликарпов И-1» – это первые советские истребители. С 1923 по 1931 г. было выпущено свыше 700 учебных самолетов У-1, тоже детище Николая Поликарпова. В конце 1920-х увидел свет очередной пассажирский самолет авиаконструктора Константина Калинина К-4, выпущенный в количестве 39 машин¹⁵. В 1927 г. был начат серийный выпуск авиационных двигателей М-11 конструкторо-

---

¹⁵ Константин Калинин, Аркадий Швецов и Николай Поликарпов – в сущности, не советские, а русские изобретатели, получившие образование и практику как авиаконструкторы еще в Российской империи.

ра Аркадия Швецова. В том же году была открыта Волховская ГЭС, оснащенная и сооруженная по проектам инженера Генриха Графтио¹⁶. Открытие ее и многих других электростанций проходило в рамках плана электрификации страны, т. н. ГОЭЛРО¹⁷, который начали разрабатывать еще в 1915 г., т. е. до революции. Реализацией плана руководили бывшие имперские специалисты¹⁸, что неудивительно, так как русская электротехническая школа считалась одной из лучших в мире [127]. Замредактора печатного органа ВСНХ Николай Вольский (Валентинов) в своей работе о нэпе писал, что *«забитая, разоренная, почти умершая в годы военного коммунизма промышленность в эпоху НЭПа каждый месяц поднималась, шла вперед крупными скачками. В 1922 г. ее общая продукция еле достигает 21 проц, довоенного уровня; в 1923 г. она – 30 проц. В годы управления ВСНХ Дзержинским – темпы восстановления промышленности замечательно растут: в 1924 г. она достигает 39 проц, довоенного уровня, в 1925 г. – 65 проц., в 1926 г. – 90 проц. Наряду с*

---

¹⁶ Генрих Осипович Графтио тоже был инженером имперского времени, а его проект строительства ГЭС на реке Волхов был готов к 1914 г. Реализовать его помешали Первая мировая война и последующая Гражданская война. На примере Волховской ГЭС можно увидеть, как в эпоху нэпа реализовывались проекты, задуманные еще в дореволюционное время, но отложенные исключительно из-за тех трагических событий, что постигли Россию на самом пике ее экономического развития.

¹⁷ Государственная комиссия по электрификации России.

¹⁸ Одним из них был Глеб Кржижановский, еще до революции руководивший строительством электростанций в Подмосковье.

этим подъемом появляются новые производства, до этого не существовавшие в России или находившиеся в зачаточном состоянии...» [46, с. 338].

Примеры можно продолжать, но суть их такова, что сталинская форсированная индустриализация была вовсе не обязательна для подготовки страны к войне и создания в ней мощной индустриальной базы. Обо всех этих, несомненно, важных вопросах задумывались и до Сталина. Военно-техническая и промышленная подготовка страны велась как в Империи, так и в СССР в нэповские годы. В обоих случаях не было проведено массовых репрессий ради достижения определенных экономических показателей. Ситуация от этого становится еще запутаннее потому, что мы не можем быть уверены, что рост производства вооружений в 1930-е гг., уже в самый разгар «индустриализации» – это результат именно сталинской политики, а не «естественный» ход развития процессов, начатых при Империи и продолженных при нэпе усилиями специалистов, получивших свое образование еще в России до революции. Зато можно быть уверенным, что ухудшение жизни рабочих и крестьян в годы сталинских пятилеток – это следствие форсированной индустриализации и коллективизации.

Но процесс шел постепенно. Конечно, в эпоху нэпа большевики не стремились создать райские условия частным хозяйствам и старались мотивировать на ведение корпоративного производства. Усилиями административного ресурса и

налогообложением частные сельские производители вытеснялись из экономики уже со второй половины 1920-х. Но конец частной торговле был положен все-таки в 1930-е. К 1937 г. село было практически полностью коллективизировано, а единоличники почти ушли в прошлое. Деревенские кустари исчезли, а зажиточные крестьяне, имевшие опыт организации эффективного хозяйства и знающие азы юриспруденции для взаимоотношений с государством, находились в ссылке или погибли после антикулацких кампаний 1930–1931 гг. Оставались только колхозные рынки, по которым больно била власть, если колхозы не справлялись с поставками хлеба государству, в качестве наказания. Государство превращалось в единственного собственника и главного экономического агента.

Для выполнения пятилеток нужны были деньги, особенно золото и валюта, которыми можно было оплачивать услуги американских инженеров и их технологии. Чтобы частично профинансировать сталинские пятилетки, была организована торговля через специальные магазины в рамках системы Торгсин – в таких магазинах иностранцам и советским гражданам продавали продукты и прочие товары за драгоценности, золото, серебро и валюту по завышенным ценам (и всё это в довольно тяжелые для страны годы). Спекуляции с Торгсином принесли за период с 1931 по 1936 г. около 290 млн золотых рублей – почти все ценности, накопленные населением, которые могли стать внутренними инвестици-

ями в частные и даже государственные предприятия. Только если в последнем случае инвесторам нужно что-то отдать взамен, то сталинское решение действовать через Торгсин позволяло брать у населения ценности без каких-либо обязательств со стороны государства.

Однако даже изъятых у собственного населения денег не хватало. Страна Советов фактически выпала из мировой экономики еще в начале 1920-х и полноценного экспорта, традиционно приносящего высокую прибыль России, не имела. Когда у Сталина «созрел» план индустриализации (т. е. перехода от новой экономической политики к первоначальному социалистическому накоплению), у страны, разумеется, не было денег и специалистов для такой масштабной работы в соответствующих «форсированным темпам» количествах. Приходилось выходить на связь с американским бизнесом все через тот же Амторг. Вывозить золото и в огромных количествах его добывать. Ввозить технологии и станки. Через Амторг в СССР попадали американские инженеры, вакансии на работу в Стране Советов публиковали американские СМИ левой ориентации, симпатизировавшие коммунистам. Американские и немецкие специалисты, американский капитал буквально создавали новые объекты тяжелой индустрии Советской России. Для Империи потребности в таких махинациях не возникло бы, потому что иностранный капитал и так вкладывался в строительство современных предприятий в России. Однако и здесь комму-

нисты, скорее всего, будут уверены, что созданные с иностранной помощью и технологиями, русскими мозгами, руками и страданиями заводы – это патриотичнее, чем кредиты Российской империи и европейский капитал в экономике, опиравшийся на русских же предпринимателей. Не говоря о том, что многие ведущие инженеры с советской стороны получили свое образование в Российской империи, как, например, Иван Александров, автор совместного с американцем Хью Купером проекта Днепрогэс; Александр Винтер, выпускник Петербургского политеха, и Борис Веденеев, окончивший Петербургский институт инженеров путей сообщения, – все они, как и многие другие, выходцы имперской системы образования, а не советской.

Ведущую роль в сталинской индустриализации сыграла фирма Альберта Кана. Секрет этого талантливого инженера заключался в том, что разработанные им предприятия были стандартизированы: типовые цехи, типовая канализация, типовое расположение электрических коммуникаций, типовые окна, светильники, двери, лестницы и т. д. Такое предприятие можно было буквально упаковать в ящики, перевезти через океан и собрать, как конструктор «лего». Это не красивые имперские заводы из красного кирпича в неоготическом стиле, а серые, монолитные индустриальные центры. Времени и денег на строительство таких сооружений требовалось значительно меньше, чем на добротные предприятия прошлого. Экономия была еще на этапе проекти-

рования, рисования чертежей. Просто представьте себе, что Сталинградский тракторный завод (СТЗ) был полностью создан в США и просто перевезен в СССР в разобранном виде¹⁹. Совместно с американскими инженерами, под наблюдением и контролем фирмы Альберта Кана, в Госпроектстрое было спроектировано около 550 предприятий на советской территории [216]. Оснащение многих новых советских заводов было американско-немецким, закупку оборудования координировала, опять же, фирма Кана. Знаменитый завод ГАЗ (Нижний Новгород) был творением американской компании Austin и всё того же Кана. А производились на нем копии автомобилей «Форд». Немецкая компания «Сименс» обеспечивала СССР паровыми турбинами, а американская «Дженерал Электрик» – электрооборудованием. Магнитогорский металлургический комбинат был спроектирован фирмой *Arthur G. McKee and Co.*, а доменные печи для таких заводов – фирмой *Freyn Engineering Co.* Перечислять иностранный вклад в индустриализацию можно долго – не это здесь хотелось бы отметить, а следующее. Первое – очередной пример лицемерия социалистов, которые критиковали Империю за иностранный капитал в экономике, за неспособность наладить собственное промышленное производство авиадвигателей или автомобилей. Второе – по-

---

¹⁹ При этом СТЗ был заложен еще в годы нэпа, в 1926 г. То есть его появление никак не связано с наступлением эпохи сталинских пятилеток, и нет причин считать, что он не был бы достроен к 1930 г. при нэповских темпах.

чему, если большевикам удалось купить иностранных специалистов, проекты, оборудование, имея такие ограниченные возможности, то же самое не удалось бы Российской империи (или республике), которая имела торговый профицит в течение многих лет? *И* вот как раз анализируя высокую цену, которую отдали граждане СССР за ускоренную индустриализацию, лично для меня остается загадкой – почему при всей той критике, что обрушивали советские пропагандисты на Россию, советская власть, в сущности, продолжала тот же курс индустриализации страны при активном участии иностранных специалистов, который был взят еще в начале XX в. Стоило ли тогда доводить страну до голода, проводить массовые репрессии и сворачивать относительно успешную новую экономическую политику?

Огромными усилиями и махинациями, ценой совершенно вопиющей бедности населения были построены новые заводы нового социалистического общества. В 1930 г. под управлением ОГПУ была развернута целая сеть концентрационных лагерей (как новых, так и старых), названных исправительно-трудовыми лагерями (ИТЛ). Узники этих лагерей занимались лесозаготовками, строили железные дороги в северных регионах страны, а также трудились на строительстве Беломорканала. Во многом заданные темпы строительства удавалось соблюдать за счет широкого использования дешевого труда спецпереселенцев – тех, кто в ходе антикулацкой кампании начала 1930-х гг. был лишен дома, се-

мы, выслан в далекие районы и лишен гражданских прав. Все, кто подходил для работы, были задействованы в ней – с 1931 г. спецпереселенцев как раз передали в ведение ГУЛАГа, созданного годом ранее. ГУЛАГ – главное управление лагерей, объединяло десятки таких учреждений по всей стране. Сначала это были только исправительно-трудовые лагеря, затем с 1933 г. были организованы трудовые поселения (куда попадали ссыльные «кулаки», ссыльные поляки, украинцы, литовцы, вайнахи и т. д., затем после войны – пленные немцы, «власовцы» и др.), а в 1934 г. под надзор Главного управления лагерей попали республиканские колонии, которые более известны как ИТК – исправительно-трудовые колонии. В разное время во всех этих местах заключения более-менее стабильно находилось несколько миллионов человек. Например, в 1938 г. в спецпоселениях числилось 877 тыс. человек, в ИТЛ – 996 тыс., в ИТК – еще 885 тыс., т. е. всего почти 2,8 млн человек. Исключая детей в трудпоселках, все остальные служили рабочей силой для сталинских строек. Такой жестокий способ форсировать развитие страны был вызван как подавлением экономических и гражданских свобод граждан, так и идеологическими соображениями, позволявшими использовать «классово враждебных» в тяжелых работах.

Впрочем, тяжело было не только заключенным, но и тем, кто оставался на свободе. Если смотреть даже на официальные советские данные, уровень жизни населения упал в пе-

риод с 1930 по 1933 г., а до 1939 г. рос очень незначительно. При этом потребление различных продуктов питания сильно ухудшилось со времени сворачивания политики нэпа и к 1937 г. было гораздо ниже, чем в царский 1913 г. К 1937 г., как видно в *табл. 16* из доклада ЦСУ СССР Н. А. Булганину от 3 октября 1955 г., снизилось годовое потребление хлебных продуктов, молока и молочных продуктов, мяса и мясных продуктов, рыбы, яиц. Зато стали больше есть картошку и сахар – высококалорийные и малополезные продукты. То есть сталинская промышленность не смогла обогнать уровень «аграрной» России 1913 г., оставив население с танками, картошкой и сахаром.

Таблица 16

Изменение структуры и уровня питания населения СССР за время с 1913 по 1954 г. (на душу в год – килограммов) [90]

	1913 г.	1928 г.	1937 г.	1940 г.	1950 г.	1954 г. (предварительные)
Хлебные продукты (хлеб в переводе на муку, мука, крупа, макаронные изделия)	200	214	192	195	172	180
Картофель	75	130	151	118	241	153
Овощи и бахчевые	40	72	78	67	51	66
Мясо и сало (с гольем)	27	32	18	24	26	32
Рыба и рыбные продукты	6,7	3,5	5,6	5,1	7,0	8,9
Молоко и молочные продукты в молоке	154	182	138	143	172	175
Яйца (штук)	48	60	43	54	60	84
Масло растительное	Н<ет> с<ведений>	2,6	2,0	2,3	2,7	4,8
Сахар	8,1	7,5	13,8	8,7	11,6	20,9

Ухудшение питания сказывалось на антропометрических данных (табл. 17). Так, если вес новорожденных мальчиков в Москве в 1916 г. был в среднем 3,575 кг, то в 1930 г. он снизился до 3,520 кг, в 1931 г. – до 3,490 кг, а в 1934 г. – упал до 3,390 кг. В 1937 г. он уже был всего 3,270 кг [222]. А ведь Москва была самым благополучным городом СССР!

Таблица 17

Год рождения	Рост, мм	Вес, г	Год рождения	Рост, мм	Вес, г	Год рождения	Рост, мм	Вес, г
1916	524	3575	1930	521	3520	1944	509	3410
1917	529	3650	1931	519	3490	1945	511	3300
1918	527	3540	1932	517	3480	1946	512	3350
1919	526	3400	1933	518	3400	1947	513	3360
1920	534	5530	1934	506	3390	1948	514	3480
1921	533	3545	1935	515	3540	1949	515	3400
1922	532	3525	1936	512	3450	1950	512	3390
1923	531	3500	1937	509	3270	1951	511	3445
1924	534	3520	1938	509	3405	1952	514	3450
1925	531	3525	1939	509	3490	1953	518	3540
1926	538	3625	1940	520	3510	1954	520	3455
1927	534	3595	1941	512	3520	1955	519	3450
1928	529	3575	1942	510	3460	1956	515	3570
1929	524	3540	1943	508	3425	1957	519	3450

Апологеты социализма могут возразить, что снижение веса новорожденных связано с увеличением выживаемости младенцев благодаря развитию медицины. Действительно, сегодня средний вес детей может быть даже меньше, чем в 1920-е гг. Но в этом случае такая аргументация не работает, так как у нас есть данные по детской смертности – она в эти годы увеличилась, и у городских детей – особенно. Если в 1928 г. смертность на 1000 новорожденных в городах составляла 150, то в 1931 г. – 183, в 1933 г. – 211, даже в 1937 г. – 181, т. е. выше, чем в последний год нэпа [291]. В годы форсированной индустриализации резко упала и рождаемость. Еще в 1929 г. коэффициент рождаемости был 41,1 (в 1913 г. – 47), а в 1932 г. буквально рухнул до 31,5, в

1935 г. – до 30,3. Рождаемость в 1930-е гг. была стабильно ниже, чем в 1920-е [291].

Н. Вольский писал, что «с 1925 г. по 1937 г. номинальная заработная плата выросла в 5,5 раза, а стоимость продуктов выросла, минимум, в 8,8 раза. В ценах питания средняя заработная плата в 1937 г. была не 48 рублей, как в 1925 г., а только 28 рублей. Набор продуктов питания в зарплате главы рабочей семьи занимал в 1925 г. – 51 проц., а в 1937 г. – 87 проц. За одно и то же количество продуктов питания семейный рабочий должен был работать в 1925 г. 88 часов, а в 1937 г. 151 час. Прибавлю, что 1937 год, в сравнении с 1930–1936 годами, считался благополучным» [46, с. 181]. 87 % на еду! Такова была цена «первоначального социалистического накопления».

Наконец, третье, что нас интересует в данной главе, – достигла ли сталинская форсированная индустриализация своей цели? Давайте посмотрим, насколько хорошо жесткий курс на социализм смог подготовить страну к войне с самым страшным врагом в истории человечества – нацистской Германией. Простые цифры: 18759 боевых самолетов, 23106 танков, 117 581 орудие всех видов [31]. Цифры внушительные. Из 23106 танков 10268 относились к различным версиям Т-26 – советского легкого танка, сменившего Т-18 еще в 1931 г.; 1110 машин были новенькими средними танками Т-34; 5266 относились к легким БТ-7; 1704 к легким БТ-5; 489 к тяжелым КВ-1 и КВ-2. Разумеется, не все эти силы

были сосредоточены только против Германии – это наличие техники во всех военных округах. Что еще важнее – не вся эта техника была исправна, т. е. готова к бою. В частности, учитывая, что значительную часть танков составляли уже не свежие версии модели Т-26. Поэтому исправных танков было поменьше – 18691 единиц, или чуть меньше 81 % от общего числа. То же самое с авиацией – 16052 исправных самолета, или 85,5 % от общего числа. Но дальше еще интереснее. СССР потерял практически все это богатство в первые полгода войны. С 22 июня по 31 декабря 1941 г. было потеряно 20,5 тыс. танков (с учетом поступивших за эти полгода еще 5,6 тыс. новых); 17,9 тыс. боевых самолетов (с учетом поступивших за эти полгода 9,9 тыс. новых); 101,1 тыс. орудий и минометов. Таким образом, на 1 января 1942 г. вооружение СССР было намного скромнее, чем в начале войны: 7,7 тыс. танков всех типов, 12 тыс. боевых самолетов и 70,1 тыс. орудий [157]. Разумеется, это все равно внушительные силы, но дело не в этом. Страна потеряла практически всю технику, разработанную, выпущенную и накопленную за годы индустриализации и накануне войны. Германские войска продвинулись так глубоко на территорию СССР, достигнув Ленинграда, Москвы и Сталинграда, что значительное число предприятий пришлось эвакуировать еще в самом начале войны на Урал. Человеческие потери не поддаются точным подсчетам – они огромны. В немецкий плен попали несколько миллионов солдат. Готовившиеся к войне

долгие годы большевики допустили катастрофу в результате ряда ошибочно принятых решений, хотя армия была вполне боеспособной.

Все станет еще интереснее, если мы посмотрим более подробно, кто производил основное вооружение для Красной армии в последующие годы войны (*табл. 18*). И тут выясняется, что и основной бронетанковый костяк – танки Т-34 и Т-34-85, и стрелковое оружие производилось на заводах, не просто основанных еще при Империи, но уже в имперские времена бывших достаточно мощными военно-промышленными центрами.

Таблица 18

Производство танков Т-34 [357] и Т-34-85 [358] на заводах СССР в годы Великой Отечественной войны

Завод	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1944 г. (Т-34-85)	1945 г. (Т-34-85)	Всего
Харьковский завод (1897)	115	1560	-	-	-	-	-	1675
УТЗ № 183 (Харьковский завод в эвакуации)	-	25	~5700	~7500	1838	6583	7356	29002
Сталинградский тракторный завод (1926–1930)	-	1250	~2400	-	-	-	-	3650
Красное Сормово (1849)	-	161	~2700	~2900	540	3079	3255	12635
Омский № 174 (Эвакуированный Ленинградский завод «Большевик», бывший Обуховский завод, 1863)	-	-	417	1347	1163	1000	1940	5867
ЧКЗ (сталинский ЧТЗ + эвакуированные Кировский завод (1801) и др.)	-	-	1055	~3600	445	-	-	5100
УЗТМ (1933)	-	-	267	439	-	-	-	706

Таблица производства танков Т-34 и его усовершенствованной версии показывает нам, что основной танк Красной армии внезапно производился на заводах, основанных в Российской империи. Красное Сормово еще в XIX в. специализировалось на судостроении и паровозостроении. Харьковский завод, основанный в 1896 г., во время Первой мировой войны, помимо паровозов, обеспечивал военные заказы на снаряды, двигатели, вагоны и детали для подводных лодок. Омский завод № 174 возник на инженерно-технической базе Обуховского завода, основанного в 1863 г. И это неудивительно, поскольку Обуховский завод выпускал тор-

педы, корабельную броню, снаряды и мины, пушки, артиллерийские башенные установки, колеса для железнодорожного транспорта, оптические приборы. Именно эти три старинных предприятия, имеющие многолетний опыт военного производства, и выпустили большую часть танков Т-34. С немалой натяжкой я обозначил ЧКЗ как сталинский завод, хотя в действительности в его танковом производстве принимали участие специалисты с Кировского (Путиловского) завода, использовалось его оборудование. Сталинградский тракторный завод тоже едва ли можно назвать детищем сталинской индустриализации, ибо он был заложен еще при нэпе. Единственный «чистый» сталинский «выпускник» здесь – это УЗТМ²⁰, но на него приходится самый скромный выпуск наших «тридцатьчетверок». Разумеется, на это можно возразить, что благодаря форсированной индустриализации все эти заводы были оснащены необходимым оборудованием. С этим трудно не согласиться. Но с какой стати мы должны допускать, что передовые имперские заводы с первоклассной инженерной школой и традициями военного производства не получили бы необходимое оборудование и без сталинских пятилеток, будь то в рамках нэпа или если бы Империя продолжила свое существование?

Аналогичную ситуацию мы увидим в производстве основных видов стрелкового оружия в годы Второй мировой войны (*табл. 19*).

---

²⁰ УЗТМ – Уральский завод тяжелого машиностроения.

Картина вырисовывается довольно ясная с одной стороны, и загадочная – с другой. Во-первых, видно, что большая часть стрелкового оружия в СССР производилась там же, где и во времена Российской империи, – на старинных оружейных заводах в Туле, Ижевске и Сестрорецке. Ковровский завод был основан в 1916 г., и предполагалось выпускать на нем датские пулеметы Мадсен, но делу помешали революция и дальнейшая национализация. Тем не менее в годы Второй мировой войны предприятие использовалось по назначению – основной его продукцией являлись пулеметы. Во-вторых, все упомянутые в *табл. 19* советские предприятия появились непосредственно в годы войны. Завод № 526 был основан в городе Новокузнецке для поддержки основных предприятий и за годы войны выпустил 72 тыс. ручных пулеметов – что совсем немного, учитывая количество выпущенных пулеметов Дегтярева. Вятско-Полянский завод – это несколько эвакуированных в 1941 г. предприятий. Завод № 569 «Звезда» основан 27 июня 1941 г. в Сергиевом Посаде, т. е. через пять дней после начала войны. Мы совсем не видим здесь участия тех сотен заводов, которые были построены Сталиным в 1930-е гг. в ходе «первоначального социалистического накопления».

Таблица 19

Модель	Выпуск	Завод выпуска	Изобретатель
Винтовка Мосина 1891/30	12 139 000 [378]	Тульский оружейный з-д (1712), Ижевский оружейный з-д (1807)	Мосин
Пулемет Дегтярева (всех типов)	829 000 [377]	Ковровский з-д (1916), № 526 (1942)	Дегтярев
ДШК	9000	Ковровский з-д (1916)	Дегтярев Шпагин
ППС [259]	500 000	Сестрорецкий оружейный з-д (1714)	Судаев
ППШ	6 000 000	Вятско-Полянский з-д (1941), Ковровский з-д (1916), Токмаковский з-д (1882), № 569 (1941)	Шпагин
СВТ	1 600 000*	Тульский з-д, Ижевский з-д	Токарев
СГ-43 [282]	80 000	Ковровский з-д	Горюнов

* 1,6 млн СВТ были произведены с 1939 г. Дело в том, что большая их часть была потеряна в 1941 г. и в дальнейшем, в силу дороговизны и сложности винтовки, ее производили мало, отдав предпочтение винтовке Мосина.

Пожалуй, действительно заметно влияние советских заводов в выпуске боевых самолетов. Так, самый массовый истребитель Ил-2 в основном выпускался на заводе № 18, расположенном в Самаре – эвакуированном в 1941 г. Воронежском авиационном заводе, открытом в 1932 г. За годы войны предприятие выпустило 15 тыс. Ил-2. С другой сторо-

ны, нельзя не заметить, что многие авиационные предприятия были созданы не во время сталинских пятилеток, а при нэпе, в том числе на базе уже существовавших имперских предприятий аналогичного направления. Прежде всего, это ГАЗ-1 (Государственный авиационный завод). ГАЗ-1 – национализированный в 1919 г. главный имперский авиационный завод «Дуке», основанный в 1893 г. За годы войны «Дуке» передал армии России 1596 самолетов [125]. До Второй мировой войны *«завод оставался единственным специализированным заводом по авиационному вооружению. Здесь выпускались практически все установки стрелково-пушечного вооружения для истребительной, штурмовой и бомбардировочной авиации страны»* [125]. В годы войны бывший «Дуке» и связанные с ним эвакуированные предприятия, объединенные в начале войны, выпустили 11863 Ил-2, 1225 Ил-10, 3122 МиГ-3 [286]. Буквально напротив «Дукса» в 1920 г. появился завод «Авиароботник» – но тоже на базе существующей там с 1916 г. ремонтной мастерской и Военно-центрального парка-склада [5]. В 1922 г. завод становится «Ремвоздухзаводом № 1», а в 1927 г. стал Московским авиационным заводом № 39. Также в 1926 г. появляется смоленский «Ремонтно-авиационный завод № 3», переименованный в 1928 г. в завод № 35. В годы войны он был эвакуирован и вошел в завод № 1, т. е. тот самый бывший «Дуке». Если продолжать разбираться, то становится не совсем понятно, а что же, собственно, было создано при Ста-

лине в 1930-е гг. Споры нет, в 1920-е гг. авиация в СССР неплохо развивалась, тем более от имперского времени досталось много талантливых конструкторов: Шавров, Туполев, Поликарпов, Петляков, Ильюшин и другие. Но мы снова и снова возвращаемся к вопросу: а где тут мастодонты форсированной индустриализации? Не являлось ли все то, что было сделано в 1930-е гг., лишь продолжением развития, заданного еще в дореволюционной России?

Наконец, даже предмет гордости социалистов – автаркия советской промышленности, ее независимость от Запада, – в реальности не существовала. Все прекрасно знают про поставки помощи от США и Англии в СССР по программе ленд-лиза. Чаще всего полагают, что основная доля поставки приходилась на пищевые продукты и обмундирование. Но это не так. США оказывали СССР огромную техническую помощь, настолько значительную, что о какой-либо автаркии в результате индустриализации говорить не приходится. Таким образом, мы подходим к завершающему этапу в разборе третьего вопроса этой главы: достигла ли сталинская индустриализация своей цели?

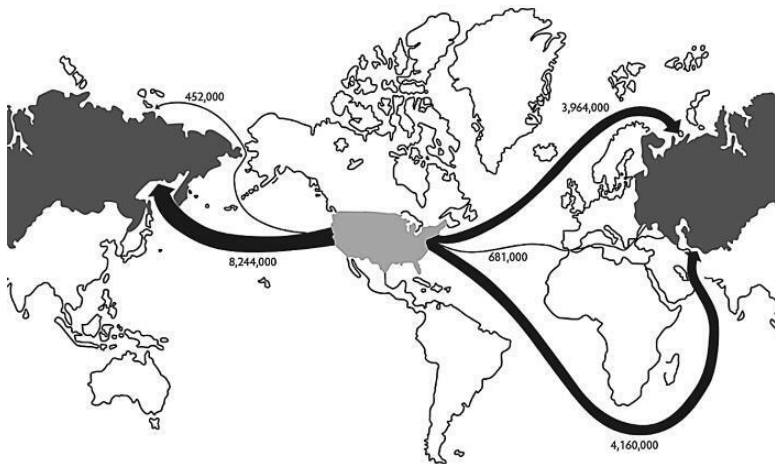
Ленд-лиз и вклад Запада в победы на Восточном фронте

После того как мы представили себе положение дел с обеспечением армии в Российской империи в годы Первой мировой войны, принимая во внимание основную нашу посылку дать опровержение одному из самых главных мифов в истории социализма – подъему при большевиках «от сохи к атомной бомбе», подготовившей СССР к войне с Третьим рейхом, – мы обязаны перейти к вопросу о роли импорта вооружений и припасов в годы Второй мировой войны. Говоря о таком импорте, я подразумеваю, прежде всего, ленд-лиз – государственную программу США, принятую в 1941 г., в соответствии с которой американские союзники получали военно-техническую и продовольственную помощь. Под ленд-лизом также подразумевают и поставки в СССР из Великобритании, хотя эти поставки регламентировались другими соглашениями, заключенными между странами отдельно в том же 1941 г. Частично эти поставки были безвозмездными, частично были оплачены ответными поступлениями сырья, предметов искусства и драгоценных камней. Вне ленд-лиза стоят поступления лошадей и других благ из Монголии и Китая.

Вклад союзников в материально-техническое обеспечение Красной армии и военного производства СССР весьма

велик. Это легко доказать, посмотрев на помощь по ленд-лизу, которая предоставляла СССР не только тысячи единиц самолетов и танков, сотни тысяч автомобилей, запчасти, но и пищу, одежду, материалы. Помощь поставлялась по трем основным направлениям: через Персию, по северному маршруту (Норвежское и Баренцево море) и через Тихий океан (рис. 1). Последний был основным маршрутом, на него приходилось 47,1 % всех поставок. Маршрут через Тихий океан, будучи основным, постоянно находился под угрозой нападения японских кораблей. Учитывая, что США в эти годы воевали с Японией как с участницей Оси, можно быть уверенным, что Тихоокеанский фронт имел значение не только для США, но и для СССР – хотя этому фронту обычно не уделяют особого внимания.

Давайте посмотрим, что же получал СССР по ленд-лизу и соглашениям с Великобританией.

Рис. 1. Поставки в СССР из США с 22 июня 1941 г. по 20 сентября 1945 г. [111]

Примечание: Поставки в Персидский залив осуществлялись по нескольким маршрутам. Числа указывают общий вес отгруженных товаров в английских (длинных) тоннах. Одна английская (длинная) тонна равна 1016,05 кг.

Самолеты – свыше 18700 единиц, включая такие известные боевые машины, как «Спитфайр» (1331 ед.), «Харрикейн» (более 3000 ед.), «Тандерболт» (203 ед.) и «Аэрокобра» (4952 ед.). «Аэрокобра» Р-39 стала машиной, на которой показали себя советские летчики-асы. Например, Александр Покрышкин сбил 48 вражеских самолетов из 59 именно на этом самолете. Также СССР получал «Дуглас» А-20

в различных модификациях. А-20 получил у советских летчиков очень хорошую репутацию и мог легко потягаться с лучшими самолетами Третьего рейха. Когда «Дугласы» появились на советско-германском фронте, они обгоняли наши новые Пе-2. Американский бомбардировщик отличался хорошей маневренностью и большим практическим потолком. Ему легко давались глубокие виражи, он свободно летал на одном моторе. Учитывая слабую подготовку летчиков, ускоренно выпущенных из училищ в годы войны, очень важны становились пилотажные качества самолета. Здесь «Бостон» был превосходен – прост и легок в управлении, послушен и устойчив на виражах. Взлет и посадка на нем выполнялись куда проще, чем на отечественном Пе-2» [151]. Всего таких машин разных модификаций было поставлено в СССР 3125.

В целом роль американско-британских самолетов в отдельных ключевых сражениях была весьма высокой. Так, в воздушных сражениях за кубанское небо весной-летом 1943 г., где решающей задачей было не допустить превосходство немцев в воздухе, «Аэрокобры», «Дугласы», «Кёртисы» и «Спитфайры» составляли 20 % всего парка самолетов на этом участке фронта. Особенно важной была роль «Аэрокобр» Р-39 – по качеству сборки, мощи вооружения, живучести и наличию качественной радиосвязи превосходившие как немецкие, так и советские истребители. Если не считать те самолеты, что уже были у СССР до начала войны, и учесть

только произведенные за 1941–1945 гг., то доля импорта в боевой авиации составляла 14,15 % и 12,44 %, если учитывать их. Причем уже в первый год войны импортная авиация составила солидные 8,38 %, а к 1943 г. составляла даже 17,59 % от всего снабжения армии боевой авиацией [251].

Помимо самолетов, в большом количестве поставлялись танки, САУ, бронев автомобили, бронетранспортеры – всего свыше 19 тыс. единиц [112] – это только дошедшие до адресата, утерянные в ходе доставки не считаются. Сюда входили такие машины, как «Тетрарх» (20 ед.), «Матильда» (918 ед.), «Валентайн» (3332 ед.), «М3 Стюарт» (1232 ед.), «М4А2 Шерман» (3664 ед.), «М3 Ли» (976 ед.), «М3А1 Скаут» (3034 ед.) и т. д. Если учесть, что из этих 19 000 единиц 11224 – танки и САУ, и если принять, что за годы войны в СССР было выпущено 102 800 танков и САУ, мы получим 10,9 % доли союзнических поставок в общем парке танков и САУ в СССР. Учитывать довоенный запас свыше 23000 танков не имеет смысла, поскольку большая часть этого запаса была потеряна в катастрофе 1941 г. и состояла из уже устаревших к 1942 г. машин. При этом в 1942 г. доля импортных танков составила более 12 % всех поставленных в армию. Доля импортных бронемашин без учета довоенных запасов СССР составила почти 27 %, бронетранспорта примерно одна десятая от всего снабжения [251]. Интересный факт: в битве за Кавказ 1942–1943 гг. 70 % боевых машин были англо-американскими. В частности, в составе 5-й Гвар-

дейской танковой бригады было 40 «Валентайнов» и всего 4 советских танка [145].

Касательно грузовых машин все обстояло намного хуже. Необходимые для ракетных установок, перевозки артиллерии, пехоты и снабжения грузовики в СССР производились в гораздо меньшем количестве, чем их было поставлено союзниками. Кроме того, имеющиеся в наличии на начало войны грузовики ГАЗ-АА и ЗИС-5 были слишком легкими, им недоставало проходимости, многих из них попросту изъяли из гражданского использования, а затем они были потеряны в тяжелых боях 1941 г. Таким образом, СССР довольно быстро оказался без тяги. Понадобилась помощь союзников. За годы войны США поставили СССР 360980 грузовых машин [228]. Около 175 000 этих грузовиков приходится на US6 Studebaker – грузовики, которые США фактически производили специально для СССР, поскольку в своей армии американцы их не использовали, а остальным союзникам были отгружены очень скромные объемы таких машин. Еще примерно 77 000 приходилось на грузовик Ford 2G8T/G8T. Собственное производство грузовиков в СССР было довольно скромным, примерно 150–156 тыс. за всю войну; к ним добавляется мобилизованный для войны автопарк, произведенный в довоенные годы. Основная масса советских грузовых машин приходилась на ГАЗ-АА, но этот грузовик ни в какое сравнение не шел со «Студебекером» – его грузоподъемность всего 1,5 тонны против 2,5–5 тонну

US6. Доля союзных поставок определяется в пределах от 63,4 до 67,5 % [228].

По многим другим жизненно важным для войны благам СССР сильно зависел от поставок союзников. Это порох (29 %), тринитротолуол (19,66 %), мотоциклы (55,36 %), гусеничные тракторы (7,7 %), металлорежущие станки (21,55 %), кузнечнопрессовое оборудование (26,11 %). Не обеспечила сталинская индустриализация столь желанной независимости от импорта и в промышленно значимых вещах, таких как алюминий (доля импорта более 46 %), магний (почти 34 %), кобальт (около 62 %), кадмий (около 51,7 %), ртуть (более 49 %), голый провод (37,62 %), кабель всех видов (48,35 %), никель (более 25 %), свинец (более 22 %), цинк (18,5 %), стальные трубы (более 10 %), рельс (32 %), молибден (более 71 %), вольфрам (более 47 %) и многое другое [251]²¹.

Некоторые позиции поставок замещали критически слабые места советской промышленности. Так, сульфаниламиды и пенициллины, необходимые в советских госпиталях для лечения раненых и больных, почти все поставлены американцами и англичанами. *«Сложное медицинское оборудование, лекарства, расходные материалы, хирургические пе-*

---

²¹ В приведенных данных я нигде не учитывал имеющиеся к началу войны запасы. Во-первых, потому что часть запасов была потеряна в 1941 г., во-вторых, потому что они естественным образом изнашивались или расходовались, и сколько их оставалось к концу 1941 г., а сколько прослужило всю войну, узнать не представляется возможным.

редвижки, рентгеновские аппараты, стерилизаторы и прочее медицинское оборудование для многих спорщиков заметны еще меньше – но именно они доставляемые по программе ленд-лиза> спасали жизни и предотвращали инвалидность раненых бойцов» [165]. Четверть тоннажа ввезенных поставок составляло продовольствие – внушительная цифра, учитывая важность пищи для ведения любой войны как для солдат, так и для мирного населения. 664600 метрических тонн американских мясных консервов составляли 108 % от собственного, советского, производства [350].

Обеспечивал ленд-лиз и куда более технологичными вещами. Так, «количество высокотехнологичного производственного оборудования в поставках ленд-лиза оказалось достаточным, чтобы укомплектовать собственное производство уже в СССР. Например, советский артиллерийский радиолокатор СОН-2 – практически точная копия британского радара, созданная советскими лабораториями с помощью завезенного оборудования... При сравнении лишь общих цифр выпуска крайне легко “забыть”, что даже сто тысяч миллионов советских напильников так никогда и не заменят один-единственный станок для нарезки погона башни. Задержка выпуска танка Т-34-85 до середины марта 1944 года заводом № 183 была вызвана именно отсутствием необходимых станков и полной невозможностью их где-либо взять, кроме как получить по ленд-лизу» [165].

Еще одним критичным пунктом был качественный бен-

ЗИН: «...не хватало высокооктановых бензинов. Так, в 1941 г. накануне войны потребность по авиационному бензину Б-78 была удовлетворена всего на 4 %. В 1940 г. в СССР было произведено 889 тыс. т авиабензина, в 1941 г. – 1269 тыс. т, в 1942 – 912, в 1943 – 1007, в 1944 – 1334 и в 1945 г. – 1017 тыс. т. Всего за годы войны в США по ленд-лизу и в рамках советских заказов было поставлено 666 тыс. т авиационного бензина, из которых после отправки было переадресовано в другие места 37,65 тыс. т, так что чистая поставка составила 628,4 тыс. т. Кроме того, чистая поставка бензиновых светлых фракций из США в СССР достигла 732,3 тыс. т. Помимо этого с Абаданского нефтеперерабатывающего завода Великобритании поставила в СССР 14,7 тыс. т авиационного бензина и 902,1 тыс. т бензиновых светлых фракций (эти поставки были компенсированы Великобританией США). К этому необходимо также добавить 573 тыс. т авиационного бензина, поставленного в СССР с нефтеперерабатывающих заводов Великобритании и Канады. В сумме все это дает 2850,5 тыс. коротких тонн авиабензина и светлых бензиновых фракций, полученных СССР из США, Великобритании и Канады, что равно 2586 тыс. метрических тонн. В Советском Союзе импортный авиабензин и светлые бензиновые фракции использовались почти исключительно для смешивания с советскими авиабензинами с целью повышения их октанового числа, так как советские самолеты были приспособлены к исполь-

зованию бензинов с гораздо более низким октановым числом, чем на Западе. Достаточно сказать, что более 97 % импортного бензина имело октановое число 99 и выше, тогда как в СССР в огромном дефиците, как мы уже видели, был даже бензин Б-78. Поэтому фактически поставленный по ленд-лизу авиабензин был включен в советское производство авиабензина и составил, следовательно (вместе со светлыми бензиновыми фракциями), 51,5 % от советского производства 1941–1945 гг.» [350].

Как видно, СССР получал очень значительную помощь от союзников. Советские летчики-асы одерживали победы на американских самолетах, британские и американские танки участвовали в битвах на всех фронтах. Гражданские и военные СССР утоляли голод благодаря поставкам продовольствия с Запада. Военные были одеты и обуты в американские и британские ботинки, застегнуты в их пуговицы. Необходимые для снабжения войск, перемещения артиллерии и установки систем залпового огня грузовики поставлялись в таких количествах, которые были не под силу для промышленного производства Советского Союза. Алюминий, порох, топливо – без этих ресурсов вести войну просто невозможно. Поэтому вклад союзников в победы на Восточном фронте значителен – их граждане трудились для обеспечения Восточного фронта необходимыми ресурсами. Производство некоторых моделей американских и британских танков и самолетов почти наполовину приходилось на СССР (напри-

мер, танк «Валентайн») – т. е. промышленность союзников буквально работала на победу СССР над Германией. Нельзя не учитывать, когда мы сравниваем объем западных поставок по отношению к советскому производству, тот факт, что последнее зависело от ресурсов, поставляемых по ленд-лизу. Вспомните цифры поставок промышленных ресурсов. Это те ресурсы, которые необходимы для производства любой военной техники, для ведения войны вообще. Так что даже в само советское внутреннее производство союзники внесли весомый вклад. Например, *«советская авиационная промышленность – основной потребитель алюминия – работала главным образом за счет западных поставок... алюминий использовался и в производстве моторов для знаменитых советских танков Т-34»* [350]. Возможна ли была победа без материалов, из которого производили орудия победы?

Помимо такой очевидно важной роли в победе на Восточном фронте, союзники здорово помогали СССР непрерывающимися бомбардировками Германии. Ни у Германии, ни у СССР не было такого мощного флота бомбардировщиков. Союзники практически уничтожили немецкое производство синтетического топлива и угля к 1944 г., а также своими непрерывными воздушными атаками снижали темпы производства самых современных видов оружия немецкой военной промышленностью. Помимо бомбардировок городов и промышленных комплексов, смертельный урон был

нанесен немецким военно-воздушным силам. Очень важно понять значимость этого факта – ведь люфтваффе были главным видом вооруженных сил Германии, для которых предназначались самые высокие квоты по стали и рабочим. Учитывая, что союзники поставляли СССР десятки тысяч самолетов и алюминий для их производства, в то же время обескровив люфтваффе, можно сказать, что союзники постоянно, с 1941 г., поддерживали СССР в воздухе.

Вклад иностранной помощи в победу над Третьим рейхом был высоко оценен советскими деятелями самого высокого уровня. Так, в записке председателя КГБ Семичастного в ЦК КПСС о настроениях маршала Георгия Жукова сообщается, что Жуков в беседе с сослуживцами сказал, что *«нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну. Получили 350 тысяч автомашин, да каких машин!.. У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали. Разве мы могли быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью. А сейчас представляют дело так, что у нас все это было свое в изобилии»* [314]. Такие настроения подтверждал и Никита Хрущев в своих мемуарах. Он писал: *«Я надеюсь, что моя точка зрения найдет отражение в исследованиях тех историков, которые попробу-*

ют объективно разобраться в обстановке, сложившейся в 1941–1943 гг. Впрочем, и в 1944–1945 гг. американцы многое нам давали. Уже после войны Жданов съездил в США, и мне сказали, что после этого по ленд-лизу мы получили мощный прокатный американский стан и этот стан решено смонтировать на заводе им. Ильича в Мариуполе, потом этот город назвали Жданов. Я туда съездил. На монтаже работали японцы. Монтаж был организован узлами, чтобы быстрее ввести стан в строй. Итак, мы получали от союзников оборудование, корабли, много военного снаряжения. Это сыграло важную роль в войне. Почти вся наша артиллерия была на американской тяге. Как-то, уже после смерти Сталина, я предложил: «Давайте все машины, которые мы производим, дадим нашим военным, потому что просто неприлично смотреть: идет парад, а тягачи – американские». Почти вся наша военная техника, которая стояла в ГДР, тоже была на американских «студебекерах». Это неудобно, это для нас позор. Уже сколько лет прошло, как кончилась война, а мы все еще ездим на американской технике» [389].

Можно сколько угодно восхищаться быстротой индустриализации при Сталине в 1930-е гг., считая это успехом социализма, о построении которого так долго мечтали утописты. Однако успех любого предприятия всегда нужно оценивать, соотнося затраченные на него ресурсы (издержки), потери, долговременные эффекты. В первую очередь нужно иметь в

виду, что сталинская индустриализация, построенная на сугубо радикальных социалистических принципах (полное подавление частного рыночного производства, обобществление), весьма сомнительна. Если рост тяжелой индустрии, военно-промышленного комплекса, выпуска промышленной продукции и электроэнергии происходил и в 1900-1920-е гг., то не является ли дальнейший рост 1930-х следствием уже заданного курса, а не перехода к «первоначальному социалистическому накоплению»? Что, если сталинская политика не ускорила, а замедлила развитие? Во-вторых, примем во внимание падение антропометрических данных советских граждан, рождаемости и качества питания – это лучше всего свидетельствует о падении уровня их жизни. Россия потеряла из-за политики форсированной индустриализации и коллективизации миллионы граждан. Свыше 7 млн человек погибло только во время голода 1931–1933 гг. Возможно, что хотя бы при сохранении нэпа уровень жизни в 1930-е был бы выше, чем в 1913-м (к концу 1920-х он и был немного выше). Это значит, что начало 1940-х гг. Россия встретила бы с большей численностью населения, с более здоровой мужской и женской популяцией. В-третьих, надо понимать, что большевики проводили совершенно хищническую политику по отношению к собственным гражданам – продавали по завышенным ценам продукты питания, лишали их экономической свободы, свободы перемещения и мысли, использовали принудительный труд заключенных на стройках. Конечно,

не все были такими идейными социалистами, неспособными идти на компромиссы. Например, будь у власти в те годы Николай Бухарин, все было бы по-другому (он являлся противником форсированной индустриализации и коллективизации, выступал за сохранение индивидуальной экономической деятельности в сельском хозяйстве). Но у власти оказались люди, являвшиеся убежденными социалистами, более чем Бухарин и ему подобные, возможно слишком увлекавшиеся «буржуазными теориями». В-четвертых, результаты жестокой индустриализации оказались не столь велики, если учесть демографические, финансовые и репутационные издержки страны и даже самого режима. СССР по-прежнему, как и Российская империя, нуждался в импортном снаряжении для солдат, в автомобилях, боеприпасах и т. д. Но если Российская империя не совершала экспериментов огромной ценой, то СССР проделал абсолютно авантюристский опыт над собственными гражданами. Этот факт, на мой взгляд, есть гвоздь в гроб мифа о великой стройке социализма при Сталине.

Борьба социалистов с христианской религией в России

С самого начала своего существования марксистско-ленинская доктрина важнейшим элементом своего учения называла атеизм и борьбу с религией в любом ее проявлении. Борьба против религии была борьбой за социализм. Поколения советских руководителей исходили из этих предпосылок и верно им следовали десятилетиями, все время своего правления Россией. Причем антирелигиозная борьба проходила в разном темпе в разные годы, в зависимости от внешних условий – большевики были страшными конъюнктурщиками и, сохраняя приверженность стратегии, постоянно меняли тактику. Однако результат однозначный – практически полное уничтожение христианских церквей (особенно прежде процветающей и многочисленной православной церкви) к концу 1930-х гг., затем вынужденное по ряду причин, о которых мы поговорим ниже, восстановление некоторых позиций православия, затем снова антирелигиозная борьба, и, как итог, в новую эпоху истории России в 1991 г. православная церковь вошла, имея едва ли не 10 % от дореволюционного количества храмов и монастырей.

Православие в Российской империи было основной религией большинства населения и крупнейшей Церковью из всех автокефальных православных Церквей в мире. В 1916 г.

в Российской православной церкви было 77 727 церквей, часовен и домовых храмов, 478 мужских и 547 женских монастырей, 21330 монахов и 73299 монахинь, 117915 служителей церкви разного чина, 56 семинарий и 4 духовные академии [294, с. 36]. Для сравнения, в конце 2017 г. у РПЦ было всего 36878 храмов и иных помещений для богослужения по всему миру (900 из них – в дальнем зарубежье), 462 мужских и 484 женских монастыря, 39414 клириков [312].

Изначально большевики рассчитывали победить православие нахрапом, наивно полагая, что последнее является жалким мракобесием и суеверием, питаемым старыми производственными отношениями, и религию удастся легко уничтожить административными и силовыми методами. Сказывалось непонимание менталитета русского крестьянства – основного носителя православия в России первой половины XX в. – преимущественно городскими выходцами большевистского руководства. Ленин рассчитывал физически уничтожить как можно больше священнослужителей и изъять у Церкви ее богатства, о чем говорил в письме к В. Молотову от 19 марта 1922 г., через четыре дня после столкновения в городке Шуя коммунистов с верующими, выступавшими против изъятия церковных ценностей: «...я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение

нескольких десятилетий... На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать» [171].

Вызванный «военным коммунизмом» голод на юге России в 1921–1922 гг. был использован для начала массовой кампании по изъятию церковного имущества, оцениваемого Лениным как минимум в «несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов)» и оправдания этого наступления в глазах крестьян борьбой с голодом. Большевики изымали у Церкви имущество, на что верующие отвечали сопротивлением. Подобная реакция большевистскими пропагандистами трактовалась как нежелание Церкви разделить тяготы с народом, как антинародная сущность религии, которая выступила на стороне «буржуазии». В действительности же для коммунистов необходимо было убить двух зайцев: пополнить казну своего толь-

ко-только родившегося государства и уничтожить (как минимум ослабить, лишить экономической основы) русскую Церковь. Однако решительность Ленина не сильно помогла большевикам в борьбе с православной церковью, так как отпор красноармейцам был достаточно серьезный и опасный, ведь большевики нуждались в упрочении позиций среди крестьян. Мешала и внешнеполитическая ситуация. Так, желая поскорее расстрелять патриарха Тихона, большевики завели на него уголовное дело и держали в заключении, что вызвало однозначную негативную реакцию со стороны западных стран и Ватикана, выступивших в поддержку патриарха (в частности, британская «Нота Керзона» прямо требовала прекратить преследование религиозных деятелей в СССР). И без того пока еще шаткое международное и внутреннее положение большевиков не стоило усугублять испорченной репутацией, по мнению партийных идеологов. Поэтому расправу с Тихоном постоянно переносили на поздние сроки, до тех пор, пока он сам не умер то ли от сердечной недостаточности, то ли от отравления, то ли от морального и физического истощения.

В 1920-е гг. применялись мощные административные механизмы борьбы с церковью. Так, для верующих и священников вводили высокие налоги, лишали гражданских прав, т. е. они попадали в категорию «лишенцев», лишенных избирательных прав и продуктовых карточек; даже их дети фактически не имели возможности получить среднее и высшее

образование. В школах такие дети подвергались издевательствам со стороны учителей. В силу того, что церковное имущество и сами здания перешли в собственность государства, верующие были вынуждены полностью зависеть от милости местных властей в вопросе проведения богослужений. Религия была полностью удалена из образовательных учреждений, а ее преподавание попадало под 121-ю статью нового уголовного кодекса, гласившую, что *«преподавание малолетним и несовершеннолетним религиозных вероучений в государственных или частных учебных заведениях и школах карается принудительными работами на срок до одного года»* [372]. Также появилось несколько статей, которые были сформулированы максимально витиевато, чтобы в любой ситуации их можно было произвольно трактовать не в пользу верующих. В 119-й статье говорилось: *«Использование религиозных предрассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям карается...»*; и в 120-й статье: *«...совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения, а также с целью извлечь таким путем какие-либо выгоды карается...»*

Кроме дискриминационных мер, применялись и репрессии, хотя их масштаб в 1920-е гг. был несопоставим с тем, что будет происходить в 1930-е. В основном обходились ссылками, но случались и расстрелы – епископа Сергия (Никольского) расстреляли в 1930 г. в Оренбурге. Разумеет-

ся, репрессивный механизм затрагивал не только православное духовенство, но и другие конфессии. Например, католики, довольно малочисленные в РСФСР, воспринимались как агенты Польши, Ватикана, Англии и т. д. Могилёвского митрополита Э. фон Роппа арестовали и выслали в Польшу. В 1924 г. был расстрелян прелат К. Будкевич, а арестованный вместе с ним архиепископ Ян Цепляк выслан за границу. Многие священники и монахини были арестованы и заключены в тюрьмы – например, грекокатолический протопресвитер Леонид Федоров и монахини доминиканского ордена во главе с Анной Абрикосовой, получившей десять лет заключения.

С 1930 г. 75 % «нетрудовых доходов» священники были обязаны отдавать в казну. Содержание самих церквей постоянно дорожало – социалистическое правительство специально повышало налоги на помещения, коммунальные услуги, страхование от пожара, расходы на охрану, чтобы верующие в итоге были вынуждены закрыть приходы. При этом по закону культовые здания отдавались в бесплатное пользование, но закон в руках большевиков работал избирательно, и находящееся в собственности государства здание могли попросту переделать под склад и т. п. Только в 1928–1929 гг. в РСФСР было закрыто 1473 церкви, из них 322 разрушены [294, с. 89]. Такие административно-фискальные методы сочетались с юридическими ограничениями деятельности религиозных организаций – изначально Консти-

туция подразумевала возможность не только отправления культа, но и какой-никакой внешней, миссионерской, деятельности (пропаганды). В 1929 г. на XIV Всероссийском съезде советов была введена поправка в раздел 1 статьи 4 Конституции РСФСР 1925 г., которая ограничила деятельность религиозных организаций только отправлением культа в пределах здания церкви, что лишило верующих возможности проповеди, не говоря уже о преподавании религии в школе или обучения новых священников. Юридически это звучало как «свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды»; после поправки стало звучать так: «свобода религиозных вероисповеданий и антирелигиозной пропаганды».

Зато последняя процветала. Емельян Ярославский, лидер движения воинствующих безбожников, давал людям новую, атеистическую, проповедь: *«Умер Маркс. Умер Ленин. А мы говорим: Маркс жив в умах миллионов людей, в их мыслях, в их борьбе; жив Ленин в каждом ленинце, в миллионах ленинцев, во всей пролетарской борьбе, в ленинской партии, осуществляющей заветы Ленина, руководящей рабочим классом в его борьбе за строительство нового мира. Вот это – бессмертие; и только о таком бессмертии думаем мы, коммунисты; не в воздухе, не в небесах, не на облаках, которые мы можем предоставить охотно и бесплатно попам и птицам, а на земле, на которой мы живем, радуемся, страдаем и боремся за коммунизм. Без веры в бога не только можно жить: вера в бога мешает жить радостно, бороться уве-*

ренно, действовать смело. Нельзя быть ленинцем и верить в бога» [321, с. ИЗ].

Еще одной большевистской тактикой в войне с идеологическим врагом (а христианство было, по сути, единственным опасным идеологическим врагом социализма на территории России) было разделение Церкви на враждующие между собой группировки, т. е. игра на накопившихся в православной среде противоречиях. Большевики активно способствовали расколам православной церкви на обновленцев, григорианцев, иосифлян и т. д. Возглавляемые Александром Введенским обновленцы, самая крупная организация раскольников под патронажем государства, взяли курс на поддержку советской власти и смогли получить значительную часть приходов в свое управление. Настоящая церковь уходила в подполье, священники арестовывались, храмы закрывались. Однако, несмотря на усилия по искоренению религии из общества, российским коммунистам не удалось выполнить заветы марксизма-ленинизма.

Согласно данным Московского отдела загс от 1928 г., 57,8 % рождений и 66,7 % смертей сопровождались религиозными обрядами. 49 % учащихся старших школ верили в Бога согласно опросам 120 тыс. человек, проведенным в том же году. 23 мая 1929 г. Антирелигиозная комиссия ЦК ВКП(б) огласила цифру: 80 % населения СССР причисляли себя к верующим. Причем даже 5–6% членов партии были подвергнуты взысканиям за соблюдение религиозных об-

рядов – религия существовала и в среде коммунистической партии. Перепись 6 января 1937 г., содержащая вопрос о религиозной вере, показала несостоятельность антирелигиозной политики коммунистов. Из 97 млн 521 тыс. опрошенных советских граждан

55 млн 278 тыс. человек (56,7 %) объявили себя верующими. Из них 75,3 %, или 41 млн 621 тыс. человек, назвали православными [294, с. 106]. Следует учитывать, что в обстановке постоянного террора многие наверняка ответили на вопрос о вере отрицательно ради собственной безопасности. Намеченная на 1937 г. ликвидация религии из советского общества полностью провалилась, что и побудило большевиков действовать решительнее, чтобы раз и навсегда добиться «окончательного преодоления религиозных предрасудков». В то же время у Союза безбожников были серьезные проблемы. 10 из 13 изданий прекратили свое существование. 50 тыс. ячеек Союза, существовавших в 1932 г., «почти повсеместно развалились» к 1937 г. Из 7 млн членов за пять лет осталось 350–400 тыс. [294, с. 107]. Таким образом, даже в условиях гонений на христианство, когда присоединение к атеизму предполагало различные социальные и экономические привилегии, народ предпочитал сохранять свою веру.

Репрессии 1937–1938 гг. были призваны решить проблему «засилья» религии в обществе, поскольку предшествующие гонения и деятельность Союза безбожников оказа-

лись провальными. Репрессии были ужасающими. В одном только Бутово расстреляли 7 православных архиереев (всего там убили 20761 человека). Комиссия по реабилитации при Московском патриархате определила численность репрессированных за веру к 1941 г. в 350 тыс. человек. Из них арестовано 150 тыс., 80 тыс. расстреляно. Другие данные (оценка рабочей группы по новомученикам РПЦ при Свято-Тихоновском институте) называют цифры убитых за веру за все время советской власти от 500 тыс. до 1 млн человек [103]. К 1939 г. осталось менее тысячи открытых церквей – 97,6 %, действовавших в 1916 г., были закрыты, уничтожены или переделаны под склады [294, с. 112–113]. Большевики на удивление долго «терпели» верующих граждан, видимо рассчитывая на успех своей пропаганды. Когда их план провалился, то лицемерные маски пришлось сбросить и показать истинную натуру последовательного социалиста, ведь религии не место в рае на Земле, в прогрессивном социалистическом обществе. Репрессии продолжились в 1940–1941 гг., после расширения СССР в Польше, Прибалтике и Молдавии. К 1941 г. на территории СССР, не считая новоприобретенных территорий, оставалось до 400 православных церквей, в 25 областях РСФСР не было вообще ни одного храма. У католиков же осталось всего два действующих храма (Лурдской Божией матери в Санкт-Петербурге и Святого Людовика в Москве – оба спаслись только потому, что были связаны с посольствами Франции).

Начало войны страна прежде прекрасных белых колоколен встретила без единого их звона. Однако сама война остановила почти завершённый процесс уничтожения института Церкви – и в том, как изменились отношения Церкви и большевиков к 1943 г., можно видеть едва ли не высший промысел. А в начале 1945 г. председатель президиума ВС СССР Михаил Калинин скажет корреспонденту «Комсомольской правды», что *«конечно, атеизм остается основой программы, мы от того, что религия – опиум, не отказались. Но надо мягче. Главное все-таки – пропаганда, разъяснение... согласно Конституции, у нас есть признание Церкви. Войны у нас с ней нет»*. Как это произошло? Оккупация немцами западных территорий СССР стала началом религиозного возрождения в этих регионах. Речь шла о тысячах церквей, которые заново были открыты с разрешения оккупационных властей. За годы оккупации на территории, которая была подконтрольна Оси, по данным Совета по делам РПЦ, около 9400 храмов начали работать заново, еще 60 монастырей заново заселились монахами и монахинями. Из них 2000 – в России и 5400 – на Украине. Разумеется, национал-социалисты делали это не по доброте душевной, а в расчете использовать такой контраст для пропаганды и завоевания доверия у местного населения (в самой Германии и Польше христианство подвергалось преследованиям). Как бы то ни было, факт остается фактом: война стала случайной причиной религиозного возрождения, и советскому руководству,

которое в 1943 г. уже стояло перед открывшимися перспективами территориального расширения на те территории, где позиции религии были очень крепки, нужно было менять свое отношение к Церкви.

Тем более сама Церковь показала себя во время войны с очень патриотических позиций, развернув широкую деятельность в оказании помощи раненым, сборе средств для фронта (было собрано 300 млн рублей) и даже смогла профинансировать создание целой танковой колонны «имени Дмитрия Донского». Все тяжелее становилось обосновать преследование верующих как опасных для социалистического строя элементов. Кроме того, уход верующих в подполье за годы гонений сильно усложнял задачу по борьбе с религией и угрожал советскому строю – религию почти невозможно стало контролировать. Поэтому в сентябре 1943 г. Сталин лично встретился с тремя православными иерархами (надо сказать, что к тому времени православных иерархов в живых оставалось совсем немного), обговорил условия, поинтересовался нуждами Церкви и приказал обустроить все для возобновления деятельности Церкви в тех рамках, которые были заданы встречей. Затем оставшиеся в живых после репрессий иерархи избрали патриархом Сергия – вопреки домыслам тех, кто называет нынешнюю РПЦ «сергианской», уже давно числившегося среди наиболее вероятных преемников почившего патриарха Тихона.

Отныне отношения с Церковью регулировались Советом

по делам РПЦ под руководством Георгия Карпова, нацеленного на построение с патриархом доверительных и благоприятных отношений и предотвращение перегибов местных властей против верующих (за что при Хрущеве Карпова будут обвинять в намеренной работе на церковников). Политика большевиков теперь была диаметрально противоположна 1930-м гг... Вместо прежней политики раскалывания Церкви на секты государство всячески старалось объединить все русское православие под властью московского патриарха, одновременно способствуя укреплению его влияния по сравнению с теми канонами, что были определены к фигуре патриарха на Поместном соборе 1918 г. Советское государство тем самым сэкономило силы, ведь для контроля влиятельной религии проще было опираться на одну фигуру, чем на множество сект, и уж тем более пытаться контролировать подполье. Разумеется, Церковь оставалась полностью зависимой от расположения властей и даже не имела собственного юридического лица. Оттепель в отношениях социализма с религией была продиктована исключительно не зависящими от режима обстоятельствами, которые большевикам пришлось признать и принять как новую реальность. Когда Красная армия освобождала оккупированные нацистами территории, не могло быть и речи о том, чтобы снова начать гонения на религию в духе 1920-1930-х гг. Это было бы воспринято не в пользу советской власти как населением, так и международным сообществом. Ситуацию осложняло для социа-

листов и то, что победа в войне расширила сферу влияния СССР на огромные территории Восточной Европы, где проживали миллионы славян и православных. Учитывая статус страны-освободительницы и эти обстоятельства, советское государство решило использовать православие для укрепления советской власти и реализации нового проекта Сталина по превращению Москвы в мировой центр православия. Планировалось создать в Москве и в лице московского патриарха противовес и даже альтернативу власти папы римского, который активно боролся с коммунизмом в союзе с западными державами. Поскольку под властью Советов оказались такие ключевые православные страны, как Болгария, Румыния, Сербия (Югославия), нужно было быть совсем безумным политическим самоубийцей, чтобы не воспользоваться таким историческим шансом. В 1940-е гг. советская власть решила отодвинуть идеологию на второй план, отдав приоритет прагматизму и заигрыванию с русским патриотизмом. Перемены были подхвачены православными за рубежом: например, сербский патриарх Гавриил прямо говорил, что *«первенство в православном мире должно принадлежать Московскому патриарху, и Русская церковь должна стать матерью для славянских церквей»* [294, с. 253].

С 31 января по 4 февраля 1945 г. в Москве состоялся Поместный собор, на котором был избран новый патриарх Алексей и принят документ «Положения об управлении РПЦ». В Соборе приняли участие 171 делегат из СССР

и Америки, из них 4 митрополита, 13 архиепископов, 29 епископов, 3 архимандрита, 2 игумена, 68 протоиереев, 8 священников, 2 диакона, 4 монаха и 38 мирян. На Соборе присутствовали патриархи Александрии, Антиохии и Грузии. Поэтому в законности православной патриархии сегодня вряд ли могут быть сомнения, даже при неоднозначности избрания Сергия. 22 августа 1945 г. Совнаркомом было принято постановление, в котором перечислялись новые права Русской церкви. Патриархия, епархии, приходы, монастыри получали ограниченные права юридического лица. Теперь они могли, получив разрешение Совета по делам РПЦ, приобретать транспорт, производить церковную утварь, продавать ее, арендовать, строить и покупать дома для своих потребностей, а также открыть счета в Госбанке СССР. Непосредственно патриарху, после беседы со Сталиным в судьбоносном 1943 г., транспорт, резиденция и особое продуктовое обеспечение (подобно тому, как обеспечивалась советская номенклатура) были предоставлены двумя годами ранее.

Тогда же были определены следующие правила проведения богослужений и таинств, которые включали в себя следующее:

- богослужения проводить только в стенах храмов и молитвенных домов;
- все собрания общины проводить только в пределах стен храма;

- крестные ходы – исключительно вокруг здания церкви;
- проведение процессий, обрядов, похорон с процессиями до кладбища – если за пределами храмов, то только с разрешения местных властей;
- беспрепятственный колокольный звон (напомню, что накануне войны он прекратился, вот почему это стоит выделить отдельно);
- проведение обрядов на дому у верующих;
- проведение съездов духовенства и мирян епископами с разрешения властей.

Однако следует отметить, что большевики ограничили деятельность Церкви исключительно богослужебной деятельностью, лишив ее возможности вести социальную деятельность, чем она занималась столетиями и благодаря чему имела серьезный вес в обществе. Так, Церкви было запрещено:

- создавать кассы взаимопомощи, благотворительные общества, кооперативы;
- организовывать какие-либо курсы и кружки без разрешения Совета по делам РПЦ;
- открывать публичные библиотеки, санатории, поликлиники;
- организовывать экскурсии, детские площадки, собрания молодежи, женщин и детей;
- преподавать религию в школах и детских садах

Как видим, ограничения, касавшиеся Церкви, в целом укладывались в общую социально-экономическую и идео-

логическую ситуацию в стране, где вся деятельность была монополизирована большевиками. В каком-то смысле положение Церкви вернулось к первой половине 1920-х гг., но уже без «лишенцев» и откровенно репрессивной политики против духовенства. К этому можно добавить появление более-менее четкого понимания места религии в значительно увеличившемся территориально социалистическом мире, как инструмента расширения влияния СССР, являющегося мировым центром социализма. Никакого самостоятельного институционального значения церковь все равно не получала.

По данным совета по делам РПЦ, на 1 августа 1944 г. в СССР, кроме Прибалтики, действовало 8809 церквей. Подавляющее их число находилось, во-первых, на территориях, ранее оккупированных немцами, во-вторых, на территории Украины и Молдавии. Для сравнения: в Одесской области было 500 церквей, тогда как в Московской – всего 187. В 1948 г. РПЦ насчитывала 11876 зарегистрированных священников, 1255 диаконов, 14329 открытых церквей. Помимо них, к 1947 г. насчитывалось 17 568 псаломщиков, регентов, певчих, бухгалтеров, сторожей и прочих служащих при церквях, и еще 75 тыс. членов приходских советов. Однако не стоит представлять ситуацию заслугой коммунистов. Достаточно посмотреть на следующие данные: 21,1 % церквей (3021) никогда не закрывались (в основном потому, что находились на новых территориях СССР), 17,4 % (2491) церк-

вей были насильно переданы РПЦ в ходе ликвидации греко-като-ликов. Самой большой долей являются те церкви, что были открыты в годы немецкой оккупации на территории, которую контролировал вермахт – 7547 церквей (52,7 %). Большевики же позволили открыть заново лишь 1270 церквей (8,8 %) за 1944–1947 гг.

Показательна картина распределения церквей по регионам СССР. 87,7 % церквей находились на тех территориях страны, которые во время войны были оккупированы. Подавляющее большинство церквей приходилось на Украину – 8931 церковь (62,3 %). Россия находилась на втором месте с большим отрывом – 3217 церквей (22,5 %). На третьем месте располагалась Белоруссия с 1051 церковью (7,3 %). На четвертом месте Молдавия с 612 церквями (4,3 %). В трех Прибалтийских республиках – 335 церквей (2,3 %), а в остальных республиках – оставшиеся 183 (1,3 %).

Россия (РСФСР) была самой пострадавшей страной из всех, когда-либо входивших в состав Российской империи. Потери среди верующих, церковных зданий, культурного наследия здесь наибольшие. Что и говорить, ведь только 5,4 % от существовавших в 1914 г. храмов в 1948 г. функционировали в РСФСР. В Украине таких было 78,4 % – что неудивительно, ведь значительная часть Украины после гибели Империи оказалась в составе Польской республики.

К 1949 г. в результате процесса насильственного присоединения Грекокатолической церкви (ГКЦ) к Московской

патриархии РПЦ получила в свое распоряжение 3001 церковь, 1242 священника и 463 диакона. ГКЦ рассматривалась как агент Ватикана и к тому же не вписывалась в общую концепцию новых отношений с Церковью. Кроме того, греко-католики были идейным источником украинского национализма, что также не вписывалось в общую логику Сталина 1940-х касательно особого положения русского народа в СССР.

В 1946 г. РПЦ вернули часть Троице-Сергиевой лавры, закрытой в 1920 г., вместе с мощами преп. Сергия Радонежского – это был очень серьезный шаг со стороны государства, потому что возвращенные монастыри и реликвии имели огромное символическое значение не просто как чисто религиозные, но и как национальные символы. В 1947 г. большевики возвратили верующим мощи святого митрополита московского Алексия, что было продуманным политическим ходом – эти мощи были размещены в Богоявленском соборе, в котором должны будут проходить богослужения во время намеченного в следующем году Совещания глав и представителей церквей. В 1948 г. в Москве прошло авторитетное по своему составу Совещание глав и представителей поместных православных церквей в честь 500-летия автокефалии русской церкви. В Совещании участвовали делегации И из 13 автокефалий. Важно подчеркнуть, что это произошло в окружении враждебной к религии большевистской власти, которая, разумеется, не из любви к Богу использовала Церковь для своих внешнеполитических задач. Тем не

менее прогресс был очевиден: если к 1941 г. в стране было меньше тысячи церквей, то к 1948 г. их было уже 14329.

Система таких взаимоотношений просуществовала с кратковременными перерывами до 1958 г. Впрочем, благополучное (точнее – просто стабильное) для Церкви время, можно сказать, закончилось еще при Сталине в 1948–1949 гг. Поводом к этому послужил инцидент в Саратове 19 января 1949 г. во время праздника Крещения Господня. Во время процессии в 30 тыс. человек около 500 верующих разного возраста погрузились в ледяную речную воду в соответствии с русскими традициями этого торжества. Все было снято фотоаппаратами, которые также присутствовали на мероприятии. Советские чиновники восприняли это как «распространение порнографии» и массовое обнажение, хотя в действительности речь шла о несколько смелом выходе верующих за рамки дозволенного – это расценивалось как проведение обряда за пределами храма, что запрещалось советскими законами. После чего 19 февраля в советских СМИ появилась статья «Саратовская купель», наполненная антирелигиозным содержанием. Отреагировала и патриархия, обеспокоенная тем, что хрупкое «перемирие» будет нарушено таким событием, разослав предписания касательно правил проведения праздников в пределах храмов, а также сделав кадровые перестановки (аналогичные кадровые изменения произошли и в среде советских чиновников).

С 1949 г. произошли изменения в политике Совета по де-

лам РПЦ. Он уже не был так благоприятно настроен в отношении разрешений по проведению праздников. Публичные инициативы религиозного характера теперь ограничивались пределами церквей. Церкви и семинарии стали открываться намного реже; более того, их количество стало вновь сокращаться. Особенно сильно досталось монастырям, которых с 1945 по 1952 г. стало меньше на 31 обитель, в то время как численность монашествующих оставалась примерно той же. Вообще, единственный монастырь, который был открыт советской властью, была Троице-Сергиева лавра – и то с учетом исторического и символического веса оно. Активность и расширение влияния Церкви испугало большевиков не на шутку, – впрочем, до прихода к полноте власти Хрущева речь могла идти только о сужении имеющейся у Церкви ограниченной свободы, но не о полноценном наступлении на религию в духе 1920-х. Тем не менее в 1948–1949 гг. был закрыт 561 храм.

В 1953 г. количество храмов (как полноценных, так и молитвенных домов) составляло 13508 – более чем на 800 храмов меньше, чем в 1948 г. При этом регулярные богослужения проходили лишь в 9387 храмах, из них ежедневно и вообще в 504 [294, с. 335]. К этому следует прибавить 70 действующих монастырей и скитов (из них лишь 2 – в самой России) с 4620 монахами и монахинями. Всего за период с 1950 по 1953 г. численность храмов уменьшилась на 765 единиц. Распределение храмов оставалось неравномерным

и в 1956 г. 63,4 % всех советских храмов располагались на территории Украины – даже больше, чем в 1948 г. 50 % духовенства служили там же. То есть значительная часть церковной жизни СССР проходила на территории всего одной республики, тогда как в России (РСФСР) она концентрировалась в городах и, в общем, ни в какое сравнение не шла с тем, что было до революции.

В 1954 г. вышло постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» и докладная записка «О крупных недостатках в естественно-научной, антирелигиозной пропаганде». Документы были посвящены росту влияния религии и краху атеистической пропаганды большевиков. Несмотря на одобрение Хрущева, изложенные в них идеи возобновления наступления на религию пришлось отложить в долгий ящик из-за внутривнутриполитической борьбы за место Сталина. Кроме того, имели значение внешнеполитическое давление и репутация СССР, которую коммунисты стремились улучшить. Нужна была хотя бы минимальная демонстративная свобода совести. Как пишет Виктория Смолкин в книге «Свято место пусто не бывает», *«было разрешено публиковать религиозную литературу большими тиражами, и в 1956 г. впервые в советской истории была опубликована Библия на русском языке; тираж издания составлял 28 000 экземпляров... Хрущев пытался установить более широкие контакты с зарубежными странами. Срежиссированные демонстрации жизне-*

способности религии в СССР обеспечивали Советскому Союзу важный политический капитал за границей, и партия позаботилась о том, чтобы иностранным туристам показывали церкви, где они могли воочию наблюдать религиозную свободу в СССР. Во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 г. в Москве советские молодые люди даже вели дебаты с верующими гостями из Англии о сравнительных достоинствах социалистической и христианской нравственности» [321, с. 169].

Когда в борьбе советских элит победу окончательно одержали Хрущев (в 1958 г.) и партия (над «государственниками» в лице Маленкова), идеология снова вышла на первый план и гонения возобновились, хоть и не в таком жестком формате, как при Сталине в 1930-е. До самого крушения СССР во время этих гонений, выразившихся прежде всего в административно-юридическом ограничении, Церковь и верующие уже не чувствовали той стабильности, которая выпала ей почти удачным стечением обстоятельств в 1943 г. В 1958 г. в СССР действовали 13414 церквей и 56 монастырей – на 94 храма меньше, чем тремя годами ранее. В 1961 г. была закрыта даже Киево-Печерская лавра – на что не хватало духу «поздним» сталинистам, руководствовавшимся сообщениями международной репутации после войны. Монастырям вообще особенно досталось, учитывая, что за 1959–1960 гг. были закрыты 28 монастырей из оставшихся 57. Вспомнились подзабытые фискальные методы 1920-х – бы-

ли увеличены налоги на продажи свечей, очень важного источника доходов Церкви. В поздние сталинские годы особых препятствий к обогащению приходов не проводилось. Началось изъятие книг из церковных библиотек (спрашивается – зачем?). Под прицелом оказался и Карпов, поскольку ему приписали благоприятное отношение к религии в силу относительно стабильных отношений Церкви и государства в 1940-е. Возобновилось систематическое закрытие церквей, действующих и имеющих прихожан (при Сталине многие церкви на селе закрывались в ходе коллективизации и из-за урбанизации и уменьшения верующих в сельской местности, переезда их в город, а также такие церкви, которые в годы немецкой оккупации были переделаны из зданий некультового назначения). Например, только за 1960 г. социалисты закрыли 1938 церквей. Предпринимались меры в направлении ослабления церковных кадров, создавались препятствия для их пополнения. Для этого были закрыты 5 из 8 семинарий, поступить в них стало делом трудным, в результате чего к 1964 г. численность семинаристов сократилась в четыре раза (в сравнении с 1958 г.).

В 1961 г. принятая XXII съездом КПСС программа партии предполагала построение в стране коммунизма, что включало в себя усиление антирелигиозной кампании. Прогресс в деле построения утопии шел полным ходом, так что к 1965 г. в стране стало на 5863 церкви меньше, чем семью годами ранее. Также в рамках идеологической борьбы пред-

принимались попытки победить повсеместно сохраняющуюся религиозность через атеистические лекции и планетарии, в которых рассказывалось о науке и ее несовместимости с религией. Но это не помогало, так как, послушав лекции, верующие не находили противоречий между тем и другим. Поняв бесперспективность такой стратегии, социалисты попытались вытеснить религиозные обряды, придававшие жизни человека смысл, собственными, новыми социалистическими обрядами. Так появились торжественные бракосочетания в загсах, вручение подарков новорожденным и т. д.

С таким «богатым» наследием Хрущев оставил страну Брежневу, при котором размах социалистической антирелигиозной активности несколько уменьшился. Пропаганда не создавала идейных атеистов-социалистов, но, скорее, распространяла в советском обществе индифферентное отношение к вопросам смысла жизни, что уже угрожало задаче построения нового социалистического общества. Однако в целом антирелигиозная деятельность партии просуществовала почти до самого распада советского государства. В 1965 г. оставались открытыми всего 7551 храм и 16 монастырей. Еще через десять лет, в 1975 г., РПЦ насчитывала 7062 прихода, а к 1982 г. – 7001 приход.

Нельзя оставить в стороне реакцию населения на религиозные гонения. Часто приходится читать, будто бы верующие просто «прогнулись» перед большевиками, хотя мог-

ли бы идти по пути сопротивления до конца, как это было в самые беспокойные 1920-1930-е гг. На самом деле это не так. Во-первых, когда в 1943 г. были намечены контуры новой политики взаимоотношений государства и Церкви, никто не строил никаких иллюзий. Это верно не только для иерархов, но и простых верующих, о чем сообщал сам глава Совета по делам РПЦ Г. Карпов: «...в отдельных случаях духовенство а верующие рассматривают современное состояние церкви как явление временное, вызванное войной, и что можно ожидать резких изменений в политике государства в отношении церкви». О том же свидетельствует разговор епископа Херсонского Михаила (Рубинского) с уполномоченным совета по Херсонской области: «...только незначительное меньшинство соборян принимало все эти торжества и все виды внимания как прямое признание института церкви со стороны правительства и установление полной веротерпимости, а подавляющее большинство духовенства и мирян, в недалеком прошлом почти поголовно репрессированных, отнеслись ко всему этому очень критически, с большой осторожностью, с большим сомнением и даже полным недоверием, считая, что все это вызвано к жизни какими-то неясными еще моментами политической необходимости» [294, с. 286].

Иерархи Церкви иллюзий не строили. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что после 1943 г. патриарх и другие иерархи предпочитали ставить в управление церков-

ными территориальными единицами тех людей, которые получили образование еще в дореволюционной России и которые прошли через репрессии. В сущности, репрессии в биографии служили своего рода индикатором надежности кандидата. Аналогично с рукоположением новых священников, которых очень не хватало – приоритет отдавали тем, кто был репрессирован и работал в церкви в том или ином виде еще до революции – таким образом рукополагали не столько обученных и образованных, сколько обычных сторожей, певчих и других работников храма, может и не разбиравшихся в литургии и богословии, но бывших по-настоящему православными. Это, кстати, было причиной падения качества кадров в Церкви – многие профессиональные священники были просто убиты большевиками, а обучение новых образованных кадров затруднялось политической ситуацией в стране. Эхо этого ущерба, нанесенного когда-то коммунистами, слышно и сегодня.

Не оставались верующие «в долгу» перед атеистическим государством и до 1943 г. В одном только 1930 г. из 13754 крестьянских протестов, охвативших 2,5 млн человек, 1487 случаев были связаны с закрытием церквей и изъятием колоколов [294, с. 88]. Масштабы репрессий и численность сидевших в тюрьмах и лагерях клириков и мирян тоже говорит в пользу того, что люди не боялись большевиков и даже самой смерти. По-своему протестовали и уходом в подполье и таким феноменом, как «бродячее священство». Это были

обычные священники, не имевшие прихода, но перемещавшиеся тайно от властей по селам и проводившие обряды и таинства в собрании верующих. Если священника не находилось, простые миряне даже могли найти такового среди любого крещеного прихожанина, который понимал что-то в богослужениях и таинствах.

Рост религиозности после 1943 г. доказывает, что вера никуда не девалась и что христиане были готовы выйти на богослужение даже в условиях сильнейшего за всю историю России давления на религию со стороны государства. На Пасху 19 апреля 1944 г. в Москве богослужения в 30 имеющихся храмах посетили 120 тыс. человек, в Московской области – около 148 тыс. В 1943 г. таких было всего 95 тыс. Основной контингент на службах тех судьбоносных лет состоял из женщин (75 %), пожилых (50 %), среднего возраста и молодежи 50 %, солдат и офицеров Красной армии. Присутствие военных на службах, особенно нуждающихся в духовной пище в годы войны, опровергает тезис, будто бы Красная армия была по существу своему атеистической или идейной. Присутствовали священнослужители и на фронтах отечественной войны, где *«...с сочувствием слушали его (священника) офицеры, какое он на них производит впечатление, и какие интересные беседы потом завязывались»* [294, с. 174]. В последующие годы масштабность пасхальных служб в городах только возросла – в 1949 г. московские службы посетило 215 тыс. человек, а в Страстной Четверг – 120 тыс. В Киеве

в том же году и в тот же праздник вышло от 100 до 150 тыс., в Рязани – 15 тыс. (на две церкви!), в Воронеже – 10 тыс., в Минске – 7 тыс., в Риге – 8 тыс.

Отклик граждан на внешне кажущееся потепление отношений между Церковью и государством поражает своими масштабами. Вероятно, поражал он и большевиков, не ожидавших такого поворота событий. Так, Георгий Карпов охарактеризовал явление следующими словами: «следует считать ходатайства массовыми и настойчивыми». На государство посыпались ходатайства по открытию церквей, подписанных гражданами. В первом полугодии 1944 г. пришло 3045 ходатайств. Однако большинство из них были отклонены, да и то если вообще были рассмотрены. Якобы народная власть игнорировала ходатайства, на которых стояли подписи тысяч человек. Например, на ходатайстве об открытии церкви в Марийской АССР стояло 2617 подписей. Люди готовы были взять все расходы на открытие церквей на себя (даже в годы войны!), но социалистическое государство не было готово, даже в условиях новой церковной политики, на либерализацию религиозной жизни в таких пределах. В следующие годы количество ходатайств только увеличилось. В 1946 г. за три квартала по 24 областям страны Совет по делам РПЦ принял свыше 7000 ходатайств через т. н. «ходоков» – верующих, которые лично приезжали в Москву с прошением от лица группы верующих. Всего с 1943 г. по осень 1946 г. поступило 16275 ходатайств, а с 1946 г. по конец

1947 г. – еще 4414. За каждым таким обращением – сотни и тысячи верующих граждан СССР.

Однако государство большую часть таких обращений, как я уже говорил выше, отклоняло. С 1944 по 1947 г. большевики отклонили 15 567 ходатайств, т. е. 75,2 %. За период с 1944 по 1949 г. лишь 20–25 % ходатайств по открытию церквей получили от Совета по делам РПЦ «добро» [294, с. 274–275]. Хотя это не было обосновано какими-то материальными проблемами, ведь для удовлетворения ходатайств достаточно было использовать закрытые и неиспользуемые церковные здания, коих в СССР было около 15 500, из них в РСФСР – более 14500. Возможно, были некие заранее запланированные установки – например, удовлетворение не более четверти ходатайств. Следует заметить, что в целом эта политика шла в русле стратегии по постепенному вымиранию религии – именно на это надеялись большевики, поняв, что насилием христианство уничтожить не удастся.

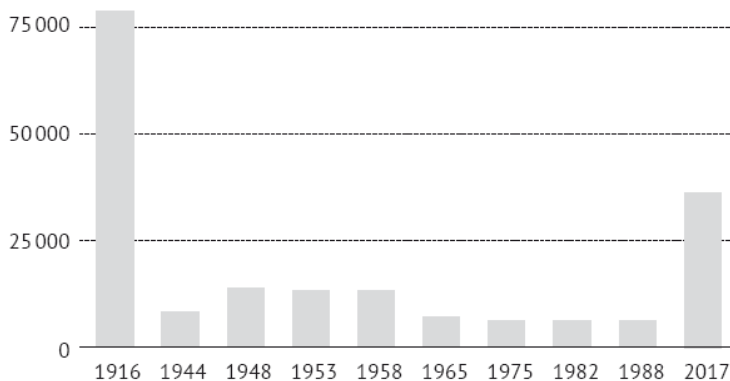
Интересное свидетельство живой христианской веры граждан СССР заключается в статистике по семинаристам. Если посмотреть на 633 учащихся в семинариях и академиях учеников в 1951 г., то мы увидим, что 80,5 % из них были молодые люди до 30 лет, т. е. родившиеся уже после революции. Из них 80 % имели дипломы о среднем и высшем образовании. Лишь 14,6 % всех учащихся происходили из семей духовенства [294, с. 363]. Это очень важно отметить, ведь духовная карьера в атеистическом обществе была, мягко го-

вора, смелым и оригинальным выбором. Можно уверенно сказать, что в таких условиях люди выбирали путь клирика, по большей части исходя из искренних убеждений, а не карьеризма. В то же время партия пополнялась рядами карьеристов, что, пожалуй, и определило то, что КПСС больше нет, а РПЦ – есть.

В 1988 г., к 1000-летию крещения Руси, у РПЦ осталось всего 6893 прихода, 74 епископа, 6674 священника, 723 диакона, 21 монастырь, 1190 монахов и монахинь, 3 семинарии, 2 академии и 1999 учащихся в них. В некотором роде это эдакий выполненный за 74 года план социалистов по уничтожению религии. Вспомните, с чего они начинали, – свыше 77 тыс. церквей, около 1000 монастырей, более 100 тыс. клириков. Даже в сравнении со сталинскими 1940-ми эти цифры меньше более чем в два раза – как мы помним, в 1958 г. фракция «воинствующих атеистов» взяла верх над прагматичной «фракцией патриотов-государственников». Однако христианство, как крупнейшая религия в России, все равно сохранилось, во многом благодаря верности самих верующих, во многом – «неверности» социалистов собственным идейным установкам. В конце 2017 г. у РПЦ было 36878 храмов и иных помещений для богослужения по всему миру (900 из них – в дальнем зарубежье), 462 мужских и 484 женских монастыря, 39414 клириков. Это намного больше, чем в 1988 г., это больше, чем даже год назад. Римско-католическая церковь тоже смогла частично восстановить свою

деятельность в России и насчитывает по меньшей мере четыреста приходов по всей стране. В то же время где КПСС, где социализм? Нет больше Совета по делам РПЦ (вероятно, современный аналог у спецслужб, конечно, есть, но он имеет совсем другой окрас), нет больше необходимости выпрашивать у местных властей разрешения на использование церковной утвари и проведение богослужений. Русская церковь как носительница своеобразных, но все-таки европейских традиций России, в отличие от Ленина, действительно проявила себя «живее всех живых», что не может не радовать.

Рис. 2. Динамика численности церквей РПЦ по годам

На *рис. 2* видно, что в целом политика большевиков в отношении церкви была стратегически одина на протяжении

всех 74 лет их власти – курс на ликвидацию религии в советском обществе. Отклонения обусловлены тактической необходимостью: в 1944 г. – война, в 1958 г. – победа фракции «партийцев» над фракцией «государственников», в 1965 г. – новый генсек, при котором количество церквей также уменьшалось, но уже не столь резко в силу иной политической обстановки. Другое дело, что религия не исчезла, несмотря на то что марксистские установки говорили обратное – если бы религия являлась надстройкой над старым базисом, то в новой формации, где нет причин для ее воспроизводства в новом обществе, люди должны были отказаться от религиозности.

Провал социалистической экономики СССР

На фоне хорошо скоординированных атак на своих врагов в лице Церкви и «эксплуататорских классов», удивительным, на первый взгляд, кажется беспорядок в экономической системе, которую социалисты создали в России и сопредельных странах за десятилетия своего правления, основываясь на идее о централизованном рациональном планировании. Как мы помним, социалистическая

парадигма исходит из того, что производственный хаос характерен для капиталистической системы производства и распределения – конкурирующие между собой производители стремятся наводнить рынок своими товарами, чтобы не разориться, чем вызывают кризисы перепроизводства и пустое расходование ресурсов. Именно поэтому «частник», крестьянин, фабрикант рассматриваются в социалистической системе не просто как эксплуататоры наемного труда, но и как неэффективные производители, в то время как централизованное рациональное и научное планирование производства и потребления представляются как более совершенные формы ведения хозяйства.

Факты, которые я рассмотрю в этой главе, идут вразрез популярному в народе образу советской плановой экономики как четко работающей рациональной системы, от которой

не скроется ни одна оплошность ее агентов. Довольно часто советскую индустриализацию рассматривают как некий показатель экономического успеха социализма, показывающий и доказывающий его жизнеспособность. Сама организация промышленности, выстраиваемая социалистами в СССР с конца 1920-х – начала 1930-х гг., представляется образцовой и работающей слаженно. В России даже в 2021 г. можно встретить выражение вроде «а вот при Сталине такого бы не было», например когда обсуждается коррупция среди российских чиновников, очередные неудачи при запуске ракеты или ввод в эксплуатацию новой боевой техники. На самом же деле социализм в СССР, будучи своеобразной вершиной в многовековом опыте построения социалистического общества, так и не создал слаженной системы промышленного производства и потребления, хоть выпуск ею некоторых промышленных позиций может приводить в восхищение на первый взгляд.

Чтобы продемонстрировать все вышесказанное, мы будем ориентироваться на документы и свидетельства тех лет.

Начнем с военной промышленности, от которой ожидаешь наибольшей эффективности, четкости в исполнении указов вышестоящего начальства и производственной дисциплины. Открываем доклад наркома государственного контроля СССР Л. З. Мехлиса секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и председателю СНК СССР В. М. Молотову «Об итогах ревизии танковой промышленности и связанных с ней

отраслей народного хозяйства» от 22 марта 1941 г. и читаем (цитирую не весь документ, так как он очень пространный, а только отдельные его части):

«В 1940 г. танкостроительные заводы обязаны были выпустить 3498 танков. Фактически за это время выпущено 2779 танков, или 79,4 %... Завод обязан был в 1940 г. выпустить опытную партию танков KB в количестве 5 шт. и подготовить мощности для производства 300 шт. танков в 1941 г. Это задание не выполнено. На 1 января 1941 г. ни одного танка KB из опытной партии заводом не выпущено. На 15 января 1941 г. еще не были полностью изготовлены детали танков опытной партии... Для обеспечения выполнения плана производства танков в I и II кварталах 1941 г. приказом Наркомсредмаши завод обязан был создать мощности на временных площадях. Эти мощности не созданы. Станочные линии для механической обработки деталей KB, а также рабочие места сборки узлов не организованы. Из 126 станков, подлежащих установке в бывшем цехе "ширпотреба", на 15 января 1941 г. смонтировано 23 станка, монтаж 41 станка, подлежащих установке на площадях ремонтно-механического цеха, совершенно не начат. Графики монтажа и ввода оборудования в эксплуатацию не составлены... Оснащение производства танков инструментарием проходит совершенно неудовлетворительно. На 10 января 1941 г. для обработки деталей изготовлено в металле: штампов и приспособлений – 684 наименова-

ния, или 31 % к потребности, режущего и вспомогательного инструмента – 191 наименование, или 12 %, мерительного инструмента – 166 наименований, или 5,5 %... План создания задела деталей на программу 1 квартала 1941 г. был спущен механическому цеху только 11 декабря 1940 г., а экспериментальному цеху только 3 января 1941 г. Причем эти планы были спущены без указания сроков и очередности изготовления деталей. В результате этого из 3259 наименований деталей для 30 машин, предусмотренных к выпуску до 6 февраля 1941 г., на 13 января 1941 г. изготовлено только 358 наименований... Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 июля 1940 г. № 1288-495сс Кировский завод обязан был спроектировать и изготовить: 2 опытных танка KB с толщиной брони в 90 мм, 2 опытных танка с толщиной брони в 100 мм и самоходную артиллерийскую установку на базе KB с толщиной брони в 60 мм и с 152-мм пушкой БР-2... Вторые образцы танков с утолщенной броней, а также самоходная артиллерийская установка, не изготовлены вследствие неполучения в срок бронекорпусов с Ижорского завода... Завод № 183 обязан был в 1940 г. изготовить 500 танков Т-34 и довести их выпуск к 1 января

1941 г. до 1,6 тыс. шт. На 1 января 1941 г. заводом изготовлено всего лишь 115 танков Т-34, или 23 % плана. Срыв выполнения плана производства танков Т-34 произошел вследствие затяжки подготовки производства, а также нарушений технологического процесса... Выпуск

танков Т-34 по важнейшим узлам и деталям производился по временной технологии, что вызвало увеличение затрат рабочего времени на механическую обработку деталей танка. Трудоемкость механической обработки на один танк составила 1518 нормо-часов против запланированных 1038 нормо-часов... Проверкой Наркомата госконтроля на заводе № 183 установлены факты бесхозяйственности в расходовании материальных ценностей и денежных средств. На заводе имело место массовое разбазаривание остродефицитных материалов. За 9 месяцев

1940 г. продано разным организациям и частным лицам материалов на сумму 354 тыс. руб. Завод самовольно, без разрешения НКСМ, содержал постоянных представителей в Москве, Ярославле, Ленинграде и Мариуполе в количестве 16 чел... Директором завода № 183 Максаревым Ю. Е. широко проводилась практика премирования лиц, не имеющих отношения к производству и не связанных с заводом. Премировались также освобожденные партийные, профсоюзные и комсомольские работники, в том числе секретари райкома партии и заводского партийного комитета и другие ответственные партийные работники райкома и заводского профсоюзного комитета... СТЗ обязан был в 1940 г. изготовить 100 танков Т-34 и подготовиться к выпуску танков в 1941 г. в количестве 1 тыс. шт. с доведением мощности производства до 2 тыс. шт. Завод не выполнил этого задания. На 1 января 1941 г. не сдано ни одной машины... Потери от

брака деталей танка Т-34 на 1 декабря 1940 г. составили 1903522 руб., или 13,3 % к общим затратам по Т-34. Особенно велик брак по литью траков. В октябре 1940 г. брак по литью траков составлял 97 %, в ноябре – 83 %, в декабре – 62 %, в январе 1941 г. – 71 % и в феврале 1941 г. – 64 %. Завод № 37 обязан был освоить и выпустить в 1940 г. 100 танков Т-40 и довести мощность завода к 1 января 1941 г. до 2 тыс. шт. Фактически на 1 января 1941 г. заводом выпущен только 41 танк. Основной причиной невыполнения плана выпуска танков является недопоставка бронекорпусов Подольским заводом НКНефти... Постановлением Комитета обороны при СПК СССР от 19 ноября 1940 г. № 427сс Кировский завод НКТМ обязан был спроектировать и изготовить к 15 января 1941 г. 2 опытных образца танка Т-50. Завод не выполнил этого задания. Ни одного опытного образца танка Т-50 к установленному сроку не изготовлено. Причиной невыполнения постановления КО является несвоевременная и некачественная разработка рабочих чертежей и технических условий конструкторским бюро завода» [219].

Разумеется, хронический срыв плана вследствие плохой логистики, высокой доли брака и воровства на производстве не ограничивался сектором танкостроения – между прочим, очень важной отраслью военной промышленности СССР, учитывая время (1940 г., в Европе всюду идет война) и значимость танков для европейских армий тех лет.

Далее мы рассмотрим самые различные примеры про-

блем, преследовавших централизованное планирование и распределение в первом в истории полномасштабном строительстве социализма в отдельно взятой стране.

Нижеследующий отрывок описывает случай с задержками зарплат в 1931–1932 гг., произошедший по причине, которая современному человеку может показаться просто нелепой: *«В 1931–1932 гг. страну накрыл буквально вал задержек зарплаты. На Челябинском тракторном заводе на начало ноября 1932 г. не была выплачена заработная плата за сентябрь полностью, а за август выплачено только 75,6 % заработка. Причина – “отсутствие дензнаков в Челябинском Госбанке, в то время как на текущем счету средства имеются”.* На нехватку дензнаков жалуются и в депо на ст. Зуевка Пермской ж.-д. На середину октября 1932 г. по хлопчатобумажным фабрикам Ивановской области задолженность по заработной плате составила 2117,5 тыс. руб., в т. ч. по 1-му Ивановскому тресту — 717 тыс. руб.; по 2-му — 386 тыс. руб.; по Александровскому х/б тресту — 458 тыс. руб.; по Шуйскому х/б тресту — 574,5 тыс. руб. Велика была задолженность по угольным предприятиям. Объединение Кузбассуголь на 20 августа имело задолженность по зарплате 3292 тыс. руб., объединение Москвауголь на 1 сентября за июль — 3742 тыс. руб., за август — 962331 руб., объединение Севкавказуголь на 1 сентября 1932 г. — 1483 тыс. руб. Шахты Караганды задолжали рабочим на 1 сентября 880 тыс. руб., шахты Дон-

басса – 22399 тыс. руб. На речном транспорте из 20 речных пароходств задолженность по зарплате отмечалась в 16, из 7 морских пароходств – в 5, из 3 строительных объединений (речной транспорт) задолженность в 2-х. Примеров можно привести великое множество практически по всей стране» [120, с. 304].

Не ладилось у Госплана и в других сферах экономики, начиная от хлебозаготовок и заканчивая обувными мастерскими. Просто поразительно, насколько легко найти информацию о хронических провалах советской плановой экономики – просто открывай любой документ с отчетом о выполнении плана и читай.

Спецсводка СПО ОГПУ № 60 от 26 сентября 1932 г. сообщает: «Темпы хлебозаготовок в ряде мест остаются неудовлетворительными. Особо отстают Украина, СКК и НВК. Такое же положение, в основном, обусловлено крайне слабыми темпами скирдования и обмолота, недочетами планирования, отсутствием конкретного оперативного руководства со стороны ряда районных и низовых совпарт<ийных> организаций, неподготовленностью материально-технической базы и активным противодействием кампании кулацко-антисоветских элементов... В результате механического разверстания хлебозаготовительных планов местами часть колхозов оказалась переобложенной, а другая – наоборот, недообложенной (УССР, СКК, СВК, Татария, ИПО и др.). По этой причине в Крыму, например, ре-

гистрируются факты, когда отдельные колхозы, выполнившие хлебозаготовительный план, ощущают недостаток как семян, так и продовольствия, в других колхозах, наоборот, остаются значительные излишки хлеба» [334]. В постановлении ЦК ВКП(б) от 2 января 1933 г. «О выполнении плана хлебосдачи колхозами» фиксируется, что «наряду с выполнением плана хлебозаготовок полностью и в срок целым рядом совхозов (90 зерно-совхозов; 200 совхозов Союза сахара; 129 совхозов Сортсемтреста), – совхозы в целом в установленный срок плана хлебосдачи не выполнили» [275]. Напомню, что совхоз, в отличие от колхоза, был полноценным государственным предприятием, на котором трудились наемные рабочие, и, по идее, должен был служить образцом для коллективных хозяйств.

В спецсообщении УНКД по Саратовскому краю от 1 декабря 1936 г. по факту убоя и распродажи скота сообщается следующее: «Заслуживают внимания тенденции к ликвидации животноводческих и птицеводческих ферм. Так, например, колхоз “Новый труд” по плану должен иметь 70 свиней, а имеет только 10 свиней, остальные забиты и распроданы. Гусей вместо запланированных 100 голов оставлено 50 голов. В колхозе “Трудовик” из запланированных к сохранению в колхозной птицеводческой ферме 298 гусей оставлено только 755 гусей. Сокращение поголовья гусей проведено по специальному решению правления колхоза. В колхозе им. Чапаева колхозники Бугров В. А. (баптист) и Запорожский И. А.,

выступая на общем собрании, призывали колхозников к ликвидации животноводческих ферм, заявляя: «Свиноводческую и птицеводческую фермы нужно ликвидировать, они нас пожирают. Имеющиеся в колхозе корма надо раздать колхозникам на трудодни, а то государство считает колхозников хуже свиней». Под влиянием их выступления колхозниками забито и распродано 20–25 % скота личного пользования. В с. Ольшанка Аркадакского района с 1 августа по 1 декабря 1936 г. колхозниками забито и продано 400 голов рогатого и мелкого скота личного пользования. Основной причиной забоя скота является отсутствие кормов у колхозников» [335].

Плохо обстояло дело с поставками потребительских товаров в деревню. В 1931 г. «Микоян обличал “позорную ситуацию”: за первые 20 дней месяца поставки потребительских товаров промышленного производства в деревню достигли только 37 % от плана. Никаких заметных улучшений не последовало. В течение всей кампании в газетах появлялись сообщения о невыполнении плана торговли на селе. В одном из случаев единственным товаром, поставляемым в деревню, оказался одеколон» [374, с. 107–108].

В справке от 25 февраля 1937 г. члена бюро КСК Москвина, посвященной состоянию оловянной промышленности, констатируется факт полного провала плана по развитию оной и обеспечению независимости страны от иностранных поставок: «Совнарком Союза ССР в своем постановлении от

29 октября 1930 г. наметил развернутую программу мероприятий по развитию оловянной промышленности. Этим постановлением были даны совершенно конкретные задания по развертыванию геолого-разведочных работ, по производству олова, по усилению хозяйственного и технического руководства оловянной промышленностью и по материально-техническому обеспечению работ по олову. Выполнение этого постановления означало создание собственной оловянной промышленности и освобождение СССР от иностранной зависимости по олову. Уже к концу 1934 г. выяснилось, что это важнейшее постановление СНКНКТпромом выполнено не было. Так, в 1934 г. почти полностью был сорван план добычи руды и концентратов. Программа по добыче руды была выполнена всего на 6 %, а по концентратам на 1,8 %. Основной Хапчерангинский комбинат добыл в 1934 г. лишь 2.650 тонн руды, вместо 50 тыс. тонн по заданию СНК. Последующая проверка показала, что, даже при полном отсутствии механизации, только ручным способом можно было добыть руды в 2–3 раза больше. Также было сорвано строительство обогатительной фабрики Хапчерангинского комбината, которая должна была быть закончена и введена в эксплуатацию, согласно постановлению СНК, еще в IV-м квартале 1933 г., фактически обогатительная фабрика была пущена лишь в августе 1934 г. Проектирование и строительство этой фабрики велось неправильно: все проектные, а также подготовительные работы

велись сразу для пуска обеих очередей фабрики производительностью 150 тонн, вместо того, чтобы вначале сосредоточить основное внимание на пуске первой очереди фабрики мощностью в 50 тонн. Пущенная с большим опозданием первая очередь обогатительной фабрики имела ряд грубейших технических дефектов и недоделок и не давала той производительности, на которую была рассчитана (вместо 45–50 тонн концентрата в месяц фактически давала 11–12 тонн). Строительство электростанции, несмотря на обеспеченность необходимым электрооборудованием, также было сорвано. Отсутствие электроэнергии не давало возможности использовать имеющиеся компрессоры и обеспечить нормальную работу обогатительной фабрики» [338].

Но даже если провалам планов по оловянной промышленности или выполнению хлебозаготовок, развитие которых сопряжено с рядом трудностей, можно найти хоть какое-то объяснение, то как объяснить провалы госведомств по открытию элементарных ателье? Об этом мы узнаем из доклада от 16 июня 1932 г. «о выполнении постановления ЦК о развертывании сети мастерских по выполнению индивидуальных заказов одежды и обуви»: «ЦК констатирует, что: 1) Ведомства (НКЛегпром, Союзкож, Госшвейпром) и промкооперация не выполнили задания ЦК относительно открытия мастерских по индивидуальным заказам, а Центросоюз – по открытию приемочных пунктов, нарушив все установ-

ленные ЦК сроки: по обуви – госпро-мышленностью вместо намеченных к открытию 46 мастерских на 13. VI – открыто 22. по промкооперации из 339 на 7. VI открыто 243; по одежде – по госпромышленности вместо 66 намеченных по плану на 13. VI открыто 41, по промкооперации вместо 268 на 13. VI открыто 213. Потребкооперацией открыто приемочных пунктов по индивидуальным заказам одежды вместо 241 – 44, по обуви открыто 114 пунктов, из них 29 общих – по приему одежды и обуви» [235].

Аналогично обстояло дело в вопросе открытия государственных и кооперативных торговых точек для реализации продуктовой и промышленной продукции, призванных заменить частных торговцев, официально полностью запрещенных к 1936 г. «Большая часть магазинов находилась в исторических центрах городов, концентрировалась близ оживленных магистралей и вокзалов. Рабочие кварталы испытывали острую потребность в продуктовых магазинах, а еще более в промтоварных. Жители окраин обычно переносили покупки на выходной и ехали в центр, где пополняли ряды стоявших в очередях местных жителей и приезжих. В результате лучшая организация сервиса даже в специализированной сети... не являлась эффективной. Общее количество торговых предприятий было крайне недостаточным. По нашим подсчетам, в Ленинграде к 1940 г. на один магазин приходилось в среднем 987 человек (в то время как в США и Великобритании – 87–90 человек)... централизован-

ная экономика заставляла практиковать покупки вынужденные, заблаговременные и спонтанные, а также закупки больших партий товаров» [362, с. 68]. Не работало не только централизованное производство, но и централизованное распределение.

Почти анекдотичной была ситуация в системе обеспечения населения продовольствием через карточки, периодически применяемые в СССР в особенно трудные периоды. «Система выдачи заборных листков и контроля за их выдачей оставалась неупорядоченной. Точных данных о снабжаемом населении не имелось ни в одной из заинтересованных организаций. По подсчетам Центросоюза, на 19 ноября 1930 г. в СССР было выдано около 1,5 млн лишних заборных листков. В Москве был выявлен ряд злоупотреблений с коллективными заборными книжками, выдаваемыми МОСПО столовым для получения дефицитных продуктов. Ряд пивных, никогда обедов не готовивших, бесконтрольно получали по ним продукты, львиную часть из них сбывая на рынок» [362, с. 57]. В годы войны комедия и трагедия шли рука об руку: «...в 1942 году только в г. Горьком было похищено 6700 карточек, а в целом по стране – около 100 тыс. Этому способствовала небрежная система хранения и учета, наблюдавшаяся повсеместно. Так, в Махачкалинском городском карточном бюро карточки на хлеб и сахар находились в хозяйственной кладовой вместе с дровами, там же уборщица хранила веники, самовар и чайную посуду. Кладовая за-

крывалась только на ночь. Дверь кладовой Куйбышевского областного карточного бюро, где ежемесячно складировалось до 2,5 млн карточек, подпиралась легкой доской. Хранилища в Волхове, Выборге, Сланцах не были снабжены замками, не сдавались охране под расписку, их наружные двери опечатывались пятикопеечной монетой» [362, с. 94].

Своего рода апофеозом социалистического хаоса была история «раскулаченного» крестьянина Николая Павленко. В годы войны он при помощи поддельных печатей и документов, вместе с подельниками, создал... целую военную часть, которой на самом деле никогда не существовало, – Участок военно-строительных работ Калининского фронта (УВСР). Организация стала получать подряды на работы, благодаря которым работники части получили довольствие, а их начальники – деньги. Например, были построены или улучшены землянки для калининского фронтового эвакуационного пункта. Впоследствии к УВСР пошли обращения от городских и сельских властей [234]. Заговорщики даже подделали документы, согласно которым их участок находился в прямом подчинении Сталину, а лично Павленко сделал себя, по бумагам, «полковником» и «военным инженером». Остальные получили различные офицерские должности.

К 1942 г. численность УВСР выросла с 10 до 200 человек. В том же году Павленко переименовал «свою» часть в Участок военных работ (УВР). Уже в ходе наступления в Гер-

мании члены организации Павленко за счет грабежа местного населения и полученного за взятки разрешения собирать трофейное имущество смогли обзавестись внушительным списком техники: грузовиками, мотоциклами, автомобилями и т. д., кроме этого, были получены продовольствие и скот. Все это имущество псевдочасть смогла вывезти на территорию СССР на целом поезде, заполученном, опять же, путем взяток и знакомств, имевшихся у Николая. Разумеется, трофеи были реализованы Павленко в пользу своей организации, а не государственной казны. Часть имущества пошла на подкуп советских чиновников. Например, за легковую машину тульский облвоенком разрешил разместить УВР на территории Тульской области.

После войны Павленко создал Управление военного строительства (УВС-1) и спокойно получал заказы на строительство и ремонт дорог и мостов. Только в 1952 г. афера вскрылась, когда в результате внутренних споров один из сотрудников организации Павленко обратился в прокуратуру. Последняя от Министерства обороны узнала, что никакого УВС-1 не существует. В 1955 г. Николая Павленко расстреляли, его подельники получили различные сроки, всего было арестовано более 400 человек. Но самое интересное то, что его организация действительно отремонтировала и построила множество дорог и мостов по всему СССР, получив при этом 38 млн 700 тыс. рублей. В условиях нормальной рыночной экономики Николай Павленко, вероятнее всего, стал бы

процветающим бизнесменом, но в социалистической экономической системе наиболее предприимчивым людям оставалось только вести рискованную «игру» с «социалистической законностью», используя неэффективность Госплана в свою пользу.

Но Павленко был не единственный крупный аферист, использовавший хаос централизованной экономической системы. Уже при Хрущеве произошло т. н. «Рязанское чудо». В 1957 г. Хрущев выступил с лозунгом «Догнать и перегнать Америку», и частью этого соревнования было увеличение производства мяса. Однако к 1958 г. результаты были более чем скромными. На помощь вызвался первый секретарь Рязанского обкома Алексей Ларионов, пообещавший утроить производство мяса в области всего за один год. Хрущев восторженно отнесся к такому обещанию и призвал подключиться к достижению таких темпов и другие области. Ларионов же поступил очень просто – он распорядился устроить массовый забой скота по всему региону, а также закупил скот в других областях за счет средств, предназначенных на социальные нужды населения. Таким образом, он формально выполнил свою задачу, но эта политика была рассчитана «на один день». Ларионова даже наградили званием Героя Социалистического Труда, вручили орден Ленина и золотую медаль «Серп и Молот». Но к началу 1960 г. поголовье скота упало в сравнении с 1958 г. на 65 %, а обманутые колхозники, у которых Ларионов позаимствовал скот под расписку,

отказались обрабатывать поля, из-за чего производство зерна упало на 50 %. В сентябре 1960 г. Ларионов застрелился, но нанесенный им экономический ущерб никто не компенсировал.

Сотрудник международного отдела ЦК КПСС Анатолий Черняев оставил нам свои дневники, которые проливают свет на неэффективность плановой централизованной экономики даже в 1970-е гг., когда, казалось бы, шло уже шестое десятилетие строительства социализма. Например, он цитирует Леонида Брежнева, сделавшего в 1972 г. такое заявление: *«...не выполняем пятилетнего плана практически по всем показателям, за исключением отдельных... Как Вам не стыдно, товарищ <министр черной металлургии> Казанец, хвалитесь, что выплавляете больше США... А качество металла? А то, что из каждой тонны только 40 % выходит в продукцию по сравнению с американским стандартом, остальное – в шлак и в стружку?! Мы по-прежнему получаем 90 копеек <прибыли> на один рубль вложений, а американцы – наоборот (на 90 центов – один доллар)»* [402].

Есть у Черняева и другие интересные сведения. В записи от 6 февраля 1973 г. читаем: *«Директор металлургического завода заявляет, что за первый квартал он, может быть, и выполнит план поставок труб предприятиям, но в январе он даст только 13 % заказа, в феврале – 27 %, а в марте – остальное. Что прикажете делать? Как должен*

работать завод – получатель труб, который имеет такого поставщика? Чем он будет платить рабочим? Как выполнять свой план? Или: стройке нужен металл такого-то сорта, ему присылают совсем не то, и это “не то” валяется и пропадает, потому что из него строить данный объект нельзя. А по тоннажу поставщик план выполнил и даже премию получил. И т. д.». В записи от 17 декабря 1973 г.: «План не выполнен по энергетике, металлу, химии, легкой промышленности и т. д. На 74 г. намечен предельно напряженный план, иначе горит пятилетка: за три ее года прирост 44 млрд рублей из 103 млрд запланированных на всю пятилетку. 60–70 млн тонн металла у нас во время переработки идет в отходы. По тоннажу металлообрабатывающих станков мы производим столько же, сколько США, Япония и ФРГ вместе взятые, а по числу сделанных из этого металла станков и по их производительности далеко отстаем от каждой из них. Финляндия вывозит древесины в 10 раз меньше, чем мы, а выручает валюты по этой статье экспорта в два раза больше. Это потому, что от нас она уходит в элементарно необработанном виде... В 1955 задумали строить в городе Салавате завод полированного стекла. Проект был готов к 1962. Но в 1961 англичане предложили нам лицензию на завод с иной, огневой методологией. В 1965 мы купили у них лицензию, по которой уже работают три завода и дают великолепное стекло. Между тем салаватский завод продолжал строиться. В 1972 был закончен,

но выяснилось, что установленное оборудование стекло не полирует, а ломает. Все оно было пущено на переплавку. А кто ответственный за все это, до сих пор установить не удалось» [402].

Все вышеприведенные примеры действительно могут вызывать усмешку, потому что мы привыкли под влиянием старших родственников, постсоветского образования и пропаганды думать, что советская социалистическая система планирования была чуть ли не безупречна. Особенно часто об этом упоминают именно сейчас, когда уровень коррупции и бардака считается весьма высоким, либо же вспоминают «проклятые 90-е», противопоставляя им порядок советской системы. Но едва ли 90-е виноваты во всех бедах, если даже о второй половине 1980-х, когда уровень жизни граждан СССР был наиболее высоким за всю советскую историю, в ежегодных статистических сборниках можно было прочитать такое: *«Значительные потери животноводческой продукции в сельскохозяйственных предприятиях допускаются из-за большого падежа скота, высокой яловости маточного поголовья. В 1989 г. в колхозах, совхозах и межхозяйственных предприятиях допущен падеж 2,8 млн голов крупного рогатого скота, 7,9 млн свиней и 9,9 млн овец и коз. Многие сельскохозяйственные предприятия не обеспечили в полном объеме поголовье скота кормами на период зимовки. Во многих хозяйствах низка продуктивность скота. В 1989 г. в 6,2 тыс. сельскохозяйственных предприятий (14 %*

от общего числа) среднегодовой надой молока на одну корову составил менее 2000 кг, в 6,6 тыс. (14 %) выход приплода телят на 100 коров – менее 70 голов. Несмотря на увеличение реализации мясных и молочных продуктов, не удалось преодолеть напряжение в обеспечении населения мясом и животным маслом. В ряде районов страны продажа их регламентировалась. Еще не везде используются возможности нового порядка планирования, позволяющего за счет наращивания производства обеспечить прибавку продукции для местного снабжения. Около 28 % всех рынков не оборудованы электроосвещением, более половины – не имеют водопровода. Менее 30 % колхозных рынков обеспечены складским хозяйством и менее десятой части – складами холодильниками с машинным охлаждением. Гостиница или дом колхозника имеются в среднем на семи из ста рынков, только на одном из трех рынков – предприятия общественного питания» [249]. В другом сборнике констатируется печальная картина в сфере железнодорожного и автомобильного транспорта, в развитии автодорожной сети: «В 1989 г. на железных дорогах, находящихся на территории РСФСР, произошло 62 крушения и аварии. Многочисленные человеческие жертвы повлекла крупная авария, произошедшая 3 июня 1989 г. в непосредственной близости от железной дороги Челябинск-Уфа на нефтепродуктопроводе Нижневартовск-Нефтекамск... Крайне острой проблемой, серьезно тормозящей экономическое и социальное развитие

РСФСР, является слабое развитие автодорожной сети, ее неудовлетворительное состояние. РСФСР находится на последнем месте среди других союзных республик как по густоте автодорог, так и по удельному весу автодорог с твердым покрытием. Около 15 % автомобильных дорог общего пользования республики грунтовые, более трети дорог с твердым покрытием имеют недолговечное щебеночное или гравийное покрытие. Отсутствие качественных автодорог приводит к перерасходу горючего, преждевременному износу техники, потерям грузов при транспортировке, крайне негативно влияет на социальное развитие села. К концу 1989 г. 155 райцентров в республике (8 % их общего количества) все еще не были соединены дорогами с твердым покрытием с областными центрами, 1,9 тыс. центральных усадеб колхозов и совхозов (8 %) были лишены такой связи с райцентрами» [230].

* * *

Социалистические власти пытались найти причину хронических неудач не в фундаментальных ошибках своего экономического мировоззрения, а, что весьма характерно, во внешних факторах: вредительстве, заговоре троцкистов, саботаже, международном положении и т. д. Характерным примером служит история со систематическими авариями на электростанциях в 1931–1932 гг., которая подробно из-

ложена в судебной речи А. Я. Вышинского под общим названием «Дело о вредительстве на электрических станциях в СССР» [87]. Текст очень большой, поэтому я приведу только некоторые выдержки из него:

«В течение 1931–1932 гг. на крупных электростанциях СССР – Златоустовской, Челябинской, Ивановской, Бакинской и др. – имели место систематические аварии отдельных котлов моторов, турбин, генераторов и т. д., выводившие их из строя на более или менее длительные сроки и понижавшие мощность электростанций. Следствие установило, что причиной указанных аварий была вредительская деятельность контрреволюционных групп, состоявших из государственных служащих электростанций, в большинстве своем из высшего технического персонала, действовавших в соучастии с некоторыми служащими частной английской фирмы “Метрополитен-Виккерс”, работавшей в СССР по договору. Как установило следствие, начальник Златоустовской электростанции Гусев В. А., совместно со своим помощником Соколовым В. А. и рядом других лиц, систематически выводил из строя в течение 1931 и 1932 годов мотор в 1400 л. с., приводивший в действие крупносортовый стан прокатного цеха Златоустовского металлургического завода. В результате одной из таких аварий снарядные цехи не работали полтора месяца, в конце 1931 года он заморозил котел № 8 для ослабления котельного хозяйства электростанции. Тогда же Гусев вывел из строя углеподачу № 1,

после чего вся углеподача по его распоряжению, была разобрана и выведена из строя на полтора года; с вредительской целью Гусев задержал монтаж котлов №№ 1, 2, И в результате чего мощность электростанции была снижена с 12000 до 6000 киловатт. Начальник Златоустовской электростанции Гусев и его помощник Соколов в то же время подготавливали ряд аварий, которые должны были вывести из строя электростанцию и лишить электрической энергии Златоустовские заводы в момент ожидавшегося вредителями военного нападения на СССР. Обвиняемая Кутузова А. С., состоя на службе в Московской конторе фирмы “Метрополитен-Виккерс” в качестве секретаря и зная о контрреволюционной работе служащих этой фирмы, систематически передавала и пересылала денежные вознаграждения отдельным участникам контрреволюционных групп государственных советских служащих электростанций за их шпионскую и вредительскую деятельность. Мы никогда и никому не позволяли, не позволяем и не позволим вмешиваться в наши внутренние дела, несмотря ни на какие маневры, истерики, крики, шум и гам. Нельзя не напомнить сейчас об этом, об этих криках, об этих истериках некоторых кругов Англии, потерявших равновесие, плохо усвоивших или вообще не успевших еще усвоить мысль, высказанную еще три года тому назад товарищем Сталиным в связи с вопросом о “камне преткновения” в деле улучшения наших экономических связей с буржуазными государствами».

Разумеется, речь Вышинского содержала в себе бред воспаленного сознания большевика от начала и до конца. Большая часть речи содержит ничем не подтвержденные выпады против западных стран и цитаты Сталина. Ни о каком объективном расследовании от советского прокурора не могло быть и речи. Нелепым заявлениям об ожидавшемся военном нападении на СССР в 1932 г. мог бы поверить только сумасшедший. В 1931–1932 гг. у СССР и близко не было потенциальных врагов, могущих совершить на него скорое нападение. Германия практически не обладала вооруженными силами. США придерживались изоляционистского курса и пытались решить внутренние экономические проблемы. В Великобритании не нашлось бы чисто физически таких сил для нападения, тем более что англичане в те годы тоже переживали не лучшие времена. Отсылки на внешних врагов – лишь жалкие попытки самооправдания за собственные провалы. Меня лично особенно поразило то, что коммунисты при помощи сфабрикованных дел пытались представить очевидное присутствие иностранного капитала в экономике СССР как дело рук заговорщиков. Одни из таких примеров можно найти в показаниях С. Хренникова «о деятельности контрреволюционной организации в металлопромышленности» от 6 ноября 1929 г.: *«В развитие показания от 28 октября с. г. признаю, что в металлической промышленности, в частности в Техсовете Главметалла, примерно в 1922 году создавалась контрреволюционная группа, объединенная об-*

щими взглядами на нашу промышленность и ставящая себе задачу вынуждать Советское Правительство прибегнуть к помощи иностранного капитала для восстановления промышленности» [267].

Такие попытки самооправдания не ограничивались промышленным сектором, но распространялись и на сельское хозяйство. В уже упомянутом спецсообщении УНКВД об убое и распродаже скота тоже был найден вредитель. Оказалось, что *«значительное влияние на убой и продажу скота оказывает деятельность к.-р. враждебных элементов, которые распространяют провокационные слухи о голоде и провоцируют колхозы и колхозников на убой и разбазаривание скота. В с. Олышанка Аркадакского района председатель колхоза Сисин Г. А., быв. эсер, исключенный из кандидатов ВКП(б), среди колхозников говорил: “С колхозами гиблое дело, они приведут нас к разрухе, сейчас мы уже подошли к этому. В колхозе хлеба нет, и колхозники должны умирать с голоду”. В колхозе “Смычка” колхозник Сивохин С. Т. среди группы колхозников заявил: “Советская власть зажала колхозников. Нам нужно распродать весь скот, тогда соввласть скорее выдаст нам хлеб”» [335].*

Найден был заговор и в спецсводке № 60, в которой провалы хлебозаготовки объяснялись, конечно же, деятельностью классовых врагов: *«Особо следует подчеркнуть, что часть активистов, в том числе и коммунистов, оказывает прямое противодействие хлебозаготовкам, открыто ведет ан-*

тихлебозаготовительную агитацию и в ряде случаев переходит к прямым антипартийным рассуждениям. Заслуживает внимания следующее выступление члена ВКП(б) Овчарова на общем собрании колхозников: "Партия и соввласть обманули Украину, оставили ее без хлеба и нас хотят оставить, ни одного центнера хлеба не дадим государству"... Росту нездоровых настроений способствует также активизация кулацкого к/р элемента, который не только ведет активную агитацию за выход из колхозов, хищение колхозного имущества и отказ от хлебозаготовок, но и организует неустойчивые группы колхозников и единоличников на открытое активное противодействие хлебозаготовкам. Заслуживает внимания рост по некоторым областям активных а/с проявлений» [334].

В послевоенном советском учебнике по политической экономии 1954 г. можно прочесть о том, как «главные капиталистические страны – США, Англия и Франция – пытались подвергнуть экономической блокаде Советский Союз, Китай и европейские страны народной демократии в расчете на удушение этих стран... Агрессивные правящие круги империалистических держав – прежде всего США – сразу же после окончания Второй мировой войны стали проводить политику подготовки третьей мировой войны» [255].

Леонид Брежнев в выступлении на Пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1965 г., перейдя к вопросу замедления темпов экономического роста в СССР, в числе наиболее серьезных

трудностей называет сложившуюся международную обстановку и... климатические условия: «Многие из них, как ве-
емы хорошо понимаем, являются объективными. Их было
немало. Известно, в частности, что истекшие годы при-
несли целый ряд осложнений в международной обстановке.
Это – агрессия США во Вьетнаме, война на Ближнем Во-
стоке, обострение отношений с Китаем, серьезные трудно-
сти, с которыми столкнулся социализм в Чехословакии. Вы
знаете, что все эти события были не только политическим
испытанием для нашей страны, но и возложили немалую
и к тому же, конечно, не предусмотренную планами допол-
нительную нагрузку на советскую экономику... Если бы мы
не помогли дать отпор проискам империализма в Юго-Во-
сточной Азии и на Ближнем Востоке, это вдохновило бы
американцев и их союзников на новые агрессивные акции уже
где-то поближе к нашим границам. Если бы мы не приняли
меры для укрепления своих восточных рубежей, китайские
деятели шли бы все дальше по пути вооруженных провока-
ций. Если бы мы не сорвали планы контрреволюции в Чехо-
ловакии, войска НАТО скоро оказались бы непосредствен-
но у наших западных границ. Уверен, что Пленум ЦК КПСС
ясно представляет себе эти проблемы. Не баловали нас в
последние два года и климатические условия. Убытки, ко-
торые мы понесли из-за капризов погоды и стихийных бед-
ствий, весьма значительны» [37].

Таким образом, на протяжении десятилетий риторика со-

ветских политических деятелей, когда дело касалось необходимости объяснить один провал за другим, совершенно не менялась. Стоит отметить, что риторика руководства современной РФ очень похожа на советскую. Например, спикер Госдумы РФ Вячеслав Володин, комментируя ситуацию вокруг отравления оппозиционного политика Алексея Навального, заявил, что *«происходящее вокруг ситуации с Навальным все больше доказывает, что это спланированная акция против России, чтобы в результате ввести новые санкции и попытаться сдержать развитие нашей страны»* [61].

На самом деле, провалы социалистической плановой экономики, наиболее полно развернутой именно в Советском Союзе, были предсказаны еще до того, как в СССР началось воспроизводство многовековых социалистических установок в масштабах целой страны. Еще в 1902 г. голландский экономист Николас Пирсон указал на большие трудности оценки и экономического расчета при отсутствии цен, ориентированных на человеческую природу. В 1914 г. Фридрих фон Визер говорил о слепоте централизованной организации экономики, которая *«не в состоянии быть в курсе бесчисленных возможностей»* [331, с. 186]. Видный социолог Макс Вебер в своей книге «Хозяйство и общество» также указал на недостатки социалистического планирования. Однако обстоятельнее всего невозможность социалистического централизованного производства и распределения предсказали австрийский экономист Людвиг фон Мизес и рос-

сийский экономист Борис Бруцкус. В 1920-е гг. они подробно теоретически обосновали будущий провал социалистической экономики. Стоит привести пространные выдержки из трудов этих авторов.

В книге «Социализм: экономический и социологический анализ» Мизес пишет: *«Попробуем представить себе положение социалистического общества. Там функционируют тысячи и тысячи предприятий. Меньшая часть из них производит конечные блага, большая часть выпускает производительные блага и полуфабрикаты. Все эти предприятия тесно связаны. Каждое из производимых благ до своего превращения в потребительское благо проходит через ряд таких предприятий. И при непрерывном напоре всех этих процессов экономическое руководство будет дезориентировано. У него не будет возможностей удостовериться, что данная работа действительно необходима, что труд и материалы не расходуются впустую. Как оно смогло бы выбрать из двух процессов производства наилучший? Самое большее – оно могло бы сравнить количество производимой продукции. Но только в исключительных случаях ему удалось бы сопоставить расходы на сравниваемые производственные процессы. Оно бы точно знало (или воображало бы, что знает), что именно хочет производить. А значит, ему следовало бы поставить задачу достичь желаемого с наименьшими расходами. Но для этого нужно иметь возможность считать. Эти расчеты могут быть только стоимостными. Они не*

могут быть просто техническими, они не могут быть вычислениями объективных потребительных ценностей (полезностей) продуктов и услуг; это настолько очевидно, что не нуждается в дальнейших доказательствах. В условиях частной собственности на средства производства шкала ценностей является результатом действий каждого независимого члена общества. Каждый играет двойную роль в ее создании – как потребитель и как производитель. Как потребитель он вырабатывает оценку конечных потребительских благ. Как производитель он использует производительные блага так, чтобы они давали наибольшую отдачу. Таким образом, все блага высших порядков ранжируются в соответствии с существующими условиями производства и требованиями общества. Взаимодействие этих двух процессов обеспечивает соблюдение принципа целесообразности как в производстве, так и в потреблении. В результате и возникает система точных цен, которая позволяет каждому формировать свой спрос с учетом экономических реалий. При социализме все это неизбежно отсутствует» [220].

Борис Бруцкус в работе «Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе» подмечал то же самое: «...существуют какие-то явления ценности, которых марксизм не знает или не желает знать; эта ценность не находится в какой-либо прямой зависимости от трудовой стоимости, она является функцией общественных потребностей. Что она может изменяться независимо от трудовой сто-

имости – это ясно из приведенных примеров: ничего не изменилось в хозяйстве кружевной фабрики, а кружева обесценились; ничто не изменилось в хозяйстве фабрики кос, а ценность их поднялась. Вот этот феномен, и только этот, современная политическая экономия, стоящая на почве великих достижений Менгера, Джеконса, Вальраса, и подводит под термин ценность (*Wert, value, valeur*); то же, что Маркс назвал трудовой ценностью, современная политическая экономия признает одной из форм стоимости (*Kosten, cost, frais de production*). Оба эти понятия в современной политической экономии, в противоположность политической экономии марксизма, очень определенно разграничены, – и не без пользы для науки. В основе явлений ценности лежат субъективные оценки, они суммируются и объективируются в рыночной цене, которая и выявляет напряженность социальной потребности в товаре... В результате свободной конкуренции между собой потребителей, стремящихся к наилучшему удовлетворению своих потребностей, и в результате свободной конкуренции производителей, нуждающихся в реализации на рынке определенного количества товаров, цена на отдельные потребительные блага устанавливается на совершенно определенном уровне, уравновешивающем спрос и предложение. Эта цена соответствует предельной полезности предметов для данного общества от субъективных оценок и покупательных сил всех его членов. Цены чутко реагируют на всякое изменение спроса и предло-

жения подобно тому, как стрелка точных весов реагирует на каждое изменение нагрузки их чашек... Рыночные цены на предметы потребления определяют объем средств, которые могут быть привлечены для производства каждого из них... У нас вошла в обиход фраза: "Социализм есть учет". И действительно, не располагая механизмом рыночных цен, социалистическое государство должно обладать громадным и необыкновенно совершенным статистическим аппаратом, охватывающим все стороны общественной жизни, – аппаратом, очень гибким и действующим непрерывно, чтобы улавливать все изменения, происходящие в этой жизни. Конечно, таким громоздким и дорогим статистическим аппаратом не обладают и самые культурные государства Запада, и конечно, таким аппаратом не обладает и Россия... даже во всеоружии теоретической науки и громадного статистического аппарата, социалистическое государство не в силах измерить, не в силах взвесить потребностей своих граждан, а в связи с этим оно не может дать надлежащих директив производству. Но все же не в этом заключается самая слабая сторона социалистического хозяйства, – она заключается в его стремлении централизовать в руках своей бюрократии все распределительные функции» [40].

Итак, в условиях государственного централизованного планирования не работает такой важный механизм, как рыночные цены – именно они служат нам информацией о спросе и предложении в том или ином месте, в то или

иное время. Не зная этой информации, невозможно вовремя среагировать на возникший спрос, невозможен динамичный рынок труда, невозможно рационально инвестировать средства. Ситуацию усугубляет неуклюжий механизм принятия решений – когда частные предприниматели отсутствуют (во всяком случае, легально), множество региональных ведомств и чиновников едва ли успевают обработать информацию, поступающую из центральных органов управления, а за провалы никто не хочет отвечать лично – поэтому значительная часть времени и сил в СССР уходила на поиск таинственных врагов и раскрытие заговоров, т. е. на службы безопасности тратились просто гигантские ресурсы. Зачастую управленцы на местах просто игнорировали поступавшие из центра указания, как в случае установления зарплатных тарифов и премий на госпредприятиях, о чем свидетельствует нарком труда в 1930–1933 гг. Цихон: «...в *лекальном цехе Горьковского автозавода мастер зарабатывает 350–400 рублей. Заработная плата рабочего достигла 650–700 руб. На заводе “Большевик” ставка мастера в токарном цехе была установлена в 300 руб. в месяц, а бригадир 7-го разряда в этом цехе зарабатывал 500 руб. На строительстве 19-го стройтреста квалифицированный мастер-каменщик получал 5 руб. 80 коп. в день, а чернорабочий подносчик кирпича – 9 руб. Немудрено, что за 10 месяцев прошлого года через площадку этого строительства прошло 8 тыс. рабочих и текучесть составила более 87 %. Таких примеров мож-*

но привести много» [120, с. 220]. А. Ильюхов, автор книги «Как платили большевики», резюмирует этот отрывок следующим образом: *«Судя по всему, некоторые хозяйственники (руководители предприятий и строек) не очень обращали внимание на установленные правила оплаты труда. Иначе как можно объяснить тот факт, что иногда высококвалифицированные рабочие получали меньше рабочих низкой квалификации»* [120, с. 220]. Таким образом, стоит ли удивляться невыполнению планов и в целом низкой производительности труда, если бардак в системе оплаты труда лишал рабочих мотивации не только хорошо работать, но и повышать свою квалификацию? В то же время есть ли смысл винить во всем управленцев на местах, если порочной была сама система принятия решений и ответственности за эти решения? Провалы в производстве не угрожали предприятиям банкротством, а рабочим потерей рабочих мест, ведь предприятия были государственными, а заказчик был всего один – государство. Отсюда следовало снижение производственной эффективности и низкая производительность труда советского рабочего. Разумеется, имело место и утаивание информации, и коррупция. Никуда не мог деться и фактор мотивации – ни для рабочих, ни для колхозников, ни для чиновников не было смысла делать свою работу лучше, поскольку отсутствовали гарантии, что должные старания будут вознаграждены (и прежде всего, замечены) соответствующим образом. Все зависело от личных связей и ло-

ьяльности. Поэтому в такой системе куда выгоднее было не лучше работать, а лучше услуживать начальникам. И так – снизу до самой верхушки. Что касается села, то там ситуация усугублялась нежеланием людей идти в колхозы и отдавать плоды своего труда непонятно кому взамен на обещания или под принуждением. Крестьянам куда понятнее было то, что можно, грубо говоря, потрогать руками, увидеть глазами, купить или продать на рынке. Большевики, как и следовало ожидать, не понимали деревню, будучи выходцами из городской среды. Неудивительно, что крестьянство, которое просто было уничтожено коммунистами и превращено в сельский пролетариат (колхозников и работников совхозов), постоянно восставало как в буквальном смысле слова, через силовое сопротивление, так и через тихий протест на местах, под понимающее молчание местных начальников, скрывая урожай и забивая скот для удовлетворения своих и семейных нужд.

Неравенство, эксплуатация и дискриминация в СССР

Хорошо известно, насколько чувствительны социалисты к проблеме неравенства, дискриминации, эксплуатации человека человеком. Они говорят: в капиталистическом мире царствует вопиющее неравенство, где богатое меньшинство управляет бедным большинством, где есть привилегированные и угнетаемые и благополучие первых зависит от бедности вторых. Стало быть, от социалистов стоило бы ожидать построения такого общества, где эта порочная связь будет раз и навсегда разорвана. Однако в реальности им этого сделать почему-то не удалось. Даже демонтировав «капитализм», заменив рынок централизованным Госпланом, установив на товары «справедливые цены» и уничтожив спекуляцию, у социалистов получилось даже не неравенство «капиталистического типа», а неравенство где-то на уровне кастовой системы древней Индии. Однако не стоит пребывать в иллюзиях – социализм обеспокоен не неравенством как таковым, а неравенством, которое, по их мнению, служит абстрактным интересам такого же абстрактного, господствующего класса буржуазии. На примере самого главного проекта построения социализма – СССР – мы можем в этом легко убедиться.

Дело в том, что советское неравенство создавалось абсо-

лютно сознательно и целенаправленно, т. е. было заложено в самой системе социально-экономических отношений и оправдывалось идеологическими установками социализма. Социалисты не собирались строить общество гражданского равноправия, где все равны перед законом в правах и обязанностях. Социалисты конструировали новую иерархию. Чтобы убедиться в этом, посмотрим, что говорит нам Конституция РСФСР 1918 г. Она в этом плане особенно показательна, так как составлялась еще тогда, когда новорожденное советское общество включало в себя миллионы людей, относящихся к классу «эксплуататоров». В статье 64 говорилось, что *«правом избирать и быть избранными в Советы пользуются... все добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда, как то: рабочие и служащие всех видов и категорий, занятые в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и проч., крестьяне и казаки-земледельцы, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли; б) солдаты советской армии и флота; в) граждане, входящие в категории, перечисленные в пунктах “а” и “б” настоящей статьи, потерявшие в какой-нибудь мере трудоспособность»*. В статье 65 читаем: *«Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они входили в одну из вышеперечисленных категорий: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) ли-*

ца, живущие на нетрудовой доход, как то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные а порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором». Таким образом, избирательным правом и правом быть избранными наделялись рабочие и крестьяне, которые никогда не были замечены в использовании наемного труда (т. е. бедняки, да и то не все), и лишались этих прав все остальные: частные предприниматели, крестьяне-середняки, крестьяне-кулаки, многие горожане, сдававшие свои квартиры в аренду, священство, царские служащие и т. д. В статье 7 данный подход подкреплен идеологически: «*III Всероссийский съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов полагает, что теперь, в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплуататорами, эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству – Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов*» [149].

Главная проблема такого подхода состояла в том, что он был совершенно произвольным. Огромные массы населения России выкидывались за борт общественной жизни лишь на том основании, что захватившая власть в стране социалистическая партия классифицировала их как «эксплуататоров». Ни о какой законности не могло быть и речи, это совершенно идеологический подход, точность которого зависела от несовершенных оценочных суждений принимавших решения политиков и исполнителей на местах. Не понимать этого большевики не могли, так как данная проблема слишком очевидна. А значит, миллионы людей, которые родились в России и работали в ней, не нарушая никаких законов существовавшей до 1917 г. Российской империи, были обречены на бесправие, унижения и лишения, в то время как многие, прямо скажем, не самые достойные представители общества получали привилегии лишь на том основании, что у них ничего не было. Если вопрос заключался в том, «почему же у них ничего не было, не ваши ли буржуи их грабили», то социалистический ответ на него следовало доказать, причем в каждом конкретном случае. Однако логика «классовой борьбы», ведущейся не на полях сражений за пределами страны, а наоборот, исключительно внутри ее пределов, исключала подобные «тонкости».

Далее мы рассмотрим, к чему же приводили социалистические идеологические установки на практике. И начать следует с более подробного рассмотрения положения т. н. «ли-

шенцев», о которых ранее упоминалось в другой главе. Лишенцами считались все те, кто был лишен избирательного права в соответствии с положениями Конституции 1918 и 1925 гг. Однако одним избирательным правом дело не ограничивалось. Как и во многих других вопросах, неестественные социалистические установки всегда нарушали четкую взаимосвязь закона и его исполнения. В случае лишенцев конституционный закон был куда менее строг, чем решения, принимаемые на уровне местных органов власти. Это хорошо известно из докладной записки Авеля Енукидзе Иосифу Сталину от 1 марта 1930 г., к этому времени численность лишенцев уже давно перевалила порог в 3,7 млн человек. Енукидзе писал Сталину:

«Закон устанавливает довольно твердый перечень прав, которых дополнительно лишаются лишенцы. Они лишаются: профсоюзного членства, права состоять в с.-х. кооперации, участвовать в руководящих и ревизионных органах потребительской кооперации (лишенцы по своему классовому положению и по своей прошлой деятельности вообще не могут быть членами потребительской кооперации). Никаких других дополнительных правонарушений по отношению к лишенцам закон не знает. Однако действующая практика местных органов власти значительно расширила эти правонарушения. Закон нигде не приравнивает всех лишенцев к нетрудовой категории населения. Поэтому в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 8-го апреля 1929 года «Об ограни-

чении проживания лиц нетрудовых категорий в муниципализированных домах и о выселении бывших домовладельцев” прямо указывается, что “лишение избирательных прав само по себе не служит основанием для выселения в административном порядке, если лица, лишённые избирательных прав, не подходят под признаки, предусмотренные 1-й частью настоящей статьи”, т. е. если они не являются бывшими домовладельцами и не имеют дохода свыше 3.000 руб. в год. Практика не только допускает, но и требует выселения лишенцев из городов. Так, например в Москве до настоящего времени не издано соответствующего постановления Моссоветом или Мособлсполкомом, в газетах лишь время от времени появляются заметки о разработке инструкции Моссовета и НКВД о выселении из Москвы лишенцев, а выселение лишенцев фактически уже происходит в массовом масштабе вопреки действующему закону. Законом нигде не предусмотрено лишение лишенцев продовольственного пайка. Однако постановлением МОСПО и Моссовета продовольственные карточки лишенцам и их семьям не выдаются. Лишаются этого пайка и дети лишенцев (например, малолетние молочных карточек и т. д.). Закон обеспечивает за лишенцами право застройки, как и за остальными гражданами. Больше того, закон о жилищной кооперации прямо предоставляет право всем гражданам, в том числе и лишенцам, образовывать так называемые общегражданские кооперативные товарищества. Тем не менее на прак-

тике лишенцев выселяют из Москвы и в то же время лишают их имеющегося у них права застройки. Детей лишенцев до самого последнего времени немедленно исключали из школ, и лишь недавно изданное постановление СНК РСФСР от 31 января 1930 года отменило этот порядок. Как далеко идет дополнительное поражение лишенцев, видно хотя бы из предписания Центросоюза принять решительные меры к прекращению выдачи лишенцам паяв из потребительских обществ. Еще хуже обстоит дело по отношению к лишенцам в сельских местностях. Как правило, лишенцев приравнивают к кулакам, не принимают их в колхозы и одновременно раскулачивают, т. е. конфискуют имущество и выгоняют из жилых строений, причем это раскулачивание распространяется на всех членов семей лишенцев. Мало того, в целом ряде районов имеются постановления, запрещающие лишенцам в сельских местностях продавать товары даже по двойным ценам, отпускать лишенцам на постоянных дворах и в гостиницах чай и какие-либо иные продукты. Иными словами, лишенцы в сельских местностях ставятся в абсолютно безвыходное положение. По этому поводу необходимо заметить, что понятия “кулака” и “лишенца” не идентичны. Лишенные избирательных прав не являются обязательно хозяевами-кулаками. Лишенцы по прошлому своему положению – стражники, городовые и другие мелкие служители царского строя фактически являются в деревне хозяевами маломощными, середняками или даже бедня-

ками» [91].

Итак, «лишенцев» всячески притесняли, причем далеко не всегда вопреки законам, а вполне в соответствии с их предписаниями. Притесняли абсолютно произвольно, о чем уже было сказано выше, и не только «бывших господ», но и маленьких детей. Енукидзе озабочен не тем, что лишенцев выселяют из Москвы, а тем, что их выселяют до того, как разработан соответствующий закон, до того, как органы НКВД и Моссовета разработают инструкции по выселению. Впрочем, в последней части письма он предлагает упорядочить процесс и привести практику в соответствие с законом, поскольку местные власти, несомненно усердные в построении социализма, все-таки перегибают палку.

Но не стоит думать, будто руководство СССР взялось защищать «лишенцев» (оно же их и породило). Люди, которые были «лишенцами», продолжали подвергаться преследованиям, но уже куда более широкомасштабным, чем ранее. Мы уже говорили о ссылках «кулаков», которые продолжались на протяжении всех 1930-х гг. Миллионы людей тогда оказались буквально вырваны с корнем от своего дома, семьи, родины. Прошедшие через спецпоселения «кулаки» могли восстановить себя в правах, но это удавалось далеко не всем. Да и кто бы вернул жизни детей, которые погибли в ходе кампаний высылки. Для многих священников 1930-е оказались худшими годами их жизни, потому что именно

тогда многие представители Церкви были физически уничтожены, вместе с церквями, о чем ранее мы также говорили в главе «Борьба социалистов с христианской религией в России». Судьба «частников» тоже была незавидной, ибо к 1935 г. всякая частная деятельность была окончательно запрещена, а репрессии и ограничения к ним начали применять гораздо раньше. Значительное количество родственников «лишенцев», их детей, были использованы как дешевая рабочая сила на сталинских стройках в качестве «тылоополченцев». За период с 1930 по 1937 г. более 90 тыс. человек прошли через работы в тыловом ополчении, задействованном преимущественно в тяжелом труде на шахтах, лесоповале, строительстве дорог [153, с. 52]. Большинство их были детьми представителей «эксплуататорских классов», т. е. по факту их вина была лишь в происхождении из семьи кулака или священника, торговца и т. д. Например, среди тылоополченцев, приданных НКПС (Народный комиссариат путей сообщения), в 1932 г. 82,3 % были детьми представителей классово «неполноценных». В отдельных батальонах тылового ополчения данный показатель был еще выше – например, как в 32-м батальоне, дислоцированном на Урале, где члены семьи «лишенцев» составляли более 90 % [153, с. 59]. Таким образом, в основе пополнения тылового ополчения рабочей силой лежала дискриминация за социальное происхождение, и это не было «перегибом на местах», а являлось вполне осознанной и многолетней политикой нового

социалистического строя.

Несмотря на «демократичность» Конституции 1937 г., которая обещала всеобщее избирательное право, практика преследования «антисоветских элементов» продолжилась и даже расширилась на национальное происхождение. Например, в 1935 г. с 20 февраля по 10 марта 41650 человек были депортированы из Винницкой и Киевской областей в восточные области Украины, в основном немцев и поляков. В январе 1936 г. еще 15 тыс. немецких и польских хозяйств были депортированы из Украины в Казахстан. С 25 марта 1935 г. по весну 1936 г. из Ленинградской области в Сибирь депортировали 30 тыс. финнов. В 1937 г. с Дальнего Востока в Среднюю Азию было депортировано 172 тыс. корейцев [212, с. 449–454]. В период Большого террора – 1937–1938 гг. – по «национальным операциям» было расстреляно более 247 тыс. человек. Еще 387 тыс. были расстреляны по приказу № 00447, по которому проходили многие «кулаки», духовенство и т. д. – те, кто входил в категорию «лишенцев».

Не оставили «лишенцев» в покое и позднее, хотя они уже однозначно назывались «антисоветскими элементами», но, в сущности, это были все те же представители социально «неполноценных» классов: духовенства, бывшего дворянства и офицерства, бывших кулаков и предпринимателей, просто верующие и представители «неблагонадежных» этносов, вроде поляков и финнов, и т. д. Накануне войны с Германией эти люди воспринимались уже не просто как враждеб-

ные социалистическому строю, но как агенты иностранной разведки, готовые пойти против советской власти в любой момент. Как гласит Приказ НКВД от 11.10.1939 № 00112: *«Списочный учет антисоветского элемента является основой оперативного учета. На списочный учет должны быть взяты все те лица, которые в силу своего социального и политического прошлого, национально-шовинистических настроений, религиозных убеждений, моральной и политической неустойчивости, являются враждебными социалистическому строю и поэтому могут быть использованы иностранными разведками и к.-р. центрами в антисоветских целях»* [278]. В 1941 г., в связи с началом войны с Германией, было принято решение о выселении немцев из АССР Немцев Поволжья и ликвидации последней. Высылке было подвергнуто 950 тыс. немцев как с территории их поволжской республики, так и из других областей СССР [115]. Все они поступили на спецпоселение, познав участь крестьян, выселенных десятью годами ранее в рамках «антикулацкой кампании».

Безусловно, такая политика в отношении определенных классов и этносов не может быть списана только на предвоенную обстановку, так как была объявлена в самом начале существования советского государства. Однако дискриминационный характер социалистического строя, его подчеркнутое неравенство проявлялось не только репрессиями в отношении лишенцев, но даже в отношении рабочих. Это бы-

ло показательно в политике оплаты труда в 1920-е гг., выразившейся в форме положительной дискриминации. Оплата труда рабочих в 1920-е гг. может быть описана одним словом – «уровниловка». Молодое советское государство старалось следовать социалистической догме во всем, в том числе в вопросах равной оплаты труда независимо от квалификации рабочего и независимо от отрасли. Маркс писал, что *«требовать равного ила хотя бы только справедливого вознаграждения на основе системы наемного труда – это то же самое, что требовать свободы на основе системы рабства»* [209, с. 133]. Однако речь здесь шла о капиталистической системе, где господствовал наемный труд и рыночное ценообразование. Так что в новых реалиях СССР требовать равного вознаграждения было бы логично. Например, на XV партконференции в 1926 г. была дана директива на *«подтягивание в заработной плате наиболее низкооплачиваемых групп рабочих и более отсталых по зарплате отраслей вообще, как первый и важный шаг в направлении изжития явно ненормальной разницы в оплате различных категорий трудящихся»* [120, с. 124]. Необходимость сблизить зарплаты рабочих разных квалификаций подчеркивалась неоднократно и на других официальных мероприятиях. Все это очень похоже на ту уровниловку, что левые политические движения пытаются провести в современном мире, невзирая на все прочие факторы, из которых и складывается зарплата работника в соответствии с экономическими зако-

нами.

В первой половине 1930-х, в самый разгар индустриализации, «уравниловка» стала серьезной проблемой, поскольку мешала поднимать производительность труда и демотивировала рабочих как на повышение квалификации, так и на усердную работу, если квалификация была достаточно высокой. Дошло до того, что нарком труда Антон Цихон в 1932 г. назвал прежнюю политику в сфере оплаты труда «мелкобуржуазной»: *«...оппортунисты из бывшего руководства профсоюзов (Томский и др.) проводили мелкобуржуазную уравниловку в оплате труда и тем самым тормозили выполнение задач в области поднятия производительности труда... извращение политики заработной платы выразалось в том, что искусственно сближались заработки рабочих простого и квалифицированного труда. Тарифные сетки строились таким образом, что они не интересовывали рабочих в переходе из низшего разряда в высший»* [120, с. 214]. Конечно же, заявление Цихона об оппортунизме представляло собой не более чем очередной маневр большевистского руководства в период перехода от старой провалившейся политики к новой. Сталин управлял страной с 1924 г. и прекрасно знал и, конечно же, поддерживал политику «мелкобуржуазной уравниловки». Цихона, что характерно, расстреляют в 1938 г.

Хорошим отражением систематической дискриминации и неравенства при советском социализме служит нам совет-

ская налоговая система при Сталине, построенная на принципах откровенно целенаправленной дискриминации по социальному признаку; производство автомобилей и жилья отдельно для номенклатуры и отдельно для простых рабочих; искусственная сегрегация сельского и городского миров; иерархическое распределение товаров между группами населения и регионами. Рассмотрим все эти элементы по порядку.

Налоги – необходимый для существования любого государства источник финансирования его деятельности. В этом отношении пролетарская диктатура, которая должна была обеспечить всем своим гражданам социальное равенство и покончить с эксплуатацией человека человеком, ничем не отличалась от обычных «буржуазных» государств. Советская налоговая система отражала вопиющее неравенство в обществе на всех уровнях, в чем мы убедимся далее. Прогрессивная шкала в СССР имела такую особенность, отличающую ее от аналогов в «буржуазных» странах, что для каждого социального слоя предназначалась своя, индивидуальная прогрессивная шкала. В «буржуазных» странах ставка прогрессивного налога зависела и зависит от доходов гражданина, независимо от того, к какому классу его можно отнести (об этом даже не идет речи). В СССР же для рабочих, интеллигенции, врачей, учителей, колхозников, кулаков, единоличников и т. д. предназначались различные ставки внутри этих

социальных слоев. То есть налоговая система пролетарского государства была подчеркнута неравной для разных категорий граждан и откровенно репрессивной для определенных категорий. Прогрессивно-репрессивный характер советского налогообложения хорошо показывает, что никакого равенства в СССР не было на сознательном, высшем политическом уровне, а суровые кары за неуплату демонстрируют хищническую природу большевизма. Еще одним отличием «буржуазной» прогрессивной шкалы от советской является ее предназначение – в первом случае она предназначена для выравнивания доходов между гражданами и финансирования социальной системы, что хоть и наивно, но предполагается как общественное благо. В случае СССР сложные, избирательные шкалы ставок предназначались для выполнения чисто идеологических задач, в чем мы также убедимся ниже.

Основные прямые налоги с населения можно разделить на подоходный налог, который мы будем рассматривать по Закону о подоходном налоге с населения от 4 апреля 1940 г. [50], и налоги с сельского населения из Положения о сельскохозяйственном налоге на 1934 г. [393]. В силу откровенной кастовости советского общества и широкого барьера между городским и сельским (колхозным) населением, для каждой этой «большой касты» предназначалось свое собственное налогообложение. Подоходным налогом «не облагаются доходы, подлежащие обложению сельскохозяйственным налогом» (статья 4 Закона о Подоходном налоге). По-

доходным налогом облагались «рабочие, служащие, литераторы, работники искусств, кустари, ремесленники и другие граждане, имеющие самостоятельные источники дохода на территории СССР» (статья 1), в то время как герои СССР, военнослужащие и военнообязанные, старатели, пенсионеры по получаемым ими доvoльствиям от налога освобождались. Также освобождались от налога рабочие с заработком меньше 150 руб. в месяц, учащиеся-стипендиаты со стипендией менее 210 руб. в месяц, некооперированные кустари и ремесленники с доходом не более 600 руб. в год.

Теперь перейдем к разбору подоходного налога для разных групп населения. В статье 5 можно найти таблицу налогообложения рабочих и служащих (*табл. 20*).

Таблица 20

Размер месячного заработка	Месячная сумма налога
От 151 до 200 руб.	1,2 руб. + 3% с суммы > 150 руб.
От 201 до 300 руб.	2,7 руб. + 3,3% с суммы > 200 руб.
От 301 до 500 руб.	6 руб. + 4% с суммы > 300 руб.
От 501 до 700 руб.	14 руб. + 5% с суммы > 500 руб.
От 701 до 1000	24 руб. + 6% с суммы > 700 руб.
От 1001 руб. и выше	42 руб. + 7% с суммы > 1000 руб.

Далее в следующей статье: «... в состав облагаемого налогом месячного заработка рабочих и служащих включаются все суммы заработка, полученного ими в истекшем месяце,

как то: основная заработная плата, выплаты за сверхурочные и сдельные работы, персональные надбавки, премии, выплачиваемые при премиально-поощрительной оплате труда, компенсация за неиспользованный отпуск и т. д.» (статья 6).

Можно заметить, что разброс заработков рабочих в социалистическом государстве был поразительным. Кто-то получал 151 руб., другие получали 1001 руб. За счет каких механизмов Госплан определял полезность того или иного труда? В условиях отсутствия рыночных механизмов ценообразования можно предположить, что заработки наемных рабочих определялись их полезностью для одного-единственного заказчика и работодателя – государства. И эта «полезность» оценивалась волюнтаристски как минимум все 1920-е гг., а в дальнейшем определялась методом проб и ошибок и конъюнктурой внешней и внутренней политики. Впрочем, нельзя забывать и о злоупотреблениях на местах, которые мы рассматривали в главе про неэффективность социалистической экономики.

Кажется, что налоги для рабочих не столь велики. Скажем, если рабочий получал 151 руб., то подоходный налог на него составлял 0,79 % + 3 % от 1 руб., а если 200 руб., то 0,6 % + 3 % от 50 руб. – 1,5 руб. Итого рабочий с заработком 200 руб. платил всего 1,35 %. А вот рабочий с заработком более 300 руб. платил уже 1,99 % + 4 % от превышающей суммы. С заработком более 700 руб. рабочий платил 3,42 %

+ 6 % от превышающей суммы, а при более 1000 руб. – 4,2 % + 7 % от превышающей суммы.

Это может показаться очень скромным налогом, но не стоит торопиться. Во-первых, в первой половине XX в. во многих странах подоходный налог был невысоким (не считая повышенных ставок для богатых, но они были и в СССР, о чем мы узнаем ниже). Например, в США, когда впервые был введен федеральный подоходный налог (в 1913 г.), его ставка колебалась от 1 до 7 %. Во-вторых, подоходный налог – лишь один из множества налогов, которые существовали в СССР. В-третьих, существовали намного большие ставки для обычных людей, а не богачей, обусловленных идеологическими причинами, о чем мы узнаем далее. В-четвертых, шкала выше касалась только налога с основного заработка в месяц. С *«заработков рабочих и служащих по совместительству (не по месту основной работы) и от выполнения временных работ налог исчисляется отдельно по каждому месту работы. Необлагаемый минимум (ст. 2) для этих заработков не применяется и с заработков до 150 рублей в месяц налог исчисляется в размере 0,8 % от суммы месячного заработка»* (статья 8). В-пятых, официальные шкалы налогообложения не включали в себя многочисленные сборы от различных коммунистических организаций, в которых состояло большинство населения, а также коммунальные услуги, квартплату и т. д. Примерное представление об этих сборах мы можем получить из письма некоего жителя Смолен-

ска, написанного в 1929 г. в обком партии. Он пишет, что «так жить больше нельзя... и вообще, ни я один нахожусь в таком положении, а многие и не знают, как выйти из их положения трудностей... как я могу жить дальше, если от моего жалования не остается ни копейки на жратву для моей семьи, которая состоит из пяти человек, а работаю я один. Разрешите подсчитать: за квартиру – И руб. 60 коп., с очисткой за 5 человек, за электросвет – 2 руб. 60 коп., в союз 2 руб., в жилкооперацию – 2 руб., в рабочий кооператив – 2 руб... шефство над деревней – 20 коп., и другие мелкие взносы на добровольные организации по 25 коп., также жена платит на эти организации по 20 коп... газета “Рабочий путь” и детская газета 1 руб. в месяц... заем индустриализации – 8 руб.... подоходный налог – 80 коп., партийные взносы – 80 коп., детский сад за девочку – 4 руб. 50 коп.... Итог приходится 91 руб. 93 коп., исключая стол... жалование – 80 руб. в месяц» [120, с. 121].

Обратите внимание на упоминание «заема индустриализации». Дело в том, что советская власть постоянно нуждалась в деньгах, а занять средства за рубежом не представлялось возможным. Поэтому прибегали к добровольно-принудительному займу денег у населения всеми возможными способами, в том числе выпуском государственных облигаций, по которым обещалась высокая доходность. Зачастую эти облигации выдавались в счет зарплаты, а отказ их принимать расценивался как нелояльность делу социализма. Фак-

тически это было еще одним налогом. Однако советское государство не считало нужным погашать облигации как следует. Например, в 1936 г. 8 %-ные облигации были принудительно заменены на 3 %-ные облигации с отсрочкой погашения на 20 лет. Затем нагрянула война, и большевики выпустили новые облигации под 2–4% годовых. В 1948 г. их снова в принудительном порядке обменяли на новые облигации в 2 %, причем старые облигации обменивались на новые в пропорции 3 к 1. В 1957 г., ко времени подхода срока платежей по старым займам, было принято постановление «О государственных займах, размещаемых по подписке среди трудящихся Советского Союза», снова отсрочивших погашение на 20 лет. На XXI съезде КПСС Никита Хрущев цинично заявил, что *«миллионы советских людей добровольно высказались за отсрочку на 20–25 лет выплат по старым государственным займам. Этот факт раскрывает нам такие новые черты характера, такие моральные качества нашего народа, которые немыслимы в условиях эксплуататорского строя»*. Разумеется, это было ложью. Советское государство не погасило свои обязательства по займам даже к 1991 г., когда СССР развалился.

Но и это не все. Дополнительно налог увеличивался на 10 % для работников артелей и работников на дому (статья 14): *«На одинаковых основаниях с рабочими и служащими, но с увеличением размера налога на 10 %, облагаются: кооперированные кустари и ремесленники, работающие*

в общих мастерских артелей... а также рабочие и служащие – по заработкам, получаемым от артелей и предприятий за работу у себя на дому, если они не производят работы для отдельных граждан, не применяют в промысле собственного материала и не используют в своей работе специального оборудования; члены транспортных промыслово-кооперативных артелей, у которых рабочий скот обобществлен». То есть здесь, уже независимо от размера дохода, только в силу рода деятельности происходило увеличение налогообложения для отдельных категорий рабочих.

Работникам искусств и литераторам повезло намного меньше. Для особенно обеспеченных из них устанавливались достаточно высокие налоги. В статье 16 Закона о подоходном налоге с населения дана таблица с формулировкой «С заработков литераторов и работников искусств (в том числе и артистов по заработку вне постоянного места работы) налог взимается по каждому месту выплаты заработка» (табл. 21). Размеры заработка в таблице приводятся в годовом выражении.

Самые бедные литераторы и работники искусств платили всего 0,8 % от заработка (столько же, сколько самые бедные рабочие). А вот самые богатые представители этой касты, получавшие, скажем, чуть больше 300 тыс. руб. в год, платили 28,79 % от заработка и более, т. е. почти треть. Литераторы и работники искусств с годовым заработком в 12 000 руб. (1000 руб. в месяц) платили столько же, сколько рабочие с

такими же заработками. С другой стороны, у рабочих максимальный предел установлен на уровне 1001 руб. в месяц и выше, а у литераторов и работников искусств продолжается сильно дальше, вплоть до доходов по 25 тыс. в месяц и выше. Становится понятно, что, будучи рабочим, в СССР такие деньги заработать было бы просто невозможно, хотя если допустить доходы рабочих более 20001 руб., то максимальное налогообложение для них устанавливалось бы намного меньше, чем для литераторов и работников искусств, – 504 руб. + 7 % против 1064 руб. + 8 % с превышающей суммы. Но, конечно, об этом речи быть не могло, ведь зарплаты устанавливались государством в условиях централизованной плановой системы. Обращает на себя внимание просто невероятный разброс доходов: рабочие с заработком в 150 руб. в месяц (1800 руб. в год) и литераторы с заработком в 300 тыс. (25 тыс. в месяц) – последние были самыми настоящими советскими олигархами. Никакой особой разницы в этом неравенстве с доходами голливудских актеров и известных писателей и доходами рабочих в «буржуазных» странах.

Таблица 21

Размер годового дохода	Сумма налога
до 1800 руб.	0,8% от суммы заработка
от 1801 руб. до 2400 руб.	14 руб. 40 коп. + 3% с суммы, превышающей 1800 руб.
от 2401 руб. до 3600 руб.	32 руб. 40 коп. + 3,3% с суммы, превышающей 2400 руб.
от 3601 руб. до 6000 руб.	72 руб. 00 коп. + 4% с суммы, превышающей 3600 руб.
от 6001 руб. до 8400 руб.	168 руб. 00 коп. + 5% с суммы, превышающей 6000 руб.
от 8401 руб. до 12 000 руб.	288 руб. 00 коп. + 6% с суммы, превышающей 8400 руб.
от 12 001 руб. до 20 000 руб.	504 руб. 00 коп. + 7% с суммы, превышающей 12 000 руб.
от 20 001 руб. до 30 000 руб.	1064 руб. 00 коп. + 8% с суммы, превышающей 20 000 руб.
от 30 001 руб. до 50 000 руб.	1864 руб. 00 коп. + 10% с суммы, превышающей 30 000 руб.
от 50 001 руб. до 70 000 руб.	3864 руб. 00 коп. + 12% с суммы, превышающей 50 000 руб.
от 70 001 руб. до 100 000 руб.	6264 руб. 00 коп. + 17% с суммы, превышающей 70 000 руб.
от 100 001 руб. до 150 000 руб.	11 364 руб. 00 коп. + 25% с суммы, превышающей 100 000 руб.
от 150 001 руб. до 200 000 руб.	23 864 руб. 00 коп. + 35% с суммы, превышающей 150 000 руб.
от 200 001 руб. до 300 000 руб.	41 364 руб. 00 коп. + 45% с суммы, превышающей 200 000 руб.
от 300 001 руб. и выше	86 364 руб. 00 коп. + 50% с суммы, превышающей 300 000 руб.

Однако и эти налоги меркнут на фоне тех, что применя-

лись для некооперированных промыслов. Работники некооперированных промыслов – это «частники», такие как сапожники, жестянщики, гончары, пимокаты, портные, фотографы, слесари, бондари, зеркальщики, часовщики, шорники, точильщики, корзиночники, извозчики и т. д. С них «снимали» по полной программе, естественно руководствуясь идеологическими соображениями, поскольку частная хозяйственная деятельность в СССР всячески подавлялась, выживая лишь благодаря бюрократическому хаосу и коррупции на местах. Дискриминационный характер налогообложения этого слоя населения прекрасно виден в статье 18 «*С доходов от некооперированных кустарно-ремесленных промыслов, строений, от сельского хозяйства в городах и рабочих поселках и с других доходов, кроме облагаемых в порядке ст. ст. 5, 13, 14, 15, 16 и 22, налог взимается в следующих размерах*» (табл. 22).

Таблица 22

Размер годового дохода	Сумма налога
до 1200 руб.	4 % с суммы дохода
от 1201 руб. до 1800 руб.	48 руб. + 6 % с суммы, превышающей 1200 руб.
от 1801 руб. до 2400 руб.	84 руб. + 10 % с суммы, превышающей 1800 руб.
от 2401 руб. до 3600 руб.	144 руб. + 14 % с суммы, превышающей 2400 руб.
от 3601 руб. до 4800 руб.	312 руб. + 18 % с суммы, превышающей 3600 руб.
от 4801 руб. до 6000 руб.	528 руб. + 23 % с суммы, превышающей 4800 руб.
от 6001 руб. до 8400 руб.	804 руб. + 30 % с суммы, превышающей 6000 руб.
от 8401 руб. до 12 000 руб.	1524 руб. + 38 % с суммы, превышающей 8400 руб.
от 12 001 руб. до 18 000 руб.	2892 руб. + 46 % с суммы, превышающей 12 000 руб.
от 18 001 руб. до 24 000 руб.	5652 руб. + 55 % с суммы, превышающей 18 000 руб.
от 24 001 руб. и выше	8952 руб. + 60 % с суммы, превышающей 24 000 руб.

Разброс ставок бросается в глаза сразу. Минимальная – 4 %, что намного выше, чем у рабочих и литераторов. Средняя – для заработка в 4801 руб. – 11 %. А максимальная, для годового заработка в 24001 руб. и выше, – 37,3 % + 60 % от превышающей суммы! Но и это не потолок. В статье 19 говорится, что *«при обложении налогом некооперированных кустарей, производящих изделия из собственного материала,*

а также извозчиков, работающих на своих лошадях, волах, верблюдах и т. п., размер налога повышается на 35 %, а при обложении служащих религиозных культов и других лиц, имеющих нетрудовые доходы, – на 40 %». То есть при работе с собственным материалом и транспортом и при годовом заработке 24 тыс. руб. (2000 в месяц) «частник» платил тяжелые для его кармана 50,3 %, а священнослужители и другие лица – 52,2 %. Это было связано с тем, что в представлении социалистического режима «правильные» ремесленники должны были работать в кооперативах. С помощью фискального давления государство заставляло кустарей и ремесленников вступать в кооперативы. Такие производства должны были использовать сырье лишь с государственных предприятий, а сверх того, обязаны были работать только на заказ, т. е. по закону не могли продавать свои изделия на рынке. От государства «частники» не получали ничего – ни защиты, ни уважения, хотя именно такая деятельность приносила больше всего денег от подоходного налога в казну. Подобное репрессивное налогообложение было намеренным и идеологически обусловленным – для искоренения частной деятельности, всяческого усложнения жизни людям, не желавшим вступать в контролируемые государством кооперации, создания для них таких условий, в которых для выживания приходилось нарушать закон и т. д.

А теперь перейдем к врачам, учителям и прочим представителям социально важных профессий, которых так любят

и уважают современные социалисты. К сожалению, гражданам, обладающим данными профессиями, в сталинском СССР тоже не очень повезло с налоговыми ставками. Частная практика облагалась достаточно высокими поборами, а учитывая, например, невысокий уровень услуг в сталинских государственных больницах, такая практика для населения была очень важна. Таблица дана в статье 22 «С заработков от частной практики врачей, фельдшеров, адвокатов, преподавателей и других лиц – подоходный налог взимается в следующих размерах» (табл. 23).

Заработки до 1000 руб. облагались низкой ставкой в 1 %, средняя (5–6 тыс.) – в 2,3–2,8 %, самая высокая ставка составляла почти 20 % (естественно, к этому прибавляется процент к превышающей предел сумме).

Таблица 25

Размер годового дохода	Сумма налога
до 1000 руб.	1 % суммы дохода
Свыше 1000 руб. до 2000 руб.	10 руб. + 1,5 % с суммы, превышающей 1000 руб.
Свыше 2000 руб. до 3000 руб.	25 руб. + 3,3 % с суммы, превышающей 2000 руб.
Свыше 3000 руб. до 4000 руб.	58 руб. + 3,7 % с суммы, превышающей 3000 руб.
Свыше 4000 руб. до 5000 руб.	95 руб. + 4,5 % с суммы, превышающей 4000 руб.
Свыше 5000 руб. до 6000 руб.	140 руб. + 7,5 % с суммы, превышающей 5000 руб.
Свыше 6000 руб. до 8000 руб.	215 руб. + 13 % с суммы, превышающей 6000 руб.
Свыше 8000 руб. до 10 000 руб.	475 руб. + 20 % с суммы, превышающей 8000 руб.
Свыше 10 000 руб. до 12 000 руб.	875 руб. + 25 % с суммы, превышающей 10 000 руб.
Свыше 12 000 руб. до 15 000 руб.	1375 руб. + 30 % с суммы, превышающей 12 000 руб.
Свыше 15 000 руб. до 20 000 руб.	2275 руб. + 34 % с суммы, превышающей 15 000 руб.
Свыше 20 000 руб. и выше	3975 руб. + 38 % с суммы, превышающей 20 000 руб.

На мой взгляд, налоговая система СССР служит одним из самых ярких свидетельств искусственно культивируемого социального неравенства в советском государстве, причем в условиях отсутствия рыночной экономики такое неравенство могло возникать исключительно в силу целенаправленной политики государства как единственного владельца всех промышленных предприятий и главного работодателя, регулятора ценообразования и никем и ничем не ограниченно-

го социально-экономического и идеологического гегемона. Разброс как заработков, так и ставок был очень велик. Высокие ставки по отношению к «частникам» откровенно репрессивны, притом что «частники» могли зарабатывать совсем скромные суммы. Наличие рабочих, получавших мизерные 150 руб. в месяц и ниже говорит о существовании целой касты людей, которые в сравнении с некоторыми врачами или олигархами из мира искусства были просто нищими. Объяснить такое налоговое законодательство можно в том случае, если мы будем учитывать природу советского государства. Оно возглавлялось социалистами, исходящими в управлении страной не только из прагматических, но и из идеологических соображений. Поскольку частная деятельность, как и частная собственность, воспринимались социалистами как пережиток прошлого, которое следует искоренить, они стремились использовать все возможные способы, чтобы заставить людей отказаться даже от частного кустарного производства в пользу кооперации – т. е. обобщественной хозяйственной деятельности.

Нарушителей налогового законодательства ждали суровые наказания. За неподанную в срок декларацию полагался штраф до 200 руб. (статья 34). Заведомо неверные сведения в декларации влекли к уголовной ответственности. Просрочка налогового платежа влекла ежедневную пеню в 0,2 % (статья 36) вплоть до конфискации имущества и уголовной ответственности. То есть вполне стандартные меры принуж-

дения, общие для всех «буржуазных» государств.

Как и в случае с подоходным налогом, поборы с сельского населения имели широкие пределы и зависели от идеологической составляющей. «Положение о сельскохозяйственном налоге на 1934 год» упоминает следующих налогоплательщиков: колхозы и колхозников, «единоличников» и кулаков. Последних планомерно подвергали социальной и физической ликвидации. «Крестьянская ссылка» за 1930-е гг. лишила имущества, семьи и жизни около 4 млн крестьян, которые были признаны (но не обязательно таковыми являлись) кулаками. Особенно много было убито крестьян после выполнения приказа НКВД № 00447, согласно которому было расстреляно 390 тыс. человек, многие из которых как раз относились к «бывшим кулакам». Ситуация с налогообложением на селе повторяет большевистские установки на вытравливание наиболее экономически эффективных, но частных, хозяйств в пользу колхозов и совхозов (государственных предприятий с наемной рабочей силой). Но с учетом того, что еще в первой половине 1930-х гг. наиболее крупные «кулацкие» хозяйства ликвидировали физически, фискальные методы разорения крестьянских хозяйств в последующие годы были направлены на «остатки» прежней сельской «буржуазии», т. е. на далеко не самых зажиточных крестьян и тех, кто мог попытаться войти в их число. К индивидуальной экономической деятельности большевики были нетерпимы.

Сельскохозяйственным налогом облагались коллективные хозяйства (сельскохозяйственные коммуны, сельскохозяйственные артели и товарищества по совместной обработке земли), хозяйства колхозников и единоличные крестьянские хозяйства. Кулаки упоминались в одном месте как облагаемые сельхозналогом в случае, если вели сельское хозяйство на городских землях. С колхозов налог изымался по площади посева озимых и яровых культур, установленной для него планом; по фактической площади сенокосов и многолетних насаждений (сады, виноградники и т. п.) и по неземледельческим доходам.

Ставки налога в рублях на каждый гектар сельхозугодий в союзных республиках различались. Приведу в качестве примера средние ставки на некоторые позиции в самой крупной союзной республике – РСФСР. С коммун и сельхозартелей: каждый гектар зерна облагался 1,9 руб., картофеля 3,7 руб., подсолнуха 1,65 руб., табака 10 руб., овощей 15,5 руб., бахчи 12,5 руб., садов и ягодников 24 руб., виноградников 30 руб. Для товариществ совместной обработки земли (где орудия и средства производства не обобществлялись, а коллективная деятельность сводилась только к совместной обработке земли) полагались более высокие ставки – что отражало советский подход к более «частным» хозяйствам, ибо ТОЗы²² не шли на обобществление всего имущества и по смыслу были близки к паевому участию. Эти ставки

---

²² ТОЗ, или ТСОЗ – товарищество по совместной обработке земли.

были таковы: каждый гектар зерна облагался 2,7 руб., картофеля 5,3 руб., подсолнуха 2,4 руб., табака 14,3 руб., овощей 22 руб., бахчи 17,5 руб., садов и ягодников 34 руб., виноградников 43 руб. Разница не в пользу ТОЗов очень заметна. Что касается неземледельческих доходов, то налог на них *«исчисляется, исходя из валового дохода, полученного в 1933 году, за вычетом всех производственных расходов. Налог с этих доходов взимается по следующим ставкам: с коммун и артелей – 3,5 коп. и с товариществ по совместной обработке земли – 5 копеек с рубля дохода»* [393].

Следует заметить, что с 1934 по 1936 г. проводилась политика т. н. сталинского «неонэпа». После тяжелейшего голода 1931–1933 гг. стране необходимо было восстановиться от форсированных социалистических экспериментов, поэтому сталинское руководство позволило сельской местности колхозную торговлю, освобожденную от налогообложения, а также освобождение от налога скотоводства, птицеводства и пчеловодства (падение численности скота за годы коллективизации было катастрофическим). Полагались и другие льготы, вроде освобождения от налогообложения посевов сахарной свеклы и конопли.

Приусадебные хозяйства колхозников считались не обобщественными хозяйствами. Колхозники платили налоги со своих скромных «личных» хозяйств по фиксированным ставкам от 15 до 30 рублей на хозяйство *«от полеводства, луговодства, специальных отраслей сельского хозяйства,*

кустарно-ремесленных промыслов и других неземледельческих заработков не по найму». При этом приусадебное хозяйство колхозника могло быть куда более зажиточным, чем хозяйство единоличника (т. е. индивидуальное крестьянское хозяйство, до поры до времени не раскулаченное и не вошедшее в колхоз), но все равно колхозник был более привилегированной персоной, чем единоличный крестьянин, что отражается, например, в таком правиле: *«...в целях развития колхозной торговли к колхозникам не применяется установленное для единоличников особое обложение доходов от продажи сельскохозяйственных продуктов по ценам, складывающимся на рынке»* [393]. Единоличники не освобождались от налога на скот, исключение составляли только свиньи.

Единоличники платили намного большие налоги, чем колхозники. Для них в 1934 г. существовали следующие ставки на доходы от трудовых хозяйств: доход до 200 руб. – твердая ставка в 25 руб. (т. е. 12,5 %); от 200 до 300 руб. – 25 руб. + 5 коп. от каждого рубля сверх 200 руб. То есть с 300 руб. в итоге выйдет 30 руб., или 10 %; от 300 до 400 руб. – 30 руб. + 15 коп. с каждого рубля сверх 300 руб. То есть при доходе 400 руб. налог составлял 45 руб. (11,25 %). От 400 до 500 руб. – 45 руб. + 20 коп. с каждого рубля сверх 400 руб., или 65 руб. с 500 руб. (13 %); от 500 до 700 руб. – 65 руб. + 30 коп. с каждого рубля сверх 500 руб., или 95 руб. с 700 руб. (13,57 %); выше 700 руб. – 125 руб. + 35 коп. с того, что сверху. Таким образом, доход в 701 руб. облагался

уже по почти 18 %-ной ставке + надбавки за превышение минимума. Более низкое фискальное положение единоличников подчеркивалось также таким правилом: *«...когда ставка для колхозников установлена для данной местности в размерах, превышающих 25 рублей, оклад налога с единоличных трудовых хозяйств не может быть ниже этой ставки»* [393].

Советское государство заставляло единоличников выполнять планы по посевам и отдавать часть продукта властям: *«...хозяйства, злостно не выполняющие заданных им планов посева и обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству, облагаются сельскохозяйственным налогом на общих основаниях, но сумма налога с них удваивается. Никакими льготами по сельскохозяйственному налогу (в том числе и скидками по ст 6б) эти хозяйства не пользуются. Списки этих хозяйств утверждаются районными исполнительными комитетами»* [393]. Это чем-то напоминает стереотипный феодализм.

Правда, в отличие от феодала, обязанного предоставлять защиту и справедливый суд крестьянину, коммунисты себя ничем перед единоличником не обязывали. И это в условиях, когда во время и после коллективизации единоличникам достались для обработки наименее плодородные земли, а колхозам и совхозам выделялись наиболее плодородные (сие делалось намеренно).

Но меньше всего повезло, конечно же, т. н. «кулакам» или

тем, кого в «кулаки» записали. Четких критериев «кулачества» не существовало, ибо, согласно все тому же «Положению о сельхозналоге...», *«признаки кулацких хозяйств устанавливаются советами народных комиссаров союзных республик и по их поручению советами народных комиссаров автономных республик, краевыми и областными исполнительными комитетами применительно к местным условиям»* [393]. Никаких норм и льгот для «кулаков» предусмотрено не было (у «единоличников» скромные льготы все-таки подразумевались). Существовали следующие ставки: доход от 1000 до 3000 руб. – 350 руб. + 50 коп. с каждого рубля сверх 1000 руб. То есть для зарабатывающих 3000 руб. была ставка в 45 %. 1000 руб. в год – это всего лишь 83 руб. в месяц, меньше, чем у самого простого рабочего, а 3000 руб. – это 250 руб. в месяц, за который рабочие и служащие платили ничтожные суммы. Доход от 3000 до 6000 руб. – 1350 руб. + 60 коп. с каждого рубля сверх 3000 руб. При доходе в 6000 руб. «кулак» платил в казну 52,5 % дохода. Доход от 6000 руб. облагался минимальной ставкой в 3150 руб. + 70 коп. с каждого рубля сверх минимальной в категории суммы. Думаю, нетрудно подсчитать, что такие налоги были просто разорительными для «кулацких» хозяйств, которые к 1934 г., после антикулацкой кампании, и так дышали на ладан.

Разумеется, на селе не обходилось без штрафов. Тут вам и удвоение налога в случае сокрытия дохода, и штраф до

25 руб. за неправильные сведения, и принудительное взыскание со стороны сельских советов. Имущество неплательщиков могли продать (а вы думали, это только в «капиталистической» России могут продать имущество за долги? Нет, и в советском «раю» было так же), на просроченные платежи налагалась пеня в 0,1 % с колхозов, 0,2 % с «единоличников» и 1 % с кулаков (раздел VII, статьи 111–113).

В 1939 г. вышел новый закон о сельскохозяйственном налоге [51], где для колхозников с доходов от личного приусадебного хозяйства (статья 8) и единоличников (статья 19) устанавливались новые ставки, которые вы можете увидеть в *табл. 24* и *25*.

Таблица 24

Размер облагаемого годового дохода хозяйства колхозника (ст. 8)	Размер налога на хозяйство
До 700 руб.	8 коп. с каждого рубля (56 руб. с 700 руб., или 8%)
Свыше 700 до 1000 руб.	56 руб. + 9 коп. с каждого рубля свыше 700 руб. (8,3% с 1000 руб.)
Свыше 1000 до 2000 руб.	83 руб. + 11 коп. с каждого рубля свыше 1000 руб. (9,65% с 2000 руб.)
Свыше 2000 до 3000 руб.	193 руб. + 19 коп. с каждого рубля свыше 2000 руб. (11,43% с 3000 руб.)
Свыше 3000 до 4000 руб.	343 руб. + 19 коп. с каждого рубля свыше 3000 руб. (13,32% с 4000 руб.)
Свыше 4000 руб.	533 руб. + 24 коп. с каждого рубля свыше 4000 руб. (15,46% с 5000 руб.)

Таблица 25

Размер облагаемого годового дохода хозяйства единоличника (ст. 19)	Размер налога на хозяйство
До 700 руб.	110 руб. (15,71 % с 700 руб.)
Свыше 700 до 1000 руб.	110 руб. + 18 коп. с каждого рубля свыше 700 руб. (16,4 % с 1000 руб.)
Свыше 1000 до 2000 руб.	164 руб. + 22 коп. с каждого рубля свыше 1000 руб. (19,2 % с 2000 руб.)
Свыше 2000 до 3000 руб.	384 руб. + 30 коп. с каждого рубля свыше 2000 руб. (22,8 % с 3000 руб.)
Свыше 3000 до 4000 руб.	684 руб. + 38 коп. с каждого рубля свыше 3000 руб. (26,6 % с 4000 руб.)
Свыше 4000 руб. до 5000 руб.	1064 руб. + 48 коп. с каждого рубля свыше 4000 руб. (30,88 % с 5000 руб.)
Свыше 5000 руб.	1544 руб. + 60 коп. с каждого рубля свыше 5000 руб. (35,73 % с 6000 руб.)

Таким образом, средняя ставка для колхозников, при доходе в 2000 руб. в год (это 166 руб. в месяц), стала почти 10 %, а для единоличников – почти 20 %. То есть с 1934 по 1939 г. налоги с личных хозяйств этих категорий граждан увеличились и имели всё тот же откровенно дискриминационный характер.

В 1939–1940 гг. СССР присоединил к себе значительные территории Польши и Румынии. Вместе с освобождением тамошних крестьян от недоимок по налогам, исчисленным на основе законодательства прежних государств, социалисты принесли свой собственный налоговый гнет для местного населения. О новых ставках мы узнаём из соответствующих

постановлений: «О налогах с крестьянских хозяйств Волинской, Дрогобычевской, Львовской, Ровенской, Станиславской, Тернопольской, Барановичской, Белостокской, Брестской, Вилейской и Пинской областей» от 19 марта 1940 г. и «О налогах с крестьянских хозяйств Бессарабии и Северной Буковины» от 15 августа 1940 г. Самой маленькой ставкой были 6 % (при доходе в 1000 руб.), средней – 8,8 % (на доход в 5000 руб.), для дохода в 20 тыс. и выше – 31,55 % + 55 копеек с каждого рубля сверху. Разумеется, речь идет исключительно о единоличниках, поскольку колхозы на новых территориях еще только предстояло создать.

Все эти налоги не шли ни в какое сравнение с той грабительской политикой, которую проводило государство при закупках сельскохозяйственной продукции у колхозов и единоличников. Мало того что село обязано было продавать государству значительную часть произведенного, оставляя себе гораздо меньше, чем можно было бы без этого оброка. Откровенно эксплуататорской была цена, по которой происходили закупки, – ниже рыночной в десятки раз. Например, в 1931 г. *«ножницы между рыночной и государственной закупочной ценой намного увеличились. Рыночная цена возросла до 61 руб. 35 коп., а государственная составляла только 5 руб. 50 коп. Для пшеницы разница была еще больше»* [374, с. 107]. Впрочем, такая грабительская политика продолжалась все время правления Сталина, достаточно вспомнить кризис хлебозаготовок 1927 г., в котором одной из причин

кризиса была разница цен не в пользу крестьянина. Только при Хрущеве закупочные цены были увеличены в пользу колхозников.

Конечно же, подходящий и сельскохозяйственные налоги были не единственными в СССР тех лет, но именно на их примере можно увидеть системную дискриминацию по социальному признаку значительных масс населения. Само собой, когда «чистка» общества от «враждебных» классов была в целом завершена, тогда изменилась и налоговая, и социальная политика социалистического государства. Например, при Хрущеве и Брежневе не было потребности в дискриминации «кулаков», «единоличников», «лишенцев», так как люди, которых относили к этим категориям, в социальном, а часто и в физическом отношении прекратили свое существование. Большевикам удалось вполне успешно превратить крестьянство в сельский пролетариат, сделав его представителей примерно одинаково бедным в культурном, бытовом и экономическом отношении. Что касается городского населения, то там партийные элиты (номенклатура, интеллигенция) представляли собой тот самый авангард пролетариата, а люди попроще – весь остальной рабочий класс. Другая реальность, где были подпольные богачи, обеспечивавшие советское население дефицитными, а иногда и иностранными, товарами, выходцы из заведующих объектами государственной торговли и складами, предприимчивые и рискованные люди самого разного происхождения, офици-

ально либо замалчивалась, либо осуждалась как морально, так и в уголовном порядке.

* * *

Социалистическое государство как монополист в производстве и распределении не только обладало высокими налогами «враждебные» классы, но и продукцию, предназначенную для продажи широким слоям населения. Существовал налог с оборота тех или иных товаров. Посмотрим примеры таких налогов, несомненно, увеличивавших неравенство в советском обществе и делавших государство главным выгодоприобретателем от производства и продажи благ. Ниже я приведу выдержки из постановлений народных комиссаров о ставках налога с оборота за вычетом торговой скидки:

– *«Установить на резиновую обувь, вырабатываемую предприятиями государственной промышленности, ставку налога с оборота в размере 60 % к розничной цене, за вычетом из нее торговой скидки»* (8 октября 1940 г.) [247].

– *«Установить на тетради производства предприятий государственной и кооперативной промышленности следующие ставки налога с оборота (в процентах к розничным ценам за вычетом из них торговых скидок): а) на тетради из 12 листков бумаги № 2 – 10 %; б) на все прочие тетради (в том числе для рисования и дневники школьные – 25 %»* [244].

– «Установить взимание налога с оборота по свежим и сухим фруктам и ягодам, орехам, ореховому и урюковому ядру по следующим ставкам (в процентах к розничным ценам): а) свежие фрукты (яблоки, груши, виноград), а также сухие фрукты, заготавливаемые в Узбекской, Таджикской, Туркменской и Киргизской ССР, чернослив, заготавливаемый в Грузинской ССР и Краснодарском крае, орехи и арахис – 20 %; б) компоты и ядро всех видов орехов, кроме грецкого и абрикосового (урюкового) ядра – 15 %; в) сухие фрукты, заготавливаемые в прочих районах (кроме перечисленных в пункте “а”), свежие ягоды и косточковые плоды, моченые, маринованные и замороженные плоды и ягоды, а также дикорастущие плоды и ягоды – 10 %. Примечание. По арахису налог с оборота 20 % с розничной цены уплачивается торговыми организациями сверх налога, уплачиваемого Наркомзагом с отпускной цены. При установлении на яблоки, груши и виноград повышенных сезонных зимних розничных цен выше действовавших цен на эти фрукты в 1939 году сумма повышения розничной цены на указанные фрукты, за вычетом разницы в торговой скидке и налога с оборота, падающего на сумму повышения, вносится в бюджет» [242].

– «Установить следующие отпускные цены на хлопковое сырое масло и саломас технический франко-вагон-станция (или трюм-баржа-пристань) отправления: хлопковое сырое масло – 4500 рублей за 1 тонну, саломас технический – 5600 рублей за 1 тонну. 2. Установить ставку налога с оборота

на хлопковое сырое масло, вырабатываемое маслобойными заводами, расположенными на территории РСФСР, в размере 45 %» [248].

– «Установить с 1 июля 1940 г. на карманные часы “ЗИМ” производства предприятий Наркомата Боеприпасов ставку налога с оборота в размере 60 % к розничной цене за вычетом из нее торговой скидки» [246].

– «Установить на кондитерские товары по счетам, выписанным с 24 января 1940 г., следующие ставки налога с оборота (в процентах к розничной цене): 1) мармелад, пастила, зефир, джем, желе, варенье – 6 %; 2) бисквит и печенье из муки высшего сорта, карамель завернутая, не содержащая какаопродуктов, мягкие конфеты всякие и ирис, кроме глазированных шоколадом, пролиновых: “Батоны пралине”, “Нуазет”, “Домино” и с гидрированным жиром – 15 %; 3) карамель всякая, содержащая какаопродукты, кроме обсыпанной какао открытой карамели, халва всякая, драже шоколадное – 30 %; 4) мягкие конфеты глазированные шоколадом, в том числе пралиновые: “Батоны пралине”, “Нуазет”, “Домино”, кроме трюфелей – 40 %; 5) какао и шоколад в порошке, шоколад в плитках и фигурный, шоколадный набор, мягкие конфеты-трюфели, а также соевое какао – 60 %» [236].

Налог с оборота (на 1940 г.) на масло животное составлял от 50 до 66 % в зависимости от местности (пояса), с сыров крупных 69 %, с сыров мелких типа «бакштейн», «гоуда»,

«чеддер» и т. д. – 61 %, с сыров плавленных и копченых – 45 %, с брынзы – 10 %, с мороженого и суфле – от 17 до 32 % в зависимости от производителя, со сливок – от 40 до 65 % в зависимости от местности и типа сливок, со сметаны – от 45 до 65 % в зависимости от местности, с творога – от 18 до 35 % в зависимости от местности и всего 5 % в городе Сочи и т. д. [238]. На тот же год налог с оборота сливочного маргарина составлял от 35 до 45 % в зависимости от местности, с майонеза – 10 %, с безалкогольных несахареных напитков – 20 %, с меда и браги 30 % и т. д. [237].

Налог в том же 1940 г. с оборота фотоаппаратов составлял от 7 до 50 % в зависимости от модели и производителя, на фотооптику – от 20 до 40 %, на фотопринадлежности – от 10 до 65 %, на фотобумагу – до 40 % [245]; с оборота обоев в зависимости от артикула взимали от 10 до 60 % [239]; налог с оборота чайников, самоваров, тазов, кофейников, чашек, подносов из латуни составлял от 26 до 42 %, с примусов – 10 %, с горелок – 36 %, с хозяйственных мясорубок производства государственной промышленности – 25 %, с кооперативной – 35 % [241].

На рыбные консервы действовали ставки от 6 до 50 %, в зависимости от наполнения (меньшая ставка была для красной рыбы, пикши и трески, а большая – для печени трески, ставриды, кильки, т. е. самой дешевой рыбы). На сельдь устанавливались ставки, в зависимости от пояса, от 29 до 50 %, икру красной рыбы – 40 %, крупного частика (щука, карп и

т. д.) – от 39 до 53 % и т. д. [243] На живой крупный рогатый скот из централизованного фонда устанавливалась ставка от 67 до 71 %, мелкий рогатый скот и свиней – от 62 до 67 %, из децентрализованных заготовок и подсобных хозяйств те же ставки составляли 40 и 25 % соответственно. На мясные консервы ставки были ниже: 20 % на свинину с рисом и спагетти и 12 % на тушенку. Интересно, что любительское мясо, такое как «гуляш, паштет из мяса и птицы, куриные филе и рагу, мясо-растительные, харчо, сациви, чахохбили, глухарь, куропатка, рябчик, тетерев, плов узбекский, куриное топленое сало, голубцы, мозги жареные, рагу с макаронами, сбой мясные, почки сотэ, макароны, вермишель и лапша с курицей и куриным рагу», налогом с оборота не облагалось [240]. С чем это связано я не выяснял, но подозреваю, что тетерева, рябчики и куропатки чаще всего оказывались на столах партийной номенклатуры, а не колхозников и рабочих.

Чтобы перечислить все налоги с оборота со всех товаров, которые были в СССР, понадобилось бы очень много текста, тем более данные выше, по состоянию на 1940 г., приведены для понимания внутренней экономической и фискальной политики СССР. Приведенных примеров более чем достаточно, чтобы понять степень налоговой нагрузки на население, ведь эти налоги отражались на конечной цене.

Учитывая специфику советской экономики, где государство было основным производителем, как мы можем харак-

теризовать высокие ставки налога с оборота различной продукции, начиная от школьных тетрадок и заканчивая консервами? Как минимум назвать социалистическое государство просто огромной партийной организацией, которая эксплуатировала производительное население, эти товары производившее, в том числе тех же рабочих, которые эти товары покупали по завышенным, установленным самим же государством, ценам (заменившим рыночное ценообразование). *И неверно полагать, что такая ситуация была только при Сталине. Она продолжалась даже в относительно сытую брежневскую эпоху, когда уровень жизни населения стал постепенно расти. В табл. 26 показано, какие налоги с оборота были на бытовую технику, а также количество этой бытовой техники в стране на 1966 г. [336].*

Таблица 26

Наименование	Розничная цена, руб.-коп.	Себестоимость	Прибыль и налог с оборота	Прибыль и налог с оборота в % к розничной цене за вычетом скидки	Кол-во на 1966 г. в млн штук
Часы наручные «Мир»	25-00	6-18	18-26	78	–
Телевизор «Темп-6»	295-00	228-00	40-00	15	14
Радиола «Латвия»	110-00	63-30	37-90	37,6	41 (вместе с радиоприемниками)
Холодильник «ЗИЛ 240 л»	310-00	95-60	198-90	67,7	7,3
Мотовелосипед МВ-042	120-00	95-07	20-13	17,4	31 (вместе с велосипедами и мопедами)
Мотоцикл «Урал-2»	1250-00	471-00	673-00	59	4
Мопед «Рига III»	180-00	144-35	19-20	11,2	31
Шкаф для платья	45-00	25-92	15-78	37	–

Логика советской социалистической плановой экономики сказывалась на ценах продукции легкой промышленности. Снова возьмем для примера брежневский 1966 г. В справке «о розничных ценах на товары народного потребления 1966–1970 гг.» приведены сравнительные данные по ценам в СССР и «капиталистических странах» (США, Англии и ФРГ) [336]. Они удручают (*табл. 27*).

Таблица 27

Наименование	Единица измерения	Розничная цена в СССР руб.-коп.	В капстранах в инвалютных руб. и коп.	Соотношение = 100
Ситец набивной	метр	-90	-68	133
Бостон чистошерстяной	метр	30-00	12-78	235
Креп 64 (шерсть)	метр	38-00	13-30	286
Ткань плательная чистошерстяная	метр	13-20	5-85	226
Ткань плательная, иск. шелк	метр	5-50	1-17	470
Ткань подкладочная, иск. шелк	метр	4-05	-98	413
Джемпер мужской шерстяной	шт.	16-40	5-67	290
Пуловер женский шерстяной	шт.	17-50	5-02	350
Белье женское из иск. шелка	шт.	9-32	2-27	410
Чулки капроновые	пара	1-15	-66	174
Чулки капроновые повышенной эластичности	пара	4-00	1-22	328
Полуботинки мужские на кожаной подошве	пара	19-80	9-85	201
Полуботинки и туфли женские на кожаной подошве	пара	18-00	5-30	340
Туфли женские летние на кожаной подошве на высоком каблуке	пара	28-60	8-10	353

Таким образом, стоимость потребительских благ в СССР была очень высокой за счет налоговой политики и издержек плановой экономики (например, отсутствие конкуренции, которая могла бы снизить цены).

Стоит также немного сказать о налогах военного времени. После начала войны с Германией в 1941 г. советское государство ввело новые налоги для советских граждан: военный налог и налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан. Все это вдобавок к уже существовавшим налогам для рабочих и служащих, сельскохозяйственным налогам и налогам с оборота. Военный налог исчислялся из годового заработка. Рабочие, служащие, деятели искусства и приравненные к ним по подоходному налогу граждане платили от 120 руб. (при доходе до 1800 руб.) до 2700 руб. (при доходе свыше 24000 руб.). В среднем налог составлял 780–900 руб. Колхозники и «единоличники» платили по 150–600 руб. с каждого члена хозяйства. Граждане с «самостоятельным источником заработка», не относящиеся к вышеперечисленным категориям, платили по двойной ставке («но не менее 100 проц, исчисленной с них годовой суммы подоходного налога за текущий год»). Остальные, не имеющие самостоятельных источников дохода граждане платили 100 руб. в год. Для подлежащих призыву, но не мобилизованных или освобожденных от службы налог увеличивался на 50 % [52]. Налог на холостяков и бездетных удерживался по месту работы каждый месяц. Для рабочих и служащих он составлял 5 руб. при

заработке до 150 руб., если свыше – то 5 %. Для деятелей искусств аналогичные 5 %. Бездетные или холостые колхозники и «единоличники» выплачивали в казну 100 руб. в год. Те граждане, кто не привлекался к обложению подоходным или сельскохозяйственным налогом, платили 60 руб. ежегодно [53]. Что интересно, даже в самый разгар войны, в 1943 г., вышел указ «О подоходном налоге с населения», который обновлял ставки, установленные еще в 1930-е гг.

* * *

Как мы могли убедиться, налоговая система СССР была весьма тяжелой для населения. Вероятно, налоги с оборота давали большевикам больше всего поступлений в казну. Драконовские поборы с «единоличников», «кулаков» и «частников», которые в глазах коммунистов были не более чем овцами, которых надо стричь, а затем рано или поздно «подать к столу», тоже были прибыльными для социалистического государства. Кроме того, советское государство, в силу своего монопольного положения на производство и распределение благ, основанного на Госплане, фактически выступало единственным в стране работодателем. Поэтому заработная плата рабочих соответствовала интересам партийной элиты всех уровней, а не интересам рынка труда и самих рабочих. Аналогично с закупочными ценами на колхозную продукцию – государство было главным покупателем, и

оно же устанавливало, по какой цене будет покупать продукцию колхозов. Следовательно, неудивительно, что государство в лице номенклатуры присваивало себе значительную часть средств граждан за счет бесправия последних и невозможности для рабочих и колхозников отстаивать свои права в условиях такой сверхцентрализованной системы. Об этом косвенно свидетельствует, хоть и не искренне, а как лишенный собственного «пайка», Лев Троцкий в работе «Преданная революция». Он писал: *«...относительно бюрократии, как потребительницы, можно с необходимыми изменениями повторить то, что в своем месте сказано было о буржуазии: нет ни основания, ни смысла преувеличивать ее аппетит в отношении предметов личного потребления. Но положение резко меняется, как только мы примем во внимание почти монопольное использование ею старых и новых завоеваний цивилизации. Формально эти блага открыты, конечно, всему населению, по крайней мере, городскому; на деле оно имеет доступ к ним лишь в виде исключения. Наоборот, бюрократия располагает ими по правилу, когда хочет и сколько хочет, точно предметами своего личного обихода. Если учесть не только жалованье, все виды натурального обслуживания и всякие полузаконные дополнительные источники, но и присоединить долю бюрократии и советской аристократии в театрах, дворцах отдыха, больницах, санаториях, курортах, музеях, клубах, учреждениях спорта и проч. и проч., то пришлось бы, вероятно, сказать, что*

на долю 15, скажем 20 %, населения приходится не многим меньше, чем на долю остальных 80–85 %» [367].

Присваиваемое таким образом богатство, разумеется, не могло расходоваться незаметно. Можно сказать, что коммунистам удалось создать полноценную «кастовую» систему, которая во внешних своих формах не боялась выражать себя в виде обладания материальными благами, недоступными для большинства населения. Такие блага, как квартиры и машины, социалистические борцы против эксплуатации вполне открыто производили по уровню качества и цены отдельно для каждой «касты».

В своем стихотворении поэт Самуил Маршак невольно дал ценное описание своей эпохи и советского строя [213, с. 56]:

Писательский вес по машинам
Они измеряли в беседе:
Гений – на ЗИМе длинном,
Просто талант – на «Победе»,
А кто не сумел достичь
В искусстве особых успехов,
Покупает машину «Москвич»
Или ходит пешком. Как Чехов.

Действительно, советская автомобильная индустрия была не просто производством автомобилей для разных задач и покупателей, теоретически доступных любому, кто облада-

ет нужной суммой денег. Автомобили в СССР создавались специально под каждый социальный класс отдельно и были подчеркнута недоступны каждому.

На заре советской автоиндустрии выпускались три основных легковых автомобиля – скромные ГАЗ А (для такси, госслужб, личного пользования, всего выпущено 42 тыс.), ГАЗ М (для тех же целей, заменили модель «А», выпущено 63 тыс.) и элитный ЗИС-101 (всего 8,8 тыс. машин). Все они выпускались на государственных предприятиях, и представительский ЗИС не предназначался для свободной продажи обычным советским гражданам. На нем ездила номенклатура, руководство страны. В 1940-1950-е гг. концепция не только не изменилась, но получила дальнейшее развитие. Так, появились ЗИС-110 в количестве всего 2000 машин, предназначенные исключительно для высшей элиты страны, министров и лично Сталина, который следил за выполнением проекта по созданию советского люксового лимузина. Для номенклатуры поменьше теперь производились ЗИМы (ГАЗ-12), выпуском в 21,5 тыс. машин. Они были единственным советским представительским классом, продававшимся гражданам, но покупали их только самые богатые представители культуры и искусства, поскольку от казны такой автомобиль им не полагался. Кроме того, этим лимузином награждали отличившихся годами службы офицеров. ЗИМ стоил 40 тыс. руб., что при средней месячной зарплате в 711 руб. в 1955 г. было недоступной подавляющему большинству на-

селения роскошью. Чтобы накопить на ЗИМ, простой человек должен был ничего не есть и не пить, полностью откладывая всю зарплату, почти пять лет.

Более скромными в те годы были знаменитые ГАЗ М20 «Победа», чей выпуск составил 241 тыс. машин. Разумеется, большая их часть служила в такси, скорой помощи, милиции, шла на экспорт. Это была машина не для личного владения, а для обслуживания госслужб.

Ее цена для простого рабочего была слишком высокой – в разное время от 16 до 25 тыс. руб. Даже в лучшем случае копить на нее пришлось бы более двух лет, если бы вся зарплата уходила в копилку. Самый низший уровень представлял «Москвич-400/401», выпущенный в 233 тыс. экземпляров и стоивший от 8 до 11 тыс. руб. Такую машину действительно можно было купить, если откладывать часть заработка, за несколько лет. Но едва ли это удалось бы сделать, учитывая скромный выпуск с 1946 по 1956 г. Иными словами, автомобиль оставался недостижимой мечтой для большинства граждан Страны Советов.

Только во второй половине 1950-х и в последующие десятилетия появляется относительное разнообразие моделей, увеличивается их производство. Однако концепция подчеркнутой кастовости никуда не исчезает. Верхушке полагаются элитные лимузины вроде ЗИЛ-111 (112 шт.) и ЗИЛ-114 (113 шт.), которые купить невозможно – их не просто не продают, у них даже нет цены. Знаменитая модель ГАЗ-13 «Чай-

ка» была наиболее популярной машиной элит – их выпустили более 3100. Такие машины в коммунистическом обществе «полагаются», но не продаются. Оснащение всех этих автомобилей можно описать словом «роскошь», применялись на них и самые передовые технические решения.

Средний сегмент автомобилей в 1950-1970-е гг. был представлен прежде всего ГАЗ-21 «Волга», выпуском в 639 тыс. машин. Это был чаще всего служебный автомобиль, продававшийся госструктурам намного дешевле, чем простым гражданам. На советском рынке за него просили от 5000 до 6500 руб. (после денежной «реформы» 1961 г.). Более доступными простым гражданам были, опять же, «Москвичи» (собственно, именно эти машины и предназначались для массового потребителя, наряду с ЗАЗ и «Жигулями»). Например, 402-я модель выпуском в 553 тыс. и 408-я. Правда, с ними тоже было связано некоторое обстоятельство не в пользу советского гражданина – они в большой массе шли на экспорт. Например, из 529 тыс. 408-х на экспорт ушло 273,5 тыс. машин, т. е. более половины. Причем экспортные варианты были оснащены щедрее и имели качество выше версий для внутреннего рынка. Советскому пролетарию и так сойдет – как считали в компартии. Интересно, что после деноминации 1961 г. автомобиль стал намного менее доступен. Если для «Москвича-401» в 1956 г. стоимостью в 9000 руб. нужно было отложить 12 среднемесячных зарплат, то для «Москвича-403» 1964 г., стоимостью в 3600 руб., по-

требовалось бы уже более 41 отложенной среднемесячной зарплаты (при среднемесячной зарплате в 87,6 руб.).

Кроме перечисленных моделей, массовым выпуском отличилась машина ГАЗ-24, выпускавшаяся до 1993 г. в различных модификациях и, таким образом, пережившая СССР. Ее можно было встретить и в такси, и в милиции, но особенно среди советской номенклатуры среднего и ниже среднего уровня. Хоть за несколько десятилетий (с 1967 по 1993 г.) было выпущено почти 1,5 млн машин, массовой и доступной для граждан она стать не могла – не для того ее выпускали. Скорее для этой цели больше подходила классическая серия автомобилей ВАЗ, которую начали выпускать с 1970-х гг. К тому времени режим постепенно слабел и терял идеологическую хватку – к 1980-м гг. довольно многие советские граждане уже могли приобрести какую-никакую машину, на рынке стали доступные даже старые люксовые советские модели.

Общая концепция советского автомобилестроения основывалась на следующих принципах: 1) привязка производимых моделей, с невозможностью свободного приобретения люксовых машин, к социальному статусу; 2) подчеркнутая недоступность лимузинов, вплоть до отсутствия цены на них; 3) подчеркнутое разделение по качеству машин, их технической оснащенности и недоступности передовых решений на машинах среднего и низшего уровня даже, как мы сегодня бы сказали, за дополнительную плату. И было бы

странно, если бы та же концепция не работала в строительстве жилья, так же четко поделенного на «уровни»²³.

В сталинские годы для партийной номенклатуры, культурной и рабочей (технической) элиты строились качественные комфортабельные дома. Для самых сливок в начале 1930-х был построен знаменитый «Дом на набережной», в нем и сегодня проживают представители российской элиты. Такая политика в жилищном строительстве отвечала повороту от «уравниловки» 1920-х, когда чиновники и интеллигенция получали не больше, а то и меньше рабочих, к централизованному социалистическому государству со строгой иерархией, в котором партийная номенклатура и культурная элита стали новой привилегированной кастой с высокой зарплатой и многочисленными премиями и «спецпайками»: персональным транспортом, санаториями и хорошими квартирами повышенной комфортности. Дома для новой элиты строились из хороших материалов, с толстыми стенами, хо-

---

²³ Разумеется, в рыночной экономике и сегодня есть жилье и автомобили высокого, среднего и бюджетного классов. Однако они не производятся намеренно под конкретных людей и представителей какого-то конкретного класса. Их может купить любой человек, который способен их оплатить. А сделать это возможно сегодня и при не самых высоких доходах, накопив, взяв в кредит, получив наследство и т. д. Главное, что все эти вещи находятся в свободной продаже и вам не откажут в покупке, если вы не принадлежите к номенклатуре. В конце концов, и богатые люди могут ездить на бюджетной модели по своему желанию. Коммунистическая элита никогда бы не села за руль «Москвича» для ежедневного передвижения. Для социалистического общества статусность имела куда большее значение, чем для общества, живущего в условиях свободной экономики. Думаю, говорить об отсутствии дефицита у последней даже не приходится.

рошей шумо- и теплоизоляцией, лифтами и мусоропроводом, встроенными гаражами; квартиры от одной (до 50 кв. м) до четырех (110 кв. м) комнат, некоторые подразумевали наличие комнат для прислуги (в пролетарском-то государстве!), библиотеки, детские, санузлы и т. д. Все это великолепие оформлялось лепниной. После войны такие дома стали скромнее в плане декора, но тем не менее все равно выделялись среди прочих, обычных домов. Для простых рабочих предназначались малоэтажные однотипные дома, расположенные в окрестностях предприятий и объединенных в рабочие поселки. В них не было ни лифтов, ни мусоропроводов, отдельные санузлы там попадались не всегда. Площадь как квартир, так и комнат была меньше, чем в элитных домах. Часто такие дома были коммунальными. О декоре, конечно же, не было и речи. Расположение домов для элиты и домов для рабочих было логичным – рабочие располагались по окраинам, рядом с предприятиями, а элитные – в центре или ближе к центру. «Дом на набережной» был построен напротив Кремля, и жили в нем чиновники самого высокого ранга со своими семьями: родственники самого Сталина, Берия, Хрущев, Рыков и т. д. Строгая иерархия сохранялась даже внутри этого огромного строения для избранных – нижние этажи ценились меньше, отдельные подъезды считались выше уровнем и т. д. Дом под завязку был набит прислугой – прачками, врачами, няньками, лифтерами и просто чекистами, которые должны были одновременно охранять и

следить за жителями дома. Во дворе были фонтаны, внутри квартир – дорогой ремонт и мебель, которая не снилась большинству граждан пролетарской диктатуры, ко всему прочему был обустроен и кинотеатр. «Дом на набережной» стал своего рода символом социалистического кастового общества: расположенный в самом центре и высокий, он «проводил взглядом» дома пониже, но тоже предназначенные для номенклатуры. От этого великолепного центра во все стороны расходились дороги, ведущие на самые окраины, где в малоэтажных и скромных домах жил простой пролетариат.

Вершиной этого сталинского великолепия в прямом смысле слова стал «Дом работников МГБ», строительство которого было закончено в 1949 г. Это действительно очень красивое здание, уникальное в своем богатом декоре для всего советского периода, предназначалось для проживания работников МГБ (бывший НКВД), т. е. самых «элитных» чекистов и для особенно заслуженных фронтовиков. Причем чекистам предназначались квартиры до 200 кв. м, а фронтовикам – до 60 кв. м, что неудивительно, учитывая приоритеты социалистического режима. Как и положено, квартиры в доме были роскошны и обставлялись трофейными немецкими предметами быта (собственно, само здание было построено силами военнопленных из бывшего Третьего рейха).

При Хрущеве и Брежневе принцип размежевания советских социальных слоев при строительстве многоквартирных домов сохранился, хотя после принятия в 1955 г. Постанов-

ления «об устранении излишеств в проектировании и строительстве» внешние отличия между зданиями перестали так сильно бросаться в глаза. Для высшей партийной номенклатуры по-прежнему предназначались квартиры повышенной комфортности (наряду с транспортом, санаториями и доступом к благам, недоступным большинству населения) – т. н. «цековки». Всем остальным положено было жить в скромных панельных домах, которые при Хрущеве и Брежневe буквально заполонили советские города, заняли всю их панораму. Площадь «цековок» зависела от положения, которое занимал ее высокопоставленный житель, в среднем 75 кв. м, и могла доходить до 200 кв. м, т. е. превышала площадь сталинских номенклатурных квартир. Как и сталинские квартиры, в «цековках» была просторная кухня, кабинет, высокие потолки под три метра. К этому добавлялась такая роскошь для советского человека, как два санузла, лоджия, кладовки и т. д. В качестве примера такого дома для высшей коммунистической касты можно привести дом на Гранатном переулке, 10, в Москве. Как и положено элитному жилью, он расположен в центре города в пределах Садового кольца. Другой пример – башни по проекту архитектора Ефима Вулыха. В них площадь квартир начиналась от 35 кв. м, трехкомнатные квартиры имели площадь в 75 кв. м. В отличие от многих простых панельных «казарм», в башнях Вулыха наружные стены делались из керамического кирпича, были толще; тепло в холодное время в квартирах сохранялось луч-

ше, а летом было комфортно. Под руководством Вулыха были разработаны и такая типовая серия, как П-67. Площадь квартир в ней начиналась от 43 кв. м и могла достигать до 70 кв. м. В плане комфорта, наличия отдельного санузла и просторной кухни они ничем не отличались от башен Вулыха. Что касается жилья для рабочего населения, то большинство построенных при Хрущеве и Брежневев многоквартирных домов для заселения в них советских граждан были панельными. Панельные дома дешево обходились государству, их можно было возвести за считанные недели. Разумеется, они не отличались комфортом, стены были тонкими, зимой было холодно, места едва ли хватало. В то же время в некотором отношении простые дома после Сталина все же отличались в лучшую сторону наличием в них хоть и небольшого, но все-таки санузла. Многие сталинские дома для рабочих такой роскоши не имели, архитекторы ограничивались люфт-клозетом. Лифта в пятиэтажных хрущевках не полагалось, они монтировались в домах этажностью выше, но как-то так совпадало, что такие дома были и более «элитными». Квартиры получали, отстаивая многолетние очереди. Просто взять и купить квартиру в доме более высокого класса простой человек не мог. В этом особенно заключается советская кастовость, проявляемая в бытовых вопросах, — ее нельзя было преодолеть, не став членом партии и не заняв в ней высокое положение.

К слову, упомянув выше о рабочей (технической) элите,

имело бы смысл привести пример, как она появлялась. И нет, я не буду упоминать пресловутых стахановцев. Куда интереснее создаваемое социалистическим государством искусственное расслоение среди рабочих по принципу их работы на экспорт или на внутренний рынок. Дело в том, что экспортные товары, которые стали появляться в советской промышленности в 1930-е гг., требовалось делать качественными, иначе их никто бы не покупал на мировом рынке. Советские товары были сами по себе весьма низкого качества, поэтому труд рабочих, которые производили товар на экспорт, а также инженерно-технического персонала оплачивали с весомой надбавкой до 20 %. К этому добавлялись премии за перевыполнение программы. Причем трудились такие рабочие на предприятиях, специализированных под экспорт, – т. е. это были фактически привилегированные производства, где зарплата всегда была выше, качество продукции лучше, но предназначалась она не для советского потребителя. Для сравнения: в рыночной экономике товар всегда должен быть качественным, независимо от того, идет ли он на экспорт или продается на внутреннем рынке. Это даже не имеет значения, потому что производители в условиях глобального рынка стараются перенести производства поближе к рынкам сбыта продукции. Качество на производствах в разных странах может отличаться не потому, что это делается специально, как делалось в СССР, а в силу объективных различий в местной рабочей силе, ценовой политике и ком-

плектации товара для разных национальных рынков с учетом предпочтений их потребителей. Советский «экспортный пролетарий» был искусственным порождением неравенства в советском обществе, а экспортные товары, наверняка попадавшие в руки номенклатуры «по благу», лишь закрепляли несправедливость системы.

Имелась и своя дискриминационная логика в товарораспределении. Например, *«в литературе справедливо отмечалось, что система нормирования рубежа 1920-1930-х гг. строилась на началах “индустриального прагматизма”, в ней почти отсутствовали принципы социальной справедливости, а выражались принципы государственной выгоды. В секретной записке Микояна “О товароснабжении” 25 сентября 1931 г. указывалось, что города особого списка и предприятия первого списка в течение восьми месяцев текущего года охватывали 19,6 % всего снабжаемого городского населения, получая 28 % всего фонда муки, 26,8 % крупы, 88,5 % растительного масла, 48,4 % животного масла, 57,2 % маргарина, 24,6 % рыбы, 80,7 % мяса»* [362, с. 64].

Наконец, для полноты картины, нужно отметить, что кастовая социалистическая система, которую мы здесь рассматриваем на примере СССР, выражалась и в сегрегации городского и сельского населения. При этом последнее было представлено после Второй мировой войны исключительно колхозниками – некогда существовавшие «кулаки» и единоличники были попросту физически уничтожены, как и кре-

стьянство вообще. Колхозники крестьянами уже не были – это был сельский пролетариат. Сельское население не имело паспортов на тех основаниях, которые были у городских жителей, – колхозники просто не получали паспорт, а если и получали при переезде в город, то на срок в один год, словно это был переезд в другую страну, а временный паспорт был аналогом современной визы. И хотя далеко не все апологеты социализма знают это, документальных доказательств такой немыслимой дискриминации собственного населения масса.

Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР от 23 апреля 1933 г. «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории СССР» прямо говорит: *«...паспорта гражданам Союза ССР выдаются в городах, населенных пунктах, являющихся районными центрами, в рабочих поселках, на новостройках, на промпредприятиях, в полосе отчуждения железных дорог, в совхозах и в населенных пунктах, где расположены МТС. Граждане, постоянно проживающие в сельских местностях, паспортов не получают. Учет населения в этих местностях ведется по поселенным спискам сельскими и поселковыми советами под наблюдением районных управлений РК милиции. В тех случаях, когда лица, проживающие в сельских местностях, выбывают на длительное или постоянное жительство в местности, где введена паспортная система, они получают паспорта в районных или городских управлениях РК милиции по месту своего прежнего жительства сроком на 1 год. Прописка лиц,*

приезжающих из местностей, где не введена паспортная система, по командировке, в отпуск, на лечение и т. д., производится на основании документов, удостоверяющих цель их приезда» [326].

То есть даже просто временное пребывание сельского жителя в городе должно было быть обусловлено удостоверениями, где указана цель пребывания, разумеется, одобренная вышестоящим начальством. Таким образом, в СССР не было свободы передвижения граждан, как и полноценного гражданства для всех. Это подтверждает другой документ «О прописке паспортов колхозников-отходников, поступающих на работу в предприятия без договоров с хозорганами» от 19 сентября 1934 г. Он гласит, что «*в местностях, в которых выдача паспортов производится в порядке утвержденной СНК Союза ССР 14 января 1933 г. инструкции о выдаче гражданам Союза ССР паспортов, предприятия могут принимать на работу колхозников, ушедших в отход без зарегистрированного в правлении колхоза договора с хозорганами, лишь при наличии у этих колхозников паспортов, полученных по прежнему месту жительства, и справки правления колхоза о его согласии на отход колхозника. Прописка паспортов колхозников-отходников, поступающих в указанных в ст. 1 настоящего постановления местностях на работу в предприятия без зарегистрированного в правлении колхоза договора с хозорганом, производится на 3-месячный срок. Дальнейшая прописка паспортов этих колхозников произ-*

водится каждый раз на новый 3-месячный срок по заявлению администрации предприятия. Колхозники-отходники, самовольно бросившие работу на предприятии или уволенные за нарушение трудовой дисциплины, лишаются права проживать в данной местности и подлежат немедленному удалению в административном порядке». Иными словами, колхозник – это крепостной социалистического государства, прикрепленный к конкретному колхозу и ходить-бродить самовольно ему не положено. Отмененное в 1861 г. крепостное рабство было благополучно возвращено коммунистами в 1930-е гг. [327].

В 1935 г. чекисты обеспокоились, что сельские жители нашли лазейку в законодательстве и стали обращаться за получением паспорта, а получив его, никуда в итоге в паспорттированную область не переезжали. Это «совершенно секретно» сообщается в циркуляре Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР «о выдаче паспортов лицам, выезжающим из сельских непаспорттизированных местностей» от 1 января 1935 г: *«согласно действующих узаконений, лица, проживающие в сельских непаспорттизированных местностях, должны получать паспорта только при выезде их в местности, где паспорттизация проведена, или при поступлении на работу на предприятия, транспорт, в совхозы. Между тем из поступающих от местных органов милиции сообщений видно, что некоторая часть жителей сельских местностей обращается за получением паспорта*

даже в тех случаях, когда они никуда не предполагают выехать или поступать на работу. Главное управление рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР предлагает принять к руководству следующее: 1. Жителям сельских (непаспортизованных) местностей выдавать паспорта только в случае их выезда или поступления на работу в паспортизованные предприятия. Улиц, получивших паспорта, но не выехавших или не поступивших на работу, паспорта подлежат возвращению. 2. Изложенное объявить всему сельскому населению, разъяснив, что для проживания в сельских непаспортизованных местностях для них паспорт не требуется» [396].

Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР от 27 февраля 1935 г. решило «проблему», когда сельский житель пользовался тем, что для непаспортизованных областей не требовалось наличие паспорта и он мог кое-как перебираться из области в область, выходя из поля зрения чекистов: «...до этого постановления лица, проживающие в непаспортизованных сельских местностях, обязаны были получать паспорта при выезде их в паспортизованные местности. Теперь же, согласно указанному постановлению СНК СССР, лица, проживающие в сельской непаспортизованной местности, вне зависимости от того, куда они едут (даже если едут в непаспортизованную сельскую местность), обязаны получать паспорта до выезда по месту своего жительства сроком на один год» [397].

Инструкция о выдаче гражданам паспортов от 14 января 1933 г. рассказывает нам еще об одной форме ограничения передвижения граждан по стране. Там есть такой интересный абзац: «...лицам, которым не разрешено проживание в Москве, Ленинграде и Харькове и в пределах 100-километровой полосы вокруг Москвы и Ленинграда и 50-километровой полосы вокруг Харькова, предоставляется право беспрепятственного проживания в других местностях Союза ССР и выдаются паспорта по новому месту жительства по введении в этих местностях паспортной системы» [329]. Это говорит о существовании определенных зон, пребывание в которых особенно строго контролировалось, и не каждый мог проживать в них. Нетрудно догадаться, что речь идет о наиболее развитых городах СССР: Москва, Ленинград и Харьков, полоса вокруг них – это лучшие места для жизни в бедном СССР, куда без надлежащего контроля начнут съезжаться негодные колхозники, «кулацкие элементы», «не занятые общественно-полезным трудом» и т. д. В последующие годы количество таких режимных местностей и городов было значительно увеличено.

Кто-то может подумать, что все эти постановления и циркуляры характерны только для сталинского периода. Но это, к сожалению, не так. Постановление Совета министров СССР от 21 октября 1953 г. полностью сохраняет принципы паспортизации сталинского времени: «*Постоянные жители сельской местности, за исключением местностей, ука-*

занных в статье 1 настоящего Положения, проживают без паспортов». А в статье 1 этого документа исключения сделаны для «всей территории Литовской, Латвийской, Эстонской ССР, Московской области, в Всеволожском, Гатчинском, Кингисеппском, Красносельском, Ломоносовском, Мгинском, Парголово, Приморском, Родинском, Тосненском районах Ленинградской области». Только в августе 1974 г. Совмин СССР принял постановление, в котором было сказано: «...паспорт гражданина СССР обязаны иметь все советские граждане, достигшие 16-летнего возраста». Выдачу паспортов нового образца полагалось провести с 1 января 1976 по 31 декабря 1981 г. Иными словами, кто-то из сельских жителей получил заветный паспорт только в 1981 г., почти на исходе существования СССР.

Пожалуй, нам сегодня сложно представить, что такое вообще возможно – лишать людей права на свободное передвижение в собственной стране, лишать их основных гражданских документов, запрещать искать работу и селиться там, где хочется. Сельских жителей, нарушивших постановление о паспортах по УК РСФСР в ред. 1926/1956 ст. 192а, могли посадить на два года; как и вообще всех, кто нарушил как-либо правила принятия на работу или проживания, мог ожидать как штраф, так и лишение свободы. Однако здесь все логично. Социализм – это эксперимент, социальная инженерия в масштабах одной отдельно взятой страны. Свободное передвижение граждан, их выбор места жительства

и работы был несовместим с экспериментом коллективизации и индустриализации, когда каждый человек представлял собой единицу рабочей силы, ресурс, который надо было перемещать в соответствии с Госпланом. Все это отсылает нас еще к самым ранним социалистическим утопиям, где хозяйственная деятельность людей тщательно регламентировалась в целях рационализации экономики, поэтому не надо думать, что в СССР была допущена какая-то досадная ошибка или перегибы на местах. Так жили в России и сопредельных странах еще несколько десятилетий назад, и об этом забывать ни в коем случае нельзя.

Реализация социалистической политики в СССР в области семьи

*Советская власть, мужа не боюся,
Если плохо будем жить, возьму разведуся.
(Популярная частушка в начале 1920-х гг.)*

На протяжении большей части европейской (и не только европейской) истории социальные институты, государство и община очень трепетно относились к институту брака. Это фундаментальная основа всякого общества и правопорядка, в рамках которой собственность получает конкретных владельцев, а через использование этой собственности увеличивается и накапливается богатство, передаваемое затем следующим поколениям. Кроме того, брак давал понять, что тот или иной человек уже находится в отношениях, у него есть принадлежность к определенному дому, и за ним стоят определенные люди. Благодаря моногамному браку общество смогло перейти от конкуренции за женщин и мужчин к цивилизованному совместному существованию, мужчины смогли перестать видеть друг в друге соперников (а значит, были более сплочены для отражения всякого вражеского вмешательства). Кроме того, для мужчины моногамный брак давал какие-никакие гарантии, что потомство, которое растет под крышей его дома, действительно происхо-

дит именно от него.

Общество и государство в Российской империи в целом следовало вышеназванным соображениям, как и все европейские государства начала XX столетия. В отношении семьи проводилась нехитрая консервативная политика, выражающаяся в невмешательстве государства в семейный быт. Семья была освященным местом, источником индивидуализма, личным, а не коллективным, пространством. Юридические же вопросы: заключение брака, рождение детей, развод – все это происходило только через институт Церкви. Все записи об этих событиях также вели ее представители.

Консервативные установки означали, что разводы и тем более аборт были делом крайне редким, очень затруднительным, а то и криминальным. Нужна была весомая причина для развода, которая в любом случае была бы рассмотрена церковным судом, причем на протяжении XVIII–XIX вв. эту процедуру все более усложняли – в допетровской Руси можно было развестись по благословию духовника по довольно обширному списку причин. Едва ли совпадение, что усиление строгости к разводам совпадает с периодом нахождения РПЦ под властью государства (управлявшего ею через Синод). Как до секуляризации при Петре I, так и после Февральской революции РПЦ относилась к разводу хоть и отрицательно, но все же «с пониманием». Статистика разводов среди православного населения Российской империи, согласно данным И. Преображенского, поражает скромно-

стью масштабов, даже при тенденции к росту. В 1840 г. – всего 198 разводов; в 1880 г. – 920; в 1890 г. – 942, в 1913 г. – 3791 развод. Перепись населения 1897 г. дает такие данные: на 1000 мужчин всего один разведенный, на 1000 женщин – две. Разумеется, эти цифры не означают отличное состояние института брака, взять хотя бы число незаконнорожденных детей – в одном только Санкт-Петербурге в 1867 г. на 19342 рождения приходилось 4305 незаконнорожденных ребенка (22,3 %), а в 1889 г. на 28640 рождений – уже 7907 таких детей (27,6 %). Хождение людей «налево» и добрачные отношения несомненно существовали, иначе откуда в воспитательных домах столицы Империи в 1890 г. проживало 9578 детей, а в Москве – 16636. *«На начало XX в. ежегодное число подкидышей по всей России исчислялось десятками тысяч»* [27]. Однако так или иначе, несмотря на все проблемы с бракоразводными процессами, незаконнорожденными детьми и пьянством, характерным для православных крестьянских семей Российской империи²⁴, в целом институт семьи сохранял свою значимость для общества и

---

²⁴ «Множество примеров насильственной смерти жен от собственных мужей было приведено и в заметке юриста Верещагина “О бабьих столах”. Верещагин, да и другие юристы, отмечал, что жестокое обращение с женами характерно только для русского православного крестьянства: они не сталкивались с такими ситуациями в среде иноверцев и староверов. Пресса была наполнена описаниями положения женщин-крестьянок, истязаемых своими мужьями. Подобные преступления были связаны с пьянством, которое было страшным бичом для русской деревни. Понятно, что невозможно дать статистику этих преступлений, потому что они не квалифицировались как уголовные» [27].

не подвергался сознательным попыткам разрушения. Проблемы, связанные с трудностью развода (когда даже для доказательства прелюбодеяния требовалось привести свидетелей), пытались решить через постепенные реформы, причем предложения шли как со стороны светских юристов (например, мирового судьи Я. Лудмера), так и со стороны представителей церковной иерархии (например, митрополита Сергия (Страгородского), архиепископа Холмского Евлогия (Георгиевского)).

После революции такое положение дел было отменено самым радикальным образом. Как писала Александра Коллонтай в «Тезисах о коммунистической морали в области брачных отношений» в 1917 г.: *«Коммунистическое хозяйство упраздняет семью, семья утрачивает значение хозяйственной ячейки с момента перехода народного хозяйства в эпоху диктатуры пролетариата, к единому производственному плану и коллективному общественному потреблению. Все внешние хозяйственные задачи семьи от нее отпадают: потребление перестает быть индивидуальным, внутрисемейным, его заменяют общественные кухни и столовые, заготовка одежды, уборка и содержание жилищ в чистоте становятся отраслью народного хозяйства так же, как стирка и починка белья. Семья, как хозяйственная единица с точки зрения народного хозяйства, в эпоху диктатуры пролетариата должна быть признана не только бесполезной, но и вредной»* [144].

Прежнюю «патриархальную» семью необходимо было лишить ее экономической основы, связывавшей членов семьи порой даже сильнее, чем чувства. И с помощью отмены частной собственности это вполне удалось сделать. Национализация всего и вся означала переход всех накоплений, аккумулярованных в семье, в руки государства, а вместе с этим был нанесен удар и по частной жизни вообще. Особенно сильно отмена частной собственности ударила по крестьянам, т. е. большинству населения, где крепкое семейное традиционное хозяйство было основой существования десятков миллионов людей. Но независимо от того, где проживал человек, в селе или в городе, всех настигла одна и та же участь – семейная жизнь стала «буржуазным пережитком», а ее место должен был занять коллектив. В городе социалистическое правительство активно насаждало среди молодых рабочих бытовые коммуны, чей расцвет пришелся на вторую половину 1920-х. Общая одежда, общая еда, общие партнеры и даже алименты тоже были общими. Коммуны открывались при фабриках, на уровне районов и объединения районов. Их видели отражением новых, социалистических общественных отношений; как писала Надежда Крупская, коммуны – *«это организация на почве обобщения быта новых общественных мерил, новых взаимоотношений между членами коммуны, новых... товарищеских отношений между мужчиной и женщиной»* [166]. Казалось, все ближе была долгожданная социалистическая утопия.

Большевики разрешили разводы по желанию не только обеих, но и одной из сторон декретом «о расторжении брака» от 16 декабря 1917 г [67]. Интересно, что Русская Церковь на Поместном Соборе 1917–1918 гг. приняла Соборное Определение от 7 апреля 1918 г. «О поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью» и последующее дополнение к нему в августе того же года, которое расширяло список причин для развода и упрощало саму процедуру. Однако это уже не имело значения, так как церковный брак перестал иметь какую-либо силу, впредь государством признавались только гражданские браки – в соответствии с декретом «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» [322]. Согласно этому же декрету, отцовство теперь можно было доказать в судебном порядке, причем *«даже если ответчик приводил свидетелей, указывающих, что в момент предполагаемого зачатия истица сожительствовала с каждым из них и определить отца ребенка было затруднительно, суд мог наложить обязательство взыскивать алименты со всех этих предполагаемых отцов в доле-вом отношении»* [283].

В 1926 г. новый кодекс о браке, семье и опеке признавал брачными даже незарегистрированные в госорганах отношения [142]. Развод стал настолько простым делом, что достаточно было отправить извещение от одного из супругов в отдел загса – и брак считался бы расторгнутым. Это привело к тому, что средняя продолжительность брака состави-

ла восемь месяцев. *«Только в 1927 г. в Ленинграде было зарегистрировано 16 тыс. случаев расторжения браков. Более трети молодоженов не прожили вместе и трех месяцев»* [166]. При этом не стоит думать, что главными инициаторами развода выступали женщины, хотя, по задумке, именно для них прежде всего предназначалась новая семейная политика. Так, согласно 500 анкетам лиц, подавших заявление на развод в загс, обработанным Ленинградским институтом охраны материнства и младенчества, в 70 % случаев инициаторами выступали мужчины, 20 % – по требованию родителей, 7,5 % – по обоюдному согласию, и лишь в 2 % случаев – по требованию женщины [166].

Более того, по признанию Коллонтай, женщины вообще оказались менее восприимчивы к новой социалистической морали. *«Среди женщин двадцатых годов было много дезертирок с трудового фронта. Женщины считались отсталым элементом уже потому, что были оплотом традиционной семьи и частной жизни. Сестра вождя революции, А. И. Елизарова, утверждала, что “вся борьба рабочего класса, даже в Питере – самом культурном рабочем центре, с наиболее развитыми рабочими, сильно ослаблялась и парализовывалась женским элементом, как работницами, так, особенно, женами рабочих”*; ей вторила А. М. Коллонтай, называвшая даже работниц *“многочисленной политически отсталой группой, которую необходимо мобилизовать в спешном порядке. Чтобы отстоять у жизни свои*

еще не завоеванные права, женщине приходится совершать над собой гораздо большую воспитательную работу, чем мужчине» [283].

В 1930-е гг. женщины, по крайней мере в сельской местности, всё еще были консервативнее мужчин. Как пишет Шейла Фицпатрик в книге «Сталинские крестьяне», «*протоколы обсуждения в одной деревне проекта закона 1936 г. об абортах, опубликованные в ленинградской газете как часть материалов о всесоюзном обсуждении предложения правительства объявить абортывне закона и ограничить разводы, дают любопытную картину позиции крестьянских женщин по этим вопросам. В целом женщины колхоза “Великий путь” Ленинградской области выступали против абортов, бывших, по их мнению, в основном приметой городской жизни. Они считали аборты опасными (“человек помирает от абортов”), полагали, будто аборты способствуют стремлению мужчин к случайным связям (“у кого нет ребят, тот и хватает сегодня одну, завтра другую”), а кроме всего прочего, были твердо уверены, что и другие должны испытать то, что испытали они: “Наши матери рожали, мы рожали, и вы, молодые, должны рожать”. “Я родила девять человек и хоть бы что. Пускай и другие не уступают мне”. К разводам они также относились отрицательно: “за регистрацию развода платить должен муж. Брак надо обязательно регистрировать, фактических не признавать. Распутников надо сажать в тюрьму. Мой муж агро-*

ном. *Кроме моих детей, платит алименты еще одной и сейчас опять завел третью. Для таких, кроме тюрьмы, ничего не придумаешь»* [381, с. 250].

Большевики были последовательными, я бы даже сказал, совершенными социалистами в одной из наиболее радикальных его форм, поэтому их отношение к семье и воспитанию детей вполне соответствовало той повестке, которая была задана их предшественниками (Энгельсом, Марксом, утопистами). Наиболее ярко это отражено в отношении к женщине и ее положению в традиционной семье, которое для большинства людей привычно называть «хранительницей домашнего очага», но для большевика являвшемуся рабством, отуплением. Как говорил Владимир Ленин (мы уже приводили эту цитату в начале книги), *«женщина продолжает оставаться домашней рабыней, несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, отупляет, принижает мелкое домашнее хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непродуцательною, мелочною, изнервливаюющею, отупляющею, забивающею. Настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, массовая перестройка его в крупное социалистическое хозяйство»*. В сущности, то, о чем говорит здесь Ленин, – это обобществление жен-

щин. Если женщина рабыня в рамках мелкого домашнего хозяйства, то перестройка такого хозяйства в крупное социалистическое (общественное) хозяйство есть не что иное, как переход женщины от одного мужа к обществу. Одним из способов борьбы за такое прекрасное будущее Ленин называет общественное воспитание детей – хорошо знакомая нам социалистическая теория, о реализации которой грезили еще утописты; *«Общественные столовые, ясли, детские сады – вот образчики этих ростков, вот те простые, будничные, ничего пышного, велеречивого, торжественного не предполагающие средства, которые на деле способны освободить женщину, на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной, по ее роли в общественном производстве и в общественной жизни»* [168]. То же самое писала Коллонтай: *«...новое право должно утвердить материальную связь материнства с интересами трудового коллектива и уничтожить всякую зависимость ребенка от взаимоотношений его родителей»* [144]. В 1923 г. она обещала, что советский режим *«снимет бремя материнства с женских плеч и переложит его на государство»* [395].

Общественное воспитание детей и последующая подчеркнутая забота о материнстве (а не о семье вообще и отцовстве в частности) вычеркивала мужчину как лишнее звено в деле воспитания и обеспечения ребенка. На место мужчины вставало социалистическое государство, в свою очередь требовавшее от женщины не заботы о детях, а только лишь де-

торождения (всё остальное государство брало на себя). Так что женщина как женщина тоже должна была подвергнуться отчуждению от самой себя, превратиться в исполнителя всего двух функций в великом деле строительства социализма: 1) рожать новых рабочих; 2) работать на фабриках и в колхозах. Такая система фактически поощряла беспорядочное половое поведение, поскольку, во-первых, государственная система опеки за детьми требовала не семьи, любви и верности, а детей, которые можно зачать от случайной связи и даже не обязательно знать, кто отец ребенка, – система такими вопросами озабочена не была. Во-вторых, постоянный изматывающий женщину труд, постоянное пребывание в разнополом коллективе лишали женщину женственности и связанными с ней ритуалами ухаживания, заботы, романтики – все сводилось к механическим процессам, ибо на большее не оставалось времени и сил.

Несмотря на то что советское государство пыталось взять на себя роль «общественной матери» для детей, в СССР были просто катастрофические масштабы беспризорности. Отчасти это можно было объяснить последствиями Первой мировой и Гражданской войн, голода 1921 г., красного террора и эпидемий. Однако проблема с беспризорниками оставалась актуальной не только в 1920-е гг. и официально была «разрешена» только в середине 1930-х гг., что едва ли являлось правдой, так как в результате коллективизации и «раскулачивания» число детей, оставшихся без родителей

по причине их смерти или насильственного с ними разлучения, только увеличивалось. Рост беспризорников снова усилился в годы Второй мировой войны и в последующие годы голода (1946–1947 гг.), и снова государственная система по интеграции этих детей не могла обеспечить всех хоть каким-то занятием и надзором, это усугублялось и общей тяжелой экономической ситуацией в стране. В более спокойные годы при Хрущеве и Брежневеве проблема уже не была столь явной, поэтому специально ее не поднимали и вплоть до конца 1980-х гг. беспризорность не удостоивалась того научного интереса, который ей уделяли в 1920-е [57].

В 1921 г. насчитывалось от 4 до 6 млн беспризорников, в 1923 г. – до 4 млн, в начале 1930-х – 2 млн. В 1950 г. только в детских домах проживало 637 тыс. детей. К 1960-м гг. расширилась система школ-интернатов – учреждений, где дети могли пребывать круглосуточно, причем не только те, кто остался без родителей. В 1960 г. в них обучалось до 1 млн человек. Способы борьбы с беспризорностью были самыми разными: детские дома, детские коммуны, патронат в рабочих семьях, усыновление, интеграция в силовые структуры, интернаты и т. д. Однако большинство из них в государственном целиком и полностью обществе упиралось в государство и эффективность работы государственных учреждений и ведомств, а значит, зависело от идеологического курса на данный момент, приоритетов и финансов. Поэтому на те же детские дома денег постоянно не хватало, их чис-

ло, достигнув 6063 учреждений с 540 тыс. воспитанников в 1922 г., в последующие годы нэпа снижалось. Условия в советских детдомах были печальные. По признанию Надежды Крупской в 1930 г., *«мы обломали все перья, исписали горы бумаги о том, как любил Ильич детей, а для ребят делаем чертовски мало – некогда все. В шестую годовщину смерти Ильича пора взяться всерьез за организацию общественного питания детворы, а то у нас в Москве, в богатой Москве, дети в детдомах сидят еще на голодном пайке, и не только в Москве, конечно»* [159]. Что касается патроната и усыновления, то они не могли стать решением проблемы в силу бедности населения. До революции проблема решалась не только государственными учреждениями, но и частными и общественными организациями, в том числе Церковью. Большевики нанесли по ним удар в первую очередь, по многим из них – смертельный.

Коммуны, развал института семьи, борьба с церковным браком, простейшая процедура развода давали свои результаты, причем далеко не всегда запланированные. Так, широко распространился откровенный разврат в рамках популярной тогда левой теории «стакана воды», заключавшейся в сведении сексуальной потребности к инстинкту (удовлетворение которой так же просто, как выпить стакан воды). *«В Петрограде в 1923 г. среди рабочих моложе 18 лет сексуальный опыт уже имели 47 % юношей и 67 % девушек. По данным опроса участников молодежной конференции в 1929 г.,*

до 18 лет начали половую жизнь 77,8 % мужчин (из них 16 % – в 14 лет и моложе) и 68 % женщин. Интересно, что самыми сексуально активными были комсомольские активисты. По подсчетам С. И. Голода, обобщившего итоги четырех крупнейших опросов 1920-х годов, добрачные связи имели от 85 до 95 % мужчин и от 48 до 62 % женщин» [147, с. 226]. В газетах, вроде «Комсомольской правды», «целые статьи о том же. Получается впечатление, будто и впрямь комсомол – это притон разврата. Будто рабочая молодежь одними только и занимается половыми излишествами на разнообразные лады» [316].

Однако большевистские лидеры отказались считать теорию «стакана воды» марксистской. Ведь, согласно «настоящему социализму», последний выступает против буржуазного патриархального брака со всеми его условностями, неравным положением мужчины и женщины и экономическим гнетом, но совершенно не против таких отношений, которые основаны на искренней привязанности и любви между партнерами. Иными словами, большевики отвергали все факторы взаимоотношений между мужчиной и женщиной, кроме эмоциональной привязанности, но и выступали против беспорядочных половых связей, основанных на примитивном инстинкте. Тем не менее джинн уже был выпущен из бутылки – и это сделали именно большевики. Но отцы социализма сопротивлялись как могли. Анатолий Луначарский в работе «О быте: молодежь и теория “стакана воды”» писал, в том

числе цитируя Ленина и Энгельса:

«Если признать, что любовь такие пустяки, то, с одной стороны, появляется аскетизм, незаконное пренебрежение к ней, а с другой стороны получается такое отношение: а почему не пошалить? Теряется отношение к любви как к акту торжественному, как к вещи необычайной важности и необычайной радостности... Вы, конечно, знаете знаменитую теорию, “что в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления, любовные потребности будет также просто незначительно, как выпить стакан воды”. От этой “теории стакана” воды наша молодежь взбесилась. И для многих юношей и девушек она стала роковой. Приверженцы ее утверждают, что это теория марксистская. Спасибо за такой марксизм... Я считаю знаменитую теорию стакана воды антимарксистской, антиобщественной. В половой жизни проявляется не только природа, но и принесенная культура, будь она возвышенная или низкая. Энгельсе “Происхождении семьи” указал на то, что важно, чтобы половая любовь развилась и утончилась... любовь не должна быть повседневностью, “стаканом воды”, а чтобы она была поднята на должную высоту, до чего-то чрезвычайно значительного. Такую любовь считает утонченной Энгельс, когда пишет об этом в своей книге о семье и государстве; такую любовь, когда мужчина говорит: я люблю эту женщину и никакую другую, с ней я могу построить свое счастье, я принесу для нее величайшие жертвы, только с ней

я могу быть счастлив. Когда женщина говорит: я люблю этого мужчину, это мой избранник, – тогда любовь не является повседневностью, развратом. Она скупа, эта любовь, но этим самым она делается торжественной и важной. Ленин говорит, что ему и в голову не приходило проповедовать аскетизм, он говорит: коммунизм должен нести с собой не аскетизм, а жизнерадостность и бодрость, вызванную также полнотой любовной жизни. Ленин прямо говорит, что коммунизм немыслим без полноты любовной жизни, дающей настоящую жизнерадостность. «Однако, – говорит Ленин, – часто безобразный сейчас избыток половой жизни не приносит с собой жизнерадостность и бодрость, наоборот, уменьшает их». Какое же решение предлагает Луначарский? Парадоксально, но он предлагает «абсолютно верный рецепт... воздержание. Чем позже юноша или девушка вступает в брачную жизнь, тем свежее, сильнее, полнее сохраняется он для настоящего брачного счастья, для настоящей подлинной любви и общественной деятельности. Номы не лицемеры» [195].

Однако не все были согласны с Луначарским. Взять хотя бы нашумевшее письмо Сергея Скворцова в журнале «Смена», под названием «Разврат ли это?», в котором он утверждает: «...среди рабочей молодежи разврата совершенно нет... Наша молодежь ничуть не больше себе позволяет, чем это было в старое время до революции. Даже, я бы сказал, мы гораздо гигиеничнее и порядочнее живем, чем

родители наши, которые и к проституткам часто ходили целыми компаниями. Это у них считалось – шикарно погулять! А у нас, я думаю, самый слабый комсомолец постыдится пойти к проститутке. Но, безусловно, много рабочей молодежи и теперь доходит до этого, и я думаю, что главная причина, которая их толкает к проститутке, это шум-гвалт вокруг “полового вопроса”» [316]. Однако был ли смысл ходить к проституткам, если девушки стали так доступны в коммунах? Может, потому и ходили родители к проституткам, что беспорядочный секс был доступен если не исключительно, то в основном за деньги?

Своеобразный ответ на царящий в стране хаос в межполовых отношениях, уже начинавший сказываться даже на международной репутации СССР, был дан Ароном Залкиным в работе «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата». Так же, как отповеди Луначарского и ханжеское лицемерие Ленина, «Заповеди» отражали всю противоречивость новой социалистической морали, столкнувшейся с суровой реальностью – с одной стороны, социалисты отвергли традиционный брак со всеми его строгостями и ритуалами, ролями мужа и жены, с другой – на его месте возникла пустота, в лучшем случае малозначимый гражданский брак, который можно было легко расторгнуть. Ситуация усугублялась бытом в коммунах, получившим дурную славу, и быстрыми темпами урбанизации, когда рушился старый крестьянский семейный уклад, а пропаганда со всех сторон при-

зывала молодежь отказаться от понятий и ценностей, которыми жили их родители. Поэтому социалисты пытались упорядочить весь свой опыт семейной политики, совместив отрицание старой семьи, коллективизм и призывы к порядочности и воздержанию, но уже не в духе христианства, а в духе «пролетарской морали», противопоставляемой разложению «буржуазными нравами». Именно последним приписали все проблемы, возникшие после полномасштабного социалистического наступления на институт семьи. «Половые заповеди» Залкинда таковы:

I. Не должно быть слишком раннего развития половой жизни в среде пролетариата – первая половая заповедь революционного рабочего класса; II. Необходимо половое воздержание до брака, а брак лишь в состоянии полной социальной и биологической зрелости (т. е. 20–25 лет) – вторая половая заповедь пролетариата; III. Половая связь – лишь как конечное завершение глубокой всесторонней симпатии и привязанности к объекту половой любви; IV. Половой акт должен быть лишь конечным звеном в цепи глубоких и сложных переживаний, связывающих в данный момент любящих; V. Половой акт не должен часто повторяться; VI. Не надо часто менять половой объект. Поменьше полового разнообразия; VII. Любовь должна быть моногамной, моноандрической (одна жена, один муж); VIII. При всяком половом акте всегда надо помнить о возможности зарождения ребенка и вообще помнить о потомстве; IX. Половой подбор должен

строиться по линии классовой, революционно-пролетарской целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специально полового завоевания; X. Не должно быть ревности. Половая любовная жизнь, построенная на взаимном уважении, на равенстве, на глубокой идейной близости, на взаимном доверии, не допускает лжи, подозрения, ревности; XL Не должно быть половых извращений; XII. Класс в интересах революционной целесообразности имеет право вмешаться в половую жизнь своих сочленов. Половое должно во всем подчиняться классовому, ничем последнему не мешая, во всем его обслуживая» [113].

Сейчас эти заповеди выглядят по меньшей мере смешными, но тогда, в 1924 г., к ним относились вполне серьезно. Во всяком случае, сам Арон Залкинд, но не комсомольцы, которые развлекались как могли. Уж первую заповедь они нарушали более чем успешно. Да и как можно на практике адекватно применить «заповедь» вмешиваться в половую жизнь своих товарищей и как подчинить на практике половую жизнь интересам класса? Проблема заключается в том, что социализм большевиков как был утопичным по своей сути, так им и остался. Социализм игнорирует человеческую природу и пытается объяснить все явления прежде всего с экономической точки зрения. Те социальные институты, которые большевики уничтожили, как раз век от века и занимались упорядочением человеческих взаимоотношений,

они для этого и появились в результате эволюции человечества. Нетрудно догадаться, что упорядочить поведение молодежи, которой предлагалось отказываться от заветов отцов и перейти на новую социалистическую мораль, вот такими нелепыми «заповедями» было невозможно. Все многовековое морально-воспитательное наследие было подвергнуто остракизму, а предлагаемые новые нравы – казенными и нелепыми.

Одна из самых революционных «семейных» мер в Советской России заключалась во впервые в мире разрешенных абортах в 1920 г., хотя история этого вопроса в СССР довольно сложная и противоречивая, – с одной стороны, их могли оценивать отрицательным следствием социально-экономических условий, с другой – идеи борьбы со старыми буржуазными порядками и целенаправленное разложение института брака способствовали упрочению лояльного отношения к аборту. Тем более право на аборт рассматривалось как часть эмансипации женщины, освобождение ее от «домашнего рабства». В 1924–1926 гг. абортыв были ограничены случаями изнасилования и угрозы жизни и здоровью женщины. С 1926 г. вместо этих ограничений ввели новые – запрет делать аборт при первой беременности и не раньше чем раз в полгода. Ограничение абортыв в 1936 г. постановлением «о запрете абортыв, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным...» было очередным временным от-

катом социалистов назад в силу ужасных обстоятельств, порожденных их же политикой. Тогда же усложнили процедуру развода (а в 1944 г. развод стал возможен только через суд). Развал института семьи и падение рождаемости угрожали экспансионистским амбициям советского государства. Однако, вопреки распространенному мнению, речь все же не шла о полном запрете. В соответствии с законом, полагалось *«производство абортов допустить исключительно в тех случаях, когда продолжение беременности представляет угрозу жизни или грозит тяжелым ущербом здоровью беременной женщины, а равно при наличии передающихся по наследству тяжелых заболеваний родителей и только в обстановке больниц и родильных домов»* [391]. Как только настали более спокойные времена, аборты были «разрешены» снова – в 1951 г. расширили список медицинских показаний к аборту, в 1954 г. отменили уголовную ответственность за «криминальный» аборт, а в 1955 г. декриминализовали вообще. В начале 1980-х допустимый срок аборта увеличили с 12 до 24 недель, а в 1987 г. – до 28 недель.

Несмотря на периодические ограничения, аборты все годы существования СССР были катастрофически высокими – ни в одной из стран мира никогда не было таких цифр. Разрушение института семьи, высокая мужская смертность в результате репрессий, войны и алкоголизма, низкий уровень жизни способствовали этому скрытому геноциду. В 1937 году, только по данным зарегистрированных (разрешенных)

операций, было совершено 568 тыс. аборт, в 1940 г. – уже 807 тыс. [305]. Реальное же количество случаев должно исчисляться миллионами. Так оно и выходило, когда ограничения на аборт были сняты и любая женщина получила возможность делать их в государственном учреждении. Уже в 1957 г. число прерываний беременности составило 3,4 млн только в РСФСР! Пиковым был 1965 г., когда было абортировано 5,463 млн детей. В последующие годы цифра колебалась между 4,5–5 млн случаев ежегодно и кардинально стала снижаться лишь после распада СССР, что едва ли является совпадением. Уже в 1992 г. было произведено 3,265 млн аборт, в 2000 г. – менее 2 млн, а в 2018 г. – 567 тыс. Само собой, свою роль сыграло распространение контрацепции, но едва ли дело лишь в ней одной – перемены в социально-экономических отношениях тоже повлияли на ситуацию. Интересно заметить, что в западных странах аборт были разрешены достаточно поздно, а в некоторых ограничены до сих пор. Постепенная легализация аборт в Европе, США и многих азиатских странах началась с первой половины 1970-х, а в некоторых (Южная Корея, Ирландия, Кипр, Португалия, Швейцария и т. д.) – только в XXI столетии. Причем в европейских странах и США по-прежнему существует общественная дискуссия вокруг проблемы аборт, а врачи имеют законное право отказать в проведении вмешательства.

В заключение хотелось бы отметить еще один феномен, порожденный социалистической политикой СССР. Это фе-

номен специфической «однополой семьи», состоящей из матери и бабушки, распространенный даже в современной России. *«Опорой любой семьи становились межпоколенческие связи, особенно между женщинами. По сути, во второй половине XX в. типичной стала именно матрифокальность (проживание молодых семей с родителями жены) и, пользуясь выражением А. Роткирх, “расширенное материнство”, иными словами – институционализация роли бабушек, без которых (женщин старшего поколения) ребенка надо было надолго сдавать в ясли, детские сады, группы продленного дня, так как в противном случае семья с трудом сводила бы концы с концами: неработающая мать, воспитывающая детей, была скорее исключением, чем правилом»* [283]. Закономерно было бы узнать: а где же тогда был отец, мужчина? Или хотя бы дедушка? Причин здесь несколько. Во-первых, к сожалению, продолжительность жизни мужчин в Стране Советов была невысокой. Например, в относительно благополучный хрущевский 1959 г. средняя продолжительность жизни мужчины составила 63 года против 71,4 лет у женщин. Во-вторых, проблема усугублялась огромными потерями мужского населения во время войны, из-за чего возник сильный дисбаланс в демографии. Ну и в-третьих, свою роль сыграла советская семейная политика, которая сделала разводы массовым явлением, а женщину приучила выживать без мужчины, приучила ее полагаться на опеку государства (например, в 1949 г. 19,5 % детей родились без указания от-

ца в акте о рождении [398] – что не сделало женщин свободными, как на то рассчитывали социалисты.

Социализм в СССР после Второй мировой войны – русификация и отказ от основ

Приход к власти в России наиболее радикального социалистического движения из всех, которые тогда имели место на политическом ландшафте, оказалось самой настоящей трагедией для русской государственности, культуры, религии и экономики. Обладание большевиками такой огромной богатой страной, как Россия, не могло не оказать влияния и на весь остальной мир. Попытки перенести революцию в Европу предпринимались уже тогда, когда власть большевиков еще не до конца укрепилась в самой России: это и поддержка Венгерской и Баварской советских республик (1919 г.), и наступление на Польшу в 1920 г. В последующем СССР продолжал активную поддержку левых движений по всему миру: от Испании времен гражданской войны 1936–1938 гг. до маоистского Китая, Вьетнама и Северной Кореи. Одновременно с агрессивной внешней политикой большевики проводили радикальный эксперимент над Россией: разрешили аборты и разводы, боролись с «буржуазным» институтом брака, последовательно уничтожали христианские церкви, лишали гражданских прав «лишенцев», отправляли в ссылки миллионы крестьян и, само собой, строили лагеря

для неугодных и физически уничтожали людей по признаку социального происхождения.

Однако в истории СССР социалистический радикализм был лишь одним из этапов, за которым последовала совершенно другая, более гуманная по прежним советским меркам политика, хоть и отличавшаяся некоторой идеологической стагнацией. И началась она еще при Иосифе Сталине, хотя и не по его воле. Проявились объективные факторы, которые заставили социализм в России остановиться и даже отойти назад.

Прежде всего, наиболее идейное поколение большевиков, генералов и «героев» Гражданской войны и красного террора, попросту постепенно вымерло. Одни умерли собственной смертью, как Ленин, Фрунзе, Дзержинский и т. д. Другие были либо отправлены в изгнание, как Троцкий, либо устранены физически в ходе репрессий, как в Московских процессах (Каменев, Зиновьев, Пятаков, Сокольников, Рыков, Бухарин и другие ключевые фигуры) и в деле Тухачевского (сам Тухачевский, а также легендарные командиры 1920-х Уборевич, Якир, Путьна, Эйдеман, Гамарник и др.). Разумеется, Сталин тоже был идейным большевиком, но он слишком тяготел к личной неограниченной власти, а потому не смог бы сработаться с идейными социалистами, которые знали его еще на совсем мелких ролях и помнили его военные неудачи в Гражданскую войну. Иосифу Сталину поэтому нужны были не идейные, а карьеристы. В случае с СССР

это было не так уж и плохо, потому что карьеристы являлись выходцами из «низов», далеких от тонкостей марксизма, и могли смотреть сквозь пальцы на многочисленные нарушения социалистической законности – например, на «серых» предпринимателей, без которых советские граждане жили бы в условиях еще большего дефицита бытовых товаров. Последующие руководители СССР были именно такими карьеристами: сын железнодорожника Георгий Маленков, сын шахтера Никита Хрущев, выходец из рабочей семьи Леонид Брежнев и т. д. Все они не помнили революционного прошлого РСДРП, они вступили в партию тогда, когда она пришла к власти. Само собой, в идеологическом отношении они старались держаться формальной марксистской «ортодоксальности», во внутривнутриполитическом же старались отойти от крайне милитаризованной экономики времен Сталина – акцент был сделан на повышение уровня жизни населения, который был крайне низок.

Очень серьезное значение для смены курса сыграла Вторая мировая война и ее последствия в виде присоединения к социалистическому блоку почти всей Восточной Европы. Нападение Третьего рейха на СССР оказалось на первых порах катастрофическим и привело к огромным жертвам как среди гражданского населения, так и среди военных. Казалось, национал-социалисты, подойдя к Москве, уже одержали победу. Однако далее сыграл роль невероятный, казалось

бы, фактор патриотизма простого населения, которое смогло мобилизоваться и провести контрудар такой силы, что к концу 1943 г. нацистская кампания в СССР была полностью провалена и вермахту оставалось только переходить на оборонительные позиции. Потери в живой силе и технике в 1944 и 1945 гг. уже не просто сравнялись – силы вермахта несли большие потери, чем РККА. Патриотический подъем захлестнул всё общество, включая РПЦ, почти уничтоженную к концу 1930-х гг., – под ее началом, как ранее упоминалось, удалось даже собрать средства на создание целой танковой колонны имени Дмитрия Донского. В 1943 г., убедившись в том, что христианская религиозность все еще остается мощным стимулом для населения, а Церковь в сложной ситуации вовсе не стала агентом «буржуазии», а напротив, заняла патриотическую позицию, Сталин позволил восстановить институт патриарха, которым стал Сергей (Страгородский). Поскольку в зоне немецкой оккупации храмы восстанавливались или открывались заново, после освобождения этих территорий возник неудобный в текущих реалиях вопрос о дальнейшей судьбе зданий. Они были переданы РПЦ одновременно с теми, что находились на новоприобретенной территории Западной Белоруссии, Украины и Молдавии, в том числе были насильственно изъяты у грекокато-ликов. По большей части именно эти храмы и остались основными действующими церквями, на территории остального СССР восстанавливать и заново открывать их никто не спешил.

Кроме перемен в отношениях с Церковью, советская власть пошла даже на пересмотр прошлого. Идеи марксизма были очень плохим стимулом для подъема на борьбу с врагом миллионов рабочих и крестьян. Поэтому власть обратилась к русской истории и государственности, словно СССР был прямым наследником Российской империи. На плакатах появились русские богатыри, Суворов, Кутузов, Александр Невский, Кузьма Минин и другие военачальники прошлого. 7 ноября 1941 г. Сталин произносит речь на Красной площади: *«Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»* [346]. Эти слова, но уже без Ленина, станут лозунгами для многочисленных плакатов. На других плакатах была подпись: *«Бьемся мы здорово, колем отчаянно, внуки Суворова, дети Чапаева»*. Еще интереснее выглядели плакаты с цитатами Дмитрия Донского и Суворова. Обыгрывалась война с Тевтонским орденом и Наполеоном. Советская история, таким образом, была интегрирована в русскую как ее неотъемлемая часть. А в 1944 г. произошло и вовсе непредвиденное: в Ленинграде вернулись дореволюционные названия улиц. Проспект 25 Октября снова стал Невским, проспект Красных Командиров – Измайловским, площадь Воровского – Исаакиевской и т. д. С карты исторического Ленинграда исчезли

Урицкий, Володарский, Карл Либкнехт, Роза Люксембург и другие деятели социализма, не имевшие к городу никакого отношения.

Таким образом, война стала одной из причин окончания полномасштабного социалистического эксперимента. Положение СССР как участника Антигитлеровской коалиции, союзника Великобритании, Франции и США, придало ему респектабельности. Вхождение в сферу влияния Москвы восточноевропейских стран и начавшаяся вскоре холодная война диктовали свои условия, где одним из факторов стала конкуренция идеологических систем. Прежняя политика лагерных ссылок и террора, особенно на фоне политики нацистов в Германии и оккупированных ими странах, была уже невозможна, во всяком случае в таких масштабах. Под влиянием большевиков оказались десятки миллионов православного населения Румынии, Болгарии и Югославии, что вызвало к жизни идеи превратить Москву в «православный Ватикан» для противостояния «католическо-протестантскому Западу». В 1948 г. в Москве даже прошло Всеправославное совещание, приуроченное к 500-летию самостоятельности Русской церкви. В нем приняли участие иерархи большинства православных церквей, а приветственную речь от советского правительства произнес председатель Совета по делам РПЦ Георгий Карпов.

После войны произошло то, что мы можем назвать «легитимизацией» большевизма. Теперь уже нельзя было так

просто отвергнуть партию, под руководством которой страна одержала победу над нацизмом. Тем более с этой партией имели дело западные державы. Вполне возможно, что война даже продлила жизнь советскому строю, но, с другой стороны, она сделала его значительно мягче. После смерти Сталина в 1953 г. численность заключенных в системе ГУЛАГ стала снижаться, а в 1956 г. он был официально расформирован. Сотни тысяч людей смогли обрести какую-никакую свободу с поправкой на советские реалии, однако к прежней нормальной жизни, с учетом утраты имущества, прежних связей и даже семьи, а также ограничений на проживание в определенных областях, они вернуться уже не могли. При Маленкове была начата реабилитация жертв политических репрессий, которая продолжается по сей день.

Были и другие немаловажные факторы в сворачивании социалистического эксперимента. Во-первых, это исчезновение классов. В самом деле, здесь социалистам удалось достигнуть определенного успеха. К 1960-м гг. уже не осталось тех, кого можно было бы репрессировать за социальное происхождение: большая часть населения состояла из городских и сельских пролетариев (колхозников и работников совхозов), работников интеллектуального труда и номенклатуры, формально тоже относящейся к «авангарду пролетариата».

Во-вторых, как ни странно, произошла русификация партии. И если на среднем и низшем уровнях русские всегда были в большинстве, то на высшем уровне это не всегда было

так и абсолютное русское большинство установилось только с течением времени. В 1917–1919 гг. доля притока русских в высшую партийную элиту составляла всего 44,4 %. Но во время войны и в целом в 1940-е гг. эта доля выросла до 93 %, хотя чуть позже снизилась. В 1960–1969 гг. она составляла 69,6 %, а к концу 1980-х – 75 % [55]. Интересно, что на VI съезде РСДРП(б) в 1917 г. из 264 делегатов русские составляли 53 %, евреи 16,9 %, латыши 9,9 %, поляки 4,7 %, малороссы 3,5 %, грузины 3,5 %, литовцы 2,3 % и т. д. [232]. В последующем съезды партии имели куда большее русское «ядро», что усиливало русские националистические тенденции в РСФСР, с которой и начался полномасштабный распад СССР. Дело в том, что русские за все время существования СССР так и не получили не только русской национальной республики, но и отдельной компартии для многонациональной РСФСР (у остальных союзных республик она была). Большевики не допускали такого положения дел осознанно, понимая, что в этом случае во всесоюзной партии будет доминировать российское отделение. Неудивительно, что даже на уровне государственных, а не партийных, должностей, когда в 1990 г. появилась должность президента СССР, Михаилу Горбачеву пришлось делить власть именно с президентом (а прежде председателем Верховного Совета) РСФСР Борисом Ельциным, и в итоге последний оказался ключевой фигурой в вопросе расформирования Союза.

В-третьих, погасла вера в социализм. СССР слишком яв-

но отставал от «капиталистического» мира, и это прекрасно понимали партийные элиты, имевшие возможность видеть вживую достижения Запада и сравнивать их со своими собственными. Это было заметно не только в самом СССР, но и у его сателлитов в Восточной Европе, где советским войскам приходилось подавлять рабочие протесты и восстания (Польша и Венгрия 1956 г., Чехословакия 1968 г.). Усугубляли ситуацию восстания и протесты советских рабочих. Одно из самых известных, но не единственных, – это расстрел в Новочеркасске 1962 г. До Новочеркасска в 1961 г. произошли волнения в Муроме, а после этого – летние забастовки рабочих в Одессе, Иванове, Донецке (1962), бунты и забастовки в Сумгаите и Кривом Роге (1963), в Бронницах и Ставрополе (1964), во Фрунзе, Чимкенте, Степанакерте, Прилуках, Слуцке, Туле (1967), в Нальчике (1968), Кишиневе (1969), Днепродзержинске (1972), Рубцовске (1974), в Новомосковске и Каунасе (1977), в Тарту (1980), Орджоникидзе (1981) и Лениногорске (1984). Основные причины народных волнений сводились к повышению цен и беспределу милиции. Регулярные конфликты такого рода старались замалчивать как могли, но они в любом случае деморализовали и элиты, и силовиков, и, конечно же, рабочих. Изначальной установкой единственно верного учения Маркса-Ленина было улучшение уровня жизни рабочего класса при социализме и переход к коммунизму. Казалось бы, развитие техники и социального обеспечения должно было этому спо-

собствовать. Не было больше частной собственности, которая порождала несправедливость, не было капиталистической эксплуатации. Но люди видели совершенно иную картину: сытую жизнь номенклатуры, отставание от «капстран» и подавление инакомыслия.

В 1961 г. опубликован довольно странный для коммунистов «Моральный кодекс строителя коммунизма», вошедший в Устав и новую программу КПСС. В своеобразной преамбуле к кодексу говорится следующее: *«Отвергая классовую мораль эксплуататоров, коммунисты противопоставляют извращенным эгоистическим взглядам и нравам старого мира коммунистическую мораль – самую справедливую и благородную мораль, выражающую интересы и идеалы всего трудящегося человечества. Простые нормы нравственности и справедливости, которые при господстве эксплуататоров уродовались или бесстыдно попирались, коммунизм делает нерушимыми жизненными правилами как в отношениях между отдельными лицами, так и в отношениях между народами. Коммунистическая мораль включает основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками. Особо важное значение в нравственном развитии общества имеет революционная мораль рабочего класса. Коммунистическая мораль в ходе строительства социализма и коммунизма обогащается новыми принципами, новым со-*

держанием» [4]. Уже этой «преамбулы» было бы достаточно, чтобы профессиональные революционеры-большевики прошлого схватились за голову, так как в документе признавалась общечеловеческая мораль, создаваемая веками, которую коммунисты не только не отвергают, но, напротив, они фактически возвращаются к ней, поскольку «при господстве эксплуататоров» она «уродовалась и попиралась». Противоречивость формулировок («обогащение новыми принципами и содержанием» при универсальности и даже консервативности нравственных принципов) лишь доказывает постепенный отход от ортодоксального марксизма-ленинизма, ибо *«в марксизме-ленинизме общечеловеческие ценности признаются выше классовых интересов пролетариата лишь в конечном счете, лишь когда в ходе развития исчезнут классовые различия. Невозможно отрицать... что Маркс, Энгельс, Ленин пытались доказать исторически переходящий характер нравственных норм, на которых держался современный им гражданский порядок. Им представлялись утопичными и реакционными социальные учения, построенные на вечных началах нравственности. "Всякую такую нравственность, – говорил Ленин, – взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем... Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата"». Что же касается морали, стоящей выше классов-*

вых противоречий и интересов, действительно человеческой морали, то она, по мнению основоположников марксизма, должна была возникнуть лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов была бы не только преодолена, но и забыта в жизненной практике» [189].

Новая революционная пролетарская мораль, которую пытались насадить в 1920-1930-е гг., словно бы была забыта. Теперь советские нравственные принципы основывались на гуманизме, честности, правдивости, нравственной чистоте, простоте и скромности в общественной и личной жизни, взаимном уважении в семье и заботе о детях, непримиримости к несправедливости и т. д. [4]. Казалось бы, еще один шаг назад и два шага вперед, и коммунисты смогли бы даже смириться с идеей естественного права, христианской системой ценностей и даже с частной собственностью.

Было бы странно сказать об этом и не прийти в итоге к тому, что такие шаги были сделаны. Несмотря на застойные годы Брежнева, советское общество постепенно менялось и всё больше забывало истоки советской партийной государственности, где партия (авангард пролетариата) узурпировала функции государства. Происходили деградация и отмена, собственно, социалистического начала и тихое возрождение национального и религиозного самосознания, которое всё больше проникало во все сферы социально-экономических отношений. Это стало вполне очевидно в эпоху прав-

ления последнего советского руководителя Михаила Горбачева. В 1985 г. общественные активисты объявили 24 мая Днем славянской культуры и письменности. В январе 1991 г. Президиум Верховного Совета РСФСР признал этот праздник официально. Но самое впечатляющее событие произошло в 1988 г., когда с помпой, в присутствии свыше 1500 журналистов и 211 делегаций из 89 стран, СССР отпраздновал 1000-летие Крещения Руси. Михаил Горбачев назвал это событие *«знаменательной вехой на многовековом пути развития отечественной истории, культуры и русской государственности»* [39]. Ряд религиозных деятелей были награждены государственными наградами, Русской Церкви были переданы Введенская Оптина пустынь, Толгский монастырь, часть Киево-Печерской лавры и мощи, прежде находившиеся на хранении в государственном музее. 6 июня состоялся Поместный собор, на котором причислили к лику святых ряд исторических деятелей, а также отменены прежние положения, ограничивавшие финансовую и хозяйственную деятельность Церкви. И главное, всё это транслировалось по государственному телевидению.

Дело шло к официальной отмене монополии социализма как единственно возможной идеологии СССР. Этого хотело и общество, устроившее в Москве 4 февраля 1990 г. 300-тысячный митинг за отмену 6-й статьи Конституции СССР, устанавливавшей за КПСС статус политического монополиста, и та часть партии, которая выступала за кардинальные

реформы. 14 марта 1990 г. законом «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию СССР» 6-я статья отменялась, страна официально перешла к многопартийности.

Таким образом, перестройка Горбачева окончательно завершила социалистический эксперимент в России. Разумеется, это никакой не заговор и не предательство элит, никакая не контрреволюция, как сегодня говорят коммунисты. Это закономерный результат для совершенно искусственной конструкции, где одна партия взяла на себя функции государства (при этом сохранялись и государственные структуры, подчиненные партийным) и, используя ресурсы государства и страны, проводила политику преобразования общества в соответствии с определенной идеологией – социализма. СССР не мог долго сохранять такое положение дел, и даже не экономика погубила этого левиафана. Слишком сильное, но в итоге безуспешное насилие над природой человека, которую социалисты пытались изменить, – вот что привело к гибели самый большой в истории социалистический эксперимент. «Низы» все это время выживали как могли, пока «верхи» строили «новый мир», силой подавляя неприятие снизу этих нововведений или попустительствуя отходу от социалистических идеалов «на местах» в силу невозможности тотального контроля над всеми. Но когда и в верхах произошли перемены, уже ничего не могло помешать отмене социализма и выходу на сцену естественной национально-религи-

озной идентичности, которую так старательно пытались стереть большевики. Как писал Арчи Браун в книге «Взлет и падение коммунизма», Горбачев «постепенно, шаг за шагом расставался с фундаментальными принципами ленинизма. В 1987 г. он отказался от демократического централизма в пользу того, что он называл “демократическим плюрализмом”. Позднее, в начале 1990 г., он подтвердил свою приверженность идее “демократического плюрализма”, но согласился с необходимостью подкрепить его системой сдержек и противовесов при главенстве закона. Политические взгляды Горбачева эволюционировали и со временем стали практически неотличимы от идеологии западноевропейской социал-демократии. Еще оставаясь Генеральным секретарем ЦК КПСС, он в кругу своих помощников говорил о своей близости к социал-демократам» [36, с. 819]. Современная социал-демократия, как известно, это своеобразный, умеренный, респектабельный «социализм», не отрицающий европейское национальное государство с многопартийным парламентом и совсем не стремящийся к радикальному преобразованию общества для построения земного рая.

Часть 3

Мировой социализм в XX–XXI веках

Победное шествие социалистических движений в XX столетии не ограничилось одной только Россией. Напротив, социалистическая модель общественно-экономических отношений стала после Второй мировой войны реальной, как многие думали в эпоху холодной войны, альтернативой либеральной демократии и смешанной экономике. Во многих странах Азии, Африки и Америки к власти пришли движения, схожие с большевиками по методам и целям: маоисты в Китае, чучхе в Северной Корее, коммунисты Вьетнама, кубинские революционеры. В Камбодже к власти пришли крайне радикальные социалисты – т. н. красные кхмеры, совмещавшие в своей идеологии нацизм и вульгарный коммунизм, имеющий мало общего с учением Маркса-Энгельса (хотя портреты этих мастодонтов висели повсюду в Камбодже). Социалисты в Азии и Африке идейно питали т. н. национально-освободительные движения, направленные против колониальных европейских империй. Однако далеко не все эти движения идеологически исповедовали марксистский или утопический социализм. Например, в Индии, после получения в 1947 г. независимости, у власти оказался Ин-

дийский национальный конгресс с премьер-министром Джавахарлалом Неру во главе – в экономике это движение подерживало социалистические методы планирования, хотя не стремилось стереть с лица земли частную собственность и уж тем более традиционную культуру. Примерно такой же «умеренный» подход стал официальной политикой в Китае после смерти в 1976 г. горячего сторонника Маркса и Сталина председателя Компартии Китая Мао Цзэдуна. Как только Компартию Китая фактически возглавил Дэн Сяопин, в стране начались либерализация экономики, сближение с США и Европой и интеграция в мировую глобальную экономику²⁵.

В странах Восточной Европы, после освобождения советскими войсками их территорий от национал-социалистов, к власти также пришли социалистические партии, не преминувшие установить свою монополию на власть, как это было сделано в СССР. Несмотря на то что эти партии имели индигенный, даже национальный, характер, они все являлись узурпаторами в той или иной степени, которые проводили репрессии в отношении инакомыслия, отъем частной собственности у владельцев, борьбу с религией и политику государственного планирования производства и распределения благ. Подобная политика вызывала серьезное недовольство

---

²⁵ Это не помешало впоследствии несколько свернуть с данного пути при Си Цзиньпине, который возобновил активные гонения на религию и ослабил темпы экономических реформ.

населения, ведущее к банкротству социализма в этих странах, который какое-то время ассоциировался с победой над нацистскими оккупантами. В 1956 г. произошли восстания в Венгрии и Польше, в 1968 г. – в Чехословакии. Они были жестоко подавлены как местными вооруженными силами, так и советскими войсками.

В 1949 г. Югославия под властью Иосипа Броз Тито разорвала отношения с СССР и впоследствии пошла своим путем построения социализма, не исключавшего полностью ни частного предпринимательства, ни торговли с Западом. Примерно такой же политики более-менее придерживались, но в составе Советского блока, Польша, Чехословакия и особенно Венгрия. Таким образом, режимы этих стран были относительно советского мягкими, чего не скажешь об Албании, где ярый сталинист Энвер Ходжа решил копировать сталинские методы управления как экономикой, так и культурой, даже официально объявив страну атеистической.

Чтобы понять разницу между восточноевропейскими странами и СССР, рассмотрим вкратце перипетии социалистического эксперимента в Венгрии. Несмотря на то что венгерские коммунисты и социал-демократы проиграли на свободных выборах ноября 1945 г., все ключевые посты и половина мест в правительстве были отданы именно им в силу того, что Венгрия попала под сферу влияния СССР. В 1947 г. коммунисты фактически устроили переворот, аре-

ствовали всех независимых политиков, а в 1949 г. де-факто в стране установился коммунистический режим со всеми вытекающими последствиями: репрессиями против оппозиции и Церкви, коллективизацией, национализацией. В 1952 г. к власти ненадолго пришел откровенный сталинист Матياس Ракоши, но уже в следующем году он был смещен Имре Надем. Ситуация в экономике была критической – сталинисты буквально разорили страну. Политические перемены в Венгрии проходили зеркально событиям в СССР, где в 1953 г. умер Сталин, а ключевые позиции заняла фракция Георгия Маленкова – наиболее либерального советского политика того времени. Имре Надь также был сторонником либерализации как в политике, так и в экономике. Он прекратил масштабные бессмысленные стройки в духе сталинской индустриализации и взял ориентир на восстановление легкой промышленности, что было куда актуальнее для разоренной страны и бедного венгерского населения. Однако вслед за смещением Маленкова был смещен и Имре Надь – в 1955 г. его отстранили от управления страной. Возобновился сталинистский курс, что вызвало массовые недовольства в стране – сопротивление привело к кровавому восстанию 1956 г., подавленному советской армией. Начался период репрессий (причем страну возглавлял Янош Кадар, который впоследствии возобновит либерализацию Надя), страну покинуло 200 тыс. человек (серьезный ущерб экономическому потенциалу).

Однако в 1960-е гг. наступили перемены, проведены амнистии. Граждане Венгрии могли выезжать в капстраны, о чем не могли мечтать советские граждане. В 1964 г., после декабрьского пленума Венгерской соцпартии, были созданы комиссии, которые должны были проанализировать ситуацию в экономике и предложить решения. В 1965 г. концепция, отцом которой считается Режё Ньерш, была готова, а в 1966 г. принято решение о ее реализации. Опять же венгерская работа над программой реформ совпала по времени с советской косыгинской реформой. Благодаря разрешенной частной собственности и относительно открытым границам Венгрии большую часть своей социалистической истории не приходилось сталкиваться с дефицитом, который стал частью повседневной жизни граждан СССР. Реформы Кадара-Ньерша 1960-х гг. оставили в прошлом тотальный Госплан, предоставили предприятиям самостоятельность и возможность конкурировать (разумеется, в известных пределах). В 1967 г. была введена кооперативная и единоличная (в виде приусадебных участков) собственность на землю; проведена реформа цен, в ходе которой 50 % товаров могли продаваться по рыночным ценам, либо колебаться в определенных пределах, а товары первой необходимости, ЖКХ, топливо и транспорт сохраняли жесткое ценовое регулирование. Разумеется, не все шло гладко, поскольку реформаторы действовали в условиях тяжелейшего давления Москвы и постоянной необходимости оправдываться и теоретиче-

ски совмещать откровенно про-рыночные внутриэкономические шаги с социалистической теорией. В значительной степени по реформам ударили кровавые события в Чехословакии в 1968 г. Казалось бы, вот же оно, решение – проводи либеральные реформы и называй свой режим социализмом, рыночным социализмом, коммунизмом – чем угодно, только не мешай жить людям. Но последовательные социалисты, по всей видимости, так не умеют – Ньершу пришлось оставить пост в 1972 г., а предложение Венгрии ввести либеральные методы в экономике во всех соцстранах отклонили – пришлось оправдываться, что Венгрия верна социализму и не пытается посягнуть на единственно верное учение: *«В связи с событиями в Чехословакии в 1968–1969 гг. сторонники реформ вынуждены были доказывать, что реформа хозяйственного механизма не нарушает принципов социализма, что она затрагивает только механизм управления и планирования, но не социалистические производственные отношения. Они обращали внимание на то, что социализм – это общество товарного производства и что оно не может произвольно ограничивать действие закона стоимости. Сторонники реформ отвергали теорию двух рынков – социалистического и капиталистического»* [123, с. 509].

Само собой, венгерская система была донельзя половинчатой. Венгерские социалисты отступали от принципов своей доктрины, точно так же как в свое время Ленину пришлось перейти к нэпу. То есть речь не идет о том, что в

некоторых странах Восточной Европы удалось хотя бы в экономике построить «социализм с человеческим лицом» – это было столкновение утопии с реальностью, в котором нашлись люди с относительно большим здравым смыслом. Это был отход от социализма, который нравился далеко не всем. Например, в 1972–1978 гг. в Венгрии на время снова пытались вернуться к полноценным социалистическим принципам в экономике. Такие же «качели» происходили в Польше, Румынии и даже в самом СССР, где относительная либерализация косыгинских реформ натолкнулась на ожесточенное сопротивление марксистских «ортодоксов». И так же, как СССР, социалистические режимы в Восточной Европе и в ГДР рухнули в конце 1980-х, даже не успев развернуться во всей полноте, как в России в 1920-1930-е.

Само собой, дошел социалистический опыт и до Латинской Америки. Самый известный пример – это Куба, однако не менее интересен здесь опыт Мексики, где социалисты пришли к власти еще в 1920-е гг. усилиями Альваро Обрегона и Элиаса Кальеса. Кальес основал Национально-революционную партию (НРП), правившую страной более 70 лет и проводившую типично социалистическую политику борьбы с религией, частной собственностью, установлением «рационального» государственного производства и распределения благ. Антирелигиозная политика Кальеса даже привела к гражданской войне – т. н. восстанию Кристерос, в ходе и вследствие которого погибло свыше 100 тыс. человек.

При этом преследования Церкви продолжались до 1940 г. при преемниках Кальеса. Тем не менее, как и многие другие социалистические партии во второй половине XX в., вошедшие в фазу своего идеологического банкротства, НРП была вынуждена перейти к либерализации экономики и общественной жизни, а с 1994 г. потеряла монопольную власть над страной.

На Кубе социалисты пришли к власти после победы в многолетней партизанской войне против режима Батисты, названной громогласным словом «революция» 1959 г., и в результате прихода к власти Фиделя Кастро и Эрнесто Че Гевары. Изначально Кастро не был коммунистом, но его взгляды сильно «левели» под влиянием Че Гевары, ответственного за репрессии против инакомыслящих и убитого в Боливии в ходе повстанческой борьбы с властями в 1967 г. Только в 1965 г. воссозданная Коммунистическая партия Кубы стала правящей (и единственной) партией в стране – и таковой является по сей день. Но определенное время свершившаяся революция, свергнувшая довольно коррумпированный режим Фульхенсио Батисты, воспринималась даже как национально-ориентированная, поэтому пользовалась поддержкой в том числе Католической церкви. Но постепенно изменения во взглядах Кастро и нараставшее засилье коммунистов поменяли ход событий на уже нам знакомый. На Кубе началась борьба с частной собственностью и Церковью (не особенно, кстати, авторитетной и популярной среди ку-

бинцев). Были национализированы все частные предприятия и земля. Опасаясь политических репрессий, тысячи кубинцев покинули страну и переехали в США. Тысячи людей были репрессированы и посажены в лагеря, в том числе, по некоторым данным, около 3500 священнослужителей [84]. И социалистический курс в стране держится даже в наше время, когда давно ушли в мир иной СССР и режимы в странах Варшавского пакта, – поэтому население Кубы, при огромном туристическом, промышленном и сельскохозяйственном потенциале, является одним из самых бедных в мире. И что интересно, современные кубинские социалисты проводят «прогрессивную» политику в отношении семейных отношений и сексуальности: в 2008 г. было закреплено право на смену пола, а в 2018 г. ставился вопрос о легализации однополых браков. Наиболее активной в этом отношении является дочь Рауля Кастро Мариэла Кастро – глава Кубинского центра сексуального просвещения и депутат Национальной ассамблеи.

Самой современной социалистической страной Латинской Америки (а может, и всего мира) является Венесуэла. Социалисты там пришли к власти в результате т. н. Боливарианской революции – победы на выборах 1998 г. левого популиста Уго Чавеса и дальнейшего перехода страны к курсу на социализм (называемый также «Социализм XXI века» и «боливарианство»). Спецификой Венесуэлы является то, что формально там не установилось монопольной власти одной

партии, хотя де-факто режим Уго Чавеса и его преемника Николаса Мадуро удерживается за счет введенной в 1999 г. новой конституции, дающей президенту широкие полномочия, а также за счет подавления оппозиционных СМИ и силового воздействия на оппозицию. При этом в стране уже 20 лет не прекращаются широкомасштабные протесты против режима. В 2000-е гг. Уго Чавес национализировал ключевые (сырьевые) предприятия страны, что позволило ему провести ряд широкомасштабных популистских социальных реформ, особенно в сфере повышения грамотности среди индейцев. С 2002 по 2015 г. было экспроприровано около 1300 компаний (600 из них пришли в полный упадок) [320]. Инвестиции в страну на фоне кризиса института частной собственности практически прекратились. Высокие цены на нефть позволяли поддерживать огромные социальные расходы, но после их снижения, начиная с 2013 г., страна находится в тяжелейшем экономическом и даже гуманитарном кризисе, а инфляция в 2018 г. составила 1700000 %. Социалистическая политика Чавеса-Мадуро заключалась также во всеобщей поддержке коллективных хозяйств, был введен контроль над ценами, что привело к дефициту даже самых основных продуктов питания, опустению полок в магазинах и бегству населения в соседнюю Колумбию.

Само собой, для формально католической Венесуэлы правление Чавеса неизбежно привело к определенным переменам в семейной политике, отношении к браку и отноше-

ниям государства и церкви. Конституция 1999 г. признаёт равнозначными официальный брак и стабильное сожительство. Не прекращаются попытки ввести однополые браки, поддерживаемые как Чавесом, так и его преемником Мадуро, а также Национальным собранием, однако эти попытки постоянно сталкиваются с протестом населения [109], что для левопопулистского режима Венесуэлы представляет определенную проблему. Однако благожелательное отношение к этому вопросу у лидеров Боливарианской республики неизменно. Так же как и конфликт с Католической церковью, в котором отражается в том числе отношение к браку. Так, с 2006 г. в стране действует т. н. Реформированная католическая церковь Венесуэлы, поддерживаемая самим Уго Чавесом и финансируемая за счет государственной нефтяной компании, признающая разводы и не считающая гомосексуальность грехом. Чавес личным примером показывал свои социалистические убеждения: открыто встречался с несколькими женщинами и неоднократно разводился. Тем не менее из-за того, что режим Чавеса-Мадуро не отличается стабильностью и не смог подавить оппозицию в стране, а с 2019 г. Венесуэла находится в глубоком политическом кризисе с двоевластием, «боливарианский социализм» оказался не в состоянии провести репрессии в отношении Церкви и подавить институт частной собственности полностью – благодаря непрекращающемуся кризису государство даже вынуждено отходить от прежней политики национали-

зации ключевых секторов экономики и переходить к передаче предприятий в своеобразную аренду бизнесу.

Описывать сложный путь становления социализма во всех вышеперечисленных и иных странах не является целью данной части книги. Тем более что этих социалистических режимов в основном более не существует. В третьей, заключительной, части мы, во-первых, познакомимся с обобщающим опытом построения социализма в XX–XXI столетиях, когда социалисты разных направлений смогли прийти к власти в большом количестве стран. Во-вторых, мы разберемся с дальнейшим развитием социалистического учения, которое еще до распада СССР перестало зависеть от Москвы и пошло новым теоретическим путем – не через экономику, а через философию и культуру. Социализм как учение в XXI столетии перешагнул через опыт построения социализма в рамках общины и государства, и теперь это движение, которое претендует на построение нового мира через умы людей в условиях неизбежной политико-экономической глобализации.

Национал-социализм

Мы подошли к наиболее спорной главе этой книги, открывающей третью часть, которая наверняка вызовет возражения у некоторых читателей – с сожалением я осознаю это. Однако без этой главы и раскрытой в ней темы данная работа ни в коем случае не могла бы считаться полной. Речь в ней пойдет о немецком национал-социализме – течении, которое заметно отходит от «научного» и утопического социализма по многим вопросам, но, как я считаю, по своей сущности все же социалистическом учении. Из всех когда-либо существовавших направлений социализма это худшее из всех, поскольку непосредственно привело к гибели десятков миллионов людей во всей Европе, возвело ненависть и насилие на принципиально новый уровень.

Идейные истоки национал-социализма разнообразны, и, конечно же, не Адольф Гитлер его придумал. Некорректно считать, что национал-социализм – исключительно немецкий феномен, так как в том или ином виде схожие идеи присутствовали и в Англии, и во Франции, и даже среди европейских сионистов. Практика организованного насилия немецких национал-социалистов в отношении этнических меньшинств ранее была реализована в Турции младотурками, устроившими геноцид армян и греков, а позже – в Камбодже красными кхмерами против вьетнамцев и китайцев.

Доктрина чистоты крови известна у многих народов: например, у пуштунов в соответствии с их кодексом «пуштунвали» смешение крови недопустимо. Как мы выясним далее, экономические взгляды у национал-социалистов в 1920-е гг. находились под влиянием марксистской риторики, а до 1934 г. в составе НСДАП существовало боевое крыло «революционных национал-социалистов».

Для идейных предшественников национал-социализма были характерны такие черты, как презрение к капитализму, антисемитизм (евреи идентифицировались с капиталистами) и романтизация крестьянской жизни, скептическое отношение к урбанизации. Эти идеи встречаются в работах Пауля де Лагарда (годы жизни – 1827–1891) и Юлиуса Лангбена (годы жизни – 1851–1907), однако не в том радикальном виде, который они приобретут у идеолога НСДАП Альфреда Розенберга (годы жизни – 1893–1946). Де Лагард мечтал преодолеть конфессиональную раздробленность Германии путем создания новой, германской национальной Церкви, которая заменила бы традиционное католичество и лютеранство. Евреев де Лагард считал «тяжелым несчастьем» для Европы, единственный способ преодолеть которое заключалось либо в их эмиграции, либо в полной ассимиляции. Идеи Лангбена, изложенные им в книге «Рембрандт как воспитатель», были очень похожи на русский социализм XIX в., с его восхвалением крестьянской жизни и презрением перед урбанизацией. Юлиус критиковал современную ему буржу-

азную Германию и парламентаризм, надеясь на появление лидера из народной массы, – невероятно, но его ожидания оказались пророческими.

Значимой фигурой в истории национал-социализма был англичанин Хьюстон Стюарт Чемберлен (годы жизни – 1855–1927), который выдвинул следующие идеи:

1. Причина падения цивилизаций – смешение крови, деструктивно влияющее на народы.

2. Носители мировой истории, источник духовного и политического величия Европы – это германцы, наследники древних арийцев.

3. Противопоставление духовного (германского) материальному (еврейству).

Гитлер лично посещал Чемберлена в 1923 г., и тот положительно отозвался о молодом политике, написав ему, что *«то, что в час глубочайшей необходимости Германия способна породить таких, как Гитлер, доказывает ее жизнеспособность»* [16]. В 1927 г. Гитлер лично будет присутствовать на похоронах Чемберлена.

За всеми этими идеями антикапитализма, антихристианства и расизма стояла вера в прогресс. Вершиной человеческой общности у национал-социалистов был народ, объединенный кровью, а взаимоотношения народов рассматривались в категориях борьбы. При этом, как и положено социалистическому учению, национал-социализм стремился к «преодолению» старого для создания нового, «лучшего» ми-

ра на земле. Как писала доктор исторических наук Людмила Бровко в работе «Христианство и национал-социализм: мировоззренческий излом», Альфред Розенберг полагал, что с национал-социализмом рождается новая вера, основанная на мифе крови, с помощью которой можно будет заменить и преодолеть «старые ценности». Новые ценности были призваны создать нового человека, а христианской Церкви с ее «старыми ценностями» космополитизма и неприятием расизма не было места в нацистском будущем, поэтому, как считал Розенберг, нужно было заменить христианство «новым язычеством» [38].

* * *

Многие уже привыкли, что национал-социалистов и Адольфа Гитлера относят к ультраправому политическому течению. Марксисты даже классифицируют немецкий нацизм как последнюю стадию развития европейского капитализма и всячески подчеркивают связи нацистов с некоторыми крупными промышленниками, вроде семьи Крупп. На самом деле, серьезных оснований для этого очень мало, если под условно правым политическим спектром и капитализмом мы понимаем такие основополагающие ценности, как свободный рынок, примат частной собственности, ограниченное государство, представительная власть, независимые суды и т. д. Для национал-социалистов все эти вещи были не

только малозначимы, но даже враждебны.

Есть основания политического и идеологического характера, которые мешают объективной классификации национал-социализма. После войны влиятельные европейские социалисты фактически пролоббировали внесение Гитлера и его режима в лагерь «правых», потому что в противном случае сама социалистическая доктрина во всем ее многообразии вырисовывалась бы в послевоенной Европе исключительно в мрачных красках. В этом деле им помогала абстрактность дихотомии «левый-правый» и ее различное понимание в России, Европе и США.

Какое-то время западные страны не вполне понимали, что происходит в СССР с правами человека. Западные интеллектуалы искренне полагали, что Сталин строит передовое общество и экономическую систему, более совершенную, чем западная либеральная демократия. О голоде, антикулацкой кампании 1930-х, процессах над оппозицией, Большом терроре 1937–1938 гг. и целой сети лагерей и спецпоселений под руководством ГУЛАГа лишь догадывались либо эту тему старались замалчивать. Природа сталинского режима более-менее вырисовалась только к концу 1930-х гг., когда он репрессировал значительную часть Коминтерна и Министерства иностранных дел. Тогда пострадали многие левые активисты, ранее доверявшие СССР. Однако нацистский режим был куда более реальным и несравнимо более чудовищным, и долгое время данный факт не позволял оценить си-

туацию в Советском Союзе критически. Режим, построенный Гитлером, был настолько антигуманен, что происходящее в России на его фоне могло показаться совсем незначительными репрессиями. Сложностей добавляло то, что Третий рейх был побежден коалицией стран, куда входили как демократические страны Запада, так и коммунистический СССР. Только после смерти Сталина в 1953 г., в Стране Советов началась кампания десталинизации, а ГУЛАГ был постепенно расформирован; также началась программа реабилитации жертв сталинских чисток. Левые в западных странах не могли не заметить некоторых сходств сталинизма с канувшим в Лету «тысячелетним» рейхом. Не могли этого не заметить и их политические конкуренты. Для социалистов в демократических странах это стало настоящей дилеммой, которую они решили очень изобретательно, введя известную поныне формулу: «Если ты не за Сталина – то ты за Гитлера» или «Если ты против Сталина – то ты нацист».

Признать национал-социализм одной из разновидностей социалистического учения демократические социалисты Франции, Англии и США просто не могли, особенно учитывая советский опыт. В то же время левые старались замолчать нелюбезные факты и о своем прошлом. Эти события подробно передает Пол Готфрид в книге «Странная смерть марксизма»:

«Сторонники Советов с готовностью забывали о том, как итальянские и французские коммунисты служили на-

цистам с конца 1939 года до весны 1941 года... предпочитали не помнить о предательстве Мориса Тореза, впоследствии главы “антифашистской” Коммунистической партии Франции, который, дезертировав из французской армии, предложил свою помощь гитлеровцам после падения Франции 26 июня 1940 года, и старались ничего не знать о массовых казнях “классовых врагов” в Советском Союзе. Сомнительно, что в 1945 году просоветски настроенные европейцы знали о советском ГУЛАГе меньше, чем о нацистских концентрационных лагерях, хотя левая французская пресса, включая *Le Monde*, набрасывалась (как и в наши дни) на всякого, кто упоминал об этом факте, с обвинениями в нежелании бороться с фашистской угрозой. Если бывший итальянский коммунист Лючио Коллетта прав в том, что “существовала ложь, именованная Советским Союзом”, то множество его соотечественников, в том числе и не являвшихся членами компартии, охотно ее заглатывали. Столь же важным для коммунистических интеллектуалов был взгляд на партию как на связующее звено между ними и движением сопротивления фашизму в период Второй мировой войны. Хотя роль коммунистов в этой борьбе была по меньшей мере двусмысленной, к концу войны они сумели представить себя в качестве наиболее последовательных и отважных *resistants*... (Их утверждение, что во Франции семьдесят тысяч коммунистов были расстреляны немцами, так и осталось недоказанным.) Но и достижения в борьбе с

врагом послевоенных восхвалителей Сопротивления, ставших коммунистами, тоже были сомнительны. Так, участие Сартра и Бовуар в Сопротивлении ограничивалось участием в коммунистических антифашистских ритуалах и в наклеивании ярлыков “коллорационист” на своих личных врагов. То, что они действительно делали в период немецкой оккупации, значило куда меньше, чем то, как они преподносили свое сопротивление, а также чем те права, которые из этого проистекали. Иллюстрацией этого ритуала переоценки прошлого могут служить протесты и наведение ярлыков, в которых активно участвовали Сартр и другие сторонники партии, когда некоторые участники Сопротивления, которых занесло в Россию, стали утверждать, что Сталин бросает людей в концентрационные лагеря, ничем не отличающиеся от нацистских²⁶. Среди нефранцузов, публично засвидетельствовавших эту практику, были невозвращенец Виктор Кравченко, советский инженер и хозяйственник, и бывшая коммунистка Маргарет Бубер-Нойман, которая, спасаясь от нацистов, бежала с мужем в Россию, где ее муж был расстрелян, а сама она угодила в лагерь. Приверженцы коммунистической версии Сопротивления спешили заклеить каждого, кто заговаривал о советских лагерях, как патологического лжеца, агента американ-

---

²⁶ Это не совсем правда. В СССР никогда не было «лагерей смерти», которые имелись у нацистов. Большая часть смертей в советских лагерях была вызвана жестокостью на местах, неподготовленностью мест заключения к приему большого количества людей, тяжелыми климатическими условиями и голодом.

ского капитализма и “арьергард нацистского врага”. Когда в 1947 году появилась во французском переводе автобиография Кравченко “Я выбираю свободу”, для французских коммунистов и их *compagnons de route* одной из задач в борьбе с нацизмом стало то, чтобы эта книга не попала в библиотеки. *Lettres Françaises* и *L’Humanite* сообщали своим читателям, что Кравченко и его злонамеренные сторонники хотят затопить своих соотечественников потоком “нацистской пропаганды”» [81, с. 57–59].

Таким образом, любая послевоенная критика в адрес сталинского СССР могла блокироваться формулой «Если не Сталин – то Гитлер», а самого Гитлера марксисты превратили в представителя интересов банковских и промышленных элит Германии, т. е. выразителем воли крупного монополистического капитала. Вторая мировая война тем самым стала империалистической войной, в которой победу над нацизмом одержал социализм. В наше время социалисты также считают Третий рейх капиталистическим режимом, а Гитлера – капиталистом. Это представление как нельзя кстати отлично ложится в общую канву марксистского пророчества о монополизации капитала и последующей «национализации» капиталистов капиталистическим монополистическим государством.

Однако это никак не отменяет того факта, что такая классификация не имеет отношения к объективной реальности. Во многом эта риторика даже оскорбительна для миллионов

людей, сражавшихся против нацизма ради мира, своих близких и освобождения своей родины, а не ради идеологий. И для сторонников экономической свободы и рыночной экономики отнесение к ним Гитлера и его режима глубоко оскорбительно, под каким бы мотивационным соусом это не подавалось. В самом деле, ничего из того, что имеет ценность для рыночников и сторонников ограниченного государства (минархистов), не было в Третьем рейхе. Как государство, которое видело в рыночном либерализме своего врага, «еврейский заговор», угрозу самой немецкой нации, могло вести прорыночную политику? Как государство, которое изьяло собственность у 500 тыс. граждан Германии еврейского происхождения, не считая оппозиционно настроенных к Гитлеру немцев, может считаться защитником частной собственности? Любой более-менее образованный человек знаком с основными столпами рыночной экономики: это и справедливые суды, и консервативная фискальная и денежная политика государства, и развитое местное самоуправление, и многое другое. К безумию нацистов, мечтавших о новом язычестве, жизненном пространстве и уничтожении других народов, это не имеет никакого отношения.

Есть и другие важные детали. Гитлеровский режим существовал всего 12 лет. Из них 6 он готовился к большой войне и 6 – воевал. После поражения в Первой мировой войне Германия была сильно ограничена в вооружениях, что привело к ее серьезному отставанию в сравнении с соседями.

ми к 1930 г. Нацисты построили все социально-экономические отношения в обществе таким образом, чтобы преодолеть это отставание в вооружениях как можно быстрее. Для этого они собрали ключевые отрасли под власть специализированных ведомств, управляемых чиновниками, дав промышленникам гарантированную прибыль при ограничении их возможностей как собственников. Упор был сделан на вермахт²⁷, люфтваффе и кригсмарине, а ресурсы и валюта для производства и военных, и потребительских товаров были очень ограничены. Следовательно, гражданские отрасли были сильно урезаны в пользу военных. Например, текстильная отрасль и кожевенное производство на потребительский рынок не имели полноценного доступа к коже и тканям, потому что это сырье было необходимо армии. Благодаря централизованной государственной политике безработица снизилась до рекордного минимума, но население во многом себе отказывало. Экономика Третьего рейха была мобилизационной, милитаризованной, подготовительной. И пусть в будущем, уже в конце войны, Гитлер обещал немцам совершенно другую жизнь, где не придется затягивать пояс потуже каждый день и где будет частная собственность, факт остается фактом: все 12 лет своего существования Третий рейх не был рыночным государством и легко шел на нарушение прав собственности без всяких компенсаций пострада-

---

²⁷ Люфтваффе – военно-воздушные силы Третьего рейха; кригсмарине – военно-морские силы.

давшим.

Это легко доказать. основополагающим свойством рыночной экономики является рыночное ценообразование, основанное на субъективных предпочтениях миллионов потребителей и реагирующих на эти предпочтения производителей. Ничего подобного в Третьем рейхе не было. На всем протяжении своего кратковременного существования нацисты все больше и глубже влезали в вопросы ценообразования. Уже в мае 1934 г. «Предписание против регулирования цен» запрещало повышение цен на потребительские товары. Вводился запрет для ремесленных корпораций договариваться о минимальных ценах самостоятельно, без разрешения государства. В августе этого же года предписание было распространено вообще на все промышленные и ремесленные услуги и товары. К концу 1935 г. государство контролировало цены через специально созданного рейхскомиссара по контролю за ценами в рамках Министерства экономики. В 1936 г. цены вообще были заморожены на уровне 18 октября 1935 г., а в декабре было опубликовано «Второе предписание о запрете на повышение цен», запрещавшее, как видно из самого названия, повышение цен на все товары и услуги. Нарушителям грозили штраф, тюрьма и/или конфискация прибыли и закрытие предприятия. Неудивительно, что к началу мировой войны в стране ощущался дефицит потребительских товаров, а многие мелкие предприятия просто разорились. В июле 1939 г. это же министерство уже

обладало властью создавать принудительные картели, надзирать за этими картелями, издавать регулирующие деятельность членов картелей правила. Сами картели контролировали инвестиции в своих секторах и преследовали независимых игроков, удерживавших конкурентные цены на свою продукцию (которые, разумеется, именовались «несправедливыми», «вредными для благосостояния нации»). За соблюдением справедливости зорко наблюдал и Германский трудовой фронт (DAF), чьей целью было объявлено вести *«борьбу за права рабочих, против капитализма, либерализма, революции и поддерживать национал-социалистическое государство»*.

Еще более серьезно за ценообразование взялись в сельском хозяйстве. Почему-то многие забывают, что этот важный сектор экономики был фактически национализирован в Третьем рейхе и функционировал на плановых началах. В 1933 г. был создан Reichsnährstand (Имперское земельное сословие), под руководством Рихарда Вальтера Дарре и Герберта Бакке. *«Не будет большим преувеличением сказать, что создание этой организации и связанной с ней системы контроля над ценами и над производством положило конец свободному рынку сельскохозяйственной продукции в Германии. Сельское хозяйство и производство продовольствия, вплоть до середины XIX в. представлявшее собой важнейший сектор немецкой экономики и еще в 1930-е гг. обеспечивавшее весьма значительную часть нацио-*

нального продукта, были ограждены от влияния со стороны сил рынка. Как четко указывал Бакке еще до 1933 г., ключевую роль играл механизм установления цен. ИЗС использовало цены для того, чтобы контролировать объемы производства. Высокие цены стимулировали производителей. Относительное снижение цен способствовало направлению производственной активности в другие секторы. Но сами цены уже не определялись соотношением между спросом и предложением. Они устанавливались служащими ИЗС в централизованном порядке. Более того, с целью обеспечить максимальную эффективность производства ИЗС распространило свой контроль и надзор на все поля, амбары и коровники в стране. В противоположность закону об *Erbhöfe*, под действие которого подпадало меньшинство ферм, ИЗС не оставляло без своего внимания ни одного звена в продовольственной цепочке. Во всех 55 тыс. немецких деревнях ответственность за надзор над повседневной работой нес «местный крестьянский фюрер» (*Ortsbauernfuhrer*). Они подчинялись 500 «окружным крестьянским фюрерам» (*Kreisbauernfuhrer*), над которыми, в свою очередь, стояли 19 «земельных крестьянских фюреров» (*Landesbauernfuhrer*). Начиная от верхушки Рейха и заканчивая окружным уровнем, эта организация была разделена на три функциональных сектора, ответственных за общую идеологию, за сферу полевых работ и за рыночные вопросы. ИЗС, объединившее под своим крылом сельское хо-

зйство и пищевую промышленность, представляло собой поистине грандиозную организацию. Как похвалялся Дарре, ИЗС, осуществляя более-менее непосредственный контроль более чем над 25 % германского ВВП, являлось крупнейшей экономической единицей в мире, объем продаж которой превышал 30 млрд рейхсмарок. ИЗС контролировало не только 6 млн независимых производителей, но и более 40 % всей германской рабочей силы. Оно оказывало еще более непосредственное воздействие на немецкие домохозяйства, устанавливая те цены, по которым они покупали продукты и напитки, в среднем составлявшие почти 50 % семейного бюджета» [369, с. 254–257]. Интересно, что выращивание сельскохозяйственных культур было представлено как «битва за хлеб», как это было и в других социалистических странах.

За импортом и экспортом строго надзирал Рейхсбанк, поскольку все годы нацистского правления Германия испытывала серьезный дефицит валюты, которую предполагалось тратить не на потребителей, а на военное возрождение. Валюта выдавалась по квотам, приоритет всегда сохранялся за военными. В 1936 г. были конфискованы в пользу Рейхсбанка все зарубежные активы, золото и валюта, находящиеся в распоряжении немецких граждан, что дало в иностранной валюте 473 млн рейхсмарок [369, с. 287]. Это полностью соответствовало пожеланиям Гитлера, высказанным им в «Меморандуме о четырехлетнем плане» 1936 г.: «За этим (укрывательством иностранных активов. – А. С.) в некото-

рых случаях скрывается презренное желание на всякий случай иметь в своем распоряжении определенные зарубежные ресурсы, которые таким образом оказываются недоступны отечественной экономике. Я рассматриваю это как целенаправленный саботаж обороны Рейха и потому считаю необходимым, чтобы Рейхстаг принял два следующих закона: 1. Закон, предусматривающий смертную казнь за экономический саботаж, и 2. Закон, возлагающий на все еврейство ответственность за весь ущерб, причиненный германской экономике отдельными представителями этого сообщества преступников» [369, с. 296].

Достаточно крупные объемы валюты нацисты получили в качестве трофеев от оккупации Австрии. Австрийские совокупные объемы валюты и золота составляли 782 млн рейхсмарок, из них 345 млн принадлежало Австрийскому национальному банку [369, с. 326]. Все это отошло германцам в 1938 г., что было как нельзя кстати, ибо запасы конфискованных в 1936 г. накоплений граждан уже подходили к концу.

Другим способом получения валюты было т. н. «Соглашение Хаавара». В первые годы своего правления нацисты делали все возможное, чтобы заставить евреев эмигрировать из Германии. При этом большую часть имущества забирало государство (через «налог на эмиграцию»). Однако это соглашение было достаточно выгодным для немецких евреев (учитывая те обстоятельства, в которых они внезапно оказа-

лись). Договор представлял собой «сделку между властями Рейха и группой сионистских предприятий, базировавшихся на апельсиновой плантации Ханотеа в Натанье, на окраине Тель-Авива. В то время как британские власти подмандатной Палестины не пускали в страну иммигрантов, не располагавших достаточными финансовыми средствами, любому обладателю по крайней мере 1000 палестинских фунтов (1 палестинский фунт был равен 1 фунту стерлингов) был гарантирован свободный въезд по так называемой капиталистической визе. Смысл «Соглашения Хаавара» состоял в том, чтобы использовать данную лазейку. Согласно этому механизму, германские евреи в обмен на соответствующий взнос в берлинский фонд получали сертификат, удостоверяющий наличие у них палестинских фунтов в количестве, достаточном для получения заветной визы. В свою очередь, предприятия из Ханотеа использовали средства берлинского фонда для покупки германских товаров на экспорт в Палестину. После того как немецкие товары были проданы еврейским или арабским покупателям, эмигрантам возвращали их деньги в палестинских фунтах. По сути, это соглашение гарантировало, что каждая рейхсмарка, вывезенная германо-еврейскими эмигрантами, будет компенсирована соответствующим экспортным заказом. По мере того как Рейхсбанк все строже контролировал расходование своих валютных резервов, «Соглашение Хаавара», несмотря на незначительные размеры палестинской экономики, стано-

вилось одним из самых эффективных средств вывоза еврейского капитала из Германии. В целом этой схемой бегства из страны сумели воспользоваться 50 тысяч человек – каждый десятый из евреев, проживавших в Германии в 1933 г. С собой они вывезли 106 млн рейхсмарок, за которые получили ни много ни мало 5,5 млн палестинских фунтов. Таким образом, они переплатили сверх официального обменного курса (12,50 рейхсмарки за 1 палестинский фунт) всего 35 % – в то время как подавляющее большинство еврейских эмигрантов сумело взять с собой лишь ничтожную часть своих финансовых средств» [369, с. 134].

В 1937 г. было введено нормирование цветных металлов и стали, последнюю можно было теперь заказать только по квоте в соответствии с теми приоритетами, которые определяло Рейхсминистерство экономики. Разумеется, и здесь приоритет был у армии. Вооруженными силам доставалось 40 % всей выплавленной в стране стали к августу 1938 г.

Не обошлось без регулирования рынка труда. Как уже было замечено, нацисты смогли победить ужасающую безработицу в стране, но ценой почти исключительно милитаризации всей экономики. Когда с 1936 г. начался очередной этап «возрождения» Германии, ситуация характеризовалась увеличением военных расходов из года в год, и проблема была уже не в безработице, а в необходимости мобилизации рабочих рук на военное строительство. Поэтому в феврале 1937 г. вышел указ, запрещающий металлистам менять ра-

боту без разрешения. 22 июня 1938 г. вышел «Указ о выделении рабочей силы для решения задач особой государственной значимости». Он позволял государству переводить рабочих на новые места работы на любой срок и в любое время, в то время как бывшие работодатели обязаны были сохранять за этими несчастными их рабочие места. Всего за полтора года более 1,3 млн человек были использованы государством таким образом.

Отдельным абсурдом стало «Предписание об устранении перегруженности в розничной торговле» от 16 марта 1939 г. Оно гласило, что магазины могут быть закрыты в том случае, если их владелец не обладает личными или деловыми качествами, необходимыми для руководства розничным предприятием. Настоящей причиной был дефицит рабочей силы. Разорившихся лавочников и персонал мелких предприятий можно было отправить работать на военные предприятия, сооружение дорог и укреплений. Иными словами, нацисты умышленно разоряли собственных граждан для достижения тех целей, которые ставила перед обществом партия. В 1940 г. около миллиона немецких рабочих работали на условиях принудительного найма (*Dienstverpflichtung*) и не имели права на увольнение. Таким образом, еще в начале войны, наряду с сотнями тысяч полурабов из оккупированной Польши, все «прелести» национал-социалистического строя успели познать обычные немецкие граждане.

Следующий нюанс – показное положительное отношение нацистов к институту семьи и особенно к крестьянству. Для людей правых взглядов семья – это, безусловно, огромная основополагающая ценность. Но, в отличие от правых консерваторов и рыночников, которые видят в семье базовую горизонтальную самоорганизацию, самодостаточную в самой себе и противопоставляемую big government, нацисты рассматривали крепкую семью в контексте своей расовой теории, где базовая ячейка общества должна была обеспечить мощь коллективистского общества, дать государству солдат и новых матерей, которые будут рожать новых солдат. Blutgemeinschaft, т. е. кровная общность, должна была шириться за счет нового «жизненного пространства». Любовь к крестьянству обуславливалась присущим нацистам презрением к буржуа, их городской жизни и торговле – всё это якобы ослабляло дух нации. Тем более в городах было традиционно много евреев. С другой стороны, семья в целом хоть и служит в социализме онтологическим источником несправедливости и неравенства, но отношение к ней время от времени могло меняться и в государствах, в чьей «левизне» у нас никогда не возникало сомнений. Так, один из пунктов «Морального кодекса строителя коммунизма», изданного в 1961 г., называл одной из коммунистических добродетелей

«взаимное уважение в семье, заботу о воспитании детей». Но в обоих случаях речь шла о воспитании образцового члена нового общества, и родители обязаны были заботиться о том, чтобы привить ребенку «правильные» ценности.

С религией, важной для большинства «правых», отношения у нацистов также не заладились. Да, программа 1920 г. в 24-м пункте гласила: *«Мы требуем свободы всем религиозным вероисповеданиям в государстве до тех пор, пока они не представляют угрозы для него и не выступают против морали и чувств германской расы. Партия как таковая стоит на позициях позитивного христианства, но при этом не связана убеждениями, с какой-либо конфессией. Она борется с еврейско-материалистическим духом внутри и вне нас и убеждена, что германская нация может достигнуть постоянного оздоровления внутри себя только на принципах приоритета общих интересов над частными»* [85]. И хотя в 1933 г. Третий рейх и Римско-католическая церковь попытались урегулировать свои отношения конкордатом, уже с середины 1930-х гг. потребности нацистской программы перевоспитания натолкнулись на развитую самостоятельную сеть католических школ. С этих пор началась кампания против Католической церкви, заключавшаяся в закрытии школ и передаче их под крыло гитлерюгенда, а также ограничении католической печати. В 1937 г. папа Пий XI выпустил энциклику *Mit brennender Sorge*, в которой нацисты обвинялись в нарушении конкордата, а нацизм объявлен несовместимым

с католической верой. После чего в мае того же года Гитлер заговорил о «большом походе» против католичества. Далее процесс вошел в «горячую стадию», когда католические священники начали подвергаться откровенным репрессиям. 30 января 1939 г. Гитлер заявил, что не может быть жалости и сострадания преследуемым служителям Церкви, так как они выражают интересы врагов государства. К этому времени репрессии начались против немецкого клира, но особенно усилились после оккупации Польши в сентябре 1939 г. За все время оккупации этого государства нацисты убили 18 % ее духовенства (3000 человек). В концлагере Дахау было убито свыше 2600 католических священников из 24 стран [465]. В январе 1941 г. нацисты решили провести полномасштабную секуляризацию всех монастырей и социальных объектов под названием Klostersturm, однако, опасаясь недовольства значительной части населения во время войны, 30 июля того же года Гитлер отказался от этой затеи.

Учитывая масштабность репрессий против католиков и непримиримость католической догматики с нацизмом, можно предположить, что Третий рейх в случае своей победы мог полностью уничтожить весь клир Римско-католической церкви и миллионы простых католиков с целью полной «интеграции» христианства в свою официальную идеологию и структуры. Так частично произошло с лютеранской церковью еще в начале нацистского правления, когда в июле 1933 г. рейхстаг одобрил указ о создании новой имперской

церкви, которой стала «Евангелическая Церковь германской нации», призванная явить миру «германского Христа деи- удаизированной Церкви». Однако со стороны лютеран возникло мощное сопротивление после синода в Бармене в мае 1934 г., объявившего себя правомочной германской Евангелической Церковью под названием «Исповедующая Церковь», к которой присоединилось 7000 из 17000 пасторов страны [135, с. 743]. После этого акта открытого сопротивления нацисты начали репрессии и в отношении протестантов.

* * *

Гитлеровский режим был националистическим. Дает ли это основания для того, чтобы не считать нацистов несоциалистами? Чужд ли социализм национализму? Мне представляется, что несколько. Это «натягивание совы на глобус» – социализм вовсе не чужд национальной идее, ведь мы знаем массу примеров национально-освободительных движений после Второй мировой войны, поддерживаемых СССР и коммунистическим Китаем, где националистическая составляющая играла не последнюю роль. Социализм в развивающемся мире подавался через подъем национального самосознания африканских и азиатских народов, противопоставляемый европейским колониальным режимам, – и это очень похоже на противопоставление немецкой нации ли-

беральному миропорядку в нацистской парадигме. В самом СССР проводилась положительная дискриминация русского большинства в целях сформировать и укрепить национальные республики, созданные большевиками на территории России. Китай в своей внутренней политике, под управлением КПК, тоже может считаться вполне националистическим государством, навязывающим десяткам народов республики ханьскую идентичность. Национализм сам по себе не является идеологией, это скорее прикладная мобилизационная идея, которую можно выражать как через социализм «для своих», так и через классические либеральные принципы политического представительства и рыночной экономики (как в Европе XIX в.).

В этой связи интересно проследить эволюцию названия партии, которая стала известна миру как НСДАП. Из «Комитета свободных рабочих за достойный мир» Антон Дрекслер в 1919 г. создал Немецкую рабочую партию (ДАП). В том же году в эту партию вступил Гитлер. После оглашения программы «25 пунктов» в феврале 1920 г. название партии было дополнено словами «национал-социалистическая». Едва ли можно сказать, что свой жизненный путь нацисты начали как движение в защиту интересов крупного капитала, но левые пропагандисты предпочитают умалчивать об истоках нацизма. И это тоже следует рассмотреть подробнее.

У нас есть неопровержимые свидетельства того, что нацисты на раннем этапе своего существования, до получе-

ния власти, совершенно не стеснялись проявлять свои антикапиталистические взгляды. Одна из агитационных листовок 1920-х гласила: *«С неиссякаемым упорством агенты международного еврейского капитала и банкиры-ростовщики ведут Германию к катастрофе, чтобы потом отдать страну и экономику в руки международных финансовых трестов... вот почему наемники мирового финансового капитала дышат неукротимой злобой против нашей партии...»* [197, с. 212].

В официальной программе НСДАП «25 пунктов», впервые опубликованной в 1920 г., а в 1926 г. объявленной «незыблемой», предостаточно «левых» мотивов. Например, в пункте 12 встречаем такой оборот: *«...ввиду огромных человеческих жертв и имущественных убытков, требуемых от нации каждой войной, личное обогащение во время войны должно рассматриваться как преступление против нации. Мы требуем, следовательно, безжалостной конфискации военных прибылей»*. Насколько это требование впоследствии было реализовано на практике – дискуссионный вопрос, но из песни слов не выкинешь. В пункте 13 мы видим *«национализацию промышленных трестов»*, а в следующем требовании – *«участие рабочих и служащих в прибылях крупных коммерческих предприятий»*. Пункт 16 звучит так: *«Мы требуем создания здорового среднего сословия и его сохранения, немедленного изъятия из частной собственности крупных магазинов и сдачи их в наем по дешевым ценам мелким произ-*

водителям, самого строго учета за тем, чтобы мелкие производители получали бы общественную поддержку всюду – на государственном уровне, в землях ила общинах». В пункте 17 говорится о конфискации земли: «Мы требуем проведения земельной реформы в соответствии с интересами германской нации, принятия закона о безвозмездной конфискации земли для общественных нужд, аннулирования процентов по закладным, запрещение спекуляций землей» [85].

Все эти кажущиеся удивительными в контексте последующего развития событий пункты на самом деле закономерны. В НСДАП с самого начала существовало левое крыло, представленное т. н. штрасс-серистами. Их лидер Грегор Штрассер был фактически вторым после Гитлера человеком в партии, верным соратником во время «пивного путча» 1923 г. Об этом социалисты предпочитают не вспоминать, но именно широкомасштабная агитация Штрассера среди рабочего класса привела к тому, что число членов нацистской партии увеличилось с 27 тыс. до 800 тыс. человек [438]. В 1925 г. он произнес в рейхстаге следующую речь: «Мы, национал-социалисты, желаем экономической революции, включающей в себя национализацию экономики. Вместо капиталистической системы эксплуатации мы хотим создать настоящий социализм, вдохновленный не бездушным взглядом с позиции еврейского материализма, но идеалистическим, самоотверженным и бескорыстным исконно германским коллективным духом и общим делом. Мы хотим социальной рево-

люции, чтобы затем принести национальную революцию» [439]. В то же время он много ездил по Германии, открывал новые отделения партии, назначал гауляйтеров и выступал перед массами. Несмотря на то что в результате внутривнутрипартийной борьбы Штрассер был убит в «ночь длинных ножей», невозможно стереть из истории тот факт, что человек, в чьих социалистических убеждениях сомневаться не приходится, внес огромную роль в победу нацистов на выборах 1933 г.

В определенный момент прагматизм Гитлера стал сильнее идеологии, и он понял, что «отнять всё у промышленников и поделить» будет не самым эффективным способом привести в жизнь давно задуманный план полномасштабной милитаризации Германии. Таким образом, к 1930 г., еще не придя к власти, имея за спиной миллионы сторонников, но нуждаясь в поддержке людей из элит, Гитлер отошел от радикальной левой повестки «25 пунктов» чисто из прагматических соображений, когда, уже вознесенный рабочими, чиновниками и особенно отставными военными, мечтающими о реванше, на вершины политического Олимпа, он должен был убедить «крупную буржуазию», что защитит ее от классовой борьбы в обмен на молчаливое участие в возрождении Германии. *«Пока капиталисты подчиняли свое авторитарное производство целям нацизма, Гитлер разрешал им стричь дивиденды. Но если начинали сопротивляться – он их уничтожал. Капитализм как частная собственность его не интересовал – интересовал капитализм как дисциплиниро-*

ванная авторитарная система производства» [197, с. 270]. Такой прагматизм в виде временного отхода от наиболее воинственных и спорных статей программы не был чужд и многим другим социалистическим лидерам – например, Владимиру Ленину.

Как уже говорилось ранее, социалисты представляют историю нацистской партии и восхождения Гитлера так, словно весь его путь был закидан лепестками роз, кои с обеих сторон ему щедро выбрасывали из корзин немецкие капиталисты, крупные промышленники и банкиры. Выдающийся американско-британский социолог, специалист по исторической макросоциологии, автор знаменитого четырехтомника «Источники социальной власти» Майкл Манн показал ложность такого представления в своем труде «Фашисты».

Манн, изучая, какие социальные слои более всего симпатизировали нацистам, пишет: *«Германия отличалась от Италии, где в фашистском полуперевороте участвовал почти весь правящий класс. У немецких элит было много колебаний. В сущности, в отношении элит к нацизму отражалось отношение народа в целом. Менее всего поддерживали нацизм силы, причастные к современному капиталистическому развитию. Крупные промышленные и финансовые воротилы не сопротивлялись Гитлеру, но и не спешили ему помогать. Главную поддержку нацистам оказали ошметки старого порядка, стоящие в стороне от актуальной классовой борьбы» [197, с. 294]. И действительно, «сре-*

ди нацистов было мало капиталистов: их было мало даже в окружении фон Папена, Шлейхера и президента Гинденбурга. Грегор Штрассер очень точно окрестил полуреакционное авторитарное правительство Шлейхера “кабинетом антикапиталистических мечтаний”. Еще меньше капиталистов примкнуло к нацистам. Часто утверждают, что встреча в Бад-Гарцбурге в октябре 1931 г. положила начало сговору между НСДАП и крупными немецкими промышленниками. Но Тернер утверждает, что на ней присутствовал лишь один крупный магнат, все остальные были мелкими предпринимателями или управленцами низшего звена. По-видимому, большинство капиталистов надеялись на консервативный авторитаризм, который сможет обеспечить дефляцию, отменить трудовые реформы и укротить Гитлера... По-видимому, больше всего симпатизировали нацистам владельцы крупных газет и кинопромышленники» [197, с. 288]. Кстати, знаменитая встреча в октябре 1931 г. действительно очень часто вспоминается социалистами, когда они хотят доказать, что капитал на руках втащил Гитлера в рейхстаг. Однако не учитывается многообразие правых, прокапиталистических политических партий в Германии 1920-х – начала 1930-х гг. Нелепа версия, согласно которой был один Гитлер, которому противостояли коммунисты и социал-демократы – и больше никого. Капиталистам или буржуазии было из чего выбирать. Это и католическая Центристская партия, и либеральная Немецкая народная пар-

тия, 60 % активистов которой относились к элите. Крупный бизнес составлял также верхушку либеральной Немецкой демократической партии. Даже националисты могли выбрать вместо НСДАП более уважаемую ДНВП (Немецкую национальную народную партию).

В качестве доказательства, что Гитлер поддерживался капиталистами и сам фюрер питал к бизнесменам искреннюю симпатию, приводят также другую, не менее важную, встречу с представителями капитала – встречу 20 февраля 1933 г., которую левые пытаются представить как окончательный разрыв нацистов с социализмом. На этой «тайной встрече» между 20 (или 25) промышленниками и Герингом нацисты якобы вступили в тесный союз с крупным капиталом, пообещав, придя к власти, защищать его интересы. Согласно легенде, Геринг гарантировал магнатам огромные прибыли, а взамен они давали нацистам много денег – последним необходимо было собрать на предвыборную кампанию, состоявшуюся 5 марта, 3 млн рейхсмарок. Информация о встрече 20 февраля (ее еще называют «тайным собранием») есть в документах т. н. «Последующих Нюрнбергских процессов», к ним и апеллируют социалистические пропагандисты. Более всего они обращают внимание на бизнес-династию Круппов и химический концерн IG Farben как примеры поддержки Гитлера крупным капиталом.

На встрече было всего 20–25 промышленников, но очевидно, что бизнесменов в Германии было куда больше (толь-

ко в 1936 г. в стране насчитывалось свыше 124 тыс. промышленных предприятий, пусть многие из них и принадлежали одним собственникам, но счет промышленников явно идет на тысячи). У нас нет сравнительного анализа, сколько денег промышленники как класс дали нацистам, а сколько – другим партиям. Это вообще очень манипулятивный ход – взять несколько отдельных примеров и выставить их за ключевые причины возвышения Гитлера, поменяв события местами. Само по себе участие крупного капитала в тех или иных социалистических экспериментах в принципе не должно удивлять. В конце концов и сталинскую индустриализацию активно спонсировал американский капитал, и Альберт Кан создавал сталинские заводы, и большевики до революции, как мы ранее говорили, тоже получали поддержку от капиталистов, и немецкий капитал помогал советской промышленности в 1920-е. Да что там – сам Сталин высоко ценил американский капитализм, восхищался Генри Фордом и пытался интегрировать капиталистический опыт в масштабы плановой экономики. В целом, исходя из всего ранее написанного в этой книге, нельзя сделать вывод, что социализм не может пользоваться поддержкой богатых людей, да и последние могут вполне сочетать социалистические убеждения со своим положением (Роберт Оуэн, Николай Огарев, Савва Морозов, Николай Шмит и т. д.).

Встреча 20 февраля 1933 г. произошла всего за две недели до выборов (5 марта), так что маловероятно, чтобы день-

ги этих промышленников сыграли решающую роль в победе нацистов несколькими днями позже. Более того, Гитлер к тому моменту уже был рейхсканцлером. Сумма, выделенная в фонд для проведения выборов, была предназначена не только НСДАП, но и либеральной Немецкой народной партии – об этом на предварительном следствии по делу IG Farben в 1945 г. сообщал Георг фон Шницлер, член правления этой корпорации [117]. Величину этой суммы, вероятно, можно оценить как довольно скромную – около 3 млн рейхсмарок в современном эквиваленте составляют всего 15–20 млн долларов. Для сравнения: Трамп потратил на избирательную кампанию 2016 г. 322 млн, а его соперница Хиллари Клинтон – 565 млн долларов. Российскому оппозиционеру Алексею Навальному удалось собрать на президентскую кампанию 2017 г. 98 млн руб., или примерно 1,5 млн долларов, а ведь его масштабы совершенно несопоставимы с масштабом нацистской партии.

Нюрнбергский суд действительно установил вину ряда бизнесменов за участие в поддержке нацистов. Однако Крупп, Флик и Фарбен были осуждены не на основном процессе, а на т. н. «Последующих Нюрнбергских процессах» через несколько лет после войны, проводившихся над нацистскими преступниками меньшего масштаба. Особенность их заключается в том, что процесс осуществлялся не Международным военным трибуналом, а американскими военными судами. Альфред Крупп (сын Густава Круппа),

что интересно, просидел в тюрьме всего три года, и ему даже восстановили конфискованное имущество. Социалисты сегодня указывают, что Крупп, как и другие промышленники, использовал рабский труд на своих производствах и это было им запланировано чуть ли не изначально, именно для этого он-де и поддержал Гитлера. Очевидно, что национал-социалисты были варварами в том, что касается прав человека, но едва ли Крупп именно ради рабов и спонсировал Гитлера, а не ради затеянной фюрером программы по масштабному перевооружению Германии или в силу страха перед коммунистами, которыми постоянно пугали бизнес. Рабский или очень дешевый труд сам по себе практиковался и в СССР, и в Камбодже, и в Китае, и т. д. Тылоополченцы, например, были предметом конкуренции за них между Наркомуглем, Наркомлесом и другими ведомствами, также использовался труд заключенных в фактически коммерческом предприятии Дальстрой. Как верно заметил журналист Луи Лохнер, *«сказать, что германские промышленники желали войны и поэтому поддерживали режим Адольфа Гитлера, равносильно утверждению, что все они отличались беспроектной глупостью. Если страшный опыт Первой мировой войны не смог открыть им глаза, то хотя бы наблюдения за гражданской войной в Испании, когда в небе над ней кружили военные самолеты шести стран, в том числе Германии, используя его как испытательный полигон, должны были преподать им серьезный урок об опасности воздушной бомбар-*

дировки как для армии, так и для мирного населения» [193].

Промышленники действительно едва ли были настолько глупыми, чтобы рассчитывать получить больше дивидендов от самой войны (а не от перевооружения). Обратимся снова к Луи Лохнеру: «Громадный концерн “ИГ Фарбениндустри”, объединяющий германские химические предприятия, экспортировал за границу 57 % своей продукции. Объем торговли виден из следующих типичных показателей (мы взяли наугад 1928 год): всего продаж на сумму 1420 млн марок (около 340 млн долларов), из них продажи на экспорт – на 810 млн марок (около 193,8 млн долларов). Концерн стал держателем контрольного пакета акций или единоличным владельцем следующих предприятий: американских “Уинтроп Кемикал Ко, Инк.”, “Джсенерал Анилин Воркс, Инк.” и “АГ-ФА-Анско Ко”; норвежской “Гидро-Электрик Квелстоф Активизельскаб”, швейцарской “ИГХеми Базель” и американской “ИГКемикал Корпорейшен оф Нью-Йорк”. Он получал огромные доходы от лицензий, которые выдавал компании “Стандарт Ойл Девелопмент” на производство различных синтетических продуктов из угля, смол и нефти на основе процессов, разработанных “ИГ Фарбен”. Концерн вошел в картельное соглашение со швейцарскими и французскими промышленными объединениями, в результате чего каждый участник картеля продавал свою продукцию в определенных соглашениях странах, не подвергаясь конкуренции со стороны остальных двух ее участников. Позднее в этот кар-

тель вступила лондонская компания “Империл Кемикал Индастриз, Лтд. ”. Велись переговоры о заключении взаимно выгодных контрактов с химическими производителями в Италии, Польше и Чехословакии. И если какой-либо концерн в Германии можно было назвать интернациональным по охвату и перспективам, то это был именно “ИГ Фарбен”. В случае начала войны это сразу привело бы к захвату заграничных холдингов в странах, воюющих с Германией, прекращению поступления доходов от лицензий и резкому сокращению экспорта в эти страны» [193]. Здесь уместно обратиться к Адаму Тузу и сравнить, что в итоге получила IG Farben. Несмотря на то что корпорация не осталась без дивидендов, большая часть ее прибыли доставалась государству! «К концу года при активном содействии со стороны Министерства авиации и армии Рейхсминистерство финансов наконец определило условия так называемого Бензинового контракта (Benzinvertrag). Его суть заключалась в том, что IG обязывалась довести объемы своего производства в Лойне до 350 тыс. тонн в год, в ответ на что Рейх гарантировал прибыль в размере не менее 5 %. В том случае, если рыночные цены снизятся из-за дешевого импорта, Рейх должен был обеспечить прибыльность завода в Лойне с помощью субсидий. С другой стороны, любую прибыль, превышающую 5 %, следовало передать Рейху. Начиная с 1936 г. Лойна давала большую прибыль, основная часть которой доставалась Рейху» [369, с. 170].

Лохнер пишет об отсутствии у немецкого крупного капитала мотива заработать на войне. «Германские производители стали объединились со сталелитейными заводами Европы, особенно Франции, Великобритании, Австрии, Чехословакии, Люксембурга, Бельгии и земли Саар в Континентальный стальной картель с целью определения квот производства для всех групп – членов картеля и устранения губительной конкуренции. Этот международный картель поддерживал деловые отношения с производителями стали в Соединенных Штатах. Американские наблюдатели присутствовали на европейских совещаниях в конце 30-х годов как почетные и желанные гости. Со времени основания картеля в 1926 году и до его последнего совещания в Льеже Бельгия, как и упомянутые страны, не выражала опасений, что германские члены картеля могут быть заинтересованы в войне. Напротив, после встречи Гитлера и Чемберлена в Бад-Годесберге, а затем прошедшей в Мюнхене встречи Чемберлена, Гитлера, Муссолини и Даладье германская, британская и французская группы картеля обменялись телеграммами, поздравляя друг друга с тем, что снова удалось предотвратить войну. А еще через несколько дней в особняке Карла Боша собрались 12 ведущих немецких промышленников, и все присутствующие единодушно праздновали ликвидацию угрозы войны. Лидеры германской тяжелой промышленности лучшие других соотечественников могли оценить шансы на победу или поражение с точки зрения производ-

ства стали для орудий. Руководствуясь этими соображениями, Эрнст Пёнгсен, генеральный директор “Стального треста”, воспользовался первой же возможностью, предоставленной промышленникам в январе 1940 года, для выражения своей точки зрения, выступил перед группой правительственных экспертов во главе с министром экономики Вальтером Лан-дфредом. Не вина Пёнгсена, что эта возможность представилась ему лишь через пять месяцев после того, как Гитлер начал Вторую мировую войну; составляя свои планы агрессии, Гитлер полностью игнорировал мнение индустрии... Если бы немецкие магнаты промышленности, как принято думать, стремились к войне, разумеется, они бы сами позаботились запастись сырьем, постарались бы убедить Гитлера, что он должен обратить особое внимание на этот аспект, и с готовностью отозвались бы на требования генерала Томаса увеличить производство военной продукции» [193].

Далее Лохнер приводит слова немецкого генерала Томаса: «Германская промышленность понимала, что только мир и согласие с Западом может обеспечить процветание... У них не было ни малейшего желания войны. У представителей индустрии не было захватнических планов. Они никогда не желали столкновения. Геринг и Гитлер были настроены против лидеров промышленности. Они считали, что те не умеют хранить секреты. Но поскольку промышленники обладали основной продукцией и капиталом, Гитлер изменил

свое отношение. В 1937 году Гитлер уверял, что Германия ведет только подготовку к обороне. У них <промышленников> были основания верить ему... Германия вступила в войну, будучи весьма слабо подготовленной, и капитулировала бы еще раньше, если бы не ресурсы захваченных ею стран» [193].

О слабом участии производственного бизнеса в построении гитлеровской национал-социалистической империи пишет и Адам Туз в работе «Цена разрушения». Так, «свойственная экономическим властям Германии тенденция к активному интервенционизму становилась все более заметной с момента окончания Первой мировой войны. И реформированный Рейхсбанк, и Рейхсминистерство экономики, и Рейхсминистерство труда, и Рейхсминистерство продовольствия и сельского хозяйства являлись порождением Первой мировой войны и ее последствий. Многие меры контроля, осуществленные после 1933 г., включая закон об электричестве и новый закон о корпорациях, принятый в 1937 г., обсуждались еще в 1920-х гг. Однако после 1933 г. ситуация изменилась: по крайней мере в том смысле, что государство приобрело намного больше полномочий и независимости, чем когда-либо прежде. И в этом отношении гитлеровская риторика о националистической революции служила удобным прикрытием. Тем не менее на практике Рейхсбанк и Рейхсминистерство экономики не испытывали никакого желания дать радикальным членам СА, воинству-

ющим рабочим-активистам НСДАП или комиссарам-гауляйтерам диктовать ход событий. Под лозунгом “сильного государства” чиновники из министерств создавали новую общенациональную структуру контроля над экономикой. Вероятно, не следует удивляться тому, что должностным лицам из РМЭ первые годы работы под началом Шахта запомнились как прекрасное время: “Мы трудились и выполняли распоряжения на потрясающем подъеме. Мы действительно имели власть. В глазах служащих министерства контраст с Веймарской республикой был ошеломляющим. В рейхстаге больше не было слышно партийной болтовни. Бюрократический язык избавился от парализующей формулировки: формально правильно, но политически невозможно”... Было бы абсурдно отрицать реальность этого поворота. Великая депрессия и вызванный ею кризис корпоративного капитализма навсегда изменили расстановку сил. Крупный бизнес уже больше никогда не оказывал такого прямого влияния на власть, как в период с начала Первой мировой войны в 1914 г. до начала депрессии в 1929 г. В свою очередь, экономические власти Рейха приобрели беспрецедентные полномочия по контролю над экономикой страны. Поэтому можно задать вопрос: почему новая линия, проводившаяся в Берлине, не вызывала заметного недовольства, протестов и тем более открытого противодействия?... Было бы неверно утверждать, что никакой оппозиции не возникло. Члены делового сообщества, взгляды ко-

торых отражались в таких периодических изданиях, как *Wirtschaftsdienst*, осмеливались поднимать вопрос о возможной девальвации. Рассуждая в этом направлении, они начинали сомневаться в необходимости бюрократического контроля, превращавшегося в удушающий корсет для экономики. Повседневные неудобства, связанные с «Новым планом», не говоря уже об экспортном налоге, явно были крайне непопулярны. Но размах споров и дебатов ограничивался целым рядом факторов – не только жестким контролем над СМИ со стороны режима» [369, с. 163–164].

Не лучше обстояло дело и для банковского сектора, который оказался под тяжелой пятой нацизма. «Контроль Рейхсбанка за финансовыми потоками в германской экономике еще больше укрепился благодаря новой системе банковского регулирования, внедренной в 1934 г. После кризиса 1931 г. государство стало обладателем контрольного пакета акций во всех трех крупнейших банках страны – *Deutsche Bank*, *Dresdner Bank* и *Commerzbank*. Если бы верх одержало левое крыло нацистов, то не исключено, что власти осуществили бы полномасштабную национализацию банковской системы с последующей ликвидацией национальных коммерческих банков и созданием интегрированной системы региональных банков. Неудивительно, что эту идею активно поддерживали и региональные сберегательные кассы (*Sparkassen*), находившиеся под контролем местных активистов Нацистской партии. Но Ялмар Шахт принял меры к тому, чтобы

этот радикализм не принес никаких конкретных плодов. Наоборот, кризис дал ему возможность осуществить управленческую реформу и ужесточить надзор со стороны центрального банка. С сентября 1933 г. по октябрь 1934 г. особая комиссия провела ряд тщательно срежиссированных дебатов, в ходе которых сторонники радикальных взглядов последовательно оттеснялись на периферию. Итогом этих дебатов стал проект закона, по которому Рейхсбанк получал обширные надзорные права. С целью предотвратить повторение финансовых скандалов начала 1930-х гг. вводились ограничения на величину займов, которые мог получить в банке отдельный частный заемщик. Рейхсбанк впервые был наделен правом определять элементарные требования, предъявляемые к резервам, и полностью контролировать размещение частных банковских активов. Тем самым берлинские “большие банки” были спасены от национализации. Однако факты говорят о том, что они так до конца и не оправились от уцерб, нанесенного им финансовым кризисом 1931 г. В чисто коммерческом плане “большие банки” находились в числе главных “жертв” нацистского экономического возрождения. С 1932 по 1939 г. их общие активы выросли всего на 15 %, хотя объемы производства в Германии увеличились более чем вдвое. Напротив, активы сберегательных касс – главного источника того, что можно назвать народными деньгами, – за тот же период выросли на 102 %. В то же время международные операции

“больших банков” резко сократились из-за свертывания германской внешней торговли. Средства, накапливавшиеся на счетах банковских клиентов из числа промышленников, делали их более независимыми от банковских займов, чем когда-либо прежде. А те, кто все же нуждался во внешнем финансировании при осуществлении наиболее приоритетных проектов режима, могли обратиться к новым заимодавцам, за которыми стояло государство – таким, как *Bank für Industrie-Obligationen* или принадлежавший люфтваффе *AeroBank*. Разумеется, из этого не следует, что все три уцелевших больших банка не получали хорошую прибыль. Нельзя отрицать и того, что банки играли важную роль, определяя развитие некоторых важных компаний. В первую очередь следует упомянуть, что *Deutsche Bank* был тесно связан с компанией *Mannesmann* и ее генеральным директором Вальтером Цангеном, входившим в число тех, кому нацистский режим принес самые большие дивиденды. Но в противоположность идее о том, что в конечном счете именно “большие банки” были кукловодами национал-социализма, на самом деле трудно назвать другой период в современной истории Германии, когда эти учреждения имели бы меньше влияния, чем в 1933–1945 гг.» [369, с. 159–161].

Таким образом, из «Цены разрушения» мы получаем подтверждение очень важной детали: нацистский режим не был подвластен ни банкам, ни промышленникам, и все было с точностью до наоборот. Крупный бизнес не оказывал влия-

ние на политику нацистов. Напротив, это нацисты использовали всю имеющуюся промышленность для своих целей, а если бы промышленность отказалась содействовать планам партии, то с ней легко бы расправились. Об этом совершенно откровенно говорили и Гитлер, и Геринг во время принятия Четырехлетнего плана в 1936 г. – т. е. в момент, когда власть Гитлера была абсолютна, ей ничего не угрожало и ему не было надобности торговаться с промышленниками. Вот что говорил лидер Третьего рейха:

«Нет смысла дискутировать о том, не стоит ли нам подождать еще... в задачу правительства не входит ломать голову над методами производства... Либо сегодня у нас есть частная промышленность, и в таком случае именно она должна размышлять о методах производства, либо мы считаем, что определять средства производства – задача правительства, и в таком случае у нас отпадает нужда в частной собственности. Задача министерства экономики заключается всего лишь в том, чтобы устанавливать цели для национальной экономики, а частная промышленность должна осуществлять их. Германская промышленность либо осознает новые экономические цели, либо выявит свою неспособность выжить в современную эпоху, когда советское государство принимает гигантские планы. Но в таком случае на дно пойдет не Германия, а в крайнем случае несколько промышленников» [369, с. 296].

Фюреру вторил Геринг: *«Однако рада достижения цели*

мы должны пойти на риск. Мы должны поставить на карту все лучшее... никто из нас не существует сам по себе... судьба всех нас связана с судьбой Германии. Не важно, если кто-то говорит: "Я отвергаю национал-социалистическую систему". Мне все равно. Пусть себе отвергает, все равно это та система, которая в данный момент решает судьбу Германии. Именно поэтому он волей-неволей будет с нами сотрудничать. Господа! Я вмешуюсь, не колеблясь ни секунды – да-да, ни секунды, как я уже доказал в связи с другим вопросом. – и разом конфискую весь бизнес, если приду к выводу, что его непонятливый владелец смотрит на мир с перспективы стульчака своего предприятия и не в состоянии проявить чуть больше дальновидности... и он должен будет уйти. Один росчерк моего пера – и он останется без своего бизнеса и без своей собственности» [369, с. 338].

Две эти цитаты замечательно демонстрируют отношение нацистского государства к собственности. Никаких гарантий у собственников не было. Их просто обязали выполнять «великую задачу», пусть и обеспечив им прибыль. Прибыль сама по себе не являлась главным мотиватором для промышленников – у них вообще не было выбора, они не могли отказаться от сотрудничества. В то же время Гитлер не был рьяным сторонником национализации, он смотрел на ситуацию прагматически и в условиях не только ограниченных ресурсов, но и времени. Кстати, то, что промышленники никак не влияли на политику, подтверждает российский исто-

рик Олег Пленков, чью позицию мы также рассмотрим далее. Он писал, что *«от политики капитаны индустрии были оттеснены. В 1936 г. была создана “Имперская палата промышленности” (Reichswirtschaftskammer); в сферу ее компетенций входили исключительно административные и технические вопросы, и она не имела никакого влияния на принятие значимых политических решений»* [261].

Какое место в идеологии национал-социализма занимал капитализм, можно увидеть и на примере идей статс-министра Герберта Бакке и Вальтера Дарре, одного из ключевых идеологов нацистского государства, а также министра продовольствия и сельского хозяйства с 1933 по 1942 г., члена СС, седьмого по значимости командира в этой преступной организации. Адам Туз писал: *«...в рамках теории Бакке расовый аграризм Дарре сочетался с более традиционной критикой капитализма как преобразующей исторической силы. Опираясь на популистский антикапиталистический канон, востребованный и правыми, и левыми, нацистские идеологи ставили себе на службу образы сжигаемого и выбрасываемого в море зерна и тысяч гектаров земель, остающихся невозделанными, – в то время как армии безработных европейцев и американцев страдают от голода. Подобно Гитлеру, Бакке видел миссию национал-социализма в том, чтобы ликвидировать прогнившую власть буржуазии. Идеология Бакке, отнюдь не будучи непрактичной, служила великолепным историческим оправданием крайнего про-*

текциионизма, уже осуществлявшегося аграриями-националистами. Согласно отнюдь не ретроградным взглядам Бакке, миссия национал-социализма заключалась в том, чтобы примирить друг с другом конфликтующие процессы, свойственные либерализму XIX в. Замшелым реликтом ушедшей эпохи был вовсе не национал-социализм, а викторианская идеология свободного рынка» [369, с. 240–241]. Таким образом, национал-социалистическая доктрина понималась как прогрессивная в сравнении с предшествующей ей либеральной эпохой. Это не что иное, как психология старой доброй формационной теории.

Уже в годы войны Гитлер «непосредственно увязывал битву за Москву с борьбой рас. Германия одновременно воевала и с капиталистической Великобританией, и с большевистской Россией. Две эти экономические системы, на первый взгляд разные, в реальности имели принципиальное сходство. Большевизм представлял собой не более чем наихудшую разновидность капитализма. Он породил нищету и лишения, а «опора этой системы» «в обоих случаях» была «одна и та же: евреи и только евреи!». Наступление на Москву должно было стать «смертельным ударом» по этому архиврагу немецкого народа» [369, с. 626].

Олег Пленков, доктор исторических наук, один из крупнейших специалистов по Третьему рейху в современной России, приводит следующую характеристику гитлеровского режима: «...то, что <у Гитлера> получилось в итоге, стало

синтезом национализма и социализма. В военное время плановые начала настолько усилились, что министр вооружений Шпеер, дабы не отпугнуть крупных предпринимателей, подчеркивал, что после окончания войны рыночная экономика должна быть восстановлена в прежнем объеме. Гитлер же в это время все чаще хвалил Сталина за то, что тот разрушил старые элиты и создал плановую экономику, которая лучше справлялась со своими задачами во время войны. Встает вопрос: если Гитлер склонялся-таки к плановой экономике, то как он относился к частной собственности, практически не соединимой с плановыми началами? Ненависть к капитализму и либерализму, безусловно, не позволяла декларировать необходимость защиты частной собственности на средства производства, поэтому высказывания Гитлера на этот счет неопределенны и намеренно многозначны. Представляется, однако, что отношение фюрера к экономике и ее специфическим проблемам наиболее полно и универсально характеризуют строки в “Майн кампф”, в которых он распространяется о том, что внутренняя сила и мощь государства очень редко совпадают с периодами его экономического процветания: “пример аскетической и бедной Пруссии как раз с удивительной точностью доказывает, что не материальное благосостояние, а идеальные добродетели, связанные с жертвенностью и готовностью к борьбе, способствуют созданию сильного и устойчивого национального государства”» [263]. Таким образом,

Гитлер придерживался довольно специфических взглядов на экономику, но точно можно сказать, что они были очень далеки от классического либерализма и ценностей свободного рынка, где именно материальное благосостояние и экономический рост являются ключевыми для политического деятеля.

Национал-социалисты действительно не любили ни капитализма, ни либерализма, ни рыночных отношений, как и их идейные предшественники из XIX в. Это было глубокое презрение к буржуазии, евреям, торговцам, всему, что связано не с войной и сельским хозяйством. Это была позиция не только руководства партии, но и широкого круга ее сторонников. Не зря *«для морального подкрепления сильной власти и репрессивных мер нацисты не чурались и социальной демагогии. В 1935 г. одна из статей в ФБ так и называлась: “Капитализм преодолен”. “Преодоление капитализма” произошло якобы вследствие того, что НСДАП покончила со всеми экспериментами в сфере денег и кредита; партия осуществила подъем экономики вне всякой зависимости от капитала и впервые сделала экономическую политику принципиально независимой от рыночной конъюнктуры»* [263]. Даже если это была всего лишь политическая демагогия, она была обращена к определенной аудитории. Нацисты ценили свою поддержку в среде рабочего класса, тем более что именно пролетариат в свое время обеспечил им победу на улицах. А непринятие капиталистических отношений было

бальзамом для ушей многих фермеров и крестьян.

Далее приведу одну цитату Гитлера, которую иногда используют для доказательства капиталистических симпатий нацистского лидера, сказанную им на собрании промышленников 26 июня 1944 г.: «...единственно возможной предпосылкой для продвижения человечества по пути процветания является всемерное поощрение частной инициативы. И если эта война завершится нашей победой, для германской экономики наступит период расцвета частного предпринимательства.

Не верьте, что я собираюсь создать органы государственного управления экономикой... Как только наступит мир, я тут же предоставляю полную свободу действий выдающимся деятелям германской экономики и буду внимательно прислушиваться к их советам... Лишь благодаря вам мне вообще удастся решать порожденные войной проблемы. В знак моей бесконечной благодарности я обещаю, что никогда не забуду ваших заслуг и что не найдется ни одного немца, который обвинит меня в неисполнении взятых на себя обязательств» [263]. Здесь важно обратить внимание на несколько деталей. Во-первых, это середина 1944 г., когда неблагоприятный исход войны и крах кампании на Востоке ясно давал понять, что прежние перспективы о завоеваниях и колонизации русских просторов сошли на нет. Гитлер мог обещать в это время что угодно, притом что годом ранее, во время наступления на Сталинград, он ставил большевизм в

один ряд с западным капитализмом. В годы трудностей, когда планы авторитарных политиков наталкиваются на суровую реальность, они вполне могут идти на некоторые уступки. Сюда можно отнести, например, резкий переход от военного коммунизма к новой экономической политике со стороны Владимира Ленина или «неонэп» Сталина в 1930-е гг. И в первом, и во втором случае в стране был голод. У Гитлера голода не было, зато он терпел одно военное поражение за другим. У промышленных элит, которые были заложниками нацизма, такое положение дел могло придать смелости для организации дворцового переворота, благо покушения на Гитлера уже происходили. Фюреру требовалось обещать хоть что-то. Во-вторых, обращает на себя внимание фраза *«не верьте, что я собираюсь создать органы государственного управления экономикой»*. Здесь Гитлер пытается развеять опасения, что он заимствует опыт СССР, которые явно не возникли на ровном месте. Ведь как мы уже знаем, *«Гитлер... в это время все чаще хвалил Сталина за то, что тот разрушил старые элиты и создал плановую экономику, которая лучше справлялась со своими задачами во время войны»*.

Олег Пленков отрицает марксистскую интерпретацию истории нацизма. Он пишет, что *«нацисты лучше, чем другие партии, смогли использовать сформировавшуюся в условиях кризиса склонность немцев к переменам (но не радикальным) в сочетании с преемственностью в социальной*

политике. Старая марксистская историография этого не признавала и рассматривала нацизм исключительно как реакционное течение, стоящее на страже интересов буржуазии. Такой подход, однако, игнорирует феномен огромной социальной мобилизации и невиданной социальной динамики, за которыми стояла НСДАП и ее фюрер. Марксистская критика нацизма как реакционного течения, казалось, подтверждалась фактами: программа социалистического крыла НСДАП во главе с Г. Штрассером и намерения активистов национал-социалистических производственных ячеек (НСБО) не были реализованы, как и программа реэграризации Дарре и Гимmlера; также не были выполнены обещания средним слоям; бесполезными оказались и обещания создать сословное общество. Однако невыполнение некоторых социальных обещаний НСДАП ничуть не обесценивает социальную динамику, лежащую в основе успеха нацистов. Выборы 1950–1932 гг. показали, что миллионы немцев отказались от социалистических целей и начали склоняться к нацистам, которых воспринимали как альтернативу коммунистической уравниловке и диктатуре. Массовый успех нацистов доказал, что марксистское сужение перспективы развития только до экономических факторов или социально-политического устройства общества – ошибочно» [262]. Иными словами, то, что гитлеровский социализм не был марксистским, не означает, что это был не социализм. Для «научного социализма» существование такой экзотики

весьма проблематично, так как национал-социализм плохо совместим с формационной теорией, однако вполне вписывается в идею социальной революции. Нацистская узурпация власти в условиях поддержки минимум трети населения, с опорой не на классовую борьбу, а на классовое национальное единство, вполне может быть названа такой своеобразной революцией, и нацисты считали себя именно революционерами, а не защитниками старого порядка.

НСДАП определенно была движением с мощным социалистическим, антикапиталистическим компонентом, идейным в 1920-е и прагматически-идейным в 1930-е. К власти нацисты шли постепенно и задолго до того, как некоторые промышленники поддерживали рейхсканцлера Гитлера на выборах 5 марта 1933 г., – все предшествующие годы его поддерживали те, кому была близка программа из 25 пунктов.

Лично Адольф Гитлер был больше прагматиком в экономических вопросах, не являлся идейным противником частной собственности как таковой, но на практике проводил вполне социалистическую, интервенционистскую политику. Западную капиталистическую систему он считал «еврейской» и враждебной немцам. В его окружении были идейные социалисты, вроде Штрассера и Дарре, более того, эти люди в разное время выступали теоретиками нацистской партии. Само по себе наличие крупного капитала в его режиме ничего не значит – важно то, какими были социально-экономические отношения в нацистском обществе и как была

устроена институциональная составляющая. В Третьем рейхе была совершенно характерная для всех социалистических режимов черта – отсутствие каких-либо институциональных ограничений для государства, не просто проводящего кардинальные преобразования, но мобилизующего ради этих преобразований все общество – ради построения нового мира. Приведем два примера: Junkers и Vrabag. Не сумев добиться согласия у промышленников на дорогостоящую гидрогенизацию угля для получения нефти, Ялмар Шахт *«поручил министерству разработать проект указа о создании принудительных экономических ассоциаций в области добычи бурого угля. Десяти ведущим угледобывающим корпорациям 25 октября 1934 г. было предписано “объединиться” в Braunkohlenbenzin AG (Vrabag). Каждая из них должна была выписать чек не менее чем на 1 млн рейхсмарок, доступных для немедленного использования. После того как в ноябре в это объединение вступило еще несколько угольных компаний, Шахт пригрозил всем, отказывавшимся сотрудничать, неограниченными штрафами и тюрьмой»*. С целью гарантировать соблюдение сроков по возведению трех новых заводов синтетического топлива к 1936 г., *«во главе Vrabag были поставлены не его недовольные хозяева, а отборная команда менеджеров...»* [369, с. 171].

С Junkers было все еще печальнее: *«В отличие от судостроительных и предприятий, производивших пушки и танки, авиазаводы почти не занимались выпуском гражданской продук-*

ции. Выпускавшиеся этими заводами военные самолеты к концу 1930-х гг. не имели практически никакой коммерческой ценности. Для всех занятых на обширных производственных мощностях, созданных усилиями министерства авиации, не существовало никакой альтернативной работы в гражданском секторе. Хотя все эти фирмы, кроме Junkers, номинально принадлежали частным лицам, все они были детищами Рейхсминистерства авиации и его директора, статс-секретаря Эрхарда Мильха. Поэтому в принципе крупнейший из новых промышленных секторов Германии не просто находился под контролем государства. Он появился на свет благодаря государственной инициативе, государственному финансированию и государственному руководству. Более того, в его основе лежал один из наиболее вопиющих случаев насилия по отношению к бизнесменам-неевреям в истории Третьего рейха. Рано утром 17 октября 1933 г. Гуго Юнкере был арестован в своем загородном доме в Байришцелле по обвинению в измене. Юнкере был одним из создателей германской авиации, прославленным инженером, сконструировавшим на своем заводе в Дессау первый в мире цельнометаллический самолет. Завод Юнкера при его скромных размерах был крупнейшим авиастроительным предприятием в Германии. Причиной постигших его неприятностей служило лишь то, что он владел крупнейшим в Германии авиазаводом, на который позарились Геринг и его статс-секретарь Эрхард Мильх. После суток, проведенных

в полицейском участке, Юнкере согласился передать свою фирму государству» [369, с. 180–181]. Управление фирмой было передано Генриху Коппербергу, а в наблюдательном совете были Гельмут Ренерт, глава государственной фирмы Rheinmetall, Эмиль Майер из околосударственного банка Dresdner Bank и Вильгельм Кепплер. Копперберг и Кепплер также приняли участие в создании вышеупомянутой Vrabag.

* * *

Как уже ранее отмечалось, нацисты находились у власти всего 12 лет, причем 6 из них – в мирное время. Все эти годы они готовились к войне. Рассматривая их политическую практику, надо исходить из этого нюанса. Национал-социалисты имели очень высокую поддержку среди рабочих, но особенно – среди госслужащих и отставных военных, для которых поражение в Первой мировой войне было крупнейшей геополитической катастрофой века. Однако именно рабочие и конторские служащие обеспечили силовую поддержку нацистов на улицах немецких городов.

Такие современные авторы, как Майкл Манн, Адам Туз и Олег Пленков, отрицают лидирующее положение капитала в нацистском государстве. Напротив, все трое подчеркивают подчиненное положение капиталистов в Третьем рейхе. Прибыли, которые были обеспечены промышленности, не отражают доминирующее положение капиталистов, они от-

ражают временный успех полномасштабного перевооружения Германии на фоне предшествующей экономической депрессии. В то же время, опираясь на материалы Лохнера и Туза, можно сделать вывод, что промышленники и потеряли тоже немало. Учитывая, что прежде у них были вполне успешная международная стратегия и выгодные соглашения с производителями других стран, из-за нацистов эти бизнесмены стали заложниками, ограниченными не столько рынком Германии, сколько требованиями государственных ведомств. Поэтому с точки зрения взаимоотношений с капиталистами Гитлеру никак нельзя отказать в социалистических убеждениях.

Гитлер был настроен антикапиталистически, как и его ближайшее окружение (начиная от убитого Штрассера и заканчивая Дарре и Бакке). Его отношение к Церкви было враждебным, поскольку традиционная религия мешала исполнению его явно направленных на кардинальное изменение общества планов. То, что Гитлер не начал уничтожать Церковь сразу после прихода к власти, говорит скорее о том, что приоритеты у нацистского вождя были иными, а времени было не так много. В конце концов, слишком яростная вражда с католической и протестантской Церквями, influentialными в немецком обществе, помешала бы первоочередной задаче перевооружения и борьбы с евреями и могла бы даже привести к мощным протестам населения. В отношении труда Гитлер явно был не поклонником классического

его разделения, да и потом в итоге все свелось к масштабному использованию рабского труда, в то время как своим солдатам нацисты обещали великое будущее и бескрайние просторы востока как нового «жизненного пространства» для немцев. Ну и самое главное: Гитлер хотел, пусть и по-своему, разорвать порочный для социалиста круг зависимости от природы, от данности. Концепция *Übermensch* – это идея о совершенно искусственном, но победившем природу человеке национал-социалистического рая завтрашнего дня. Сам термин «сверхчеловек» был заимствован нацистами у Ницше и обозначал практически то же самое, что будет из себя представлять человек в прекрасном коммунистическом будущем, где люди будут свободны от необходимости борьбы с природой ради выживания, где работа станет вопросом доброй воли, а не нужды, где не будет никаких ограничений для собственного «я». Что интересно, у Ницше в книге «Так говорил Заратустра» есть даже такой пассаж: *«...там же подобрал я на дороге слово “сверхчеловек” а что человек есть нечто, что должно преодолеть»*. О преодолении человека в социализме мы еще поговорим в конце этой части книги, здесь же важно отметить, что антропология нацизма представляла собой не что иное, как деконструкцию человека. То, что мы сегодня в шутку называем «черепомеркой», в то время считалось способом отбора «правильных» с точки зрения нацистских догм физических черт, отбора искусственного и априори исключающего естественный ход вещей

– это социальная инженерия в чистом виде. Все остальные, кто не вписывается в дивный новый мир национал-социализма (Untermensch), должны были просто прекратить свое существование.

Национал-социализм, несомненно, является разновидностью социалистического учения, возникшего в XX столетии. Для тех же, кого я не убедил в этой главе, и тем, кто считает, что нацистам нечего делать в монографии, посвященной истории социализма, могу в качестве последнего своего аргумента посоветовать обратиться к теории подковы. Согласно этой теории, «ультралевые и ультраправые на самом деле не являются антагонистами и не находятся на противоположных концах линейного политического спектра, а во многом походят друг на друга, напоминая концы подковы» [442].

Социализм и голод

К XX столетию весь цивилизованный мир уже забыл о том, что такое настоящий голод, когда из-за неурожая гибли или доходили до жалкого состояния каннибализма миллионы людей. Развитие техники и науки избавило человечество от мучительной зависимости от погоды. Социализм, восхищаясь передовыми технологиями, вооружившись обещаниями сделать прогресс еще интенсивнее, чем при капитализме, странным образом, наоборот, заставил вспомнить весь мир, что такое голод. Все крупнейшие эпизоды голода XX столетия, кроме голода в Бенгалии 1943 г., находившейся в прифронтовой зоне, приходятся на страны, где в то время у власти находились социалистические экспериментаторы. И едва ли это может быть простым совпадением. Хотя социалисты, разумеется, не желали этого, но, руководствуясь догмами своей идеологии, допустили масштабные трагедии в своих странах. Особенно сильно не повезло России, где на социалистическое правление пришлось целых три крупных голода, один из которых, голод 1931–1933 гг., мы уже рассматривали во второй части книги.

В этой главе, прежде чем мы перейдем к истории голода при социалистических режимах, нам необходимо дать разъяснение, чем отличается голод от голодания, и рассмотреть другие эпизоды голода и продовольственных кризисов, не

связанных с социалистической политикой. Это важно в силу того, что апологеты социализма в России часто приводят в качестве контрпримера, скажем, голод 1891 г. в Российской империи или голод в Бенгалии. Нам нужно понять, почему такие примеры некорректны.

Голод – это гуманитарная катастрофа, характеризующаяся отсутствием продуктов питания в целых регионах и даже странах. Отсутствие еды в данном случае ведет к голодной смерти – в результате непоступления в организм **достаточных для поддержания жизни** веществ. Голодание – это недостаточное поступление в организм питательных веществ, необходимых для поддержания нормального здорового его состояния, что может привести к ослаблению иммунитета и преждевременной смерти из-за возникших на фоне такого ослабления заболеваний. То есть в первом случае еда в принципе может отсутствовать или же быть на минимальном уровне, достаточном лишь для временного оттягивания голодной смерти, во втором случае еды недостаточно для поддержания здорового состояния организма. Продовольственный кризис в Российской империи 1891–1892 гг. относился ко второму случаю. Он охватил Поволжье и коснулся в той или иной степени 40 млн человек, при этом вследствие голодания умерло до 400–500 тыс. жителей.

По какой причине произошел кризис? Р. Дэвис и С. Уиткрофт пишут, что, *«во-первых, плохие погодные условия в 1890 г. и жестокая засуха в 1891 г. привели к резкому сокра-*

щению производства хлеба на Волге и в центральных сельскохозяйственных губерниях. В том же районе оно уже значительно снизилось в 1880-е гг., тогда как на Украине и Северном Кавказе стремительно возросло. В местах падения производства хлеба деревню особенно обременяли долги, и во время голода задолженность сильно увеличилась. Одновременно из-за сокращения производства цены на хлеб в 1891 г. подскочили, а сельские заработки упали. Тяжелее всех в этих губерниях пришлось крестьянам, занятым сезонным сельскохозяйственным трудом. Таким образом, этот голод можно назвать региональным явлением. Засуха повлияла на традиционные территории русского земледелия, где быстрый рост населения без усовершенствования севооборота уже вел к классическому продовольственному кризису. Во время жатвы 1892 г. смертность повысилась из-за вспышки эпидемии холеры. Это было особенным бедствием, поскольку в связи с голодом многие люди перебрались в Астраханскую губернию, которая и стала эпицентром эпидемии, и жили там во времянках, в антисанитарных условиях» [374, с. 408–409].

Таким образом, к продовольственному кризису и избыточной смертности привели объективные, а не искусственно созданные, факторы, такие как: 1) плохие погодные условия; 2) быстрый рост населения при сохранении старых технологий ведения сельского хозяйства; 3) эпидемии и антисанитария; 4) беженство и дальнейшее распространение холеры.

Что весьма немаловажно, так это реакция царского правительства. Государство оперативно признало и осознало проблему, вследствие чего был создан специальный комитет для помощи голодающим под руководством будущего царя Николая. К действиям государства быстро подключились благотворительные общества, коих в то время было действительно много. Государственно-общественная реакция добилась весьма высоких результатов. *«Число людей, которым оказывалась продовольственная помощь, в течение 1891/1892 сельскохозяйственного года возросло с 573 тыс. чел. в июле 1891 г. до 1 с лишним миллионов в июне 1892 г. На основных территориях Поволжья помощь получали 40 % населения»* [374, с. 409]. Профессор экономики Майкл Эллман в книге «Голод 1947 г. в СССР» писал, что *«в июле 1891 г. был издан указ, запрещающий экспорт ржи. К августу того же года тысячи железнодорожных вагонов, полных зерна, были направлены в голодающие районы. В ноябре 1891 г. император предпринял специальные меры, чтобы помочь борьбе с голодом, включая программу общественных работ и назначение специальных уполномоченных для разрешения транспортного кризиса, возникшего из-за движения большого количества грузовых вагонов в голодающие районы. Всего для борьбы с голодом в 1891–1892 гг. было направлено около 1,7 млн т продовольствия»* [406]. Благодаря гражданскому обществу и властям при менее развитых технологиях и инфраструктуре, чем в СССР 1930-х, продовольственный кри-

зис удалось сдержать и не довести до полномасштабного голода.

Другой пример из XIX столетия – это печально известный голод в Ирландии 1845–1852 гг. Этот трагический эпизод истории случился тогда, когда островом владели англичане, поэтому оценка тех событий сильно искажается эмоциями, национальной обидой и политическими соображениями, но мы попробуем вкратце дать объективное представление о причинах голода. В середине 1840-х гг. по многим странам Европы прокатилась эпидемия оомицета *Phytophthora infestans*, погубившая значительную часть урожая ржи, пшеницы, но особенно картофеля, что привело к продовольственному кризису во Франции, Бельгии, Пруссии, Нидерландах, Шотландии, Вюртемберге и к голоду в Ирландии. Урожай картофеля в сравнении с нормальным упал в 1845 и 1846 гг. на 87 % и 43 % в Бельгии, на 30 % и 88 % в Ирландии, на 71 % и 56 % в Нидерландах, на 55 % и 51 % в Вюртемберге соответственно [473]. При этом в Ирландии было самое высокое потребление картофеля и использование пахотной земли под эту культуру, т. е. ирландцы зависели от данного продукта намного больше, чем другие пострадавшие европейские народы. Если сравнивать потери, то в Ирландии от голода и падения иммунитета погибло до 1 млн человек при населении более чем в 8 млн, и еще около 1 млн эмигрировало в Англию (особенно в Ливерпуль), Канаду и США. Во всех остальных пострадавших от оомицета странах

погибло до 100 тыс. человек.

Такие фантастически высокие цифры жертв голода имеют под собой определенные причины, но не все эти причины были неизбежны. Однако первопричиной голода было заражение урожая картофеля оомицетом, что делало его негодным к употреблению в пищу, и это заражение передавалось от одного урожая к другому на протяжении многих лет. Протравителей, т. е. химикатов, используемых для обработки семян в целях их защиты от вредителей и грибов, в то время еще не существовало (их начнут использовать только в 1920-1930-е гг.). Как уже отмечалось выше, ирландцы сильно зависели от картофеля, что делало это растение главным в их рационе, и это усугубляло ситуацию, тем более что ирландский картофель не подвергался генетическому улучшению и потому оказался очень уязвим перед эпидемией. Картофелем было засеяно более 30 % пригодной для сельского хозяйства земли. Остальную площадь, пригодную для сельского хозяйства, использовали для разведения коров, т. е. как пастбища, – спрос на говядину был весьма высок в метрополии.

Вероятно, ситуация усугублялась тем, что сельское хозяйство в Ирландии существовало фактически в условиях отсутствия собственника. Дело в том, что большая часть земли хоть и принадлежала английским лендлордам, которые арендовали ее ирландцам, но сами эти лендлорды практически никогда не управляли своими владениями и даже мог-

ли ни разу не побывать в Ирландии, проживая в метрополии. Управление земельными богатствами передавалось посредникам, которые и делили землю для сдачи в аренду ирландцам; при этом, не являясь собственниками, они стремились действовать экстенсивно, выжимая максимум прибыли из площади, разделяя ее на очень маленькие участки земли в 0,4–6 га. Это и обусловило ирландскую зависимость от картофеля, поскольку это неприхотливое растение может давать высокий урожай на небольшой территории и бедной почве. Однако считать поведение арендаторов и посредников ключевой причиной высокого числа жертв нелепо – такая модель существовала не одно десятилетие, а проблемные урожаи в Ирландии были делом постоянным. Весьма важным фактором здесь может быть очень быстрый рост населения острова – в 1750 г., например, население Ирландии составляло всего 2,5 млн, и уже через 100 лет оно возросло более чем в три раза.

Когда наступили годы голода, арендаторы стали разоряться, а посредники и землевладельцы начали их изгонять, доходя даже до выселения из домов и их сноса за долги. Это, само собой, тот самый фактор, которого теоретически можно было избежать. Но он был закономерен. Арендаторы были источником дохода землевладельцев. Когда арендаторы разорились, землевладельцы начали разоряться вслед за ними, что привело к росту задолженностей последних перед банками и собственными членами семьи, которые претендовали

каждый на свою долю в хозяйстве в результате завещаний и брачных соглашений. Землевладелец не мог получить доход с земли, пока не выплатил бы все свои обязательства. При этом стоимость его земли как на продажу, так и на аренду сильно упала как раз в результате эпидемии. Но и продать ее землевладелец в счет погашения долгов не мог до тех пор, пока не были приняты законы об обремененных имениях от 1848 и 1849 гг. Отчасти это привело к тому, что богатые спекулянты стали скупать дешевую землю, повышать арендную плату арендаторам либо же сгонять их с целью создания в землевладении новых пастбищ для скота. Эгоизм отдельных воротил усугубил ситуацию для нескольких десятков тысяч людей, но едва ли мог претендовать на ключевую причину роста смертности.

Вопреки мифам об умышленном геноциде ирландцев английским государством, в действительности последовали как государственные и общественные, так и международные меры для борьбы с голодом. Правительство премьер-министра Роберта Пиля оперативно закупило в Америке кукурузную муку на 100 тыс. фунтов стерлингов, однако оно не могло своевременно поступить на рынок из-за необходимости предварительного измельчения, что потребовало некоторого времени. Также благодаря Пиллю были отменены деструктивные протекционистские «хлебные законы», защищавшие английских фермеров от конкуренции с иностранцами и удерживавшие цены на хлеб и зерно на искусствен-

но завышенном уровне. Это позволило избежать избыточной смертности в 1845/46 г., однако в 1846 г. правительство Пиля уступило место правительству Рассела, которое решило действовать другими, менее эффективными, мерами. В 1846/47 г. вместо прямой помощи предпочтение было отдано организации общественных работ, которые, однако, провалились. Здесь важно отметить еще одну важную вещь, также мифологического свойства. Часто в статьях и литературе можно встретить мнение, будто бы голод в 1846 г. усугублялся приверженностью английского правительства свободной торговле. Якобы из-за нежелания создавать проблемы купцам английское правительство не особо охотно вмешивалось в ирландский рынок с целью ограничения вывоза продовольствия.

На первый взгляд, это кажется убедительным – экспорт продовольствия из Ирландии (рыбы, мяса, масла, алкоголя, овощей) в 1846–1847 гг. был действительно внушительным. Например, в феврале 1847 г. только в Бристоль было ввезено 377 ящиков яиц и 383 ящика с рыбой. С 1846 по 1850 г. Ирландия экспортировала три миллиона животных, которых можно было бы съесть на острове [448]. Однако обвинители свободного рынка умалчивают, что его на самом деле не было. Благожелательность британского государства касалась только собственных купцов, но не международной торговли. Импорт и экспорт сдерживались Навигационными актами, отмененными только в 1849 г., и фрахтовыми сборами,

имевшими высокую волатильность и выросшими после начала голода в целых три раза. Все это препятствовало дешевому импорту продовольствия в Ирландию. Подобное несоответствие этих ограничений и «приверженности свободно-му рынку» было замечено Исааком Баттом, юристом и профессором Тринити-колледжа, который сказал: «...если министры решили доверить жизнь ирландцев частному предпринимательству, разве для них не было бы разумным и справедливым, чтобы частное предпринимательство не обременялось какими-либо ограничениями в выполнении задачи по снабжению провизией пяти миллионов человек» [448].

В 1847 г. провал плана по организации общественных работ и деструктивность ограничений для импорта стали очевидны, поэтому Навигационный акт и пошлины на иностранное зерно были временно приостановлены. Были открыты т. н. суповые кухни, где голодающие могли бесплатно получить суп, и работные дома, где можно было получить и работу, и крышу над головой. Общественные организации, Католическая церковь и протестантские благотворительные общества также старались сделать все возможное для победы над голодом. Энцикликой *Praedecessores nostros* от 25 марта 1847 г. папа римский Пий IX привлек к беде ирландцев внимание католиков (и не только) со всего мира. К делу также подключались другие страны, и частные пожертвования, и даже индейские племена. В США были созданы специальные комитеты для помощи Ирландии. В общей сложности

удалось собрать 1,5 млн фунтов стерлингов, запасы одежды и еды. Благодаря этой поддержке к 1849 г. голод начал отступать.

Я совершенно не склонен винить британское правительство в намеренной организации или усугублении голода в Ирландии. Сравнение с действиями государства в предыдущие кризисы и вообще наличие последних служит здесь весомым доказательством такой позиции. Во-первых, сам по себе голод 1845–1852 гг. по уровню катастрофичности не был чем-то уникальным для Ирландии. В 1740–1741 гг. остров уже имел дело с ужасным голодом, вызванным холодной сухой погодой. Тогда Ирландию населяло 2,4 млн человек, но потери составили до 20 % населения, т. е. 480 тыс. душ. Во-вторых, в других эпизодах продовольственного кризиса правительство не оставалось равнодушным и принимало меры, которые смогли помочь не довести кризис до полномасштабного голода. Нехватка продовольствия ощущалась в 1782–1783 гг., и тогда были закрыты все порты на экспорт, чтобы сохранить все произведенное на острове продовольствие для внутреннего потребления и помощи голодным, а импортерам предлагалось вознаграждение. В годы экономического кризиса 1799–1800 гг. вводилось эмбарго на экспорт ирландского картофеля. Наконец, в 1816 и 1821 гг. государство организовывало отгрузку зерна и его продажу по низким ценам в западных районах Ирландии, ощущавших нехватку продовольствия. Таким образом, никакого искус-

ственного характера ирландский голод 1845–1852 гг. не имеет²⁸. Он нанес ирландскому народу колоссальный урон, который в некоторых случаях можно было снизить за счет большей эмпатии со стороны землевладельцев, но и они сами попали из-за эпидемии в трудную ситуацию. Государство отреагировало оперативно, но технологические и социальные возможности того времени накладывали свой отпечаток, как и протекционистские законы, которые были отменены как раз в связи с голодом. На самом деле, трагедия в Ирландии оказала сильное влияние на все дальнейшее развитие Великобритании, в частности сократив влияние землевладельцев и торговцев и число занятого в сельском хозяйстве населения, что, возможно, оказало влияние на развитие промышленной революции после 1850 г.

Последний пример нерукотворного голода до XX в. – это «великий голод в Бенгалии» 1770 г. Он начался в индийском регионе в то время, когда власть над частью Бенгалии оказалась в руках англичан, и унес жизни множества людей. Во многом из-за этого на данный эпизод так часто обращали внимание уже в XX в. индийские националисты и современ-

---

²⁸ Интересно, что действия англичан в Ирландии в 1845–1852 гг. во многом схожи с действиями русских в годы «Великого голода» 1601–1603 гг. «Великий голод» начался в Русском царстве из-за необычно плохих погодных условий (длительных дождей и похолодания). Реакция землевладельцев и государства была очень похожей на английскую: первые выгоняли крестьян со своих владений (иногда освобождая от повинностей, иногда нет), а государство организовывало масштабные общественные работы.

ные левые, чтобы показать, насколько тираническим было английское владычество, и оправдать голод, который социалисты искусственно устроили в XX в. Например, утверждается, что *«Индия Великих Моголов практически не знала голода до 1770-х гг. В случае засухи или неурожая власти прекращали экспорт зерна или освобождали крестьян от налогов. Британский колониальный режим открыл новую черную страницу в истории этой страны»* [79]. Однако за нагромождением мифов стоит куда более интересная история.

Индия столетиями испытывала проблемы с продовольствием вследствие сильной зависимости от погоды, частых неурожаев, войн и обилия населения. Сообщения о голоде, уносящем тысячи жизней, содержатся даже в индийском эпосе. Трактат III в. до Р. Х. «Артхашастра» является одним из первых, где обсуждается проблема голода и возможности правителя для борьбы с ним [418]. Начиная с XIV столетия хорошо известны такие эпизоды, как голод в Делийском султанате при Мухаммеде ибн Туглаке (примерно в середине 1330-х гг.), голод в Декане 1460 г. (его еще связывают с именем чиновника Дамаджи Панта, который, будучи хранителем хлебных складов, без разрешения султана начал раздачу хлеба голодающим, чем вызвал его гнев), очень сильный Деканский голод 1630–1632 гг. во времена Империи Моголов (унесший жизни до 7,2 млн человек). Голод в разных регионах Индии был в 1509, 1520, 1555, 1557, 1570, 1629, 1655, 1682 гг. – и все эти эпизоды приходятся на время

правления самых разных индийских правительств. Английское владычество в Индии начинается только в 1757 г., когда британцы победили наваба Бенгалии в битве при Плесси и получили контроль над регионом. И всю первую половину XVIII в. сообщения о голоде в том или ином регионе Индии приходится практически на каждый год.

Например, о голоде в 1509 г. есть свидетельство португальского офицера Дуарте Барбозы. Он писал: *«...это самая обеспеченная из всех земель в этой части Индии, за исключением Камбайи, но в некоторые годы случается так, что дождя не бывает, а затем возникает такая нехватка среди них, что многие умирают от голода, и по этой причине они продают своих детей за четыре или пять фанамов за каждого»* [433]. О голоде в 1570 г. Роберт Колдуэлл писал: *«...великий голод на рыбном побережье. Отец Энрикес основал дома помощи голодающим, в некоторых из которых ежедневно кормили по пятьдесят человек»*. У Жозе де Соуза Амаду в «Истории Католической Церкви в Португалии» говорится о том же голоде, что *«голод достиг такой степени, что многие из них не выдержали; и были отцы, которые продавали своих детей за низкую цену; мужья своих жен; братья своих братьев; чтобы сохранить жизнь еще на несколько дней»* [434]. О тяжелом голоде 1737 г. индийский историк Джадунатх Саркар писал: *«...в течение 1737 года жестокий голод из-за нехватки осадков опустошил Бандельканд и северо-восточную часть Малвы, до берега Джамуны. Источники во-*

ды на пути иссякли, и нигде в этом обширном крае не было еды для людей или лошадей до наступления нового урожая. В следующем, 1738 году голод распространился на районы Аурангабада и Ахмаднагара в Декане» [445, р. 169].

Ситуация с голодом в 1770 г., как и большинство предыдущих голодных лет, была связана с неурожаем, вызванным засухой. По всей видимости, за большую часть голодных лет в Индии виноват т. н. Эль-Ниньо – природный феномен, открытый только в конце XIX в., заключающийся в аномальном повышении температуры поверхностного слоя воды экваториальной части Тихого океана, что приводит к изменению количества атмосферных осадков и нарушению атмосферной циркуляции в тропической зоне. Происходит такой феномен примерно каждые семь лет, хотя эпизодичность варьируется от трех до восьми лет. Уже в 1768 г. был плохой урожай, а в следующем году регион настигла сильная засуха, что привело к еще худшим сборам риса. Несколько месяцев 1770 г. были действительно голодными и люди умирали от истощения и слабого иммунитета (проблем добавила эпидемия оспы), однако к концу года благодаря обильным дождям Бенгалия получила достаточный урожай, чтобы голод прекратился. Само собой, когда были голодные месяцы, цены на еду стали ползти вверх, делая ее недоступной для особенно бедных слоев населения, и английская Ост-Индская компания едва ли могла бы единолично предпринять масштабный план действий, поскольку большинство постов в стране выс-

шего, среднего и низшего звена продолжали занимать представители местных элит.

Преувеличения, обусловленные националистическими чувствами и идеологическими соображениями, касательно голода 1770 г. сильно искажают реальную картину. Так, цифра числа погибших в 10 млн, которая фигурирует во многих источниках, представляет собой всего лишь оценку губернатора Калькутты Уоррена Гастингса, а не подтвержденные данные. Современные исследователи снизили это число до менее 1,5 млн случаев. Впрочем, дело даже не в цифрах, ибо любая смерть от голода – это трагедия, а в том, чтобы показать, чем отличается естественный голод от искусственного на конкретных примерах и как на голод обычно реагировали власти, не руководствующиеся идеологическими соображениями. Голод 1770 г. был естественным и очередным в длинной череде подобных эпизодов, и активно муссируется только потому, что пришелся на английское правление, представляющее собой вечный объект критики для левых авторов. Однако это был не последний голод в Индии, и англичанам еще предстояло столкнуться с новыми эпизодами голода, о чем мы поговорим далее. Но прежде следует напомнить о голоде, который случился всего лишь через 13 лет после бенгальского – голоде в Северной Индии в 1783–1784 гг. и голоде «Доджи бара» в 1789–1792 гг. Причиной снова была засуха, вызванная Эль-Ниньо. В этих эпизодах голод особенно сильно настиг регионы, управляемые индий-

цами (государство Маратхов), в то время как британские регионы пострадали в меньшей степени – возможно, что сказался опыт, полученный после голода 1770 г.

В дальнейшем, как уже говорилось, английским правителям Индии приходилось сталкиваться с голодом неоднократно, и каждый раз, хоть и трагический, не оставался совсем уж безуспешным. Например, благодаря действиям губернатора Ричарда Темпла во время продовольственного кризиса в Бихаре 1873–1874 гг. удалось вообще избежать голода. Об угрозе голода стало известно заранее, поэтому было закуплено 450 тыс. тонн риса из соседней Бирмы, а кроме того, выделены деньги на организацию помощи местному населению и организацию общественных работ. Все эти меры позволили без массовых смертей дожидаться сезона дождей, и даже осталась часть неиспользованного продовольствия. Однако уже через несколько лет Индию поразил мощный голод 1876–1878 гг., снова из-за Эль-Ниньо, и в этот раз британское правительство не было столь щедрым. Хотя помощь продолжала выделяться как в виде общественных работ, так и в виде безвозмездной помощи детям, нищим и старикам, от самого голода и от болезней, вызванных падением иммунитета, погибли миллионы людей. Масштабы оказались слишком серьезными, поэтому в 1880 г. была учреждена специальная Комиссия по борьбе с голодом в Индии, а в 1883 г. был принят Индийский кодекс голода (Indian Famine Code of 1883). Используя данные предыдущих кризисов и современные на-

учные достижения, англичане составили подробную классификацию ситуаций нехватки продовольствия по шкале интенсивности и в соответствии с каждым уровнем кризиса перечень обязательных мер для предотвращения голода, удержания его в рамках продовольственного кризиса и помощи населению. Впервые применить кодекс на деле предстояло в 1896–1897 гг., когда Индию, как под властью британцев, так и под властью индийских князей, снова поразил голод и эпидемии малярии и холеры. Голод затронул территорию с населением в 70 млн человек, а число погибших дошло до 1 млн. Несмотря на такое число жертв, кодекс дал эффект. Для сравнения, во время голода 1876–1878 гг. на территории с населением в 58 млн погибло до 8 млн человек. Наиболее эффективной помощь в соответствии с кодексом оказалась в северных регионах Индии, но потерпела неудачу в центральных регионах из-за нежелания местного трудоспособного населения выполнять необходимые для получения продовольственного пайка общественные работы.

Последний крупный голод в Индии²⁹ случился в 1899–1900 гг., вновь из-за Эль-Ниньо. Историки расходятся в оценке числа жертв – от менее чем 0,5 млн до нескольких миллионов. Однако это был действительно последний крупный голод в Индии, чему способствовал не только кодекс 1883 г. (в основе своей действовавший и после обрете-

---

²⁹ Не считая голод 1943 г., случившийся в Бенгалии во время Второй мировой войны.

ния Индией независимости, оказав влияние на последующие продовольственные программы), но и активное строительство железных дорог. Благодаря железнодорожному транспорту индийские фермеры получали доступ на весь индийский рынок; кроме того, рос экспорт и на внешние рынки. Это увеличивало доходы сельского хозяйства и рост накоплений у фермеров, которые можно было использовать в трудные годы. Ускорение передвижения людей и товаров облегчало доставку помощи между регионами. Расширялись посевные площади, осваивались более трудоемкие сельскохозяйственные культуры, что увеличивало спрос на рабочую силу и рост зарплат у сельскохозяйственных работников. Повышение мобильности благодаря поездкам позволяло наиболее уязвимым работникам временно покидать пораженные засухой регионы и искать работу там, где засухи не возникло.

Оценивая влияние британского правления в Индии на голод, многие оказываются дезинформированы мощной пропагандой, единственной задачей которой является оправдание социалистических экспериментов в новейшее время. Объективно же оценивая действия британских властей, мы заметим, что англичане, вообще-то, были первыми, кто начал тщательно фиксировать и собирать информацию о погоде, засухах и голоде, и эта информация дошла до нас. Прежние данные о голоде либо плохо сохранились, либо представляют собой просто свидетельства о голоде от отдельных грамотных лиц, никак не связанные между собой в единый ана-

лиз данных. Сталкиваясь с голодом на протяжении сотен лет, правители Индии не смогли учесть все наблюдения и создать систему, которая помогла бы заранее подготовиться к голоду, в то время как англичанам это удалось.

* * *

Теперь, после краткого обзора эпизодов естественных продовольственных кризисов и голодных лет и реакции на них государств и обществ в XVIII–XIX вв., мы можем перейти к примерам голода, который повсеместно терзал социалистические страны XX столетия.

Больше всего не повезло России. На ее территории за 74 года правления большевиков голод бушевал трижды и каждый раз вызывался определенной политикой властей. Самый первый голод настиг советскую Россию в 1921 г. На тот момент Гражданская война уже клонилась к своему завершению, но продовольственный кризис уже несколько лет как ощущался в крупных городах, где производилась промышленная продукция, и в разраставшейся Красной армии. Для большевиков поддержание лояльности пролетарских масс и солдат было делом первоочередной важности, поэтому еще в 1918 г. была введена т. н. продовольственная диктатура. Согласно декрету ВЦИК и СНК «о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию» от 13 мая 1918 г., помимо хлебной монополии и твердых цен, устанавливалось

правило, согласно которому каждый владелец хлеба обязан был «по твердой цене» сдать государству весь свой хлеб, кроме необходимой для выживания и обсеменения полей нормы. Все сопротивляющиеся данному декрету крестьяне объявлялись кулаками и врагами народа, поэтому для «беспощадной борьбы» с ними призывались к объединению «все трудящиеся и неимущие крестьяне». За невывоз хлебных запасов на ссыпной пункт и «расточительство их на самогонку» полагался революционный суд, тюремный срок не менее десяти лет, конфискация имущества, общественные работы и изгнание из крестьянской общины. Народный комиссар по продовольствию наделялся чрезвычайными полномочиями, мог издавать постановления сверх компетенции своего наркомата, применять вооруженную силу, увольнять, смещать, предавать суду должностных лиц и служащих всех ведомств в случае их вмешательства в деятельность наркомпрода и т. д. [68]. Однако продовольственная диктатура привела к росту недовольства крестьянства большевистской властью и многочисленным восстаниям. Большевиков на селе поддерживали только комитеты бедноты. Крестьянам было не просто невыгодно, но и невозможно сдавать зерно государству по низкой цене, в то же время свободная торговля продовольствием и товарами первой необходимости попросту запрещалась в рамках политики «военного коммунизма». Но даже сдача зерна по твердой цене была фикцией, и де-факто крестьяне отдавали его безвозмездно: в 1919 г. быстро обес-

ценивающимися совзнаками и промтоварами было компенсировано только 50 % сданного зерна, а в 1920 г. эта доля упала до 20 % [141].

В начале 1919 г. большевики перешли к более жесткой политике продразверстки, причем продовольственная диктатура перекинулась уже на новые территории, вроде Украины, Сибири и Северного Кавказа, прежде удерживаемые белыми. Невыполнение нормы поставок, задаваемых не фактическим запасом продовольствия на селе, а исходя из данных прошлых лет, т. е. с полным игнорированием реальной ситуации, грозило изъятием всего продовольствия и оставлением крестьянина на голодную смерть. При этом, если изначально продразверстка распространялась только на хлеб и зерно, то в 1919/20 г. – уже на картофель и мясо, а в конце 1920 г. – на все продукты. Таким образом, большевики совершенно грубым образом нарушили сельскохозяйственное производство, насильно изымая продукцию или заставляя сдавать ее фактически бесплатно по завышенным нормам, попутно разрушая общинный быт и взаимоотношения, установившиеся на селе, и запрещая продавать продовольствие на рынке. Государство тем самым стало абсолютным монополистом в распределении продовольствия. Само собой, приоритет был у городов и армии, а значит, сельская местность оставалась на грани выживания. Все это привело к масштабному голоду в России в 1921 г., жертвами которого стало до 5 млн человек. При этом в Казахстане голод начался

еще раньше, поскольку за неимением больших запасов зерна продразверстка там изымала скот, который для животноводов-казахов был ключевым источником их выживания.

Разумеется, голод не был спланирован большевиками с целью уничтожить как можно больше населения. В том-то и дело, что он был вызван грубейшей социалистической политикой и социалистическими предрассудками в отношении крестьянства. Большевики до конца были уверены, что у крестьянина что-то припрятано в закромах. В отличие от голода при Сталине в 1931–1933 гг., в 1919–1921 гг. власть отреагировала на бедствие созданием бесплатных столовых и раздачей сухпайков, переброской продовольствия из незатронутых голодом регионов в затронутые, а также закупкой его за рубежом. Была создана комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол). На фоне бедствия Ленин также решил усилить давление на Церковь, организовав конфискацию церковных ценностей, что было лишь циничным использованием ситуации в своих политических целях. Голод был официально признан, и большевики в июле 1921 г. обратились за помощью к иностранным государствам, признав свою готовность принять любую помощь, независимо от ее источника. Помогали и религиозно-благотворительные общества, Международный Красный Крест, Миссия Ватикана. Самый большой вклад в организацию продовольственной помощи сыграла «Американская администрация помощи» США, руководителем которой был будущий президент стра-

ны Герберт Гувер. Однако одну из самых важных ролей в победе над голодом сыграл переход к новой экономической политике и отмене продразверстки с заменой ее продналогом в марте 1921 г. Фактически это был обычный налог натурой, при этом допускалась и свободная продажа сельхозпродукции на рынке. В том же году вышел неплохой урожай, а к 1922 г. голод в целом утих, хотя и встречался в отдаленных регионах даже в 1923 г.

Голод 1919–1921 гг. оказался крупнейшей гуманитарной катастрофой в Европе в XX в. При этом финансовая помощь бедствующим от советского правительства уступала одной от США и благотворительных организаций и других стран в целом, хотя могла бы быть значительно больше. Во время голода в России большевики тратили миллионы на поддержку кемалистов в Турции, где в то время шла война с Грецией. В то же время можно услышать в качестве оправдания отсылки к засухе и действиям белогвардейских и чехословацких частей, мешавших полноценному использованию железнодорожного транспорта. Однако, в отличие от голода в Индии и Ирландии, где непогода действительно очень часто служила причиной повторяющегося кризиса, в России ничего подобного голоду 1919–1921 гг. еще не случалось. Едва ли засуха стала причиной голода в Казахстане, где у казахов изымался скот. Иными словами, трагедии могло и не быть, если бы большевики не проводили политику «военного коммунизма».

Следующий масштабный голод произошел в СССР в 1931–1933 гг. О нем мы уже подробно говорили во второй части книги, поэтому здесь ограничимся лишь общими чертами. Главной причиной голода стала форсированная коллективизация, т. е. окончательное уничтожение крестьянских хозяйств и принудительное их перемещение в колхозы. Село было разорено, миллионы крестьян бежали в города, миллионы были сосланы в самые дальние уголки страны. Большевики изымали пищевую продукцию у хозяйств в ходе «хлебозаготовок», причем зачастую начисто, оставляя людей без еды вообще, в качестве наказания за провал заготовок. В ходе исполнения закона «о трех колосках» с августа по декабрь 1932 г. большевики осудили 125 тыс. человек и свыше 5 тыс. казнили. Согласно заявлению Государственной Думы РФ от 2 апреля 2008 г., *«в результате голода, вызванного насильственной коллективизацией, пострадали многие регионы РСФСР (Поволжье, Центрально-Черноземная область, Северный Кавказ, Урал, Крым, часть Западной Сибири), Казахстана, Украины, Белоруссии. От голода и болезней, связанных с недоеданием, в 1932–1933 годах там погибло около 7 млн человек»*. Несмотря на наличие засухи, которая не впервые настигла сельскохозяйственные регионы, основной причиной именно голода, т. е. массовой смерти людей из-за отсутствия еды, было разрушение сельского хозяйства в ходе коллективизации, нарушение правил севооборота, игнорирование реального наличия запасов зерна в уго-

ду плановым хлебозаготовкам, т. е. нереалистичные завышенные нормы сдачи хлеба и традиционные большевистские предрассудки в отношении крестьянина, нежелание признавать провал коллективизации и сокрытие голода от международной общественности, которая могла бы оказать помощь, как в 1921 г.

Последний голод в СССР произошел в 1946–1948 гг., почти сразу после окончания войны. Из-за засухи на начало 1947 г. было собрано всего 17,5 млн т зерна, что было намного меньше, чем в 1940 г. (36,4 млн т) и в 1945 г. (20 млн т) [287]. Однако такой урожай вовсе не обрекал страну на голод, если бы его смогли распределить должным образом, тем более что государственные резервы хлеба были в начале 1946 г. даже выше, чем в 1940 г.: 10 млн т против 4,3 млн т соответственно. Даже в середине 1947 г. они оставались выше, составляя 4,7 млн т [274]. Несмотря на засуху и плохой урожай, причины избыточной смертности, оцениваемой в 1–1,5 млн человек, были искусственными и системными: низкая эффективность колхозного хозяйства, порча урожая на элеваторах из-за бесхозяйственности и бюрократизма, экспорт зерна во Францию и восточноевропейские страны в политических целях и денежная реформа 1947 г., ударившая по деревне, – всего этого в середине XX в. в европейской стране можно было бы избежать.

Как пишет И. Ратьковский и М. Ходяков в работе «История Советской России», «в *первый послевоенный год кол-*

хозы и совхозы не могли противопоставить засухе такого комплекса мер, который не допустил бы ее пагубного воздействия: не соблюдались основные требования агротехники (сроки посева, качество семенного материала и т. д.). На Украине, в Белоруссии во многих колхозах при проведении весеннего сева приходилось использовать вместо лошадей коров» [287]. Советская власть снова пыталась применять методы чрезвычайных полномочий, но многочисленные мелкие колхозы, составлявшие основу сельского хозяйства, не имеющие достаточного уровня механизации, мотивации и опыта, просто физически не могли демонстрировать чудеса. Настолько низкая отдача от колхозного хозяйства стала очевидной даже обычно упертому социалистическому руководству, поэтому с 1950-х гг. колхозы начали сокращать за счет укрупнения в более крупные хозяйства, сократив с 1950 г. по конец 1952 г. с 225 тыс. до 95 тыс. В дальнейшем колхозы все больше отходили от прежней модели принудительного коллективного хозяйства крестьян, превращаясь в агрокомплексы, управляемые чиновниками, присылаемыми «сверху». Те же авторы пишут про денежную реформу, что она нанесла значительный ущерб колхозникам, ухудшив и без того тяжелое их положение в голодные годы: «...тяжелым ударом по деревне стала денежная реформа... Обмен старых денег на новые производился с ограничениями, а именно – 10 рублей в старых деньгах на 1 рубль в новых. Переоценка вкладов населения в сберкассах и Госбанке осуществлялась на бо-

лее льготных условиях – вклады размером до 5 тыс. рублей включительно оставались без изменения, т. е. переоценивались 1 рубль старыми деньгами на 1 рубль новыми. В постановлении 14 декабря 1947 г. отмечалось, что при проведении денежной реформы произойдут “известные жертвы”. Объявлялось, что “большую часть жертв государство берет на себя. Но надо, чтобы часть жертв приняло на себя и население, тем более что это будет последняя жертва”. Реформа привела к принудительному изъятию денег у всех, кто каким-либо образом накопил значительные суммы. Пострадали в основном те, кто хранил деньги в “кубышках”, вне государственных сберегательных касс. Большие всего среди этой категории населения оказалось именно сельских жителей» [287]. Сельское население буквально «обули и раздели» даже в том, что касается широко тиражируемого «сталинского снижения цен после войны»: «...в последующие несколько лет в СССР регулярно проводились снижения розничных цен на товары народного потребления. Как правило, объявлялось, что эта мера связана с “успехами, достигнутыми в области промышленного и сельскохозяйственного производства, ростом производительности труда и снижением себестоимости продукции”. Однако в основе данной политики лежала перекачка средств из сельского хозяйства. В значительной степени снижение цен было подчинено политическим, а не экономическим целям. Оно выросло из колониальной политики по отношению к деревне и приводило к еще

большему ухудшению материального положения крестьян» [287].

Другая причина, почему продовольственный кризис был превращен в голод, заключалась в советской внешней политике. В разгар голода 1946–1948 гг. СССР щедро поставлял зерно в другие страны в политических целях. Например, Франции было выделено 0,5 млн т зерна в 1946 г. просто для того, чтобы поддержать французских коммунистов перед выборами, на которых они действительно смогли получить больше всего мест в парламенте [274]. Само собой, щедро получили и восточноевропейские страны: Чехословакия, Югославия, Польша, Румыния, Болгария, Венгрия и т. д. Совокупно в 1946–1947 гг. все вышеперечисленные страны, включая Францию, получили 2,5 млн т зерна. Еще больше было экспортировано в последний голодный 1948 г. – 3,2 млн т зерна [116, с. 149]. Список стран-получателей помощи прибавился Бангладешем, Пакистаном, Израилем и т. д.

Само собой, простые жители *«голодающих районов рассматривали поставки зерна за границу как политику, враждебную по отношению к ним: “Меньше продавать хлеба за границу. Кормить досыта свой народ...”*, *“Куда идет наш хлеб – в Берлин для наших исконных врагов, кто уничтожил богатства нашего труда? А теперь сидите (дурака вы трудитесь), а мы будем пожирать ваш труд”*» [274].

Письма советских граждан свидетельствуют об ужасе, который царил среди них в связи с голодом. Вот только несколько выдержек из множества личных свидетельств: *«Надвигающийся голод страшит, моральное состояние подавленное. Дети наши живут зверской жизнью – вечно злы и голодны. От плохого питания Женя стал отекает, больше всего отекает лицо, очень слабый»*; *«дома дела очень плохие, все начинают пухнуть от голода: хлеба нет совсем, питаемся только желудями»*; *«мы погибаем от голода. Хлеба нет, есть нечего. Жить осталось считаные дни, ведь, питаясь водой, можно прожить только неделю»*; *«хлеба нет, и не знаем, как пережить голод. Хлеба никому не дают. Народ начинает опухать. В нашем колхозе и в соседнем хлеба совсем не дали – дело плохо»*; *«жить мне осталось недолго: я совсем обессилел от голода, ноги и лицо стали опухать, голова кружится»*;

«я продал всё, чтобы спасти жизнь. Большие продавать нечего, остается одно: или умереть, или решиться на что-то другое, иначе погибель. Я уже начинаю пухнуть. Мне не страшна тюрьма, ибо там я могу получить кусок хлеба» [121].

Безусловно, вышеназванные факторы говорят нам о том, что такого положения дел можно было избежать. И госрезервы зерна были вполне обильными, и урожай не был катастрофическим. Но сама социалистическая система с ее централизованным производством и распределением благ со все-

ми вытекающими отсюда издержками не была в состоянии справиться с такой задачей. Одной из издержек мощной централизации экономики была бюрократизация и связанная с ней бесхозяйственность (так как по факту блага никому не принадлежали), сочетаемая с информационной слепотой государственных органов в силу отсутствия рыночных цен. В результате огромная часть урожая была потеряна, испорчена влагой из-за несвоевременной подачи транспорта (который принадлежал государству) и т. д. Историк В. Зима в подробностях рассказывает, как это было, в своей книге «Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия»:

«В послевоенное время порча государственного хлеба на элеваторах, складах, железнодорожных станциях, пристанях и при перевозке достигала неслыханных размеров. Убранное с таким трудом и сданное государству зерно сваливалось в грязь, мокло под дождем, покрывалось снегом, портилось, списывалось и тайно уничтожалось. Проявляя нездоровую озабоченность пополнением хлебных резервов, правительство опять-таки репрессиями пыталось остановить растущую бесхозяйственность и безразличие к государственной собственности. Это подтверждали два грозных постановления Совмина СССР и ЦКВКП(б) от 27 июля и 25 октября 1946 г. “О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи”, которые способствовали очередному усилению административной и уголовной ответственности. Однако в последую-

щие месяцы порочная практика даже усилилась. В самом начале января 1947 г. в Секретариат ЦК ВКП(б) поступила записка от уполномоченного Комитета партийного контроля по Челябинской области "О массовой порче зерна на Троицком элеваторе Челябинской области". Не менее тревожные сигналы были получены из Алтайского края, Ульяновской области, Удмуртской АССР и др. С большим опозданием 4 октября т. г. Совмином СССР было принято постановление "О мерах по обеспечению сушки сырого и влажного зерна и сохранности хлеба". Прямой контроль за выполнением постановления был полностью возложен на МВД. О нарушениях установленного порядка хранения хлеба информировались местные советские и партийные органы, а злостные нарушители и саботажники привлекались к уголовной ответственности... Ряд колхозов и совхозов не принятый у них из-за сильной влажности хлеб бросали на дворах ссыпных пунктов. При проверке Балаковского пункта "Заготзерно" в Саратовской области на его территории было обнаружено на земле 113 т брошенного зерна, словно сами колхозы в нем не нуждались. Хотя в 1947 г. многие из них не рассчитались со своими колхозниками зерном по трудодням. Директор известного на всю страну Лабинского совхоза Краснодарского края, после безответных обращений в вышестоящие инстанции, направил телеграмму Маленкову. В ней он сообщал, что у них в совхозе из-за неподачи вагонов в бунтах лежало неукрытое и в больших коли-

чествах портилось 8 тыс. т хлеба. В то же время рабочие совхозов не обеспечивались хлебными пайками и голодали. На открытой площадке железнодорожной станции, как и на заготовительном пункте, уже никто не смел брать обреченное на догнивание зерно. МВД следило, чтобы всякое даже несъедобное зерно надежно охранялось, т. е. “заботилось” о том, чтобы люди им не отравились. В течение ноября 1947 г. органами МВД было выявлено 211,4 тыс. т зерна, зараженного амбарными вредителями и 22,7 тыс. т полностью испорченного. В Алтайском крае на Овчинниковской базе Министерства продовольственных резервов обнаружено около 200 т хлеба, оставленного на месте бывших бунтов. Зерно проросло и превратилось в сплошную грязно-зеленую массу. На Троицкой базе того же министерства в силосную яму было сброшено около 70 т ржи, спрессовавшейся в черные комья. На территории той же базы находились кучи сгнившего, смешанного со снегом зерна. Одними репрессиями правительство не смогло остановить напор бесхозяйственности и постоянно растущую порчу отобранного у народа хлеба, поэтому в 1948 г. многое повторилось. В разгар уборочной 20 августа т. г. Совмин СССР принял постановление “О мероприятиях по обеспечению сохранности хлеба урожая 1948 г. на заготовительных пунктах Министерства заготовок и базах Министерства государственных продовольственных и материальных резервов”, а 20 ноября – второе постановление о ходе выполнения первого. Оба

постановления, подписанные Сталиным, также не сработали. Опасаясь наказания, заведующие пунктами предоставляли ложные отчеты о качестве состояния зерна. Ввиду недостатка транспортных средств и перегруженности складов укрупненных пунктов, в 1948 г. вывозка зерна из глубинных пунктов почти не производилась. По неполным данным в СССР на 10 октября 1948 г. установлено самосогревание 611,5 тыс. т зерна. В восточных районах большое количество греющегося зерна имелось в Алтайском крае – 12,4 тыс. т, Красноярском – 8,1 тыс. т. В течение сентября и первой декады октября т. г. на отдельных заготовительных пунктах этих краев было обнаружено 14,7 тыс. т зерна ухудшенного качества. В Горьковской области в результате невыполнения правил сушки и совместного складирования сырого и сухого зерна только на 4-х проверенных заготпунктах контролерами было выявлено 530 т испорченного зерна. Директор зерновозы “Сибирская пристань” Гуткин “допустил” порчу свыше Ют зерна. Чтобы избежать наказания, он вывез испорченное зерно на один из складов на берегу Волги, где в половодье оно было смыто водой. По нашим расчетам, испорченного хлеба могло бы хватить для того, чтобы оплатить натурой выработанные трудодни голодавшим колхозникам России, Украины, Белоруссии, Молдавии. Вместо этого огромное количество зерна было загублено и списано. Прелое, проросшее зерно направлялось на потребление населению. Мука из такого зерна по-

лучалась непривычного цвета и запаха, а хлеб, как вспоминали очевидцы, не могли склеить самые опытные пекари» [116, с. 150–153].

Голод в 1946–1948 гг. был последним в короткой истории СССР. После смерти Сталина и ухода вслед за ним идейных большевиков старой закалки колониальная политика города в отношении деревни прекратилась. При Хрущеве и Брежневем высасывание ресурсов из села для индустриализации сменялось политикой государственных инвестиций в развитие сельской местности, в которой продолжала жить значительная часть населения. Колхозы постепенно сменялись совхозами, а колхозники перестали рассматриваться с привычных для социалистов предвзятых к селу позиций. Что характерно, индустриализация (рост вторичного сектора) в стране продолжилась, и это подтверждает наш тезис, что для роста индустрии в 1930-е гг. не требовалось проводить агрессивную политику перекачки ресурсов от крестьян в город.

* * *

Но социализм строился не только в России. Катастрофический по масштабам голод произошел в соседнем Китае, где в 1949 г. к власти пришли коммунисты под руководством Мао Цзэдуна, верного и последовательного ученика Сталина.

Великий китайский голод 1959–1961 гг. наступил в ре-

зультате политики «Большого скачка», в ходе которого была проведена коллективизация не только сельских, но и городских хозяйств, объединенных в коммуны. Как и в России в 1920-1930-е гг., сельское население составляло подавляющее большинство в Китае 1950-х, а это означало, что в эксперименте были задействованы сотни миллионов людей, для которых принудительно обобществленное хозяйство было совершенно чуждым и разрушительным для их привычного уклада.

Иронично, что в соответствии с программой 1947–1952 гг. конфискованная у богатых землевладельцев земля передавалась крестьянам. Но уже в 1953 г. экспериментаторы из компартии ввели централизованную систему заготовок сельхозпродукции для обеспечения форсированной индустриализации в городах, что предполагало в скором времени переход к полноценному обобществлению хозяйств. В 1958 г. была введена т. н. система «хукоу», ограничивавшая передвижение населения из сел в города. В августе того же года в официальном издании Коммунистической партии Китая «Жэньминь Жибао» вышла статья, заголовок которой вскоре превратился в лозунг: «Земля отдаст столько зерна, сколько мы осмелимся взять». На фоне этого лозунга проводилось не только обобществление крестьянских средств производства, но и даже средств потребления. Повсюду в Китае стали открываться общественные столовые, в которых запасы продовольствия, произведенные огромным трудом всеми

членами колхоза, каждый по отдельности мог потребить в неограниченном объеме. Разумеется, это приводило к эффекту «приватизации прибыли, национализации убытков» и падению стимула к труду, поскольку никто не контролировал эффективность каждого отдельного члена хозяйства и в массовом порядке появлялись лодыри.

Местные власти сообщали о рекордных урожаях зерна, сообщая то, что хочет услышать председатель партии Мао Цзэдун, а независимых СМИ не было, поэтому любая информация воспринималась некритически, могла быть искажена, а значит, требования центра по заготовкам почти всегда не соответствовали реальным возможностям хозяйств. *«16 июня 1958 года самый знаменитый и наиболее авторитетный китайский ученый Цянь Оюэсэнь опубликовал в газете China Youth (“Чжунго Цинняньбао”) статью, в которой говорилось, что теоретически с одного му земли можно снимать до 25 тысяч килограммов риса или пшеницы, поскольку растения усваивают 30 % получаемой ими солнечной энергии. Статья особо не обсуждалась, и Мао Цзэдун воспринял ее как теоретическое доказательство целесообразности “большого скачка” в сельском хозяйстве. Строго контролируемые СМИ замалчивали иные точки зрения, так что Пекин пал жертвой собственного вмешательства в дела печати. Министерство сельского хозяйства, наивно принимая на веру поступавшие с мест сообщения о необычайно высоких урожаях, выступило с прогнозом, согласно*

которому производство зерновых в 1958 году должно было повыситься почти на 70 %. Мао Цзэдун вместе с другими представителями центрального аппарата поверил, что пора задуматься о хранении и реализации избытков зерна. Неудивительно, что в 1958 году у крестьян изъяли больше зерна, чем раньше, а в 1959-м – еще больше. Экспорт зерновых вырос с 1,93 миллиона тонн в 1957 году до 2,66 миллиона в 1958-м, 4,16 миллиона в 1959-м и 2,65 миллиона в 1960-м – прежде чем в 1961 году Китай перешел к импорту. В 1959 году Мао объявил, что производство зерновых в Китае достигло 375 миллионов тонн, однако в действительности было собрано около 170 миллионов. Как это ни абсурдно, Китай агрессивно наращивал экспорт зерна в то самое время, когда миллионы крестьян умирали от голода. Получив первые сообщения о голоде в провинции Хэнань, убоившиеся наказания местные власти сделали все возможное, чтобы скрыть этот факт, – и упустили момент, когда еще можно было попытаться исправить ситуацию. К тому же прикрепленные к земле крестьяне не могли уйти из деревни, даже если им угрожала голодная смерть. Массовый исход сельского населения был бы воспринят как свидетельство некомпетентности местных органов власти. Кроме того, ликвидация частной торговли означала невозможность поставок зерна в районы, которые особенно остро в нем нуждались» [152, с. 34–35]. На этом бедствия китайских крестьян не заканчивались. Им приходилось не только работать

в поле, но и вместо отдыха заниматься выплавкой чугуна и стали в примитивных деревенских печах. Качество этого металла было совершенно неприемлемым для использования его в промышленности, зато формально компартия отчитывалась о росте выплавки стали на 30–45 % и скорой победе над США по этому показателю.

Таким образом, социалистическая политика коллективизации совокупно с отсутствием свободы слова и печати, системой террора и страха местных властей перед центром была во всех мельчайших подробностях повторена китайцами спустя 20 лет после тяжелейшего голода в СССР. Совершенно неадекватный настрой Мао Цзэдуна и компартии в отношении индустриализации и коллективизации сделал здравый смысл уделом врагов народа и агентов капитала. Это можно проиллюстрировать на примере объявленной коммунистами борьбы с воробьями в 1955 г. Маленькие птицы обвинялись в расхищении зерна. В типичной для социалистического Китая манере борьба с птицами оформилась в целое общенародное движение, которое получило характер чуть ли не священной войны против грозного врага. Люди всех возрастов были мобилизованы в городах и деревнях, чтобы шумом, издаваемым гонгами и барабанами, изгонять воробьев из гнезд, а затем ловить в сети и приманки, сбивать из рогаток и травить всеми доступными средствами. Итогом такой кампании стало почти полное уничтожение воробьев и полное раздолье для насекомых-вредителей. В 1957 г. орни-

толог Ченг Цосину опубликовал статью, в которой поделился важными выводами своих исследований: оказывается, воробьи не только поедают зерно, но еще и помогают бороться с опасными для сельскохозяйственных культур насекомыми. И хотя к ученому сообществу социалистическое руководство прислушалось, убрав воробьев из списка врагов в 1959 г. (где все еще оставались мыши, мухи и другие насекомые), это не обезопасило Ченга от дальнейших преследований. Ученого стали критиковать за то, что он якобы посмел проставить под сомнение идеи Мао Цзэдуна, ведь именно председатель объявил кампанию по борьбе с птицами. Однако реальность была неумолима: исчезновение воробьев не только не спасло урожай, но и способствовало гибели его части от многочисленных насекомых, которых китайское руководство «спасло» от естественного природного врага, чем усугубило масштабы голода. Таким образом, из-за коллективизации и нарушенной экосистемы в 1959–1961 гг. погибло до 40 млн человек, что по абсолютным числам было совершенно немыслимым масштабом голода для XX столетия.

Может показаться удивительным, что глубокий продовольственный кризис настигал социалистические страны даже в 1990-е гг., однако это печальная правда. После распада СССР, служившего рынком сбыта для многих соцстран мира, для Северной Кореи и Кубы наступили тяжелые времена. Привыкшие к регулярной безвозмездной помощи Страны Советов, эти государства оказались совершенно не гото-

вы к самостоятельному существованию без «старшего брата». Их плановые социалистические экономики, где уже давно были выкорчеваны частные производители, не были рассчитаны ни на мировой рынок, ни на самообеспечение базовыми товарами. Кризис на Кубе возник еще в 1990 г., но продолжался даже в 1995 г. В течение этого периода кубинцы ощущали голод: взрослые имели среднесуточное потребление белка 15–20 г и теряли в среднем 5–25 % от массы тела, коэффициент смертности среди пожилых людей увеличился на 20 % с 1982 по 1993 г. 30 тыс. кубинцев покинули страну, многие такие эмигранты утонули или были убиты акулами в Мексиканском заливе. В 1993 г. Куба приняла американские пожертвования в виде продовольствия, медикаментов и наличных денег, а в 1994 г. была создана система фермерских рынков для обеспечения легкого доступа к местным продуктам питания [441].

Аналогично Кубе КНДР сильно зависела от экономической помощи СССР и его сателлитов, в то же время не предпринималось никаких попыток реформировать карточную систему распределения продуктов питания, поэтому голод нагрелся в страну в 1995–1999 гг. Ситуацию осложняли неблагоприятные погодные условия, которые, как и в случае с голодом в Поволжье 1921 г., не привели бы к голодной смерти в случае наличия рыночной системы производства и распределения благ и адекватной реакции властей. Результатом неприспособленности социалистической систе-

мы к таким ситуациям жертвами голода стали до 3,5 млн человек, также было зафиксировано людоедство. В отличие от голода в СССР, который все же был довольно неожиданным, для КНДР ситуация усугубляется тем, что продовольственный кризис начался еще в 1990 г. и у компартии Кореи было минимум пять лет, чтобы предпринять необходимые меры и не превратить кризис в голод. Вместо реформ власти призывали в 1992–1993 гг. просто меньше есть – вместо принятия пищи три раза в день делать это всего лишь дважды. Карточки продолжали выдаваться, но получить еду по ним становилось все сложнее. Когда в 1995 г. сильные дожди уничтожили значительную часть урожая, кризис обернулся катастрофой. Лишь благодаря международной гуманитарной помощи и появлению стихийных рынков голод постепенно удалось обуздать. Что характерно, в Северной Корее не было даже подобия колхозных рынков, как в сталинском СССР. Коммунистические власти Кореи, несмотря на голод, продолжали бороться с рынками, где можно было купить пищу, встречая саботаж на уровне низшего чиновничества, наиболее приближенного к реальности. В своей неадекватности северокорейское руководство, пожалуй, опередило все остальные социалистические режимы XX столетия, столкнувшиеся с голодом.

Социализм и концлагерь

Концентрационные лагеря – места, в которых люди содержатся произвольно, как правило без предъявления обвинения или без соблюдения правовых процедур, связанных с обвинением и защитой в объективном судебном процессе; подвергаются дискриминации, тяжелому физическому труду и даже умирают от болезней или истощения. Это постыдное и печальное явление новейшего времени, которое практиковали многие государства. Однако ни в одной стране мира такие лагеря не стали частью долговременной системы дискриминации идеологически неудобных граждан, как это произошло в социалистических режимах XX столетия. Только социалистические режимы держали в десятках лагерей собственных граждан в мирное время, нарушая тем самым все обязательства государства перед гражданином и преступая порог законности и правопорядка ради достижения идеологических целей. Чтобы не быть голословными, нам необходимо разобраться в таком феномене, как концентрационный лагерь, и рассмотреть его применение режимами, которые не являлись социалистическими.

Сам термин “Campos de Concentration” впервые появился, по всей видимости, для обозначения эпизодов интернирования гражданского населения в укрепленные города испанскими военными властями в рамках борьбы с широко-

масштабным партизанским движением в годы войны за независимость на Кубе в 1896–1897 гг. Суть такой политики заключалась в том, чтобы изолировать деревни и города от повстанцев и поставить все передвижение товаров под контроль армии, лишить повстанцев всяких связей с семьей и продовольствия. Эта идея пришла в голову испанскому военачальнику Валериано Вейлеру, который принял командование армией на Кубе для борьбы с партизанами, приказав всем жителям сельских районов или районов за пределами линии укрепленных городов сосредоточиться в городах, занятых войсками, в течение восьми дней. Всякого, кто ослушался бы этого приказа или кто будет найден за пределами предписанных районов, следовало признавать мятежником. Вейлер запрещал вывозить продукты питания из городов и перевозить их в другие города морем или сушей без разрешения военного командования. Нарушителей этих правил предавали суду и осуждали как мятежников. Наконец, владельцам крупного рогатого скота приказывалось отвезти их в города или городские окрестности, где они смогли бы получить надлежащую защиту.

Речь здесь идет не о привычных нам концентрационных лагерях с колючей проволокой и бараками, а насильственным сосредоточением огромных масс населения в городах, где есть гарнизон и укрепления. Однако такая политика Reconcentraci3n не превратилась в систему и была признана чрезмерно жестокой и провальной, особенно учитывая вы-

сокую смертность мирных жителей из-за плохо организованных поставок продовольствия и разразившегося голода.

Количество жертв такой военной меры было огромным, и до сих пор нет единогласного мнения касательно цифр – называли от 60 до 500 тыс. жертв голода и болезней, современные исследования говорят о 170 тыс., или 10 % населения острова [464]. Американские газеты тех лет намеренно преувеличивали число жертв до 225–250 тыс., поскольку США были в плохих отношениях с Испанией и стремились к ее вытеснению с острова [468]. Валериано Вейлер пробыв в должности командующего войсками на Кубе менее двух лет и был отозван обратно в Испанию.

Широко известны концентрационные лагеря для буров в Бурских республиках во время англо-бурской войны 1899–1902 гг. и лагеря в Намибии во время восстания племени гереро в 1904 г. Первые изначально задумывались как лагеря для беженцев, но жестокость военных действий и тактика выжженной земли оставляла без крова и источника пропитания все больше и больше населения, что вкупе с плохим управлением, гигиеной, медициной и постоянными сбоями поставок еды превратило лагеря в настоящий ад. Кроме того, англичане решили повторить откровенно провальный опыт изоляции мирного населения, как это было на Кубе, от их воюющих родственников. Лагеря для беженцев превращались в лагеря для борьбы с партизанами-бурами. Как и в кубинском варианте, партизаны лишались поддержки своих

семей, отрезались от источника продовольствия, а их близкие оказывались фактически в заложниках у противника. Снабжение концлагерей было довольно удручающим, поэтому в них царило сильное недоедание и люди умирали от истощения и болезней, вызванных падением иммунитета. Особенно страдали дети. Принудительному размещению в концлагерях Трансвааля и Оранжевого Свободного государства подверглось свыше 100 тыс. буров и около 107 тыс. их чернокожих сторонников.

В 1900–1901 гг. широкой общественности Великобритании становилось все более понятно, что африканские лагеря для буров представляют собой очень жестокий инструмент для победы над партизанами; это привело к критике правящей партии в средствах массовой информации и парламенте. Значительную роль в освещении событий сыграла Эмили Хобхаус, секретарь South Africa Conciliation Committee, которая указала на проблемы с питанием и антисанитарию в лагерях. Ее активную деятельность в освещении ситуации в Южной Африке поддержали крупные политики. Правительство назначило специальную «комиссию Фоссет», которая провела собственное расследование и подтвердила выводы Хобхаус. Миллисент Фоссет, председатель комиссии, выразила мнение, что главной причиной смертности была антисанитария. В конце 1901 г. лагеря были переданы под управление гражданских властей, были увеличены рационы питания, улучшены медицинское обслуживание и гигиена, бла-

годаря чему смертность в концлагерях стала снижаться. Само собой, после окончания войны в 1902 г. лагеря были расформированы. За все время существования этих концлагерей умерло до 27 тыс. буров (почти все – женщины и дети) и по меньшей мере 15 тыс. чернокожих.

Широкое распространение концентрационные лагеря для интернированных гражданских и военнопленных получили во время Первой мировой войны. Их устраивали все воюющие стороны: Германия с Австро-Венгрией, с одной стороны, и Италия, Франция, Россия и даже Канада – с другой. Если с пленными солдатами всё понятно, то интернированные гражданские включали в себя весьма широкий спектр граждан противоборствующих сторон, иногда даже совершенно случайных. Например, Австро-Венгрия интернировала граждан иностранных государств, не успевших покинуть территорию страны до начала войны с этими странами. В Канаде были интернированы австро-венгерские граждане, также Великобританией туда переводились немецкие военнопленные. Германия и Россия создавали лагеря для пленных русских и немецких, турецких солдат соответственно. Условия содержания во всех этих лагерях были различными: от приемлемых (как в Канаде) до весьма тяжелых (как в Австро-Венгрии). Скученность людей в маленьких тесных бараках, законность военного времени и антисанитария приводили к смертям из-за жестокости надзирателей и распространения болезней. Однако идеологического характера эти

лагери не несли и в основном были расформированы после окончания войны.

Некоторые лагеря Первой мировой просуществовали чуть дольше. В 1919–1920 гг. началась польско-советская война. Это была первая полноценная война молодого социалистического режима с другим независимым государством. В то же время это была первая неудачная война, которую РСФСР проиграла, а из-за поражений значительная часть красноармейцев оказалась в польском плену. Польские концентрационные лагеря для русских, украинцев, а также немцев (часто их называют лагерями для красноармейцев, что не совсем корректно) появились в результате перипетий Первой мировой войны, причем большинство этих лагерей достались Польше от немцев и австрийцев (например, Вадовице, Щиперно, Стшалково, Тухоля, Домбе). В первый год войны красноармейцев было совсем немного – около 7 тыс.; в лагерях также содержались и интернированные русские, в том числе участники белогвардейских формирований и бывшие пленные немецких и австрийских лагерей, которые не имели никакого отношения к советской республике. Положение всех этих людей было вполне приемлемым до «Чуда на Висле» в августе 1920 г. – битве, в которой РККА потерпела сокрушительное поражение и ход войны переломился в пользу Польши. Именно тогда в плен попало более 60 тыс. красноармейцев, и до конца года пленных становилось все больше, их число превысило отметку в 110 тыс. Часть красноар-

мейцев (до 25 тыс.) перешла на сторону поляков и впоследствии принимала участие в боях на их стороне. Так или иначе, к такому притоку военнопленных польские концентрационные лагеря оказались совершенно не готовы, из-за чего они столкнулись с типичными для таких ситуаций проблемами, вроде роста антисанитарии и заболеваемости. Последнее усугублялось пандемией «испанки», охватившей тогда весь мир. Общее количество жертв польских лагерей до сих пор остается предметом споров, но более-менее консенсусные польско-российские оценки приходят к цифре смертности в 12–18% от общего числа заключенных. Интересно, что положение военнопленных вызывало в Польше определенное беспокойство, и в результате критики действий правительства и военного руководства были предприняты некоторые меры для улучшения положения пленных, прежде всего в плане обеспечения продовольствием, медициной и одеждой, также активно действовали общественные организации, вроде Красного Креста. С марта 1921 г., когда был заключен Рижский мирный договор, военнопленные начали возвращаться в РСФСР, а лагеря закрылись.

Трагической страницей истории стали турецкие концентрационные лагеря для армян. Они не были связаны непосредственно с военными действиями и могут считаться частью целенаправленного геноцида армянского населения, проводившегося режимом младотурок в 1915–1922 гг. для получения турецкими радикалами полного контроля над

страной и перехода к турецкому моноэтническому государству. С 1915 г. армян стали подвергать депортации из городов и сел Малой Азии в более отдаленные регионы Османской империи, особенно из исторически армянских регионов Восточной Анатолии. Их намеренно сконцентрировали в Ираке и Сирии в лагерях Дейр-эз-Зор и Рас-аль-Айн, без еды и воды, где многие армяне погибли либо были распроданы в рабство; часть жертв геноцида использовалась в бесчеловечных медицинских экспериментах доктора Мехмеда Решида. В результате невероятно жестокого обращения с армянами количество убитых и погибших в турецких лагерях составило сотни тысяч человек. В 1919 г. были организованы военные трибуналы Антанты и ряд разбирательств по инициативе султана Мехмеда, решением которых к смерти были приговорены ключевые фигуры режима партии «Единение и прогресс», находившейся у власти в 1908–1918 гг. и ответственной за геноцид армян, греков и ассирийцев. Но после прихода к власти кемалистов в 1920 г., младотурецкий курс продолжился, а осужденные трибуналами военные преступники стали «национальными мучениками». Примечательно, что большевики поддерживали младотурецкий режим оружием, боеприпасами и деньгами, а Адольф Гитлер называл лидера младотурок Мустафу Кемалю, устроившего резню христиан в Смирне, своим учителем и великой исторической личностью. Хорошие отношения Турции с СССР продолжались по меньшей мере до середины 1930-х гг. – в

1933 г. нарком Климент Ворошилов даже принял военный парад в Анкаре, стоя на одной трибуне с самим Кемалем. Едва ли это просто совпадение или благодарность за помощь в войне с Грецией в начале 1920-х. Режим младотурок с самого начала, с 1908 г., был революционным. При Мустафе Кемале внутренняя политика режима была во многих отношениях социалистической: *«...юная Турецкая Республика усвоила многое из того, что сегодня называют социализмом. Так, например, плановую экономику – в конце 1920-х даже взяли за основу пятилетний план по индустриализации, всеобщее образование для детей, эмансипацию женщин, строительство общественных поликлиник и больниц, железных дорог и в целом преобразование социальной системы в духе равноправия. И Ленин, и Ататюрк верили в светское правление и стремились снизить влияние религии на своих сограждан. Более того, хотя юридически Турция представляла собой парламентскую демократию, Ататюрк управлял ею в авторитарном духе, пусть мягком, но все же напоминавшем диктатуру. И в целом, хоть Турция не называла себя социалистической страной, не будет ошибкой считать, что Ататюрк усвоил многие черты социализма»* [73]. Хотя, пожалуй, правильнее всего режим младотурок и Мустафу Кемалю назвать предшественниками национал-социализма.

Довольно широкую «популярность» среди левых пропагандистов получили лагеря для интернированных американцев японского происхождения во время Второй мировой

войны в США. В конце 1941 г. Япония неожиданно объявила Штатам войну, напав на Перл-Харбор, после чего Америка уже не могла стоять в стороне от мирового конфликта и была втянута в него непосредственным образом. Основные усилия американской армии до лета 1944 г. были направлены на войну с Японской империей в Тихом океане и Восточной Азии. На фоне кровопролитной войны в стране начались антияпонские настроения. В феврале 1942 г. был издан чрезвычайный указ № 9066, в соответствии с которым более 100 тыс. японцев, из которых 66 тыс. были гражданами США, принудительно переселялись с тихоокеанского побережья в лагеря, расположенные в основном на территории резерваций индейцев (за что последние получали компенсацию). Интернирование американцев японского происхождения по решению американского правительства было проявлением не идеологических убеждений, а страха, предрасудков и избыточной предосторожности в условиях войны с Японией, причем, что интересно, японцы, проживающие на Гавайях, оказались практически не затронутыми операцией по переселению. Интернирование японцев с самого начала было временной мерой, продлившейся с февраля 1942 г. по конец 1944 г. Японцы не воспринимались как «враги народа», которые заслуживают смерти или тяжелого труда. В декабре 1944 г. Конституционный суд подтвердил обоснованность переселения военной необходимостью, в то же время указав, что лояльные граждане, независимо от происхожде-

ния, не могут быть задержаны. Таким образом, японцы получали возможность вернуться домой на западное побережье. Однако де-факто лагеря для интернированных японцев уже с 1943 г. не были закрытой зоной, откуда никто не мог выйти. Обитателям лагеря разрешалось работать, учиться и видеться с родственниками за пределами учреждения; некоторые японцы ушли на службу в американскую армию.

Само собой, несмотря на приемлемые условия жизни в американских лагерях, которые невозможно сопоставлять с условиями в лагерях советских, нацистских, австро-венгерских или польских, жизнь в них нельзя было назвать по-человечески достойной и тем более справедливой. 1862 человека умерло из-за проблем со здоровьем, которые могли возникнуть из-за скученности людей и жаркой сухой погоды, так как лагеря часто размещались в непривычном для японцев пустынном климате Среднего Запада, хотя проблем с продовольствием в этих лагерях не было. Обеспечение мест переселения учебной литературой, да и литературой вообще, жилой площадью на одного человека, одеждой, посудой, туалетами и т. д. оставляло желать лучшего. Американцам японского происхождения был нанесен имущественный ущерб, поскольку они не могли взять с собой практически ничего из своих вещей, потеряли работу, были вынуждены впоследствии продать свои дома. Но если имущество всегда можно компенсировать, то психические травмы обернуть

вспять почти невозможно. Чувство унижения и несправедливости было общим местом для многих интернированных японцев. После окончания войны американское правительство постепенно, в том числе под давлением общественности, признало ошибочность указа № 9066 и начало выплату компенсаций – это происходило несколько раз, в 1948, 1988 и 1992 гг. В 1976 г. президент Джеральд Форд официально принес извинения и дал обещание, что такое «никогда больше не повторится».

Последние два примера концентрационных лагерей в несоциалистических режимах, которые мы рассмотрим перед тем, как перейти к анализу роли лагерей в социалистических системах, больше всего похожи на то, что происходило в последних, хотя представляло собой явление несравнимо меньших масштабов. Речь идет о лагере для противников режима в Португалии и импровизированные лагеря в Чили во время правления генерала Пиночета. Эти лагеря функционировали в мирное время и предназначались для изоляции собственных граждан. С социалистическими лагерями их роднит также то, что это были долговременные учреждения.

Португальский концлагерь Таррафаль был основан на острове Кабо-Верде в 1936 г. и существовал с перерывом в 1954–1961 гг. до 1974 г., т. е. до самого свержения режима Салазара. На первом этапе здесь содержались коммунистические и антифашистские активисты. В 1961 г. лагерь был

воссоздан для содержания в нем боевиков антиколониального движения в португальских колониях. Условия в лагере были очень тяжелыми, а пытки и унижительное отношение охранников к заключенным – нормой. При этом многие заключенные были помещены сюда без официального приговора. Тем не менее это был единственный лагерь в стране, и за все время через него прошло всего 566 человек (340 на первом этапе и 226 на втором). Большая часть смертей пришла на период с 1936 по 1945 г., когда погибло 32 человека; с 1945 по 1954 г. умерли всего два заключенных; с 1961 по 1974 г. еще трое заключенных умерли от болезней. Таким образом, по своему размеру и значимости это был довольно небольшой концентрационный лагерь с относительно невысокой смертностью в сравнении даже с польскими лагерями для военнопленных 1919–1921 гг., несмотря на наличие жестоких пыток и плохого медицинского обслуживания. Разумеется, это не служит оправданием для существования такого места, где государство нарушало свои обязанности защищать право на жизнь и собственность своих же граждан, независимо от их убеждений.

В Чили, начиная с 1973 г., когда генерал Пиночет совершил переворот и сверг социалиста Сальвадора Альенде, появилась целая сеть концентрационных лагерей, большая часть из которых была закрыта уже через два-три года. Широкую известность получил лагерь, устроенный прямо на Национальном стадионе города Сантьяго. Через него

прошло около 40 тыс. человек, однако он просуществовал всего два месяца, поэтому в действительности полноценным концентрационным лагерем это учреждение считать нельзя. Корректнее называть его временным центром содержания или даже «фильтрационным лагерем», в котором заподозренные в политической нелояльности граждане либо проходили «тест» на лояльность и освобождались, либо направлялись в полноценные лагеря для длительного пребывания, вроде Писагуа и Чакабуко. Лагерь Писагуа был создан еще в 1940-е гг., но функционировал эпизодически, именно в нем Пиночет успел проработать администратором до того, как пришел к власти. При его режиме данное учреждение было расширено для содержания сторонников свергнутого Альенде, но уже в октябре 1974 г. лагерь был закрыт. Менее чем за два года через лагерь прошло 2500 человек, из которых около 20 человек погибло, т. е. смертность в нем была довольно низкой, что не является поводом считать условия содержания мягкими – пытки, унижения и плохие условия жизни в этом лагере были «на высоте». Концентрационный лагерь Чакабуко проработал с ноября 1973 г. по апрель 1975 г., отличался усиленным армейским контролем (вплоть до охраны периметра танками) и прослужил местом заключения для 1284 мужчин (ни женщин, ни тем более детей в нем не содержали). По оценкам Национальной комиссии по политическим тюрьмам и пыткам, за все время правления Пиночета жертвами незаконного содержания в лагерях и тюрьмах

оказались 28500 человек [451].

Надеюсь, что читателю очевидно, что наличие концлагерей в несоциалистических странах никак не оправдывает наличие оных в социалистических (верно и обратное). С другой стороны, сама идея изоляции противника во время военных действий, которая выступает как альтернатива его прямого физического уничтожения, довольно логична. Но это можно понять лишь тогда, когда ведется война. Когда же в стране мирное время и людей все равно отправляют в изолированный лагерь с ужасными условиями содержания, это едва ли чем-то объяснимо, кроме идеологических установок. Именно так происходило в значительных масштабах в странах, где победил социализм, что мы и увидим на примерах далее и именно так происходило в Португалии и Чили, где масштаб системы лагерей все же был совершенно не сравним ни по длительности, ни по численности жертв с советскими, китайскими, северокорейскими и другими примерами, которые мы рассмотрим ниже. Учитывая, что социализм позиционировал и позиционирует себя в качестве более справедливой альтернативы другим системам, закономерен также вопрос: почему же вы не только делаете то же самое, что ваши противники, но используете их порочные практики еще шире?

Пришла пора рассмотреть концентрационные лагеря, которые существовали в социалистических режимах, и начнем мы с наиболее знакомых нам советских исправительно-трудовых лагерей и колоний (ИТЛ и ИТК). О системе спецпоселений, куда ссылались сначала крестьяне, сопротивлявшиеся насильственной коллективизации, а затем и жертвы репрессий по национальным линиям, коллаборанты и немецкие военнопленные, мы уже говорили во второй части книги в главе про наступление социализма на российскую деревню. Все эти учреждения (спецпоселения, ИТК и ИТЛ) с 1930-х гг. управлялись ГУЛАГом – Главным управлением лагерей. Но уже до появления этой всем хорошо известной аббревиатуры управление лагерями принудительных работ (так они обозначены в первых декретах) велось специально созданным Центральным управлением при НКВД и ВЧК. Следуя ленинскому призыву времен Гражданской войны (*«необходимо организовать усиленную охрану из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Экспедицию пустите в ход. Телеграфируйте об исполнении»* [187, с. 143–144]), большевики создавали лагеря для своих противников с самого начала своего правления. Декретом ЦИК Советов «О

лагерях принудительных работ» от 15 апреля 1919 г. и постановлением ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17 мая 1919 г. разрешались вопросы организации, управления, санитарного и медицинского надзора, караула, помещений и статуса заключенных. Полагалось создать лагерь при каждом губернском городе, *«не менее, чем на 500 человек каждый»* [71], куда помещались те лица, *«относительно которых состоялись постановления Отделов Управления Чрезвычайных Комиссий, Революционных Трибуналов, Народных Судов и других Советских Органов»* [392]. При этом условия содержания в таких лагерях были относительно мягкими: заключенным можно было видеться с родственниками раз в неделю, устанавливался 8-часовой рабочий день и заработные книжки, при проявлении трудолюбия разрешалось жить на частной квартире. С другой стороны, содержание лагеря, охраны, инфраструктуры также ложилось на плечи заключенного и вычиталось из его заработка, а физический труд был достаточно тяжелым.

Первые концентрационные лагеря были действительно мерой военного времени, однако после окончания гражданской войны они никуда не делись. Напротив, их число продолжало расти, и к концу 1920-х гг. они уже покрывали территорию всего СССР. Одним из первых «полноценных» исправительно-трудовых лагерей для многолетнего содержания в нем заключенных был Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), организованный на изолированных и от-

даленных от остального мира Соловецких островах. Кроме него, в Архангельской губернии были и другие трудовые лагеря. Именно эти северные ИТЛ стали прообразом будущей системы ГУЛАГа и именно там отбывал свой срок талантливый делец, торговец лесом, контрабандист, будущий сотрудник ОГПУ и управляющий ИТЛ Нафталий Аронович Френкель. Еще в статусе заключенного Френкель смог добиться доверия лагерного управления своими «реформами» трудовой дисциплины, которые привели к росту доходности лагерей за счет принудительного труда. Френкель предложил отказаться от стандартизированных пайков и увязать рацион питания с производительностью труда. Это означало, что физически слабые заключенные обрекались на смерть, а сильные – на тяжкий труд. При этом в «реформу» входил отказ от избыточных расходов на исправление заключенных с помощью литературы и газет и отменялось разделение на политических и уголовников. Теперь все готовые к тяжелой работе трудились вместе, а сам характер труда изменился от относительно легкого выращивания растений, выделки кож, гончарного дела и животноводства (коровы, пушной зверь) на трудоемкие лесозаготовки и дорожные работы. Модель, созданная Френкелем на Соловках, стала основой для всех остальных лагерей и превратила заключенных в ценный ресурс – дешевую рабочую силу, которую можно было использовать для крупных проектов, вроде Беломорканала. Именно туда и перенаправлялись заключенные Соловецкого лагеря,

который был закрыт в 1933 г., уступив место крупным лагерям, в которых пребывали сотни тысяч человек. Но и СЛОН достигал на пике в начале 1931 г. численности в 71800 человек (для сравнения: в 1923 г. в нем обитало всего 3000 заключенных) [156].

В целом одна из отличительных особенностей советских концентрационных лагерей однозначно сформировалась к 1930-м гг. – они стали де-факто огромными коммерческими предприятиями, крайне выгодными социалистическому режиму. Как писал один из крупнейших исследователей политических репрессий в СССР Виктор Земсков, *«возникнув как инструмент и место изоляции контрреволюционных и уголовных элементов в интересах защиты и укрепления “диктатуры пролетариата”, ГУЛАГ благодаря принципу “исправления принудительным трудом” (в этом принципе, по нашему мнению, больше лицемерия, чем утопии) быстро превратился в фактически самостоятельную отрасль народного хозяйства, обеспеченную дешевой рабочей силой в лице заключенных. Без указанной “отрасли” решение многих задач индустриализации в восточных и северных регионах стало практически невозможным. Отсюда вытекает еще одна важная причина постоянства репрессивной политики, а именно: заинтересованность государства в неослабных темпах получения дешевой рабочей силы, принудительно используемой по преимуществу в экстремальных условиях Востока и Севера»* [114].

Процитированное выше замечание было верно, в том числе для добычи золота, крайне важного для сталинской форсированной индустриализации. Один только государственный трест «Дальстрой», специализировавшийся на золотодобыче и строительстве для нее инфраструктуры, привлек на прииски к 1938 г. 90 тыс. заключенных, а в 1940 г. – почти 190 тыс. [226]. К тому моменту «Дальстрой» стал крупнейшим золотодобывающим предприятием страны, а секрет низкой себестоимости советского золота заключался в экономии на рабском труде заключенных, работавших в условиях экстремального для человека северного климата с минимальным использованием техники. Всего с 1932 по 1954 г. в лагерях «Дальстроа» и в Особом лагере № 5 отбывали наказание 859911 человек, из которых более 121000 умерли [83].

Заключенные добывали не только золото. Их труд широко применялся для добычи угля (Воркутлаг, 73000 заключенных на пике в 1951 г.), никеля (Норильлаг, 72 500 заключенных в том же 1951 г.), железнодорожного строительства (Кольлаг, 7700 на пике в 1940 г.; Бамлаг, 201000 на пике в 1938 г.), сельского хозяйства и лесозаготовок (Сиблаг, почти 79000 человек на пике в 1938 г.) и т. д. Разумеется, огромные лагеря с десятками и даже сотнями тысяч населения никогда не занимались исключительно одной деятельностью, да и сами заключенные постоянно перебрасывались из одного лагеря в другой. Советская лагерная система была относи-

тельно мобильной и предельно прагматичной, потому что ее обитатели были всего лишь ресурсом, «углем» для печи индустриализации.

А «угля» было действительно много. Хотя численность жертв советских концентрационных лагерей преувеличивалась многими авторами, реальные цифры все равно остаются внушительными. Единовременно в ИТЛ и ИТК под управлением ГУЛАГа в 1935 г. находилось 965 000 человек, в 1936 г. – уже 1,29 млн, в 1938 г. – более 1,88 млн. На пике в 1950 г. в лагерях и колониях числилось 2,56 млн человек – и это не считая тех, кто находился на спецпоселении и в тюрьмах [114]. Сколько всего людей прошло через советские лагеря, сказать непросто. Как пишет Земсков, только к 1940 г. централизованная картотека ГУЛАГа содержала данные на почти 8 млн человек, как по тем, кто уже прошел через изоляцию, так и по тем, кто еще отбывал заключение. Учитывая, что ГУЛАГ и сами лагеря были расформированы или превращены в обычные колонии лишь к 1960 г., а пик численности заключенных пришелся только на 1950 г., можно полагать, что общее количество испытавших на себе все прелести лагерной жизни советских (и не только) граждан было очень внушительным. Беспрецедентной была и численность исправительно-трудовых учреждений: в 1940 г. ГУЛАГ включал в себя 53 ИТЛ (не считая лагерных отделений, число которых в 1944 г. составляло 667 единиц), 425 ИТК, 50 колоний для несовершеннолетних [114].

Кто же попадал в концентрационный лагерь в СССР? Само собой, наиболее простой ответ был бы следующий: все те, кто был или мог стать противником социалистического строя, особенно выходцы из буржуазии, офицерства, старой имперской элиты, мещанства, кулаков, партийной троцкистской оппозиции и представители других соцпартий. Но это было бы сильным упрощением, так как в действительности доставалось и простым рабочим, и крестьянам, и членам партии.

По характеру преступлений заключенные ГУЛАГа распределялись, по данным на 1 марта 1940 г., следующим образом: «...за контрреволюционную деятельность – 28,7 %, за особо опасные преступления против порядка управления – 5,4 %, за хулиганство, спекуляцию и прочие преступления против управления – 12,4 %, кражи – 9,7 %, должностные и хозяйственные преступления – 8,9 %, преступления против личности – 5,9 %, расхищение социалистической собственности – 1,5 %, прочие преступления – 27,5 %» [114]. В 1951 г. по-прежнему лидировали «изменники родины» (334,5 тыс.), «антисоветские агитаторы» (99,4 тыс.), контрреволюционеры в целом (580 тыс.), также много было «расхитителей соцсобственности» (72 тыс.), «расхитителей личной собственности граждан» (394 тыс.), «расхитителей государственного и общественного имущества» (637 тыс.), «спекулянтов» (73 тыс.), а также совершивших должностные и хозяйственные преступления (128,6 тыс.). Вопреки совре-

менной левой пропаганде, убийц и бандитов было меньшинство: умышленных убийц 37,8 тыс., бандитов и вооруженных грабителей 65,8 тыс. [114]. Иными словами, подавляющее большинство заключенных ГУЛАГа были либо политическими, либо теми, кто в тяжелые годы что-то украл или продал.

Контрреволюционными деятелями де-факто объявлялись все те, кто не желал признавать большевистскую узурпацию, сопротивлялся коллективизации, антицерковной политике, принадлежал к «троцкистам» и т. д. В особо опасные преступления против порядка управления входили такие «тягчайшие грехи», как отказ или уклонение от призыва к отбытию действительной военной службы, уклонение от мобилизации в ряды Рабоче-Крестьянской Красной армии, недонесение о достоверно известных готовящихся или совершенных преступлениях, квалифицированная контрабанда, нарушение положений о монополии внешней торговли, нарушение правил о валютных операциях [394]. Спекуляцией называлось совершение обмена материальными благами без разрешения сверху, вне государственного контроля – спекулянт-том могла стать многодетная мать, продававшая какое-нибудь барахло из дома, или мелкий предприниматель (предпринимательство было незаконно). Кражи в сталинское время совершались чаще всего изголодавшимися людьми, лишенными возможности добыть себе пропитание нормальными способами.

Интересно заметить, что из года в год росло количество заключенных со средним и высшим образованием. С 1934 по 1941 г. доля лиц с высшим образованием выросла с 0,7 % до 2,1 %, или с 3,5 тыс. до 30,7 тыс.; доля лиц со средним образованием выросла с 5,6 % до 10,7 %, или с 28,5 тыс. до 156,5 тыс. Росла также доля заключенных, имеющих низшее образование, – с 39,1 % до 51,8 %, в то время как доля малограмотных и неграмотных снижалась с 42,6 % до 28,3 % и 12 % до 7,1 % соответственно [114]. Через ГУЛАГ прошли такие крупные ученые, как Сергей Королёв, Юрий Кондратюк, Николай Тимофеев-Ремовский, Александр Баев и т. д. Погибли или были расстреляны в заключении основоположник российской радионавигации и изобретатель Валериян Баженов, генетик Николай Вавилов, физик-теоретик (спасавшийся от нацистов в СССР) Ганс Густав Адольф Гельман, биохимик Якуб Парнас и др.

Касательно смертности в ИТЛ и ИТК в целом, то в абсолютных, но неполных, цифрах с 1930 по 1956 г. в ИТЛ и ИТК умерло более 1,6 млн человек [215]. Сюда не входят погибшие в спецпоселениях, а по отдельным годам нет информации по ИТК. Здесь также не учтены умершие в лагерях в 1920-е гг. То есть цифра не переживших лагерное заключение граждан должна быть намного выше. Справедливости ради надо заметить, что наибольшая смертность пришлась на 1933 г. и годы Второй мировой войны, когда были наибольшие проблемы с продовольствием и медикаментами. В

этом отношении советские лагеря не отличались от английских или польских – основная причина гибели заключенных почти всегда сводится либо к истощению из-за плохого питания, либо вследствие антисанитарии и болезней. В 1933 г. смертность в ИТЛ составила 15,3 %, в 1942 г. – 24,9 %, в 1943 г. – 22,4 %, в 1944 г. – 9,2 %. В среднем смертность в 1930-е гг. составляла около 3–4% в год, в 1945–1949 гг. – от 1,2 до 5,9 %, в 1950–1956 гг. – менее 1 % [215]. Таким образом, несмотря на возросшую к 1950 г. численность заключенных, смертность среди них была невысокой в относительных значениях благодаря уже устоявшейся лагерной организации и инфраструктуре.

Само собой, отбывание наказания в исправительно-трудовых лагерях СССР было тяжелым испытанием для любого человека, тем более учитывая идеологическую, по большому счету, причину нахождения такого количества людей в лагерях столь длительное время. Через систему, управляемую ГУЛАГом, прошли миллионы простых людей, которые в то или иное время оказались не в нужное время не в нужном месте. Советская система была лишь подобием правосудия, а репрессивность – абсолютно случайной, т. е. могущей затронуть любого случайного прохожего.

Как писал Земсков, *«местные органы власти и органы НКВД были поставлены в такие условия, что они непременно должны были ежедневно, ежечасно “классово бороться”*. *Существовало своего рода соревнование в выявлении и обез-*

врезживании “врагов народа”. Причем отставание в этом соревновании могло иметь самые печальные последствия для исполнителей этого грязного дела, т. к. по этой причине их самих могли занести в число “врагов народа”. В этих условиях для органов уже не имело значения, виновен ли данный человек или невиновен. Главное – арестовать достаточное количество “затаившихся врагов” и этим показать, что они, органы, якобы активно “классово борются”. Такая деятельность НКВД, особенно в период 1937–1938 гг., была на редкость чудовищна и безнравственна, но по сложившимся в 20-30-е годы представлениям о “законах классовой борьбы” считалось нравственным все то, что вело к быстрой ликвидации классового врага... В течение 20-х – начала 50-х годов репрессивная политика никогда не прекращалась, но в разные периоды имела тенденцию то к затуханию, то к взлетам (наиболее крупный взлет приходится на 1937–1938 гг.). Это свидетельствует о том, что тогдашнее руководство партии и государства рассматривало репрессивность как непеременимое условие нормального функционирования и поступательного укрепления режима, как постоянно действующий инструмент упрочения собственной власти и, в конечном итоге, как закономерность социалистического строительства» [114].

Самой шокирующей иллюстрацией «слепоты» и непредсказуемости социалистического режима в СССР, подтверждающей мнение Земскова, является, на мой взгляд, Назин-

ская трагедия, когда более 6000 случайно схваченных чекистами в апреле-мае 1933 г. на улицах советских городов людей оказались изолированы на острове Назино без всякой еды, воды и крыши над головой. Это привело к голоду, каннибализму и гибели более 4000 человек всего за несколько летних месяцев. Операция была проведена на фоне введения паспортизации населения, в связи с чем чекисты решили принудительно выселить подальше «элементы», неприемлемые для социалистического строя. Однако проводилась она крайне грубо, в спешке. *«Задерживались не только и не столько выселяемые, а все подряд, главным образом прямо на улице, в общественных местах и на транспорте (поездах, электричках, вокзалах), задерживались без разбору как люди без документов, удостоверяющих личность, так и имевшие при себе документы, в том числе рабочие по пути на работу или с работы. Оперативной работы с задержанными не велось, каких-либо допросов или мероприятий по установлению личности не проводилось, протоколов задержания наряды не составляли, задержанных сразу же препровождали в грузовики и, минуя места предварительного заключения, отвозили напрямик к железнодорожным эшелонам, на этапирование в Сибирь. Уличные мероприятия носили характер массовой облавы, координации усилий войсковых нарядов с органами милиции не велось, отсюда и последовавшие эксцессы при задержаниях. Размах мероприятий был таким, что среди задержанных попадались даже сек-*

ретные сотрудники, ранее премированные за свою деятельность, даже близкие родственники сотрудников ОГПУ...» [229]. Из воспоминаний очевидцев мы узнаем о конкретных примерах: «Сальников Кузьма Антонович, 1911 года рождения, из Новокузнецка, работал на шахте, был женат, имел двоих детей. Однажды он поехал в Новосибирск, пошел на центральный рынок. В это время рынок окружили, устроили облаву и арестовали тех, кто не имел при себе документов. Всех, в том числе женщин и детей, погрузили на баржу и увезли на остров Назинский»; «Люди там всякие были. Во время паспортизации их облавой взяла милиция в Томске и на баржу. И закрывали их там. Даже сам, этот, томский прокурор приезжал. У него два сына забрали. Люди выходили на улицу без документов, а их раз – и забирала милиция облавой. Прокурор тот своих сыновей вывез с острова» [379].

Большая часть информации о ситуации на самом острове нам известна благодаря подробному докладу инструктора-пропагандиста Нарымского окружного комитета партии В. Величко. В докладе он сообщал, что «29-го и 30-го апреля этого года из Москвы и Ленинграда были отправлены на трудовое поселение два эшелона деклассированных элементов. Эти эшелоны, подбирая по пути следования подобный же контингент, прибыли в г. Томск, а затем на баржах в Нарымский округ... Первый эшелон составлял 5070 человек, второй – 1044. Всего 6114 человек. В пути, особенно

в баржах, люди находились, в крайне тяжелом состоянии: скверное питание, скученность, недостаток воздуха, массовая расправа наиболее отъявленной части над наиболее слабой (несмотря на сильный конвой). В результате – помимо всего прочего – высокая смертность. Например, в первом эшелоне она достигала 35–40 человек в день... на острове не оказалось никаких инструментов, ни крошки продовольствия, весь хлеб вышел и в баржах, поблизости также продовольствия не оказалось. А все медикаменты, предназначенные для обслуживания эшелонов и следовавшие вместе с эшелонами, были отобраны еще в г. Томске... В результате всего из 6100 чел., выбывших из Томска, и плюс к ним 500-600-700 чел. (точно установить не удалось), переброшенных на Назинские участки из других комендатур, на 20 августа осталось 2200 человек... Беда еще в том, что среди прибывших на трудовое поселение есть случайные наши элементы. Главная их масса умерла, потому что была менее приспособлена к тем условиям, которые были на острове и на участках, и, кроме того, на этих товарищей прежде всего упала тяжесть произвола, расправ и мародерства со стороны рецидива как в баржах, так и на острове и в первое время на участках» [49].

Случай в Назино был, конечно же, скорее исключением, чем правилом, в том, что касается совершенно хаотичных арестов и массовой гибели от голода. Однако, как ранее показывалось на примере со спецпоселениями (во вто-

рой части книги), по крайней мере в первой половине 1930-х гг. обустройство концентрационных лагерей и спецпоселений жильем, продовольствием и медикаментами находилось в очень плохом состоянии. Лишь с течением времени появилась инфраструктура и организация. Но возникли другие проблемы. Едва ли будет лишним упомянуть здесь масштабное сексуальное насилие и соответствующая культура в местах заключения, дошедшая до нашего времени, царившая в концентрационных лагерях СССР. Об этом подробно писал еще российский социолог Игорь Кон:

«Советская пенитенциарная система сама продуцировала гомосексуальность. Криминальная сексуальная символика, язык и ритуалы везде и всюду тесно связаны с иерархическими отношениями власти, господства и подчинения. В криминальной среде реальное или символическое, условное, изнасилование – прежде всего средство установления или поддержания властных отношений. Жертва, как бы она ни сопротивлялась, утрачивает свое мужское достоинство и престиж, а насильник, напротив, их повышает. При «смене власти» прежние вожаки, в свою очередь, насиляются и тем самым необратимо опускаются вниз иерархии. В книге Владимира Козловского (1986) приводится много документальных свидетельств такого рода. Самыми вероятными кандидатами на изнасилование были молодые заключенные. При медико-социологическом исследовании 246 заключенных, имевших известные лагерной администрации

гомосексуальные контакты, каждый второй сказал, что был изнасилован уже в камере предварительного заключения, 39 % – по дороге в колонию, и 11 % – в самом лагере. Большинство этих мужчин ранее не имели гомосексуального опыта, но после изнасилования, сделавшего их “опущенными”, у них уже не было пути назад... Распространенность явления была такова, что многие диссиденты и даже люди с медицинским образованием, как Марк Поповский, искренне верили, что однополая любовь как таковая России несвойственна и “почти повсеместно порождена была советским лагерным бытом, лагерными запретами на нормальную жизнь”. Статью 121³⁰ нередко использовали также для расправы с инакомыслящими, для набавления лагерных сроков и т. д.» [147, с. 256–257].

К 1960-м гг. разветвленная, обширная система ГУЛАГа была наконец отменена. Но шли к отмене постепенно. 27 марта 1953 г. указом Президиума ВС СССР было объявлено об амнистии и освобождено из ИТЛ и ИТК 1,2 млн человек, т. е. 53,8 % всех заключенных. 28 марта ГУЛАГ был выведен из состава МВД и передан Министерству юстиции. С 1954 по 1956 г. специальные местные и центральные комиссии начали работу по пересмотру дел узников лагерей и колоний, было рассмотрено 337 тыс. дел, 153 тыс. человек получили освобождение из ссылки, прекращение дела, со-

---

³⁰ 121-я статья УК СССР вводила уголовное преследование за мужеложство.

кращение срока или амнистию. В марте 1956 г. были образованы комиссии при ВС СССР, деятельность которых привела к освобождению еще 100 тыс. человек [280]. В октябре 1956 г. ГУЛАГ был переименован в ГУИТК (Главное управление исправительно-трудовых колоний), что было началом перехода идеологически мотивированной пенитенциарной системы в обычную государственную систему исполнения наказаний. В том же году Президиум ВС СССР принял конвенцию Международной организации труда, упразднявшую принудительный и обязательный труд (хотя сам документ был принят в Женеве еще в 1930 г.). Таким образом, понадобилось почти 40 лет, чтобы советское социалистическое правительство отказалось от порочной практики использования концентрационных лагерей. Такое длительное использование лагерей для изоляции, наказания и труда миллионов собственных граждан было беспрецедентным, тем более что по большей части ИТЛ и ИТК существовали в мирное время. Постепенная отмена лагерной системы, на мой взгляд, совпадает с переменами в советском обществе и внутри власти, медленно, но верно отходящей от веры в социализм.

* * *

Худшая система концентрационных лагерей была создана национал-социалистами в гитлеровской Германии

и на захваченных ею территориях в годы Второй мировой войны. Эта система включала в себя как трудовые лагеря (konzentrationslager), так и «лагеря смерти» (vernichtungslager), которые представляли собой фактически «путевку в один конец». Выжить в таком нацистском концлагере было почти нереально – все, кто побывал в «лагерях смерти» и спасся, просто успели дожить до прихода советских и американских войск. В отличие от советских лагерей, из которых большинство заключенных вышло живыми, а если речь идет о спецпоселениях, то даже смогло обзавестись семьей, поскольку советская лагерная система не предназначалась для целенаправленного физического истребления неугодных, в национал-социалистической системе «лагерь смерти» представлял собой место для целенаправленного физического уничтожения человека, туда попавшего, и в этом отношении данные лагеря были явлением, схожим с лагерями для армян в Турции и лагерям Туольсленг в Камбодже.

Привести полный список нацистских концлагерей с точным указанием их назначения и подчинения тому или иному ведомству представляет определенную сложность по сей день, так как документация, строения, любые свидетельства о существовании многих учреждений были либо намеренно уничтожены нацистами, либо утеряны в ходе боевых действий. Общее число с 1933 по 1945 г. составляло от 1634 (по данным отчета Федерального МВД Германии) до 40000 (!)

лагерей и гетто разного размера [455]. Первые такие учреждения начали открываться уже через несколько месяцев после узурпации НСДАП власти в Германии в 1933 г. Жертвами лагерной системы мог оказаться кто угодно и в мирное, и в военное время, и если попытаться перечислить группы людей, которые могли туда попасть, то едва ли получится сделать это полностью:

- политические оппоненты НСДАП (как немецкого, так и иного происхождения);
- евреи;
- цыгане;
- свидетели Иеговы;
- асоциальные элементы (проститутки, алкоголики, психически больные и т. д.);
- гомосексуалисты (как немецкого, так и иного происхождения);
- поляки, чехи, французы;
- красноармейцы и гражданское население оккупированных территорий СССР;
- инвалиды (как немецкого, так и иного происхождения);
- раненые на войне или престарелые солдаты (как немецкого, так и иного происхождения);
- военнопленные из армии союзников, а также партизаны.

Общее количество заключенных в лагерях всех типов неизвестно. Более-менее понятна численность и смертность в лагерях, подчиненных СС. В октябре 1934 г. там находи-

лось всего 2,4 тыс. человек, в 1938 г. – до 50 тыс., в 1940 г. – чуть более 53 тыс., но уже с 1941 г. число начинает резко расти. 31 декабря 1941 г. концлагеря СС были местом заключения для 80 тыс. человек, через год – 115 тыс., к концу 1943 г. – 315 тыс., в середине 1944 г. – около 714 тыс. и 550 тыс. к апрелю 1945 г. [48, с. 592]. В этих лагерях погибло свыше 2 млн человек, из которых 1,1 млн были убиты в Освенциме [48, с. 593]. Эти люди были убиты в специально оборудованных для массового истребления людей газовых камерах, другие были расстреляны, умерли от голода и изнурительных работ. В этой цифре не учтены погибшие в т. н. «маршах смерти», проводившихся в 1944–1945 гг., когда прифронтовые концлагеря пришлось спешно распускать, а заключенных перевозили на грузовиках или в поездах, а то и заставляли пешком передвигаться в центр Германии (это еще несколько сотен тысяч человек). Также в эти цифры не вошли дети из лагерей для «асоциальной» молодежи Jugendkonzentrationslager, жертвы концлагеря Ясеновац в Хорватии (от 80 до 100 тыс.) и многие другие.

Огромное число жертв нацистских концлагерей пришлось на советских военнопленных, умерших от изнурительного труда, расстрелов и голода, особенно в 1941–1942 гг. Как пишет Адам Туз, *«в преддверии кампании “Барбаросса” вермахт получил приказ не применять в отношении советских военнопленных общепринятых стандартов, соответствующих Женевской конвенции. Были составлены особые указа-*

ния об изоляции и казни тех, кто будет сочтен политически опасными. Пленных полагалось разделять в соответствии с их национальностью. При этом не было принято никаких мер к тому, чтобы обеспечить их жильем на зиму. По-видимому, предполагалось, что они сами выроют себе землянки (если кто-либо вообще задумывался на эту тему). Пленным красноармейцам полагалось намного более скудное питание, чем прочим заключенным. Даже те лагеря военнопленных, которые содержались в порядке, были очень нездоровыми местами. Многие красноармейцы на момент захвата в плен находились в плохом физическом состоянии. Многие из них были ранены или страдали от шока и истощения. Многие уже давно ничего не ели. Их страдания усугублялись тем, что по пути в тыл их заставляли проходить сотни километров пешком. При нормальном уровне смертности это привело бы к десяткам тысяч умерших. Но статистика не оставляет сомнений в том, что в дополнение к этой “нормальной убыли” вермахт систематически морил своих пленных голодом. К концу декабря 1941 г., по подсчетам самого вермахта, число взятых в плен достигло 3,35 млн человек. Из них к тому моменту в живых оставалось всего 1,1 млн человек и всего 400 тыс. находилось в достаточно хорошей физической форме для того, чтобы быть способными к работе. Из 2,25 млн умерших как минимум 600 тыс. было расстреляно, нав жертвами “Приказа о комиссарах”, который давал немецкой армии и айнзатцгруппам СС право на уни-

чтожение любых советских граждан, сочтенных политически опасными. Остальные умерли от “естественных” причин. Только с декабря 1941 г. по февраль 1942 г. умерло 600 тысяч человек. Если бы война закончилась в начале 1942 г., то эта программа массовых убийств осталась бы величайшим отдельным преступлением из всех совершенных гитлеровским режимом» [369, с. 615–616].

Разумеется, СССР и Германия были не единственными государствами XX столетия, где во время правления социалистов были концентрационные лагеря. Подобные учреждения в эту эпоху появлялись по всему миру как грибы после дождя. Хуже того, существуют социалистические режимы, которые либо практиковали изоляцию людей в лагерях относительно недавно, либо практикуют по сей день.

Один из самых эксцентричных и мифологизированных социалистических режимов – т. н. красные кхмеры, практиковавшие изоляцию и истребление своих противников в лагерях, существовал в Камбодже с конца 1975 по 1979 г. (Демократическая Кампучия). Всего за три года красные кхмеры, руководимые выпускником Парижского университета Пол Потом, успели провести полномасштабную коллективизацию сельского хозяйства, превратив всю страну в трудовую коммуну, уничтожить массу представителей христианской, исламской и буддистской религий, отменить многие традиционные для Юго-Восточной Азии элементы воспитания и общения и перейти к бестоварной экономике. Режим Пол

Пота оброс массой предположений и домыслов, вроде якобы проводившейся политики полного уничтожения городского населения и людей, носящих очки, что дало некоторым повод не причислять красных кхмеров к социалистам, ведь социалисты не будут уничтожать город и промышленность, а, напротив, будут проводить индустриализацию. Однако красные кхмеры во всех отношениях были последовательными социалистами, пусть и не последовательными марксистами. Городское население действительно было в массе своей насильно переселено в сельскую местность в надежде на подъем сельского хозяйства в условиях его полного разрушения после долгих лет политической нестабильности и вооруженных столкновений между различными политическими силами, однако часть горожан была затем возвращена обратно для работы на сохранившихся фабриках. По некоторым данным, население Пномпеня при красных кхмерах составляло минимум 32 тыс. в 1978 г., не считая населения пригородов [461]. Камбоджийские социалисты уничтожали банки, церкви, частную собственность и стремились даже к отмене денег в сельской местности, что приближает их к большевикам эпохи «военного коммунизма», но в то же время они строили ирригационные сооружения, дамбы и плотины, стремясь за счет подъема села прийти и к индустриализации.

Собственно, в этом и заключалась главная цель режима Пол Пота, обозначенная в Четырехлетнем плане. *«Модернизация страны мыслилась им как непрерывный процесс, на*

первом этапе которого происходит подъем сельского хозяйства, а на втором – подъем промышленности. Такой путь развития он называл “ноубай кхлуон ты пын кхлуон” – “политика опоры на собственные силы”, благодаря которой Демократическая Кампучия сможет быстро развиваться, избегая диктата других государств: “Мы будем сражаться на фронте сельскохозяйственного производства, так как обладаем сельскохозяйственными ресурсами. Мы займемся развитием других сфер экономики, когда битва в аграрном секторе будет завершена. Учитывая скорость нашего движения вперед, – это будет быстрая битва. Сельское хозяйство станет для нас фундаментом... для укрепления и развития индустрии”» [227, с. 353–354]. Как и прочие социалистические режимы, камбоджийский режим красных кхмеров пытался использовать ресурсы села для получения средств на индустриализацию, для чего из страны вывозился практически весь рис, что стало причиной масштабного голода. Все несогласные с этим экстремальным курсом, а также все социально неприемлемые для режима граждане подлежали заключению в лагеря и физическому уничтожению. Красные кхмеры, помимо прочего, были ярыми националистами и проводили этнические чистки против вьетнамского, китайского и чамского населения, одновременно возвышая отдельные периоды независимой кампучийской истории, что делает их близкими к национал-социалистической разновидности социализма (где-то пересекаясь с движением

младотурок).

За время правления красных кхмеров в Камбодже, с 1975 по 1979 г., была создана сеть концлагерей, где заключенные подвергались страшным пыткам (поедание фекалий и питье мочи, вырывание ногтей, отрубание конечностей, дыбы и т. д.) и казням (как правило, с использованием сельскохозяйственного инвентаря ради экономии боеприпасов, детей и младенцев просто разбивали о деревья). Печально известны «Поля смерти», в частности бывший фруктовый сад Чо-энг-Эк; Пномсампо, где людей оставляли умирать на дне глубокой пещеры, и «Тюрьма безопасности 21» (Туольсленг). «Тюрьма безопасности 21» была устроена в здании обычной средней школы, а количество людей, которое прошло через этот лагерь, до сих пор точно не установлено – называют цифры более 20 тыс. человек. Однако специфика кампучийского режима заключалась в том, что вся страна, по сути, представляла собой один большой концлагерь, так как сельские трудовые коммуны было совершенно невозможно покинуть. С 1977 г. это положение дел было официально закреплено. *«Запрещалось без специального разрешения покидать места расположения бригад. Объединение “старого” и “нового” населения в одну социальную группу стало ключевой социальной реформой 1977 г. Власти объясняли это тем, что “старое” население тоже должно идти по пути коллективизма и социализма. Партийная газета “Конг Падеоат” (Революционная сила) писала: “На основе коллектив-*

визма мы строим социализм. Если мы будем придерживаться этой правильной линии, то империалистам нас не покорить. Если же мы станем индивидуалистами, то империалисты с легкостью нас подчинят. В силу этого надо повсеместно ввести коллективное питание, а также единую форму одежды для всех и общее жилище» [227, с. 374]. Подобное положение дел в Камбодже тех лет делает точный подсчет количества концентрационных лагерей и числа заключенных делом невозможным и бессмысленным. Общее число жертв красных кхмеров до сих пор остается предметом споров, но по меньшей мере 1 млн человек погиб с 1975 по 1979 г. только в результате репрессий, однако это, скорее всего, заниженная цифра, так как анализ т. н. «Полей смерти», представляющих собой 20 тыс. захоронений, показал содержание в них останков свыше 1,3 млн человек. К этому надо добавить смертность из-за типичных для социалистов ошибок в сельском хозяйстве, которые привели к голоду в СССР и Китае, а также к смертям от болезней из-за полного исчезновения в стране медицины и медикаментов.

В КНДР по сей день существует сеть концлагерей, существование которых признается северокорейским социалистическим режимом, но отрицается их «трудовой» характер. Утверждается, что это «исправительные» учреждения, однако нетрудно догадаться, каким образом там «исправляют» людей, обвиняемых в идеологической нелояльности режиму. То есть лагеря КНДР имеют под собой сугубо идео-

логическое обоснование, но можно предположить, что есть и экономическая составляющая, как это было в СССР в 1920-1930-е гг. Проблема заключается в закрытости Северной Кореи, а следовательно, нет возможности получить подробную актуальную информацию о численности заключенных и условиях их содержания. Все, на что мы можем ориентироваться – это показания корейцев, которые смогли сбежать из этого ада.

Так, у нас есть показания двоих выживших корейцев-христиан перед комиссией ООН по правам человека. За обнаружение в вещах одного из них Библии несчастный был заключен в концентрационный лагерь Йодок. Тхе Чжин Ким в выступлении рассказал: *«...в политическом концентрационном лагере Северной Кореи каждый должен забыть, что он или она – человек. Мне пришлось многое сделать, чтобы выжить. Я внимательно следил за собакой, чтобы украсть у нее еду. Я ел змей, лягушек, крыс и все, что может быть источником питания»*. Как передавали СМИ, *«он подвергся жестоким пыткам и допросам в течение восьми месяцев после своего возвращения, вплоть до того, что проглотил гвоздь, предпочитая подвергнуться операции, чем оставаться в камере. Впоследствии он был заключен без суда и следствия в лагерь политических заключенных Едок (№ 15), где с ним жестоко обращались, в том числе избивали горящими дровами. Его заставляли выполнять тяжелую работу при минимальном потреблении пищи и избивали до поте-*

ри сознания, когда он был слишком слаб, чтобы выполнять свои обязанности». Второй заключенный – кореянка по имени Ян Сум Ким, была арестована после исчезновения своего мужа и вместе со своими родителями и четырьмя детьми заключена в тот же лагерь Едок. Она провела в лагере восемь лет, с 1970 по 1978 г., потеряв там отца, мать и младшего сына. Второй сын был казнен после попытки сбежать из страны, а старший сын стал инвалидом из-за жестокого обращения в лагере. В 2003 г. ей удалось бежать в Южную Корею. Ее характеристика жизни в лагере Едок более чем красноречива: «...сущий ад, где с заключенными обращались хуже, чем с животными» [423].

С другой стороны, можно обратиться к специалистам, вроде российского корееведа Андрея Ланькова. В работе «Северная Корея: вчера и сегодня» (2000 г.) ученый подробно описал разновидности северокорейских концентрационных лагерей и тюрем. «Все корейские тюрьмы и лагеря, – пишет Ланьков, – можно разделить на две группы: лагеря, в которые направляются политически неблагонадежные элементы и политические преступники; и “обычные” лагеря и тюрьмы, в которых содержатся лица, осужденные судом за уголовные преступления. К первому типу лагерей относятся так называемые “районы действия постановления № 149” и “особые районы объектов диктатуры”. “Районы действия Постановления № 149” (149 хо тэсангычик) были созданы в конце пятидесятых годов в северных малона-

селенных провинциях после принятия уже упоминавшегося постановления Совета министров за № 149, которое предусматривало выселение нежелательных элементов в отдаленные горные местности. Высланные туда люди не являются заключенными в точном смысле слова. Скорее, они находятся на положении, напоминающем статус советских “спецпереселенцев” 30-50-х гг. (возможно, что здесь существовало прямое влияние): в удостоверениях личности у них ставится соответствующая отметка, они обязаны периодически отмечаться в местном управлении общественной безопасности, без разрешения “органов” они не могут покинуть своего поселка или пригласить кого-либо к себе. Высланные в эти районы люди занимаются преимущественно тяжелой физической работой, хотя бы по той причине, что никакой другой работы там нет. Парадоксальность ситуации заключается в том, что, если наши предположения о влиянии сталинской системы “спецпереселенцев” на “Постановление № 149” верны, то его авторам не надо было тратить много времени на изучение советского опыта: “спецпереселенцами” в 1937–1945 гг. было большинство советских корейцев, в том числе и те, кто в конце 1950-х гг. занимал заметные посты в КНДР. “Особые районы объектов диктатуры” были созданы в конце 1950-х гг. и предназначались для выселения туда лиц, связанных с теми или иными политическими преступлениями. Этот институт (как, кстати, и сам странноватый для нашего слуха термин “объект-

ты диктатуры”) – китайского происхождения. Режим, действующий в этих районах, значительно строже того, что существует в “районах действия Постановления № 149”, ибо в них преимущественно находятся не потенциальные враги режима, а лица, совершившие те или иные “политические ошибки”, а также члены семей более серьезных политических преступников. По южнокорейским данным, в конце восьмидесятих годов в КНДР насчитывалось двенадцать таких районов, площадью от 50 до 250 кв. км каждый. Количество проживающих там “объектов диктатуры” оценивается примерно в 150 тыс. человек. В последнее время появились первые достоверные сведения о жизни в “особых районах объектов диктатуры”. Это связано с тем, что нескольким бывшим заключенным удалось через некоторое время после освобождения из заключения бежать в Южную Корею. На основании их рассказов можно представить уклад жизни, существующий в лагерях этого типа. В целом режим в “особых районах” близок к тюремному. Территория района обнесена колючей проволокой и охраняется, находящиеся там люди в обязательном порядке должны работать по 12 часов в день, получая скудный паек. Они, как правило, живут в отдельных домах или землянках вместе со своими семьями, могут без конвоя передвигаться по территории района, им разрешается заниматься земледелием. В Корее же в “особый район” часто попадают целыми семьями, причем несовершеннолетних детей отправляют туда вместе с

родителями. Так, живущий ныне в Южной Корее Кан Чхоль Хван был отправлен в “особый район объектов диктатуры” вместе со своей семьей в 1977 г., когда ему было только 7 лет, и находился там до февраля 1987 г. Причиной его ареста стал конфликт между его проживавшей в Японии бабушкой – активисткой Чхонрена, пропхеньянской организации японских корейцев, и лидером этой организации Хан Док Су. После репатриации эта семья, которая, помимо всего прочего, внесла немалые деньги на строительство исполинской статуи Ким Ир Сена на холме Мансудэ, в полном составе попала в лагерь. Дети в лагерях – это явление столь обычное, что для них там даже действуют школы, где преподают сотрудники политической полиции (такую школу окончил, в частности, Кан Чхоль Хван). Внутри самих “особых районов” имеются зоны, различающиеся по своему режиму. Известно о существовании более мягких “зон революционизации” и более жестких “зон абсолютного контроля”. В последних заключенные, в частности, лишены права жить с семьями и не имеют шансов на освобождение. Все эти типы лагерей интересны тем, что они не являются в строгом смысле слова местами отбытия наказания, потому что заключенные часто (а возможно, и просто всегда) направляются в них во внесудебном порядке, по одному лишь административному решению властей. По-видимому, срок пребывания в заключении никак не лимитирован и освобождение зависит исключительно от произвола властей. Осуж-

денные по суду как за уголовные преступления отбывают наказание в тюрьмах, которые бывают двух видов – исправительные лагеря (кехвасо) и исправительно-трудовые лагеря (нодонъ кехвасо)» [164].

К сожалению, у нас нет данных по смертности в северокорейских концлагерях и, как уже говорилось, актуальных данных по численности. ООН в докладе 2014 г. называла цифру в 200 тыс. заключенных, размещенных в лагерях № 14 в Кэчуне, № 15 в Едоке, № 16 в Хвасоне, № 22 в Хверёне и № 25 в Чхонджине [475]. Таким образом, если оценки конца 1980-х, которые приводит Ланьков, верны, то получается, что численность заключенных лагерей в КНДР выросла, несмотря на закрытие нескольких учреждений в Пхеньяне и провинциях Хамгён-Намдо и Хамгён-Пукто.

Была своя лагерная система и на Кубе. Ее можно условно разделить на два этапа: импровизированные места для содержания врагов революции, устроенные практически сразу после прихода Кастро и Че Гевары к власти в 1959 г., и организованная система под маскирующим названием *Unidades Militares de Ayuda a la Production* (Воинские части для помощи производству, УМАР), существовавшая с 1965 по 1968 г. На первом этапе борьбой с «контрреволюционерами», представителями старого режима и потенциально неблагонадежными гражданами занимался Эрнесто Че Гевара. Понятное дело, что ни о каком объективном суде не могло быть и речи, ведь в дело вступила революционная законность. В кре-

пости Ла-Кабанья, расположенной в кубинской столице Гавана, по меньшей мере весь 1959 г. функционировала тюрьма для врагов режима, в которой содержалась масса людей, единственным преступлением которых были не те взгляды или не то происхождение. Значительная часть этих людей была казнена в этой же крепости, причем часть их – непосредственно Че Геварой.

В 1960 г. революционер создает первый настоящий концентрационный лагерь на западе Кубы, полуострове Гуанахакабибес. *«Мы посылаем в Гуанахакабибес людей, которые совершили преступления против революционной морали, – заявлял сам Че. – Это тяжелый труд... условия суровые...»* [58]. Это было началом лагерей УМАР, но развернутся на полную силу они только в 1965 г. По данным журналиста Пола Кидда, побывавшего на Кубе в те годы, только в 1966 г. в лагерях УМАР содержалось 30 тыс. человек в 200 учреждениях [447, р. 23–25]. Людей туда буквально обманом заманивали, рассылая повестки на обязательную военную службу после введения воинской повинности в 1963 г., в которых было указано место и время явки. Но в итоге кубинцы попадали не в армию, а отвозились в концентрационный лагерь. Любопытное совпадение, что мишенями режима Кастро и Че Гевары стали гомосексуалисты, свидетели Иеговы, слабоумные и христиане – прямо как в Третьем рейхе. *«Эти лагеря были со всех сторон оцеплены высокой колючей проволокой с пулеметчиками в каждой сторожевой башне и*

свирепыми собаками... над воротами лагеря для гомосексуалистов красовалась надпись: "Работа сделает из вас людей", что подозрительно напоминало печально известную надпись над воротами концлагеря Аушвиц-Биркенау: "Работа сделает вас свободными". В лагерях УМАР заключенные тяжело трудились под палящим тропическим солнцем, за отставание от графика их избивали и даже казнили. В Гуанахакабибесе ни один из заключенных УМАР не был осужден даже фиктивными кастровскими судами за какое-либо "контрреволюционное" преступление. Военные и полицейские грузовики просто окружали места в Гаване, где обычно собирались гомосексуалисты, рокеры или верующие. Потом всех без разбору загоняли в военные грузовики под дулом пистолета» [58].

Сложно сказать, сколько всего кубинцев прошли через систему концентрационных лагерей за период по меньшей мере с 1959 по 1968 г. На Кубе до сих пор сохраняется социалистический режим, который не намерен публиковать данные по своим преступлениям. Мы можем лишь гадать о жертвах, отталкиваясь от масштаба социальных перемен, произошедших после 1959 г., от масштаба репрессий и эмиграции из страны. Только с 1959 по 1962 г., через т. н. «Золотую эмиграцию», Кубу покинуло около 250 тыс. кубинцев из высших и средних слоев общества, а ведь были и другие волны эмиграции. Значительная эмиграция частично смягчила размеры репрессий на острове, так как большинство из тех, кто не

«вписывался в социализм», смогли вовремя оказаться в безопасном месте (чаще всего в штате Майами, США). С другой стороны, были и те, кто предпочел вести борьбу против режима. Восстание Эскамбрай, которое подняли как недовольные крестьяне, так и бывшие соратники Кастро и Че Гевары, длилось с октября 1959 г. по 1966 г. Восставшие проиграли социалистам, имевшим подавляющее превосходство в числе и технике, и практически все были казнены, либо отправлены в лагеря (а это до 6000 участников восстания). Есть сведения, что система лагерей продолжила существовать и после официального расформирования УМАР в 1968 г. *«В июле 1968 года название УМАР было вычеркнуто из лагерей. Режим Кастро косметически превратил их в “военные части”. И все документы, связанные с УМАР, были уничтожены. Были созданы новые планы по дальнейшему сдерживанию молодых людей, недовольных коммунистической революцией Кастро, отбирая людей по тем же причинам, что и раньше. Но на этот раз они будут получать жалкую зарплату за свой долгий и суровый рабочий день, живя в очень трудных и нечеловеческих условиях – хромая попытка Кастро удовлетворить международное давление. Эта сеть концентрационных/каторжных лагерей существует и сегодня как способ подавления и запугивания людей, получения дешевой рабочей силы»* [420].

Крупнейшая по числу заключенных, числу умерших и продолжительности функционирования лагерная система

существовала и продолжает существовать в Китайской народной республике. Разветвленная сеть лагерей в этой стране, где с 1949 г. у власти находится Коммунистическая партия, существует по меньшей мере с 1950 г. (хотя фактически лагерное заключение практиковалось еще раньше, до установления полного контроля над материковым Китаем) по сей день и призвана «исправить через труд» непокорных режиму граждан. Подобно системе ГУЛАГа с ее разделением на ИТЛ, ИТК и спецпоселения, китайский аналог ГУЛАГа включает в себя следующие категории режимов содержания:

– Лаогай (laogai) – «полноценный» лагерный режим с самыми тяжелыми условиями содержания, в который помещались любые оппозиционные режиму граждане Китая, часто без суда и следствия решением органов безопасности и без зарплаты за принудительный труд. Существует, по всей видимости, по сей день.

– Лаоцзяо (laodong jiaoyang) – режим для совершивших не «преступления», а «ошибки» граждан, посмеявшихся усомниться в верности курса партии и ее председателя или совершившие мелкие правонарушения (например, мелкие ворышки). Заключение этого режима получают небольшую зарплату, а срок их заключения с 1961 г. установлен в три года (т. е. до этого времени срок заключения для этой категории не определялся), что не означало соблюдения срока со стороны лагерной администрации.

– Цзюэ (liuchang jiuе) – т. н. «гражданская повинность»

для отбывших заключение по первым двум категориям, но задержанных в лагерях в качестве «свободных рабочих». У этих заключенных были определенные привилегии в сравнении с лаогай и лаоцзяо, поскольку их оплата труда и жилищные условия были лучше, также цзюэ могли выходить за покупками в ближайшую деревню и пару раз в году посещать семью. Однако эта категория так же, как и все остальные, находилась в состоянии неопределенности касательно срока заключения. В сущности, их дальнейшее, после отбывания основного наказания, задержание в лагере было произволом партии, которая в 1953 г. приняла решение 70 % таких заключенных задерживать, а 30 % освобождать. Только в 1980-е гг. доля удержаний снизилась до 10 % [384].

Примерно с 2017 г. в Синцзян-Уйгурском регионе были открыты концентрационные лагеря «перевоспитания» для интернированных уйгуров. Касательно природы этих лагерей ходят разные слухи и сообщения со стороны правозащитных организаций, но Китай пытается отрицать репрессивный и принудительный трудовой характер лагерей для уйгуров. Причиной появления этих лагерей стала нестабильная политическая обстановка в мусульманской Уйгурии, однако в числе заключенных числятся не только мусульмане-уйгуры, но и китайцы с оппозиционными настроениями и христиане.

Условия содержания в лагерях лаогай были трудно выносимыми очень долгое время. При этом надо понимать, что в

одних и тех же лагерях лаогай содержались как «преступники» (прежде всего политические), так и лаоцзяо, т. е. совершившие «ошибки». Таким образом, разделения на политзаключенных, провинившихся и уголовников не проводилось. Земляной, деревянный или бетонный пол (как повезет), кишущая паразитами маленькая камера, в которой теснились десятки заключенных, плохое питание и постоянные издевательства надзирателей были еще не самым тяжелым испытанием для несчастных. Хуже всего была т. н. «реформа мышления» – практика, которую сегодня можно представить себе разве что в фильмах-антиутопиях. Заключенных заставляли по несколько часов, после целого дня тяжелого физического труда, ежедневно признаваться в своих преступлениях и раскаиваться, в том числе письменно заверяя одни и те же фразы по много раз. Кроме того, их пичкали социалистической идеологией и заставляли доказать свое исправление критикой других заключенных. «Реформа мышления» могла сопровождаться постоянными внезапными избиениями и лишением сна. Все это делалось для того, чтобы психологически сломать человека и подавить его волю. Само собой, больше всех от этого страдали представители интеллигенции, среднего и высшего классов китайского общества, христиане, а также «кулаки», которых в Китае тоже «нашли» и отправили отбывать «провинность» в лагерях – только с 1949 по 1952 г. ссылке в Лаогай было подвергнуто от 4 до 6 млн «кулаков» [384].

Конечно, в концентрационных лагерях КНР содержались люди, которые являлись преступниками и по меркам правовых государств, но их доля на фоне жертв политических репрессий долгое время была небольшой. В 1950-е гг. доля политзаключенных составляла до 80 % на пике, в 1960-е гг. – до 50 %, к началу 1970-х гг. – до 33 %. Самых политзаключенных в лагерях Китая можно разделить на следующие категории, преобладавшие в зависимости от периода:

– В 1950-е гг.: социально неприемлемые для социализма классы: сторонники Гоминьдана, землевладельцы, священство, предприниматели, собственники магазинов и фабрик, иностранцы.

– После 1957 г.: «правые уклонисты», усомнившиеся в курсе партии и вождя, недостаточно надежные члены партии, внутрипартийные конкуренты.

– С конца 1970-х гг. и по сей день: правозащитники, студенты, журналисты, представители христианства и секты Фалуьгунь.

Численность заключенных китайских концлагерей по-прежнему остается предметом оценок, но в любом случае превышает таковую в СССР, Камбодже, КНДР и других соц-странах (табл. 28).

Таблица 28

Страна/ регион	Годы существования лагерей	Годы существования режима	Обстоятельства
Испанская Куба	1896–1897	Испанское управление Кубой просуществовало до 1898 г.	Война
Великобритания / Южная Африка	1899–1902	1795–1961	Война
Германская Намибия	1905–1907	1884–1915	Война
Османская империя	1916–1917	1908–1918	Намеренный геноцид
Европа	1914–1918	–	Мировая война
Польша	1919–1921	1918–1939	Война
США	1942–1944	1776 – наст. вр.	Война
Португалия	1936–1954, 1961–1974	1933–1974	Мирное время
Чили	1973–1975	1973–1990	Мирное время
СССР	1918–1960	1918–1991	Мирное время, война
Камбоджа	1975–1979	1975–1979	Намеренный геноцид
КНДР	Конец 1950 – наст. вр.	1948 – наст. вр.	Мирное время
Социалистическая Куба	1959–1968, воз- можно по наст. вр.	1959 – наст. вр.	Мирное время
КНР	Ранее 1950 – наст. вр.	Во всем материковом Китае с 1949 – наст. вр.	Мирное время
Третий рейх	1933–1945	1933–1945	Намеренный геноцид

Тип заключенных	Численность заключенных/изолированных (за все время)	Количество лагерей	Тип содержания
Собственные граждане	До 500–600 тыс.	Изоляция в городах	–
Гражданское население противника	Более 207 тыс.	109	Изоляция
Гражданское население противника	До 20 тыс. [450]	От 6	Изоляция, трудовой
Собственные граждане	~870 тыс.	Более 10	Лагерь смерти, опыты, пытки
Военнопленные, гражданские противника, собственные граждане	Точно неизвестно, формально число военнопленных около 7,5 млн, число интернированных сложно подсчитать	–	Изоляция
Военнопленные, гражданские противника	~110 тыс.	7 или более	Изоляция
Собственные граждане и иностранцы	Чуть более 110 тыс.	10	Изоляция
Собственные граждане	566	1	Изоляция, трудовой
Собственные граждане	28,5 тыс.	12	Изоляция, пытки
Собственные граждане	Более 10 млн, не считая спецпоселенцев	Более 1000 ИТЛ, ИТК и лагерных отделений	Трудовой
Собственные граждане	Минимум 20 тыс. в Туольсленге, де-факто миллионы людей в трудовых коммунах	Неизвестно	Трудовой, лагерь смерти, пытки
Собственные граждане	Сотни тысяч, точное число неизвестно, до 200 тыс. в наст. вр.	От 10	Трудовой, пытки
Собственные граждане	Более 30–35 тыс.	200	Трудовой, пытки
Собственные граждане, иностранцы	Более 20 млн, точное число неизвестно	Неизвестно	Трудовой, пытки
Собственные граждане, военнопленные, гражданские противника	Более 18 млн, точное число неизвестно	От 1634 до 40 000	Трудовой, пытки, опыты, лагерь смерти

Крупнейший исследователь китайских концлагерей, французский историк Жан-Люк Доменаш называет следующие приблизительные цифры единовременного населения системы Лаогай: между 1952–1977 гг. в пределах 10–11 млн, к 1986 г. – до 5 млн. Сколько заключенных в лагерях находится сегодня, в том числе в «лагерях перевоспитания» для уйгуров, тоже точно не установлено. Смертность также вычислена приблизительно: с 1949 по 1952 г. – 5 % ежегодно, с 1953 по 1957 г. – 3,5 % ежегодно, с 1959 по 1962 г. – резкий скачок в годы голода до 10 %, в последующие годы показатель колебался с 2 до 3,5 % [384]. Казалось бы, смертность даже ниже, чем в советских лагерях первой половины 1930-х гг., однако здесь надо понимать, что ГУЛАГ все же вел более-менее подробную статистику, которая стала доступна для исследования. Китайская система Лаогай остается для нас изученной лишь отчасти, так как китайская компартия создает препятствия не только для исследователей из-за рубежа, но и для своих, отечественных, историков.

Теперь, полагаю, мы готовы сделать выводы, чем отличались концентрационные лагеря в несоциалистических и социалистических режимах.

1. *Продолжительность существования лагерей, их роль в общественно-экономической и политической системе страны.* В несоциалистических странах, сколь бы богатым и трагичным ни был опыт использования концентрационных ла-

герей по тем или иным причинам, лагеря никогда не существовали длительное время и практически всегда (кроме разве что Португалии и вопиющего примера Турции) касалась военного времени. Как правило, в них содержались либо военнопленные, либо интернировались представители народов, против которых велись военные действия. Что касается турецких лагерей, здесь всё сложнее. Очевидно, что по своей сути они были аналогом нацистских лагерей смерти, но не планировались для длительного содержания в них людей и использования их рабочей силы. То есть частью системы они не стали, хотя были абсолютно варварским действием наподобие лагерей смерти для евреев в Третьем рейхе. Что касается лагерей в социалистических странах, то везде при социалистах практика насильственной концентрации значительных масс собственного населения в мирное время в специально созданных учреждениях стала частью самой системы и получила идеологическое и экономическое обоснование. Не случаен поэтому характер этих учреждений как «исправительно-трудовых». То есть попадали в этот лагерь люди, которые по тем или иным причинам признавались потенциально опасными для проекта строительства социализма: представители высших и средних классов прежнего строя, крестьяне-собственники земли (мешавшие проводить коллективизацию, практику повсеместную для всех социалистических режимов без исключения), интеллигенция (которая критично относилась к пропаганде и могла сказать

свое собственное мнение, оказав влияние на массы), представители духовенства и верующие (социалисты преследовали христиан, буддистов, мусульман), внутрипартийная оппозиция и просто жертвы паранойи вождей. Лагеря были призваны исправить этих людей, сделать их приемлемыми для социалистического строя. Как исправить? Прежде всего, через тяжелый физический труд и идеологическую обработку. Поэтому всюду в соцстранах концентрационные лагеря были мощным экономическим ресурсом, который использовался для крупномасштабных строек по всей стране. Этим, в частности, обусловлена продолжительность их использования – в СССР ГУЛАГ, а до него отдельные лагерные системы типа СЛОН функционировали почти 40 лет (из 74 лет существования самого советского строя); в Китае Лаогай существуют по сей день, т. е. более 70 лет; в КНДР концлагеря работают 55–60 лет по сей день; на Кубе они точно функционировали 9 лет, но есть вероятность, что и больше; в Демократической Кампучии лагеря родились и умерли вместе с режимом. В то же время лагеря для буров просуществовали 3 года (сколько длилась и война), концентрация населения на Кубе во время войны за независимость – около 18 месяцев, лагеря для герреро менее трех лет, чилийские концлагеря от 1 до 3 лет, польские «лагеря для красноармейцев» – около 3 лет, американские лагеря для интернированных японцев – около 3 лет и только португальский Террафаль проработал 31 год, но был настолько скромных масштабов, что и упоминать его

на фоне многомиллионных лагерных систем Китая, СССР и т. д. стоит разве что для объективности.

2. *Масштабность.* Как уже было сказано выше, лагеря в социалистических режимах несли важную экономическую роль, поскольку в них задействовались миллионы дешевых рабочих рук. Ничего подобного не было в несоциалистических странах, где лагеря были статьей расходов, а не доходов и они закрывались, как только была устранена причина их появления (война) или обезвреживание политических оппонентов (как в Чили и Португалии). Социалистические системы концентрационных лагерей состояли или еще состоят из десятков крупных, сотен средних и мелких учреждений либо же распространялись как режим на всю страну (как в Кампучии), через них прошли миллионы граждан. Эти системы нельзя отделить от самого понимания законности и порядка социалистами, они рождаются вместе с этим пониманием, а потому не особо подвергаются критике изнутри (исключение представляет СССР, где ГУЛАГ был закрыт волей партийного руководства, а многие его заключенные реабилитированы, и в целом советская пенитенциарная система постепенно отошла от своего идеологического основания). Можно сказать, что полномасштабные лагерные системы – часть самого социалистического общества, в котором всегда найдутся «неблагонадежные».

3. *Характер заключения.* Если в несоциалистических странах это почти всегда граждане других стран или вос-

ставшие партизаны (герреро, кубинцы), то в социалистических это практически всегда собственное население. Социализм больше обращен вовнутрь, чем вовне, что и отражается на его «противниках». Почти всегда эти заключенные используются как рабочая сила. Отдельно стоят лагеря смерти в Третьем рейхе, Камбодже и Турции, где людей намеренно уничтожали, совершая преступление против человечности. В этом отношении следует еще раз заметить, что советская система лагерей все же не была способом физического уничтожения людей, из нее можно было выйти на свободу (хотя в отдельные периоды это было сделать очень сложно), поэтому ГУЛАГ нельзя сравнивать с нацистскими Vernichtungslager («лагеря смерти»), как и в целом сопоставлять две эти системы. При этом, как ранее говорилось, в Третьем рейхе были и трудовые лагеря Konzentrationslager, соответствующие социалистической установке на «исправление».

Почему же лагерная система оказалась столь устойчивой при социалистических режимах? По всей видимости, социализм как утопическая идея плохо совместим с традиционным государственным устройством, где между государством и гражданами складываются определенные взаимоотношения и правила игры. Едва ли совпадение, что социалистические движения XX в. сформировались в рамках дисциплинированных мощных партий, которые, придя к власти в той или иной стране, фактически узурпировали государствен-

ные функции и вытеснили государственные институты, заменив их партийными. Партия как сообщество людей, объединенных идеологией, ставила себе задачу не просто управлять и собирать налоги, а, используя механизмы государства, навязывать обществу определенное мировоззрение и образ жизни. Таким образом, партийная «государственность», вопреки распространенному мнению, не только не противоречила социализму, но, напротив, была его единственно возможным воплощением в масштабе большой страны с многомиллионным населением с разными политическими настроениями и социальным происхождением. Последнее означало наличие слишком большого пласта априори неугодных людей, которые с точки зрения логики государственной законности, может, и не совершали преступления, но вот с точки зрения партийной законности были опасными режиму по принципу своих взглядов или происхождения. Отсюда потребность в содержании целой системы особых лагерей, где эти неугодные режиму люди либо «исправлялись» бы в соответствии с социалистическим взглядом на общество, либо уничтожались бы физически, психологически, социально и т. д.

Социализм не придумывал концлагерь, но он породил систему концлагерей по всему миру, через которую прошли миллионы ни в чем не повинных граждан, попадавших туда только потому, что родились «не в той семье» или имели «поповское» или «кулацкое» происхождение. Можно ска-

зять, что социализм в глубине своей просто продолжал вести войну, но не с внешним противником, а с внутренним, классовым. Не зря Иосифу Сталину приписывают слова «внутренний враг – самый опасный». Тогда всё встает на свои места. Социализм не может существовать в условиях свободы совести и политического плюрализма, ибо его цель – масштабная переделка всего общества.

Социализм и казни

Социализм, сделавший ставку на революцию, приходит как гром среди ясного неба, намереваясь кардинально изменить общественные отношения. А это значит, что он не будет вести переговоры с теми, кто служит помехой на пути к светлой цели «освобождения человека». Именно по этой причине социалистические революции всегда сопровождались резким ростом смертных приговоров. Мне могут справедливо возразить, что смертная казнь как таковая существует с глубокой древности и, конечно, за десятки веков палачи успели отрубить тысячи голов и повесить тысячи людей. В некоторых странах, где не было социалистической революции, казнь существует по сей день. Но нас интересуют масштабы – по той причине, что, как и в случае с лагерями, осознав масштабы, мы можем сделать выводы о значимости того или иного явления в том или ином обществе или режиме.

В этом нам поможет сравнительный анализ. Чтобы доказать, что в социалистических странах массовые казни – это неотъемлемая составляющая социалистической законности, мы сначала посмотрим, как обстояло дело с казнями в Российской империи, США, Великобритании, Франции и Италии. Там, где это возможно, в расчет мы возьмем только официально вынесенные судами (в том числе чрезвычайными) и приведенные в исполнение приговоры, игнорируя те, что не

были приведены в исполнение и заменены более мягким наказанием (это разные вещи, и, к сожалению, их иногда путают даже некоторые исследователи). Там, где отсутствует подробная статистика, нам придется прибегнуть к оценкам.

Смертная казнь в Российской империи применялась с самого начала своего существования, начиная с Петра I. При этом императоре, в соответствии с «Артикулами», было 122 случая, предусматривавшего смертную казнь, в том числе за богохульство, колдовство, измену, фальшивомонетничество и т. д. [354, с. 83]. В последующем российское уголовное законодательство шло по пути реформ законоположений. В 1835 г. вступил в силу Свод законов Российской империи, а в 1845 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, претерпевшее редакции 1866, 1885 и 1903 гг. Последняя редакция проводилась на фоне возросшей политической нестабильности и роста террористических актов, что отразится и на статистике применения смертной казни – это мы увидим далее. Согласно Уложению, смертная казнь полагалась за государственные и карантинные преступления, куда входили посягательство на царскую власть, теракт, смута и т. п., и применялась только к лицам от 21 до 70 лет. Помимо этого, в дореволюционной России казнили за умышленные убийства, изнасилования, грабежи и разбой.

Динамика применения высшей меры наказания в Российской империи выглядит следующим образом. В XIX столетии ежегодно подвергались казни в среднем И человек, с

1826 по 1905 г. казнено всего 894 человека [15]. После революции 1905 г. смертная казнь стала применяться намного чаще в связи с ростом беспорядков, терактов и нападений на представителей власти. В 1906–1907 гг. действовали военно-полевые суды с целью ускорения судопроизводства над обвиняемыми, чья вина в разбое, убийствах, грабеже, нападении на военных и полицейских не вызывала никаких сомнений. Общая картина показана в *табл. 29*.

Таблица 29

Год	Приведенных в исполнение казней [15]
1826–1905	894
1905	10
1906	144 – военно- окружные суды 683 – военно- полевые суды
1907	456
1908	825
1909	543
1910	129
1911	58
1912	108
1913	25
Всего с 1826 по 1913	3875

В США, которые часто выступают как главные злодеи в социалистической пропаганде, смертная казнь действует и поныне, но только в некоторых штатах. Такое положение дел, когда штаты проводят свою собственную политику в исполнении наказаний, было всегда – например, в Мичигане, Род-

Айленде и Висконсине казни были отменены еще в середине XIX столетия, а в штате Мэн – в 1887 г. В 1972 г. Верховный суд США отменил смертную казнь, и они не проводились вплоть до 1976 г. На сегодняшний день в 23 штатах смертная казнь отменена; из 21 штата, где смертная казнь официально разрешена, только в 13 штатах практиковался этот вид наказания в последние десять лет, и всего 5 штатов из 50 применили ее в 2020 г. В основном на практике казнь применяется к убийцам, совершившим преступления с отягчающими обстоятельствами, но по закону предусмотрена за государственную измену, шпионаж и наркоторговлю в особо крупных размерах. В 1977 г. Верховный суд окончательно отменил казнь за изнасилование взрослой женщины, поскольку такой вид наказания насильников постепенно отменялся на уровне штатов и к тому времени сохранялся только в штате Джорджия и в юрисдикции федерального правительства. В 2005 г. была запрещена казнь преступников, не достигших 18-летнего возраста.

Способ казни в США постоянно совершенствовались в сторону более «гуманного». В XIX столетии казнь совершали старинным и привычным способом – через повешение. Иногда практиковались расстрелы. После изобретения Альфредом Саутвиком в конце столетия электрического стула, последний вошел в обиход американских палачей в 1890 г., но в 1982 г. уступил место смертельным инъекциям, которые и остаются на сегодня самым распространенным способом

казни.

Как часто применяется смертная казнь в США? Статистика дает нам информацию вплоть до даты основания Тринадцати колоний, т. е. 1607 г. За 413 лет было казнено чуть более 16 тыс. человек (*табл. 30*).

Таблица 30

Период	Приведенных в исполнение казней
1607–1972	14 489 [429]
1930–1939	1690 [469]
1940–1949	1284
1950–1959	717
1960–1969	191
1970–1979	3
1980–1989	117
1990–1999	518
1976–2020	1529
Всего с 1607 по 2020	16 018

Великобритания славится богатой историей применения

смертной казни, уходящей вглубь Средних веков. Печально известен т. н. Bloody Code («Кровавый кодекс») – свод законов, содержавший список преступлений, за которые полагалась казнь. В 1688 г. список насчитывал всего 50 преступлений, но к концу XVIII столетия количество причин официально расстаться с жизнью выросло до 220, как то: государственная измена, беспорядки, разрушение защитных сооружений, контрабанда, нанесение урона общественному здоровью, убийство, кража, изнасилование, похищение, шантаж, подделка документов, фальшивомонетничество, пиратство, причинение вреда чужому имуществу и т. д. В XIX в., вполне в духе времени, список стали сокращать: в 1808 г. смертная казнь была отменена для мелких воришек и преступников; в 1823 г. судьи получили право заменять ее другими наказаниями (кроме случаев государственной измены и убийства); в 1832–1861 гг. была отменена казнь за воровство, подделку документов, изнасилование, также были отменены виселицы и повешение в цепях. В 1861 г. смертная казнь распространялась только на пять преступлений: убийство, измена, поджог государственных верфей, пиратство и шпионаж. С 1868 г. смертная казнь перестала быть публичной. В 1908 г. была запрещена казнь несовершеннолетних до 16 лет, а в 1933 г. – до 18 лет. Фактически смертная казнь как таковая перестала применяться с 1964 г., а в следующем году ее запретили для убийц во всей Великобритании, кроме Северной Ирландии, где это было сделано в 1973 г., хотя

формально казнь за поджог верфей существовала до 1971 г., за шпионаж сохранялась до 1981 г., за пиратство и измену – до 1998 г. Интересно, что английская культура смертной казни оставалась предельно консервативной до самой своей отмены, используя в качестве способа убийства преступника петлю.

Статистика применения смертной казни в Великобритании (Англии и Уэльса, Шотландии, Ирландии, Нормандских островов и острова Мэн) показана в *табл. 31*.

Таблица 31

Период (годы)	Число приведенных в исполнение казней [471]
1735–1799	6679
1800–1899	4396
1900–1964	827
Итого: с 1735 по 1964	11 902

Во Франции смертная казнь, существовавшая, как и везде, с древних времен, получила свое специфическое выражение в виде гильотины с косым лезвием – это усовершенствование старинного инструмента законного убийства было

изобретено в 1791 г. именно там, в бурную эпоху Великой Французской революции. Детище Жозефа Гильотена стало своего рода символом эпохи. Прежде людей вешали, обезглавливали мечом, либо топором, колесовали (разбойников и убийц), бросали в кипящее масло (фальшивомонетчиков) и т. д., но после революции сохранилось только два типа казни: гильотина и расстрел. С появлением гильотины – быстрого, эффективного и относительно безболезненного способа казни, исключавшего ошибку палача, – лишение преступника головы стало привилегией всех, а не только дворянства, таким образом казнь была демократизирована в соответствии с революционными идеалами.

В годы революции, особенно в 1793–1794 гг., когда свирепствовала якобинская диктатура (которой симпатизировали большевики), казни были необычайно массовым явлением – речь идет о тысячах гильотинированных врагов режима. В результате Термидорианского переворота Робеспьер – ключевая фигура социалистического режима – будет схвачен и так же казнен вместе с 21 своим ближайшим сторонником. В октябре 1795 г. Конвент декларативно отменил смертную казнь с момента «подписания мира», а это означало, что казни продолжились и при Наполеоне. В уголовном кодексе 1810 г. приводилось 39 преступлений, за которые полагалась смерть, и список этот вполне стандартный для эпохи: убийство, фальшивомонетничество, поджог, измена, дезертирство и т. д., в последующем добавились такие

преступления, как, например, умышленное схождение поезда с рельсов. Предпринимались успешные попытки отменить казнь за преступления против государства (например, во время революции 1848 г.). Публичные казни были отменены довольно поздно, если сравнивать с Россией, Великобританией и США, – только в 1939 г. Как ни странно, учитывая довольно кровавое революционное прошлое Франции, французы уже в первой половине XIX в. имели очень мощное общественное движение против смертной казни, и хотя формально она была отменена только в 1981 г. (а фактически последняя казнь проводилась в 1977 г.), многие французские президенты постоянно использовали свое право помилования из идейных соображений. Возможно, это объясняется тем, что, согласно французским законам, президент был обязан принять решение об отказе от помилования – ведь только после такого решения казнь могла быть приведена в исполнение. Президент Арман Фальер, будучи убежденным противником казней, использовал свои полномочия для систематического помилования осужденных на смерть преступников (однако под помилование и замену казни пожизненной каторгой попал, например, насильник-педофил Альберт Солейланд, что вызвало негодование общественности и части парламента). Шарль де Голль смягчил приговор 19 преступникам. Президенты Жорж Помпиду и Валери Жискар д'Эстен отменяли практически все смертные приговоры в соответствии со своими убеждениями. Таким образом, за

последние двести лет существования смертной казни это наказание применялось в республике крайне редко – намного реже, чем в других либеральных государствах. По не самым полным данным, с 1870 по 1981 г. было гильотинировано около 731 человека, с 1870 по начало 1948 г. расстреляно около 63 человек, на период с 1957 по 1981 г. приходится всего 53 казни (включая расстрел) – из них все за убийство при отягчающих обстоятельствах [437].

Пожалуй, одним из наиболее либеральных в отношении наказаний за уголовные и военные преступления европейских государств была Италия. Фактически итальянцы отказались от смертной казни в 1877 г., а из уголовного кодекса она исчезла в 1889 г. В годы Первой мировой войны она снова стала применяться в отношении дезертиров (впрочем, использование смертной казни в военное время не очень интересует нас в рамках настоящего анализа) до 1918 г., затем была вновь восстановлена правительством Бенито Муссолини в 1926 г. и полагалась за покушение на королевскую семью и премьер-министра, а также за шпионаж и вооруженное восстание. По разным оценкам, в период с 1927 по 1943 г. было приведено в исполнение от 26 до 118 казней. В последние два года войны между сторонниками фашизма и антифашистами в ходе конфликта будут практиковаться внесудебные расстрелы, жертвой которых станет и сам Муссолини, расстрелянный вместе со своей любовницей Кларой Петаччи по приказу командира партизанского отряда 28 ап-

реля 1945 г. До ввода в действие новой конституции в 1948 г. в судебном порядке итальянским демократическим государством было казнено еще несколько человек, в том числе военных преступников прежнего режима.

* * *

Теперь посмотрим, как обстояло дело со смертной казнью в социалистических странах, и начнем с СССР, прошедшего через годы Гражданской войны и красного террора. Мы намеренно обходим здесь стороной период Гражданской войны, который подробно рассмотрели во второй части книги – там приведены данные как по внесудебным расстрелам, так и по приговорам «чрезвычайка». В конце октября 1917 г. большевики выпустили декрет об отмене смертной казни, введенной Временным правительством для дезертиров, пропагандистов и бунтовщиков на фронте. Уже в феврале 1918 г. выходит декрет «Социалистическое отечество в опасности», которое разрешает применять расстрел в отношении всех представителей «буржуазного класса», сопротивляющихся мобилизации на рытье окопов, а 5 сентября принимается знаменитый декрет «О красном терроре», который запускает волну внесудебных расправ по всей стране. 17 января 1920 г. выходит постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об отмене применения высшей меры наказания», которое, впрочем, было составлено очень хитро. Например, там говорится об

отмене применения *«высшей меры наказания (расстрелы), как по приговорам Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и ее местных органов, так и по приговорам городских, губернских, а также и верховного при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете трибуналов»*, но в то же время сказано, что *«ответственность за возможное в будущем возвращение Советской власти к жестокому методу красного террора ложится целиком и исключительно на правительства и правительствующие классы стран Антанты и дружественных ей русских помещиков и капиталистов»* [69]. И действительно, в приказе Реввоенсовета от 4 мая 1920 г. «О революционных военных трибуналах» и в декрете от 22 мая 1920 г. «О порядке приведения в исполнение губернскими революционными трибуналами приговоров к высшей мере наказания в местностях, объявленных на военном положении, а также в местностях, на кои распространяется власть революционных военных советов фронтов» о расстрелах сообщается как о широко применяемой мере наказания.

В 1922 г. смертная казнь была отменена для лиц, не достигших 18-летнего возраста и беременных женщин; впрочем, в 1935 г. Уголовный кодекс допускал высшую меру наказания для лиц, достигших 12-летнего возраста. В короткий промежуток с мая 1947 по 1950 г. смертная казнь не применялась в связи с ее отменой, но в дальнейшем использовалась, вплоть до самого распада Советского государства

и даже позднее, в Российской Федерации, до введения моратория в 1999 г.

Большая часть расстрелянных приговаривалась к высшей мере наказания через знаменитую 58-ю статью УК РСФСР и ее аналоги в союзных республиках – за контрреволюционную деятельность. *«Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции»* [349]. Нетрудно заметить, что главной проблемой этой статьи было то, что, исходя из определения контрреволюционной деятельности, расстрелять можно было кого угодно. Трактовка деяния как «ослабляющего» завоевания пролетарской революции, как и само понятие «завоевания пролетарской революции», – богатейшая почва для злоупотреблений режимом своей монополией на насилие в отношении граждан.

Само собой, советский уголовный кодекс был предназначен не только для борьбы с «контрреволюционерами» (т. е. политическими противниками), но и для наказания реальных убийц, насильников, воров, военных преступников, фальшивомонетчиков, контрабандистов, дезертиров и т. д.

Однако только после того, как в 1961 г. 58-я статья была отменена, фактически было прекращено узаконенное физическое уничтожение людей за их оппозиционные взгляды или социальное происхождение, которого тоже могло быть достаточно для обвинения в шпионаже и работе на подрыв советского строя. В последние тридцать лет существования СССР оставались такие наказуемые смертью преступления, как измена родине, шпионаж, диверсия, бандитизм, убийство, уклонение от призыва в военное время, нарушение правил валютных операций, хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах, изнасилование, взятка в особо крупном размере, посягательство на жизнь милиционера или дружинника, дезертирство, различные нарушения в военное время со стороны военнослужащих и т. д.

Сколько казней проводилось в СССР? Для объективного (насколько это возможно) ответа на данный вопрос мы не будем учитывать приговоры к высшей мере наказания до окончания Гражданской войны в 1922 г., поскольку эти приговоры вынесены в обстановке хаоса военного времени и развала страны, но учтем таковые во время Второй мировой войны (смертные приговоры в Великобритании, Франции, США и Италии во время Первой и Второй мировых войн мы также учли), поэтому далее точкой отсчета для нас является 1923 г. Для понимания масштабов преследований инакомыслия не лишним будет добавить в *табл. 32* и общее число осужден-

ных за контрреволюционные преступления.

Таблица 32

Период	Приведенных в исполнение казней [224, с. 43–44]	Общее число осужденных за контрреволюционные преступления [224, с. 43–44]
1923–1929	11 754	286 435
1930–1936	39 792	1 100 442
1937–1939	684 293 (2601 в 1939 г.)	1 393 966
1940–1949	102 597 (из них 97 563 в 1941–1945 гг.)	884 003
1950–1953	3 978	124 462
1962–1989	22 067 [318]	–

На основании анализа *табл. 32* мы можем отметить следующее:

1. Очень частое применение смертной казни в сравнении с Российской империей, США, Великобританией, Францией и Италией.

2. Резкие колебания применения смертной казни в 1930–1936 и 1937–1939 гг., что связано с началом индустриализации и коллективизации и Большим террором.

3. Как правило, смертная казнь применялась не к убийцам и насильникам (как в либеральных странах), а к оппозиции советской власти. Это легко доказать – резкий рост применения высшей меры наказания и одновременно пятикратный рост осужденных за контрреволюционные преступления приходится на годы коллективизации и индустриализации, когда противоречия между социалистической партией

и крестьянством, церковью, внутривластной оппозицией и прочими «остатками» старого мира достигли своего предела. Именно на 1930-е гг. приходится полномасштабное «социалистическое строительство» (в отличие от относительно спокойных лет нэпа и послевоенной «либерализации»).

После смерти Сталина попытки строить социализм не прекращаются, но Маленков, а затем Хрущев и последующие генеральные секретари пытались придать режиму респектабельности и получить международное признание – как страна, победившая нацизм. Социалистическая идейность к тому времени ушла вместе со старыми большевиками, многие из которых сами были расстреляны за «контрреволюцию».

Нам могут возразить, что сотни тысяч расстрелов в годы Большого террора были трагическим исключением, а не правилом; злоупотреблением властью наркома Ежова и т. п. Кроме того, нам скажут, что нельзя считать казни в годы войны (но мы их уже посчитали для всех, а не только для СССР). Что ж, давайте ради интереса попробуем не учесть эти два периода. Тогда у нас получится цифра в 63159 человек с 1923 по 1953 г. – это все равно больше, чем в США, Российской империи, Франции, Италии и Великобритании, вместе взятых, за сотни лет практики смертной казни! Более того, расстрелы сталинской эпохи мотивировались идеологическими соображениями исполнительной власти и идеологизированностью самого советского общества. Поиск врагов

народа приводил к попаданию в их список людей, не совершивших никакого преступления даже с точки зрения буквы закона. Как пишет исследователь политических репрессий Олег Мозохин: «...хотелось бы сделать уточнения о доле политических репрессий по материалам данной статистики. По отчетам ВЧК – ОГПУ в период 1918–1927 гг. их доля составляла приблизительно 30 % от общего числа осужденных, в 1928–1934 гг. – несколько более 50 %: в первую очередь сказались процессы по вредительству в промышленности и коллективизация сельского хозяйства (раскулачивание). В 1935–1936 гг., по словам Ежова, только 20 % общего количества преступлений относились к тяжким уголовным и политическим, на самом деле по статистическим данным – 30 %. В 1937–1938 гг. политические преступления составили свыше 90 % от всех расследуемых органами безопасности дел. И если до 1937 г. статистические сведения – с различными оговорками – можно считать объективными, то за эти два года – нельзя. Здесь все сфальсифицировано и подтасовано. Прослеживается стремление почти всех местных руководителей органов безопасности любой ценой выполнить лимиты на репрессии по политическим преступлениям. Если еще совсем недавно, в 1936 г., можно было весьма точно квалифицировать состав преступления осужденного, то с 1937 г. это сделать невозможно. Человека, совершившего уголовное или должностное преступление, осуждали теперь еще и по одной из частей статьи 58 УК РСФСР

(контрреволюционные преступления). В какой раздел статистики отнесли подобные сведения (по факту) – совершенно непонятно. В предвоенные, военные и послевоенные годы количество осужденных органами государственной безопасности за контрреволюционные преступления держится приблизительно на отметке 80 %. Подводя итог, можно сделать вывод – доля политических преступлений, расследуемых органами государственной безопасности за рассматриваемый период, составляет приблизительно 60 % от общего количества осужденных, т. е. 3905738. При этом мы вынуждены учитывать фальсифицированную статистику 1937–1938 гг. Если не учитывать эти два года, то доля политических репрессий в деятельности органов безопасности за рассматриваемый период составит 50 %» [224, с. 44–45].

* * *

В других странах, где в XX в. строили социализм, ситуация обстояла не лучшим образом, хотя проблема заключается в том, что статистика по казням, вынесенным в судебном порядке, во многих социалистических странах скрывается от общественности.

Например, Китай, по сей день практикующий смертную казнь в больших масштабах, не делает публичной информацию о количестве смертных приговоров. Понятно, что в самом начале своего пути, в 1949 г., единый социалистический

Китай преследовал граждан за «контрреволюционные преступления» точно так же, как СССР, КНДР, Вьетнам, Куба и т. д. С 1980-х пошла некоторая либерализация, сокращение статей с высшей мерой наказания; прекратились и внесудебные расправы над инакомыслящими. В современном Китае, который давно нельзя назвать социалистическим в полной мере, очень часто казнят за коррупцию. Оценочные цифры проводимых ежегодно казней доходят до 15000 преступников, что невозможно подтвердить ничем, кроме косвенных данных, вроде количества доступных органов от доноров – в КНР практикуется изъятие органов у смертников для последующего медицинского использования. С другой стороны, Dui Hua Foundation утверждает, что в 2006 г. было совершено 8000 казней, в 2007 г. – до 6000, а в 2011 г. – уже 4000. Amnesty International говорит, что в 2014–2016 гг. было совершено всего 900 смертных приговоров [460], и тенденция к уменьшению случаев применения этой крайней меры только усиливается. Такой разброс в оценках, возможно, связан с путаницей между приведенными в исполнение приговорами и смертными приговорами с отсрочкой.

С современным Китаем, где у власти находится Коммунистическая партия, все более-менее понятно. Для нашего исследования куда важнее узнать, как часто применялась казнь в годы интенсивного строительства социализма в стране. *И* здесь мы, к сожалению, сталкиваемся с невозможностью отделить судебные казни от внесудебных расправ, как и невоз-

возможностью получить точные цифры из-за плохой статистики. В самые суровые годы «культурной революции», продолжавшейся с 1966 по 1976 г., начались масштабные преследования «контрреволюционеров», внутрипартийной оппозиции, интеллигенции, «хрущевских ревизионистов» и т. д. Официально список врагов включал в себя пять категорий (т. н. «Пять черных категорий»): помещики, богатые фермеры, контрреволюционеры, «плохие элементы» и «правые». Фактически же это означало: бейте всех, кого только можно. По всему Китаю появились тысячи отрядов идейной красной молодежи, готовой уничтожать классовых врагов во имя социализма – хунвейбинов. Первой жертвой стала заместитель директора средней школы при Пекинском университете Бянь Чжунъюнь – она была забита деревянными палками студентами, возбужденными призывами Мао продолжать революционные преобразования в стране. Хунвейбины разрослись настолько, что стали опасными уже для самого режима, поэтому в 1967 г. против них начали применять армию, в некоторых случаях отряды хунвейбинов даже оказывали ей сопротивление. Разумеется, армия разгромила разгоряченную левую молодежь, часть наиболее активных лидеров была публично расстреляна, а миллионы – сосланы в отдаленные районы на перевоспитание. Помимо хунвейбинов, существовали отряды из низкоквалифицированных рабочих не старше тридцати лет – цзаофани. Они специализировались на «культурной революции» в пределах заводов и

фабрик, но иногда вступали в стычки с отрядами хунвейбинов.

Сколько погибло в результате фанатизма хунвейбинов и цзаофаней, в ходе хаоса и противостояния между армией и простыми жителями с одной стороны и этими двумя массовыми молодежными движениями с другой, а также сколько людей получили смертный приговор? Достоверной цифры нет и никогда не будет, так как никто не вел статистику. Оценки указывают на миллионы убитых: политолог Рудольф Руммель назвал цифру в 7,7 млн человек; тайваньский историк Чень Юнь-Фа – 1,72 млн; историк Джон Холлидей – минимум 3 млн [424]. К сожалению, у меня нет возможности вычленить из этой суммы долю приговоров, вынесенных в судебном порядке, поэтому все это можно сопоставить скорее с эпохами красного и Большого терроров в СССР.

В маленькой Албании с населением в 3 млн человек за время правления убежденного сталиниста Энвера Ходжи с 1944 по 1985 г. и его преемника Рамиза Алии (до 1991 г.) были казнены тысячи человек. Такая жестокость в европейском государстве второй половины XX столетия была обусловлена хорошо знакомой нам причиной – строительством социализма, включавшим в себя отмену частной собственности, коллективизацию, борьбу с религией, установлением монополии одной партии на власть, борьбой со всякой оппозицией и «враждебными классами». Само собой, люди были недовольны такой политикой, перечеркивавшей всё, что

было им дорого. Например, в северных горных регионах Албании, с преобладанием католического населения, где люди привыкли к развитому самоуправлению и хранили свои традиции, был один из центров сопротивления режиму, который для подавления недовольства прибег к массовым репрессиям. Как и Китай, Албания была недовольна курсом, который взял СССР после смерти Сталина, поэтому в 1960-е гг. там начали преследовать уже самих социалистов, имевших просоветскую ориентацию (аналог «хрущевских ревизионистов» в Китае времен «культурной революции»). На самом деле, на примере Китая и Албании мы видим, что происходит с социалистическим режимом, если его руководство не выбирает путь постепенного отхода от социализма, – режим продолжает широкое использование насилия. В 1970-1980-е гг. проводились партийные чистки, уничтожались все «либералы» и «титовцы», вне партии продолжались преследования антикоммунистов и священников. Даже после смерти Ходжи, при его умеренном преемнике Алии, до самого падения режима в 1991 г., в стране продолжались казни.

Сколько казнили в Албании? Здесь у нас, как ни странно, есть официальные данные, и они говорят о 5487 казнях. Институт изучения преступлений коммунизма в Албании на основании изученных документов называет цифру в 13000 – за счет тех, кто был расстрелян без суда [370]. Вполне возможно, что эти люди расстреливались после пример-

но такого же «суда-следствия», как сталинские «суды троек», – фактически совершенно фиктивного «правосудия», когда участь человека уже заранее предрешена планом по расстрелам.

На Кубе смертная казнь была запрещена конституцией 1940 г., однако в 1952 г. демократия уступила место диктатуре Батисты, а из-за начавшейся борьбы с партизанским движением Кастро военные в те годы, несомненно, прибегали к внесудебным казням. В начале 1959 г., когда революционеры свергли режим Батисты, практика расстрелов политических противников в мирное время стала массовой. Само собой, чаще всего это были внесудебные расстрелы, которые никто нигде не фиксировал документально. В первый год новый режим расправлялся с бывшими сотрудниками полиции, осведомителями и чиновниками режима Батисты. *«После занятия повстанцами города Сантьяго-де-Куба 12 января 1959 года там был устроен показательный суд над 72 полицейскими и т. п. лицами, так или иначе связанными с режимом и обвиненными в “военных преступлениях”. Когда защитник начал опровергать утверждения обвинения, председательствующий Рауль Кастро заявил: “Если один виновен, виновны все. Они приговариваются к расстрелу!” Все 72 были расстреляны. Все юридические гарантии в отношении обвиняемых были отменены “Партизанским законом”. Следственное заключение считалось неопровержимым доказательством преступления; адвокат просто признавал*

обвинения, но просил правительство проявить великодушные и смягчить наказание. Че Гевара лично инструктировал судей: «Не следует устраивать волокиты с судебными разбирательствами. Это революция, доказательства тут вторичны. Мы должны действовать по убеждению. Они все – банда преступников и убийц. Кроме того, следует помнить, что есть апелляционный трибунал» [288]. Этот трибунал возглавлял сам Че, но им не было отменено ни одного приговора.

За три дня января 1959 г., пока Че Гевара командовал в городе Санта-Клара, было приговорено к казни 23 человека. В крепости Ла-Кабанья, которая находилась под управлением Че Гевары, только за время его командования с января по ноябрь 1959 г. задокументировано 164 казни [453], хотя казнить там продолжали и в последующие годы. Например, за одну ноябрьскую неделю 1963 г. в Ла-Кабанье казнили 13 человек, обвиненных в шпионаже и «контрреволюционных преступлениях» [412]. Многие казни, как в рамках суда, так и без суда и следствия, были совершены в ходе подавления восстания Эскамбрай с 1960 по 1965 г. Из 2500–3000 погибших повстанцев свыше 1400 человек [64] были расстреляны. Само собой, в официальных кубинских источниках эти люди фигурируют как «бандиты» [413].

Мы не можем назвать точное число совершенных на социалистической Кубе казней в силу плохой статистики и закрытости архивов этой страны для объективного исследова-

ния историками. Историк Хью Томас говорит о 2000 казней к 1961 г. и 5000 – к 1970-м гг. Называют цифры в 10000 человек только за 1960-е гг. [288]. Проект Cuba Archivo, до-тошно собирающий всю информацию о нарушении прав человека на Кубе, приводит более подробные данные о смер-тях, имеющих подтверждение в том или ином виде, с 1959 и вплоть до 2020 г.: расстрелы – 3051, внесудебные казни – 1258. Там же для сравнения приводятся данные по режи-му Батисты с 1952 по 1959 г. по внесудебным расстрелам в 865 человек. Таким образом, за режимом Кастро числится по меньшей мере 4309 казней, не считая умерших от пыток, в застенках тюрем и лагерей, а также убитых при попытке сбежать с острова (203 человека), умерших из-за непредо-ставления медицинской помощи (475 человек), исчезнове-ний (1190 случаев), самоубийств, совершенных под стражей (185 случаев) и т. д. [427].

Северная Корея, освобожденная советскими войсками от японских оккупационных войск в 1945 г., очень быстро перешла к монополии социалистической партии на власть (Трудовая партия Кореи) и переходу к плановой экономике. К концу десятилетия государство уже полностью контроли-ровало торговлю и промышленность, а к концу 1950-х завер-шилась коллективизация, загнавшая крестьян в кооперати-вы. Само собой, все это время велась охота за «контррево-люционерами», причем в КНДР процедура наказания врагов режима превратилась в воспитательное шоу. До 1970-х гг.,

как пишет кореевед Андрей Ланьков, публичные расстрелы на стадионах Пхеньяна были обычным зрелищем, а в провинции подобная практика имеет место даже в наше время. На глазах публики осужденного привязывали к столбу, зачитывали приговор и расстреливали. Среди публики обязаны были присутствовать сослуживцы осужденного, а также привлекались студенты и даже школьники старших классов [163].

Масштабы расстрелов в 1950-1970-е гг. были впечатляющими, хотя самая закрытая страна в мире, понятное дело, не даст нам оценить их по достоинству. Только в 1957–1960 гг., в ходе кампании по поимке контрреволюционеров, было казнено около 2500 человек. Тогда же вступило в силу совершенно вопиющее, но в целом обычное для социалистических режимов, разделение населения страны на группы, образующие три основных слоя: «основной», «колеблющийся» и «враждебный». Едва ли последний был малочисленным, так что можно только представить, как много было и остается в КНДР расстрелянных.

Интересно, что список врагов постоянно пополняется, иногда самым неожиданным образом. Так, в конце 1950-х годов Ким Ир Сен, руководитель партии и государства, отозвал всех корейских студентов из СССР. Но не ради того, чтобы продолжить их обучение в отечественных вузах, а для того, чтобы поместить в специальный лагерь, где несколько месяцев студентов проверяли на наличие симпатий к курсу

Хрущева и XX съезду КПСС. Это было начало преследований «ревизионистов», аналогичное тому, что проводилось в Албании и Китае в то же время. Не все студенты прошли проверку – часть из них была расстреляна, остальные отправлены на трудовое перевоспитание [163].

В 1964 г. началась новая волна преследований. Было выпущено постановление «О дальнейшем усилении работы с различными слоями и группами населения», в соответствии с которым было проведено распределение граждан КНДР на новые группы. Само собой, это привело к очередному витку казней всех, кто не устраивал партию и не вписывался в социализм. Сильно не везло тем, кто излишне положительно высказывался о СССР: *«...практика публичных расстрелов за излишне теплое отношение к советскому опыту или людям, да и вообще за любые положительные отзывы о научно-технических или культурных достижениях иных стран, особо широкое распространение получила в шестидесятые годы, в период борьбы за утверждение “чучхе” – корейской самобытности. Так, по словам одного отставного офицера, служившего в корейской истребительной авиации и впоследствии бежавшего в СССР, в 1960–1961 годах у него в эскадрилье были казнены два человека. Один из них – за то, что во время полета на его самолете вышла из строя система подачи топлива (обвинили во вредительстве), а другой – за излишне одобрительные воспоминания о советских военных советниках и высокую оценку их профессиональных*

качеств» [163].

Когда с «ревизионистами» и «контрреволюционерами» покончили, в 1970-е приступили ко всем остальным, кто хоть как-то неправильно высказался. Снова пример из работы Андрея Ланькова: *«Как вспоминает Ан Мён Чхоль, в лагере, где он служил охранником, находилась 27-летняя Хан Чин Док. Попала она туда в возрасте всего лишь 7 лет, по делу своего отца Хан Бен Су, сельского ветеринара. В начале семидесятых ее отец, который лечил свинью у крестьянки, сказал: “В этом мире даже свиньи не могут расти как хотят”. Крестьянка, усмотрев в этом выпад против властей, донесла, и на следующий день сотрудник политической полиции пришел к Хан Бен Су. Тут ветеринар совершил вторую ошибку, которая окончательно определила не только его судьбу, но и судьбу его семьи. Он назвал северокорейского руководителя “Ким Ир Сен”, не употребив при этом никакого обязательного титула (“Великий Вождь товарищ Ким Ир Сен”, например). Он был арестован, подвергнут пыткам, подписал все необходимые признания в заговорщической и реакционной деятельности, и был расстрелян, в то время как его жена и две дочери попали в концлагерь. Жена его умерла там, да и у дочери судьба сложилась трагически: после того, как один из охранников потерял места по обвинению в связи с ней (связь с заключенными женецинами – идеологическое преступление), друзья “пострадавшего” схватили ее, изнасиловали, искалечили, и добились ее отправки на под-*

земные работы, что в целом равнозначно смертному приговору» [163].

В 1990-е гг., когда страну поразил голод, казни нашли широкое применение за кражу продуктов питания – что-то подобное было в СССР во время голода 1931–1933 гг.

Таким образом, казнить в КНДР могли и могут за абсолютно любой проступок, который можно расценивать как нелояльность социалистической партии и ее руководству, причем широко применяется практика репрессирования не только самого «врага народа», но и всей его семьи («членов семьи врага народа», это имело место и в СССР при Сталине). Расстрелы применялись и продолжают применяться к тем, кто пытается сбежать из лагеря или страны (которая, впрочем, уже стала одним сплошным лагерем) и даже иностранцев, совершивших какой-то нелепый проступок. Из последних резонансных случаев можно вспомнить приговоренного к казни за кражу агитационного плаката из отеля американского студента Отто Уормбира, впавшего в кому в корейской тюрьме и возвращенного в таком состоянии в США. Не выходя из комы, Отто умер спустя шесть дней.

Нынешний руководитель КНДР Ким Чен Ын славится своей страстью к казням. Попали под смертную казнь замминистра вооруженных сил Ким Чхоль (2012 г.), дядя Ким Чен Ына Чан Сон Тхек и вся его семья (2013 г.), тетя Ким Гён Хи (2014 г.), министр общественной безопасности О Сон Хон (2014 г.), министр обороны Хен Ен Чхоль (2015 г.). Сколько

казнено простых людей – неизвестно. Согласно южнокорейским исследованиям, с 2000 по 2013 г. было публично расстреляно 1382 человека [459]. Эти данные основаны на интервью с северокорейскими перебежчиками и подтверждаются свидетелями.

Последней социалистической страной, которую мы анализируем в этой главе на предмет использования смертной казни, будет Третий рейх. Просуществовав всего 12 лет (с 1933 по 1945 г.), национал-социалистический режим успел привести в исполнение огромное количество судебных и внесудебных казней, в том числе против своих собственных сторонников. Получить пулю в лоб или лезвие гильотины на шею официально можно было за измену государству и пособничество или подстрекательство к ней, за публикации или риторику, несовместимую с идеалами режима, за похищение, саботаж, шпионаж, дезертирство, мародерство, поджог, использование зарубежных радиопередач, покушение или убийство должностного лица и т. д. Фактически же режим мог расправляться с противниками как угодно, ведь не было институтов, которые бы ограничивали всевластие партии. Например, 30 июня 1934 г. произошла известная «Ночь длинных ножей», когда нацисты расправились с собственными сопартийцами из-за подозрений в их нелояльности. По словам Гитлера, был расстрелян 61 человек, еще 13 человек погибли при сопротивлении аресту и трое покончили с собой – всего 77 имен, которые лидер нацистов назвал в своей

речи в Рейхстаге 13 июля. Однако в документах Нюрнбергского трибунала указано 150–200 жертв «Ночи длинных ножей».

В остальное время к смерти приговаривал военный трибунал, специальные суды на оккупированных территориях, гестапо в своих застенках, либо т. н. «Народный суд» (Volksgerichtshof) – это не считая казней, которые регулярно совершались в концентрационных лагерях во время войны в отношении тех, кому суд, по нацистским представлениям, вообще не был положен, и политики целенаправленного истребления целых народов. Разумеется, Volksgerichtshof был лишь пародией на суд и руководствовался не правом, а идеологически обусловленными представлениями о морали – что вообще типично для социалистической законности. Никакой защиты у обвиняемого, объективного расследования его вины и возможности ознакомиться с делом не было, как не имелось возможности обжаловать решение «суда». «Народным судом» было вынесено 5200 смертных приговоров всего за 12 лет его существования [426]. Еще 15 тыс. было расстреляно по решению полевых судов на основании рассмотрения 35 тыс. дел о дезертирстве [409]. О миллионах жертв национал-социалистов, убитых в концлагерях, мы уже говорили в предыдущей главе.

Чем было обусловлено такое увлечение социалистов смертными приговорами? Найти ответ на этот вопрос можно у самих исполнителей такой политики – они придавали смертной казни куда большее значение, чем законодатели и политики других политических взглядов. Много характерных высказываний большевистских лидеров мы приводили в главе о красном терроре во второй части книги. Здесь постараемся не акцентировать внимание исключительно на российских социалистах.

Вспомним высказывание Ленина, приводимое Львом Троцким в его работе «О Ленине», сомневаться в достоверности которого нет никаких причин: *«Как же можно совершить революцию без расстрелов? Неужели же вы думаете справиться со всеми врагами, обезоружив себя? Какие еще есть меры репрессии? Тюремное заключение? Кто ему придает значение во время гражданской войны, когда каждая сторона надеется победить?»* Это было сказано в то время, когда его сопартийцы обсуждали отмену смертной казни, введенной Керенским после Февральской революции.

Более утонченный теоретик социализма Николай Бухарин в работе «Экономика переходного периода» развил целую теорию «узаконенного» насилия. Он писал, что *«в переходную эпоху, когда одна производственная структура сме-*

няется другой, повивальной бабкой является революционное насилие. Это революционное насилие должно разрушить оковы развития общества, т. е., с одной стороны, старые формы “концентрированного насилия”, ставшего контрреволюционным фактором, старое государство и старый тип производственных отношений. Это революционное насилие, с другой стороны, должно активно помочь формированию новых производственных отношений, создав новую форму “концентрированного насилия”, государство нового класса, которое действует, как рычаг экономического переворота, изменяя экономическую структуру общества... Итак, по отношению к бывшим буржуазным группам принуждение со стороны пролетарской диктатуры есть принуждение со стороны инородного класса, который ведет классовую борьбу с объектами своего принуждения... С более широкой точки зрения, т. -с. с точки зрения большего по своей величине исторического масштаба, пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи» [41, с. 161, 168].

На другом конце Евразии несколькими десятилетиями позже раздавались те же самые речи про террор в отношении классовых врагов. Еще до окончательной победы Мао Цзэдун натаскивал революционеров: «...революция – это вос-

стание, это насильственный акт одного класса, свергающего власть другого класса... "Крайности", о которых говорилось выше, и порождены силой крестьян, пробужденной могучим революционным порывом в деревне. Во второй период крестьянского движения (период революционных действий) они совершенно необходимы. В этот период нужно установить безраздельную власть крестьян, не допускать злостных нападков на крестьянские союзы, полностью свергнуть власть шэньши, а самих шэньши повалить наземь и даже придавить ногой. Во второй период все "крайности" имеют революционное значение. Попросту говоря, в каждой деревне необходим кратковременный период террора» [201, с. 30]. Но, получив власть, маховик насилия раскручивался еще сильнее. Вот слова, сказанные в 1951 г., на третьем году власти: «После проведения движения по подавлению контрреволюции в масштабах всей страны деятельность еще не выловленных агентов и шпионов непременно станет еще более скрытной. Поэтому органы общественной безопасности должны проводить более систематическую работу по их разоблачению и воспитывать народные массы так, чтобы они проявляли всестороннюю бдительность в борьбе с предателями... В отношении контрреволюционных элементов, выявленных в рядах компартии, в системе народного правительства, в Народно-освободительной армии, в сфере культуры и образования, в торгово-промышленных кругах, религиозных кругах, в демократических партиях и группировках,

в народных организациях и в отношении лиц, приговоренных к смерти, в общем следует применять принцип немедленно-го приведения в исполнение одного-двух приговоров из десяти. По отношению к остальным же восьми-девяти следует применять политику отсрочки приговора с учетом результатов принудительного труда в указанный срок. Только таким путем можно добиться общественного расположения, только так мы можем избежать ошибок в этом вопросе, только так можно расколоть и разложить вражеские ряды – что полезно для окончательного уничтожения сил контрреволюции – и в то же время сохранить огромный <резерв> рабочей силы – что выгодно для производства и строительства страны» [200, с. 17–18].

Кубинский революционер Эрнесто Че Гевара, который лично принимал участие в казнях своих политических противников, признавал: «...естественно, что в моменты крайней напряженности нельзя постоянно действовать в белых перчатках, и здесь было задержано множество людей без абсолютной уверенности в их виновности. В Сьерре мы расстреливали людей, не будучи полностью убеждены в их виновности: существуют ситуации, когда революция не могла позволить себе слишком долго заниматься расследованием, ее священным долгом было победить» [399, с. 255]. Однако вину за убийства Че Гевара возлагал не на себя и даже не на Батисту: «...мы должны заявить здесь о том, что является общеизвестной истиной и о чем мы всегда заявляли ми-

ру: расстрелы мы действительно совершали, мы расстреливали и будем расстреливать, пока это необходимо. Наша борьба – это борьба не на жизнь, а на смерть. Мы знаем, что стало бы результатом нашего поражения, и гусанос также должны знать, что станет результатом их сегодняшнего поражения на Кубе. В таких условиях мы живем, и созданы они североамериканским империализмом» [399, с. 455]. Однако от правды не скрыться. Есть у Че Гевары высказывание, которое ничем не отличается от уже приведенных выше цитат его единомышленников: «...революционное правосудие – подлинное правосудие, оно не питается злопамятностью или аморальными перехлестами. Когда мы приговариваем к смерти, мы делаем это правильно» [399, с. 612].

Социалистическая законность допускала массовое применение смертной казни не столько к уголовникам, совершившим общественно опасное деяние против жизни и собственности граждан, или государственным изменникам, дезертирам, террористам, сколько к политической оппозиции и классовым врагам, вина которых заключалась только в их происхождении или взглядах. Террор и насилие имели фундаментальное значение для установления нового строя, для полной деморализации врагов и окончательной победы. Причем победа была не моментом установления своей политической власти над всей страной, а чем-то отдаленным, неясным, поскольку враги повсюду могут в любой момент изменить расклад сил. Эта психология осажденной крепо-

сти характерна для социалистов самых разных эпох. Социалистические режимы революционного толка никогда не чувствовали себя уверенно, поскольку приходили к власти через насилие, а не через легитимные институты и процедуры, из-за чего их поиски внутренних врагов принимали и принимают параноидальный характер. Внутренние враги – между прочим, обычные граждане их же страны – становятся продолжением врагов внешних, так как социалистическая парадигма не распознаёт традиционные государственные границы, общность на основе культурной, религиозной, исторической, этнической идентичности. В ней есть только идентичность классовая, причем классы надо понимать не в узком экономическом смысле (пролетариат, буржуазия), а шире – угнетенные и угнетатели. Поскольку в одной отдельно взятой стране всегда существует множество классов (и, натягивая сову на глобус, всегда можно умозрительно разделить в ней общество на угнетенных и угнетателей), то, конечно же, приходя к власти, социалисты не будут воспринимать всех, кого они идентифицируют как «угнетателей» как полноправных граждан социалистического государства. В классическом европейском национальном государстве все совершенно иначе – в нем государство нейтрально, все граждане равны перед законом, а свою политическую волю они могут выражать через институты самоуправления и многопартийный парламент. Поэтому в таком государстве априори не может быть массового террора.

Можно, конечно, возразить и сказать, что несоциалистические автократии, которые устанавливались вопреки демократическим процедурам, через военные перевороты, тоже использовали насилие в отношении своих политических противников: например, режим Пиночета, свергнувший Альенде в 1973 г., или режим Франсиско Франко, победивший в гражданской войне коалицию самых разных политических сил (прежде всего левых). Но масштабы просто несопоставимы. Ни в Чили, ни в Испании не было долговременной системы концентрационных лагерей и массовых казней. За период правления военной хунты Пиночета с 1973 по 1990 г. было казнено или исчезло чуть более 3000 человек (при населении страны в 10 и 13 млн соответственно). Причем 663 человека из этого числа относились не к мирному населению, а к партизанам вооруженной марксистской группировки MIR [457]. Это в два раза меньше, чем было только казнено (не считая исчезновений и других причин) в сталинистской Албании с населением в 1,6 млн человек в 1960 г. Важно также, что, в отличие от Сталина, Мао, Ходжи, Кастро и других лидеров социализма, Пиночет уступил власть демократическому режиму добровольно, а в 1998 г. против него началось уголовное преследование за совершенные его режимом преступления. Процесс продолжался до самой смерти бывшего диктатора в 2006 г. Что касается режима Франко, то с момента его победы в гражданской войне в 1939 г. и до самой его смерти в 1975 г. в стране с 30–35 млн

населения было приведено в исполнение 165 казней по приговору суда [422].

Другое возможное возражение – это апелляция к опыту социал-демократических партий, которые в рамках парламентской демократии периодически приходят к власти и даже проводят некоторые изменения в экономике и культуре в духе социализма, вроде национализации ряда отраслей в некоторых странах Европы после Второй мировой войны или изменений трудового кодекса в пользу отдельных групп рабочих. Но это совершенно некорректная отсылка, ведь социал-демократы и избрали такой путь, который не предполагает построения полноценного социалистического общества – такова цена за власть, которую они действительно могут получать благодаря своей умеренности и готовности идти путем эволюции, и именно отказ от курса на 100 %-ный социализм позволил им отбросить необходимый убежденному социалисту радикализм. Но куда в итоге эволюционировали сами социал-демократы? По моему мнению, сегодня это едва ли те люди, которых можно вполне считать последовательными социалистами. Социал-демократы, например, провели рыночные реформы в Новой Зеландии в конце 1980-х – вот уж чего не ожидаешь от людей, чья партия носит почти такое же название, что и та партия, в которой состояли большевики.

Интересно, что социалисты в своей апологетической деятельности стараются увеличить число казней в других стра-

нах, добавляя туда все судебные и внесудебные приговоры, исполненные в колониях. К сожалению, социалисты здесь не выступают последовательными оппонентами, так как противники социализма, не отрицая преступлений, совершенных в колониях в отношении туземного населения, все же акцентируют внимание на взаимоотношении социалистических режимов с собственным населением, т. е. со своими гражданами, а не кем-то еще. И в данной главе я не пытался увеличить число расстрелов, совершенных, скажем, советскими властями, за счет репрессий, которые они проводили в оккупированной в 1939–1940 гг. Польше (включая Катынский расстрел), или расстрелянных северокорейскими военными во время их успешного наступления на Южную Корею в 1950 г. И само собой, что не все казненные в социалистических странах были невиновными – убийцы и насильники в СССР, Китае и т. д. преследовались точно так же, как в либеральных государствах. Однако та фантастическая разница в применении смертной казни, да еще когда мир начал постепенно от нее отказываться, которую мы видим между социалистическими и несоциалистическими странами, не может быть объяснена тем, что в СССР или КНДР смогли успешно поймать всех убийц и насильников. Она объясняется тем, что социалистические режимы вели войну на уничтожение со всеми своими политическими оппонентами, а их понимание законности было основано не на объективных правовых нормах, а на своеобразном представлении о морали (рево-

люционной морали).

Социализм и война

Известно, что одним из обвинений социализма в сторону «капитализма» является развязывание войн. Капитализм ведет к мировой войне – именно так говорили социалистические мэтры. Более того, научные социалисты даже связали феномен войны со способом производства и классовой структурой общества. По их классификации, существуют войны империалистические, т. е. такие войны, которые ведутся в интересах капиталистов (угнетателей, феодалов), и существуют национально-освободительные войны и революции, несущие с собой освобождение от угнетения, когда угнетаемые поднимаются на бой с угнетателем. Такое положение дел будет существовать до тех пор, пока в мире не наступит социализм, который раз и навсегда покончит с войнами, так как устранил саму их причину. *«С уничтожением капитализма, с победой социализма во всем мире не будет и войн. Революционные, освободительные войны, которые приходится вести социалистическому государству, вытекают не из социалистического способа производства, не из внутренних законов развития социалистического общества, а обуславливаются капиталистическим окружением»* [148] – учит нас пропагандистская книга под названием «Исторический материализм», изданная в 1950 г. Через шесть лет после ее издания СССР подавит в крови восстание в брат-

ской социалистической Венгрии, через 18 лет танками задавит социалистов-реформаторов в Чехословакии, а через 19 лет коммунистический Китай и СССР вступят в короткий, но кровавый конфликт за маленький полуостров.

Так или иначе, если война плоха, то ее бедствия всегда одинаковы, независимо от того, как мы ее назовем – империалистической или национально-освободительной. В войне погибают тысячи и даже миллионы людей, уничтожается хозяйство, ломаются судьбы, многие остаются инвалидами или до конца не справляются с психическими травмами от увиденной жестокости. Любая война порождает несправедливость, голод, хаос, сексуальное насилие и т. д. Лишь оборонительная война или военная операция против тирании ради освобождения мирного населения от жестокого обращения может быть оправдана. Но не такую войну несли социалисты. Вслед за демагогией про империалистическую войну социалисты не чурались нести наиболее кровавый и жестокий вид войн – гражданскую войну. Именно в огне гражданской войны смогли прийти к власти большевики в СССР, коммунисты в Китае и Южном Вьетнаме, пытались прийти к власти в Германии и Венгрии. Большевики обещали мир, прекращение Первой мировой войны, но их жажда власти, приведшая к ликвидации Учредительного Собрания, продлила войну еще на пять лет. И, что характерно, социалисты не отрицают этого, – напротив, превращение империалистической войны в гражданскую было их целью и предметом гордости!

Как писал Ленин в «Положении и задачах социалистического интернационала», *«буржуазия одурачивает массы, прикрывая империалистический грабёж старой идеологией “национальной войны”*. Пролетариат разоблачает этот обман, провозглашая лозунг превращения империалистической войны в гражданскую войну. Именно этот лозунг намечен штутгартской и базельской резолюциями, которые как раз предвидели не войну вообще, а именно теперешнюю войну, и которые говорили не о “защите отечества”, а об “ускорении краха капитализма”, об использовании для этой цели кризиса, создаваемого войной, о примере Коммуны. Коммуна была превращением войны народов в гражданскую войну». Отказавшись от положений Циммервальдской конференции, на которой меньшевик Аксельрод призывал к организованной работе всех социалистических партий в пользу немедленного прекращения боевых действий, Ленин лелеял надежду устроить пожар мировой революции и захлестнуть ею всю Европу. *«Война – не случайность, не “грех”, как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир. Война наших дней есть народная война. Из этой истины следует не то, что надо плыть по “народному” течению шовинизма, а то, что и в военное время, и на войне, и по-военному продолжают существовать и будут проявлять себя классовые противоречия, раздирающие*

народы. Отказ от военной службы, стачка против войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией, воздыхание об уничтожении капитализма без отчаянной гражданской войны или ряда войн. Пропаганда классовой борьбы и в войске есть долг социалиста; работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций. Долой поповски-сентиментальные и глупенькие воздыхания о “мире во что бы то ни стало”! Поднимем знамя гражданской войны!» [175, с. 40–41] – продолжает Ильич. И знамя гражданской войны действительно было поднято, и именно той политической силой, которая оказалась самой последовательной социалистической организацией в ту эпоху. Как позднее будет гордо признавать Сталин в «Кратком курсе ВКП(б)», в цитате, которую мы уже приводили во второй части книги, – «большевистская партия оказалась единственной пролетарской партией, которая осталась верной делу социализма и интернационализма и организовала гражданскую войну против своего империалистического правительства».

Воинственная риторика вообще характерна для многих известных социалистов. Так, лидеры худшего из всех социалистических режимов XX столетия – Третьего рейха, развязавшего самую кровавую войну в истории человечества, –

открыто говорили, что хотят войны. С самого начала своего прихода к власти Гитлер начал вести подготовку к войне, превратив всю Германию, а затем Австрию и Чехию, где его партия узурпировала власть, в огромный военный лагерь. Риббентроп воинственно верещал 1 августа 1939 г.: «Мы хотим войны». Гитлер 22 августа того же года говорил: «...наши враги – маленькие черви... Не пускайте жалость в свои сердца! Будьте жестокими! Прав тот, кто сильнее!» [33, с. 8]. Его позицией всегда была убежденность, что каждое поколение людей должно принять участие в войне. Как я уже говорил ранее, сама система, построенная национал-социалистами, могла существовать только в условиях непрекращающейся войны – милитаризация всей социально-экономической жизни до такой степени пронизывала Германию, что, не начни Гитлер свою агрессию в отношении соседей как можно раньше, все, что он создал, попросту рухнуло бы.

Лидер компартии Китая Мао Цзэдун тоже знал толк в воинственной риторике, ведь ему принадлежит ставшее крылатым выражение «винтовка рождает власть». В «Красной книжечке Мао» есть целый раздел, посвященный войне. Там можно найти поразительную, по-детски наивную классификацию войны: «...все войны в истории делятся на два рода: справедливые и несправедливые. Все прогрессивные войны являются справедливыми, а все войны, препятствующие прогрессу, – несправедливыми. Мы, коммунисты, боремся против всех несправедливых войн, препятствующих про-

грессу, но мы не против прогрессивных, справедливых войн. Мы, коммунисты, не только не выступаем против справедливых войн, но и принимаем в них активное участие. Примером несправедливых войн может служить Первая мировая война. В ней обе стороны воевали за империалистические интересы, а потому коммунисты всего мира решительно боролись против той войны. Путь борьбы против несправедливой войны таков: до того, как война вспыхнула, надо всеми силами предотвращать ее, но, когда она вспыхнула, надо использовать любую возможность, чтобы бороться войной против войны, то есть выступить с войной справедливой против войны несправедливой» [199]. Полагаю, что эта наивность обусловлена не искренней верой Мао в подобную классификацию, а необходимостью убедить массы в правоте своего дела, подкупить уставших от войны людей (как и большевики, китайские коммунисты действовали в очень тяжелые для Китая годы японской агрессии и распада страны на управляемые военачальниками части) и мотивировать их поддержать коммунистов. Но все эти слова были ложью. Как и Ленин, Сталин, Че Гевара и другие, Мао винил во всех войнах империализм, а милитаризацию социалистических стран считал ответной реакцией на растущую угрозу со стороны капиталистического мира. Но это не объясняет агрессию социалистического Китая против СССР в 1969 г. за полуостров Даманский, когда китайские войска, надеясь на свое численное превосходство и малочисленность советских

пограничников, задумали занять часть советской территории. Дошло до смешного – в своих средствах массовой информации КПК обвинила во всем «социал-империалистов» из Кремля: «...двинутые кликой ревизионистов-ренегатов, советские вооруженные войска нагло вторглись на остров Чжэньбаодао на реке Усулицзян в провинции Хэйлуцзян нашей страны, открыли ружейный и пушечный огонь по пограничникам Народно-освободительной армии Китая, убив и ранив многих из них. Это крайне серьезная пограничная вооруженная провокация со стороны советского ревизионизма, спровоцированный им бешеный антикитайский инцидент и новое самообличение его хищнической социал-империалистической природы. Китайский народ и Народно-освободительная армия Китая выражают величайшее возмущение и самый решительный протест по поводу этого тяжчайшего преступления клики советских ревизионистов-ренегатов. Этот серьезный инцидент пограничной вооруженной провокации был целиком и полностью заблаговременно спланирован и умышленно подстроен кликой советских ревизионистов-ренегатов» [92].

Начиная с 1974 г. на китайско-вьетнамской границе стали возникать взаимные провокации со стороны пограничников. Не было достигнуто согласия касательно некоторых территорий. Наконец в 1979 г. произошла «первая социалистическая война» между Китаем и Вьетнамом. Ошибочно полагают, что китайская попытка продвинуться на юг проис-

ходила в русле традиционной китайской экспансии, характерной еще для имперских времен. Однако здесь всё ложно. В действительности китайско-вьетнамская война была обусловлена курсом последнего на СССР. В Пекине отношение к СССР после смерти Сталина ухудшалось по идеологическим причинам, потому что Хрущева, а затем и Брежнева в КПК считали «ревизионистами». К этому обвинению присоединилась и Албания. Таким образом, четко оформился раскол в социалистическом мире на сторонников СССР и сторонников КНР. И Вьетнам выбрал сторону СССР, заключив соглашения о военном и экономическом сотрудничестве в 1977–1978 гг. В 1978 г. вьетнамские войска свергли власть красных кхмеров, тоже социалистов и союзников Пекина, в соседней Демократической Кампучии. Кроме того, вьетнамцы начали преследования этнических китайцев на северных, пограничных с Китаем, территориях Вьетнама. Китай все это время готовился к вторжению на территорию южного соседа, что и сделал в феврале 1979 г. силами 250 тыс. солдат. Захватывая города и территории, устраивая диверсии в тылу, китайцы наносили ущерб промышленным объектам Вьетнама, однако несли очень высокие потери. С обеих сторон только убитых насчитывалось по 20 тыс. человек; таким образом, за один месяц войны обе стороны потеряли более 40 тыс. солдат только убитыми, не считая потерь мирного населения и раненых. При этом конфликт на границе продолжался вплоть до конца 1980-х гг., и за это вре-

мя братские социалистические народы успели убить друг у друга еще несколько тысяч военнослужащих.

Но этими конфликтами не исчерпывается воинственность ни китайских социалистов в частности, ни социалистов вообще. Как уже было сказано, смерть Сталина стала отправной точкой ухудшения отношений Китая с СССР, который прежде был «большим братом» для всех социалистических государств в мире. Но с приходом к власти «ревизионистов-хрущевцев», Китай не только порывал с СССР, но и метил на лавры нового лидера социалистического мира. Пекин начал активно поддерживать вооруженные группировки социалистической ориентации в странах третьего мира. Как говорил сам Мао в своей «Красной книжечке»: *«...мы должны оказывать активную поддержку движению за национальное освобождение и независимость в странах Азии, Африки и Латинской Америки, а также движению за мир во всем мире и борьбе за справедливое дело во всех странах»* [199]. Таким образом, «Первый мир» был капиталистическим во главе с США, «Второй мир» был социалистическим во главе с СССР, а «Третий мир»... тоже был социалистическим, но уже во главе с Китаем. Так, Китай поддерживал деньгами и оружием чернокожих расистов и социалистов из Африканского национального союза Зимбабве (откуда вышел будущий диктатор Зимбабве Роберт Мугабе). В других странах между Китаем и СССР развернулась настоящая конкуренция, прямо как у «нормальных» империалистических

стран со страниц работ Ильича. В Анголе дошло до смешного – во время войны за независимость там действовали различные вооруженные группировки. Одна из них – Национальный фронт освобождения Анголы (FNLA) правой ориентации, получавший поддержку из западных стран. Другая группировка – Народное движение за освобождение Анголы (MPLA) левой ориентации, поддерживаемая СССР и Кубой. КНР изначально помогала MPLA, но после разрыва с Советским Союзом и последующими переменами в политике социалистический Пекин в 1964 г. начинает поставку оружия и военных советников FNLA. В конфликте Сомали с Эфиопией в конце 1970-х гг. СССР поддерживал сначала Сомали, а затем Эфиопию, после чего Китай стал оказывать поддержку Сомали. Такая вот дружба народов.

В связи с войнами в Африке уместно вспомнить политику социалистической Кубы, поставлявшей своих боевиков «на экспорт». Только в Анголу маленькое островное государство за период с 1975 по конец 1980-х гг. отправило свыше 300 тыс. военных, несколько боевых самолетов, танки и артиллерийские орудия, – таким образом, кубинцы были там самой боеспособной силой в противостоянии MPLA с ЮАР и другими ангольскими группировками. Однако победа социалистов в 1992 г. не принесла Анголе мира – гражданская война продолжалась до 2002 г. Кубе участие в войне на другом континенте тоже не принесло ничего, кроме тысяч гробов с убитыми кубинцами и огромные расходы за счет соб-

ственных граждан. Контингенты поменьше в разное время были задействованы в Конго, Танзании и Эфиопии и там тоже речь шла о тысячах солдат. Какой-либо рациональной причины широкому участию кубинцев в африканских войнах найти трудно – от прямого участия отстранялись даже СССР и Китай. Единственное объяснение – это идеологические убеждения Кастро и Че Гевары (лично принимавшего участие в конголезских войнах).

Снова вернемся в Азию, где в 1950 г. началась самая кровавая, после Второй мировой, война второй половины XX столетия – Корейская. После того как Корейский полуостров был освобожден от японской оккупации, он был поделен примерно поровну на зону советского и американского влияния. На севере установился социалистический режим под руководством Ким Ир Сена, а на юге – проамериканский режим Ли Сын Мана. Казалось бы, был достигнут некий паритет сил, статус-кво, которое можно будет решить постепенно с помощью дипломатии. Советские и американские войска были выведены с территории полуострова.

В то же время расположенная по соседству с двумя огромными социалистическими державами Северная Корея, пользуясь таким удобством, готовилась к объединению страны под своим началом. Ким Ир Сен постоянно консультировался с Пекином и Москвой касательно своих планов вторжения в Южную Корею и пытался заручиться их поддержкой (Китай и СССР тогда еще были в хороших отношениях),

убеждая, что шансы на успех велики, к тому же режим Ли Сын Мана непопулярен и как только доблестные коммунисты появятся на горизонте, местное население тут же устроит восстание против капиталистов. И Мао, и Сталин оказывали очень существенную военную помощь КНДР как в технике, так и в живой силе (многие ветераны НОАК перешли на службу в северокорейскую армию), но Сталин поначалу колебался, опасаясь вступления в войну США. Однако *«государственный секретарь США Дин Ачесон 12 января 1950 года заявил, что Южная Корея не входит в “оборонный периметр” США в Тихоокеанском регионе. “Моя речь, – вспоминал он впоследствии, – открыла зеленый свет для атаки на Южную Корею”»* [253].

Не совсем продуманное высказывание госсекретаря повлияло на решимость руководителей трех социалистических стран, в то время как Ачесон уверял Конгресс, что война маловероятна. К сожалению, вопрос с войной уже был решен в Пхеньяне, столице КНДР, – 25 июня северокорейские войска начали наступление, настолько успешное, что к августу зажали оставшиеся южнокорейские войска в пределах т. н. Пусанского периметра. Но в сентябре США с союзниками (силы ООН) начали контрнаступление, которое вытеснило войска КНДР до самой китайской границы. Таким образом, к середине осени первого года войны весь Корейский полуостров неожиданно оказался под контролем США и Южной Кореи, что заставило Китай открыто вмешаться в конфликт

и начать очередное контрнаступление против сил ООН. Поддерживаемые советской авиацией и остатками северо-корейских дивизий, китайцы смогли оттеснить южную коалицию. К середине 1951 г. война зашла в тупик, поэтому стороны сели за стол переговоров. Несмотря на это, кровавые боевые действия продолжались до весны 1953 г., потому что, пока шло обсуждение условий окончания кровопролития, их участники пытались переломить ход войны и создать себе более выгодные условия на переговорах. Но это ни к чему не приводило, кроме огромных потерь с обеих сторон. Принципиально расклад поменялся в марте 1953 г., когда умер Сталин, а его преемники оказались более сговорчивыми сторонниками мира. Оставаться один на один с США и его союзниками Китай, как главная сила в северной коалиции, не мог, несмотря на все свои успехи. Война де-факто окончилась, хотя формально перемирие было подписано только в 1991 г.

За три года Корейской войны на маленькой территории Корейского полуострова было уничтожено 80 % всей инфраструктуры, предприятий, домов. По человеческим потерям эта война стоит на третьем месте после Второй и Первой мировых войн. Только корейцев с обеих сторон погибло почти 4 млн человек (2,5 млн со стороны КНДР и 1,415 млн со стороны Южной Кореи), китайцы потеряли до 1 млн солдат, силы ООН во главе с США – более 60 тыс. [150].

Политические последствия Корейской войны оказали влияние на облик современного мира. Во-первых, в Евро-

пе пришли к выводу, что в Германии нужно формировать армию для увеличения обороноспособности Запада от возможной агрессии социалистического блока. Во-вторых, Китай был отвлечен на Корейскую войну и не смог провести операцию по захвату Тайваня, где укрылись побежденные коммунистами остатки Гоминьдана. В-третьих, США пересмотрели свою позицию и приняли решение о вмешательстве в любой конфликт, где речь могла идти о расширении сферы влияния социалистического блока. Таким образом, они стали поддерживать Тайвань, хорошо вооружив его. Также американцы разместили на территории Южной Кореи мощный контингент войск и даже ядерное оружие. В-четвертых, явная агрессия именно со стороны соцлагеря, главного критика империализма, стала известна всему миру, шокированному от ужасных последствий конфликта, что ударило по популярности коммунистов в западных странах и усилило позиции антикоммунистов.

По репутации социалистов как борцов за мир также сильно ударили события в ГДР в 1953 г., в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г. В ГДР после смерти Сталина появились надежды на смягчение политического режима, однако в ответ на такие ожидания Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ) увеличила производственные нормы, что оказалось неприятной неожиданностью для рабочих. 17 июня 1953 г. рабочие в Восточном Берлине объявили забастовку, на которую вышло 500 тыс. человек с требованиями

свободных выборов. Восточногерманские социалисты совместно с СССР решили подавить массовые протесты армией, причем советской, в результате чего были убиты, арестованы или расстреляны десятки рабочих.

Аналогичный жесткий ответ на требования либерализации был дан в Венгрии спустя три года после этих событий. Венгерскому восстанию против СССР предшествовали сложные перипетии касательно вопроса, кто будет руководить страной. В этом деле последнее слово было за Москвой, которая старалась не допустить до руководства партией популярного в народе политика с реформаторскими взглядами Имре Надя. Все изменилось во время мероприятия по перезахоронению праха министра внутренних дел Венгрии Ласло Райка, первой жертвы сталинских репрессий в Венгрии. На улицах собрались тысячи венгров, выкрикивавших антикоммунистические лозунги. На следующие сутки после похорон Надя восстановили в рядах партии, надеясь на то, что он сможет успокоить народ. Однако через две недели начались волнения среди студентов. 22 октября учащиеся Будапештского технологического университета приняли манифест из 16 пунктов. В нем содержалось требование немедленного вывода советских войск из страны, переизбрание всего руководства компартии тайным голосованием и создание нового правительства под руководством Имре Надя с последующей люстрацией функционеров режима сталиниста Ракоши. Студенты заявили о своей солидарности с рабо-

чими Польши, которые в то же самое время вышли на массовые акции протеста по всей стране. 23 октября протестующие попытались передать пункты манифеста через будапештскую радиостудию, однако директор обманул их, сделав вид, что зачитывает документ в эфире, но в действительности слушатели в этот момент слышали музыку. Поняв, что их дурачат, студенты взяли здание радио в осаду. Волнения нарастали – в центре Будапешта свалили статую Сталина. В полночь Имре Надь был назначен премьер-министром страны, который ввел в стране чрезвычайное положение, однако отказался обращаться к СССР за помощью. 24 октября в столицу Венгрии вошли 6000 советских солдат и 700 танков, начались полномасштабные боевые действия, в которых на сторону протестующих перешла часть венгерской армии. Полковник Пал Мелетер был назначен министром обороны в новом правительстве, куда вошли члены воссозданных венгерских партий, прежде запрещенных коммунистами. Руководителем компартии стал Янош Кадар, будущий архитектор ограниченной либерализации (т. н. «гуляш-коммунизм»). 30 октября протестующие допустили серьезную ошибку, линчевав сотрудников госбезопасности и отдельных партийцев прямо на улице, что радикализировало позицию СССР, уже готового дать согласие на часть требований венгров, и лишило восставших моральной поддержки других коммунистических руководителей, таких как Иосип Броз Тито и Мао Цзэдун. Хуже того (в глазах СССР), Имре Надь 31 октября сде-

лал заявление о выходе Венгрии из советского блока. Оба этих события уже совсем не укладывались в пределы возможных компромиссов со стороны Москвы, поэтому в начале ноября началось полномасштабное подавление восстания, с вводом дополнительных контингентов, продолжавшееся до 7 ноября. Количество убитых с обеих сторон сопоставимо с потерями в ходе небольшой, но полноценной войны: со стороны венгров 2500 погибших и 20000 раненых, со стороны СССР 700 убитых и пропавших без вести и 1450 раненых. 211000 венгров бежали в западные страны. К этому стоит добавить арест в течение последующих лет 100 000 человек по обвинению в контрреволюции, из которых было казнено от 300 до 600 человек, в том числе сам Имре Надь [36, с. 395]. Его последние слова очень характерны для всей этой истории: *«Если требуется моя жизнь, чтобы доказать, что не все коммунисты являются врагами народа, я с радостью готов пожертвовать собой. Я знаю, что настанет время и состоится новый процесс Надя, который меня реабилитирует. Я также уверен в моем перезахоронении. Единственное, что страшит меня, так это то, что ораторами на моих похоронах будут выступать те, кто меня предал»* [36, с. 396].

События в Чехословакии в 1968 г. очень показательны в том отношении, что чехи слишком переоценили миролюбие СССР и хрущевскую десталинизацию, чего делать не стоило. У этого доверия есть свои исторические причины. Во-

первых, социалистические идеи в Чехословакии были популярны еще до Второй мировой войны, причем имели своеобразное воплощение в лице Чешской национально-социальной партии (ЧНСП), возводившей свою идеологию к традициям таборитов и гуситов. Однако это была социал-демократическая партия эволюционного, а не революционного толка, готовая работать в условиях парламентаризма. Во-вторых, жестокая немецкая оккупация Чехословакии совокупно с памятью о Мюнхенском сговоре, когда при молчаливом согласии западных либеральных держав Третий рейх забрал у Чехословакии Судеты, и последующее освобождение советскими войсками играло на руку социалистическому проекту под руководством Москвы. После войны ЧНСП планировала войти в коалицию с коммунистами и социал-демократами и поддержала курс компартии на строительство социализма. В феврале 1948 г., когда Коммунистическая партия Чехословакии узурпировала власть в результате политического кризиса, ЧНСП колебалась между поддержкой и выступлением против такого развития событий, но в итоге стала союзником компартии.

Реформизм, приведший к 1968 г., имел внутривнутрипартийную природу, как и в Венгрии, т. е. речь не идет ни о каких внешних силах, соблазвивших честных коммунистов на либеральные перемены. Он был вызван объективными проблемами в экономике, которые надо было срочно решать. Поэтому к 1965 г. была подготовлена реформа, предполагавшая

частичную либерализацию цен. Однако вслед за идеями экономической реформы зашел разговор и о политической либерализации, без которой, по мнению реформаторов, ничего не получится в экономике. А это уже было недопустимо, так как затрагивало один из важнейших элементов социалистического режима – монополию одной партии на власть. Кроме того, изменилась культурная обстановка в стране – стали выходить «немарксистские» фильмы, статьи, книги, проводились выступления с чтением запрещенных в СССР книг, вроде текстов Александра Солженицына. К 1968 г. цензура была отменена вовсе, вслед за отменой цензуры оживились общественные, в том числе внутрипартийные, дебаты; появился новый устав партии. 5 апреля была опубликована «Программа действий Коммунистической партии Чехословакии», в которой жесткой критике были подвергнуты 1950-е гг., когда были применены идеи и концепции, «противоречащие тогдашним обстоятельствам и традициям страны», что привело к бюрократизации государства. Все это выродилось в подавление прав и свобод, догматизм и злоупотребление властью. В программе содержались требования к изменению системы в сторону независимого правосудия, установления контроля деятельности Министерства внутренних дел судебной властью. В июне в газете с тиражом в 300 тыс. экземпляров вышел манифест «Две тысячи слов», в котором за застой в стране критиковалось руководство Коммунистической партии Чехословакии и звучал призыв к созданию на-

родного контроля над принятием и исполнением решений. До самого августа, когда начнется советское вторжение, в руководстве страны проводились важные кадровые изменения. Была создана специальная комиссия по изучению материалов политических процессов с целью реабилитации граждан, пострадавших от репрессий.

Само собой, то, что происходило в Чехословакии, не устраивало социалистический блок, и особенно СССР. Как уже было отмечено выше, сама возможность потери монополии на власть была в социалистической парадигме недопустима, в противном случае речь бы шла о трансформации в социал-демократов западного образца, которые были готовы на многопартийный парламент, политическую конкуренцию и, что из этого закономерно следует, отказ от строительства социализма. Парадокс заключался в том, что чехословацкие реформаторы и не предлагали многопартийность, по крайней мере открыто. Речь шла, скорее, о компартии «с человеческим лицом», о борьбе с бюрократизацией и цензурой, которая мешала обсуждению важных вопросов и проблем. Но даже такой подход был расценен как «контрреволюция». Как сказал в марте 1968 г. лидер социалистической Польши Владислав Гомулка, *«мы должны выработать решения, которые недвусмысленно заявят, что контрреволюция в Чехословакии не пройдет, что руководство чехословацкой партии и рабочий класс Чехословакии этого не допустят, что союзники Чехословакии, те, что собрались здесь, этого не*

допустят» [36, с. 530].

Напрасно премьер-министр ЧССР Олдржих Черник будет убеждать соцлагерь в прогрессивности и просоциалистическом характере проводящихся в Чехословакии реформ. Против страны уже готовилась коалиция, готовая на применение чрезвычайных мер. В мае Брежнев заявит: *«КПСС убеждена в необходимости сохранения научного социализма в Чехословакии, в поддержке ее коммунистической партии и в сохранении ее у власти... Что касается критики “Программы действий”, то она имеет второстепенное значение. Сейчас важно выявить и консолидировать силы, способные бороться с контрреволюцией»* [36, с. 534]. К сожалению, Брежнев видимо забыл, что речь шла не о «контрреволюции», а о независимом государстве со своими собственными гражданами, которые сами хотели принимать решения, касаемые их дальнейшей жизни. К этому времени СССР уже начал разработку планов возможной военной интервенции, и члены Соцблока постоянно проводили встречи и консультации, само собой без участия Чехословакии. Однако был получен формальный повод для вторжения – пять человек из руководства компартии ЧССР, сторонников контрреформ, обратились к Брежневу с просьбой о вооруженной интервенции с целью подавления «антикоммунистического и антисоветского психоза». На заседании 13–17 августа было принято окончательное решение о вторжении в пределы суверенного государства, при этом руководитель компартии Чехослова-

кий Александр Дубчек до самого конца не знал и не верил, что подобное будет возможно, ведь его страна даже не собиралась выходить из Соцблока, а КПЧ по-прежнему находилась у власти. Тем не менее 20 августа в Чехословакию вторглись вооруженные силы СССР, ПНР, Болгарии и ГДР общей численностью в 300000 солдат и 7000 танков. ЧССР, разумеется, была совершенно не готова к такому сценарию, для ее руководства (кроме тайных сторонников контрреформ) известие о вторжении было шоком. Министр обороны был заранее предупрежден и потому приказал армии не оказывать сопротивления. Поэтому чехи и словаки могли сопротивляться только без оружия, хотя Дубчек, осознавая бесперспективность, призвал не делать и этого. В целом страна была оккупирована очень быстро, и уже 21 августа здание ЦК КПЧ было окружено советскими солдатами, а руководство арестовано. Однако на улицах люди еще сопротивлялись: сооружали баррикады и даже нападали на солдат и бронетехнику, используя коктейли Молотова. В ходе этих событий со стороны Чехословакии погибло 108 и ранено свыше 700 человек, со стороны Соцблока было убито 11 и ранено 87 человек.

После вторжения в Чехословакию социалистическая Албания под руководством Энвера Ходжи вышла из Восточного блока, оставаясь верной сталинизму, и стала постепенно смещаться в орбиту влияния Китая, где продолжался жесткий курс Мао, копирующий курс Сталина. Однако впослед-

ствии и Китай оказался недостаточно ортодоксальным для албанских коммунистов. Постепенное ухудшение отношений буквально со всеми социалистическими странами, преследования внутри страны инакомыслия даже в рамках социалистического дискурса превратило Албанию в страну-изгоя. Такая воинственность сильно сказалась на ландшафте страны в буквальном смысле слова – он покрылся бункерами и бомбоубежищами, одно из которых специально предназначалось для Энвера Ходжи. К 1983 г. в маленькой европейской стране с прекрасным средиземноморским климатом насчитывалось уже более 170 тыс. бункеров [428]. На строительство такого огромного количества укреплений расходовались скудные средства бедной Албании, в то время как инфраструктура находилась в ужасном состоянии. Ходжа очень боялся войны с «братской» социалистической Югославией и Восточным блоком, сторонников которых он так беспощадно преследовал. Кроме того, Албания официально находилась в состоянии войны с Грецией вплоть до 1987 г. (хотя боевые действия не велись).

На самом деле, судьба Албании в рамках темы этой главы очень показательна. Дело в том, что, как мы уже выяснили, в рамках социалистической парадигмы все войны в мире обусловлены в конечном счете капитализмом и империализмом. Когда весь мир станет социалистическим, войны должны прекратиться. К 1960-м гг. большая часть мира в той или иной степени стала придерживаться социализма.

Но с ростом участников соцлагеря военная напряженность в этой части мира не только не снизилась, но, напротив, выросла. После смерти Сталина СССР пошел по пути построения социализма без массовых репрессий и террора, даже с некоторой либерализацией социально-экономической жизни, но с сохранением жесткой монопольной системы компартии на власть. Для Китая это был отход от принципов социализма, поэтому Компартия Китая объявила советских социалистов «ревизионистами», а после 1969 г. стала называть северного соседа «социал-империалистами». Китай стал новым, альтернативным, центром социализма, к которому присоединились Албания, Кампучия и многие страны Африки. Юго-Восточная Азия превратилась в арену соперничества между советским и китайским социализмом – Кампучия с одной стороны и Лаос с Вьетнамом – с другой. В то же время Югославия отошла от СССР, но не присоединилась к Китаю, пойдя отдельным, самобытным путем построения социализма. Албания, в свою очередь, начала преследовать и «хрущевских ревизионистов», и «титовцев», а после того, как президент США Ричард Никсон посетил Китай в 1972 г., а затем Компартия Китая начала проводить реформы, Ходжа объявил китайцев «бандой оппортунистов и наймитами Запада». И здесь он даже был отчасти прав: Китай действительно пошел на сближение с США. Китайские социалисты, как мы помним, даже соперничали в Африке не с западными странами, а с СССР. Бедная маленькая Албания, оцети-

нившись бункерами, осталась совсем одинокой в своей верности сталинизму. Как напишет Энвер Ходжа, *«ныне поднялись на ноги и борются против марксизма-ленинизма крупные силы – представители обскурантизма, рабства, эксплуатации пролетариата и народов: американский империализм и его агентуры, советский социал-империализм, китайский социал-империализм, крупная буржуазия и реакция. Против нашей революционной идеологии ополчились и такие идеологические течения, как социал-демократия, современный ревизионизм и многие другие контрреволюционные течения»* [387, с. 10].

То, что социалистические страны не смогли бы избежать войны между собой, не придя к общему понимаю «истинного» социалистического пути, даже в мире без «капитализма», – несомненно. Социализм не терпит конкуренции – по этой причине внутри каждой социалистической страны править может только одна партия. Монополия соцпартий на власть – общая черта всех соцстран. Но нет места не только конкуренции, но и дискуссии между различными социалистическими режимами, входящими в один блок. Чехословакия почувствовала это на себе в полной мере – достаточно было начать проводить весьма скромные реформы в общественной жизни при сохранении монополии компартии.

Конечно же, я не хочу сказать, что воюют только социалистические режимы, – очевидно, что это не так. Но вопрос в другом: социалисты не смогли предотвратить войну и да-

же не пытались это сделать. Они воевали повсюду, где могли, и даже между собой. Те, кого они критиковали в своих выступлениях, докладах, статьях, хотя бы не обманывали массы людей красивой риторикой о мире во всем мире или о том, что только их страна ведет справедливую войну, а остальные только и знают, что грабят и угнетают. Но важное отличие стран, которые причисляли себя к «капиталистическим», от социалистических режимов заключалось в том, что в европейских демократических странах и в США всегда хватало критики собственных правительств за войны, в которых участвуют их страны. Там была оппозиция в парламенте, и мощные антивоенные движения вроде тех, что склонили США к выводу войск из Вьетнама. Ничего подобного нельзя представить в социалистических странах, где подобное поведение расценивалось бы как «контрреволюционное». Не думаю, что совпадением является то, что XX столетие было самым кровавым в истории человечества и в это же столетие социализм достиг наибольших политических успехов.

Социализм и нищета

Научный социализм обещал, что после перехода от капитализма к социализму будут сохранены и преумножены достижения капиталистической формации в деле производства материальных благ, но все недостатки капитализма будут устранены. Не станет классового деления общества, разделения труда, отчуждения рабочих и превращения их в бездумные винтики системы. Социализм не учил, что нужно жить скромнее или отказаться от материальных благ, – напротив, он обещал увеличение материального благосостояния. Устранение частной собственности, коллективизация, крупные государственные фабрики и заводы – все это виделось как способ повысить благосостояние людей.

Тем не менее ни одна социалистическая страна не достигла заявленной цели. Все страны, где долгое время у власти бессменно находились социалисты, оказались очень бедны. «Догнать и перегнать» не получалось ни у кого. *И* чем больше времени проходило, тем безнадежнее становилось положение. Поэтому социалистические режимы заканчивают либо реформами, либо падением.

Касаемо материального благополучия мы не будем акцентировать внимание на раннем СССР – и так понятно, что он был беден даже в сравнении с Российской империей поздних лет ее существования. Поэтому посмотрим, как жили совет-

ские люди уже в эпоху «развитого социализма», после смерти Сталина, в 1950-1970-е гг., а затем посмотрим, как жили граждане социалистических стран в Восточной Европе и в Азии. Также мы затронем уровень жизни в национал-социалистической Германии в 1933–1945 гг.

Жизнь советского гражданина в первые десятилетия его существования была очень трудна – лишь к концу 1920-х гг. страна восстановилась от последствий Гражданской войны. Но 1930-е гг. не принесли спокойной размеренной жизни – именно в это десятилетие социалистический режим буквально перешел в новое наступление на «старые порядки», переводя страну в мобилизационный режим из-за форсированной коллективизации и индустриализации. В значительной степени экономика была ориентирована на военное производство, что позволило к началу 1940-х гг. построить десятки тысяч танков, самолетов, артиллерии и содержать многочисленные вооруженные силы. Разумеется, это не могло не отразиться на уровне жизни простого рабочего. Во второй части книги, в главе про индустриализацию, мы рассматривали этот вопрос. Напомню: в 1937 г. глава рабочей семьи тратил на продукты питания до 87 % всего заработка, а в 1925 г. – только 51 %. Питание при этом значительно ухудшилось, что показывает официальная статистика, – потребление мяса составляло всего 18 кг на душу в год (в 1928 г. – 32 кг, в 1913 г. – 27 кг); потребление молока упало до 138 л (в 1928 г. – 182 л, в 1913 г. – 154 л); хлебных продуктов

– упало до 192 кг (в 1928 г. – 214 кг, в 1913 г. – 200 кг); потребление рыбы выросло в сравнении с 1928 г. с 3,5 до 5,6 кг, но оставалось ниже, чем в 1913 г., – 6,7 кг.

Начавшаяся Великая Отечественная война усугубила положение советских граждан. После войны, в 1946–1947 гг., в стране царил голод, а ущерб, нанесенный нацистами на оккупированной ими территории, компенсировать было нечем. Восстановление экономики, конечно, имело место: военное производство переходило на выпуск гражданской продукции, но уровень жизни оставался крайне низким. Даже в середине 1950-х имелся недостаток самых базовых продуктов питания, хотя в западных странах, в том числе в ФРГ, о такой проблеме уже не знали, а только помнили. Есть достаточно свидетельств «с мест», причем не из маленьких деревень, а из вполне крупных городов страны. В одном из сообщений из Казани на имя Никиты Хрущева работница завода п/я 634 Романова М. сообщала, что *«в г. Казани полное отсутствие продуктов питания в магазинах. Все полки в магазинах пусты. Если Вы придете в наш продуктовый магазин, то можете только лишь приобрести чай и кофе и еще кукурузные хлопья, вот весь ассортимент, нет совершенно крупяных изделий, мясных, сахара, конфект, жиров, рыбы, печенья, пряников и даже дорогах конфект по 35–40 руб. за кг а то нет, не говоря уже о дешевых. Мне непонятно, почему в настоящее время такое положение с продуктами... Если бы Вам пришлось увидеть когда-либо, как мы иногда достаем,*

именно достаем, не подумайте бесплатно, а за деньги, продукты в магазинах. Бывает такая толкотня, такая дав-ка, что если стоишь у прилавка, то с большими трудностями выходишь, и это получается лишь потому, что в магазинах ничего нет» [311]. Другой казанский рабочий писал. «Никита Сергеевич, по всем данным, если брать по газетам и что сообщает радио, у нас все есть и даже перевыполнили, но вот в магазинах нет ничего, кроме консервов с крабами, не говоря о чем-нибудь лучшем. Даже нет необходимого для жизни человека. В Казани нет даже хлеба в достатке черного, не говоря уже о белом... Прошло после войны 10 лет, и сообщалось, что жизнь должна быть довоенного уровня, но это не видно, даже нет никакого сравнения. Вот раньше, если бы я жил так, как сейчас в смысле финансового вопроса, то в 1927-29 годах мог купить дом, но сейчас даже не могу купить хлеба и сахара, также картофеля, мяса в магазинах... Прошу Вас разобраться более подробно о нужде населения и улучшить жизнь» [311]. А вот коллективное обращение 41 рабочих города Грозного: «Дорогой и глубокоуважаемый Никита Сергеевич, мы рабочие разных предприятий г. Грозного живем в разных уголках города, но обращаемся к Вам с общей жалобой о самом нетерпимом положении в торговле хлебом, сахаром, маслом, мясом и пр. продуктами. В настоящее время в городе или рабочем поселке, чтобы купить хлеба 1 кг, нужно простоять в очереди 2-3-4 часа. Столовые и буфеты отпускают только по 300

гр. хлеба на человека или полбатона, а если кому мало покушать 300 грамм или полбатона, то хоть сколько хочешь проси, не дадут больше, объясняя тем, что хлеб им отпускается строго по норме, но по какой именно норме никто объяснить не может. Сахар и масло бывают в магазине 1 раз в месяц или в два месяца» [311]. Как следует из документов, «подобного содержания письма поступают и из других городов, областей и республик».

Ситуацию с базовыми товарами народного потребления пытались кардинально изменить все руководители после смерти Сталина. Его преемники: Георгий Маленков, затем Никита Хрущев и Леонид Брежнев уделяли мирному хозяйству значительно большее внимание, чем «вождь народов». Все те социальные гарантии, которые люди помнят до сих пор, появились именно при этих руководителях. Улучшалось положение самого бедного слоя советского населения – колхозников, которые получили при Хрущеве повышенные закупочные цены колхозной продукции, что увеличило их доходы на 311 %, а при Брежневе – и социальные гарантии от государства [381, с. 354]. Хотя ситуация в сельской местности оставалась удручающей. Даже в конце 1970-х гг., когда 38 % населения СССР проживало в деревне, лишь в 60 % сельских домов наличествовал газ и всего 9 % сельских населенных пунктов располагалось у дорог с твердым покрытием. Но в отдельных регионах ситуация была еще хуже. Например, в Новосибирской области только 1/5 сельских домов

имели водопровод, 10 % подключены к отоплению и всего 4 % имели телефоны [381, с. 355–356]. Доходило и до полного абсурда: при оставшемся со времен Сталина запрете владеть лошадьми у некоторых колхозников уже были автомобили, а паспорта сельское население стало получать только после 1974 г. и процесс завершился лишь к середине 1980-х. Все это в европейской стране в конце XX в.

После Сталина началось массовое жилищное строительство, практически не ведшееся при «вожде народов». С одной стороны, ситуация с жильем была катастрофическая. С другой стороны, план по вводу новых квадратных метров, как нарочно, не выполнялся: *«Из писем и заявлений трудящихся видно, что жилищный вопрос в ряде промышленных городов и рабочих поселков продолжает оставаться острым. Многие кадровые рабочие и специалисты проживают в крайне неблагоустроенных для жилья квартирах, ютятся в подвалах и даже в землянках, многие живут на частных квартирах, платят за использование жилой площади по 200–300 руб. в месяц при зарплатке в 400–700 руб. В связи с этим считаем необходимым заметить, что, по данным ЦСУ, жилищное строительство в текущем году в ряде крупных промышленных городов и областей идет весьма плохо. Например, за 9 месяцев 1956 г. общий план жилищного строительства по областям и городам РСФСР выполнен всего на 44 % (годовой план 14600 тыс. кв. метров, введено в эксплуатацию 6416 тыс. кв. метров). Наиболее плохо идет*

жилищное строительство в г. Москве, где план жилищного строительства за 9 месяцев выполнен лишь на 35 %; в г. Ленинграде – на 38 %; в г. Куйбышеве – на 28 %; в г. Саратове – на 21 %» [260].

Как уже говорилось, военные производства при преемниках Сталина были заняты выпуском гражданской продукции – явление, надо сказать, характерное именно для социалистической экономики и в какой-то степени напоминающее нам, как сильно социализм не любит разделения труда. Запускали в производство бытовые приборы и автомобили. Присутствовала даже некая попытка создать «советскую мечту» по аналогии с американской – потребительство перестало быть чем-то чуждым советскому человеку, о чем говорила и реклама товаров народного потребления, получившая распространение в то время. Разумеется, социалистическое руководство стремилось использовать рост уровня жизни как демонстрацию истинности социализма. К 1970-м гг. прошло уже достаточно много времени, чтобы свести на нет такие оправдания, как мировая война (в которой не меньше пострадала остальная Европа) или враждебное капиталистическое окружение (социалистический лагерь в то время был даже больше «капиталистического»). Тем более несколькими годами ранее СССР запустил человека в космос и конкурировал с США в таких отраслях, как космическая и авиационная. А значит, в итоге до сравнения с «капиталистическими» державами и уровня жизни тоже дошло. Это было зако-

номерно, ведь после Второй мировой войны речи о продолжении мировой революции и быть не могло, а значит, оставалось только вступать в соревнование социально-экономических систем и на деле доказывать, что именно при социализме человеку живется лучше.

Но пропаганда пропагандой – проверить истинность информации об отстающем Западе простые жители СССР не могли, – а реальность была иной. За красивым фасадом скрывалось отставание богатой ресурсами и населением страны от всех «капиталистических» стран. Обеспеченность населения бытовой техникой была мизерной. Возьмем, например, такой важный бытовой прибор для дома, как холодильник. Хотя производство холодильников в СССР началось еще в 1930-е гг., в 1960 г. только у 4 семей из 100 был дома холодильник. В 1970 г. лишь 43 советские городские семьи из 100 могли похвастаться холодильником в квартире и 13 из 100 сельских семей имели его в своем доме [128]. В 1962 г. в США холодильники имели 98,3 % семей, а в Италии – 20 %, в СССР – 5,3 %; в 1972 г. в США – 99,9 %, в Италии – 85 %, в СССР – 34,5 % [107]. По обеспечению граждан холодильниками американский уровень был достигнут только к концу 1980-х гг., уже на исходе социалистического проекта – само собой, к тому моменту на Западе у некоторых семей этих агрегатов было по несколько единиц на семью. Что весьма характерно, отсутствие холодильников у большинства населения вовсе не означало отсутствия тех-

нической возможности советской промышленности произвести столько приборов, сколько необходимо для всех. Дело не в дефиците, а в цене, которая была не рыночной, а устанавливалась в плановом порядке. Советские холодильники были очень дороги для советских граждан, и причиной тому был очень высокий налог с оборота холодильников. Так, себестоимость холодильника ЗИЛ 240 л в 1965 г. составляла всего 95 руб. 60 коп. при розничной цене в 310 руб. – 67,7 % цены уходило в казну государства [336].

С остальной бытовой техникой было не лучше. Когда телевидение в середине XX в. завоевывало мир, создавались кинокартины, ставшие впоследствии классикой, журналисты рассказывали о новых событиях, почти моментально донося их до многомиллионной аудитории зрителей, в СССР в 1965 г. этот прибор имели лишь 24 % семей. К 1975 г. их число выросло до 74 % [35, с. 269]. Для сравнения: в США уже к 1955 г. 85 % американских граждан имели телевизор, а в 1962 г. – 98 % [126]. При этом СССР собственные телевизоры начал производить еще в 1949 г.

Другой бытовой прибор – стиральная машина – также оставался долгое время пределом мечтаний советской домохозяйки, хотя курс социалистического государства на эмансипацию женщины, казалось бы, должен был поддерживаться соответствующими материально-техническими усилиями. Зато в США производство стиральных машин стало массовым еще в первой четверти XX столетия. К 1920 г. сти-

ральные машины выпускались более 1300 компаниями, а к 1935 г. во всей стране было свыше 1,4 млн единиц этой техники при средней стоимости в 60 долларов [146] и средней зарплате в 115 долларов [432]. В СССР в то же время наличие собственной стиральной машины было привилегией представительниц номенклатуры и богатой советской интеллигенции. Лишь в конце 1950-х стали производить более-менее доступные модели, и, что характерно, советская реклама тех времен содержала такую подпись: «Пусть будет закрыта дорога к корыту». То есть древнее корыто все еще сохранялось в домах, в то время как Гагарин покорял космос. Но и в 1965 г. лишь 21 % советских семей имели дома стиральную машину. В 1975 г. этот показатель вырос до 65 %, таким образом у корыта оставалась еще добрая треть граждан социалистического государства [35, с. 269].

Так же неудовлетворительно все обстояло с автомобилизацией. В 1965 г. на 1000 советских жителей было всего 4 легковых автомобиля, а в 1975 г. – 16. В США на 1975 г. тот же самый показатель составлял более 500 автомобилей, в Западной Европе – более 250. Весь парк легковых гражданских машин на 1976 г. в СССР составлял всего 3,6 млн единиц. Ежегодное производство легковых автомобилей было крайне скромным. Например, в 1968 г. было выпущено всего 280 тыс. единиц, а вместе с грузовыми и автобусами – 800 тыс.

В социалистической ГДР годом ранее выпустили 134 тыс.

машин всех типов, в Чехословакии – 133 тыс. Для сравнения: в США в 1967 г. было выпущено более 9 млн машин, из них 7,4 млн легковых; в ФРГ – 2,48 млн, из них 2,3 млн легковых; в Италии – 1,54 млн, из них 1,43 млн легковых. Таким образом, «капиталистические»³¹ страны производили автомобили всех типов с колоссальным отрывом от стран социалистического блока [6].

Интересно, что убогий советский быт подтверждают сегодня даже апологеты советского строя. Известный российский ведущий, писатель и переводчик фильмов Дмитрий Пучков касательно товарного изобилия, якобы имевшегося в СССР, говорил: *«...я жил лично в городе Ленинграде. Вот в городе Ленинграде с продуктами было ничего, а вот в городе Пскове, например, в 380 километрах от Ленинграда, мне, например, отказывались продавать колбасу, потому что я не местный, у меня нет там каких-то специальных талонов. А вот родственники, приезжающие из Хабаровска, заходя в питерские магазины, говорили: “Ничего*

---

³¹ Я беру слово «капиталистические» в кавычки, поскольку оно несет больше идеологический смысл, чем отражает реальную социально-экономическую модель в этих странах. Для СССР и его сателлитов все страны вне их блока были «капиталистическими», но сами себя эти страны так не позиционировали. В частности, ФРГ была «социально ориентированной рыночной экономикой» (Soziale Marktwirtschaft), а Италия, согласно Конституции 1947 года, «демократической республикой, основанной на труде», провозглашавшей непреложной своей обязанностью принцип «социальной солидарности». Все эти системы официально считали себя альтернативой и капитализму, и социализму, при этом во многом основываясь на Социальном учении Католической церкви.

себе у вас мясо продают... а у нас на свадьбу можно там, на похороны прикупить, специальные талоны дают в городе Хабаровске". Поэтому рассказы относительно того, как там с едой теперь, как было тогда... ну, друзья, не смешно, ну не смешно. Вопрос вам. Можно любые примеры приводить, что вот сейчас заходишь в алкогольный отдел, например количество напитков, которые я вообще никогда не пил и пить не буду, – от одних наименований глаза разбегаются. В Советском Союзе все было просто и незатейливо. 362, 4.12 и 5.30 – всё, до свидания. Больше ничего нет. Чего вы тут сочиняете? Товарное изобилие... в еде... количество мяса в этих курицах советских-то когда-нибудь видели, нет? Которые в народе называли "синяя птица" – почему? Потому что она вот такой вот дрыщ недокормленный, фиолетового цвета, там и мяса ни хрена нет» [77].

Питались советские граждане действительно относительно посредственно, хотя вполне удовлетворяя физиологической норме (табл. 33). Так, если в 1913 г. потребление мяса за год у россиянина составляло примерно 29 кг, то в 1950 г. – всего 26 кг, и только в 1955 г. был превышен дореволюционный уровень – годовое потребление мяса составило 32 кг. Впоследствии потребление мяса и мясных продуктов росло: в 1965 г. – 41 кг, в 1970 г. – 48 кг, в 1975 г. – 57 кг. Однако в эту статистику входит не только чистое мясо, но и сало с субпродуктами, мясные консервы с невысоким содержанием мяса и т. п. То есть в 1975 г. советский гражданин потреблял

всего 150 г мясной продукции в день, или 1 кг в неделю. В США в 1970 г. ежегодное потребление мяса на человека составляло в среднем 118 кг. Для сравнения: в России в 2010 г. потребление только чистого мяса, без субпродуктов и сала, составляло 63 кг в год.

Таблица 33

Сравнение потребления основных продуктов питания в СССР и США

Годы	1950		1970		1983		1989	
Вид продукта	СССР	США	СССР	США	СССР	США	РСФСР	США
Мясо	26	90	48	118	50	117	69	113
Молоко	172	336	307	255	313	262	396	263
Овощи	51	133	82	124	102	124	–	–
Фрукты	11	87	35	93	45	93	–	–
Сахар	12	46	39	46	44	32	45,2	28
Картофель	241	47	130	53	100	55	106	57
Хлеб	172	86	149	75	134	95	115	100

Источники таблицы: Столбцы 1950,1970,1983: [254, с. 147].

Столбец 1989: [134]

Невысоким долгое время был показатель по ежегодному потреблению яиц (*табл. 34*). На 1975 г. каждому жителю

в среднем доставалось 216 шт. ежегодно (еще в 1970 г. – всего 159 шт.). Это чуть больше 4 яиц в неделю, что крайне недостаточно, ведь яйца необходимы для приготовления многих блюд, в том числе хлебобулочных изделий, фарша и др. Лишь к 1990 г. этот показатель составил 297 единиц. Важные для здорового рациона овощи и фрукты поступали на советский стол куда в меньшем количестве, чем у американцев в аналогичные периоды. Особенно сильно отставал СССР от США по потреблению фруктов – в 1950 г. почти в 8 раз, в 1970-м – в 2,7 раза, в 1983-м – в 2 раза. Ничтожно мало питались рыбой и рыбными продуктами (даже включая рыбные консервы) – 16,8 кг в год на жителя, или 1,38 кг в месяц. Впрочем, невысокое потребление рыбы и морепродуктов сохраняется даже в современной России, по всей видимости, вследствие дороговизны этих продуктов. Однако сам ассортимент, доступный современному гражданину РФ, несравнимо богаче, чем у советского гражданина. Что касается молока и молочных продуктов (включая сыр, масло, творог), то в 1913 г. житель империи потреблял 154 кг в год, в 1950-м – 172 кг, в 1975-м – 315 кг, и это единственное, что советский гражданин действительно получал в избытке. По таким показателям, как потребление картофеля, сахара и хлеба, снижение их доли в рационе на фоне роста потребления мяса, рыбы, овощей и фруктов демонстрирует улучшение, а не ухудшение ситуации, поэтому их в расчет можно не брать. Так, то, что в СССР потребление картофеля в 1970 г. было в

2,5 раз выше, чем в США, говорит о менее здоровом рационе питания у советского гражданина.

Таблица 34

Фактическое потребление основных продуктов питания, кг на душу населения в год

Наименование	1913	1950	1960	1970	1980	1989
Хлеб	200	172	164	149	138	129
Картофель	75	241	143	130	109	98
Молоко	154	172	240	307	314	363
Мясо (включая сало и субпродукты)	29	26	40	48	58	67
Рыба	6,7	7	9,9	15,4	17,6	17,2
Яйца, шт.	48	60	118	158	239	268
Сахар	8,1	11,6	28	38,8	44,4	42,5
Овощи и бахчевые	40	51	70	83	97	95
Фрукты и ягоды	11	11	-	35	33	41

Источники таблицы:

Столбцы 1913 и 1950: [90].

Столбцы 1960 и 1970: [Народное хозяйство СССР 1970.

М.:

Статистика, 1971. URL: http://istmat.info/files/uploads/23453/narhoz_ussr_1970_rost_bLagosostoyaniya.pdf].

Касательно здоровья есть один неприятный факт, указывающий на проблемы с советским здравоохранением, нездоровым образом жизни советских граждан и низкий уровень жизни. Демографы подмечают рост продолжительности жизни при Хрущеве и на дальнейшее его падение при Брежневле. *«С 1964 по 1982 год, продолжительность жизни в стране не только не выросла, но, напротив, сократилась. В СССР, по официальным данным, она сократилась на 2 года, в том числе мужчин – на 3,5 года. В России же сокращение было меньшим, всего 1,5 года, а мужчин —2,7 года. Для сравнения: за И лет, с 1953 по 1964 г., когда руководство страны возглавлял Н. С. Хрущев, продолжительность жизни при рождении выросла с 59 до 70,4 года, т. е. рост ее составлял больше чем 1 год за год»* [13]. Таким образом, в начале 1980-х советский человек жил в среднем менее 70 лет, в то время как в «капиталистических» странах продолжительность жизни в 72 года была достигнута в США и Австралии к 1972 г., в Австрии и ФРГ (Западная Германия) – к 1977 г, в Бельгии – к 1974 г. [13]. В чем же причина падения продолжительности жизни? Как ни странно, одни из причин – идеологического и морального характера, в свою очередь ставшие причиной эпидемии пьянства. *«Н. Эберштадт одним из первых понял и объяснил причины советского кризиса здоровья. Среди главных причин роста смертности он на-*

звал: злоупотребление алкоголем; загрязнение воздуха вредными выбросами (пестициды, плохо очищенные промышленные выбросы, небрежно построенные ядерные установки – это написано за 5 лет до Чернобыля); слабость советского здравоохранения, которое не было способно лечить болезни системы кровообращения новыми способами, не владело современными методами лечения рака и вообще все более отставало от Западной Европы в техническом отношении. По мнению Эберштадта, советские люди начали понимать, что их трудовая деятельность нисколько не приближает СССР к коммунизму, а их материальное благополучие мало зависит от качества работы. Несомненно, что рост пессимистических настроений – одна из главных причин пьянства и, следовательно, роста смертности. Новые лидеры страны прежде всего “отложили построение коммунизма с 1980 г. на более отдаленную и неопределенную перспективу”, потом появилось понятие “реального социализма” и сложившееся в СССР общественное устройство было объявлено оптимально соответствующим целям коммунистической партии. Сама эпоха застоя стала причиной роста пьянства как формы ухода от опротивевшего официоза, от бесконечных лозунгов на стенах домов “экономике быть экономной”, “пятилетке эффективности и качества – рабочую гарантию”, “партия – ум, честь и совесть нашей эпохи» [13].

В самом деле, постоянное расхождение реальности и вез-

десущей пропаганды сильно давило на психику граждан СССР. Едва ли можно было найти хоть что-то положительное, в чем социализм смог опередить «капитализм». Менее явной, но такой же реальной была дороговизна жизни: начиная от продуктов питания и заканчивая лекарствами, на которых советское государство делало баснословную прибыль. Вот выдержки из «Справки о розничных ценах на товары народного потребления в 1966–1970 гг.» от 14 декабря 1965 г.:

«На отдельные товары по сравнению с довоенным временем индекс розничных цен выше: на сахар – 172, кондитерские изделия – 173, виноградные вина – 168. На основные непродовольственные товары розничные цены значительно превосходят довоенный уровень – на ткани шерстяные индекс 160 (после снижения цен в 1965 году), на хлопчатобумажные ткани – 175, на швейные изделия – 154, на трикотажные изделия – 170, на кожаную обувь – 164, резиновую обувь – 170. По сравнению с уровнем розничных цен в капиталистических странах относительно высок уровень розничных цен в СССР на сахар (примерно в 3 раза выше), на масло животное, сыр, масло растительное и маргарин (в 2–3 раза), на рыбные консервы (в 3–3,5 раза), на вина виноградные (в 4–5 раз), на шоколад (в 10 раз), а из непродовольственных товаров на ткани из искусственного шелка (в 4–5 раз), трикотажные изделия (в 3–4 раза). По некоторым товарам уже и сейчас имеются затруднения с их реализацией в связи с высоким уровнем розничных цен на них при относительно боль-

ших темпах роста производства. К таким изделиям относятся некоторые кондитерские сахаристые изделия, шоколад в плитках, отдельные виды рыбы и рыбных консервов (атлантическая скумбрия, ставрида и сардины и консервы из этих видов рыбы), фруктовые консервы. Розничные цены на сахаристые кондитерские изделия, как и цены на сахар, находятся в СССР на относительно высоком уровне. Однако еще более высоки цены на шоколадные изделия, которые превышают цены в США примерно в 10 раз (в СССР цена 1 кг плиточного шоколада 15 рублей, в США – 1 доллар 55 центов). Уровень цен на сахар в СССР является относительно высоким. Индекс цен на сахар к 1913 году составляет 300 (1913 г. = 100) при индексе цен на хлеб по данным ЦСУ 188. В США цена на сахар-песок составляет 27 % и на сахар кусковой 40 % от цены сахара в СССР (по официальному курсу). В США 1 кг кускового сахара равен по цене 1 кг пшеничного хлеба. В СССР соответственно трем кг пшеничного хлеба. Сахар является высокодоходным для государства товаром. Затраты государства в розничной цене сахара составляют 38 %, а 62 % – налог с оборота и прибыль. Товарные фонды растительного масла за 1966–1970 годы возрастают на 65 % и маргариновой продукции на 94,7 %, при росте населения на 5,7 %, покупательских фондов на 41 %. Уровень же розничных цен на растительные жиры в СССР относительно высокий. Индекс цен на растительное масло составляет 540 к ценам 1913 года (1913 = 100), 207 к ценам в США (по

маргарину цены в СССР составляют 250 к ценам в США). Уровень розничных цен на молочные продукты и масло животное, в особенности на сыр, в СССР относительно высок как по сравнению с ценами в России в 1913 году (по маслу животному – в 3 раза, по сыру – в 5–6 раз, по молоку – 2,8 раза), так и по сравнению с ценами в развитых капиталистических странах (по маслу животному по сравнению с ценами в США – 2,2 раза, в Англии – 3,3 раза, во Франции – 2,1 раза, в ФРГ – 2,4 раза; по сыру в сравнении с ценами в США – в 2 раза, в Англии – 3 раза, во Франции – 2,1 раза, в ФРГ – 2,5 раза и т. д.). Уровень розничных цен на яйца в СССР относительно высок, как по отношению к ценам в России в 1913 году (в 4 раза), так и по отношению к ценам в США (в 2 раза). Соотношение цен на яйца, с одной стороны, и мясо, с другой, в настоящее время в СССР примерно то же, что и в 1913 году. В 1913 г. в зависимости от района цена одного кг мяса соответствовала цене 16–30 яиц (в Москве – 16 яиц, в глубинных пунктах – до 30 яиц). В СССР в настоящее время отношение соответственно 1 к 20. Учитывая, что темпы роста производства яиц в стране недостаточны для полного удовлетворения потребности населения в яйцах (рациональная норма потребления яиц 365 шт. в год на душу населения; фактически ожидается примерно 140 штук на душу в 1970 году против 121 шт. в настоящее время), в настоящее время не предлагается менять общий уровень цен на яйца. Уровень действующих розничных цен на рыбу в целом в

сравнении с уровнем цен на другие продовольственные товары не высок, особенно после повышения в 1962 году розничных цен на мясо. В частности, относительно невысоки цены на такие массовые виды рыбы, как треска, окунь и многие пресноводные рыбы (судак, лещ и др.). Так, по сравнению с ценами в России в 1913 году цены на хлеб в СССР составляют 188 (1913 г. = 100), то цены на рыбу (без сельди) – 133. Если, например, судак свежий продавался в 1913 г. в России за 66 коп. за кг, то мясо (парная говядина высшего сорта) стоило 54 коп. за кг. В настоящее время судак в районах II пояса (Центр) стоит 1 руб. кг при цене говядины высшего сорта 2 рубля кг. Однако в то же время при реализации ряда видов рыбной продукции уже в настоящее время имеются определенные затруднения, и остатки рыбной продукции в торговой сети растут. Так, остатки рыбных консервов в государственной и кооперативной торговле за период с 1 июля 1964 г. по 1 июля 1965 г. выросли со 129 млн рублей до 156 млн рублей и в днях оборота с 96 до 118 дней. Высокие темпы прироста производства пива (на 45,6 %) в пятилетке, с одной стороны, относительно высокий уровень розничных цен на пиво в СССР, с другой, и, наконец, необходимость стимулирования потребления пива в СССР, которое во много раз отстает от потребления пива в ФРГ (в 9 раз), в Англии (почти в 7 раз), в США (почти в 5 раз), во Франции (более чем в 5 раза) и в Дании (в 6 раз), делает необходимым снижение розничных цен на пиво. Увеличение

потребления пива могло бы повлечь за собой сокращение потребления водки, которое в СССР в расчете на душу населения превышает потребление водки в США, Англии, ФРГ и др. странах. Налог с оборота по пиву составляет 67,6 % от розничной цены. Прибыль промышленности, кроме того, составляет около 19 %. По сравнению с ценами в 1913 году розничные цены на пиво в настоящее время выше в 2,5 раза. Производство медикаментов, а также их реализация являются высокорентабельными. Например, при себестоимости левомецетина 18 коп. (за 10 таблеток) его розничная цена составляет 64 копейки, а при себестоимости анальгина с пирамидоном и кофеином 8 коп. (за 10 таблеток) розничная цена составляет 45 копеек» [336].

Такова была жизнь в самом крупном социалистическом проекте в истории в его самые сытые годы – СССР. За 74 года, при колоссальном обилии ресурсов и контроле над половиной мира (а значит, и над половиной мирового рынка), социалисты в КПСС не смогли доказать, что социалистическая формация опережает капиталистическую по всем параметрам, начиная от производства благ и заканчивая решением тех проблем, которые якобы присущи только капиталистическому строю. И эти цифры, перечисленные выше, касаются одной из самых богатых социалистических держав – лучше было только в некоторых восточноевропейских странах, ориентированных на советский рынок. Им удалось сохранить более высокий уровень жизни, поскольку изначально

большинство восточноевропейских социалистических правительств не отказывалось полностью от частного хозяйства и не изолировало себя от торговли с западными государствами. А что уж говорить про Китай, Вьетнам, Северную Корею, Камбоджу, Кубу и т. д. – в этих странах мечтатели о рае на Земле породили просто бесстыдную нищету в и без того небогатых странах, которую некоторые социалистические режимы смогли преодолеть только после перехода к кардинальным экономическим рыночным реформам.

* * *

Проведя сравнение между СССР и прежде всего с США, следует перейти и к другим «противоположностям». История буквально подарила нам возможность сравнить две противоборствующие социально-экономические системы.

Первая противоположность – это ГДР и ФРГ, разделенная после Второй мировой войны Германия, потерявшая значительные территории на востоке, переданные Польше. Один народ, один климат, но два совершенно отличных политических режима: либеральная демократия с «социальным рыночным хозяйством» в ФРГ и строительство социализма в ГДР. Результат известен – ГДР рухнула, и сегодня на карте мира есть только одна, единая Федеративная Республика Германия. А ведь Германская Демократическая Республика была «витриной социализма» – самая крайняя на За-

паде социалистическая страна, которая, казалось бы, должна была воочию демонстрировать соседям все достижения социалистического строя. Но не получилось. Когда в 1990 г. начался процесс интеграции Восточной Германии в Западную, экономисты стали проводить исследования касательно уровня производительности труда и зарплат в ГДР по сравнению с ФРГ. Оценки получались различными, но все они однозначно указывали на серьезное отставание востока от запада. Немецкий институт экономических исследований (DIW) оценил производительность труда восточногерманского рабочего в 50 % от западногерманского уровня, Немецкий федеральный банк – в 40 %, а Немецкий институт мировой экономики – всего в 30 %. Более поздние исследования Berkeley-Studie показали, что отставание производительности труда в перерабатывающей промышленности составляло 1 к 4. Цифры официальной статистики показывали, что ВВП (брутто) на одного занятого в ГДР в 1989 г. составлял всего 49,2 % от уровня ФРГ, а заработная плата – 33 % [258, с. 277].

Карл-Хайнц Паке пишет, что *«сегодня никто всерьез не оспаривает тот факт, что это социалистическое плановое хозяйство было абсолютно неэффективным. Без конкуренции между частными компаниями и без рыночного ценообразования оно не имело ориентиров для того, чтобы экономически правильно использовать капитал и рабочую силу. В экономике одновременно господствовали дефицит и*

расточительство. Ненужные товары в ненужных количествах производились там, где их не следовало производить. Это блуждание государственной бюрократии в колоссальном удалении от правильного курса было горькой и жестокой реальностью для граждан страны на протяжении целых 40 лет. Прекратить эти блуждания в 1990 г. не составило большого труда. Для этого потребовалось только отпустить цены и ввести стабильную, пользующуюся доверием валюту. Что и случилось 1 июля 1990 г. с созданием экономического и валютного союза, по своим непосредственным последствиям очень похожим на экономическую и валютную реформу в Западной Германии в июне 1948 г. В результате о дефиците и расточительстве почти уже больше не вспоминали» [258, с. 16]. И далее: «...удивительно то, что со всей прямотой об... ответственности социалистического менеджмента за последние два десятилетия говорилось чрезвычайно редко. Даже в ходе воссоединения в 1989–1990 гг. Ведь было совершенно несложно просто поставить вопрос о том, какова цена всех тех изделий, составляющих социалистический мир продуктов, на свободном мировом рынке, а затем на этой основе рассчитать единицу стоимости, производимую рабочим и служащим за один час своего рабочего времени на соответствующем предприятии. Результаты были бы самые удручающие. Но они сразу же позволили бы увидеть суть экономической проблемы. При существовавшей номенклатуре продукции и рас-

полагаемом капитале для ее производства размер заработной платы мог быть только таким, каким он и был реально в Центральной и Восточной Европе (но не в Восточной Германии) на протяжении многих лет, составляя, возможно, одну десятую заработной платы на Западе, в лучшем случае – одну четвертую. Вот основная причина экономической бесхозяйственности, ответственность за которую должен нести реально существовавший социализм» [258, с. 25].

Таким образом, даже «витрина социализма» оказалась на поверку просто бедной страной на фоне ее западного соседа. Но отличия ГДР и ФРГ, как это ни удивительно, не столь велики, как отличия Северной и Южной Кореи, где корейский народ постигла та же судьба быть разделенными после Второй мировой войны на социалистическую и «капиталистическую» половины. Беда в том, что это разделение до сих пор не преодолено, а северокорейский режим чрезвычайно закрыт и изолирован от внешнего мира. Мы уже говорили ранее, что в КНДР был самый настоящий голод в 1990-е гг., а также там по сей день функционируют концлагеря для тех, кто неугоден режиму. Также упоминалось, что развитие Севера не уступало Югу – вплоть до 1973 г. уровень ВВП обеих стран был примерно одинаковым. Но это достигалось за счет щедрой поддержки со стороны СССР, который прекратил существование в 1991 г. После 1980-х гг. в Южной Корее шел быстрый рост экономики, который привел страну на 10-е место в мире по объему ВВП (2018) – он составил

1,725 млрд долларов. КНДР же заняла 115-е место в 2017 г. с номинальным ВВП в 28,5—30 млрд долларов. Реальный подушевой ВВП составил в 2015 г. 1700 долларов, или 216-е место в мире.

Таким образом, имея ядерное оружие и проводя испытания новых ракет, северокорейцы остаются беднейшими людьми на планете. В КНДР очень высокий уровень занятости в сельском хозяйстве – около 37 % рабочей силы было сосредоточено в этой сфере в 2008 г. – в Южной Корее эта цифра составляет всего 4,8 %. Электрификация в 2019 г. затрагивала всего 26 % населения, из них 36 % в городе и только И % на селе, а производство электроэнергии в 2016 г. составляло всего 16,57 млрд кВтч – у Южной Кореи электрификацией затронуто 100 % населения при производстве 526 млрд кВтч электроэнергии [431]. Инфраструктура на Севере развита хуже, чем в бедных странах Африки, – лишь 3 % дорог, насчитывающих в общей сложности 25,5 тыс. км, имеет твердое покрытие – все остальные представляют собой грунтовые дороги. В Южной Корее насчитывается около 100 тыс. км дорог, из которых 92 % – с твердым покрытием. Большая часть экспорта Северной Кореи приходится на уголь, продаваемый в Китай, – от него страна получает 0,952 млрд долларов, в то время как только микросхемы в южнокорейском экспорте принесли стране более 63 млрд долларов [108].

О плохом питании в КНДР свидетельствует заметная даже на фотографиях разница в росте между корейцами Се-

вера и Юга – в среднем житель КНДР ниже южнокорейского этнического собрата на 3–8 см. Граждане Северной Кореи практически лишены доступа к внешнему миру, вы не встретите их на просторах интернета просто потому, что у них нет интернета (кроме местного закрытого интранета) и почти ни у кого нет устройств, с которых можно в него выйти. На 25,5 млн населения в 2019 г. приходилось всего 3,8 млн мобильных телефонов (если оценивать их по подпискам), в то время как у 51,7 млн «южан» насчитывается почти 69 млн мобильных телефонов. На всю КНДР зарегистрирован один авиаперевозчик, имеющий в своем распоряжении всего 4 действующих гражданских самолета, а в Южной Корее в 2020 г. насчитывалось 14 авиаперевозчиков и 424 воздушных судна [431].

В качестве оправдания северокорейского социалистического режима лично мне доводилось слышать, как правило, лишь сетования на блокаду КНДР всем «капиталистическим» окружением. Но странное дело: по какой причине это окружение решило вести столь «предвзятую» политику, нам не сообщается. С другой стороны, блокада в действительности не существует вовсе, ведь КНДР торгует с более чем сотней стран, включая огромный Китай и Россию.

Разницу между уровнем жизни при социализме и неосоциализме (здесь использование избитого термина «капитализм» совсем неуместно) можно проиллюстрировать также масштабами бегства из ГДР и КНДР. Еще до образования

ГДР, в период с 1945 по 1949 г., советскую зону оккупации покинули тысячи людей. Масштабы побега были настолько серьезные, что это вызывало беспокойство в Москве и после образования новой социалистической республики. Арчи Браун в книге «Взлет и падение коммунизма» писал: «...будучи достаточно независимыми от политических взглядов Берли и Маленкова, члены советской контрольной комиссии в Восточной Германии докладывали в Москву Маленкову в мае 1953 г. о том, что германские коммунисты недооценивают “политическое значение бегства населения из ГДР в Западную Германию”. Обнаруженный в бумагах Маленкова документ, подготовленный к встрече с Ульбрихтом 2 июня того года, содержал следующее решительное утверждение: “Анализ внутренней политической и экономической ситуации в ГДР, факты массового оттока населения из Восточной Германии в Западную (сбежало уже почти 500 тыс. человек!) убедительно доказывают, что мы действительно летим на всех парах, но, однако, не к социализму, а к внутренней катастрофе. Мы обязаны взглянуть правде в глаза и признать, что без присутствия советских войск существующий в ГДР режим не является стабильным» [36, с. 371]. Всего с октября 1949 г. по июнь 1990 г. ГДР покинуло 3,8 млн человек, включая 480 тыс. легально эмигрировавших после 1962 г. граждан. Еще 75 тыс. за попытку бежать были осуждены на разные сроки [436].

Северокорейские перебежчики появились еще в годы вой-

ны 1950–1953 гг. Тогда с севера на юг перешло от 650 тыс. до 2 млн человек, а с юга на север – всего 300 тыс. [139]. С окончания Корейской войны и до конца 1990-х гг. количество перебежчиков непосредственно в Южную Корею было небольшим, однако надо учитывать побег северокорейцев в Россию и Китай, что более реально для населения северных районов страны. Неправительственные организации, отвечающие за помощь беженцам, называют цифру скрывающихся в России и Китае от 100 до 300 тыс. человек [474]. В Южную Корею с 1998 по 2020 г. прибыло 33,7 тыс. беглецов из КНДР [462]. Для нас это всё кажется диким, но в Северной Корее нет свободного передвижения как внутри страны, так и за ее пределы. Люди убегают, прежде всего, из-за экономических причин (хотя в первые годы разделения преобладали политические мотивы). Особенно много среди беженцев женщин – их доля составила 72 % от всех сбежавших в Южную Корею за последние два десятилетия.

Любопытен во всех отношениях опыт построения социализма на Кубе. Дело в том, что, в отличие от СССР, где экономикой занимались люди, более-менее имеющие определенное образование и опыт (в том числе беспартийные, как во времена нэпа), на Кубе с самого начала построение нового социалистического общества в стране с прежде развитой туристической отраслью велось не специалистами, а пламенными революционерами. Хорошо знакомый нам любитель справедливых расстрелов Эрнесто Че Гевара сразу же

получил должность директора Национального банка, а чуть позже – министра промышленности. Одним из закономерных результатов стало резкое снижение ВВП страны. На помощь пришел Советский Союз, который с 1964 г. начал закупать кубинский сахар по фиксированным ценам, значительно превышавшим мировые. Напротив, по ценам ниже рыночных СССР продавал Кубе нефть, которую кубинцы перепродавали. Кроме таких странных сделок, на Кубу приезжали работать советские специалисты, а также присылалась советская техника. Правда, последняя плохо адаптировалась под кубинский климат и быстро выходила из строя, поэтому кубинцы предпочитали продолжать использование старых американских автомобилей и прочей техники, которую в избытке завозили в страну до революции.

Щедрость Советского Союза и личные убеждения Фиделя Кастро позволили достигнуть некоторых успехов в социальной сфере. Есть мнение, что социалисты на Кубе значительно повысили уровень образования, однако на самом деле грамотность до революции 1959 г. уже составляла 75 %, а после революции многие деятели науки и искусства покинули страну. В действительности реально значимым достижением было здравоохранение. Благодаря непропорционально большим расходам на эту сферу удалось добиться средней продолжительности жизни в 70 лет к концу 1970-х гг., снизить смертность среди новорожденных до 20 на 1000 младенцев к началу 1980-х и обеспечить страну очень высоким

количеством дипломированных врачей на 100 тыс. населения – 591 [36, с. 427]. Однако здесь не следует преувеличивать масштабы успеха – кубинская медицина отсталая и нетехнологичная, на Кубе нет современных аппаратов диагностики заболеваний и имеют место трудности с лекарствами, поэтому упор сделан на профилактику болезней.

В бытовом отношении кубинцы одинаково бедны. При Батисте была безработица до 25–30 %, но при этом средняя зарплата в табачной индустрии в 1957–1958 гг. достигала 325 долларов по тогдашнему курсу, а страна по зарплатам находилась в тридцатке самых развитых в мире [317]. После революции ничего подобного уже не наблюдалось и не наблюдается по сей день. Если борьба с неравенством заключалась в том, чтобы сделать всех равным, пусть и в нищете, то эта задача кубинскими социалистами выполнена прекрасно. В 2017 г. зарплата работников сахарной промышленности составляла 40 долларов США, а средняя зарплата – всего 30 долларов [339]. И это при том, что до 2000-х гг. в стране было еще хуже, так как после распада Советского блока Куба лишилась своих старых рынков сбыта. В начале XXI в. Кубе повезло в сотрудничестве с социалистической Венесуэлой, которая начала поставки нефти с существенной скидкой и даже частично бесплатно в обмен на обучение в Венесуэле врачей и медицинские консультации для населения. Нефть же кубинский режим затем перепродавал.

В 2010 г. на фоне продолжения экономического кризи-

са в стране социалисты пошли на небольшое смягчение своего отношения к частной деятельности. Были разрешены небольшие частные услуги в 127 видах деятельности, прежде всего рассчитанных на обслуживание туристов. К 2020 г. в частном секторе работало уже 600 тыс. человек, или 13 % трудоспособного населения острова, – почти все в туристической отрасли. Индустрия туризма после долгих лет снова стала основой кубинской экономики в XXI столетии. Однако пандемия коронавируса повлекла за собой сокращение туристов на 95,5 %, что привело к полномасштабному кризису и массовым протестам в июле 2021 г. из-за нехватки продовольствия и медикаментов в стране. Это не первый после 1991 г. протест – в 1994 г. также проходили спонтанные многотысячные выступления населения под лозунгами «Куба – да, Кастро – нет!». Причина была та же – дефицит продуктов питания и лекарств. Однако в этот раз социалистический режим наконец выучил некоторые уроки. После спада протестов было объявлено о расширении списка разрешенной частной деятельности со 127 до более чем 2000 ее видов, включая не только малый, но и средний бизнес с количеством работников до ста человек. Вероятнее всего, это коренной перелом в политике кубинского социализма. Таким образом, социалисты приходят к тому, с чего Куба и начинала (причем весьма успешно), – с туризма. Вопрос, однако, заключается в том, зачем был нужен этот эксперимент с построением рая на Земле, если приводит он всегда не к раю,

а к нищете.

* * *

Эту главу мы закончим описанием эксперимента, который просуществовал, к счастью, довольно недолго и окончился крахом и унижением целого народа – попыткой построить национальный немарксистский социализм в Германии. В начале 1930-х гг. Германия находилась в тяжелом экономическом положении. К началу этого десятилетия ситуация в медленно восстанавливающейся от войны и выплачивающей репарации стране усугубилась принятым в США протекционистским законом Смута-Хоули (The Smoot-Hawley Tariff Act), который запустил ответную реакцию в европейских странах. Для экспортно ориентированной и нуждающейся в валюте Германии такой поворот событий был совсем не к месту. Еще хуже стало после проведения девальвации в Великобритании и США, что ударило по конкурентоспособности немецкого экспорта. А германцам валюта была нужна не только для сохранения платежеспособности, но и для восстановления военной мощи, для закупок необходимой стране стали, нефти и других материалов. Во многом именно сложная экономическая ситуация в стране помогла национал-социалистам постепенно узурпировать власть в 1932–1933 гг.

Тяжелее всего обстояло дело с безработицей – на момент прихода нацистов к власти она составляла около 6 млн чело-

век. В этом отношении, надо признать, нацисты смогли довольно быстро сократить численность безработных. С февраля 1933 г. по март 1934 г. кампания «битвы за рабочее место» обеспечила такими местами 1,075 млн человек – по всей стране велись стройки автомобильных дорог, проводилась реставрация средневековых зданий, строили новые дома и общественные парки. Всего за этот же период безработица снизилась на 2,6 млн человек. К началу 1935 г. в стране оставалось еще 3 млн безработных, через два года – 2 млн, а в январе 1939 г. всего несколько сотен тысяч человек не имели работы.

В первые годы нового режима снижать безработицу удавалось за счет, прежде всего, гражданских проектов и субсидий частному сектору. Однако, если брать период с 1933 по 1939 г., главными факторами были два:

1. *Колоссальный рост государственных, особенно военных, расходов.* В 1935 г. государственные расходы выросли на 70 % в сравнении с 1928 г., доля военных расходов в ВВП выросла с 1933 по 1935 г. с 1 до 10 % [369, с. 106]. Благодаря ему уже в 1934 г. на военные структуры Рейха приходилось 47 % доли роста ВВП, а в 1935 г. – 41,6 % против 4,7 % в 1933 г. Вермахт покупал 70 % всех товаров и услуг, которые приобретало государство в 1935 г., и 80 % – в 1938 г. [369, с. 278]. Определенную занятость обеспечили проекты по возведению оборонительной линии на границе с Францией.

2. *Оживление деловой активности и рост частного по-*

требления. Частное потребление в 1934 г. дало 11,7 % доли роста ВВП, в следующем году уже 37,1 % против 45,9 % в 1933 г. Однако, чем ближе к началу войны, тем меньшую роль играл этот фактор.

При нацистах наблюдался упадок легкой промышленности, характерный для многих социалистических экономик. Больше всего досталось текстильной промышленности, нуждавшейся в импортном сырье. Но в условиях острой нехватки валюты государство ограничило импорт кожи, хлопка, шерсти и т. д. для нужд текстильщиков, запретило текстильным фабрикам работать больше 36 часов в неделю, наложило полный запрет на инвестиции в текстильное производство и установило контроль цен в текстильной отрасли. Результатом стала паника, люди скупали все имеющиеся ткани, сильно выросли цены на текстильную продукцию. Причем государство было заинтересовано в повышении цен в этом секторе. Таким образом, одним из первых «успехов» НСДАП в экономике стал дефицит нормальной одежды, тканей и т. д., ухудшение их качества при одновременном росте цен. В целом же надо понимать, что уровень жизни немцев при нацистах ни в коем случае нельзя преувеличивать – он был довольно низким для такой богатой страны, как Германия. Приходилось затягивать пояса ради военного возрождения. Впрочем, это возрождение в столь короткие сроки было нужно только нацистам. В той или иной степени восстановление немецкой армии и так было частью программы либералов и

консерваторов 1920-х гг., но не такими радикальными методами в столь короткие сроки. Например, планы Штреземана предполагали приоритет развития экономической мощи Германии и союза с США без отказа от постепенного восстановления военной мощи.

В 1930-х гг. часовой заработок немцев высчитывался в пфеннигах (100 пфеннигов = 1 рейхсмарка). Больше всех из рабочих получали высококвалифицированные механики и наборщики – более 1 рейхсмарки в час. Работники лесопилок и текстильных фабрик мужского пола зарабатывали 59 пфеннигов в час. Женщины, работавшие на текстильных фабриках и в пищевой промышленности, получали 42–45 пфеннигов ежечасно. В 1936 г. 62 % немецких налогоплательщиков (14,5 млн человек) официально зарабатывали до 1500 рейхсмарок в год (или 30 рейхсмарок в неделю). 21 % (5 млн человек) декларировали доход в 1500–2400 рейхсмарок (30–50 марок в неделю). 17 % могли похвастаться доходом более 2400 рейхсмарок в год, т. е. более 50 в неделю. Мужчины зарабатывали в среднем в два раза больше женщин. Примерные цены на некоторые продукты питания были такие (на 1936 г.): 1 кг черного хлеба – 31 пфенниг; 5 кг картофеля – 50 пфеннигов; 1 кг бекона – 2 рейхсмарки 14 пфеннигов; 1 кг масла – 3 марки 10 пфеннигов; 1 литр молока – 23 пфеннига; 12 яиц – 1 рейхсмарка 44 пфеннига; 1 литр пива – 88 пфеннигов; 1 сигарета – 3 пфеннига; ботинки – 10 рейхсмарок; детские ботинки – 4 рейхсмарки; радиоприем-

ник Volksempfänger – 76 рейхсмарок (к 1937 г. цена снизилась до 59 рейхсмарок); радиоприемник DKE 1939 года выпуска – 35 рейхсмарок; 1 литр бензина в 1939 г. – около 39 пфеннигов (15 % цены – это акцизы); автомобиль Opel P4 – 1450 рейхсмарок. Расходы на питание у немцев составляли от 43 до 50 % бюджета. Для сравнения: у американцев эти необходимые и неизбежные расходы занимали всего 21,5 % бюджета, у британцев – 30 % [369, с. 200–201, 213].

С гражданской автомобилизацией дела обстояли вполне типично для социалистического строя – удручающе. Но совсем уж грабительской была ситуация с обеспечением населения «народным автомобилем». Известно, что сам нацистский фюрер очень любил автомобили, в конце концов не зря же он построил так много автобанов по всей стране. Однако ездить по ним было некому – на 1932 г. было зарегистрировано всего 486 тыс. машин на 66 млн населения. К 1938 г. их число увеличилось до 1 млн 271 тыс. машин, но то были вовсе не «народные автомобили», а представители других брендов, например Opel [369, с. 211]. Автомобиль был очень дорогим для бедных немецких граждан – при годовом доходе семьи из четырех человек в среднем 2300 марок машина забирала бы все оставшиеся после расходов на продукты и жилье средства. К высокой стоимости самой машины и ее обслуживания добавлялось и дорогое топливо. Цена топлива могла быть меньшей только при условии отмены акцизов, что уже не входило в интересы государства и его

программы поддержки стратегических отраслей. Поэтому в 1934 г. Гитлером была подана идея создать Volkswagen стоимостью всего в 1000 рейхсмарок. После нескольких лет бесплодных обсуждений о возможности производить настолько дешевый автомобиль на мощностях имеющихся компаний реализация проекта была передана Германскому трудовому фронту, который должен был построить мощный завод по выпуску Volkswagen. Но денег на это все время не хватало, так что национал-социалисты решили одолжить средства у рабочих. *«Чтобы приобрести Volkswagen, покупатель должен был еженедельно вносить не менее 5 рейхсмарок на специальный беспроцентный счет Трудового фронта. После того как на счету накапливалось 750 рейхсмарок, покупатель получал право вступить в обладание автомобилем. Между тем у самого Трудового фронта накапливались проценты в размере 130 рейхсмарок за каждую машину. Кроме того, покупатели “народных автомобилей” должны были купить двухгодичную страховку, обходившуюся им в 200 рейхсмарок. Предоплаченные средства не подлежали их передаче в другие руки, за исключением случая смерти, а расторжение договора обычно означало потерю всех уже внесенных средств. Примечательно, что к концу 1939 г. такие договоры заключили 270 тыс. человек, а к концу войны число тех, кто участвовал в этой схеме предоплаты, достигло 340 тыс. человек. Всего Трудовой фронт собрал 275 млн рейхсмарок предоплаты. Но ни одно частное лицо в Третьем*

рейхе так и не стало владельцем “народного автомобиля”. После 1939 г. завод занимался выполнением исключительно различных государственных заказов. Большинство мощностей недостроенного завода Порше использовалось для военного производства. 275 млн рейхсмарок, внесенных желающими приобрести Volkswagen, обесценились во время послевоенной инфляции» [369, с. 218].

Несомненно, если смотреть на некоторые цифры, может показаться, что нацистам удалось эффективно и весьма быстро вывести Германию в экономические лидеры, победить безработицу, восстановить армию, обеспечить себя пропитанием и увеличить производство стали, алюминия, угля и т. д. С одной стороны, это в некоторых моментах действительно так. С другой – нацистская социалистическая модель была рассчитана на подготовку к войне и быструю победу в ней – и, как ни странно, не более того. Это легко доказать. Уже в 1938 г. страна испытывала дефицит рабочей силы и валюты. Испытывала она его потому, что большинство уже было занято в обеспечении армии и подготовкой к войне, а все возрастающие расходы и темпы милитаризации столкнулись с объективным ограничением в виде трудовых и сырьевых ресурсов и денег. В 1938 г. выход из ситуации был найден – оккупация Австрии дала Рейху передышку. Австрийские запасы валюты и золота, новые граждане – этого хватило, чтобы пережить еще год в бешеном темпе милитаризма. В следующем году снова удалось оттянуть кризис – за счет

Чехословакии и Польши. Теперь в страну потекли не только трофейные запасы валюты и золота, но и рабочая сила в полурабском статусе. В 1940 г. нацистам снова повезло – в этот раз лакомый кусок в виде Франции обеспечил их огромным количеством ресурсов, предприятий, валюты и военной техники. Только представьте себе – еще в 1938 г. в Германии не хватало стали и меди для производства боеприпасов. Ну а дальше 1941 г. и война с СССР. *И* тогда немцам удалось захватить большое количество припасов, техники и пленных. Таким образом, вся экономика Третьего рейха была построена на войне – в условиях мирного времени она просто рухнула бы из-за дефицита сырья, либо же нацистам пришлось отказаться от космических расходов на армию, авиацию и флот и дать отдышаться легкой промышленности и простым гражданам. Но в таком случае встал бы вопрос легитимности власти Гитлера, вполне резонный, ибо недовольство им даже в армии имело место в 1938 г. Нацистам многое простили за победу над Францией, т. е. благодаря реваншу и отмщению за унижение в Первой мировой войне.

Если оценивать рост производства относительно 1929 г., который мы берем как 100 %, то общее промышленное производство в границах 1938 г. (до аншлюса Австрии) выросло с 67 % в 1933 г. до 107 % уже через два года и до 140 % к 1939 г. Наибольшей величины он достиг в 1943 г. и составил 157 %. Фантастически выросло производство алюминия – до 585 % в 1939 г. и 774 % в 1942 г. Синтетическое

топливо, бензин и нефть достигли пика в 1943 г. – 1032 %, т. е. увеличение производства в десять раз. Из-за дефицита текстиля немецкая промышленность многократно увеличила производство искусственного шелка и штапельного волокна – в 1939 г. 1000 % и к 1943 г. 1468 %. Производство электростали достигло показателя 697 % в 1939 г. относительно 1929 г. Однако таких же успехов не удалось достигнуть в производстве стали (пиковые значения в 139 % были достигнуты в 1939 г., а затем только падали) и угля (113 % в 1937 г. и далее практически не менялись). Кроме того, нужно учитывать, что после 1938 г. Германия получала ресурсы за счет завоеваний, ведь для производства материалов нужно сырье [369, с. 855].

В то же время жизнь рядовых немцев становилась все хуже. Ставшие нормой для американцев и в меньшей степени для англичан и французов бытовые приборы, автомобили и квартиры в Германии были доступны немногим. Немецкий народ работал на пределе сил, расходуя свой потенциал на бесконечные войны – из 12 лет существования Третьего рейха лишь 5 лет прошли без войны. Эффективные в краткосрочной перспективе социалистическая милитаризация и индустриализация (в случае Германии скорее расширение тяжелой индустрии на все сферы жизни общества), с характерным для них перекосом на тяжелую промышленность в ущерб потреблению, не способны дать долгосрочный результат, который показывал бы рост уровня жизни гражд-

дан, а не рост производства танков и бомб. Подушевой доход германцев был вдвое ниже американского с 542 международными долларами и на треть – английского с 477 международными долларами. Уступали даже французам с их 302 международными долларами на человека. Однако примером для подражания у Гитлера, судя по всему, был СССР с его программой полномасштабной индустриализации. Правда, доход на душу населения в СССР был равен примерно 87 международным долларам против 271 у немцев [369, с. 194]. Что уж там говорить, если такие элементарные для нас вещи, как ванная комната, водопровод и отдельная кухня, были для граждан Третьего рейха роскошью – идея обеспечения всех Volkswohnungen («народная квартира») не была реализована из-за низких квот на материалы, предназначенные гражданскому сектору (ведь почти все шло на армию и подготовку к войне) и мизерным субсидиям – в Веймарской республике 42,4 % расходов на строительство покрывало государство, в то время как в Третьем рейхе – всего 8 % [369, с. 222]. С одной стороны, это хорошо, что частные строительные фирмы еще могли сами заниматься строительством, но... в том-то и дело, что в условиях регулирования цен и квот на сырье они этого делать не могли. Госпрограмма по строительству небольших городков с квартирами тоже провалилась – дома без электричества и канализации даже в 1930-х гг., мягко говоря, не соответствовали европейским стандартам.

Таким образом, национал-социалистический проект с его пафосными образами и лозунгами новой жизни для немцев оказался провальным. Пропаганда, Трудовой фронт, и прочие партийные структуры Рейха, коих было очень много, требовали невозможного – строить квартиры и производить автомобили, улучшать жизнь немецкого рабочего в условиях, когда большую часть ресурсов забирала подготовка к войне.

Едва ли есть смысл останавливаться на примере каждой страны, где в то или иное время была сделана попытка построить социализм. Таких примеров слишком много, но их все объединяет один и тот же закономерный провал. Не является случайностью или заговором повсеместно одинаковое окончание социалистического проекта рыночными реформами – через это прошли или пройдут все социалистические режимы. Иной возможности решить проблему острого экономического кризиса и нехватки продовольствия и лекарств просто нет. Национал-социалисты окончили крахом потому, что вообще всё поставили на кон ради войны. Но даже без Второй мировой войны очевидная неэффективность их экономической политики в деле улучшения уровня жизни населения привела бы к краху или вынужденным реформам. Но реформы для социализма означают отказ от социализма. Всякий раз, когда происходит снятие экономических ограничений, прекращение преследования самостоятельной частной деятельности (не оглядывающейся на пар-

тийные указания), внедрение рыночных механизмов, снижение репрессий, происходит и отказ от курса на социализм.

Социализм и роскошь

Вопреки распространенному мнению, последовательный социализм вовсе не против роскоши и не обязан требовать от своих сторонников отказа от красивой жизни. Однако это уместно лишь в условиях, когда вопрос его построения уже решен и люди, обеспеченные самым прогрессивным материальным производством, опередившим все, что было достигнуто при капитализме, имеют вдоволь свободного времени на занятие той деятельностью, которая им по душе, без необходимости работать ради выживания. В условиях, когда строительство социализма ведется силами необычайной прежде мобилизации и лишений, чье-то наслаждение материальными благами до построения социализма выглядит как эксплуатация и даже паразитирование на рабочих массах. С другой стороны, даже если социалист живет в капиталистической стране и ведет борьбу за социализм, он не может без сделки с совестью пользоваться всеми благами капитализма, ибо они достигнуты ценой эксплуатации капиталистами рабочих, а значит, социалист превращается в соучастника и двигатель такой эксплуатации.

Однако социалистические лидеры всегда очень богаты. Да, несмотря на декларируемое стремление к социальной справедливости и показушную скромность, лидеры коммунистов никогда не жили так же, как их народ. Это правило

касается не только хорошо известных нам «вождей» СССР, КНР, КНДР и других «народных» республик, но и менее известных левых политиков современности. Но начнем мы с «вождей».

У Иосифа Виссарионовича Сталина было 20 загородных резиденций в лучших районах СССР. Это были даже не типичные советские номенклатурные резиденции, а роскошные по тем временам строения с бассейнами, столовыми, бункерами, парками, прислугой, охраной и автомобильным парком. Одна из самых любимых резиденций Сталина – дача в Сочи в предгорьях сочинской горы Большой Ахун, построенная в 1937 г., где «вождь» проводил лето и часть осени. Комплекс из главного двухэтажного здания и примыкающих построек расположен на высоте 160 метров и был окружен 50 гектарами лесопарковой полосы – сегодня это Сочинский национальный парк. Архитектором здания стал Мирон Мержанов – один из лучших в то время. Особняк имеет темно-изумрудный цвет, что делало его незаметным на фоне окружающей зелени. По всем параметрам здание и его содержимое выглядят внушительно: бассейн, бильярдная комната, кинозал, залы с отделкой стен и потолка из дорогих пород дерева и даже подземный ход, ведущий в специально построенную для Сталина ложу в Зимнем театре Сочи.

Еще одна резиденция Сталина – «Дальняя дача» (или «Семеновское») – была построена в 1939 г. в Ступинском районе Московской области. Вот ее описание: «...дача бы-

ла создана на месте английского парка имени “Семеновское-Отрада”. Владельцем имения был граф Владимир Григорьевич Орлов, один из пяти знаменитых братьев Орловых. По архитектуре и расположению внутренних помещений здание было похоже на ближнюю дачу Сталина. Это было сделано специально для того, чтобы вождь всегда находился в привычной для себя обстановке. Строительство Дальней дачи началось в 1937 году и продлилось 2 года. Над будущей резиденцией вождя работало специальное строительное управление НКВД. Дачу в Семеновском сразу построили из кирпича, в отличие от Вольнской, которая сперва была создана из фибролитовых блоков. Ее даже покрасили в тот же зеленый цвет, что и любимую сталинскую дачу – лишь в начале 80-х Юрий Андропов приказал выкрасить ее в светлые тона. Все покои дачи облицованы деревянными панелями, украшены каминами. Камин в большой столовой Дальней дачи, украшенный ониксом и опалом. Из четырех имеющихся в доме спален Сталину отводилась самая темная, чинаровая: вся мебель в комнате сделана из этого восточного дерева. Поблизости от спальни находится Малая столовая с камином из серого мрамора. Несмотря на наличие просторного зала для трапез в другом крыле, Сталин предпочитал обедать именно здесь. Он недолюбливал большие помещения» [122].

Мебель, перила, оконные рамы, двери и настенные панели как для этой дачи, так и для других изготавливались специ-

ально для Сталина самыми опытными краснодеревщиками на фабрике «Люкс» – невообразимая для советских людей роскошь, доступная высшим руководителям СССР. Вопреки продвигаемому социалистами мифу о личной скромности Сталина, предметы, которыми он пользовался, были очень дорогими. Например, письменный стол и лампа ручной работы в кабинете «Дальней дачи» имели основание из грушевого дерева – довольно изысканного материала для мебели, имеющего особенно приятный запах и не поддающийся гниению.

На своей любимой московской резиденции, «Ближней даче», построенной в 1934 г., Сталин встретил свою смерть. Как и дача в Сочи, дача в Кунцево в конструктивистском стиле окрашена в темно-зеленый цвет и имеет два этажа. Главное здание неоднократно перестраивали по личному вкусу «вождя», начиная от пристройки второго этажа и заканчивая пристройкой новых комнат и террас. На второй этаж вел лифт – не самая необходимая, но довольно дорогая деталь в доме, где всего два этажа. Мнительность Сталина доходила до того, что он спал в разных комнатах, чтобы никто не знал точно его местонахождения; для усиления безопасности особняка даже специально высадили 70 тыс. деревьев и насыпали холмы, чтобы закрыть вид на дом с дороги. Покой Сталина охраняли 150 постовых, ограда высотой 5 метров, внутренний забор со смотровыми глазками, посты со средствами связи. Все машины посетителей парковались за пре-

делами территории и оставались под наблюдением охраны. Несанкционированно проникнуть к Сталину извне с таким высоким уровнем безопасности было невозможно.

В 1947 г. была построена дача Сталина «Рица», расположенная в Гудаутском районе Абхазии. Все помещения были отделаны натуральными материалами, самшитом, сосной, орехом и другими породами. Мебель была создана, само собой, по спецзаказу, с учетом невысокого роста Иосифа Виссарионовича. Окна были сделаны из толстого хрусталя – для защиты комнат от жары летом и удержания тепла зимой. Как и в других сталинских особняках, в Рице было несколько спален и ванных комнат, причем наполнялись они морской водой, а также кинозал. До пляжа вела специально построенная лестница из 870 ступенек, где вождя и его гостей ждали катера специальной ограниченной серии, красиво отделанные деревом и оснащенные удобными креслами, – на них можно было прогуляться по озеру.

Мало того что Сталин имел в своем распоряжении 20 резиденций, все они требовали значительных расходов на свое содержание и вдобавок постоянно перестраивались под вкус владельца, зачастую без всякой надобности, так как Сталин даже не пользовался новыми помещениями. Только на содержание квартир и дач Сталина в 1951 г. потребовалось 26,3 млн руб., не считая затрат на усовершенствование или перестройку [386, с. 64]. Дочь Сталина Светлана Аллилуева в «20 письмах к другу» оставила нам такое воспоминание:

«...тогда – в Кунцево, на Ближней, бывало много народу, и было весело... Сейчас дом стоит неузнаваемый. Его много раз перестраивали по плану отца. Должно быть, он просто не находил себе покоя, потому что так случалось каждый раз: куда бы он ни приезжал отдыхать на юг, к следующему сезону дом весь перестраивали. То ему не хватало солнца, то нужна была тенистая терраса; если был один этаж – пристраивали второй, а если их было два – то один сносили... Так и на Ближней. Сейчас там два этажа, причем во втором этаже никогда никто не жил, – ведь отец был один в доме. Быть может, ему хотелось поселить там меня, брата, внуков? Не знаю, он никогда не говорил нам об этом. Второй этаж был пристроен в 1948 году. Позже, в 1949-м, там, в большом зале, был огромный прием в честь китайской делегации. Это был единственный раз, когда второй этаж был использован. Потом он стоял без дела» [10].

У преданного сталиниста, руководителя Албании Энвера Ходжи тоже был неплохой уровень жизни по албанским меркам тех лет. Особенно известен его многокилометровый подземный бункер, который тиран отстроил для себя и своих приближенных на случай ядерной войны, но который он посетил всего несколько раз. Сооружение представляло собой пять этажей под землей, состоящее из 106 комнат, включая спальни для премьер-министра и главнокомандования, душевые, коммуникационный центр, апартаменты диктатора с кабинетом и отдельной спальней, комнату с фильтрами

для очистки поступающего снаружи воздуха, зал заседаний для руководства, столовую и т. д. Нетрудно представить, насколько дорогостоящим был этот комплекс для бедной Албании.

Были у Ходжи и нормальные резиденции. Одна из них располагалась в престижном районе столицы Албании Иш-Блоку, в окружении коттеджей высокопоставленных членов коммунистической партии, куда не допускались обычные албанцы, – этот правительственный квартал патрулировался солдатами республиканской гвардии (видимо, это и есть то самое социалистическое равенство, о котором все говорят). Что характерно, в трехэтажную резиденцию Ходжа переехал прямым из самой дорогой гостиницы Тираны “Dajti”, когда в 1944 г. город освободили от немецких войск [93]. Но это, конечно, не всё. Были резиденции и посерьезнее – например, бывший королевский дворец в Дурресе, где принимались высокопоставленные гости из-за рубежа, принадлежавший ранее королю Ахмеду Мухтар беку Заголли (Ахмет Зогу). Само здание было построено в 1926–1937 гг. на деньги богатых граждан Дурреса, под руководством итальянского архитектора Кристо Сотири. Казалось бы, это здание в социалистической республике можно было сделать музеем или домом культуры, но нет, его предназначили для партийных элит.

Энвер Ходжа знал вкус жизни, поэтому не ограничивал себя в роскоши не только дома, но и в дороге. Так, в его пар-

ке автомобилей имелся один из самых дорогих лимузинов Mercedes-Benz W100 Pullman, выпущенных в очень ограниченном количестве [456]. Он был оснащен электроникой, стеклом, закрывающим пассажира от водителя, складывающимися задними сиденьями и, конечно же, дорогой отделкой из дерева и кожи. Имелись также советский люксовый седан ЗИМ (ГАЗ-12) и китайский лимузин Hongqi («Красный флаг»), но, по всей видимости, предпочтение албанские коммунисты отдавали немецким автомобилям, так как, помимо «Мерседеса» Энвера Ходжи схожие модели были заказаны и для других членов партийной верхушки.

Фидель Кастро, как и положено коммунистическому вождю, тоже не был чужд роскошной жизни. В конце концов, он достаточно времени провел в джунглях, когда боролся с режимом Батисты, а значит, «заслужил» немножко роскоши. Не зря ему удалось попасть в десятку самых богатых диктаторов в списке Forbes, с состоянием более 900 млн долларов. Много о его образе жизни мир смог узнать из книги личного охранника Кастро, прослужившего диктатору 17 лет, Хуана Рейнальдо Санчеса.

Санчес рассказывал, что у лидера кубинской революции было немало недвижимости. Фидель был владельцем частного острова Кайо-Пьедра. *«Там в его распоряжении была личная вилла с мебелью, декорированной слоновой костью, ферма по разведению черепах и личный дельфинарий. В поместье Фиделя Кастро в Гаване имелись собственный медицинский*

центр, баскетбольная площадка, частная пристань и даже боулинг на крыше. Всего беглый телохранитель насчитал у лидера кубинской революции двадцать роскошных объектов недвижимости. На свой частный остров команданте приплывал на собственной яхте Aquagata II. По словам телохранителя, в оформлении ее интерьеров были использованы ценные породы ангольского дерева. Вот только о том, каким образом в распоряжении кубинского лидера оказалась эта яхта, приходит противоречивая информация. По одной версии, это подарок советского лидера Леонида Брежнева. По другой – Кастро купил ее сам» [359].

Советские лидеры часто баловали своих сателлитов подарками. Тот же ЗИМ Ходжа получил в подарок от Сталина. Кастро получил в подарок от Никиты Хрущева ЗИЛ-111В, ГАЗ-13 «Чайку», и армейский внедорожник ГАЗ-69, от Леонида Брежнева в автопарке Кастро остался ГАЗ-14. Были и другие роскошные автомобили. Например, Mercedes-Benz W126 был подарен иракским лидером Саддамом Хусейном. Также имелся представительский чехословацкий лимузин Tatra T603 (кубинский вождь тоже получил его в подарок) и спортивный Alfa Romeo 1750.

Потомственные северокорейские лидеры из семьи Ким тоже очень любят роскошь. Так, у Ким Чен Ына, сына и преемника Ким Чен Ира, есть несколько роскошных яхт. Одна из них – 29-метровая яхта производства британской компании Princess Yachts International, другая, большего размера

(около 60 м), была описана побывавшим в гостях у Кима знаменитым баскетболистом Деннисом Родманом как «нечто среднее между паромом и круизным лайнером “Дисней”». Родман гостил у северокорейского лидера на его личном острове, где *«как на Гавайях или на Ибисе с той лишь разницей, что он (Ким Чен Ын) – владелец всего, что там есть»*. Однако, по всей видимости, у Кима имеется еще одна яхта длиной в 80 метров, которая была реконструирована и улучшена в 2020 г. Судно оснащено *«двумя вращающимися водными горками, крупным бассейном и многоэтажной лаундж-зоной»* [140]. Также у семьи Ким есть своя личная подвесная дорога на горнолыжном курорте Масик [295] и бронепоезд из 20 вагонов, внутри которых *«располагается лаундж-зона с кожаными диванами, современный конференц-зал, офис со спутниковым телевидением и ресторан, где подаются блюда изысканной кухни и напитки – в частности, швейцарский сыр, коньяк Hennessy и шампанское Cristal»*. Кроме того, в пути лидера Северной Кореи сопровождает так называемая *“бригада удовольствий” – проводницы, которых отбирают специально для этой работы. Как отмечает The Sun, сформировать такую бригаду Ким Чен Ын решил в 2015 г. Попасть в нее могут только высокие и красивые кореянки, которые обязательно должны быть девственницами»* [347].

В СМИ можно найти много информации об образе жизни северокорейских диктаторов, и едва ли стоит сомневаться в том, что эта жизнь знает нужду хоть в чем-либо. «Рассле-

дую положение с правами человека в Северной Корее, Комиссия ООН пришла к выводу, что северокорейский лидер Ким Чен Ын затмил по любви к роскоши даже отца, известного гурмана и поклонника красивой жизни. Расходы Северной Кореи на предметы роскоши в 2012 году составили 645,8 миллионов долларов. Между тем, Ким Чен Ир тратил на эти цели в среднем 330 миллионов. Северокорейский импорт в первый год правления Ына состоял из десятков лимузинов Mercedes-Benz и музыкальных инструментов, включая десятки дорогих пианино. Комиссия ООН не выясняла, как эти и другие предметы роскоши попали в КНДР, в которую, согласно санкциям ООН, можно поставлять только товары первой необходимости и лекарства. В солидную сумму обошелся Ыну личный кинотеатр на тысячу зрителей. Авторы доклада считают, что северокорейский лидер пытается купить верность ближайших помощников дорогими подарками и подачками» [266]. Могут возразить, что эта информация всего лишь попытка дискредитировать социалистического вождя Северной Кореи, однако автомобили Maybach и Mercedes в кортеже председателя Трудовой партии неоднократно «светились» в дипломатических поездках, например в Россию и Сингапур.

Современные лидеры социалистического движения не менее охочи до хорошей жизни и с готовностью окружают себя «капиталистическими» благами, чем «вожди» прошлого. Уго Чавес, этот «в доску» народный венесуэльский ли-

дер, который часами мог разговаривать с гражданами в прямом эфире, по всей видимости, был миллиардером. Личное состояние его дочери Марии еще в 2015 г. оценивалось более чем в 4 млрд долларов. В последующие годы всплывало достаточно много следов дорогостоящих покупок семьей Чавеса. О роскошной жизни Марии Чавес, которую она позволяла себе не просто как дочь президента социалистического государства, но и как официальный представитель своей страны, можно найти достаточно много информации в интернете. *«Мария Габриэла Чавес, по данным Diario Las Americas, воспользовалась кипрским банковским счетом для транзакций через Bank of China для приобретения катера. Как утверждает источник, дочь экс-президента Венесуэлы применила секретный счет, который активно использовала для покупок в Соединенных Штатах общей суммой более 2 млн долларов США. Уго Чавес еще при своем правлении был обвинен в хищении более 300 млрд USD совместно со своим наследником Николасом Мадуро. По данным источника Diario Las Americas, покойный венесуэльский президент мог свободно пользоваться счетом в банке Майами под названием Mercantil Commercebank на протяжении двухлетнего периода. Счет был открыт на Роберто Лейба, партнера Чавеса. И только 2016 год изменил картину – после подозрений в отмывании денег счет закрыли. Кроме крупных переводов третьим лицам, Уго Чавес использовал банк Майами для получения большого количества депозитов в несколько*

миллионов долларов, сообщает *Diario Las Americas*. Именно среди этих транзакций обнаружены приобретения Марии Габриэлы Чавес в дорогих ресторанах и магазинах Нью-Йорка в то время, когда она занимала дипломатический пост. Еще одним “звонком” стали подозрительные депозиты с кипрского банка (около 10 переводов) на счет *Atlantides Shipping Co Ltd* якобы в виде “комиссионных” за приобретение катера *MV Speed Runner*. По заявлению партнера Чавеса Лейба, счет открывался для погашения личных расходов. Кстати, Роберто Лейба отличается тесными отношениями с действующим правительством Венесуэлы, *Citgo* и дочерней компанией государственного нефтяного предприятия *PDVSA*. Сам юрист задекларировал годовой доход в размере 800 тыс. USD, который состоит из заработной платы (300 тыс. USD) и 500 тыс. USD неизвестного происхождения. Напомним, что Уго Чавес обвинялся в связи с коррупционной сетью экс-казначая страны Алехандро Андраде. Последний в 2018 году признался в получении взяток в размере более 1 млрд USD за период исполнения государственных обязанностей» [466]. «Банковский счет, который использовался Марией Габриэлой Чавес в течение первых лет ее пребывания в Нью-Йорке в качестве дипломатического представителя при Организации Объединенных Наций, показал изощренный стиль потребления, который имел тогдашний дипломатический чиновник, который привык совершать покупки в самых элитных магазинах “Большого Ябло-

ка», что резко контрастирует с жесткостью, проповедуемой чавистским социализмом. Банковский счет, на котором, согласно документам, находились депозиты и переводы третьим лицам на несколько миллионов долларов и который позже был аннулирован из-за подозрений в отмывании денег в результате коррупции, принадлежал венесуэльскому юристу Роберто Лейба» [430]. Не отстают и младшая дочь Росинес, которая своей фотографией в соцсетях, где она позирует с пачкой долларов, вызвала скандал – оборот американской валюты в Венесуэле запрещен [94]. Можно говорить, что дети не обязаны принимать убеждений своих родителей, но откуда у дочерей покойного президента столько денег и почему они спрятаны хитрыми схемами по разным банковским счетам – вопрос скорее риторический.

Николас Мадуро, преемник Чавеса и страстный проповедник социализма, столкнулся с настоящей гуманитарной катастрофой в своей стране, но это не мешает ему жить на широкую ногу. В 2018 г. разразился скандал, после того как Мадуро пообедал в самом дорогом ресторане Стамбула на 100 долларов, – казалось бы, для нас это не такая большая сумма, но в обездоленной социализмом Венесуэле это больше трехмесячной зарплаты. Но если этот случай даже в чем-то комичный, то за информацией о связях Мадуро с добычей золота в южных регионах Венесуэлы, на которой используется рабский труд местных индейцев, а контроль над ними осуществляют леворадикальные колумбий-

ские группировки и тайная полиция SEBIN, стоит действительно серьезная проблема. «В 2016 году правительство Николаса Мадуро начало на юго-востоке страны гигантский по масштабам (и по степени опасности для окружающей среды) проект, названный Arco Minero del Orinoco (“Торнорудная Арка бассейна реки Ориноко”), затрагивающий более 112 тысяч квадратных километров индейских земель, или 12 процентов всей территории государства, включая священные для индейцев места и национальные природные парки. Разработка этого плана началась еще в 2011 году, когда Венесуэлой правил Уго Чавес. Коренные венесуэльские индейцы, которых в стране осталось чуть более 2 процентов, с трудом пытаются защищать свои земли от вторжения, а сторонники режима Мадуро принуждают их к работе на шахтах, прибегая к зверскому насилию и запугиванию. Human Rights Watch (HRW) в течение двух лет собирала показания работников венесуэльских золотых приисков и жителей шахтерских городков в штатах Боливар и Амазонас. В докладе HRW говорится о том, например, что многие шахты в Боливаре полностью контролируются венесуэльскими криминальными синдикатами, сросшимися с тайной полицией SEBIN, или колумбийскими леворадикальными повстанцами, из “Революционных вооруженных сил Колумбии” (FARC) и “Армии национального освобождения” (ELN). Согласно данным HRW, чиновники, офицеры SEBIN, боливарианские гвардейцы Мадуро, колумбийские террористы, а

также самые разнообразные частные и получастные предприятия, связанные с официальным Каракасом и транснациональной наркомафией, заставляют шахтеров отдавать им почти все добытое золото» [158]. Такая вот социалистическая бизнес-империя, скрытая от глаз людей, построенная на эксплуатации бесправного индейского населения. С другой стороны, разве советский Дальстрой был сильно лучше?

Но идем дальше. На другом берегу Атлантического океана лидер испанской радикальной социалистической партии Podemos Пабло Иглесиас в 2018 г. был обвинен некоторыми сопартийцами в предательстве социалистических принципов, поскольку стало известно о покупке им дома в горах за пределами Мадрида стоимостью 600 тыс. евро. Однако даже в таком явно вопиющем случае Иглесиас остался в партии, получив вотум доверия в 68,4 %. Прежде Иглесиас критиковал политиков за жизнь «на виллах» и незнание цен на товары. Так, в 2012 г. он осудил бывшего министра экономики Луиса де Гиндоса в покупке дорогого дома. Но, видимо, что не позволено быку, то позволено Юпитеру. Большая часть соратников-социалистов Пабло Иглесиаса не увидела проблемы в переезде политика из скромной квартиры в рабочем районе Мадрида в шикарный особняк. По всей видимости, многие из них тоже могут позволить себе дом за 600 тыс. евро [463].

Последний герой (а точнее, героиня) этой главы – американский член Палаты представителей США Александрия

Окасио-Кортес. Позиционирующая себя как социалистка, борющаяся за улучшение положения самых уязвимых слоев населения в США, бывшая официантка, выросшая в неблагополучном районе Нью-Йорка, став популярной политической фигурой за счет критики системы, создающей неравенство, не прочь вдоволь воспользоваться всеми благами системы, эксплуатирующей простой люд. Широкую известность получили дорогие наряды, в которых она постоянно появляется на фотосессиях и обложках крупных журналов, вроде *Vanity Fair*. Один из таких нарядов, в котором она назвала Трампа «ублюдком» за неуплату налогов, был оценен в 14000 долларов [467]. На передачу *The View* Александрия пришла в наряде от дизайнера Рики Фриман за 580 долларов. Зеленый костюм в интервью журналу *Interview*, разработанный на заказ дизайнером Габриэлой Херст, стоил порядка 1500 долларов, а черные туфли к нему – еще 600 долларов. *New York Times* оценил весь образ в журнале в 3500 долларов. Пурпурное платье с вырезом «лодочкой» от Ролана Мура на Национальном съезде Демпартии 2020 г. обошлось Окасио-Кортес, судя по цене продажи, в 2000 долларов. Наконец, платье в горошек с широким воротником от *Wales Bonner*, в котором Александрия выступила в одном из видео на YouTube, где она рассказывала о своем распорядке дня, стоило около 630 долларов [452].

Александрия Окасио-Кортес ведет настоящую войну со своими критиками, причем не только справа, но и слева. До-

рогие наряды она объясняет тем, что на самом деле не носит и не хранит их, а только арендует для конкретной ситуации. Однако даже в этом случае не ясно, почему она не может покупать или арендовать одежду менее именитых брендов и дизайнеров, поддерживая менее известные фирмы и не спонсируя своим образом «капиталистическую систему». Кроме того, она пользуется не только дорогими нарядами, но и дорогими парикмахерами. Одно посещение парикмахерской Last Tangle Salon в октябре 2019 г. обошлось социалистическому политику в 300 долларов. *«The Washington Times* отмечает, что конгрессвумен могла сделать точно такую же прическу в субсидируемой государством парикмахерской Capitol Hill, сэкономив 100 долларов (6,5 тысячи рублей). Кроме того, газета напоминает, что в год Окасио-Кортес зарабатывает 174 тысячи долларов (более И миллионов рублей)» [257].

Перед нами закономерно встает вопрос: уместно ли считать, что социалистические вожди отошли от канонов социализма? Заглянем поглубже в историю и посмотрим, как жили «боги» коммунистического пантеона Карл Маркс, Фридрих Энгельс и Владимир Ленин, – логично предположить, что их последователи могли бы на них равняться. Биограф Энгельса (между прочим, сына богатого текстильного фабриканта) британский лейборист Тристрам Хант пишет: *«Энгельс был “великий обезглавливатель бутылок шампанского” – как прозвал его родственник. Каждое воскресенье в его*

доме в Лондоне собиралась вся местная левонастроенная интеллигенция, и Энгельс всех кормил и поил. Его коронным номером был салат из омаров. На вечеринках царило веселье, и раньше двух-трех часов ночи никто не уходил. Однажды друзья разослали шуточный опросник, в котором нужно было ответить на три вопроса: что вы считаете главной добродетелью? Энгельс ответил: веселость. Ваше представление о счастье? Бутылка “Шато Марго” 1848 года. Ваш девиз? Относиться ко всему легко. Маркс подтрунивал над Энгельсом в письмах за то, что в Манчестере, где была фабрика Энгельса, тот вращался в высшем обществе: развлекался, ездил на лисью охоту, обедал в клубах. “Примите мои поздравления, – писал Маркс – вы стали полноправным и респектабельным буржуа. По-волчьи еще не воете?”» [105].

Однако Карл Маркс не отставал от своего друга. Не имея постоянного дохода, периодически проживая в стесненных условиях, Маркс при каждой возможности, когда ему выпадала приличная сумма, старался вернуться в приятный комфорт буржуазной жизни. Жак Аттали в своей биографии Маркса «Карл Маркс. Мировой дух» приводит несколько эпизодов, в которых отец научного социализма буквально транжирит деньги: «Но вот положение Маркса и его семьи существенно улучшилось. Во-первых, один старый друг по лондонскому союзу, Эрнест Дронк, представил его заимодавцу и выдал ему 250 фунтов, которые занял... у Энгель-

са, на что тот выразил согласие в письме Карлу в апреле 1863 года: Дронк возьмет на себя только банковские расходы... Затем поступило первое из двух наследств, которые в тот год изменяют жизнь Марксов и вытаскают их – на сей раз надолго – из нищеты, в которую они впали четырнадцать лет назад. Тридцатого ноября 1863 года в Трире, в окружении двух дочерей, приехавших из Нидерландов, и третьей, бывшей замужем в Трире, умерла Генриетта Маркс, его мать, в возрасте семидесяти трех лет. Ее кончина произошла в день и в самый час очередной годовщины свадьбы, чему Карл немало удивился. Он не выказал даже намека на скорбь. Наследство от обоих родителей было разблокировано одновременно, и Карлу причиталось чуть более 1100 талеров, то есть примерно 1000 фунтов стерлингов, иначе говоря, его доходы за три года. Он решил немедленно отправиться за ними, наверняка нелегально: эти деньги были так ему нужны! В марте он в очередной раз решил потратить только что полученные деньги, не слишком заботясь о будущем и неоплаченных долгах: благодаря материнскому наследству семья переехала с Графтон-Террас в симпатичный домик по соседству – Модена Виллас, 1, на Мейтланд-Парк, в богатом квартале, где жили врачи и адвокаты. Карл прежде всего подумал об уроках для дочерей, о их занятиях фортепиано и театром. Отныне у каждой будет своя комната. У него самого появился кабинет – просторная комната в пять окон, которую первые же приглашен-

ные в гости друзья прозвали “Олимпом”, поскольку повсюду были расставлены бюсты греческих богов, а над ними возвышался Зевс, который был чрезвычайно похож на Карла. Посреди комнаты, в наиболее освещенном месте, стоял маленький рабочий стол – очень простой, в три фута длиной и в два шириной, с полностью деревянным креслом. Между креслом и книжными полками, против окна, размещался кожаный диван. Маркс ложился на него время от времени, чтобы отдохнуть. На камине – снова книги вперемежку с сигарами, спичками, табачными пачками, весами для писем, фотографиями его дочерей, жены, Вильгельма Вольфа и Фридриха Энгельса. Почему в этой комнате находилась фотография Вильгельма Вольфа – старого друга Лупуса? Потому что верный товарищ по стольким приключениям, начиная с Парижа, умер от менингита в Манчестере в том самом мае 1864 года, завещав Карлу 840 фунтов наличными (целое состояние) и вещи общей стоимостью 50 фунтов. Вместе обоих наследств в тех условиях хватало Марксам более чем на пять лет жизни. Это была обеспеченность» [18, с. 234–235]. Годом позже Энгельс уже обеспокоен «по поводу расходов Маркса: наследства, конечно, позволили уплатить накопившиеся долги и обустроить дом (на это ушло 500 фунтов), но его теперешний образ жизни сильно выбивается за рамки 200 фунтов, ежегодно предоставляемых ему Фридрихом. Состояние его финансов просто бедственно, и летом 1865 года Карл пишет, что про-

жил последние два месяца благодаря тому, что опять заложил главное свое имущество – столовое серебро Женни. Та разделяет тревогу Фридриха: дом – “настоящий дворец, чересчур большой и слишком дорогой”. Тогда Карл пишет своему другу: “Действительно, я живу в доме, который мне не по средствам”, но “это лучший способ не только возместить детям все, что им пришлось вынести, но и позволить им наладить связи и знакомства, которые обеспечат их будущее”» [18, с. 251–252].

О тяге к роскоши Владимира Ленина, большую часть жизни прожившего за счет денег, присылаемых мамой [54], периодических заработков от издательства журнала, а затем и казны партии, ставшей весьма обильной благодаря «экспроприациям» и поддержке со стороны обеспеченных сторонников, свидетельствует место, которое он выбрал своей резиденцией после переворота 1917 г. Ильич занял дворянскую усадьбу Горки и жил там, не меняя ничего в интерьере (т. е. интерьер оставался вполне себе «капиталистическим»). А после его смерти шикарный дворец был занят его младшим братом Дмитрием, который никуда не собирался съезжать. «Выдворить его оказалось решительно невозможно: упрямый Дмитрий не хотел покидать Горки, хотя имел прекрасную квартиру в Москве. Он только пил красное вино и катался по парку на автоматической инвалидной коляске, которую купил в Англии для Ленина нарком внешней торговли СССР Красин. В 1943 году Дмитрий Ульянов

умер, и его семья наконец покинула усадьбу. Шубина сказала, что в архиве сохранился список вещей, которые намеревалась перевезти в Москву вдова покойного. Перечень гарнитуров, фарфоровой и серебряной посуды занимает два листа и пестрит отчаянными пометками первого директора музея: “Нельзя!”, “Имеет отношение к Ленину!” и т. д.». [410].

Впрочем, неплохо Ленин жил и в эмиграции, выбирая самые цивилизованные места: Швейцарию и Лондон. Ему не было чуждо восхищение благами «капиталистической» цивилизации, что, впрочем, совершенно не противоречит научному социализму, но, с другой стороны, может служить постоянным источником «соблазна» и в конечном итоге образу жизни, который совершенно не отличается от образа жизни и даже мышления «буржуа». А это порождает вопрос: насколько честна ваша борьба за лучший мир? Почему именно социализм, а не путь реформ в рамках этой же системы, в которой и вы прекрасно себя чувствуете? Стоит ли того разрушение этого мира для построения той утопии, в которую вы, возможно, и сами не верите? На мой взгляд, социализм – это благие намерения, которыми вымощена дорога в ад. И люди, которые ведут массы на пути в это ужасное место, на деле представляют собой скорее «продавцов социализма», а не искренних благодетелей человечества.

Закончим эту главу отрывком из воспоминаний Троцкого, как нельзя лучше для нашего анализа подходящим: «*В то же ли утро или на другой день я совершил с Владими-*

ром Ильичам большую прогулку по Лондону. Он показывал мне с моста Вестминстер и еще какие-то примечательные здания. Не помню, как он сказал, но оттенок был такой: “Это у них знаменитый Вестминстер”. “У них” означало, конечно, не у англичан, а у правящих классов. Этот оттенок, несколько не подчеркнутый, глубоко органический, выражающийся больше в тембре голоса, был у Ленина всегда, когда он говорил о каких-либо ценностях культуры или новых достижениях, книжных богатствах Британского музея, об информации большой европейской прессы или много лет позже – о немецкой артиллерии или французской авиации: умеют или имеют, сделали или достигли – но какие враги! Незримая тень господствующего класса как бы ложилась в его глазах на всю человеческую культуру, и эту тень он ощущал всегда с такой же несомненностью, как дневной свет» [365, с. 91].

Социализм и терроризм

Сегодня терроризм прочно ассоциируется с радикальным исламом. В Европе теракты стали столь частыми, что политики говорят о них как о части повседневной жизни в большом городе. Однако всё гораздо сложнее, чем кажется. Терракты в Европе происходили и раньше, только действующие лица были другими. Социализм – это радикальное учение. В нем много насилия – как в его истории, так и в теории, поскольку общество четко разделено на «плохих» и «хороших», угнетателей и угнетаемых, и первые представляют собой препятствие к раю на Земле. Нельзя построить социализм в условиях конкуренции идей, потому что его должны строить все и сразу. Именно по этой причине социал-демократы, избравшие путь парламентаризма, фактически отказались от социализма как такового – и сегодня социал-демократические партии иногда возглавляют либерализацию экономики в стране (как в Новой Зеландии), борются с более радикальными левыми движениями (лидер испанской соцдемовской партии Педро Санчес оказался даже более радикальным противником независимости Каталонии, поддерживаемой левыми каталонскими движениями, чем можно было себе представить) или входят в коалиции с правыми партиями (как СДПГ и ХДС в Германии). Несомненно, социал-демократы всё еще придерживаются более левых по-

зиций в социально-культурных вопросах (права ЛГБТ, миграция, феминизм и т. д.), но даже здесь есть исключения. Например, немецкий социал-демократ Тило Саррацин чуть ли не первым поднял вопрос об опасности миграции в отношении сохранения немецкого народа, а также активно выступал за ужесточение миграционных законов. В США в составе Демократической партии, преимущественно придерживающейся социально левой ориентации, есть целая фракция консерваторов под названием «Коалиция Синяя Собака». Таким образом, путь эволюции вместо революции оказался для социалистов губительным – они были ассимилированы политической системой, которая требует от партий работы в условиях конкуренции идей. Поэтому по-настоящему социалистическим выбором может быть только революция.

Революция – это не всегда насилие. Но в социалистической парадигме революция имеет социально-экономическую природу, когда прежние отношения сменяются новыми, при этом речь идет о столкновении непримиримых антагонистов. Никакого компромисса здесь быть не может, так как всё старое должно полностью исчезнуть. Однако, прежде чем революция происходит, революционеры ведут борьбу с ненавистным режимом, но не в парламенте (которого может и вовсе не быть), а на улицах. Так рождается террорист, использующий преступление против мирных граждан для достижения политической цели. Террорист должен быть вооружен идеологией, которая не допускает принятия суще-

ствующего строя, т. е. этот строй в каком-то смысле «дегуманизируется». Террористы конца XIX – начала XX столетия были вполне хорошо «вооружены» в этом отношении. Ишутинцы, нечаевцы, «Земля и воля», «Народная воля», «Свобода или смерть», «Боевая организация партии СР», «Союз социалистов-революционеров-максималистов», «Боевая техническая группа при ЦК РСДРП» – все эти террористические группировки исповедовали социализм, причем далеко не всегда марксистского толка. Кровавый след, который они оставили, впечатляет даже сегодня: с 1870 по 1900 г. ими было совершено 38 терактов, в которых были убиты 100 человек, включая царя Александра II; с 1901 по 1911 г. количество терактов увеличилось в сотни раз, а число убитых и раненых составило 16800 человек – и это всего за десять лет [293]. Целью террористов, как правило, были чиновники, военные, члены правящего дома, министры. Также могли быть жертвы во время «эксов» – нападений на банки, заводы, магазины и т. д. Но взрывы одинаково не щадят всех, кто попадает в их эпицентр. Например, попытка убить премьер-министра Петра Столыпина в его резиденции на Аптекарском острове 12 августа 1906 г. унесла жизни 30 человек, но сам Столыпин отделался ушибами. Взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. должен был убить Александра II, но погубил не его, а военнослужащих низших чинов, которые несли караул в тот день.

Новая волна левого терроризма в Европе началась в кон-

це 1960-х гг., когда в апреле 1968 г. немецкие студенты подожгли несколько супермаркетов во Франкфурте-на-Майне в знак протеста против «общества потребления» и войны во Вьетнаме. Процесс над этими студентами – Андреасом Баадером, Гудрун Энслинн, Хорстом Зёнляйном и Торвальдом Проллем – стал для леворадикальной молодежи триггером для пробуждения к действиям. После «Красного мая» 1968 г. во Франции этот процесс усилился. В 1970-1980-х гг. на территории всей Западной Европы, в разгар холодной войны, уже всюду орудовали красные террористы из таких организаций, как «Красные бригады» (КБ, Италия), «Фракция Красной армии» (ФКА, ФРГ), «Прямое действие» (ПД, Франция) и «Сражающиеся коммунистические ячейки» (СКЯ, Бельгия). Радикальный исламский терроризм имеет не только много общего с красными террористами из этих группировок, но и вполне конкретные точки соприкосновения: «Народный фронт освобождения Палестины» – вполне себе леворадикальная организация, с которой сотрудничали члены ФКА, проходившие обучение в Палестине; члены французского «Прямого действия» сознательно привлекали к своей борьбе рабочую молодежь из мигрантской, арабской среды. В период 1970-1980-х гг. члены этих группировок перешли от простых ограблений и поджогов к убийствам, похищениям и взрывам, т. е. к полноценным терактам. За эти годы представители ФКА успели убить не менее 39 человек, КБ – 75 человек (в 14 тыс. эпизодах на-

силия включая стычки, драки и т. д.), в результате недолгой деятельности СКЯ как минимум двое было убито и десятки ранено, участники ПД с 1979 по 1987 г. совершили более 50 акций с десятками раненых и убитых. Подавляющее большинство членов этих организаций были молодыми, впечатлительными, абсолютно убежденными в своей правоте и, по всей видимости, совершенно бессовестными ненавистниками всей европейской цивилизации.

Чем руководствовались эти молодые люди, выходцы из благополучных, развитых стран? Вот что писала икона красного терроризма, западногерманская журналистка и боевик ФКА Ульрика Майнхоф в 1968 г.: *«Ответное насилие должно превратиться в такое насилие, которое соразмерно полицейскому насилию, в такое насилие, в котором продуманный расчет заменит бессильную ярость, такое насилие, которое на использование полиции в качестве вооруженной, военной силы тоже ответит вооруженными, военными силами... Шутки кончились. Протест – это когда я заявляю: то-то и то-то меня не устраивает. Сопротивление – это когда я делаю так, чтобы то, что меня не устраивает, прекратило существование. Протест – это когда я заявляю: всё, я в этом больше не участвую. Сопротивление – это когда я делаю так, чтобы и все остальные тоже в этом не участвовали»* [196]. Война во Вьетнаме стала мощным триггером для таких, как Ульрика: *«Развязывание войны во Вьетнаме осенью 1967 г. стало сигналом к эскалации*

насилия для левых движений по всему миру... Война, которую ведут США, носит подчеркнуто империалистический характер и должна служить подтверждением их мирового господства: в Азии, Африке, Европе и Южной Америке. Встает вопрос: может ли простое выражение протеста против этой войны говорить о демократическом самосознании? Убийства женщин и детей, снос больниц и школ, уничтожение посевных площадей и важнейших отраслей промышленности, которые будут происходить "до тех пор, пока они не взмолятся о пощаде" – все это ставит вопрос об эффективности устраиваемых с разрешения полиции демонстраций, полиции, которая посылает свои вертолеты во Вьетнам и ни в коем случае не допустит того, чтобы демонстрации действительно повлияли на политику принятия решений...» [11].

Все эти тирады были по большому счету оправданием для впечатлительных радикальных социалистов. В противном случае они больше внимания обратили бы на события в Чехословакии в том же году, чем на то, что происходило далеко в Азии и к чему их родная страна не имела отношения. Мы даже можем назвать их лицемерами, так как буквально в соседних странах социалистические режимы подавляли рабочие выступления, но такие, как Ульрика, предпочитали бороться с «системой», воевавшей с коммунистами во Вьетнаме. Всю свою ненависть члены ФКА направили на государственный аппарат ФРГ. Они приписывали развитию за-

падноевропейского общества нацистские тенденции, в точности как студенческая внепарламентская оппозиция до них повсюду видела национал-социалистическое прошлое. Как отмечала активистка ФКА Биргит Хогефельд, «в 68-м мы поднялись на борьбу за справедливый и гуманный мир, а наши родители почти сплошь были нацистскими преступниками или их пособниками... Наше отношение к людям в этой стране долгое время определялось еще и тем, что мы, живущие в богатых странах, строим свое благополучие на нищете и страданиях “третьего мира”: ради нашего благосостояния бесчисленное множество людей умирает от голода или от вполне излечимых болезней, даже маленькие дети вынуждены работать в условиях жесточайшей эксплуатации, грабежу и разрушению подвергаются целые регионы – и большинству это представляется вполне нормальным» [360].

Французский террорист и главарь «Прямого действия» Жан-Марк Руйян, отбывший в тюрьме в общей сложности 24 года, утверждал: «Мы противостояли “холодной” войне и новорожденной неоконсервативной контрреволюции с ее остервенелым милитаризмом. Помимо прочего, мы довольно четко поняли, насколько сильно империалистическая агрессия против арабских стран и безнаказанность государства Израиль опираются на военизированное умиротворение населения в метрополиях. Здесь они держали свои базы для атаки и вынашивали идеологические концепции ново-

го “республиканского” колониализма (“чистая” война, право на вмешательство, защита “цивилизованных” колонистов, криминализация любых повстанцев). Настолько, насколько мы смогли, мы попытались сломать их монополию на насилие. Ибо вместе с их экономической, финансовой, политической и идеологической монополиями она составляет главную опору для их диктатуры. Мы атаковали людей и структуры, связанные с империалистическими проектами, военные объекты НАТО, заводы по производству вооружения, представителей лобби по распространению ядерного оружия в прозападных странах, штаб-квартиры Интерпола и Международного валютного фонда» [300]. Следующая цитата дает нам некоторый ключ к разгадке – насколько современный радикальный исламизм может быть связан с предшествующими ему левыми террористическими группами: «Под антиимпериалистической борьбой мы понимали не какие-то общие принципы или дискуссии по поводу пустых деклараций или позицию, состоящую исключительно в поддержке чужой борьбы. Мы решили бороться не только против империалистической политики нашей собственной буржуазии в метрополии, но и прямо выступить на стороне революционеров “третьего мира” и совместными усилиями действовать против общего врага – международного капитала» [299].

Итак, набор вполне стандартный: борьба против империализма, реализация социалистической революции, в рамках

которой на определенном этапе террор служит инструментом достижения своих целей. Особенно важным здесь является солидарность с исламским миром, представителей которых европейские красные террористы видели как «революционеров» и «врагов капитала». Для социалистов второй половины XX столетия население колоний (и, соответственно, бывших колоний), или «периферии», заменило классический пролетариат европейских стран, так как в условиях глобализации можно было выделить «капиталистический центр» и эксплуатируемые им регионы. Таким образом, классы фактически были заменены целыми странами, где одни угнетают другие. Средства существования красных боевиков 1970-1980-х были вполне «классическими»: похищения и ограбления банков – все те же «экссы» и теракты, которые проводили левые радикалы столетие назад. Впрочем, добавилось и кое-что новое, а именно финансирование из-за рубежа. Например, «Фракцию Красной армии» финансировала и обучала ГДР, что логично, учитывая деятельность этой организации на территории Германии. Итальянские «Красные бригады» получали деньги и оружие из Чехословакии и Палестины, причем обучение проводилось на территории Чехословакии, Сирии и в Северной Африке. Таким образом, терроризм перешел на новый уровень, став частью гибридной войны социалистических стран против «капиталистических».

Обилие террористических акций всех этих коммунисти-

ческих бригад настолько велико, что все их перечислить и описать можно только в рамках отдельной монографии, специально этой теме посвященной. Наша же задача показать, насколько гармонично терроризм укладывается в социалистическую парадигму, на реальных исторических примерах, т. е. мы как бы наблюдаем раскрытие теории социализма в практику.

Начнем с ФКА, наиболее известным членом которой стала Ульрика Майнхоф (между прочим, дочь члена НСДАП). Ульрика – поразительная личность. Почему у матери двух детей, неглупой и вполне успешной журналистки, возникла потребность убивать, грабить и взрывать? Примерно такой же вопрос мы сегодня задаем, пытаясь понять мотивы исламистских террористов, среди которых немало образованных людей. Очевидно, что идеология играет здесь главную роль. В этой идеологии должна воспитываться ненависть такой силы, которая позволила бы человеку раз и навсегда уничтожить все мосты назад, позволила бы принять такое решение, как убийство множества невинных гражданских и даже самоубийство. И если социализм подразумевает террор как минимум на определенном этапе политической борьбы, не стоит удивляться, что у коммунистки Майнхоф тоже настал тот самый «определенный этап» в ее биографии. Ульрика была идеологом ФКА – именно ей часто приписывали ключевое положение в группировке, возможно преувеличенное, но не противоречащее тому, что именно она была

автором концепции ФКА – городской герильи. Вооруженная борьба городских партизан – вооруженного авангарда – играла просветительскую роль, чтобы «открыть» людям глаза на существующее угнетение. Иными словами, она была лидером-теоретиком, но не лидером-практиком. Практическая деятельность Майнхоф может быть оценена только с учетом того, что часть приписываемых ей акций предположительно. Достоверно известно, что Ульрика участвовала в операции по освобождению другого красного боевика Андреаса Баадера, в результате чего были тяжело ранены три человека, а также в многочисленных налетах на банки – в скольких из них Ульрика лично принимала участие, сказать трудно. В 1972 г. ей приписывают участие в серии жестоких нападений на банки, военные объекты и издательство, в которых погибло 4 и ранено 74 человека (т. н. «Майское наступление ФКА»). Так или иначе, Ульрику можно отнести к красным боевикам, а главное – к идейным вдохновителям красного терроризма. Кстати, что характерно, она обучалась некоторое время в лагерях палестинских боевиков.

В конце 1975 г. группировка ФКА захватывает заложников в венской штаб-квартире ОПЕК. 70 человек было взято в заложники, 3 человека погибло. Террористами руководил всемирно известный боевик, бывший студент Московского университета дружбы народов Ильич Рамирес Санчес (Карлос Шакал). Целью был захват заложников из числа высокопоставленных лиц, получение заправленного самолета и

турне с заложниками по ближневосточным странам, где они могли бы зачитывать текст из декларации «Народного фронта освобождения Палестины». Австрийские власти сдались, террористы смогли улететь с 11 заложниками в Алжир, затем в Ливию, затем снова в Алжир, где оставшиеся заложники были выкуплены. Карлос Шакал участвовал во множестве террористических акций, располагая базами в Венгрии и Чехословакии, где совершенно спокойно хранил оружие. Так, в 1974 г. Ильич Санчес захватывает французское посольство в Гааге, в результате чего погибают два человека и 33 получают ранения. В том же году он подорвал гранату в парижском торговом центре, убив двух, и ранив 30 человек. На его счету также множество покушений на высокопоставленных лиц. Сейчас он отбывает пожизненное заключение в тюрьме, в 2003 г. даже выпустил автобиографию, где рассказывает в том числе об исламе, который он принял.

В 1972 г. террористы из ФКА устраивают взрыв в крупном немецком издательстве Axel Springer SE, в результате чего 17 человек получают ранения – крупнейшем правом издательстве, которое одинаково ненавидят левые и мусульмане за поддержку Израиля. В 1975 г. снова произошел взрыв, на этот раз в парижском офисе компании. К слову, Axel Springer SE в 2005 г. было единственным издательством, отказавшимся публиковать предвыборную агитацию немецкойлевой партии. Вот еще «послужной список» террористов-социалистов на ниве убийства высокопо-

ставленных лиц: убийство генерального прокурора ФРГ Зигфрида Бубака (1977), убийство главы «Дрезднер банка» Юргена Понто (1977), убийство президента Союза работодателей ФРГ Ханса Мартина Шлейера, троих его охранников и водителя (1977), убийство нидерландского полицейского Ари Краненбурга (1977), убийство министра экономики федеральной земли Гессен – Хайнца Херберта Карри (1981), убийство Эрнста Циммермана (1985), убийство члена правления концерна «Сименс» Карла Хайнца Бекуртса (1986), убийство Герольда фон Браунмаля (1986), убийство главы «Дойче банка» Альфреда Херрхаузена (1989), убийство Детлефа Карсена Роведдерта (1991). Помимо этих преступлений, террористы-социалисты совершили ряд нападений на военные объекты, из которых в нападении на базу в Рамштайне тяжело ранены были 18 человек (1981), в теракте на базе во Франкфурте погибло два человека и ранено 30 (1985). Также можно вспомнить про нападения на полицейские участки и захват посольства ФРГ в Швеции (1975, двое погибших и два убитых террориста).

Отличились и французские красные боевики из «Прямого действия» под руководством Жан-Марка Руйяна, чьи цитаты я приводил выше. Боевики тесно сотрудничали с ФКА и даже составили совместный программный документ «Основные задачи коммунистической герильи в Западной Европе». В основном эти боевики нападали на правительственные здания, магазины, рестораны и банки. Их акции были

менее кровавыми, чем акции ФКА, – за восемь лет своей активности в своих терактах они отняли жизнь у 12 человек и ранили 26. Тем не менее, если учесть, насколько часто в терактах использовались взрывные устройства, такое малое количество жертв объясняется не миролюбием группировки, а удачным стечением обстоятельств для тех, кто легко мог оказаться в эпицентре взрыва. Выше я писал, что на счету ПД 50 преступных эпизодов, хотя есть данные, что их число может достигать до 120 и даже больше. Как пишет одна статья в СМИ, «в “Прямом действии” Руйяна боролись за справедливость мужчины и женщины, не достигшие 30-летнего возраста. Подавляющее большинство были чистокровными французами и французженками, хотя для представителей других национальностей вход всегда был открыт. В основном туда приходили арабы – выходцы из Северной Африки, а иногда – нелегальные эмигранты. Перед разгромом организации ее численность достигла нескольких сот человек, не считая тысяч сочувствующих или оказывающих пассивную помощь. Разгром организации вылился в почти поголовный арест руководства и бегство за границу рядовых членов, не успевших запятнать себя кровью и не увязнувших в ограблениях или поджогах. Официальные власти всегда стремились преуменьшить масштабы действия боевиков Жан-Марка Руйяна» [106]. Сам Руйян сейчас спокойно живет в Марселе и пишет книжки, попутно поливая помоями окружающую его действительность. В чем я с ним со-

гласен, так это с тем, что она, эта действительность, несправедлива – иначе бы он жил не в Марселе, а на том свете или в тюрьме. Его вторичные мысли на тему справедливости ничем не отличаются от эмоциональных откровений любого подростка с левыми убеждениями. Тем не менее важно заметить, что ПД активно работало в среде молодых арабов, трудившихся на французских предприятиях, и их леворадикальные идеи, которые включали в себя примитивные истории про угнетение их арабской родины колониальными странами Европы, хорошо накладывались на ранимое сознание арабских мигрантов. Вполне может быть, что современный радикальный исламизм, содержащий в себе ненависть к европейской цивилизации, следует искать вовсе не в Коране, а в тех социалистических идеях, которыми кормились мигранты с Ближнего Востока и Африки с «щедрой» руки Руйяна, Жоржа Сиприани, Андре Оливье и т. д. В конце концов, интеграция пролетариев из третьих стран была, по мнению террористов, «острой необходимостью».

В Бельгии в период с 1983 по 1986 г. орудовали красные террористы из организации «Сражающиеся коммунистические ячейки», основанной коммунистом Пьером Кареттом, который вышел из тюрьмы в 2003 г. По словам Пьера, его убеждения не изменились, а борьба «продолжается». За три года деятельности боевики успели провести не менее 19 акций, в основном это были нападения на частные компании и военных. Крупнейший теракт группировка совершила 1 мая

1985 г., подорвав автомобиль у здания Федерации бельгийских работодателей в городе Андерлю. Погибло два человека и 13 получили ранения.

Наконец, мы подошли к одной из самых опасных террористических группировок социалистического толка 1970–1980 гг. – итальянским «Красным бригадам». Они действовали целых 18 лет: с 1970 по 1988 г. Один из главарей группировки, Ренато Курчио, как и Руйян и Каретт, давно освобожден из тюрьмы и занимается теперь писательской деятельностью. Судя по тому, что никакого раскаяния преступник не выразил, его книги наполнены какой-то, полагаю, мутью про несправедливости капитализма. Зато его жена, Мара Кагол, правая рука Курчио, была застрелена еще в 1975 г. во время операции по освобождению захваченного ею и еще несколькими террористами предпринимателя Витторио Ганчия. В ходе перестрелки она и ее головорезы успели ранить троих карабинеров, один из которых, отец троих детей, впоследствии скончался. Еще один лидер группировки – Марио Моретти, – досрочно освобожденный в 1998 г., ныне проживает в Милане.

Самым излюбленным занятием «Красных бригад» было похищение бизнесменов и политиков с целью получения выкуп или просто убийства. Убивали также журналистов, полицейских. Например, 25 января 1971 г. боевики похитили Идальго Маккиарини, которого отпустили после издевательств на камеру. В 1974 г. был похищен магистрат Ма-

рио Сосси, в 1975 г. – предприниматель Витторио Ганчия. В 1978 г. похищают и убивают после 55 дней плена президента Христианско-демократической партии (ХДП) Альдо Моро, погибают также пятеро его охранников. В 1980 г. был похищен судья Джованни д'Урсо. Остальной список убийств и нападений группировки: убиты члены «Итальянского социального движения» Джузеппе Маццола и Грациано Джиралуччи; ранен представитель христианских демократов Массимо де Каролис; в 1976 г. расстрелян генеральный прокурор Франческо Коко и два его охранника; в 1977 г. убит адвокат Фульвио Кроче; в том же году ранены три журналиста из различных изданий и убит журналист Карло Казаленно; в 1978 г. убиты магистрат Риккардо Пальма, охранник тюрьмы “Le Nuove” Лоренцо Котуньо, сержант охраны тюрьмы “S. Vittore” Франческо ди Катальдо, сержант Розарио Берарди, сотрудник антитеррористического отдела полиции Антонио Эспозито, генеральный директор Департамента тюремной администрации Министерства юстиции Джироламо Тартальоне, полицейские агенты, осуществлявшие внешнюю охрану тюрьмы “Le Nuove” Сальваторе Ланца и Сальваторе Порчедду, начальник производства завода FIAT Пьетро Коджиола. В 1979 г. убиты деятель Всеобщей итальянской конфедерации труда Гвидо Росса, провинциальный советник ХДП Италло Скеттини, два патрульных полицейских Антонио Меа и Пьетро Оллану. В 1980 г. убиты Серджио Гори, вице-президент Высшего совета магистратуры Витто-

рио Бикелет, кандидат на пост руководителя управления исправления и наказания Джироламо Минервини, руководитель DIGOS (отдел специальных операций) Альфредо Албанезе, член ХДП Пино Амато, руководитель Ренато Бриано, заведующий тюремной безопасностью Энрико Гальвалиджи. С 1978 по 1980 г. в рамках террора против антитеррористического отдела полиции было убито 12 полицейских. После 1981 г. «Красные бригады» раскололись и их активность постепенно снижалась, в том числе благодаря результатам антитеррористической борьбы итальянской полиции. В 1984 г. КБ убивают Лиамона Ханта, в 1986 г. – бывшего мэра Флоренции Ландо Конти, в 1987 г. – генерала Лисио Джорджьери, в 1988 г. – итальянского сенатора Роберто Руффилли. В 1988 г. «Красные бригады», судя по всему, распадаются. Тем не менее КБ были не единственной группировкой красных террористов в Италии. «Прима Линеа», также итальянская красная террористическая организация, активно действовавшая с конца 1970 г. по 1982 г., ответственна более чем за 20 убийств полицейских, политиков и случайных людей. Часть боевиков в 1980 г. перешла в «Красные бригады», а после окончательного распада группировки в 1987 г. некоторые бывшие ее члены перешли в Радикальную партию Италии.

Как можно заметить, тактика итальянских красных террористов отличалась от тактики их бельгийских, французских и немецких коллег. Если те предпочитали взрывы, за-

хваты заложников и нападения (впрочем, и убийства тоже, но реже), то радикальные коммунисты в солнечной Италии действовали точно, жестоко убивая государственных служащих, политиков и бизнесменов. Зато количество их преступлений поражает. Поражает и то, насколько легко отделались эти террористы. Хотя многие были убиты в перестрелках или покончили с собой, самые главные активисты вполне себе сегодня преуспевают, пишут книги, дают интервью, рассуждают с умным видом о жизни и т. д. Руйян, Каретт, Курчио, Моретти, Барбара Балзерани (тоже видная террористка КБ) – они даже пользуются популярностью у определенного круга лиц.

Выше мы рассмотрели террористические группировки социалистов, возникшие и орудовавшие в Европе. Анализ будет не полон, если мы не расскажем немного еще об одной организации – «Красной армии Японии» («Нихон Сэкигун», КАЯ). Разумеется, это не настоящая армия и социалисты в Японии никогда к власти не приходили. Более того, «Нихон Сэкигун» вообще никогда не орудовала в Японии, а ее штаб-квартиры располагались в Ливане и в Париже. Организация была основана в Ливане дочерью профессора, отличницей Университета Мэйдзи, Фусако Сигэнобу в 1971 г. и находилась в тесном контакте с Национальным фронтом освобождения Палестины. Уже на следующий год три боевика КАЯ устроили настоящую бойню в аэропорту им. Бен-Гуриона в городе Лод. Погибло 26 человек и 2 террориста, 79 человек и

1 террорист были ранены. В 1974 г. член КАЯ Харуо Вако и еще два палестинца совершили диверсию с захватом заложников против завода компании Shell в Сингапуре. В том же году боевики «Нихон Сэкигун», совместно с ФКА принимают участие в нападении на посольство Франции в Голландии. В 1975 г. 10 террористов КАЯ берут заложников в посольстве США в Куала-Лумпуре; в 1977 г. захватывают самолет со 159 пассажирами на борту (и благополучно скрываются в Алжире); в 1984 г. нападают на французское посольство в Гааге. Более оригинальное нападение было совершено на посольства Японии и США в Джакарте в 1986 г. – их обстреляли из миномета. До 2000 г., когда группировка была окончательно распущена, было совершено еще несколько диверсий в Италии, США, Испании; например, в апреле 1988 г. в Неаполе при взрыве бомбы около Клуба американских служащих погибло пять человек.

География терактов КАЯ поражает – японские террористы могли появиться буквально в любом месте. Теракты, совершенные совместно с другими группировками (палестинцами, ФКА), говорят о том, что социалистический терроризм второй половины XX в. не был случайностью или помрачением рассудка небольшой группы маргиналов – считать так было бы опасным заблуждением. Напротив, они были хорошо организованы и образованны. Нет сомнений, что опыт красных террористов 1970-1980-х в некоторой степени соприкасается и взаимодействует с опытом современного ис-

лампистского терроризма – на определенном этапе эти движения шли рука об руку. Уж не методами ли городской войны (герильи) пользуются все эти террористы-водители грузовиков, которые давят мирных граждан на улице и расстреливают в общественных местах? Даже идеологически они очень близки: антиамериканизм, поддержка Палестины, борьба за «справедливость» (в их понимании) и т. д. С учетом этих фактов сотрудникам безопасности в Европе, в том числе России, было бы целесообразно самым внимательным образом относиться к социалистическим движениям и их риторике. Несмотря на то что внимание всего мира приковано к терроризму радикального исламистского толка, нельзя забывать о социализме, его поддержке (по крайней мере, в прошлом) террористических организаций исламистского толка и о том, что в наше время многие старые активисты красного терроризма еще живы и предпринимаются попытки реанимировать «вооруженный авангард». Например, в 2007 г. в Италии накрыли группировку “Il Partito Comunista Politico-Militare”, которая, по всей видимости, собиралась продолжить дело «Красных бригад». В 2012 г. членам группировки предъявили обвинения в терроризме. Будем надеяться, что подобные организации, если они еще есть, будут найдены, обезврежены и наказаны.

1968. новый социализм

1968 год был во всех отношениях вехой в истории социализма. Во-первых, с него начинается террористическая активность социалистических боевиков в послевоенной Европе, о чем мы уже говорили в предыдущей главе. Именно в этом году, 2 апреля, Андреас Баадер, Гудрун Энслинн, Хорст Зёнляйн и Торвальд Пролль организовали поджоги нескольких супермаркетов в немецком городе Франкфурте-на-Майне как «символов потребления» и в знак протеста против войны во Вьетнаме. Через неделю неонацистский боевик совершил покушение на популярного среди студентов западногерманского социалиста Руди Дучке. Это стало началом радикализации студентов-социалистов и перехода некоторых из наиболее радикальных таких социалистов к «городской герилье». Во-вторых, в 1968 г. произошла Пражская весна, которая стала причиной серьезного раскола в коммунистическом лагере и появлению в Европе «еврокоммунизма». В-третьих, в этом году по всей Европе прошли протесты радикально настроенной левой молодежи. Наиболее многочисленный, известный и серьезный по последствиям – это «Красный май» во Франции, когда протесты леворадикальных студентов привели к 10-миллионной забастовке и падению президентства Шарля де Голля. Эти протесты стали, не побоюсь этого слова, годом открытия социализма нового

типа, обращенного не столько к экономическим проблемам «капитализма», сколько к проблеме меньшинств, экологии, женщин и др., угнетаемых «капитализмом» в равной степени. Иными словами, социализм индустриальной эпохи уступил место социализму постиндустриальной эпохи.

Еврокоммунизм был вдохновлен Пражской весной и страхом за дальнейшее будущее коммунистических партий в условиях многопартийного парламента. Итальянские и испанские коммунисты боялись, что дискредитация коммунистической идеи Советским Союзом окажет влияние на их шансы победить на выборах, поэтому летом 1975 г. лидеры итальянской и испанской компартий Энрико Берлингуэр и Сантьяго Каррильо учредили новое движение с соответствующим названием, позднее получившее поддержку от компартии Франции и ее лидера Жоржа Марше. В совместном заявлении двух партий говорилось, что *«в новых условиях, возникших в результате позитивных перемен, связанных с разрядкой международной напряженности, настало время для поиска новых путей к налаживанию более тесного сотрудничества всех демократических сил для проведения политики демократического и социалистического обновления общества и извлечения положительных результатов из кризиса, переживаемого европейскими капиталистическими странами... в наших странах социализм может укрепиться только на основе развития демократии и полного использования предоставляемых ею возможностей»*, «не

должно быть никакой официальной идеологии, но должны присутствовать конкуренция политических партий, независимые профсоюзы, религиозные и иные свободы... Итальянская и испанская коммунистические партии, вырабатывающие собственную внутреннюю и международную политику совершенно самостоятельно и независимо, полностью признают свою национальную и общеевропейскую ответственность. На основе этого общего понимания они намерены в будущем развивать свои братские отношения на основе широкой и прочной дружбы» [36, с. 645]. В программы партий также были внесены изменения – например, испанская компартия более не называла себя ленинской. Впрочем, такой крутой идеологический поворот не помог повторить успех социал-демократов – еврокоммунистические партии не смогли добиться сколько-либо заметного успеха в борьбе за голоса избирателей.

Все самое интересное в истории послевоенного социализма происходило вне сферы идеологического влияния идеологически увядающего СССР и вне жизнедеятельности старых европейских компартий. Этому есть объективная причина.

Центральная проблема социализма – это существование в мире неравенства, основанного на угнетении, и борьба человека с природой в борьбе за выживание. Обе эти вещи связаны между собой, так как последняя формирует социально-экономические отношения, в которых угнетение – а зна-

чит, и неравенство – воспроизводится. Развитие техники, а затем и социологии как знания об обществе и причинах его несовершенства могло бы остановить это воспроизводство, выйти из замкнутого круга и в итоге стать независимым от внешних условий как социального, так и экономического характера, которые не давали человеку жить по-настоящему свободно. Отсюда следует, что особая привязанность социалистов к пролетариям не могла быть долгой и была обусловлена конкретным историческим периодом, в котором они находились в угнетенном состоянии. Следовательно, на этом этапе именно пролетарии могли стать движущей силой социальной революции. Кроме того, научные социалисты считали, что капитализм как наиболее передовая на тот момент формация и порождает наиболее передовой класс пролетариев, получающих на заводах и фабриках необходимый для перехода к социализму опыт производства и кооперации.

Во второй половине XX в. все более становилось понятно, что рабочие превращаются в синих воротничков, а по своему поведению ничем не отличаются от буржуазии – они также ходили со своими семьями в церковь по воскресеньям и предпочитали копить деньги, чтобы обеспечить членам своей семьи лучшее будущее. Вся их «левизна» ограничивалась желанием сохранять свои социальные гарантии и защищать рабочее место от конкуренции. Но свергать работодателя и управлять предприятиями самостоятельно рабочие не хотели. И тем более им оказалась чужда идея отме-

нить частную собственность, обобществить средства производства, уничтожить религию и отказаться от семьи. Пролетарии попросту перестали существовать в постиндустриальном мире. Если попытаться обозначить, кто же пришел им на смену, то лучше обратиться к классификации британского социолога Гая Стэндинга, который составил такую картину (не считая мировую элиту): салиариат (работники крупных корпораций, государственных предприятий, чиновники – все они имеют хорошие социальные гарантии и зарплаты, в целом надежно устроены в «системе»); далее идут “profitians” – профессионалы, квалифицированные специалисты, которые не заинтересованы в долгосрочной полной занятости на одном предприятии, поэтому они успешно продают свои навыки и знания на рынке самостоятельно; далее «старый рабочий класс», или те самые пролетарии, но имеющие защиту от произвола работодателя благодаря трудовому кодексу, социальным гарантиям и т. п.; и, наконец, прекариат и безработные [352, с. 21] – люди, не имеющие никаких или почти никаких социальных гарантий, квалификации и определенности на будущее, занятые в сфере услуг работой, не требующей особой квалификации, а также мигранты.

Европейские социал-демократы остались верны старому рабочему классу и салиариату, но фактически перестали быть социалистами, оставаясь «левыми» лишь в некоторых вопросах. Можно даже сказать, что социал-демократы XX–XXI вв. заняли определенную нишу в защите интересов са-

лариата и зажиточного пролетариата – наиболее обеспеченной прослойки наемных работников. И в то время, как социал-демократы окончательно ассимилировались парламентаризмом, социализм в СССР постепенно шел к своему закату, пока окончательно не прекратил свое существование в 1991 г. А это значит, что оба крупнейших направления социализма, некогда вышедшие из одного корня, закончились. Еврокоммунизм же оказался вялой попыткой спасти коммунизм приставкой к нему «евро». Пришло время новых социалистов – «новых левых», или, как их еще называют с разной степенью корректности, «неомарксистов», «культурных марксистов» и «постмарксистов».

Несмотря на то что «новый социализм» остается по своему духу продолжателем дела «научного социализма» Маркса, он в большей степени является его ревизией, чем последовательным приверженцем. Одним из самых влиятельных на Западе теоретиков ревизионизма еще в 1920-е гг. стал философ и основатель итальянской коммунистической партии Антонио Грамши. Грамши отказался от экономического детерминизма Маркса и его ранних последователей. Он утверждал, что исторические события не неизбежны и не происходят сами по себе, как только старая система достигнет критической точки из-за внутренних противоречий, как это следует из формационной теории, где одна формация сменяет другую вследствие объективного исторического процесса. Грамши выдвинул идею, что политическая во-

ля может обойти экономический детерминизм и приводит в пример революцию в России: «...в Большевистской революции больше идеологии, чем событий. (И, следовательно, нам, “внизу”, в действительности не нужно знать больше того, что мы знаем.) Это революция против “Капитала” Карла Маркса. В России “Капитал” Маркса был больше книгой буржуазии, нежели пролетариата. Он служил критической демонстрацией того, как события должны развиваться по заранее predeterminedенному сценарию, предусматривающему развитие буржуазии, наступление в России капиталистической эры с установлением западного типа цивилизации, еще до того, как пролетариат мог хотя бы подумать о своем восстании, о своих собственных классовых требованиях, о своей революции. Но события вышли за рамки идеологий. События взорвали критические схемы, определяющие, как российская история должна разворачиваться в соответствии с канонами исторического материализма. Большевики отвергли Карла Маркса, и их четкие действия и победы являются свидетельством того, что каноны исторического материализма не настолько незыблемы, как кому-то казалось и как кто-то думал» [82].

Итак, получается, что, по Антонио Грамши, социально-экономические противоречия не приводят к социальной революции, если массы не осознают своего положения и природу системы, в которой они находятся. Но они не смогут этого сделать самостоятельно, если их не подтолкнут к этому

коллективной идеей, созданной интеллектуалами (социальной элитой). Грамши в своем анализе капитализма использовал такие понятия, как «гегемония» и «культурное лидерство». Именно благодаря «гегемонии» и «культурному лидерству» правящий класс контролирует общество и ведет его в нужном для себя направлении. Существующие в обществе социально-экономические отношения не являются незыблемой данностью, на деле это всего лишь искусственный социальный конструкт, который следует подробно изучить, дабы понять, на чем он держится. Задачей левых интеллектуалов, таким образом, является раскрытие «истинной» природы существующих отношений, демонстрация их как конструктов с последующей деконструкцией и достижение культурного лидерства (иными словами, победа в борьбе за умы).

После Второй мировой войны этот процесс в социологии – науке, влияние которой значительно выросло (особенно в США), – получил развитие в рамках «критической теории». Впервые эта теория появилась в статье «Традиционная и критическая теория», написанной в 1937 г. одним из основателей Франкфуртской школы Максом Хоркхаймером. Я постарался выделить главное:

«Ни структуры промышленного или сельскохозяйственного производства, ни разделение так называемых руководящих и исполнительных функций, услуг или работ, умственного и физического труда не представляют собой непреходящее или естественное положение вещей. Все это,

скорее, является результатом способа производства в определенном типе общества. Иллюзорность самодостаточности рабочего процесса, ход которого будто бы определяется самой природой его объекта, соответствует иллюзорной свободе экономических субъектов в буржуазном обществе. Такой субъект считает, что его действия продиктованы его собственными решениями, в то время как в действительности, совершая самые сложные подсчеты, он лишь демонстрирует работу не подвластного никаким подсчетам социального механизма... В действительности знание современного человека о самом себе не является математическим знанием о природе, претендующим на звание вечного Логоса, но скорее представляет собой критическую теорию общества таким, каким оно является; теорию, которая на каждом этапе своего развития подчинена заботе о создании разумных жизненных условий... Весь мир, воспринимаемый буржуазным обществом в рамках традиционного мировоззрения, предстает перед ним как подтверждение собственной достоверности: мир таков, и таким его нужно принять. Основанное на классификации мышление индивида – это одна из тех социальных реакций, при помощи которых люди пытаются приспособиться к реальности, делая это таким образом, в наибольшей степени соответствующим их потребностям. Именно здесь обнаруживается существенное различие между человеком и обществом. Мир, который человек должен принять как данность и с которым он должен

считаться, мир в том виде, в каком он существует сегодня и будет существовать завтра, – это продукт деятельности всего общества. Все объекты, которые нас окружают: города, деревни, поля, леса – несут на себе отпечаток человеческой деятельности. Человек является продуктом истории не только в том, как он одевается, выглядит и чувствует. Даже слух и зрение человека нельзя отделить от жизни общества, складывавшегося на протяжении тысячелетий. Воспринимаемые органами чувств факты predeterminedены обществом в двух отношениях: историческим характером объекта восприятия и историческим характером органов восприятия. Ни то ни другое не является естественным в чистом виде; и объект, и воспринимающие его органы сформировались под влиянием человеческой деятельности. И все-таки индивиду представляется, что в акте восприятия он играет пассивную роль... Чувственный мир, который члены индустриального общества видят каждый день, несет на себе отпечаток целенаправленной работы: многоквартирные жилые дома, заводы и фабрики, хлопковые поля, убойный скот, люди и, более того, их тела; включая не только такие объекты, как поезда метро, грузовые автомобили, самолеты, но и их передвижение в пространстве. В этой сложной тотальности практически невозможно провести четкое различие между тем, что принадлежит к не обладающей сознанием природе, а что к деятельности человека в обществе. Даже когда речь идет о восприятии объектов

природы как таковых, сама их “естественность” продиктована контрастом с миром общества и тем самым зависит от него... Предлагаемая нами критическая позиция, напротив, не испытывает ни малейшего доверия к правилам поведения, которые современное общество предписывает своим членам. Разделение на частную и общественную сферы, в силу которого индивид принимает сами границы своей деятельности как естественные, в критической теории ставятся под вопрос. Условия, возникающие из слепого взаимодействия между различными видами человеческой деятельности (а именно – из существующего разделения труда и классового расслоения), рассматриваются как функция, берущая свое начало в действиях людей, а значит, они могут быть объектом сознательного решения и рационального целеполагания» [388].

Таким образом, теоретические основы для послевоенного «нового социализма» были заложены еще до Второй мировой войны. Ортодоксальный марксизм сохранял тогда свой авторитет в СССР, но на Западе уже был подвергнут ревизии. Ирония заключается в том, что несоответствие строгих прогнозов марксизма реальности было продемонстрировано на примере революции в России, которую большевики творили, считая себя последовательными ортодоксальными марксистами. Но Грамши, как сторонний наблюдатель, увидел другое. Источником вдохновения для западной социалистической теории XX столетия служила развертывающаяся

ся перед левыми мыслителями история. Она явно расходилась с авторитетом Маркса, с «научным социализмом». Никакого крушения капитализма не произошло, противоречия в нем не привели к социальной революции, а СССР все более доказывал свою несостоятельность. Значит, экономически «капитализм» очень силен и гибок, а вот в культурном отношении был малоизучен.

В этом контексте любопытна судьба одного из самых авторитетных философов второй половины XX в. Юргена Хабермаса. Его отец был членом НСДАП, а сам Юрген – вполне идейным членом молодежной организации «Гитлерюгенд». Сокрушительное поражение Третьего рейха, понесенное в том числе от США, страны, олицетворявшей капитализм в его наиболее развитом и совершенном виде, при этом страны, где было невероятное расовое многообразие, оказало очень глубокое влияние на мировоззрение Юргена. Воспитываемый, в рамках национал-социалистической доктрины, в презрении к капитализму и нечистоте крови, Хабермас пытался понять, как же так вышло. В итоге он увидел в американцах ту самую «высшую расу», о которой постоянно слышал при нацистах, и горячо поддержал программу «денацификации» немцев. Можно сказать, что из национал-социалиста он перешел в интернационал-социализм.

В то же время Хабермас оказался одним из наиболее влиятельных ревизионистов Маркса, совершенно корректно указавшим на неактуальность ортодоксального марксизма для

современного общества. Хабермас называл несколько причин, которые бросают вызов старому марксизму:

1. «Типологически понятое» отделение государства от общества в эпоху индустриального капитализма сменяется взаимоотрицанием и взаимопроникновением обеих сфер. *«Это означает, что лишается своего значения способ рассмотрения, при котором преимущественное внимание отдается экономике»*. Взаимосвязь между базисом и надстройкой в версиях ортодоксального марксизма более неприемлемо.

2. Рост материального благосостояния широких масс возрос до такой степени, что *«интерес общества к освобождению уже нельзя формулировать лишь в экономической терминологии... Феномен отчуждения ни в коей мере не устранен, но уже никак не может быть понят только в качестве экономической нищеты. Согласно новой теории, на смену "телесной" эксплуатации пришло психосоциальное обнищание, а открытое насилие переросло в господство на основе манипуляций, предполагающих вмешательство в сознание индивидов»*.

3. Больше нет носителя революционных устремлений – пролетариата. Ортодоксальный марксизм потерял свою потенциальную аудиторию.

4. Утверждение советской системы после революции 1917 г. сделало невозможной дискуссию о марксизме. *«Что касается позиции Хабермаса, то он, вслед за основателями франкфуртской школы, упрекал Маркса в невнимании к*

возможностям «политической модификации рыночного экономического механизма» и к заключенным внутри общества возможностям противостоять собственно капиталистическим тенденциям развития экономики» [404].

«Новые левые» подали на «развод» с пролетариатом. Само собой, их отношение к пролетариям было критическим, ибо какую революционность можно ожидать от людей, лишившихся «революционного сознания», ставших частью постиндустриальной системы. Впрочем, еще в 1927 г., то есть за несколько десятилетий до появления «новых левых», Хоркхаймер напишет небольшую работу под названием «Бессилие немецкого рабочего класса», в котором укажет на интеграцию рабочих в капиталистический процесс производства.

Пролетарии отвечали взаимностью. Как подметил Пол Готфрид, «рабочие начали больше голосовать за правых, хотя эта тенденция проявилась в разной степени в разных странах. Растущее недовольство иммиграцией из стран “третьего мира”, объясняемое увеличением преступности, связанной с насилием, и ограничением роста заработной платы, подтолкнуло французских и итальянских рабочих к поддержке партий националистически настроенных правых, которые требуют прекращения иммиграции. И левые партии оказались бессильны помешать этому из-за своих попыток установить союз с иммигрантами из “третьего мира” и своего крестового похода против “расизма”» [81, с.

124]. Социализм теперь должен был найти новых угнетенных и новых угнетателей. Сместив экономический акцент Маркса на культуру, социалисты нового поколения переместили фокус «угнетения» с рабочих на женщин (феминизм), сексуальные меньшинства (ЛГБТ+), безработных, расовых меньшинств и мигрантов (выходцев из стран Азии и Африки, т. е. бывших европейских колоний), следуя завещанию Герберта Маркузе в «Одномерном человеке», где он в разделе своего заключения под красноречивым названием «Шанс альтернативы» пишет: *«...однако под консервативно настроенной основной массой народа скрыта прослойка отверженных и аутсайдеров, эксплуатируемых и преследуемых представителей других рас и цветных, безработных и нетрудоспособных. Они остаются за бортом демократического процесса, и их жизнь являет собой самую непосредственную и реальную необходимость отмены невыносимых условий и институтов. Таким образом, их противостояние само по себе революционно, пусть даже оно ими не осознается. Это противостояние наносит системе удар снаружи, от которого она не в силах уклониться; именно эта стихийная сила нарушает правила игры и тем самым разоблачает ее как бесчестную игру»* [211, с. 336–337]. Именно этим группам «угнетенных» предстояло совершить революцию против старых институтов: европейского господства, патриархата, традиционного брака, незыблемости частной собственности и т. д. – через радикальный пересмотр са-

мой сущности устоявшихся понятий и институтов, который проведет социалистическая интеллектуальная элита.

В новом видении многовекового угнетения первыми кандидатами на роль угнетателей стали «белые цисгендерные гетеросексуальные мужчины», а у некоторых социалистов – белая европеоидная раса как таковая. Столь незавидная участь злодеев для европейцев в картине мира «новых левых» в какой-то степени закономерна. К началу XX в. экономическое, военное и политическое господство Европы было бесспорно. После Второй мировой войны Европа сильно ослабла, но ее роль взяли на себя США – страна, созданная на «землях индейцев», где, ко всему прочему, было богатое рабовладельческое прошлое, а это щедрая почва для левых спекуляций. Колонии при этом получили независимость не сразу – европейские державы какое-то время пытались за них бороться, но неудачно. В каких-то случаях США приняли у Европы «эстафету», как это было с Вьетнамом, где американцы пришли на смену проигравшим французам. Одновременно усиливалась борьба за равные гражданские права для афроамериканцев в США, где сегрегация была отменена только в 1960-е гг. Во всех этих случаях белые европейцы, сохранявшие повсеместно лидирующее положение как внутри многорасовых стран, так и на мировой арене, становились все более очевидной и простой мишенью для социалистов.

Как красноречиво выражался американский радикальный социалист еврейского происхождения Ноэль Игнатъев, осно-

ватель издания *Race Traitor*, «цель уничтожения белой расы настолько желанна, что некоторым может быть трудно поверить в то, что она может встретить какое-либо сопротивление, кроме как со стороны убежденных сторонников превосходства белой расы. Конечно, мы ожидали недоумения от людей, которые все еще думают о расе как о биологии. Мы часто получаем письма, обвиняющие нас в том, что мы “расисты”, как и КKK³², и даже были названы “группой ненависти”» [443]. Позднее редакция *Race Traitor*, в том числе сам Игнатъев, уточнили свою позицию: «...мы не ненавидим ни вас, ни кого-либо еще за цвет ее кожи. Что мы ненавидим, так это систему, которая предоставляет людям привилегии (и бремя) из-за их цвета кожи. Не светлая кожа делает людей белыми; это светлая кожа в обществе определенного типа, которое придает социальное значение цвету кожи. Когда мы говорим, что хотим упразднить белую расу, мы не имеем в виду, что хотим истребить людей со светлой кожей. Мы имеем в виду, что хотим избавиться от социального значения цвета кожи, тем самым упразднив белую расу как социальную категорию. Рассмотрим эту параллель: быть против королевской семьи не означает хотеть убить короля. Это означает желание уничтожить короны, троны, титулы и связанные с ними привилегии. На наш взгляд, у белизны много общего с королевской семьей: это социальные образования, несущие незаслуженные пре-

---

³² Здесь имеется в виду ку-клукс-клан – организация американских расистов.

имущества» [458].

Уже знакомая нам социалистка из Палаты представительей США Александрия Окасио-Кортес предлагала менее радикальные и более «научные» способы приструнить «белых угнетателей». В январе 2021 г. она предложила проводить «депрограммирование» сторонников превосходства белой расы (white supremacy) за счет федерального бюджета [416]. Ее речь по данному вопросу изобиловала словами, которые можно было бы услышать из уст какого-нибудь члена НСДАП или сторонника евгеники начала XX столетия: «исцеление возможно», «нужна терапия», «дерадикализация». Каким образом Окасио-Кортес собиралась провести терапию при учетверении «этих программ» – сказать сложно. Возможно, она имела в виду некий аналог «денацификации», проводившейся в Германии после Второй мировой войны. Либо же некий опыт трудового перевоспитания, применявшийся для контрреволюционеров в коммунистическом Китае, КНДР и Камбодже.

По мере развития «нового социализма» модель «угнетателей» и «угнетенных» усложняется. Так, в дискурсе феминисток был переосмыслен «патриархат» – не просто как власть старших мужчин над обществом, но как подавляющая власть мужского над женским вообще. Если у Ноэля Игнатьева белая раса была переосмыслена как социальный конструкт, а не конкретная биологическая данность, то «патриархат» стал не проблемой поведения конкретного пола или отдель-

ного его возрастного поколения, а целой социально-экономико-политической системой. Ликбез для феминисток говорит об этом следующее: «...по определению Кейт Миллет, «патриархат – это семейная, социальная, идеологическая, политическая система, в которой женское всегда подчинено мужскому». Социологиня феминистской ориентации Сильвия Волби определила патриархат как «систему социальных структур и практик, в которых мужчины доминируют, подавляют и эксплуатируют женщин». Она выделила шесть структурных компонентов патриархата: эксплуатация мужьями труда своих жен, отношения на рынке труда, государство, мужское насилие, сексуальность, культура. Феминистка и философья Кэрол Пэйтман отмечает, что в тот период, когда в Европе формировалась концепция прав человека, патриархат как таковой не исчез, изменилась только его традиционная форма: из системы, предполагающей подчинение старшим мужчинам в общине, он превратился в братство мужчин на основе пола. Это выразилось в особом типе социального контракта, в соответствии с которым мужчины получают права как граждане, а женщины – нет. Однако предполагалось, что между женщинами и мужчинами существует «сексуальный контракт», в соответствии с которым женщины находятся под защитой мужей. Гейл Рубин заменила термин «патриархат» более нейтральным, с ее точки зрения, понятием «поло-гендерная система». На институциональном уров-

не патриархат как система мужского доминирования воспроизводится посредством государства, семьи, разделения труда, религии, системы образования и других социальных институтов. На дискурсивном уровне патриархат выражается в том, что мужская точка зрения оказывается доминирующей в социальном и гуманитарном знании, в культуре в целом, а женский взгляд и опыт оттеснены в “культурное Зазеркалье”. Для патриархатной мысли характерен принцип бинарной оппозиции: разум – эмоции, душа – тело, субъект – объект и т. д., причем внутри этих пар понятий выстраивается иерархия с главенством (доминированием) первой категории. Этот дискурс конституирует определенный тип сознания, культуры, идеологии, содействующий дискриминации женщин. На уровне межличностных отношений патриархат выражается в том, что мужское общество контролирует тело и репродуктивные способности женщин через запрет контрацепции и другими методами» [62].

Любопытно, что представитель Франкфуртской школы Эрих Фромм, соединивший Маркса с учением Фрейда (в собственной интерпретации), полагал, что государство позиционирует себя отцом, из-за чего считает себя вправе управлять людьми, опираясь на страх отцовского наказания. В «Искусстве любить» Фромм говорил об отцовской любви как любви относительной, требующей заслуг; чтобы добиться ее, сын должен был трудиться и добиваться отцовского

благоволения, ведь отец всегда ждет появления сына, чтобы оставить ему свое дело. Фромм связывал эти ожидания с появлением частной собственности, а необходимость добиваться отцовской любви – с капитализмом и его духом конкуренции. В то же время материнская любовь безотносительна, ее не нужно завоевывать, так как мать любит ребенка безусловно. Подобные противоположности (отец-капитализм, мать-социализм) не были чем-то новым для социалистов, но здесь важно то, что Фромм переносил эти свойства на современное ему государство, которое обладает *«классовым уклоном, фокусируясь на преступлении и наказании и не пытаясь преодолеть тягостные социальные условия, ведущие к совершению преступления»*. Таким образом он в некотором роде оправдывал преступников, которые дистанцируются от общества из-за несправедливого социально-экономического строя³³. Так или иначе, Фромм понимал мужское, отцовское, некой стихией, которая абстрагирована от своих носителей, что и разовьют впоследствии теоретики феминизма.

Исходя из такого абстрагирования, феминистская теория пошла дальше, на поиски союзников среди мужчин. «Патриархат», будучи целой системой, ведет себя как угнетатель не только в отношении женщин, но и в отношении вообще всех людей, проявляющих специфически женские качества или

---

³³ Джеффрис С. Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 162.

находящихся в подчиненном (по мнению феминисток) положении: гомосексуалистов, транссексуалов, мигрантов, детей, «слабых» мужчин и т. д. Мужской журнал GQ даже учит, как стать профеминистом, приводя аргумент о том, что *«часть мужчин, занимающихся профеминизмом, на личном опыте знают, каково находиться в позиции угнетения и дискриминации. Например, представители ЛГБТ-сообщества, которые сталкиваются с гомофобией, или темнокожие мужчины, которых дискриминируют по расовому признаку. Они так же, как и женщины, знают, что такое притеснение из-за патриархального строя»*. Кроме того, «патриархат» как насилие или сексизм в отношении женщин должен быть неприятен мужчинам, которые с этими женщинами знакомы. А значит, им выгодно выступать с позиции «профеминизма». Наконец, *«патриархальные установки и стереотипы мешают и цисгендерным мужчинам, давая на них ролью “представителя сильного пола”, “мужественного и доминирующего добытчика”, который обязан быть успешным и не проявлять слабость»* [130]. Патриархат – это общий враг, приходят к выводу феминистки, а маскулинность – проблема, от которой можно избавиться. И здесь снова мы находим точки пересечения современной социалистической теории с теоретиками Франкфуртской школы. Именно такой стратегии предлагал придерживаться Герберт Маркузе на своей лекции в Стенфордском университете в 1974 году, текст которой стал известен как статья «Марксизм и феминизм».

Маркузе утверждал: *«Социализм, как качественно иное общество, должен воплощать антитезис, своего рода отрицание агрессивных и репрессивных потребностей и ценностей капитализма как культуры мужского господства. Объективные условия для такого антитезиса и подрыва ценностей становятся всё сильнее, делая возможным, по крайней мере, в качестве переходной фазы перестройки общества, распространение качеств, которые на протяжении всей истории патриархальной цивилизации были свойственны скорее женщинам, чем мужчинам. Выработанные как противовес доминирующим маскулинным качествам, такими феминными качествами должны стать восприимчивость, чувствительность, ненасилие, нежность и так далее. Эти характеристики, естественно, возникают как противовес доминированию и эксплуатации»*³⁴.

В действительности проблема в том, что здесь мы видим практически тот же уровень анализа социальных отношений, который был у Маркса и Энгельса. Однако основные постулаты научного социализма все-таки оказались ошибочными, и общество не пошло по тому пути, по которому должно было идти согласно марксистским пророчествам. Ни религия, ни брак, ни частная собственность не исчезли, а большинство проблем, которые существовали в «капитализме», были решены в обход социализма. В феминизме «ка-

---

³⁴ Маркузе Г. Марксизм и феминизм. URL: http://www.redflora.org/2013/03/blog-post_7.html.

питал» заменен «мужским», «маскулинностью», а капиталисты/ буржуи – мужским обществом. При этом «мужское» понимается слишком однозначно как «злое» явление, проявляемое во всех сферах нашей жизни. Феминистки, опираясь на «гендерную теорию», отрицают обусловленную биологией «маскулинность», считая ее социокультурным конструктом. В итоге они хотели бы вообще преодолеть этот конструкт, избавив от него все человечество. Полагаю, что при реализации этой мечты мы получили бы примерно тот же результат, что и большевики, пытавшиеся создать нового советского человека на основе отказа от частной собственности. Что характерно, феминистки в рамках нового социализма относятся к институту традиционного брака отрицательно. Несмотря на то что есть феминистки, признающие возможность гармоничных отношений в браке при условии равного распределения бытовых обязанностей между партнерами, в целом возможность достижения полного равенства в нем скорее исключается. Так, Джесси Бернارد в своем исследовании «Будущее брака» пришла к выводу, что *«в культуре брак идеализируется: он представляется судьбой и источником самореализации для женщин; смешением освященной традицией домовитости, ответственности и ограничения для мужчин; а для американского общества в целом – эгалитарной связью мужа и жены. У замужних женщин, что бы они ни говорили о самореализации, и неженатых мужчин, что бы те ни говорили о своей свободе, обнаружива-*

ется высокий уровень стресса по всем позициям, включая учащенный сердечный ритм, головокружение, головные боли, обмороки, ночные кошмары, бессонницу и боязнь нервного срыва. Что касается незамужних женщин, независимо от того, ощущают ли они социальный позор, и женатых мужчин, то эти категории демонстрируют низкие показатели стресса по всем позициям. Таким образом, брак хорош для мужчин и плох для женщин и перестанет быть столь неравным по своему воздействию только тогда, когда пары почувствуют себя достаточно свободными от преобладающих ограничений, накладываемых социальными институтами, и выберут такой вид брака, который лучше всего подходит их индивидуальным потребностям и свойствам личности» [289, с. 376].

Для сексуальных меньшинств дискурс начинался с защиты прав гомосексуалистов и лесбиянок, но в итоге стал развиваться в довольно неожиданном направлении защиты прав трансгендеров, асексуалов и еще множества других гендерных самоощущений, которые выделяются в рамках новой гендерной теории. Думаю, нетрудно догадаться, что ЛГБТ+ и феминизм фактически превратились в одно движение, основывающееся на одних и тех же предпосылках. Они категорически отказываются от «биодетерминизма», т. е. мужской или женский пол вовсе не предопределяет человека к сексуальной ориентации. Фактически она становится вопро-

сом самовосприятия и последующего личного выбора, который не должен осуждаться (что, несомненно, делается в «маскулинном» обществе). Собственно, и сам пол более не преграда, так как с помощью современной медицины человек может его сменить, когда захочет, тем самым завершая внутреннюю борьбу со своей природой победой над ней. Пересмотр сексуальности приводит и к пересмотру института брака, который более не рассматривается как союз мужчины и женщины, способных к деторождению. В чисто социалистическом духе, по заветам Энгельса, брак определяется как союз людей, желающих жить вместе. Правда, Энгельс едва ли предполагал, что в будущем его идеи дадут такие ростки, и, возможно, даже не одобрил бы такое положение дел.

Огромное значение и в современном феминизме, и в новом социализме вообще приобрело такое понятие, как интерсекциональность, или теория пересечений. Согласно этой теории, ни один опыт угнетения невозможно понять без учета опыта другого, куда входят: класс, раса, местожительство, сексуальная ориентация и возраст. Все это называется «матрицей господства», и разные вариации этих пересечений определяют бытие женщины, степень ее угнетенности. Изначально теория пересечений была разработана в рамках проблематики феминизма, но постепенно стала довольно универсальной моделью для определения и объяснения угнетения как мужчин, так и женщин в современном обществе. Фундаментальный вывод теории пересече-

НИЙ СОСТОИТ В ТОМ, ЧТО «привилегии, которыми пользуются некоторые женщины и мужчины, оборачиваются угнетением других женщин и мужчин. Теория пересечений, в сущности, оценивает эти закрепления неравенства как иерархические структуры, базирующиеся на несправедливых отношениях власти. Тема несправедливости указывает на последовательный критический разворот этого подхода. Рассматриваемая теория признает связь идеологии с властью, что позволяет господствующим субъектам контролировать подчиненных, проводя такую политику, в которой различие становится концептуальным орудием, используемым для оправдания установок подавления. В социальной практике господствующие группы пользуются имеющимися между людьми различиями, чтобы оправдать деспотические действия, переводя различие в модель низшего/высшего положения. В процессе социализации люди усваивают отношение к таким различиям не как к источнику разнообразия, интереса и культурного богатства, но в оценочном плане, с точки зрения “лучшего” или “худшего”. Как утверждает Лорд, это “непрятие различий, характерное для социальных институтов, признается абсолютно необходимым в экономике, которая нацелена на получение прибыли, поскольку ей требуются аутсайдеры в качестве избытка людей”. Такие идеологии создают “мифическую норму”, относительно которой люди оценивают других и себя. В обществе Соединенных Штатов это норма “белого, худо-

щавого, мужского пола, молодого, гетеросексуального, христианского и финансово надежного человека”. Она позволяет господствующим группам контролировать общественное производство (как оплачиваемое, так и бесплатное)» [289, с. 392–393]. То есть тем самым «белым», которых так хотел уничтожить Ноэль Игнатъев.

Дискурс вокруг неравного положения представителей разных рас и, соответственно, миграции с Юга на Север развивался на фоне распада колониальных империй, ослабленных Второй мировой войной, усилением коммунистического Китая и национально-освободительных движений и ростом численности мигрантов из бывших колоний в Европе. Современной теоретической основой дискурса стал мир-системный анализ, в котором мировые социально-экономические отношения рассматриваются как отношения ядра (развитые страны, Север, «золотой миллиард»), выступающего угнетателем, и периферии (стран третьего мира со всем их многочисленным населением, Юг, бывшие колонии), выступающей в качестве угнетенной стороны. Эта теория развивается исторически ориентированными неомарксистами. Для социалистов этого направления особенно важной является тема мирового неравенства, а политики, взявшие такой подход на вооружение, пытаются опереться на мигрантов как на свой потенциальный электорат. Неравенство в этой концепции обусловлено выгодным историческим и политическим положением одних стран и подчиненным, периферий-

ным положением других. Это такая система, где для периферии остается только подчиниться тем процессам, которые вызываются к жизни лидирующими странами, в том числе изменение своего уклада, отказ от своих традиций для соответствия той роли, которая им уготована как периферии. Иммануил Валлерстайн, один из наиболее известных теоретиков мир-системы, предрекает в будущем обострение противоречий между богатым Севером и бедным Югом, падение роли США как мирового лидера и необходимость выбора между репрессиями и распределением богатства. Марксисты критиковали Валлерстайна за отсутствие классовой подоплеки в его анализе социально-экономических отношений между странами, что было исправлено социологом Элбертом Бергесеном, обозначившим отношения «центр – периферия» не только как неравноценные, но и как классовые.

Наиболее радикальные выводы социалистического дискурса о расовом неравенстве сделаны в рамках т. н. критической расовой теории (КРТ). Согласно КРТ, раса – это не биологическая реальность, а социальный конструкт, специально созданный для угнетения и эксплуатации цветного населения. При этом расизм рассматривается не как некая предвзятость каждого конкретного индивида, предрассудок или тем более естественное стремление жить в окружении себе подобных, а как часть правовой системы и внутренней и внешней политики государства. Из этого следует, что американские институты целенаправленно действуют на поддер-

жание такого социально-экономического порядка, где цветное население всегда будет находиться в менее выгодных условиях, чем белое. В частности, известная американская социалистка Анджела Дэвис, обращая внимание на преимущественно цветное население тюрем, называет американское государство «тюремно-промышленным комплексом», созданным капиталистами и расистами, механизмом «криминализации, демонизации и извлечения прибыли из самых бессильных людей этого мира»³⁵.

Для преодоления такой несправедливости необходимо, по мнению сторонников КРТ, проводить политику дискриминации белых, а также поддерживать в них стыд за цвет кожи, который является угнетающим по умолчанию. Кроме того, нужно бороться с историческим прошлым через уничтожение памятников колонизаторам и рабовладельцам, переименование улиц, преподавание КРТ в школах и поддержание культа вины белых за прошлое. В 2020 г. борьба с памятниками охватила многие западные страны. Минимум 33 памятника Христофору Колумбу были уничтожены в США, снесены или демонтированы 60 памятников героям Гражданской войны. В Великобритании, в городе Бристоль, была сброшена статуя Эдварда Кольстона, а в Бельгии – бюст короля Леопольда Второго.

Одним из наиболее известных социалистических движе-

---

³⁵ *Джеффрис С.*, Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 163.

ний, базирующихся на критической расовой теории, стало афроамериканское движение Black Lives Matter (BLM), основанное в 2013 г. Основательницы движения Black Lives Matter Патрисе Каллорс, Алисия Гарза и Опал Томети – марксистки. Об этом в одном из интервью заявляла Патрисе Каллорс, одна из трех ключевых фигур организации: *«Я и Алисия в частности – подготовленные организаторы. Мы обученные марксисты. Мы прекрасно разбираемся в идеологических теориях. И я думаю, что мы действительно пытались создать движение, которое могло бы использоваться многими, многими чернокожими людьми»* [417]. На официальном сайте в разделе об организации сказано следующее: *«Black Lives Matter была основана в 2013 году в ответ на оправдание убийцы Трейвона Мартина. Black Lives Matter Global Network Foundation, Inc. – это глобальная организация в США, Великобритании и Канаде, чья миссия состоит в искоренении превосходства белых и укреплении местной власти для вмешательства в насилие, причиняемое общинам чернокожих со стороны государства и линчевателей. Борясь с актами насилия и противодействуя им, создавая пространство для черного воображения и инноваций и концентрируя внимание на радостях черных, мы добиваемся немедленных улучшений в нашей жизни. Мы ценим жизни черных квир- и транс-людей, людей с ограниченными возможностями, людей без документов, людей с судимостями, женщин, всех активистов BLM вне гендерного спектра. На-*

ши сетевые центры – места для тех, кто маргинализован помимо движения за права черных. Мы подтверждаем наш гуманизм, наш вклад в это общество и нашу стойкость перед лицом смертельного угнетения» [419]. Впрочем, верность гуманизму и марксизму не помешали Патрисе Каллорсо скандалом покинуть движение в 2021 г., когда выяснилось, что она является владелицей дорогостоящей недвижимости на престижном курорте Олбани на Багамских островах, трех домов в Калифорнии в престижных «белых» районах и ранчо в штате Джорджия с собственным аэродромом и ангаром для самолетов [138].

При этом именно ВЛМ стала движущей силой массовых беспорядков, захлестнувших США и Западную Европу в 2020 г. Их активисты нападали на белых, грабили магазины и уничтожали вышеупомянутые памятники. Также было совершено много убийств. Например, в июле того же года в штате Индиана активистами ВЛМ на глазах у мужа и детей была убита многодетная мать Джессика Уитакер. Она всего лишь произнесла фразу «все жизни важны», что «оскорбило» чернокожих «хунвейбинов».

Стоит заметить, что, несмотря на обилие дискурсов в новом социализме, которые можно условно разделить на борьбу с патриархатом, мировым капитализмом, превосходством белых и правами ЛГБТ+, они без каких-либо проблем могут сочетаться в рамках одного движения. Например, ВЛМ успешно соединила в себе и «критическую расовую теорию»,

и ЛГБТ+ повестку, и критику капитализма. Сей факт не должен нас удивлять, ведь все эти движения есть производная от марксизма, его ревизия и адаптация к современным условиям, с учетом неудачного опыта ортодоксальных марксистов прошлого. Тем более теория пересечений пронизывает все движения против «угнетения» современности, а она как раз предполагает учет всего опыта «угнетения», который существует в обществе как единой системы.

Кто поддерживает новый социализм

1968 год явственно показал новую движущую силу социализма – леворадикальное студенчество и средний класс. *«В конце 70-х специальная группа, собранная правительством из социологов, психологов, психиатров, политологов и криминалистов, занялась изучением биографий 40 наиболее известных западногерманских городских партизан. Оказалось, что 70 % из них – выходцы из обеспеченных слоев (“middle class”, “high middle class” или даже “high class”), причем из высокообразованных семей. Две трети из этих сорока имели высшее гуманитарное образование. Позже еще одна группа обрабатывала данные на 100 известных бойцов городской гериллы. Оказалось, 20 % из них – рабочие. Попутно выяснились совсем другие вещи, гораздо более удивительные и неожиданные. Андреас Баадер оказался потомком Франца Ксавера Баадера – выдающегося мюнхенского философа-идеалиста первой половины XIX века; Гудрун Энслин – потомком “самого” Гегеля; Ульрика Майнхоф – потомком великого поэта-романтика Фридриха Гёльдерлина; Ян-Карл Распе – потомком знаменитого писателя Рудольфа Эриха Распе, создателя “Мюнхгаузена”; Хорст Малер – родственником великого композитора Густава Малера» [360].*

И это неудивительно. К 1960-м гг. рабочие уже не находились в нужде и надежно защищались трудовыми закона-

ми от случайной потери работы. Профсоюзы в ряде стран стали мощной силой, которая лоббировала свои интересы на самом высшем уровне. Проблемы безработицы после войны не было, – наоборот, ощущалась острая нехватка рабочих рук. К тому же появилась реальная альтернатива социализму – социально ориентированная рыночная экономика, к которой впервые перешли в Германии, но те или иные ее элементы есть во многих европейских странах. Она стала основой социально-экономической программы христианско-демократических партий, но была поддержана и социал-демократами. В рамках этой модели сохраняется свободная рыночная экономика, но в то же время провозглашается социальное сотрудничество между классами (солидаризм), в рамках которого достигаются взаимовыгодные соглашения по условиям труда, зарплате и т. д. В этих условиях был достигнут устойчивый рост уровня жизни, а классовые противоречия, о которых так много писали Маркс, Энгельс и Ленин, просто перестали существовать (если вообще когда-либо существовали).

Рост уровня жизни оказался беспрецедентным – никогда прежде в Европе люди не жили в такой безопасности и комфорте, как после Второй мировой войны. Однако дети среднего класса, выросшие в условия такого комфорта, не знавшие нужды, стали остро реагировать на внешние явления, вроде войны во Вьетнаме, и на положение меньшинств. Что характерно, обилие благ в их странах стало не признаком

правильного курса их государства и элит, а признаком деградации и «общества потребления» – именно с поджога супермаркетов как символов «потребительства» началась «городская герилья» левых террористов в 1968 г. Эти убеждения им активно внушала и внушает левая профессура в университетах, опирающаяся на ту самую ревизию марксизма, о которой мы ранее говорили.

Доля профессоров с социалистическими убеждениями в высшем образовании сильно увеличивалась все десятилетия после Второй мировой войны. При этом опросами учитывалось то, что основой политической идентификации стали не экономические, а культурные вопросы, что соответствует переменам в левом движении на протяжении всего XX в., совершивших ревизию марксизма. В США к 1990 г. доля левых профессоров составляла 42 % (остальные умеренные или консерваторы). К 2014 г. левая профессура стала доминирующей, с долей в 60 % [444]. В европейских странах ситуация не лучше. Складывается опасная ситуация, когда в университетах, где в идеале должна быть обитель для дискуссий и свободного обсуждения любых тем, на деле открытость и культура дебатов становятся невозможными. Так, в 2017 г., как писало издание Daily Mail, *«Институт Адама Смита заявил, что с 1960-х годов в высшем образовании (Великобритании. – А. С.) наблюдается усиление “перекоса” в сторону левых, что привело к “однородному” академическому сообществу. Аналитический центр сво-*

бодного рынка заявил, что только 12 % лекторов и исследователей являются консерваторами, что вызывает опасения, что те, кто придерживается определенных взглядов, могут подвергнуться дискриминации. В отчете говорится, что разные пропорции отличаются от населения в целом, половина которого, как правило, голосует за правые партии. Отчет показывает, что ученые сейчас более левые, чем они были в 1960-х. В документе говорится, что это не тот случай, когда умные люди с большей вероятностью будут левыми, поскольку верхние пять процентов населения, как правило, разделяются по тем же политическим линиям, что и широкая общественность. В докладе предупреждается, что без большего идеологического разнообразия в академических кругах отказ от леволиберальных ценностей будет все больше приравниваться к отрицанию объективных фактов. Это также может вызвать «реакцию правых», когда правые правительства будут отбирать финансирование у университетов, которые они считают идеологически противниками, а не аполитичными учеными, предупредил аналитический центр. В отчете говорится, что эта тенденция может привести к ограничению свободы слова в университетском городке, предвзятым исследованиям и искаженному обучению» [440].

Во Франции в начале 2021 г. разразился целый скандал после того, как министр образования Фредерик Видаль заказала исследование по теме т. н. «исламо-левизны» во фран-

цузских университетах. Перед учеными была поставлена задача выяснить, не приводят ли левые и происламские взгляды в университетах к ограничению научных исследований. Ведущие СМИ Франции разделились во мнении, но все они в одинаковой степени очень показательны и характеризуют дух нашей эпохи и реальное влияние нового социализма в среде интеллектуальной элиты (в основном гуманитарного направления), чего так желал Антонио Грамши сто лет назад. Газета L'Opinion писала, что *«в таких областях, как гендерные исследования, изучение колониализма и патриархальных обществ, Франции не мешало бы посоревноваться с американскими вузами»*. Правое издание Le Figaro оценило ситуацию иначе: *«...угрозой для академической свободы – а вслед за ней и свободы слова – является не бедная Фредерик Видаль, а приверженцы доктрины, чья задача – борьба с цивилизацией, которая в их глазах априори виновна во всех возможных бедах. Леваки-исламисты – лишь один из аспектов этой высоколобой глупости. И тут кроется большая опасность: падение образовательного уровня и стирание культуры, которые, по меткому замечанию Алана Блума, ведут к появлению “обезоруженных душ”»*. Газета Le Monde попыталась выступить с нейтральных позиций, заявив, что *«в университетской вселенной однозначно наличествует проблема, но это не столько “исламо-левизна”, сколько всеобщее скатывание преподавания и науки в активизм. В стране существует подозрительный переизбыток*

статей, курсов, семинаров и коллоквиумов, которые являются не чем иным, как упакованным в псевдонауку активизмом, берущим свое начало в сумбурных теориях (“государственный расизм”) и громких неологизмах (“быть белым”)... Вузовская вселенная должна как можно скорее вернуться к своей основной задаче, а именно: генерированию и популяризации фундаментальных и верифицированных знаний, а не политических убеждений, – даже если в основе последних лежат наилучшие побуждения» [95]. Конференция президентов университетов (CPU), которая представляет руководителей государственных вузов Франции, резко ответила Видаль, показав свою сплоченность и дав еще больше сомнений в идеологической нейтральности университетской среды. Они заявили, что никакой «исламо-левизны» не существует и потребовали срочных разъяснений касательно идеологической основы исследования, заказанного министром [425].

Ситуация со свободой мнений в университетах, которые с 1960-х гг. по настоящее время все более «левели», действительно становится хуже. Это доказывают опросы и исследования. Возьмем в пример США. В 2018 г. программа Бакли в Йельском университете провела опрос среди 800 студентов по всей стране и выяснила, что 54 % респондентов испытывают страх перед своими сверстниками в кампусе. 62 % студентов с консервативными убеждениями чаще чувствовали, что их заставляли «замолчать», и только 53 % студентов умеренных и левых взглядов сообщили о той же пробле-

ме [414]. Опрос более 4400 студентов по проблеме самовыражения, проведенный в 2019 г. фондом Knight Foundation, показал, что 68 % студентов чувствовали себя подавленными из-за климата, царившего в их университетском городке [449]. Крупнейший в истории опрос студентов от фонда Fire, посвященный свободе слова в университетах, содержащий мнение 20 тыс. человек, показал, что 60 % студентов не могут выразить свое мнение из-за боязни реакции сокурсников, профессоров или администрации. Страх самовыражения оказался намного выше у студентов с правыми взглядами (73 %) и намного ниже среди левых (52 %). Лишь 15 % студентов сообщили, что чувствуют себя комфортно, когда не соглашаются с мнением профессора по спорной теме. 21 % студентов Лиги Плюща³⁶ согласились с возможностью применения насилия к оратору, если он высказывал неприемлемое для них мнение. При этом больше всего сторонников насилия оказалось среди студентов «левых» групп: атеистов и темнокожих (25 %), и сторонников ЛГБТ (27 %). Крайне левые студенты гораздо чаще, чем консервативные студенты, заявляли, что насилие, направленное на то, чтобы помешать произнесению речи или события в университете, допустимо «всегда» или «иногда»: 13 % против 6 %. 60 % левых студентов считали приемлемым перебивать оратора

---

³⁶ Лига Плюща – объединение восьми ведущих частных университетов США, куда входят Гарвардский, Колумбийский, Йельский, Дартмутский, Брауновский, Корнеллский, Пенсильванский и Принстонский университеты. Подразумевается, что именно здесь воспитывается социальная элита страны.

криком, в то время как среди студентов с правыми взглядами таковых оказалось всего 15 %. Ожидается, что наиболее проблемными темами для обсуждения были аборт, раса, сексуальная ориентация и конфликт Израиля с Палестиной [470].

Не только студенты, но и профессора с консервативными убеждениями испытывают проблемы самовыражения в нетерпимой социалистической атмосфере американских университетов. *«В 2017 году Абрамс провел общенациональный опрос среди более чем 900 преподавателей и обнаружил, что 2/3 консервативных профессоров просто избегают делиться своим мнением из-за страха негативной реакции студентов и сверстников по сравнению с 1/3 левых. Это существенное различие является убедительным свидетельством того, что разнообразие точек зрения резко сокращается. Консервативные профессора – уже находящиеся под угрозой меньшинство в университетском городке – хорошо осведомлены о возможных последствиях обмена своими взглядами и опасаются профессиональных последствий за несогласие со своими либеральными³⁷ преподавателями и коллегами по административным вопросам. Группа студентов Сары Лоуренс приехала за Абрамсом, требуя его отставки, извинений за действия, которых он никогда не совер-*

---

³⁷ Под «либеральными» в США имеются в виду социалистические или по меньшей мере левые взгляды. В Европе «либерализм» понимается иначе – как приверженность классическим либеральным ценностям.

шал, и множества других институциональных изменений. Абрамс входит в длинный список преподавателей, которые подверглись нападкам, были «отменены»³⁸ или вынуждены уйти в отставку, и эта новая динамика ни для кого не секрет» [414].

Не только в США, но даже в консервативной Польше из-за давления сообществ, основанных на идеях «новых левых», профессор может потерять работу. Так, в 2019 г. профессор Силезского медицинского университета Ева Будзыньская получила дисциплинарное взыскание за то, что провела лекцию на тему «Гомосексуализм и здоровье», где рассказала про непрочность однополых пар, более высокое распространение среди гомосексуалистов ВИЧ, курения и депрессии. Пресс-секретарь университета заявила, что «Силезский медицинский университет является учреждением, которое не пропагандировало и не будут пропагандировать действия гомофобного характера», в то время как министр науки и высшего образования Ярослав Говин осудил данный факт, назвав его нарушением принципа свободы слова [273].

«Новый социализм» поддерживается не только в среде профессуры и студентов, выходцев из среднего класса. Парадоксальным образом новые социалистические установки получили определенную популярность в среде крупных корпораций, которые поддерживают «борьбу за равноправие»,

---

³⁸ Имеется в виду cancel culture, современная форма остракизма, широко распространенная в социальных сетях и не только.

феминизм, BLM или ЛГБТ-повестку в своем маркетинге и даже в спорте.

В 2020 г., когда по всем США проходили массовые протесты движения BLM, крупная корпорация Amazon написала в своем официальном твиттер-аккаунте: *«Мы должны положить конец несправедливому и жесткому отношению к темнокожему населению в нашей стране. Мы заявляем о солидарности с темнокожим сообществом – нашими работниками, клиентами и партнерами – в борьбе с системным расизмом и несправедливостью»* [415]. Сеть YouTube выделила 1 млн долларов на «борьбу с несправедливостью», Nike выпустила социальную рекламу, Apple Music приостановила несколько блоков своего сервиса, чтобы предложить пользователям перейти в раздел с музыкой от чернокожих исполнителей, а в Instagram популярные деятели искусства, кино, спорта и просто блогеры стали постить картинки с хештегами, поддерживающими BLM. Движение также было поддержано Netflix, HBO, Matvei, Columbia Records, Activision и многими другими. Точно так же крупные компании поддерживают ЛГБТ и феминистскую повестку, создавая новый дизайн своих логотипов, выделяя крупные суммы на соответствующие движения и мероприятия и т. д. Например, Apple отправила 5000 своих сотрудников на участие в гей-параде в Сан-Франциско в 2014 г., одетых в фирменные футболки с ЛГБТ-символикой. Во время парада «радужный» флаг был поднят над штаб-квартирой компании в Купертино. Даже ав-

томобильные компании принимают участие в подобных мероприятиях. Так, корпорация BMW создала специальный радужный логотип в честь ЛГБТ-месяца Pride Month, заявив, что *«в BMW мы живем многообразием. Мы верим в открытую культуру, в которой нет места привилегированности или дискриминации по происхождению, цвету кожи, национальности, полу, религии, инвалидности или возрасту»* [421]. За ней последовали другие немецкие автоконцерны. Можно, конечно, сослаться на желание компаний получить дополнительную прибыль за счет лояльности к меньшинствам, но такое поведение едва ли одобрили другие ценители их продукции, которые не придерживаются столь «прогрессивных» взглядов.

По всей видимости, руководство многих крупных компаний вполне искренне верит в идеи, производные от ревизии Маркса. Характерен случай, произошедший в компании Google, которая уволила своего старого сотрудника Джеймса Дэймора за то, что на закрытом корпоративном портале компании он писал о «биологически меньшей приспособленности женщин к инженерным наукам». Дэймор подал на компанию коллективный иск, в котором обвинял бывшего работодателя в дискриминации белых мужчин, *«в предвзятом отношении, систематических наказаниях и увольнении сотрудников, которые высказывали в рабочее время свое мнение по политическим вопросам, отличное от доминирующего в Google и имеющее отношение к внутрен-*

ним делам Google, включая вопросы “разнообразия” при найме новых сотрудников, проведение “политики чувствительности к отклонениям” или “социальной справедливости”. Кроме того, «согласно заявлению Дэймора, в Google при найме сотрудников используют незаконную политику выделения процентных квот по женщинам и отдельным категориям социальных меньшинств. При этом в компании “стыдят топ-менеджеров подразделений, которые не выполняют этих квот, открыто оскорбляя тем самым мужчин и сотрудников белой расы как менее предпочтительных для найма”, говорится в иске» [44].

В 2015 г. Apple разорвала отношения со своим лоббистом Джулиусом Кеннетом Лавом, узнав о его отрицательном отношении к однополым бракам. В 2009 г. Лав публично высказывался против однополых браков и поддерживал традиционную семью. Аналогичный случай произошел с генеральным директором Mozilla Бренденом Айком годом ранее, продержавшимся на должности всего пару недель. ЛГБТ-активисты припомнили ему пожертвование в тысячу долларов, которое Аик сделал в 2008 г. в поддержку законопроекта о запрете однополых браков в Калифорнии. Против гендиректора была развязана настоящая кампания бойкота. Например, популярный сайт знакомств OkCupid, при попытке зайти на него с браузера Mozilla, выдавал просьбу отказаться от этого браузера. В итоге Аик сложил свои полномочия, а компания, сооснователем которой он являлся с

1998 г., принесла свои извинения перед ЛГБТ-движением [76].

Примеры таких увольнений можно приводить бесконечно. Убеждения «новых левых» не просто прочно вошли в мир крупного бизнеса, они заняли там весьма крепкие позиции. В киноиндустрии новый социализм тоже завоевывает себе пространство, активно проталкивая собственные представления о том, что должны смотреть люди на экранах кинотеатров и в сериалах: *«американская киноакадемия представила новые стандарты, которым должны соответствовать картины для номинации на “Оскар” в категории “Лучший фильм”. С 2024 года претенденты на главную голливудскую кинонаграду должны будут отвечать критериям инклюзивности – причем создатели могут выбирать, будут ли меньшинства представлены в кадре или в съемочной группе и маркетинге. Всего представлены четыре критерия, котирующие минимальное участие в картине представителей ЛГБТК-сообщества, женщин, этнических меньшинств и инвалидов. Создатели фильма должны будут соответствовать как минимум двум из четырех стандартов. Речь может идти как о представительстве актеров из малопреставленных групп в главных и второстепенных ролях (не менее 30 процентов второстепенных ролей должны играть представители меньшинств), так и о выборе тематики сюжета – который должен быть посвящен расовым проблемам, женщинам или ЛГБТК. Часть критериев отно-*

сятя к продвижению фильма – представители недопредставленных групп могут работать не в кадре, а в креативной группе фильма, менеджменте и в его продвижении. Стандарт начнет действовать для фильмов, которые будут претендовать на “Оскар” за лучший фильм 2024 года, то есть выйдут на экраны в 2023 году» [12].

Наконец, стоит привести пример сомнительной интернет-цензуры со стороны компаний. Популярная площадка для стримеров Twitch, известная своими строгими правилами в отношении участников, если они были замечены в «дискриминации меньшинств», решила вывести свою цензуру на новый уровень, блокируя пользователей за нарушения, совершенные за пределами сервиса. Таким образом, Twitch собирается каким-то образом отслеживать поведение людей на других платформах и в реальной жизни и блокировать их за взгляды. Судя по официальным разъяснениям о новой политике, достаточно будет просто состоять в какой-нибудь интернет-группе в социальной сети, которая «разжигает ненависть» [472].

Таким образом, радикальная молодежь из среднего класса, левая профессура, руководители крупных компаний, а также киноиндустрия к настоящему времени поддерживают социалистические идеи по тем или иным причинам. И все это произошло без установления контроля идейных социалистов над государственной властью, зато с помощью усиления своего влияния над культурой. Даже скорее наобо-

рот, государство вообще перестало быть нужным социалистам для достижения своих целей. В каком-то смысле государство может быть помехой, ведь оно может прислушаться к голосам миллионов людей с консервативными убеждениями и попытаться оказать давление на корпорации и университеты. В этом случае мы снова вернемся во времена «научного социализма», когда социалисты бросали вызов «буржуазному государству». Настораживает то, что, не имея (пока что) очевидного преимущества в органах власти, новая левая «догматика» успешно добивается своих целей, устанавливая фактическую цензуру в интернете, университетах и частных компаниях, делая практически невозможной реализацию права на свободу слова, гарантируемую законом. Если раньше социалисты пытались устранять инакомыслие физически, убивая или сажая «контрреволюционеров», то теперь они действуют через социальный остракизм, отслеживание высказываний и давление окружающих. Фактически это и есть та самая атмосфера ненависти и страха, против которой якобы и было направлено новое левое движение.

Преодоление человека

Современная социалистическая мысль весьма разнообразна и влиятельна. В своем наступлении на культуру социалистам удалось достигнуть гораздо больше успехов, чем в попытках достигнуть преобразование общества через экономику. Несмотря на то что сие было достигнуто путем отказа от ортодоксальных положений марксизма, ревизия Маркса не является чем-то чуждым по духу социализму и вполне укладывается в многовековую логику развития этого учения. Еще утописты хотели преодолеть пороки общества через идеальное общество, где не будет первопричин, вызывающих у людей порочное поведение: частной собственности, разделения труда, института брака и религии. Они пытались дать ответ на вопрос «Как уничтожить неравенство?», предлагая отказ от самого чувства собственника, в том числе затрагивающего личные отношения: обобществление жен, обобществление детей, отсутствие крепких экономических связей между людьми благодаря мощному общественному распределительному механизму. «Научные социалисты» приняли основополагающие установки и перевели их на язык передовой на тот момент социологии и экономики, которые выделились в отдельные научные дисциплины именно в XIX в. Вооружившись «последними данными», такие теоретики, как Маркс, Энгельс, а затем Ле-

нин разработали учение, в основе которого было отрицание существующего строя и его основ как основополагающих и непоколебимых. Напротив, в рамках объективного исторического процесса был неизбежен отказ от всех тех институтов, которые столетиями казались незыблемыми. Они просто становились ненужными по мере перехода от капитализма к новой формации – социализму, при котором сами причины, воспроизводящие социально-экономические отношения «старого типа» исчезнут. Это было выражено в терминах базиса и надстройки. Базис – это производственные отношения, создающие экономическую основу, на которой появляются общественно-политико-культурные институты. С течением времени базис и надстройка меняются местами – в то время, когда производственные отношения готовы перейти на качественно новый уровень, надстройка продолжает воспроизводить уже неактуальные и устаревшие производственные отношения. Таким образом, и в «научном социализме» отрицалась «данность», существующие в обществе институты и отношения были конструктором, от которых следовало отказаться как от препятствий на пути к лучшему будущему. Той же логикой руководствовались социалисты XX столетия. Ревизия Маркса перевела его экономический язык на язык культуры, а объективный ход истории уступил место воле. Но воля возникает не из ниоткуда, а вдохновляется ценностями, которые формирует социальная элита. Поэтому «новый социализм», оставаясь верным революции,

решил нанести удар не по производственным отношениям, а по надстройке, с помощью внутреннего изменения которой можно было бы сменить и сам базис. Это подразумевал Грамши. Этому учила критическая теория. На это нацелены современные движения левых. Но, в отличие от Маркса и Ленина, «новый социализм» оказался намного смелее, сделал то, в чем, возможно, сам Энгельс при всех его рассуждениях о браке показал бы слабинку. Речь идет о кардинальном пересмотре природы человека. «Новому социализму» интересна не экономика, а сам человек во всей сложности его бытия: сексуальности, детстве, отношениях с родителями, расе и т. д. «Новый социализм» не разменивается на такие мелочи, как брак, который уже давно можно легко расторгнуть. Сам брак деконструирован им в такой степени, что уже лишен традиционного своего смысла как союза мужчины и женщины для рождения и воспитания детей. «Новый социализм» назвал конструктором всё: расу, пол, сексуальную ориентацию, любые взаимоотношения в обществе. Любой вопрос можно решить через волю человека – никакая природа не может ограничить тебя в твоём самоощущении. Скажем, если ты родился с мужскими гениталиями, это не значит, что ты не можешь выбрать любой гендер, более соответствующий твоему внутреннему настрою. Ты можешь быть женщиной и с мужскими гениталиями, требовать обращения к себе как к женщине и т. д. Постепенное закрепление такого игнорирования внешних природных признаков

на уровне законодательства лишает всякого значения прежние понятия и представления. Именно последние стали мишенью «нового социализма».

Однако не стоит полагать, что, несмотря на некоторые успехи, «новый социализм» сможет завершить свое дело до конца. Навязывание своей повестки встречает препятствие со стороны миллионов людей, чьи убеждения не имеют ничего общего с ревизией марксизма и критической теорией. Действие рождает противодействие, культурные перемены стали слишком заметными, чтобы не нашлись те, кто смог бы бороться с новой социалистической экспансией. В конце концов, человеческая природа никуда не делась, и чем дальше, тем больше возникает вопросов касательно пределов, до которых хотят дойти люди, апеллирующие к равенству и справедливости. Более того, не все социалисты готовы соглашаться с такими переменами, поэтому расколы, новые ревизии и «оппортунизм» неизбежны. По сей день существуют даже марксисты, пытающиеся возродить ортодоксию (особенно в России). Другие сторонники левых идей даже пришли к мысли о необходимости экономических либеральных реформ и потребности защищать и расширять действие частной собственности и предпринимательства. Так, итальянские левые Франческо Джавацци и Альберто Алесина в своей работе «Либерализм – это левая идея» пишут, что *«конкуренция, реформы, “каждому по заслугам” – все это должно было бы быть написано на знамени левых. Ита-*

льянские же левые (и зачастую далеко не только их радикальная часть), выступая против либеральных реформ, в результате отстаивают социальное неравенство. Общество, где не существует конкуренции, где в государственном секторе экономики, включающем в себя большие 10 % всех рабочих мест, карьерные преимущества имеют служащие с большим стажем, а не те, кто лучше работает, – это общество, где будущее каждого определяется его нынешним имущественным положением: как раз такое, против которого должны были бы бороться левые, если, конечно, это настоящие левые. Итак, озаглавив нашу книгу столь парадоксальным образом (“Либерализм – это левая идея”), мы хотим сказать: сегодня в Италии тот, кто принимает близко к сердцу исторические ценности левых, то есть социальную справедливость, равные возможности, воздаяние по заслугам, а не по классовому положению, должен быть в первых рядах борцов за свободный рынок, где соблюдаются прозрачные правила игры, где политика налогообложения и перераспределения доходов эффективна, а не удовлетворяет интересы немногих привилегированных групп» [8, с. 25–26].

Но все-таки в каких направлениях социализм будет развиваться дальше? На мой взгляд, наиболее последовательными и современными направлениями социалистической мысли являются те, что следуют дальнейшему пути борьбы с природой и ограничениями, мешающими достигнуть состо-

нения, о котором мечтали утописты. Повторю одну из ключевых идей этой книги: социализм, в сущности, стоит на идее-фикс преодоления природного начала через отрицание его данности. Герберт Маркузе в своей работе «Одномерный человек» замечательно выразил эту глубинную социалистическую одержимость: *«История есть отрицание Природы. То, что является только природным, преодолевается и восстанавливается силой Разума. Метафизическое представление о том, что Природа в ходе истории приближается к себе самой, указывает на неосвоенные пределы Разума. Они утверждаются как исторические пределы – как задача, которая еще должна быть выполнена, или, точнее, должна быть поставлена. Если Природа в себе является рациональным, легитимным объектом науки, то она также является легитимным объектом не только Разума как силы, но и Разума как свободы; не только господства, но и освобождения. С появлением человека как animal rationale, способного преобразовывать Природу в соответствии со способностями сознания и свойствами материи, просто природное, как субрациональное, приобретает негативный статус. Оно превращается в сферу, подлежащую познанию и организации Разумом. И в той степени, в какой Разум преуспевает в подчинении материи рациональным нормам и целям, всякое субрациональное существование выглядит лишением и нуждой, и их устранение становится исторической задачей. Страдание, насилие и разрушение суть категории как природ-*

ной, так и человеческой действительности, беспомощного и бессердечного мира. И та пугающая мысль, что субрациональная жизнь природы навсегда останется судьбой такого мира, исходит не от философии и не от науки; она была провозглашена другим авторитетом: когда Общество по предотвращению жестокости по отношению к животным обратилось за поддержкой к Папе, он отказал в ней на том основании, что человеческие существа не несут никакого долга перед низшими животными и что плохое обращение с животными не является грехом, потому что животные не обладают душой. Материализм, который не испорчен таким идеологическим злоупотреблением душой, располагает более универсальной и реалистической концепцией спасения. Он допускает реальность Ада только в одном определенном месте: здесь, на земле, и утверждает, что этот Ад был создан Человеком (и Природой). Что же касается жестокого обращения с животными, это лишь часть этого Ада, дело рук человеческого общества, чья рациональность все еще остается иррациональной. Всякая радость и всякое счастье берут начало в способности преодоления Природы – преодоления, в котором овладение природой само подчинено освобождению и умиротворению существования. Всякое спокойствие, всякое наслаждение – результат сознательного опосредования, автономии и противоречия. Прославление естественного является частью идеологии, защищающей противоестественное общество в его борьбе против

освобождения. Яркий пример тому – дискредитация контроля рождаемости. В некоторых отсталых уголках мира “естественным” также считается то, что черная раса ниже белой, что собакам достаются объедки и что бизнес должен продолжаться во что бы то ни стало. Когда большая рыба съедает маленькую – это естественно, хотя и может казаться неестественным маленькой рыбе. Цивилизация производит средства для освобождения Природы от ее собственной жестокости, ее собственной недостаточности, ее собственной слепоты благодаря познающей и преобразующей силе Разума. Но Разум может выполнить эту функцию только как посттехнологическая рациональность, в которой техника сама становится инструментом умиротворения, органом “искусства жизни”. Только тогда функция Разума сливается с функцией Искусства» [211, с. 310–312].

Влиятельная в свое время французская феминистка и экзистенциалистка Симона де Бовуар в книге «Второй пол» объявила, что «теория исторического материализма открыла очень важные истины. Человечество – это не животный вид, а историческая реальность. Человеческое общество – это антифизис: оно не пассивно терпит присутствие природы, а берет на себя ответственность за нее. Это восприятие природы осуществляется не как субъективная операция, а объективно – в практике (*praxis*)» [30]. Здесь важно отметить, что, разумеется, никто не будет отри-

дать, что на протяжении истории человек все более овладевал окружающим его миром. Однако контроль над природными законами не означает отмену этих природных законов. Это принципиальный момент отношения к прогрессу, который отличает социалистическую мысль, скажем, от идей эпохи Просвещения и восторга вокруг технологического прогресса в духе второй половины XIX в. Взять ответственность за природу – это значит самому изменять ее. В каком направлении?

В XXI в. «новый социализм» уже не устраивает радикалов. Кажется, что все самое интересное ждет нас впереди и технологические высоты, которые человечество покоряет невиданными прежде темпами, придают уверенности самым смелым и радикальным социалистам. Таковыми можно назвать постгендеризм, трансгуманизм и идею постчеловека.

Постгендеризм развивается в рамках наиболее радикального направления в феминизме. Основной идеей постгендеризма является устранение гендера с помощью био- и репродуктивных технологий. Предполагается, что с устранением гендера уйдут в прошлое гендерные роли и социальное расслоение, различия в интеллекте и все проблемы, связанные с размножением, так как половое размножение также исчезнет, а вместо него новые люди будут выращиваться искусственным путем. Это, помимо прочего, поможет достигнуть большего равенства как стартового, так и последующего, ибо люди будут по своим характеристикам похожи друг

на друга. Как писала Суламифь Файрстоун в книге «Диалектика пола», «конечной целью феминистской революции, в отличие от первой волны феминистского движения, должно стать устранение не только мужских привилегий, но и самого разделения на полы: генитальные различия между людьми больше не будут иметь культурного значения. (Возврат к свободной пансексуальности – “полиморфной перверсии” Фрейда, – вероятно, придет на смену гетеро-, гомо- и бисексуальности.) Продолжение рода, осуществляемое одним полом ради блага обеих, будет заменено искусственным размножением (по крайней мере, в качестве альтернативного варианта): оба пола будут иметь равные возможности для рожденья детей, или, иными словами, ни один из них не будет зависеть от другого; зависимость ребенка от матери (и наоборот) уступит место значительно менее продолжительной зависимости от небольшой группы людей вообще, и в остальном любая разница в физической силе по сравнению со взрослыми будет компенсироваться культурой. Разделение труда было бы прекращено путем полного исключения труда (посредством кибернетики). Будет сломлена тирания биологической семьи» [435]. Все это есть не что иное, как преодоление: «естественное” не обязательно является “человеческой” ценностью. Человечество начало преодолевать природу: мы больше не можем оправдывать сохранение системы половой дискриминации на основании ее происхождения в природе» [435].

Идеи Файрстоун были развиты другой феминисткой, Элисон Джаггер, в книге «Феминистская политика и человеческая природа», где она пишет: *«Следует помнить, что окончательная трансформация человеческой природы, к которой стремятся социалистки-феминистки, выходит за рамки либеральной концепции психологической андрогинности и подразумевает возможность трансформации “физических” возможностей человека, некоторые из которых до сих пор считались биологически присущими только одному полу. Эта трансформация может даже включать в себя способности к оплодотворению, кормлению грудью и беременности, и таким образом, например, одна женщина сможет оплодотворить другую, мужчины и не рожавшие женщины смогут вырабатывать молоко и оплодотворенную яйцеклетку можно будет пересадить в тело женщины или даже мужчины»* [446, p. 408].

Трансгуманизм, в сущности, очень близок постгендеризму, хотя его желание преодоления несколько шире и включает в себя использование достижения науки и технологий для улучшения интеллектуальных и физических способностей человека, устранение старения и в итоге даже смерти. Хотя трансгуманизм сам по себе не обязательно имеет социалистический характер, его очень легко интегрировать в социалистический контекст, ибо, во-первых, с его помощью можно преодолеть саму природу человека со всеми ее недостатками; во-вторых, можно создать эгалитарное об-

щество, сделав всем одинаковые физические и интеллектуальные способности и тем самым решив наконец проблему стартового неравенства. С другой стороны, надежда социалистов может обернуться серьезным провалом и разочарованием, поскольку едва ли технологии по улучшению человека будут распределяться равномерно (даже при социалистическом режиме). Более богатые или имеющие связи получают больше возможностей для улучшения, чем все остальные, или доступ к лучшим улучшениям. Таким образом, неравенство не только сохранится, но даже усугубится.

Постгендеризм и трансгуманизм пусть и радикальные способы преодоления, но все-таки преодоления отдельных человеческих качеств. Но что, если пойти дальше и преодолеть самого человека? На этот счет есть идея постчеловека – разумного существа, лишившегося привычного облика вследствие тотальной переделки своего организма и слияния его с машиной. Как пишет Донна Харауэй в своем «Манифесте киборгов», *«почему наши тела должны заканчиваться кожей или включать в лучшем случае других существ, обтянутых кожей? С XVII в. и по сей день машины могли анимироваться – получить призрачные души, что позволяло им говорить, двигаться, давать отчет в своих упорядоченных действиях и умственных способностях.*

Организмы же могли механизироваться – редуцироваться к телу, понятому как ресурс духа. Эти отношения машины/организма устарели, сделались ненужными. Для нас

– в воображении и иных практиках – машины могут выступать протетическими устройствами, интимными компонентами, дружественными самостями. Нам не нужны органический холизм и его продукты...» [385]. Но и это не предел, ведь можно вообще избавиться от остатков своего тела, перенеся сознание в машины, словно какую-то компьютерную программу. Или даже жить в виртуальной реальности, где более нет никаких природных ограничений и «я» может выбирать абсолютно всё. Нечто похожее мы встречаем в научно-фантастическом сериале «Черное зеркало» в серии «Бросок гадюки». По сюжету двое чернокожих мужчин, стародавних приятеля, играют в компьютерную файтинг-игру, проходящую в виртуальной реальности. В ней игрок может выбрать пол и расу, полностью погрузившись в тело своего компьютерного героя, ощущая и осознавая его точно так же, как свое настоящее тело. Но, несмотря на жанр файтинга, игроки могут делать в мире игры куда больше, чем предполагает этот жанр. В игре они занимаются сексом, представляя себя в виде азиатской женщины и азиатского мужчины, что постепенно превращается в зависимость и сомнения в своей гетеросексуальности. Фильм очень хорошо отражает и современную социалистическую повестку (все происходящее на экране не осуждается), и чаяния «новейшего социализма» на будущее. В нем показано преодоление и расы, и пола, и ориентации.

Итак, борьба с природой внешней, кажется, завершилась.

Наука и техника уже разорвали нашу зависимость от эволюции, и мы можем или сможем в ближайшем будущем направлять свое развитие по собственному желанию, ничуть не спрашивая разрешения у природы. Данность, кажется, побеждена.

Последний «герой» этой книги, который вполне может стать главным направлением движения социализма в нашем столетии, – это акселерационизм. Как и все, без исключения, новые и новейшие социалистические теории, акселерационизм отдает должное Карлу Марксу и возводит свои идеи к этому философу. Манифест акселерационистов, написанный Ником Срничеком и Алексом Уильямсом, гласит, что *«именно Маркса наравне с Лэндом до сих пор можно считать мыслителем, мыслившим в парадигме акселерационизма. Вопреки всем нам хорошо известной критике Маркса, а также поведению некоторых из современных марксистов, мы должны не забывать о том, что сам Маркс использовал самые передовые теоретические инструменты и эмпирические данные своего времени, пытаясь полностью понять мир с тем, чтобы его изменить. Он отнюдь не был противником модернизации – он, скорее, пытался анализировать этот процесс с тем, чтобы вмешаться в него. Он понимал, что капитализм, несмотря на всю его эксплуатацию и коррумпированность, на тот момент был наиболее прогрессивной экономической системой. Нельзя отказываться от достижений капитализма – их необходимо, наоборот,*

усилить – ускорить их развитие и ликвидировать сами ограничения в развитии, которые налагает капиталистическая стоимость» [373].

В последних строках приведенной цитаты и кроется суть акселерационизма. Вместо отказа от капитализма и замены его новой формацией, Срничек и Уильямс предлагают сохранить все достижения капитализма и ускорить его развитие, избавившись ото всех капиталистических явлений, которые сдерживают его прогрессирование (например, монополизацию и патенты). Акселерационисты рассматривают существующую инфраструктуру не как *«стадию капитализма, которую необходимо уничтожить, а как трамплин для прыжка в посткапитализм» [373].* Далее: одних технологий недостаточно для того, *«чтобы спасти нас».* Технологии должны сочетаться с социально-политическими действиями, с которыми первые *«тесно переплетены».* Ускорение развития технологий поможет добиться победы в социальных конфликтах (здесь акселерационизм логически сближается с постгендеризмом). В стадии посткапитализма потребуются *«посткапиталистическое планирование»* с использованием математических моделей, которые позволят решить проблемы производства и распределения благ: *«... в качестве инструментов в данном случае можно использовать агентное моделирование, социально-сетевой анализ, анализ “больших данных” и неравновесные экономические модели – все эти типы анализа являются необходимыми когнитивными*

посредниками в процессе понимания такой сложной системы, как современная экономика. И левые акселерационисты должны быть грамотными и в этих технических областях» [373]. В одиннадцатом пункте манифеста говорится о социотехнической гегемонии – тезис, впервые выдвинутый еще Антонио Грамши. Социалисты должны добиться ее, «как в сфере идей, так и в сфере материальных платформ – инфраструктуры мирового общества. Именно эти платформы создают основные параметры того, что затем воспринимается как возможное в поведенческом и идеологическом плане. В этом отношении они являются воплощением материального трансцендентного нашего общества – это то, что делает возможным конкретный набор действий, отношений и типов власти. Хотя нынешняя глобальная платформа и имеет наклон в сторону капиталистических социальных отношений, но такое состояние не является неизбежным или необходимым. Все эти материальные платформы производства, финансов, логистики и потребления можно перепрограммировать и переформатировать так, чтобы они служили уже нуждам посткапитализма – и они будут перепрограммированы и переформатированы» [373].

Завершается акселерационистский манифест оптимистичными и вдохновляющими словами: «будущее необходимо конструировать... будущее необходимо снова взломать – раскрыть горизонт вселенских возможностей мира Запредельного». В целом надо признать, что акселерационисты

довольно гармонично вобрали в себя все достижения предшественников, начиная от идеи конструирования и рационализации экономики и заканчивая оптимистическим отношением к технологиям, которые могут служить человеку в его преодолении природы и борьбе с ней. Акселерационизм может быть поддержан как феминистками и ЛГБТ-движением, так и более ортодоксальными, экономико-ориентированными марксистами современности. Кроме того, его теоретики очень молоды. Основателю акселерационизма Нику Лэнду всего 59 лет, Нику Срничеку – 38, Марк Фишер умер в 2017 г. в возрасте 47 лет и т. д. Речь идет о поколениях, родившихся в 1960-1990-е гг. Они лучше понимают, как обращаться к молодой аудитории, более восприимчивой к социализму в силу ее эмоциональности. Именно поэтому, на мой взгляд, акселерационисты имеют все шансы стать массовой социалистической идеологией XXI в.

Заключение

Социализм существует столько же, сколько цивилизация. Это древнейшая парадигма на Земле. В книге мы рассмотрели его развитие, начиная с древности и заканчивая XXI столетием. Что мы вынесли из этого путешествия в историю благих намерений? Прежде всего то, что поговорка о том, что дорога в ад вымощена благими намерениями, подтверждается на примере социализма.

Конечно, не всякое восстание народных масс было левым и социалистическим, как и не всякая добровольная община с обобществлением собственности может быть названа последовательницей социализма. Восстающие в то или иное время народные массы хотели улучшения условий своей жизни здесь и сейчас, в существующей системе социально-экономических отношений. Многие крестьянские восстания заканчивались достижением некоего компромисса между восставшими и правящими классами, крестьяне часто бросали оружие после того, как им обещали отменить прежние поборы или уменьшить повинности. Ту же судьбу повторили пролетарии, которые служили источником революционных настроений в XIX в., но стали частью системы в следующем столетии, как только получили гарантии и привилегии. Но не таковы настоящие социалисты, которые, конечно же, участвовали во многих этих восстаниях и волнениях. Для них це-

лью был слом старого порядка и создание нового, уничтожение сопротивляющихся этому новому порядку людей и классов, преодоление и изменение самой сути существующих социально-экономических отношений, которая и делает существование последних возможным. Отсюда неизбежно возникла ключевая роль социалистического режима в развязывании террора на подконтрольной территории. Невозможно реализовать радикальные преобразования в условиях плюрализма мнений и возможности это мнение воплотить политически. Социализм не может позволить себе терпимость.

В то же время социалисты, став по-настоящему массовым явлением в XX в. и получив политическую власть над половиной мира,

нигде не добились поставленных целей, в каком-то смысле проиграв с самого начала, – революция в развитых странах с многочисленным пролетариатом не состоялась, зато установилась в странах с большой долей сельского населения и неразвитой промышленностью. Мировой революции не произошло. Социалисты пришли к власти исключительно в аграрных или слабо индустриализированных странах, хотя считалось, что именно в промышленно развитой стране этот процесс должен проходить в первую очередь. Революцию не удалось разжечь и экспортировать в Европу. Большевики были остановлены поляками в 1920 г., так что не удалось принести революцию и на штыках. Венгерская советская республика едва ли продержалась четыре месяца 1919 г.

Баварская советская республика просуществовала всего месяц. Красные армии были выбиты из Прибалтики и Финляндии. Понятно, что, когда теоретики столкнулись с реальностью, пришлось провести ревизию теории, но из песни слов не выкинешь.

Ни в одной социалистической стране не удалось создать работоспособную экономику, которая подтвердила бы преимущество рационального планирования над стихийным рынком или даже смешанной экономической системой. Постоянные дефициты и потребность в западных технологиях и продовольствии привели в большинстве социалистических стран к постепенному отказу от основных экономических принципов социализма (обобществление производства, отказ от денег, запрет частной собственности на средства производства и т. д.).

Социалистам не удалось покончить с институтом государства, с его бюрократизмом и эксплуатацией. Наоборот, социализм создал куда более всеобъемлющий, тоталитарный, централизованный и беспощадный ко всякой инициативе источник власти – партию. Государство при социалистических режимах действительно перестало играть ведущую роль в принятии решений, но его вполне «успешно» заменила гигантская партия.

Не удалось оправдать и прогнозы по религии, браку и другим традиционным социальным институтам. Если религия существовала лишь за счет отношений, которые делали ее

необходимой, то почему с исчезновением этих отношений и переходом к социализму религиозность людей оставалась на высоком уровне? И почему люди продолжали ценить долговременные моногамные отношения, по-прежнему считая простым человеческим счастьем жизнь в семье с детьми? Почему экономические узы супругов и поколений не были разорваны с помощью государственной системы опеки?

Далее надо заметить, что социалистические режимы оказались очень недолговечны. Самым долговечным был советский – он просуществовал 74 года. Китайская компартия контролирует всю страну уже 72 года, но и представителям этой власти пришлось пойти на такой радикальный отход от социалистической доктрины в конце 1970-х, что сложно уже сказать, насколько серьезно они относятся к доктрине Маркса-Ленина-Мао и насколько долго собственно социалистические установки еще будут иметь какое-то значение в китайском обществе. В КНДР социалисты находятся у власти более 70 лет, но в последние годы страна медленно идет к рыночным способам ведения хозяйства. На Кубе социалисты также оказались вынуждены перейти к легализации малого и среднего бизнеса. Режим Пол Пота продержался всего три года. Социалистические режимы в странах ОВД продержались менее 45 лет.

Почему социалисты так быстро уходят со сцены? Ответ очевиден: невозможно заниматься разрушением долгое время, ибо в итоге не останется ничего, что можно подвергнуть

деструктивному воздействию, кроме самих себя. Нечеловеческая жестокость рано или поздно претит даже членам социалистических партий, и они либо погибают вместе с режимом, либо постепенно реформируются, обеспечивая относительно мирный переход к старой доброй рыночной экономике и традиционным социальным отношениям.

Однако все это касается ситуаций, в которых социалистам удавалось взять политическую власть. В то время как их режимы рушились под собственной тяжестью, на Западе, в странах, где они не находились у руля государства, социалистам удалось в значительной степени укрепить свои позиции на принципиально новом уровне – культуре. Их влияние на корпоративную культуру, кино, социальное поведение и законодательство сегодня несомненно. И это влияние остается деструктивным, так как снова воспроизводит атмосферу нетерпимости и невозможности дискуссии везде, где есть левая гегемония. Пусть социалисты не контролируют институт государства, но они смогли научиться принуждать его и общество через свое социальное и культурное влияние.

Поэтому относиться к социализму нужно очень серьезно. Его нужно изучать. Социализм – это учение, которое не имеет основателя и дня рождения, между тем его последователями становились миллионы людей, тысячи из которых вошли в историю. Его история еще не закончена, он будет продолжать существовать и дальше. Я настаиваю на том, что его основы деструктивны для свободы и развития человечества,

даже несмотря на благие намерения, которыми искренне руководствуются или прикрываются его лидеры. Чтобы обезопасить себя от этого учения, бесполезно его запрещать или преследовать. Единственный способ – это развивать в себе иммунитет через самообразование, личную добродетельность и хладнокровие. Последнее не случайно. Социализм невероятно привлекателен, и ему удалось соблазнить многих умных людей. Его привлекательность основана на эмоциональности, простых ответах на сложные вопросы, страстности его последователей и в некоторой степени «вечной молодости». Я категорически не согласен с мнением Игоря Шафаревича, называвшего социализм «инстинктом смерти». Напротив, это учение, которое категорически отказывается верить в смерть, в данность, в детерминизм. Его вера в возможность рая на Земле слишком вдохновляющая для самоубийц.

Значит ли это, что социализму нечего противопоставить? Конечно нет. За пределами социализма каждый день живут и работают на общее благо миллионы людей, каждый из которых вносит свой вклад в наше развитие. Никто не отказывается от технического прогресса, который помогает нам облегчить тяжелое бытие этой жизни. Однако не нужно бороться с природой как с противником, который сковывает нас. Напротив, познав и приняв себя, свою природу, мы сможем использовать все лучшее, что в нас есть, не отказываясь от нее. То, что социалисты называли конструктами, на деле

является тем, что делает нас людьми. Да, многое из того, что мы унаследовали от прошлого, нуждается в реформах – и мы это будем реформировать. Что-то мы должны мужественно принять и каждодневно своим личным участием облагораживать. Но не уничтожать! Важно также не отказываться от решения социальных проблем, чтобы этими проблемами в итоге не занимались только социалисты. Важно говорить о проблемах будущего, о технологиях, сексуальности, проблемах семьи и детства, нуждах развивающихся стран и т. д. – люди доброй воли должны опередить по всем этим направлениям социализм, сделать его ненужным. Ведь это вполне реально и именно это произошло на том же Западе благодаря социально ориентированной рыночной экономике, солидаризму и корпоративизму, которые показали рабочим альтернативу революции. Пожалуй, нам стоит «повоевать» с социалистами за гегемонию. На такой оптимистичной ноте (а нам явно не хватает оптимизма) закончим эту книгу.

25.08.2021

Список литературы

1. II Всероссийский съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. Декрет II Всероссийского Съезда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Об отмене смертной казни // Исторические МАтериалы. URL: <http://istmat.info/node/27654> (дата обращения: 28.08.2021).

2. III Всероссийский съезд Советов. Постановление Третьего Всероссийского съезда Советов об основных положениях конституции РСФСР. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-01-15.htm> (дата обращения: 29.08.2021).

3. V Всероссийский съезд Советов. Постановление Пятого Всероссийского съезда Советов об организации Красной Армии. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-07-10.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

4. XXII съезд КПСС. Программа КПСС. Принята XXII съездом КПСС. Задачи партии в области идеологии, воспитания, образования, науки и культуры // Сайт комсомольцев и коммунистов МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: http://leftinmsu.narod.ru/polit_ffles/books/III_program_KPSS_files/116.htm (дата обращения: 29.08.2021).

5. Авиационный завод № 39 / ЦКБ-39. Мемориал. Топография террора. URL: <https://topos.memo.ru/en/node/73> (дата обращения: 30.08.2021).

6. Автомобильная промышленность. Большая советская энциклопедия. URL: <http://bse.uaio.rU/BSE/0101.htm#p616> (дата обращения: 29.08.2021).

7. Аксельрод П. Б., Мартов Ю. О., Потресов А. Н. О революции и социализме. М.:РОССПЭН, 2010.

8. Алесина А., Джаваци Ф. Либерализм – это левая идея. М.: Юнайтед Пресс, 2011.

9. Аллен Р. С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН, 2013.

10. Аллилуева С. И. 20 писем к другу // ВикиЧтение. URL: <https://biography.wikireading.ru/76085> (дата обращения: 01.09.2021).

И. Алумов С. Идейные бандиты//Дилетант. 15.01.2017. URL: <https://diletant.media/articles/33409066/> (дата обращения: 01.09.2021).

12. Американская киноакадемия введет квоты на геев и женщин в фильмах для «Оскара» // Радио Свобода. 09.09.2020. URL: <https://www.svoboda.org/a/30828676.html> (дата обращения: 01.09.2021).

13. Андреев Е. Ожидаемая продолжительность жизни 70 лет, или Deja vu отечественной демографии//Демоскоп. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0487/tema03.php> (дата обращения: 01.09.2021).

14. Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне. Т. 1. Л.: Высший военный редакционный совет, 1924.

15. Анфимов А. М., Корелин А. П. Россия 1913

год. Статистико-документальный справочник. XVII. Статистика преступности // Библиотека Гумер. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Stat/45.php (дата обращения: 01.09.2021).

16. *Артамошин С. В.* Идеиные истоки национал-социализма // Новая и новейшая история. 2019. № 3.

17. *Ат-Табари.* История пророков и царей // Восточная литература. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Tabari/frametext.htm> (дата обращения: 29.08.2021).

18. *Аттали Ж.* Карл Маркс. Мировой дух. М.: Молодая гвардия, 2018.

19. *Бакунин М. А.* Государственность и анархия // az.lib.ru. URL: http://az.lib.ru/b/bakunin_m_a/text_0050.shtml (дата обращения: 29.08.2021).

20. *Барг М. А.* Народные низы в английской революции XVII века. М.: Наука, 1967.

21. *Барсуков Е. З.* Обеспечение русской армии артиллерией // Милитера. Военная литература. URL: http://militera.lib.ru/h/barsukov_ez2/05.html (дата обращения: 29.08.2021).

22. *Бабель А.* Женщина и социализм. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.

23. *Белинский В. Г.* Письмо В. П. Боткину // Добро пожаловать в – ИЗМЫ. URL: <http://izmy.info/node/864> (дата обращения: 29.08.2021).

24. *Белинский В. Г.* Руководство к познанию но-

вой истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым // Литература и жизнь. URL: http://dugward.ru4ibrary/belinsky/belinsky_smaragdov.html (дата обращения: 29.08.2021).

25. *Белинский В. Г.* Тереза Дюнойе. Роман Евгения Сю // Литература и жизнь. URL: http://dugward.ru/library/belinsky/belinskiy_tereza.html (дата обращения: 29.08.2021).

26. *Белугин В. Г.* Из доклада заведующего губернским управлением принудительных работ В. Г. Белугина (205) в губисполком о создании концлагерей, численности заключенных и порядке их содержания. ТГТУ. URL: <https://www.tstu.ru/winAultur/other/antonov/raz207.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

27. *Белякова Е. В.* Церковный брак и развод в России в XIX в. // Образование и православие. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/zer_brak_i_razvod.htm (дата обращения: 28.08.2021).

28. Бессмертный барак. Депортация интеллигенции. URL: https://bessmertnybarak.ru/article/deportatsiya_intelligentsii/ (дата обращения: 29.08.2021).

29. *Беттел Т.* Собственность и процветание. М.: Социум, 2018.

30. *Бовуар С. де.* Второй пол. Т. 1: Факты и мифы // Библиотека Гумер. URL: https://www.gumer.infoAibliotek_Buks/Psihol/Vovuar/03.php (дата обращения: 29.08.2021).

31. Боевой и численный состав вооруженных сил СССР

в период Великой Отечественной войны // Милитера. Военная литература. URL: [http:// militera.lib.ru/enc/O/pdf/statsbornik1.pdf](http://militera.lib.ru/enc/O/pdf/statsbornik1.pdf) (дата обращения: 29.08.2021).

32. *Боков А. С.* Тамбовское восстание: вымыслы и факты об использовании удушающих газов // Военно-исторический журнал. Издание МО РФ. URL: <https://history.ric.mil.ru/Stati/item/117503/> (дата обращения: 28.08.2021).

33. *Болдуин Х.* Сражения выигранные и проигранные. М.: Центрполиграф, 2002.

34. Большая российская энциклопедия. Кронштадтское восстание 1921. URL: https://bigenc.ru/military_science/text/2114430 (дата обращения: 29.08.2021).

35. Большая советская энциклопедия. Т. 24, книга II, 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1977.

36. *Браун А.* Взлет и падение коммунизма. М.: РОССПЭН, 2014.

37. *Брежнев Л. И.* Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Брежнева Л. И. на Пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1969 г. // Архив А. Н. Яковлева. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1014781> (дата обращения: 29.08.2021).

38. *Бровко Л. Н.* Переходные эпохи в социальном измерении: история и современность. М.: Наука, 2003.

39. *Брусиловский Н.* Тысячелетие крещения Руси // Историк. рф. URL: [историк. рф/journal/50/tyisyacheletie-krescheniya-rusi-da.html](http://историк.рф/journal/50/tyisyacheletie-krescheniya-rusi-da.html) (дата обращения: 29.08.2021).

40. *Бруцкус Б. Д.* Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе. Институт свободы Московский либертариум. URL: <https://libertarium.ru/9037.html> (дата обращения: 29.08.2021).

41. *Бухарин Н. И.* Проблемы теории и практики социализма. М.: Издательство политической литературы, 1989.

42. *Бухарин Н. И.* Путь к социализму. Новосибирск: Наука, 1990.

43. *Бухарин Н. И., Преображенский Е. А.* Азбука коммунизма. М.: Алгоритм, 2018.

44. Бывшие сотрудники обвинили Google в дискриминации белых мужчин // CNews. 09.01.2018. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2018-01-09_byvshij_sotrudnik_obvinyayet_google_v_diskriminacii_belykh_muzhchin (дата обращения: 01.09.2021).

45. *Валентинов Н. В.* Малоизвестный Ленин // Библиотека электронной литературы в формате 1Ъ2. URL: <https://aitresp.ru/chitat/ru/%D0%92/valentinov-nikolaj-vladislavovich/maloznakomij-lenin> (дата обращения: 29.08.2021).

46. *Валентинов Н. В.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М.: Современник, 1991.

47. Васильев. Из протокола заседания Полномочной комиссии ВЦИК о ходе проведения в жизнь приказа № 130 на местах. URL: <https://www.tstu.ru/winAultur/other/antonov/>

gaz206.htm (дата обращения: 28.08.2021).

48. *Вахман Н.* История нацистских концлагерей. М.: Центрполиграф, 2017.

49. *Величко В. А.* Доклад инструктора-пропагандиста Нарымского окружного комитета РКП(б) Величко И. В. Сталину, Р. И. Эйхе и секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) К. И. Левиц // Дилетант. URL: <https://diletant.media/articles/36415853/> (дата обращения: 28.08.2021).

50. Верховный Совет СССР. Закон о подоходном налоге с населения // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/24114> (дата обращения: 28.08.2021).

51. Верховный Совет СССР. Закон о сельскохозяйственном налоге от 1 сентября 1939 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/24113> (дата обращения: 28.08.2021).

52. Верховный Совет СССР. О военном налоге. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1941 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/24348> (дата обращения: 28.08.2021).

53. Верховный Совет СССР. О налоге холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/24347> (дата обращения: 28.08.2021).

54. *Вильяторо М.* Ленин был равнодушен к женщинам, не имел друзей и жил за счет матери до 40 лет // ИноСМИ. 16.04.2017. URL: <https://>

inosmi.ru/ history/20170416/239118431.html (дата обращения: 01.09.2021).

55. *Вишневский А.* Высшая элита РКП(б) – ВКП(б) – КПСС: немного статистики // Федеральный образовательный портал. Экономика, социология, менеджмент. URL: https://ecsocman.hse.ru/data/292/949/1219/1997_n4_p38-44.pdf (дата обращения: 28.08.2021).

56. *Вишневский А.* Демография сталинской эпохи // Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН. URL: https://www.infran.ru/vovenko/60years_ww2/demogr5.htm (дата обращения: 28.08.2021).

57. *Войткевич И. Н.* История беспризорности в России в 20-е годы XX века // Электронный научный журнал «Современные проблемы науки и образования». URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6002> (дата обращения: 28.08.2021).

58. *Войцеховский З.* Че Гевара, который хотел перемен. Лагерь для «правонарушителей» Че // ВикиЧтение. URL: <https://biography.wikireading.ru/136944> (дата обращения: 28.08.2021).

59. *Волгин В. П.* Французский утопист XVII в. // Библиотека libma.ru. URL: http://www.libma.ru/filosofija/istorija_sevarambov/pl.php#metkadoc2 (дата обращения: 29.08.2021).

60. *Волков С. В.* Офицерство после катастрофы русской армии // Милитера. Военная литература. URL:

<http://militera.lib.ru/research/volkovl/03.html> (дата обращения: 30.08.2021).

61. Володин: ситуация вокруг Навального – спланированная акция против России // Газета. ру. 03.09.2020. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2020/09/03/n_14887136.shtml (дата обращения: 28.08.2021).

62. Воронина О. [П.] Патриархат (patriarchy) // РФО «ОНА». Феминизм для всех! URL: <https://ona.org.ru/post/148842924548/n-naТрнархаТ-patriarchy> (дата обращения: 28.08.2021).

63. Ворошилов К. Е. Отчет Наркомвоенмора IV Всесоюзному Съезду Советов // Милитера. Военная литература. URL: <http://militera.lib.ru/science/voroshilov ke/OS.html> (дата обращения: 30.08.2021).

64. Восстание Эскамбрай // wiki2.org. URL: https://wiki2.org/ru/ВосстаНне_Эскамбрай (дата обращения: 01.09.2021).

65. Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Декрет II Всероссийского съезда Советов об образовании Рабочего и Крестьянского правительства. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/snk.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

66. ВСНХ и Наркомпрод. О государственной монополии на торговлю некоторыми продуктами и предметами // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/31874>

(дата обращения: 28.08.2021).

67. ВЦИК и СНК. Декрет ВЦИК и СНК о расторжении брака // Электронная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-16.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

68. ВЦИК и СНК. Декрет ВЦИК и СНК о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию // Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-05-13.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

69. ВЦИК и СНК СССР. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР об отмене применения высшей меры наказания (расстрела) // Федеральное архивное агентство. URL: <http://4enin.rusarchives.ru/dokumenty/postanovlenie-vcik-i-snk-rsfsr-ob-otmene-primeneniya-vysshey-mery-nakazaniya-rasstrelya> (дата обращения: 28.08.2021).

70. ВЦИК. Приказ Полномочной комиссии ВЦИК о начале проведения репрессивных мер против отдельных бандитов и укрывающих их семей // Сайт Тамбовского государственного технического университета. URL: <https://www.tstu.ru/winAultur/other/antonov/raz198.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

71. ВЦИК СССР. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. О лагерях принудительных работ // Исторические МАТериалы. URL:

<http://istmat.info/node/37918> (дата обращения: 28.08.2021).

72. Выписка из протокола заседания междуведомственной губернской комиссии по содержанию детей-заложников в концлагерях Тамбовской губернии. URL: <https://www.tstu.ru/winAultur/other/antonov/raz216.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

73. *Гашков И.* Союз России и Турции. Как Ленин пришел на помощь Ататюрку // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8631339> (дата обращения: 28.08.2021).

74. Георгий Александрович Атарбеков // Хронос. URL: http://Arono.ruAiograf/bio_a/atarbekov_ga.php (дата обращения: 28.08.2021).

75. *Герцен А. И.* К старому товарищу // gertsen.lit-info.ru. URL: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/publicA-staromu-tovarischu.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

76. Глава Mozilla уволился под давлением гомосексуалистов // С News. 04.04.2014. URL: https://www.cnews.ru/news/top/glava_mozilla_uvolilsyapoddavleniem (дата обращения: 01.09.2021).

77. Гоблин: Лучше было при СССР или в современной России? // YouTube. 02.03.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rbThYwLUPps> (дата обращения: 01.09.2021).

78. *Головин Н. Н.* Россия в Первой мировой войне. М.: Вече, 2014.

79. Голодоморы в Индии. Враг капитала. URL: 1917.com/

XML/4wCEF0b6CH34czSMJ2JQdlRvfck (дата обращения: 28.08.2021).

80. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Т. 12: Письма. Январь 1916 – май 1919. М.: Наука, 2006.

81. *Готфрид П.* Странная смерть марксизма. М.: Ирисэн, 2009.

82. *Грамиш А.* Революция против «капитала». Материалистическая диалектика. URL: http://Aibelli.ru/magazine/98_3/i.htm (дата обращения: 28.08.2021).

83. Дальстрой // Музей истории ГУЛАГа. URL: <https://gmig.bm.digital/author/335551415218888704/dalstroj> (дата обращения: 28.08.2021).

84. *Данненберг А. Н.* Католицизм на Кубе в условиях революционных преобразований (1959 г.)//CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.rU/article/n/katolitsizm-na-kube-v-usloviyah-revoljutsionnyh-preobrazovaniy-1959-g/viewer> (дата обращения: 30.08.2021).

85. Двадцать пять пунктов // Хронос. URL: http://hrono.ru/dokum/192_dok/19200224punkt.php (дата обращения: 28.08.2021).

86. Декрет II Всероссийского съезда Советов об образовании Рабочего и Крестьянского правительства. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/snk.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

87. Дело о вредительстве на электрических станциях в СССР // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/>

node/31279 (дата обращения: 28.08.2021).

88. Дзержинский Ф. Э. Интервью Ф. Э. Дзержинского сотруднику «Укрроста»//Архив А. Н. Яковлева. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1018665> (дата обращения: 28.08.2021).

89. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. 2.35–60. Индия, Скиеия, Аравия и острова в Океане. Симпозиум Хицлосюу. URL: <http://simposium.ru/ru/node/9855> (дата обращения: 29.08.2021).

90. Доклад ЦСУ СССР, Института экономики Академии наук СССР и Института питания Академии медицинских наук СССР Н. А. Булганину об уровне потребления основных продовольственных и промышленных товаров в СССР на душу населения // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/18419> (дата обращения: 28.08.2021).

91. Докладная записка секретаря Президиума ЦИК СССР А. С. Енукидзе И. В. Сталину по вопросу о «лишенцах». 1 марта 1930 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/44977> (дата обращения: 28.08.2021).

92. «Долой новых царей!» Передовая статья китайских газет «Жэньминь жибао» и «Цзефаньцзюнь бао» (4 марта 1969 г.), посвященная событиям на острове Даманский // История холодной войны. URL: <http://www.coldwar.ru/conflicts/china/statuya.php> (дата обращения: 28.08.2021).

93. Достопримечательности Тираны. Смотрим на здания, связанные с политической историей Албании и албан-

ской государственностью // Портал (о странах) по русскоязычному иновещанию и публикациям разных стран мира. URL: <https://portalostranah.ru/view.php?idM19> (дата обращения: 01.09.2021).

94. Дочь Уго Чавеса испортила репутацию отца // Российская газета. 25.01.2012. URL: <https://rg.ru/2012/01/25/doch-site-anons.html> (дата обращения: 01.09.2021).

95. Дух ислама и левизны в университетах Франции? // Euro Topics. Ежедневный обзор европейской прессы. 24.02.2021. URL: <https://www.eurotopics.net/ru/дух-ислама-и-левизны-в-университетах-Франции> (дата обращения: 01.09.2021).

96. Еженедельник ЧК. Еженедельник Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией № 1. 22 сентября 1918 года // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/25313> (дата обращения: 28.08.2021).

97. Еженедельник ЧК. Еженедельник Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией № 2. 29 сентября 1918 года. URL: <http://istmat.info/node/25314> (дата обращения: 28.08.2021).

98. Еженедельник ЧК. Еженедельник Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией № 3. 6 октября 1918 года // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/25315> (дата обращения: 28.08.2021).

99. Еженедельник ЧК. Еженедельник Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией № 4. 13

октября 1918 года // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/25316> (дата обращения: 28.08.2021).

100. Еженедельник ЧК. Еженедельник Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией № 5. 20 октября 1918 года // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/25317> (дата обращения: 28.08.2021).

101. Еженедельник ЧК. Еженедельник Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией № 6. 27 октября 1918 года // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/25318> (дата обращения: 28.08.2021).

102. Еженедельник ЧК. Красный террор. Еженедельник Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией на чехословацком фронте. № 1 // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/25319> (дата обращения: 28.08.2021).

103. *Емельянов Н. Е.* Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь (1917–1952 годы). Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. URL: <http://martyrs.pstbi.ru/cgi-bin/code.exe/nmstat4.html?ans> (дата обращения: 28.08.2021).

104. *Елифанов П. П.* Некоторые вопросы истории русской общественной мысли // Вопросы истории. 1963. № 3. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/-УЧЕНАЯ-ДРУЖИНА-И-ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО-XVIII-ВЕКА> (дата обращения: 29.08.2021).

105. *Ефимова М.* Реабилитация Энгельса // Радио

Свобода. 31.08.2009. URL: <https://www.svoboda.Org/a/1811095.html> (дата обращения: 01.09.2021).

106. Жан-Марк Руйян сменил пистолет на перо // Главк. Главные новости. 12.06.2017. URL: https://glavk.net/articles/10601-han-mark_rujjan_smenil_pistolet_na_pero (дата обращения: 01.09.2021).

107. Жертвы холодильной войны//Коммерсант. 01.10.2007. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/809042> (дата обращения: 01.09.2021).

108. Жизнь в КНДР и Южной Корее в девяти графиках: кто счастливее? // BBC News. URL: 30.09.2017. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41397459> (дата обращения: 01.09.2021).

109. Жители Венесуэлы выступают против узаконивания однополых браков // ОТР. 05.08.2015. URL: <https://otr-online.ru/news/zhiteli-venesueli-vistupayut-46927.html> (дата обращения: 29.08.2021).

110. *Жорес Ж.* Социалистическая история французской революции. Т. VI. М.: Прогресс, 1983.

111. Журнал «Дилетант» (июнь 2021). Три источника, пять маршрутов // Дилетант. URL: <https://diletant.media/articles/45314472/> (дата обращения: 29.08.2021).

112. Журнал «Танки ленд-лиза». Танки ленд-лиза. Объемы и модификации // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/26279-tanki-lend-liza-obemy-i-modifikacii.html> (дата обращения: 30.08.2021).

113. *Залкинда А. Б.* Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата // Библиотека Гумер. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/_12SexZap.php (дата обращения: 29.08.2021).

114. *Земсков В. Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: https://scepsis.net/library/id_937.html (дата обращения: 29.08.2021).

115. *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы (по документации НКВД-МВД СССР) // Федеральный образовательный портал. Экономика, социология, менеджмент. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/680/927/1216/1_Zemskov.pdf (дата обращения: 30.08.2021).

116. *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: Институт российской истории РАН, 1996.

117. Из показания под присягой Георга фон Шницлера, бывшего члена правления и центрального комитета правления «ИГ Фарбен», на предварительном следствии по делу «ИГ Фарбен» (1945 год) о встрече Адольфа Гитлера с промышленниками 20 февраля 1933 года // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://clck.ru/XRphJ> (дата обращения: 28.08.2021).

118. Из протокола заседания Кирсановской уездной чрезвычайной комиссии по борьбе с холерой о положении детей в концлагере. URL: <https://www.tstu.ru/winAultur/other/>

antonov/raz286.htm (дата обращения: 28.08.2021).

119. Из протокола заседания Тамбовской уполиткомиссии о составе и численности заключенных в концлагере и мерах по его разгрузке. URL: <https://www.tstu.ru/winAultur/other/antonov/raz283.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

120. *Илюхов А. А.* Как платили большевики. Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2010.

121. Информационная сводка отдела «В» МГБ СССР. Выдержки из перлюстрированных писем жителей Воронежской и Сталинградской областей о тяжелом продовольственном положении. URL: <http://his95.narod.ru/doc07/25.htm> (дата обращения: 29.08.2021).

122. Иосиф Сталин. Главный дачник СССР//Дилетант. URL: <https://diletant.media/articles/28948885/> (дата обращения: 29.08.2021).

123. *Исламов Т. М.* Краткая история Венгрии с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1991.

124. *Исмагилов Р. С.* Артиллерия и минометы XX века // ВикиЧтение. URL: <https://military.wikireading.ru/39580> (дата обращения: 29.08.2021).

125. История акционерного общества «Дуке» //АО «Дуке». URL: <http://duks.su/history> (дата обращения: 30.08.2021).

126. История американского телевидения // Общественно-политический журнал «Историк». URL: <https://>

historicus.ru/138 (дата обращения: 29.08.2021).

127. История ГОЭЛРО//Министерство энергетики РФ. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/3039> (дата обращения: 29.08.2021).

128. История холодильников в СССР // Statehistory. История государства. URL: <https://statehistory.ru/1299/Istoriya-kholodilnikov-v-SSSR/> (дата обращения: 29.08.2021).

129. Каганович Л. М. Каганович – Сталину 23 июня [1932 г.] // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/33345> (дата обращения: 29.08.2021).

130. Как (и зачем) стать профеминистом // GQ. 06.11.2020. URL: <https://www.gq.ru/societyAak-stat-profeministom> (дата обращения: 01.09.2021).

131. *Каминский В. В.* Выпускники Николаевской академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. Глава 3 // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/39820> (дата обращения: 29.08.2021).

132. *Кампанелла Томмазо и др.* Утопический роман XVI–XVII веков. М.: Художественная литература, 1971.

133. *Кантемир А. Д.* Сатира II. На зависть и гордость дворян злонравных. Филарет и Евгений// Электронная библиотека INFOLIO. URL: <http://www.infoliolib.info/rlitAantemirAantemir2.html> (дата обращения: 29.08.2021).

134. *Кара-Мурза С. Г.* Производство и потребление продуктов питания в РФ// Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/511> (дата обращения: 29.08.2021).

135. Католическая энциклопедия. Т. 3. М.: Издательство францисканцев, 2007.
136. *Каутский К.* История социализма. Предтечи новейшего социализма. М.: Академический проект, 2013.
137. *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России. М.: Электронная книга: Зотов Ю. М., Очёр, 2012. 5-86170-005-2.
138. *Кемпински О.* Соучредитель движения Black Lives Matter уходит после скандала с недвижимостью // EuroNews. 28.05.2021. URL: [https:// ru.euronews.com/2021/05/28/ru-blm-co-founder-resigns](https://ru.euronews.com/2021/05/28/ru-blm-co-founder-resigns) (дата обращения: 01.09.2021).
139. *Ким Г. Н.* Научно-справочное издание «Республика Корея» // Коре Сарам. Записки о корейцах. URL: <https://Aoryo-saram.ruAim-g-n-nauchno-spravochnoe-izdanie-respublika-koreya/> (дата обращения: 29.08.2021).
140. Ким Чен Ын улучшил личный «плавающий парк развлечений» вопреки голоду в стране // Лента. ру. 13.07.2021. URL: <https://lenta.ru/news/2021/07/13Aimboat/> (дата обращения: 29.08.2021).
141. *Ковалев Д. В.* Продовольственная диктатура // Большая Российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3179159 (дата обращения: 29.08.2021).
142. Кодекс законов о семье, браке и опеке 1926 г. и предшествующие ему постановления. 1924–1926 гг. // Музей истории российских реформ им. П. А. Столыпина. URL: музейреформ.рф/поёе/13940 (дата обращения: 29.08.2021).

143. Коллектив авторов. История марксизма-ленинизма. Книга вторая (70-90-е годы XIX века). Анализ Энгельсом образования капиталистических монополий // ВикиЧтение. URL: <https://fil.wikireading.ru/14928> (дата обращения: 29.08.2021).

144. *Коллонтай А. М.* Тезисы о коммунистической морали в области брачных отношений. URL: <https://thelib.info/politologiya/1094611-petrograd-tipografiya-agstyrkina-1917/> (дата обращения: 29.08.2021).

145. *Коломиец М., Мощанский И.* Танки “VALENTINE” в частях Красной Армии // Бронесайт. URL: http://armor.kiev.ua/Tanks/WWII/valentine/m-hobbi6_99/ (дата обращения: 30.08.2021).

146. *Коляда В.* Всё о стиральных машинах // Журнал «Наука и жизнь». 2005. № 9.

147. *Кон И. С.* Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. М.: Время, 2010.

148. *Константинов Ф. В. и др.* Глава двенадцатая. Марксизм-ленинизм о войне // Исторические МАТериалы. URL: <https://istmat.info/node/30303> (дата обращения: 29.08.2021).

149. Конституция РСФСР 10 июля 1918 года // Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstl918.htm> (дата обращения: 29.08.2021).

150. Корейская война 1950–1953 годов: некоторая статистика // Warconflict.ru. История войн и военных кон-

фликтов. URL: <http://www.warconflict.ru/rus/statistika/?action=shwprd&id=1273> (дата обращения: 29.08.2021).

151. *Котельников В.* «Бостоны» в СССР. Авиация Второй мировой. URL: https://airpages.ru/uk/a20_r.shtml (дата обращения: 30.08.2021).

152. *Коуз Р., Ван Н.* Как Китай стал капиталистическим. М.: Новое издательство, 2016.

153. *Красильников С. А., Шадт А. А.* Маргиналы в советском социуме: 1930-е – середина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 2017.

154. *Красин Л. Б.* Годы подполья. Сборник воспоминаний, статей и документов. Л.: Государственное издательство, 1928.

155. *Крестьянников В. В.* Варфоломеевские ночи в Севастополе в феврале 1918 г. // Севастопольский государственный архив. URL: <http://sevdig.sevastopol.ws/stat/noch.html> (дата обращения: 28.08.2021).

156. *Кривенко С.* Соловецкий ИТЛ ОГПУ (Соловецкие лагеря особого назначения, Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения ОГПУ, СЛОН, СЛАГ, Соловецкие и Карело-Мурманские лагеря, СКМИТЛ). Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/r3/r3-317.htm> (дата обращения: 29.08.2021).

157. *Кривошеев Г. Ф.* Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статисти-

ческое исследование // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. URL: <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/KRIWOSHEEW/poteri.txt#w091.htm-Точ2489828> (дата обращения: 29.08.2021).

158. Кровавый бизнес Мадуро. Жизнь на золотых приисках в Венесуэле // Радио Свобода. 12.03.2020. URL: <https://www.svoboda.org/a/30482422.html> (дата обращения: 01.09.2021).

159. *Крупская Н. К.* Дошкольное воспитание. Вопросы семейного воспитания и быта // Библиотека электронной литературы в формате fb2. URL: <https://4itresp.ru/chitat/ru/KArupskaya-nadezhda-konstatinovna/doshkolnoe-voospitanie-voprosi-semejnego-voospitaniya-i-bit> (дата обращения: 29.08.2021).

160. *Кулишер И.* Очерк экономической истории Древней Греции. Л.: Сеятель, 1925.

161. *Кучеренко Г. С.* Сен-симонизм в общественной мысли XIX в. // Исторические МАТериалы. URL: http://istmat.info/files/uploads/27388/stsimonism_g-s-kucherenko_1975.pdf (дата обращения: 29.08.2021).

162. *Лавицкая М. И.* Динамика численности и изменения в составе приходского духовенства во второй половине XIX – начале XX века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-chislennosti-i-izmeneniya-v-sostave-prihodskogo-duhovenstva-vo-vtoroy-polovine-xix-nachale-xx-veka/viewer> (дата обращения:

28.08.2021).

163. *Ланьков А. Н.* Репрессивный аппарат и контроль над населением в Северной Корее // Хронос. URL: <http://www.hrono.ru/statii/20034anrepr.html> (дата обращения: 29.08.2021).

164. *Ланьков А. Н.* Северная Корея: вчера и сегодня // Lib.Ru. Библиотека Максима Мошкова. URL: <http://lib.ru/EMIGRATION/LANKOV/n-korea.txt> (дата обращения: 29.08.2021).

165. *Лапиков М.* Мифы и факты о ленд-лизе // Warspot. URL: <https://warspot.ru/3724-mify-i-fakty-o-lend-lize> (дата обращения: 29.08.2021).

166. *Лебина Н. Б., Шкаровский М. В.* Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). URL: https://statehistory.ru/books/N-B-Lebina—M-V—SHkarovskiy_Prostitutsiya-v-Peterburge/20 (дата обращения: 29.08.2021).

167. Лев XIII. Regum Novarum. 1891.

168. *Ленин В. И.* Великий почин // Полное собрание сочинений. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1970.

169. *Ленин В. И.* О Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Алгоритм, 2018.

170. *Ленин В. И.* Очередные задачи Советской власти. Международное положение Российской Советской Республики и основные задачи социалистической революции //

Marxists Internet Archive. URL: <https://www.marxists.org/russkij/lenin/works/36-2.htm> (дата обращения: 29.08.2021).

171. *Ленин В. И.* Письмо Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) 19 марта 1922 г. //Ленин: революционер, мыслитель, человек. URL: [https:// leninism.su/works/99-v-i-lenin-neizvestnye-dokumenty-1891-1922/3671-pismo-molotovu-dlya-chlenov-politbyuro-czk-rkpb.html](https://leninism.su/works/99-v-i-lenin-neizvestnye-dokumenty-1891-1922/3671-pismo-molotovu-dlya-chlenov-politbyuro-czk-rkpb.html) (дата обращения: 29.08.2021).

172. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 9. М.: Издательство политической литературы, 1967.

173. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 12. М.: Издательство политической литературы, 1968.

174. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 24. М.: Издательство политической литературы, 1973.

175. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 26. М.: Издательство политической литературы, 1969.

176. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 33. М.: Издательство политической литературы, 1969.

177. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 34. М.: Издательство политической литературы, 1969.

178. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 35. М.: Издательство политической литературы, 1974.

179. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 36. М.: Издательство политической литературы, 1974.

180. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 37. М.: Издательство политической литературы, 1969.

181. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 38. М.: Издательство политической литературы, 1969.
182. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1970.
183. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 40. М.: Издательство политической литературы, 1974.
184. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 42. М.: Издательство политической литературы, 1970.
185. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 43. М.: Издательство политической литературы, 1970.
186. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 44. М.: Издательство политической литературы, 1970.
187. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 50. М.: Издательство политической литературы, 1970.
188. *Ленин В. И.* Собрание сочинений. Т. VII: Революция 1905–1906 годов. Часть 1. М.: Государственное издательство, 1921.
189. Ленин, о котором спорят сегодня – о классовом и общечеловеческом// Ленин: революционер, мыслитель, человек. URL: <https://Deninism.su/lie/4105-lenin-o-kotorom-sporyat-segodnya.html?showall=&start=49> (дата обращения: 29.08.2021).
190. *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. //Лит-Мир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=237377&p=21> (дата обращения: 28.08.2021).
191. Литвинов М. М. Докладная записка наркома ино-

странных дел СССР М. М. Литвинова секретарю ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановичу об усилении антисоветской агитации по поводу голода на Украине. 9 октября 1933 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/43613> (дата обращения: 29.08.2021).

192. Лотиков. Из отчета губкома РКП(б) о голоде и уголовной преступности в Тамбовской губернии. URL: <https://www.tstu.ru/winAultur/other/antonov/raz313.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

193. *Лохнер Л.* Хотели ли войны германские промышленники? // Вики-Чтение. URL: <https://military.wikireading.ru/61693> (дата обращения: 29.08.2021).

194. *Лукач Г.* История и классовое сознание. М.: Логос-Альтера, 2003.

195. Луначарский А. В. А. Луначарский – о Быте: молодежь и теория «стакана воды»//Все книги. Он-Line Библиотека. URL: <http://allk.ru/book/229/2262.html> (дата обращения: 29.08.2021).

196. *Майнхоф У.* От протеста – к сопротивлению // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: https://sceptsis.net/library/id_659.html (дата обращения: 29.08.2021).

197. *Манн М.* Фашисты. Социология фашистских движений. М.: Пятый Рим, 2019.

198. Манухин. Сводка Тамбовской уполиткомиссии цифровых показателей борьбы с повстанцами. URL: <https://www.tstu.ru/winAultur/other/antonov/raz298.htm> (дата обра-

щения: 28.08.2021).

199. *Мао Цзэдун*. Выдержки из произведений (Красная книжечка) // Маоистская библиотека. URL: http://library.maoism.ru/red_book.htm#ch5 (дата обращения: 29.08.2021).

200. *Мао Цзэдун*. Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 1. М.: Прогресс, 1975.

201. *Мао Цзэдун*. Избранные произведения. Т. 1. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1967.

202. *Маркс К.* Засулич Вера Павловна. Письмо К. Маркса // Lib.ru. URL: http://az.lib.ru/z/zasulich_w_i/text_1881_pismo_marksa.shtml (дата обращения: 29.08.2021).

203. *Маркс К.* К критике политической экономии. Капитал. Т. I. М.: Эксмо, 2018.

204. *Маркс К.* Капитал. Т. I. М.: Эксмо, 2018.

205. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. 1848.

206. *Маркс К., Энгельс Ф.* Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951.

207. *Маркс К., Энгельс Ф.* Полное собрание сочинений. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.

208. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 3.

М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.

209. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 16. М.: Издательство политической литературы, 1960.

210. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 28. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962.

211. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994.

212. *Мартан Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.

213. *Маршак С.* Собрание сочинений в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1970.

214. *Маслин М. А.* Русская философия. Энциклопедия. 2-е изд. // logic-books, info. URL: http://www.logic-books.info/sites/default/files/russkaya_filosofiya_enciklopediya.pdf (дата обращения: 29.08.2021).

215. МВД СССР. Справка о смертности заключенных в системе ГУЛАГа за период 1930–1956 гг. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/170720-spravka-o-smernosti-zaklyuchennyh-v-sisteme-gulaga-za-period-1930-1956> (дата обращения: 29.08.2021).

216. *Меерович М. Г.* Альберт Кан в истории советской индустриализации // Archi.ru. URL: <https://archi.ru/elpub/91506/albert-kan-v-istorii-sovetskoi-industrializacii> (дата

обращения: 29.08.2021).

217. *Мелье Ж.* Завещание. М.: Государственное антирелигиозное издательство, 1937.

218. *Мельтюхов М. И.* Красная Армия перед войной: организация и кадры // Милитера. Военная литература. URL: <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov/09.html> (дата обращения: 30.08.2021).

219. *Мехлис Л.* Доклад наркома государственного контроля СССР Л. З. Мехлиса секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и председателю СНК СССР В. М. Молотову «Об итогах ревизии танковой промышленности и связанных с ней отраслей народного хозяйства» – 22 марта 1941 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/58559> (дата обращения: 29.08.2021).

220. *Мизес Л.* Экономическая теория социалистического общества // Институт свободы «Московский Либертариум». URL: http://libertarium.ru/l_lib_socialism2 (дата обращения: 29.08.2021).

221. *Милов Л. В.* История России XVIII–XIX веков // ВикиЧтение. URL: <https://history.wikireading.ru/37103> (дата обращения: 29.08.2021).

222. *Мионов Б. Н.* Жизненный уровень в Советской России при Сталине по антропометрическим данным // История государства. URL: <https://statehistory.ru/5705/ZHiznennyu-uroven-v-Sovetskoj-Rossii-pri-Staline-po-antropometricheskim-dannym/> (дата об-

ращения: 29.08.2021).

223. *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.

224. *Мозохин О. Б.* Репрессии в цифрах и документах. М.: Вече, 2018.

225. *Мор Т.* Утопия // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. URL: http://lib.ru/INOOLD/MOR/utopia.txt_with-big-pictures.html#4 (дата обращения: 29.08.2021).

226. *Моруков Ю. Н.* Дальстрой. Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/military_science/text/2628441 (дата обращения: 29.08.2021).

227. *Мосяков Д. В.* История Камбоджи. XX век. М.: ИВ РАН, 2010.

228. *Нагирняк В.* «Студебекер» – автомобиль Победы // Warspot. URL: <https://warspot.ru/12297-studebeker-avtomobil-pobedy> (дата обращения: 30.08.2021).

229. Назинская трагедия // Wikiwand. URL: [https://www.wikiwand.com/ru/Назинская трагедия](https://www.wikiwand.com/ru/Назинская_трагедия) (дата обращения: 29.08.2021).

230. Народное хозяйство РСФСР 1989 г. Развитие материального производства // Исторические МАТериалы. URL: http://istmat.info/files/uploads/29320/narhoz_rsfsr_1989_mat_proizvodstvo.pdf (дата обращения: 29.08.2021).

231. Народное хозяйство СССР 1989. Социальное развитие//Исторические МАТериалы. URL: http://istmat.info/files/uploads/17055/narhoz_ssr_1989_soc._razvitie.pdf (дата об-

ращения: 29.08.2021).

232. Национальный состав и национальная политика партии большевиков до прихода к власти. Здоров А. А. № 3. Киев: КШВСЬКА старовина, 2008.

233. *Нечаев С. Г.* Катехизис революционера // Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: [http:// www.hist.msu.ru/ER/Etext/peshaev.htm](http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/peshaev.htm) (дата обращения: 29.08.2021).

234. Николай Максимович Павленко – крупнейший аферист сталинских времен//FELDGRAU.info. Военно-исторический сайт. URL: <https://feldgrau.info/76-uncategorised/19622-nikolaj-maksimovich-pavlenko-kрупнейший-аферист-сталинских-времен> (дата обращения: 29.08.2021).

235. О выполнении постановления ЦК о развертывании сети мастерских по выполнению индивидуальных заказов одежды и обуви // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/55944> (дата обращения: 29.08.2021).

236. О ставках налога с оборота на кондитерские товары, 14 ноября 1940 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/19832> (дата обращения: 29.08.2021).

237. О ставках налога с оборота на маргариновую продукцию и безалкогольные напитки, 2 августа 1940 г. ЦИсторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/18771> (дата обращения: 29.08.2021).

238. О ставках налога с оборота на масло животное, сыры, мороженое и молочные продукты, 14 августа 1940 г. // Ис-

торические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/18776> (дата обращения: 29.08.2021).

239. О ставках налога с оборота на обои производства государственной и кооперативной промышленности, 16 октября 1940 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/19320> (дата обращения: 29.08.2021).

240. О ставках налога с оборота на пищевые жиры, живой скот и консервы, изготовленные из мяса, полученного по единым ценам, и об изъятии в бюджет разницы от сезонного повышения цен на мясо, 14 августа 1940. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/18792> (дата обращения: 29.08.2021).

241. О ставках налога с оборота на самовары, латунную посуду производства предприятий государственной промышленности, 4 октября 1940 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/19175> (дата обращения: 29.08.2021).

242. О ставках налога с оборота на свежие и сухие фрукты и ягоды, виноград, орехи, ореховое и урюковое ядро, 27 ноября 1940 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/19851> (дата обращения: 9.08.2021).

243. О ставках налога с оборота на товары рыбной промышленности, 8 октября 1940 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/19319> (дата обращения: 29.08.2021).

244. О ставках налога с оборота на ученические и об-

щие тетради производства государственной и кооперативной промышленности, 9 октября 1940 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/19174> (дата обращения: 29.08.2021).

245. О ставках налога с оборота на фототовары, 22 октября 1940 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/19806> (дата обращения: 29.08.2021).

246. О ставке налога с оборота на карманные часы «ЗИМ» производства предприятий Наркомата боеприпасов, 7 декабря 1940 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/19940> (дата обращения: 29.08.2021).

247. О ставке налога с оборота на резиновую обувь производства государственной промышленности, 8 октября 1940 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/19176> (дата обращения: 29.08.2021).

248. О ценах и ставках налога с оборота на сырое хлопковое масло, стиральный порошок и саломас, 3 сентября 1940 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/18793> (дата обращения: 29.08.2021).

249. Обеспечение населения товарами и услугами. Народное хозяйство СССР за 70 лет. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/9306> (дата обращения: 29.08.2021).

250. *Обухов Л. А.* Репрессии и террор в Прикамье в годы гражданской войны // Годы террора. Электронная Книга памяти жертв политических репрессий.

URL: <http://Aniga.pmem.ru/13-2-repressii-terror-v-prikame-v-gody-grazhdanskoj-vojny.htm> (дата обращения: 30.08.2021).

251. *Овсянников В. А.* Импорт СССР 1941–1945. Ленд-лиз. Вооружение и военное снаряжение//Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/41704> (дата обращения: 30.08.2021).

252. *Огарев Н. П.* Избранные социально-политические и философские произведения. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952.

253. *Орлов А. С.* Тайная битва сверхдержав. Глава III. Корея: проба сил // Милитера. Военная литература. URL: http://militera.lib.ru/research/orlov_asl/03.html (дата обращения: 29.08.2021).

254. Основные показатели экономики СССР и США. Статистический сборник. М., 1985.

255. *Островитянов К. В., Шепилов Д. Т., Леонтьев Л. А.* Политическая экономия. Учебник. Глава XXI: Углубление общего кризиса капитализма после Второй мировой войны//Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/33634> (дата обращения: 29.08.2021).

256. *Островский А. В.* Кто стоял за спиной Сталина? Революционное подполье и «нефтяные короли»//ВикиЧтение. URL: <https://history.wikireading.ru/55124> (дата обращения: 29.08.2021).

257. Осуждающая богачей конгрессвумен США спустила 300 долларов на прическу//Лента, ру. 11.10.2019. URL:

[https://lenta.ru/news/2019/10/11/ privileged/](https://lenta.ru/news/2019/10/11/privileged/) (дата обращения: 01.09.2021).

258. *ПаккеК.-Х.* Баланс: экономический анализ проекта «Немецкое единство». М.: Мысль, 2018.

259. Пистолет-пулемет Судаева ППС-43 (СССР) // Стрелковое оружие и боеприпасы. URL: <https://www.armoury-online.ru/articles/smg/ru/pps-43/> (дата обращения: 30.08.2021).

260. Письма трудящихся в ЦК КПСС и сообщения местных общественных организаций по вопросу о тяжелых жилищных условиях // Архив А. Н. Яковлева. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1007603> (дата обращения: 29.08.2021).

261. *Пленков О. Ю.* Нацистское «экономическое чудо» и немецкий народ // ВикиЧтение. URL: <https://military.wikireading.ru/22324> (дата обращения: 29.08.2021).

262. *Пленков О. Ю.* Общие основания нацистской социальной политики // ВикиЧтение. URL: <https://military.wikireading.ru/22327> (дата обращения: 29.08.2021).

263. *Пленков О. Ю.* Соотношение теории и практики в нацистской экономической политике // ВикиЧтение. иКЕ: <https://military.wikireading.ru/22323> (дата обращения: 29.08.2021).

264. *Плеханов Г. В.* Наши разногласия. Глава I. Некоторые исторические справки. 3. Группа «Освобождение труда» // Эсперанто. Моя библиотечка марксиз-

ма. URL: <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Raznogl/raznogl-01.html#cl.3> (дата обращения: 29.08.2021).

265. Плеханов Г. В. Основные вопросы марксизма. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М.: URSS, 2017.

266. По любви к роскоши Ким Чен Ын значительно превзошел отца // Комсомольская правда. 21.02.2014. URL: <https://www.kp.ru/daily/26194/3084479/> (дата обращения: 01.09.2021).

267. Показания С. А. Хренникова о «деятельности контрреволюционной организации в металлопромышленности», данные им в период с 29 октября по 5 ноября 1929 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/60762> (дата обращения: 29.08.2021).

268. Политбюро. О мерах по усилению антирелигиозной работы от 24 января 1929 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/59437> (дата обращения: 28.08.2021).

269. Политбюро ЦК ВКП(б). Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о хлебозаготовках. 5 сентября 1930 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/31719> (дата обращения: 29.08.2021).

270. Политбюро ЦК КП(б)У. Директива Политбюро ЦК КП(б)У о вывозе семенных фондов для выполнения плана хлебозаготовок. 29 декабря 1932 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/38420> (дата обращения: 29.08.2021).

29.08.2021).

271. Полномочная комиссия ВЦИК. Постановление ВЦИК РСФСР Тамбовской губернии от 23.06.1921 г. № 116 // Викитека. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ВЦИК_РСФСР_Тамбовской_губернии_от_23.06.1921_г._№_116 (дата обращения: 28.08.2021).

272. Полномочная комиссия ВЦИК. Приказ Полномочной комиссии ВЦИК о начале проведения репрессивных мер против отдельных бандитов и укрывающих их семей // Дилетант. URL: <https://diletant.media/articles/34265090/> (дата обращения: 28.08.2021).

273. Польского профессора уволили под давлением ЛГБТ-сообщества // Regnum. 29.11.2019. URL: <https://regnum.ru/news/2793769.html> (дата обращения: 01.09.2021).

274. *Попов В. П.* Государственный резерв хлеба в СССР и социальная политика // Федеральний образовательный портал: экономика, социология, менеджмент. URL: <http://ecsosman.hse.ru/data/579/695/1217/004.ПОВОВ.pdf> (дата обращения: 29.08.2021).

275. Постановление ЦК ВКП(б) от 2 января 1933 г. О выполнении плана хлебосдачи совхозами. Приложение № 10 к п. 54/34 пр. ПБ № 128 // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/58522> (дата обращения: 29.08.2021).

276. Правительство Российской Республики. Положение о рабочем контроле. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/>

DEKRET/rab_ctrl.htm (дата обращения: 28.08.2021).

277. Правительство Российской Республики. Постановление правительства о созыве Учредительного собрания в назначенный срок. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/uchredl.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

278. Приказ НКВД от 11.10.1939 № 001223 // Викитека. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/НрНКа3_НКВф1_ОТ_11.10.1939_№_001223 (дата обращения: 29.08.2021).

279. Программа «Земли и воли». Май 1878 г. Окончательная редакция // Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/zemvol.htm> (дата обращения: 29.08.2021).

280. Процесс ликвидации ГУЛАГа. Реорганизация лагерной системы после смерти И. В. Сталина // Музей истории ГУЛАГа. URL: <https://gmig.bm.digital/ontology/316108183380713472/protsess-likvidatsii-gulaga> (дата обращения: 29.08.2021).

281. Прудон П. Ж. Что такое собственность? М.: Республика, 1998.

282. Пулемет СГ-43 // Стрелковое оружие во Второй мировой войне. URL: <http://smallarms.ru/article?arms=sg43> (дата обращения: 30.08.2021).

283. *Пушкарева Н. Л.* Гендерная система Советской России и судьбы россиянок// Новое литератур-

ное обозрение. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18922/ (дата обращения: 29.08.2021).

284. *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. Глава 13. Красный террор в Петрограде// Ленин: революционер, мыслитель, человек. URL: <https://4enininism.su/books/4056-bolsheviki-u-vlasti-pervyj-god-sovetskoj-epoxy-v-petrograde.html?showall=&start=15> (дата обращения: 28.08.2021).

285. *Радищев А. Н.* Сочинения. М.: Художественная литература, 1988.

286. Ракетно-космический центр «Прогресс» // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ракетно-космический_центр_Прогресс (дата обращения: 30.08.2021).

287. *Ратьковский И. С., Ходяков М. В.* История Советской России. Глава 5. Укрепление режима личной власти и годы реформ. 1946–1964 гг. // Библиотека Гумер. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Rat/18.php (дата обращения: 29.08.2021).

288. Репрессии в период правления Кастро // DictatorBand. URL: <http://dictatorband.ru/diktatory-sovremennosti/fidel-kastro/repressii-v-period-pravleniya-kastro.html> (дата обращения: 29.08.2021).

289. *Ришцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.

290. *Рогалина Н. Л.* Голод 1932–1933 гг.: «гено-

цид украинского народа» или общая трагедия народов СССР? // Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/obrukr-golod.htm#R4> (дата обращения: 29.08.2021).

291. Рождаемость, смертность, детская смертность и чистый прирост населения СССР в 1913, 1926–1955 гг. 12 марта 1957 г. // Исторические МАТериалы. URL: http://istmat.info/files/uploads/38432/rgae_1562.33.2638_rozhdaemost_smertnost_i_chistyuy_prirost_naseleniya_sssr._191 (дата обращения: 29.08.2021).

292. *Розенберг М. И.* Из письма временного поверенного в делах СССР во Франции М. И. Розенберга заместителю наркома иностранных дел СССР Н. Н. Крестинскому о статьях французской прессы о голоде в СССР. 9 августа 1933 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/43580> (дата обращения: 29.08.2021).

293. Рокки Т. Политический терроризм в Российской империи в 1901–1911 гг. и его место в исторической памяти России//Алтайская школа политических исследований. 22.06.2020. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=18163&cpage=1> (дата обращения: 01.09.2021).

294. *Роккуччи А.* Сталин и патриарх. Православная церковь и советская власть 1917–1958. М.: РОССПЭН, 2016.

295. Роскошь по-северокорейски: что значит жить

богато в Пхеньяне // Компромат. ру. URL: http://www.compromat.ru/page_37034.htm (дата обращения: 29.08.2021).

296. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник//Библиотека Гумер. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Stat/23.php (дата обращения: 29.08.2021).

297. Россия в XX веке: как экономика определяла историю, а история – экономику//Российское историческое общество. URL: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/monographic/ekonomicheskoe-chudo-rossiya-v-khkh-veke-kak-ekonomika-opredelyala-istoriyu-a-istoriya-ekonomiku.html> (дата обращения: 29.08.2021).

298. *Рубакин Н. А.* Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. § 8. Сословия в России. Их численность и распределение по лицу земли русской//Исторические МА-Териалы. URL: <http://istmat.info/node/24425> (дата обращения: 28.08.2021).

299. *Руйян Ж.-М.* Наше дело против их дел. Интервью лидера Action directe («Аксьон директ») Жан-Марка Руйяна организации «Роте Хильфе» («Красная помощь») // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: https://scepsis.net/library/id_3365.html (дата обращения: 29.08.2021).

300. *Руйян Ж.-М., Абдалла Ж. И.* «Право крити-

ки нашего опыта принадлежит тем революционерам, кто готовится его преодолеть и радикально переосмыслить в борьбе»//Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: https://scepsis.net/library/id_3390.html (дата обращения: 29.08.2021).

301. *Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение о происхождении неравенства// Соционауки. Философия и общество. 2001. Вып. № 2 (23). URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/258188/> (дата обращения: 29.08.2021).

302. *Руссо Ж.-Ж.* Юлия, или Новая Элоиза. Ч. 6. Письмо 8 // Librebook.me. URL: https://librebook.me/iuliia_ili_novaia_eloiza/vol3/7 (дата обращения: 29.08.2021).

303. *Рыков А. И.* Избранные произведения. М.: Экономика, 1990.

304. *Савченко В. А.* Главнокомандующий Муравьев: «... Наш лозунг – быть беспощадными!»//Милитера. Военная литература. URL: <http://militera.lib.ru/bio/savchenko/02.html> (дата обращения: 30.08.2021).

305. *Сакевич В. И.* Что было после запрета аборта в 1936 году // Демоскоп. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/reprod01.php#_FNR_1 (дата обращения: 28.08.2021).

306. *Саламатова М. С.* «Лишенцы» // Историческая энциклопедия Сибири (2009). Иркипедия. URL: http://irkipedia.ru/content/lishency_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (дата обращения: 30.08.2021).

307. Сведения Главного артиллерийского управления о поступлении из-за границы пулеметов и ружей-пулеметов за время первой мировой войны // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/44772> (дата обращения: 28.08.2021).

308. Сведения о злодеяниях большевиков в городе Екатеринбургe и его окрестностях // Хронос. URL: http://www.hrono.ru/dokum/191_dok/1918030lekat.html (дата обращения: 30.08.2021).

309. Сведения о количестве детей, содержащихся в концлагерях Тамбовской губернии на 1 августа 1921 г. URL: <https://www.tstu.ru/winAultur/other/antonov/raz290.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

310. Сведения о составе заключенных в Кирсановском концентрационном полевом лагере № 81-го боеучастка. URL: <https://www.tstu.ru/winAultur/other/antonov/raz205.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

311. Сводка писем в ЦК КПСС о неудовлетворительном снабжении населения продовольственными товарами первой необходимости, 24.11.1955 // АрхивА. Н. Яковлева. URL: <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1007468> (дата обращения: 28.08.2021).

312. Святейший Патриарх огласил статистические данные о жизни Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. 29.11.2017. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5072750.html> (дата обраще-

ния: 28.08.2021).

313. *Святловский В.* Филиппо Буонарроти. Гракх Бабёф и заговор равных. Предисловие. К новой идеологии – к новой революции. URL: <http://saint-juste.narod.ru/Babeufl.html> (дата обращения: 29.08.2021).

314. *Семичастный В. Е.* Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы // ВикиЧтение. URL: <https://history.wikireading.ru/249744> (дата обращения: 28.08.2021).

315. *Силин П.* Материалы по деятельности Чрезвычайных комиссий. Астраханские расстрелы // Хронос. URL: http://www.hrono.ruAibris4ib_ch/ch_kal3.html (дата обращения: 28.08.2021).

316. *Скворцов С.* Разврат ли это. Открытое письмо. № 76, апрель 1927 // Журнал «Смена». URL: <https://smena-online.ru/stories/razvrat-li-eto-0> (дата обращения: 28.08.2021).

317. Слишком Куба. Сможет ли экономика Острова свободы выйти из тупика // Коммерсантъ Деньги. 2016. № 48.

318. Смертная казнь: от СССР до современной России // Pravo.ru. 23.11.2018. URL: <https://pravo.ru/story/206498/> (дата обращения: 28.08.2021).

319. *Смилга И. Т.* Из доклада заместителя председателя Госплана СССР И. Т. Смилги на заседании военной секции Коммунистической академии «Оборонная работа в промышленности» // Исторические МАТериалы. URL: <http://>

istmat.info/node/30744 (дата обращения: 28.08.2021).

320. *Смирнов С.* Оброк и откуп в Венесуэле: как режим Мадуро перешел от социализма к дикому капитализму // The Bell. 18.02.2021. URL: <https://thebell.io/obrok-i-otkup-v-venesuele-kak-rezhim-maduro-pereshel-ot-sotsializma-k-dikomu-kapitalizmu> (дата обращения: 28.08.2021).

321. *Смолкин В.* Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

322. Совет Народных Комиссаров СССР. Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/28231> (дата обращения: 28.08.2021).

323. Совет Народных Комиссаров СССР. Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/religion.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

324. Совет Народных Комиссаров СССР. Декрет Совета Народных Комиссаров. О сдаче оружия // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/31996> (дата обращения: 28.08.2021).

325. Совет Народных Комиссаров СССР. Декрет «Социалистическое отечество в опасности!». URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/opasnost.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

326. Совет Народных Комиссаров СССР. О выдаче гражд-

данам Союза ССР паспортов на территории СССР. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/58840> (дата обращения: 28.08.2021).

327. Совет Народных Комиссаров СССР. О прописке паспортов колхозников-отходников, поступающих на работу в предприятия без договоров с хозорганами // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/41903> (дата обращения: 28.08.2021).

328. Совет Народных Комиссаров СССР. Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства. Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/31868> (дата обращения: 28.08.2021).

329. Совет Народных Комиссаров СССР. Об утверждении инструкции о выдаче паспортов // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/35525> (дата обращения: 28.08.2021).

330. Совет Народных Комиссаров СССР. Постановление Совета Народных Комиссаров «О красном терроре»//100 главных документов российской истории. URL: <https://doc.histrf.ru/20/postanovlenie-soveta-narodnykh-komissarov-o-krasnom-terrore/> (дата обращения: 28.08.2021).

331. *Сото Х. У. де.* Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: Ирисэн, 2008.

332. Соцстрой 1934. Животноводство // Ис-

торические МАТериалы. URL: http://istmat.info/files/uploads/22072/socstroy1934_zhivotnovodstvo.pdf (дата обращения: 28.08.2021).

333. Соцстрой 1934. Техническое вооружение сельского хозяйства // Исторические МАТериалы. URL: http://istmat.info/files/uploads/22072/socstroy1934_tehnicheskoe_vooruzhenie.pdf (дата обращения: 28.08.2021).

334. Спецсводка СПО ОГПУ № 60 о ходе хлебозаготовок по материалам УССР, СКК, СВК, НВК, ЦЧО, Крыма, БССР, ИПО, Татарии, Нижегородского края, Урала, ЗСК, Грузии и Азербайджана на 22 сентября 1932 г. 26 сентября 1932 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/56123> (дата обращения: 28.08.2021).

335. Спецсообщение УНКВД по Саратовскому краю о фактах убоя и распродажи скота в некоторых районах, по данным на 5 декабря 1936 г.

11 декабря 1936 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/57403> (дата обращения: 28.08.2021).

336. Справка о розничных ценах на товары народного потребления в 1966–1970 гг., 14.12.1965 // Архив А. Н. Яковлева. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1015318> (дата обращения: 28.08.2021).

337. Справка Статистического бюро Особого совещания по обороне о количестве промышленных предприятий и числе рабочих, обслуживавших военную промышленность в

1916 г. //Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/37772> (дата обращения: 28.08.2021).

338. Справка члена Бюро КСК Москвина по оловянной промышленности (о выполнении решений СНК). 25 февраля 1937 г.//Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/59385> (дата обращения: 28.08.2021).

339. Средняя зарплата на Кубе составила \$ 30,7 // Известия. 25.08.2018. URL: <https://iz.ru/781629/2018-08-25/sredniaia-zarplata-na-kube-sostavila-307> (дата обращения: 01.09.2021).

340. *Сталин И. В.* Год великого перелома: к XII годовщине Октября//Marxists Internet Archive. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/tl2/tl2_06.htm (дата обращения: 30.08.2021).

341. *Сталин И. В.* Краткий курс истории ВКП(б). М.: Правда, 1938.

342. *Сталин И. В.* Национальные моменты в партийном и государственном строительстве //Хронос. Всемирная история в интернете. URL: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/5-II.html> (дата обращения: 29.08.2021).

343. *Сталин И. В.* Об итогах июльского пленума ЦК ВКП(б): доклад на собрании актива ленинградской организации ВКП(б) 13 июля 1928 г. // Marxists Internet Archive. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/tll/tll_18.htm (дата обращения: 30.08.2021).

344. *Сталин И. В.* Организационный отчет Централь-

ного Комитета РКП(б) // Сталин: время, люди, империя. URL: <https://stalinism.ru/sobranie-sochineniy/tom-v/xii-s-ezd-rkpb.html> (дата обращения: 29.08.2021).

345. *Сталин И. В.* Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) // Хронос. URL: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/13-27.html> (дата обращения: 30.08.2021).

346. *Сталин И. В.* Речь на Красной площади. 7 ноября 1941 г. // Документы XX века. URL: <http://doc20vek.ru/pode/1401> (дата обращения: 28.08.2021).

347. Стало известно о кутежах Ким Чен Ына в бронепоезде с девственницами // Лента. ру. 28.04.2020. URL: https://lenta.ru/news/2020/04/28/kims_train/ (дата обращения: 01.09.2021).

348. *Станкевичюс А. М.* Тора и другие: сравнительный анализ древних законов. СПб.: Реноме, 2015.

349. Статья 58 УК РСФСР. Уголовный кодекс РСФСР // Сталин: время, люди, империя. URL: <https://stalinism.ru/dokumentyi/statya-58-uk-rsfsr> (дата обращения: 28.08.2021).

350. *Стеттиниус Э.* Роль ленд-лиза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Милитера. Военная литература. URL: <http://militera.lib.ru/memo/usa/stettinius/06.html> (дата обращения: 28.08.2021).

351. *Стецюра Т. Д.* Хозяйственная этика Фомы Аквинского. М.: РОССПЭН, 2010.

352. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

353. *Султан-Галиев М. Х.* Красный террор в Крыму 1920–1922. Документы// Уроки истории. Двадцатый век. URL: <https://urokiistorii.ru/articles/krasnyj-terror-v-krymu-1920-1922> (дата обращения: 28.08.2021).

354. *Сундуров Ф. Р., Тарханов И. А.* Уголовное право России. Общая часть. М.: Статут, 2016.

355. *Суряев В. Н.* Русская императорская армия накануне и в годы Великой войны. М.: Русская панорама, 2015.

356. Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Декрет о земле 26 октября (8 ноября) 1917 г. //Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_zemle.htm (дата обращения: 28.08.2021).

357. Т-34//Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Т-34>(датаобращения: 30.08.2021).

358. Т-34-85 // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Т-34-85> (дата обращения: 30.08.2021).

359. Тайны команданте. Женщины, богатства и стиль Фиделя Кастро//Лента, ру. 11.03.2018. URL: https://lenta.ru/articles/2018/03/11/na_ostrove_svobodii/ (дата обращения: 01.09.2021).

360. *Тарасов А.* Вьетнам близко, или Партизанская война на берегах Рейна // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: https://scepsis.net/library/id_658.html (дата обращения: 30.08.2021).

361. ТАСС. Сообщение ТАСС «Антисоветская клевета

австрийской газеты».

20 июля 1933 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/43579> (дата обращения: 28.08.2021).

362. *Твердюкова Е. Н.* Государственное регулирование внутренней торговли в СССР. СПб.: СПбГУ, 2011.

363. *Терещенко А. С.* Тайны серебряного века. Уходили мы из Крыма... // ВикиЧтение. URL: <https://history.wikireading.ru/316747> (дата обращения: 28.08.2021).

364. *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. М.: Издательство политической литературы, 1990.

365. *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М.: Т8RUGRAM, 2017.

366. *Троцкий Л. Д.* Преданная революция. Глава 2: Хозяйственное развитие и зигзаги руководства. «Военный коммунизм», «новая экономическая политика» (НЭП) и курс на кулака // Marxists Internet Archive. URL: <https://www.marxists.Org/russkij/trotsky/1936/betrayed/2.html> (дата обращения: 28.08.2021).

367. *Троцкий Л. Д.* Преданная революция. Глава 6: Рост неравенства и социальных антагонизмов. Нужда, роскошь, спекуляция // Marxists Internet Archive. URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1936/betrayed/6.html> (дата обращения: 30.08.2021).

368. *Троцкий Л. Д.* Сталин. Т. 1. Период реакции // Библиотека. Интернет-издательство. Электронные издания произведений и биографических и критических материалов. URL: <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trot!030.htm#st04>

(дата обращения: 29.08.2021).

369. *Туз А.* Цена разрушения: создание и гибель нацистской экономики. М.: Издательство Института Гайдара, 2019.

370. *Туфа А.* Положение жертв коммунизма в современной Албании / Стенограмма и видео круглого стола // Уроки истории. Двадцатый век. URL: <https://urokiistorii.ru/articles/polozhenie-zhertv-kommunizma-v-sovreme-2> (дата обращения: 28.08.2021).

371. *Тухачевский М. Н.* Приказ командования войсками Тамбовской губернии о применении удушливых газов против повстанцев. 12 июня 1921 г. // Документы XX века. URL: <http://www.doc20vek.ru/node/3986> (дата обращения: 28.08.2021).

372. Уголовный Кодекс РСФСР. Глава III. Нарушение правил об отделении церкви от государства. Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375/titles/21RKBR6> (дата обращения: 28.08.2021).

373. *Уильямс А., Срничек Н.* Акселерационистский манифест // Left.by. 21.01.2014. URL: <http://left.by/archives/251> (дата обращения: 28.08.2021).

374. *Уиткрофт С., Дэвис Р.* Годы голода: сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М.: РОССПЭН, 2011.

375. Усконин. Из доклада председателя полномочной «пятерки» на заседании Кирсановской участковой полит-

комиссии о карательных мерах против повстанцев. URL: <https://www.tstu.ru/winAultur/other/antonov/raz259.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

376. Федеральное Собрание Российской Федерации. Заявление Государственной Думы. Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://duma.consultant.ru/files/955838> (дата обращения: 29.08.2021).

377. *Федосеев С.* Самый массовый для самых военных десятилетий // Военно-промышленный курьер. URL: <https://vprk-news.ru/articles/6429> (дата обращения: 30.08.2021).

378. *Федосеев С.* «Трехлинейка» и все ее семейство // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/753-trexlinejka-i-vse-ee-semejstvo.html> (дата обращения: 30.08.2021).

379. *Филимонов А.* Жизнь на острове смерти // Пермское краевое отделение общества «Мемориал». 22.02.2019. URL: <http://pmem.ru/index.php7idA771> (дата обращения: 30.08.2021).

380. *Фирдоуси.* Шахнаме // Портал «Родон». URL: <http://www.rodon.org/firdousi/sh.htm#a225> (дата обращения: 29.08.2021).

381. *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2008.

382. *Фома Аквинат.* Сумма теологии. Том VIII. Вопрос 66. О воровстве и грабеже // Азбука ве-

ры. URL: <https://azbyka.ru/otechnika/Confessii/summa-teologii-tom-8/20> (дата обращения: 29.08.2021).

383. *Хайек Ф. фон.* Дорога к рабству. М.: АСТ, 2012.

384. *Хайнциг Д.* ГУЛАГ и Лаогай: сравнительный анализ двух систем принудительного труда // Cyberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gulag-i-laogay-sravnitelnyy-analiz-dvuh-sistem-prinuditelnogo-truda/viewer> (дата обращения: 29.08.2021).

385. *Харрауэй Д.* Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Academia. URL: https://www.academia.edu/38881584/Донна_Харауэй (дата обращения: 29.08.2021).

386. *Хлевнюк О.* Сталин. Жизнь одного вождя. М.: АСТ, 2015.

387. *Ходжа Э.* Империализм и революция. Тирана: 8 Нентори, 1979.

388. *Хоркхаймер М.* Традиционная и критическая теория. Перевод классического текста Макса Хоркхаймера // Журнал DOXA. URL: <https://doxajournal.ru/translations/ctheory> (дата обращения: 29.08.2021).

389. *Хрущев Н. С.* Послевоенные размышления // Милитера. Военная литература. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/Ahrushev1/28.html> (дата обращения: 29.08.2021).

390. Центральный Исполнительный Комитет. Декрет о роспуске Учредительного собрания, 6 января 1918. URL: <http://www.hist.msu.ru/ERAtext/DEKRET/uchred2.htm> (дата

обращения: 29.08.2021).

391. ЦИК и СНК СССР. О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении наказания за неплатеж алиментов // Исторические МАТериалы. URL: <https://istmat.info/node/24072> (дата обращения: 28.08.2021).

392. ЦИК СССР. Декрет Центрального Исполнительного Комитета Советов. О лагерях принудительных работ // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/35823> (дата обращения: 28.08.2021).

393. ЦИК СССР. Положение о сельскохозяйственном налоге на 1934 год // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/40900> (дата обращения: 28.08.2021).

394. ЦИК СССР. Постановление от 25 февраля 1927 года. Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3204.htm (дата обращения: 28.08.2021).

395. *Цинченко Г. М.* Политика в отношении семьи в первые годы Советской власти // Университет Лобачевского. URL: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/18115942_2015_-_1\(37\)_unicode/24.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/18115942_2015_-_1(37)_unicode/24.pdf) (дата обращения: 29.08.2021).

396. Циркуляр Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР о выдаче паспортов лицам, выезжающим из сельских непаспортизированных местностей. 1 января 1935 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/40230> (дата обращения: 28.08.2021).

397. Циркуляр ГУРКМ НКВД СССР № 37 об изменении порядка выдачи паспортов лицам, выезжающим из сельских местностей. 16 марта 1935 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/40283> (дата обращения: 28.08.2021).

398. ЦСУ СССР. Данные ЦСУ СССР о браках и разводах в СССР в 1940, 1943–1954 гг. и I полугодии 1955 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/18483> (дата обращения: 28.08.2021).

399. *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. М.: Культурная революция, 2006.

400. *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений в 15 т. Т. XL М.: Художественная литература, 1939.

401. *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений в 15 т. Т. XVI. М.: Художественная литература, 1953.

402. *Черняев А. С.* Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 // ЛитМир. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=562067> (дата обращения: 28.08.2021).

403. *Шафаревич И. Р.* Социализм как явление мировой истории. Париж: YMCA-PRESS, 1977.

404. *Шичалина Ю. А.* Отношение Хабермаса к крити-

ческой теории общества и марксизму // Библиотека по философии. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000197/st076.shtml> (дата обращения: 28.08.2021).

405. *Шишкин В. И.* Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса // Сибирская Заимка. История Сибири в научных публикациях. URL: <http://zaimka.ru/shishkin-rebellion/> (дата обращения: 28.08.2021).

406. *Эллман М.* Голод 1947 г. в СССР // Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB10/SEM/Ellman.html#1> (дата обращения: 28.08.2021).

407. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М.: АСТ, 2019.

408. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.

409. *Юферева С.* Дезертирство в истории войн. Военное обозрение. 18.08.2016. URL: <https://topwar.ru/99379-dezertirstvo-v-istorii-voyn.html> (дата обращения: 28.08.2021).

410. *Яблоков А.* «Горки Ленинские» накануне ребрендинга // Ведомости. 26.04.2013. URL: <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2013/04/26/gorki-leninskie-nakanune-rebrendinga> (дата обращения: 01.09.2021).

411. *Ягода Г. Г.* «Докладная записка» заместителя председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды в ЦК ВКП(б) «О выполнении решений ЦК ВКП(б) об устройстве спецпереселенцев». 4 января 1932 г. // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/47453> (дата обращения: 28.08.2021).

412. 1963: Four Cubans as CIA spies // ExecutedToday.com. URL: <https://www.executedtoday.com/tag/cabana-fortress/> (дата обращения: 28.08.2021).

413. A 60 anos de su inicio: La guerra del Escambray en la memoria colectiva // CubaDebate. URL: <http://www.cubadebate.cu/especiales/2020/09/09/a-60-anos-de-su-inicio-la-guerra-del-escambray-en-la-memoria-colectiva-video/> (дата обращения: 28.08.2021).

414. *Abrams S., Khalid A.* Are colleges and universities too liberal? What the research says about the political composition of campuses and campus climate// American Enterprise Institute. 21.10.2020. URL: <https://www.aei.org/articles/are-colleges-and-universities-too-liberal-what-the-research-says-about-the-political-composition-of-campus-and-campus-climate/> (дата обращения: 01.09.2021).

415. Amazon. Amazon // Twitter. URL: <https://twitter.com/amazon/status/1267140211861073927> (дата обращения: 28.08.2021).

416. AOC proposes funding to deprogram white supremacists // New York Post. 15.01.2021. URL: <https://nypost.com/2021/01/15/aoc-proposes-funding-to-deprogram-white-supremacists/> (дата обращения: 01.09.2021).

417. *Ball I.* A short History of Black Lives Matter. The Real news network. 23.07.2015. URL: <https://therealnews.com/rcullors0722blacklives> (дата обращения: 01.09.2021).

418. *Basu K.* Famine // Encyclopaedia Britannica. URL:

<https://www.britannica.com/science/famine#ref1007454> (дата обращения: 28.08.2021).

419. Black Lives Matter. About. Black Lives Matter. URL: <https://blacklivesmatter.com/about/> (дата обращения: 28.08.2021).

420. *Bldzquez A.* Умар: Castro's genocide plan. Guaracabuya. Organo Oficial de la Sociedad Economica de Amigos del Pais. URL: <http://amigospais-guaracabuya.org/oagaq003.php> (дата обращения: 28.08.2021).

421. BMW поддержала гей-сообщество радужным логотипом и шокировала россиян // Секрет фирмы. 30.06.2020. URL: <https://secretmag.ru/news/bmw-podderzhala-gei-soobshestvo-raduzhnym-logotipom-i-shokirovala-rossiyan.htm> (дата обращения: 01.09.2021).

422. Capital punishment in Spain//En. Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Capital_punishment_in_Spain (дата обращения: 28.08.2021).

423. *Chan K. N.* Korean Prison Camp Survivors Speak at UN Meeting//The Cristian Post. 07.04.2005. URL: <https://www.christianpost.com/Intl/Overseas/2005/04/n-korean-prison-camp-survivors-speak-at-un-meeting-07/> (дата обращения: 01.09.2021).

424. Cultural Revolution // En. Wikipedia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/CulturalRevolution> (дата обращения: 01.09.2021).

425. *Darmanin I.* French minister wants inquiry into so-called Islamo-leftist bias in academia//Politico. 17.02.2021. URL: <https://www.politico.eu/article/french-minister-wants-inquiry-into-so-called-islamo-leftist-bias-in-academia/> (дата обращения: 01.09.2021).

426. Der Volksgerichtshof//Deutsches Historisches Museum. URL: <https://www.dhm.de/emo/Aapitel/ns-regime/innenpolitik/volksgerichtshof.html> (дата обращения: 28.08.2021).

427. Documented deaths and disappearances attributed to the Cuban revolution // Cuba Archivo. 31.12.2020. URL: <https://cubaarchive.org/wp-content/uploads/2021/01/12.31.2020-Update.pdf> (дата обращения: 28.08.2021).

428. *Dowling S.* The Cold War bunkers that cover a country// BBC. 02.11.2018. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20181102-the-cold-war-bunkers-that-cover-a-country> (дата обращения: 28.08.2021).

429. DPIC. Executions in the U.S. 1608–2002: The Espy File // Death Penalty Information Center. URL: <https://deathpenaltyinfo.org/executions/executions-overview/executions-in-the-u-s-1608-2002-the-espys-file> (дата обращения: 28.08.2021).

430. Evo Morales y la acaudalada hija de Hugo Chavez se inmiscuyen en las elecciones de Ecuador

con información falsa, aclarada por el CNE // El Universo. 01.02.2021. URL: <https://www.eluniverso.com/noticias/2021/02/01/nota/9609774/elecciones-ecuador-2021-cne-evo-morales-chavez-arauz/> (дата обращения: 01.09.2021).

431. Explore All Countries // The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/> (дата обращения: 28.08.2021).

432. Facts & Figures: Income and Prices 1900–1999 // U. S. Diplomatic Mission to Germany. URL: https://usa.usembassy.de/etexts/his/e_pricesl.htm (дата обращения: 28.08.2021).

433. Famines in the Indian Subcontinent, 1500 to 1767 // The Vinland Map Hoaxes within hoaxes. URL: <http://www.vinlandmap.info/india-famine/ml509.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

434. Famines in the Indian Subcontinent, 1500 to 1767 // The Vinland Map Hoaxes within hoaxes. URL: <http://www.vinlandmap.info/india-famine/ml570.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

435. *Firestone S. The Dialectic of Sex* // Marxists Internet Archive. URL: <https://www.marxists.org/subject/women/authors/firestone-shulamith/dialectic-sex.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

436. Flucht aus der Sowjetischen Besatzungszone und der DDR // De.Wikipedia. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Flucht_aus_der_Sowjetischen_Besatzungszone_und_der_DDR

(дата обращения: 28.08.2021).

437. France. Condamnations 1870–1981 // Le Site de la Veuve Guillotine. URL: <https://laveuveguillotine.pagesperso-orange.fr/Condamnations1870-1981.html> (дата обращения: 28.08.2021).

438. Gregor Strasser//De. Wikipedia. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Gregor_Strasser (дата обращения: 30.08.2021).

439. Gregor Strasser//En. Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Gregor_Strasser (дата обращения: 30.08.2021).

440. *Harding E.* Universities stifle debate as academics lurch to the left – with Three in Four now backing left and liberal parties // Daily Mail. 02.03.2017. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-4273474/Universities-stifle-debate-academics-lurch-left.html> (дата обращения: 01.09.2021).

441. Health consequences of Cuba's Special Period// Canadian Medical Association Journal. 2008. Vol. 179.

442. Horseshoe theory // En. Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Horseshoe_theory (дата обращения: 30.08.2021).

443. *Ignatiev N.* Abolish the White Race // Harvard Magazine. 2002. September-October.

444. *Ingraham C.* The dramatic shift among college professors that's hurting students'

education // The Washington Post. 11.01.2016. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2016/01/11/the-dramatic-shift-among-college-professors-thats-hurting-students-education/> (дата обращения: 01.09.2021).

445. *ladunath S.* Fall Of The Mughal Empire Vol. 1. Calcutta. Orient Longman Ltd, 1964.

446. *Jaggat Alison M.* Feminist Politics and Human Nature. Totowa, N. J.: Rowman & Allanheld, 1983.

447. *Kidd P.* The Price of Achievement Under Castro // The Saturday Review. May, 1969. Vol. 3.

448. *Kinealy C.* Food Exports from Ireland 1846-47 // History Ireland. URL: <https://www.historyireland.com/18th-19th-century-history/food-exports-from-ireland-1846-47/> (дата обращения: 28.08.2021).

449. Knight Foundation. Free Expression on College Campuses // Knight Foundation. 13.05.2019. URL: <https://Anightfoundation.org/reports/free-expression-college-campuses/> (дата обращения: 28.08.2021).

450. *Kreienbaum I.* Friedrich von Lindequist, koloniale Konzentrationslager und transimperiales Lernen//Revue d'Allemagne. 2016. Vol. 48. N 1.

451. La Comision Nacional sobre Prision Politica y Tortura // Comision Nacional sobre Prision Politica y Tortura. 24.09.2016. URL: <http://www.comisiontortura.cl/> (дата обращения: 01.09.2021).

452. *Lafond H.* The Most Expensive Outfits

Alexandria Ocasio-Cortez Has Ever Worn // The List. 13.07.2021. URL: <https://www.thelist.com/460356/the-most-expensive-outfits-alexandria-ocasio-cortez-has-ever-worn/> (дата обращения: 01.09.2021).

453. *Lago A. M.* 216 Documented victims of Che Guevara in Cuba: 1957 to 1959 // Scribd. URL: <https://ru.scribd.com/doc/10943441/216-DOCUMENTED-VICTIMS-OF-CHE-GUEVARA-IN-CUBA-1957-TO-1959> (дата обращения: 28.08.2021).

454. Le petit parisien. Статья из газеты “Le petit parisien” «Серьезный продовольственный кризис свирепствует в России». 31.07.1933 // Исторические МАТериалы. URL: <http://istmat.info/node/43574> (дата обращения: 28.08.2021).

455. Mehr als 40.000 Nazi-Zwangslager in Europa// ZeitOnline. 02.03.2013. URL: <https://www.zeit.de/wissen/geschichte/2013-03/holocaust-studie-ghetto> (дата обращения: 28.08.2021).

456. Mercedes-Benz W100 – Der “Grofte Mercedes” // Benz-Club.org. URL: <https://benz-club.org/index.php/obzory/655-mercedes-benz-w100-der-gro-e-mercedes/> (дата обращения: 28.08.2021).

457. Military dictatorship of Chile (1973–1990) // En. Wikipedia. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Military_dictatorship_of_Chile_\(1973%E2%80%931990\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Military_dictatorship_of_Chile_(1973%E2%80%931990)) (дата обращения: 28.08.2021).

458. Noel Ignatiev // En. Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Noel_Ignatiev

en.wikipedia.org/wiki/Noel_Ignatiev (дата обращения: 01.09.2021).

459. North Korea has carried out 1,400 public executions since 2000, report claims//The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/law/2015/jul/06/north-korea-public-executions> (дата обращения: 28.08.2021).

460. Peine de mort en republique populaire de Chine//Fr. Wikipedia. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Peine_de_mort_en_r%C3%A9publique_populaire_de_Chine (дата обращения: 01.09.2021).

461. Phnom Penh//En. Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Phnom_Penh (дата обращения: 01.09.2021).

462. Policy on North Korean Defectors // Ministry of Unification. URL: https://www.unikorea.go.kr/eng_unikorea/relations/statistics/defectors/ (дата обращения: 28.08.2021).

463. Popular Spanish far-left party in turmoil after leader buys luxury house // Independent. 28.05.2018. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/spain-podemos-luxury-house-pablo-iglesias-irene-montero-spain-madrid-far-left-party-a8372751.html> (дата обращения: 01.09.2021).

464. Reconcentracion // Es. Wikipedia. URL: <https://es.wikipedia.org/wiki/Reconcentraci%C3%B3n> (дата обращения: 30.08.2021).

465. Religion in Nazi Germany//Wikipedia. URL: <https://>

en.wikipedia.org/wiki/

Religion_in_Nazi_Germany#Kirchenkampf_(church_struggle)
(дата обращения: 30.08.2021).

466. *Savenjuk G.* Где прячут деньги богатые россияне и откуда они у дочери Уго Чавеса? International Wealth. URL: <https://internationalwealth.info/news-of-the-offshore/where-do-the-rich-russians-hide-their-money-and-where-does-it-come-from-the-daughter-of-hugo-chavez/> (дата обращения: 28.08.2021).

467. *Smith McIntyre D.* Socialist AOC appears in Vanity Fair in \$ 14,000 of designer suits and Louboutins to call Trump a motherf****r for not paying tax – as she compares herself to Hillary and Pelosi // Daily Mail. 28.10.2020. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8889119/AOC-appears-cover-Vanity-Fair-says-shes-boogeyman-Dems.html> (дата обращения: 01.09.2021).

468. Spain's Reconcentrado policy in Cuba 1896-97 // Latin American Studies. URL: <https://www.latinamericanstudies.org/reconcentrado.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

469. The Death Penalty in the U. S. (1976–2008) // Office of the Clark County Prosecuting Attorney. URL: <http://www.clarkprosecutor.org/html/death/dpusa.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

470. The Foundation for Individual Rights in Education. Largest ever free speech survey of college students ranks top campuses for expression // FIRE.

29.09.2020. <https://www.thefire.org/largest-ever-free-speech-survey-of-college-students-ranks-top-campuses-for-expression/> (дата обращения: 01.09.2021).

471. The history of judicial hanging in Britain 1735–1964// Capital Punishment U. K. URL: <http://www.capitalpunishmentuk.org/hangingl.html> (дата обращения: 28.08.2021).

472. Twitch будет банить пользователей за нарушение правил платформы за ее пределами // Cybersport. 07.04.2021. URL: <https://www.cybersport.ru/other/news/twitch-budet-banit-polzovatelei-za-narushenie-pravil-platformy-za-ee-predelami> (дата обращения: 01.09.2021).

473. *Valhaute E., PapingR., O Grada C.* The European subsistence crisis of 1845–1850: a comparative perspective // Communities Comparisons Connections. URL: <https://www.ccc.ugent.be/file/121> (дата обращения: 28.08.2021).

474. Why This NGO Was Founded// NorthKoreanRefugees.com. URL: <http://www.northkoreanrefugees.com/aboutus.html> (дата обращения: 28.08.2021).

475. World Report 2013: North Korea// Human Rights Watch. URL: <https://www.hrw.org/world-report/2013/country-chapters/north-korea> (дата обращения: 28.08.2021).